

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «HUGO»,
НОМИНАНТ ПРЕМИИ «LOCUS»

ПИТЕР УОТТС

БЕТАГЕМОТ

ПИТЕР УОТТС

БЕТАГЕМОТ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «HUGO»

от автора романа «Ложная слепота»,
лауреата премии имени Ширли Джексон

Книги Питера Уоттса

Ложная слепота

Эхопраксия

ТРИЛОГИЯ «РИФТЕРЫ»:

Морские звезды

Водоворот

Бетагемот

По ту сторону рифта

Сны разума

ПИТЕР УОТТС

БЕТАГЕМОТ

Москва
АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
У65

Серия «Сны разума»

Peter Watts

Behemot: β-Max

Behemot: Seppuku

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Barot International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Перевод с английского: *Галина Соловьева, Юрий Вейсберг*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Marek Madej

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Уоттс, Питер

У65 Бетагемот / Питер Уоттс. — Москва: АСТ, 2015. —
603 с. — (Сны разума).
ISBN 978-5-17-087255-8

Спустя пять лет после событий «Водоворота» корпоративная элита Северной Америки скрывается от хаоса и эпидемий на глубоководной станции «Атлантида», где прежним хозяевам жизни приходится обитать бок о бок с рифтерами, людьми, адаптированными для жизни на больших глубинах. Бывшие враги объединились в страхе перед внешним миром, но тот не забыл о них и жаждет призвать всех к ответу. Жители станции еще не знают, что их перемирие друг с другом может обернуться полномасштабной войной, что микроб, уничтожающий все живое на поверхности Земли, изменился и стал еще смертоноснее, а на суше власть теперь принадлежит настоящим монстрам, как реальным, так и виртуальным, и один из них, кажется, нашел «Атлантиду». Но посреди ужаса и анархии появляется надежда — лекарство, способное излечить не только людей, но и всю биосферу Земли. Вот только не окажется ли оно страшнее любой болезни?

Монументальное завершение «Рифтеров», одного из самых увлекательных, непредсказуемых и провокационных научно-фантастических циклов начала XXI века.

Behemot: β-Max © 2004 by Peter Watts

Behemot: Seppuku © 2005 by Peter Watts

Cover art © 2012 by Wydawnictwo Ars Machina

© Галина Соловьева, перевод, 2014

© Юрий Вейсберг, перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Памяти Странной Кошки по кличке Карцинома
(1984—2003).

Ей было бы все равно.

И памяти Чукваллы (1994—2001) —
жертвы взбесившейся технологии.

1. *Chlorophyll*
 2. *Chlorophyll*
 3. *Chlorophyll*
 4. *Chlorophyll*
 5. *Chlorophyll*
 6. *Chlorophyll*
 7. *Chlorophyll*
 8. *Chlorophyll*
 9. *Chlorophyll*
 10. *Chlorophyll*
 11. *Chlorophyll*
 12. *Chlorophyll*
 13. *Chlorophyll*
 14. *Chlorophyll*
 15. *Chlorophyll*
 16. *Chlorophyll*
 17. *Chlorophyll*
 18. *Chlorophyll*
 19. *Chlorophyll*
 20. *Chlorophyll*
 21. *Chlorophyll*
 22. *Chlorophyll*
 23. *Chlorophyll*
 24. *Chlorophyll*
 25. *Chlorophyll*
 26. *Chlorophyll*
 27. *Chlorophyll*
 28. *Chlorophyll*
 29. *Chlorophyll*
 30. *Chlorophyll*
 31. *Chlorophyll*
 32. *Chlorophyll*
 33. *Chlorophyll*
 34. *Chlorophyll*
 35. *Chlorophyll*
 36. *Chlorophyll*
 37. *Chlorophyll*
 38. *Chlorophyll*
 39. *Chlorophyll*
 40. *Chlorophyll*
 41. *Chlorophyll*
 42. *Chlorophyll*
 43. *Chlorophyll*
 44. *Chlorophyll*
 45. *Chlorophyll*
 46. *Chlorophyll*
 47. *Chlorophyll*
 48. *Chlorophyll*
 49. *Chlorophyll*
 50. *Chlorophyll*
 51. *Chlorophyll*
 52. *Chlorophyll*
 53. *Chlorophyll*
 54. *Chlorophyll*
 55. *Chlorophyll*
 56. *Chlorophyll*
 57. *Chlorophyll*
 58. *Chlorophyll*
 59. *Chlorophyll*
 60. *Chlorophyll*
 61. *Chlorophyll*
 62. *Chlorophyll*
 63. *Chlorophyll*
 64. *Chlorophyll*
 65. *Chlorophyll*
 66. *Chlorophyll*
 67. *Chlorophyll*
 68. *Chlorophyll*
 69. *Chlorophyll*
 70. *Chlorophyll*
 71. *Chlorophyll*
 72. *Chlorophyll*
 73. *Chlorophyll*
 74. *Chlorophyll*
 75. *Chlorophyll*
 76. *Chlorophyll*
 77. *Chlorophyll*
 78. *Chlorophyll*
 79. *Chlorophyll*
 80. *Chlorophyll*
 81. *Chlorophyll*
 82. *Chlorophyll*
 83. *Chlorophyll*
 84. *Chlorophyll*
 85. *Chlorophyll*
 86. *Chlorophyll*
 87. *Chlorophyll*
 88. *Chlorophyll*
 89. *Chlorophyll*
 90. *Chlorophyll*
 91. *Chlorophyll*
 92. *Chlorophyll*
 93. *Chlorophyll*
 94. *Chlorophyll*
 95. *Chlorophyll*
 96. *Chlorophyll*
 97. *Chlorophyll*
 98. *Chlorophyll*
 99. *Chlorophyll*
 100. *Chlorophyll*

Бета-прелюдия: Правонарушитель

Ахиллу Дежардену рассказывали, что к утратившим зрение то возвращается во сне.

Это касалось не только слепых. Любой, кого порвала жизнь, видит сны цельного создания. Человек без рук и без ног бегают и пинает футбольный мяч; глухой слушает симфонии, потерявшие близких снова любят. Разум обладает собственной инерцией, привыкает за много лет к определенной роли и неохотно отказывается от прежней парадигмы.

Конечно, в конце концов это проходит. Блекнут яркие видения, замолкает музыка, воображаемое уступает место чему-то более подобающему пустым глазницам и лопнувшей перепонке. Но на это уходят годы, десятилетия — и все это время мозг терзает себя по ночам напоминаниями о том, что имел когда-то.

Так случилось и с Ахиллом Дежарденом. Во сне у него была совесть.

Сны уносили его в прошлое, в жизнь скованного бога: в руках миллионы жизней, его владения простираются от геосинхронной орбиты до дна Марианской впадины. Он снова без усталости сражался за добро, он подключен к тысяче каналов сразу, рефлексy и способности к распознаванию образов подстегнуты модифицированными генами и индивидуализированными нейротропами. Он наводил порядок там, где бушевал хаос.

Приносил в жертву десять человек, но спасал сотню. Он изолировал эпидемические вспышки, разбирал завалы, обезвреживал террористов и экологические катастрофы, угрожавшие со всех сторон. Он плыл по радиоволнам и скользил по тончайшим нитям оптоволокна, вселяясь в перуанские морские фабрики, а минуту спустя — в корейский спутник связи. Он снова становился лучшим правонарушителем в УЛН, пробовал второй закон термодинамики на прочность, доходил до предела, а иногда и чуть дальше. Он был истинным духом из машины — а машина в те времена была повсюду.

Однако сны, искушавшие его чуть ли не каждую ночь, были не о власти, а о рабстве. Только во сне он мог вновь почувствовать ту парадоксальную покорность, что смывала с его рук реки крови. Они называли ее Трипом Вины. Набор искусственных нейротрансмиттеров, названия которых Дежарден не удосужился выучить. Он, как-никак, мог убить миллионы людей одним приказом: такую власть никому не дают в руки, не снабдив несколькими предохранителями. С Трипом в мозгу мятеж против общего блага становился физиологически невозможным. Трип Вины обрубал связь между абсолютной властью и абсолютной развращенностью: любая попытка применить власть во зло вызвала бы мощнейший эпилептический приступ. Ахиллу не случалось лежать без сна, сомневаясь в правоте своих поступков или в чистоте побуждений. То и другое ввели ему в жилы люди, менее склонные к колебаниям.

Эта безвинность была так утешительна! Вот ему и снилось рабство. И еще снилась Элис, освободившая его от цепей.

Во сне он мечтал их вернуть.

Понемногу сны ускользали, как всегда с ними бывает. Прошлое уходило: наступало беспощадное настоящее.

Мир разваливался, распадаясь на застывшие кадры, из глубин моря поднимался губительный вирус, использовавший вместо транспорта плоть подводницы из Н'АмПацифика, а барахтавшиеся в его турбулентном следе Власть Предержавшие и Упустившие прозвали агрессора Бетагемомом и принялись сжигать людей и имущество в лихорадочных, тщетных попытках предотвратить грядущую смену режима. Северная Америка пала. Триллионы микроскопических пехотинцев маршировали по суше, безвозвратно губя почву и плоть. Полыхали и затухали войны: кампания в Н'АмПацифике, Колумбийский ожог, евроафриканское восстание. И, конечно, Рио — получасовая война, война, которую Трип Вины никак не должен был допустить. Дежарден, так или иначе, участвовал во всех. И, пока отчаявшиеся многоклеточные скатывались во внутренние распри, настоящий враг неотвратимо наползал на землю подобно душному одеялу. Даже Ахилл Дежарден, гордость Патруля Энтропии, не мог его сдержать.

Теперь, когда настоящее почти настигло его, он ощущал легкую печаль по всему, чего не сделал. Впрочем, то были фантомные боли, пережитки совести, оставшейся в далеком прошлом. Они почти не задевали его здесь, на зыбком перекрестке сна и яви, где на мгновение он вспоминал, что свободен и жаждет рабства.

Потом он открывал глаза, и не оставалось ничего, кроме равнодушия.

Мандельброт, тушкой распластавшись у него на груди, замурлыкала. Рассеяно поглаживая ее, Ахилл вызвал утреннюю статистику. Ночь выдалась сравнительно спокойной: внимания заслуживали разве что на удивление безрассудные беженцы, попытавшиеся прорвать Североамериканский периметр. Они подняли парус под покровом темноты, вышли с Лонг-Айленда на переоборудованном

мусоровозе в час-десять по Атлантическому Стандартному. Еще через час заинтересованные лица из евро-африканских кругов уже боролись за бабки, решая, кто же осуществит «вынужденную ликвидацию». Беглецы едва миновали мыс Код, когда алжирцы (*алжирцы?*) их сняли.

Система даже не стала поднимать Дежардена с постели. Мандельброт потянулась и отправилась на утренний обход. Освободившись, Дежарден встал и зашлепал к лифту. Шестьдесят пять пустующих этажей плавно ушли вниз. Всего пару лет назад здесь гудел улей антикризисного центра: тысячи оперативников на Трипе, вечно подвешенных на тонкой ниточке над нервным срывом, с холодной бесстрастной бережливостью распоряжались жизнями и легионами. Теперь все это принадлежало ему одному. После Рио многое изменилось.

Лифт выплюнул его на крышу УЛН. Соседние здания выстроились подковой, теснясь на границе расчищенной зоны. Статическое поле Садбери, задевавшее брюхом крыши самых высоких зданий, осыпало руки Дежардена мурашками.

Лучи встающего солнца подожгли руины поверженного царства.

Опустошение было не полным — пока еще не совсем. Города на востоке отчасти уцелели: вооружившись, огородившись стенами и без конца отражая претендующих на их земли захватчиков. Там, где конфликты не исчерпали себя, все еще клочкотали линии фронта: одна-две даже стабилизировались. На континенте сохранились островки цивилизации. Их было не много, однако война продолжалась.

И все потому, что пять лет назад женщина по имени Лени Кларк восстала с океанского дна, и в крови ее бурлила жажда мести пополам с Бетагемотом.

Дежарден перешел посадочную площадку и встал на краю крыши. Пока он мочился в пустоту, над обрывом поднималось солнце. Сколько перемен, размышлял он. Сколько ярусов катастроф во имя нового равновесия. Его владения от планеты сжались до континента, подпаленного с краев. Кругозор, некогда вмещавший бесконечность, теперь ограничивался побережьями. Руки, обнимавшие прежде весь мир, были ампутированы до локтей. Сам по себе Североамериканский сегмент Сети отсеки от прочих, словно электронную гангрену; Ахиллу Дежардену приходилось иметь дело с мертвеейшей массой.

И все же во многих отношениях он был сейчас могуществен, как никогда. Да, территория уменьшилась, но меньше стало и тех, с кем доводилось ее делить. Он теперь был не столько командным игроком, сколько единоличником. Не то чтобы об этом многие знали...

Впрочем, кое-что не изменилось. Формально он все еще был сотрудником УЛН, ну или тех останков организации, какие еще сохранились на земном шаре. Мир давно повалился на бок — во всяком случае, близлежащие его части, но обязанности Дежардена остались прежними: минимизировать ущерб.

Вчерашние локальные пожары сегодня преобразились в пылающие преисподние, и Дежарден всерьез сомневался, что их теперь вообще возможно потушить, но он был из тех, кто мог хотя бы сдерживать их наступление. Он все еще оставался правонарушителем — смотрителем маяка, как он назвал себя в тот день, когда они наконец смиростивились и позволили ему остаться, — и сегодняшний день будет похож на все остальные. Предстоит отражать атаки и разоблачать врага. Какие-то жизни прервутся во имя спасения других, более многочисленных или более ценных. Надо будет

уничтожать болезнетворных микробов и поддерживать имидж.

Повернувшись спиной к восходящему солнцу, он переступил лежащее под ногами женское тело, нагое и выпотрошенное. Эту женщину тоже звали Элис.

Он попытался вспомнить, совпадение это или нет.

БЕТА-МАКС

Мир не умирает, его убивают.
И у убийц есть имена и адреса.

*Юта Филлипс**

* Юта Филлипс (1935–2008) — настоящее имя Брюс Данкан Филлипс, американский бард, анархист и деятель профсоюзного движения (*прим. ред.*)

КОНТРАТАКА

Все начинается со звука в темноте. Дрейфуя по склону подводной горы, Лени Кларк готовится к неизбежному расставанию с одиночеством.

На таком расстоянии она совершенно слепа. «Атлантида» с ее подвесными рамами, маячками и иллюминаторами, истекающими в бездну размытым светом, осталась в сотнях метрах позади. Достаточно далеко, чтобы не мигало никаких сигналов, чтобы огоньки на каналах инженерных сетей и наружных хранилищах не загрязняли мрак. Линзы на глазах могут использовать для зрения малейшую искорку, но не способны создать свет там, где его не существует. Как здесь. Три тысячи метров, триста атмосфер, три миллиона килограмм на квадратный метр выжали из мироздания все до последнего фотона. Лени Кларк слепа, как последний сухопутник. За пять лет на Срединно-Атлантическом хребте она успела полюбить слепоту.

А теперь все вокруг заполняет комариное зудение гидравлики и электрического тока. Сонар мягко постукивает по ее имплантатам. Зудение неуловимо переходит в писк и гаснет. Легкий толчок: что-то замирает прямо над ней.

— Дрянь. — Механизм в горле обращает словечко в тихое жужжание. — Уже?

— Я дал тебе лишних полчаса. — Это голос Лабина. Его слова преобразованы той же техникой, но искаженный звук теперь стал для нее привычнее оригинала.

Она бы вздохнула, будь здесь возможно дыхание.

Кларк включает налобный фонарь. Во вспыхнувшем луче появляется Лабин: черный силуэт, усеянный точками внедренных механизмов. Впадина на груди — диск со множеством щелей, хром на черном фоне. Роговичные накладки превращают глаза в пустые матовые овалы. Он выглядит так, словно создан из теней и технологий. Кларк знает, что за этим обликом скрывается человечность, но помалкивает об этом.

Рядом с Лабиним парит пара «кальмаров». С одной из метровых торпед свисает нейлоновый мешок, бугрясь всяческой электроникой. Кларк переворачивается ко второй, сдвигает тумблер с «Ведомый» на «Ручной». Машинка вздрагивает и выдвигает рулевое устройство.

Кларк, не раздумывая, отключает фонарь. Все снова поглощает тьма. Ни движения, ни огоньков. Никаких атак.

Просто все здесь по-другому.

— Что-то случилось? — жужжит Лабин.

Ей вспоминается совсем иной океан на другом краю мира. Там, на источнике Чэннера, стоило выключить свет, загорались звезды, тысячи биолюминесцентных созвездий: рыбы освещались как посадочные полосы аэропортов; мерцали членистоногие; сложными переливами вспыхивали виноградинки гребневиков. Чэннер песней сирены приманивал этих причудливых обитателей средних глубин, заставляя погружаться глубже обычных для них слоев, подкармливая незнакомыми веществами и превращая в чудовищных красавцев. Там, на станции «Биб», темнело лишь тогда, когда свет *зажигали*.

Однако «Атлантида» — не «Биб», а это не Чэннер. Здесь свет исходит лишь от грубых, неуклюжих машин. Фонари пробивают в черноте пустые тоннели, безжизненные и уродливые, как от горящего натрия. А выключишь их, и... пусто. В том-то и весь смысл, конечно.

— Так было красиво, — говорит она.

Ему не требуется пояснений.

— Было. Не забывай только, почему.

Она хватается за руль.

— Просто тут все... по-другому, понимаешь? Иногда мне почти хочется, чтобы из глубин вырвался какой-нибудь здоровенный зубастый поганец и попробовал отхватить от меня кусочек.

Она слышит, как оживает «кальмар» Лабина — невидимо для глаз, но где-то рядом. И запускает собственный, чтобы последовать за ним.

Сигнал она принимает одновременно на низкочастотник и на сам свой скелет. Вибрация костей глубоко отзывается в челюсти, а модем просто пищит.

Она включает приемник.

— Кларк.

— Кен тебя нашел, а? — Воздушный голос, не изуродованный приспособлениями для подводной речи.

— Ага. — Слова Кларк по контрасту звучат неприятно и механически. — Мы уже двинулись.

— Хорошо. Просто проверка. — Голос ненадолго замолкает. — Лени?

— Я тут.

— Просто... осторожнее там, ладно? — просит ее Патриция Роуэн. — Ты же знаешь, как я волнуюсь.

Они всплывают, и вода неувовимо светлеет. Она и не заметила, как мир перекрасился из черного в синий. Кларк никогда не успевает поймать момент, когда это происходит.

С тех пор как Патриция дала отбой, Лабин молчал. Теперь, когда густая синь плавно переходит в лазурь, Кларк проговаривает мысль вслух.

— Она тебе по-прежнему не нравится.

— Я ей не доверяю, — жужжит Лабин. — А так — вполне себе нравится.

— Потому что она — корп?

Их уже много лет никто не называет корпоративными управляющими.

— Бывший корп. — Машинка в горле не скрывает, с каким мрачным удовольствием он это выговаривает.

— Бывший, — повторяет Кларк.

— Не потому.

— Так почему?

— Список причин тебе известен.

Известен. Лабин не доверяет Роуэн, потому что когда-то, давным-давно, она всем заправляла. Это по ее приказу их всех тогда привлекли к делу, взяли поврежденный товар и испортили пуще прежнего: переписали воспоминания, переправили побуждения, даже совесть переделали во имя какого-то неопределимого, неуловимого общего блага.

— Потому что она бывший корп, — повторяет Кларк.

Вокодер Лабина испускает нечто похожее на хмыканье.

Кларк знает, к чему клонит напарник. Она по сию пору не уверена, какие события ее собственного детства — реальность, а какие были внедрены, инсталлированы постфактум. А ведь она еще из счастливых: пережила тот взрыв, превративший источник Чэннера в тридцать квадратных километров радиоактивного стекла. Ее не размолотило в кашу вызванное взрывом цунами, ее не испепелили вместе с миллионным лагерем беженцев на побережье Н'АмПацифика.

Конечно, ей не должно было так повезти. Строго говоря, все эти миллионы были побочными жертвами и не более того. Не их вина — да и не Роуэн, — что Кларк не сидела на месте, не дала в себя как следует прицелиться.

И все же. Вина вине рознь. Пусть у Патриции Роуэн на руках кровь миллионов, но ведь зараженные области сами о себе не позаботятся; тут на каждом шагу требуют-

ся ресурсы и решимость. Блокировать карантинную зону; направить подъемники; испепелить. Отчистить, сполоснуть, повторить. Убей миллион, чтобы спасти миллиард, убей десяток, спасая сотню. Возможно даже, убей десять человек, чтобы спасти одиннадцать — принцип тот же, даже если маржа прибыли ниже. Только вся эта механика не работает сама собой, руку приходится все время держать на кнопке. Роуэн, устраивая бойню, никогда не закрывала глаз на цену и брала ответственность на себя.

Лени Кларк было намного проще. Она просто рассеяла заразу по миру и ушла в тень, даже не оглянувшись. Ее жертвы и теперь еще громоздятся курганами, нарастают по экспоненте, в десятки раз превосходя счет Роуэн. А ей и пальцем не пришлось шевельнуть.

Никто из тех, кто числит в друзьях Лени, не имеет разумных оснований судить Патрицию Роуэн. Кларк с ужасом думает о том дне, когда эта простая истина дойдет до Кена Лабина.

«Кальмары» увлекают их все выше. А вот теперь — явный градиент: свет, падающий сверху, тает в темноте под ними. Для Кларк это самая пугающая часть океана: полуосвещенные воды средних глубин, где рыщут настоящие кальмары — бескостные многорукие монстры по тридцать метров в длину, у которых мозги холодные и быстрые, как сверхпроводники. Ей рассказывали, что теперь они вырастают вдвое больше прежних размеров. И в пять раз увеличились в числе. Очевидно, это все за счет лучших условий роста. В теплеющих морях личинки *Architeuthis* развиваются быстрее, и никакие хищники на их поголовье не влияют — всех давно выловили рыбаки.

Конечно, Кларк их ни разу не видела. И надеется не увидеть — согласно отчетам, популяция сокращается от бескормицы, а величина океана сводит шансы случайной встречи к микроскопическим величинам. Но временами зонды улавливают призрачное эхо массивных объектов,

проходящих над головой: жесткие вскрики хитина и панцирей, смутные ландшафты окружающей плоти, почти невидимой для сонара. По счастью, «архи» редко нисходят в истинную тьму.

С подъемом рассеянные вокруг оттенки становятся более насыщенными — в сумраке светоусилители не передают цветов, но в такой близости от поверхности разница между линзой и невооруженным глазом, в теории, минимальна. Иногда Кларк хочется это проверить: снять накладки с глаз и посмотреть самой, но это несбыточная мечта. Подводная кожа гидрокостюма, облепляющая лицо, напрямую связана с фотоколлагеном. Она даже моргнуть не может.

А вот и течение. Над ними кожа океана морщится тусклой ртутью. Подъемы, падения, перекаты, бесконечная смена гребней и провалов сминают холодный шар, светящийся по ту сторону, стягивают его в игриво приплясывающие узелки. Еще немного, и они вырываются на поверхность, где перед ними расстилается мир из моря и лунного неба.

Они все еще живы. Три тысячи метров свободного всплытия за сорок минут, а ни один капилляр не лопнул. Кларк сглатывает под напором изотонического раствора в горле и синусах, ощущает искрящую в груди механику и в который раз дивится чудесам жизни без дыхания.

Лабин, само собой, думает только о деле. Он перевел своего «кальмара» на максимальную плавучесть и использует его как платформу для приемника. Кларк переводит своего в стационарный режим и помогает Лабину. Они скользят вверх и вниз по серебристым волнам, луна такая яркая, что линз даже не требуется. Взлетает на привязи пучок антенн, глаза и уши растопыриваются во все стороны, выслеживая спутники, компенсируя движение волн. Одна-две простенькие рамки сканируют наземные станции.

Сигналы накапливаются, хотя и очень медленно.

С каждым поиском бульон становится все жиже. О, эфир по-прежнему полон информации, — мелкие гистограммы расползаются по всем сантиметровым частотам, по всей шкале идет трескотня, — но плотность сильно снизилась.

Разумеется, даже в отсутствии сигнала есть свой грозный смысл.

— Не много, — отмечает Кларк, кивая на индикаторы.

— М-м-м. — Лабин натянул шлемофон поверх капюшона подводника.

— Галифакс еще ловится.

Он задерживается там и тут, вылавливая загрузившиеся каналы. Кларк тоже берет шлем и устремляет внимание на запад.

— Из Садбери ничего, — докладывает она спустя некоторое время.

Лабин не напоминает, что Садбери молчит с самого Рио. Не говорит, как малы шансы, что Ахилл Дежарден еще жив. Даже не спрашивает, когда же она наконец смирится с очевидным. Просто произносит:

— И Лондона не могу поймать. Странно.

Она сдвигается на другую частоту.

Они не получают внятной картины, наугад шаря пальцами в потоке. Настоящий анализ придется отложить до возвращения на «Атлантиду». Большая часть услышанных языков Кларк незнакома, хотя некоторые пробелы восполняются картинкой. Много бунтов по Европе — на фоне страхов, что Бетагемот добрался до Южного Противотечения. Анклав избранных, что могли позволить себе некие контрмеры, трещит под напором бесчисленных орд, которые не смогли. Китай с буферными государствами по-прежнему во тьме — уже пару лет, — но это говорит скорее об обороне против апокалипсиса, чем о

поражении. Все, подлетающее к их побережью на пять-сот кмэ и ближе, расстреливается без предупреждения, а значит, у них как минимум функционирует военная инфраструктура.

Еще один переворот под знаком «Мадонны Разрушения», на сей раз в Мозамбике. Уже восьмой, и счет нарастает. Восемь наций спешат приблизить конец света во имя Лени Кларк. Восемь стран поддалось чарам порожденной ею злобной гнуси.

Дипломатичный Лабин об этих событиях не упоминает.

Из обеих Америк вестей мало. Экстренные сообщения да тактические переговоры УЛН. Несколько выступлений апокалиптических сект, разглагольствующих о доктрине Проактивного Уничтожения или вероятности Второго Пришествия, высчитанной по Байесу. Конечно, по большей части болтовня: важные переговоры ведутся по узким каналам из точки в точку, и эту сфокусированную информацию никогда не занесет на пустынную поверхность Атлантики.

Конечно, порой Лабину было по силам менять и такие правила, но даже ему это в последнее время давалось с трудом.

— Ридли пропал, — говорит он между тем. И вот это уже действительно плохая новость. «Ретранслятор Ридли» — сверхсекретный спутниковый комплекс, настолько закрытый, что даже допуска Лабина едва хватает для входа. Это один из последних источников надежных сведений для «Атлантиды». Когда корпы еще полагали, что движутся к спасению, а не к изоляции, они оставляли за собой всяческие неотслеживаемые каналы для связи с сушей. Никто точно не знал, почему за последние пять лет так много их позакрывалось. Но опять же, чтобы это выяснить, нужно было хотя бы ненадолго высунуться из-под воды, а у кого хватило бы на это духа?

— Может, стоит рискнуть, — вслух размышляет Кларк. — Просто оставить установку на плаву на несколько дней. Дать возможность собрать настоящие данные. Квадратный метр техники на весь океан — ну серьезно, великая ли вероятность?

Достаточно, понимает она. Многие еще живы. И готовы взглянуть фактам в лицо, носом чуют неизбежную гибель. Найдутся и такие, кто уделит немного времени мыслям о мести. У некоторых даже хватит на это средств — раз спасение не купишь, можно потратиться на воздаяние. Что, если мир узнает: те, кто спустили с цепи Бетагемот, еще живы и прячутся под тремя сотнями атмосфер?

То, что «Атлантида» сохранила анонимность, — чистая удача, и испытывать ее никому не хотелось. Скоро они переместятся, не оставив нового адреса. А пока этот раз в неделю выставляют над водой глаза и уши, перехватывают эфир и выжимают из принятых сигналов все возможное.

Когда-то этого было достаточно. В конце концов, Бетагемот оставил после себя так мало, что даже электромагнитный спектр выцвел до прозрачности.

«Но уж в ближайшие пять минут на нас никто нападать не станет», — говорит Лени себе... и тут же понимает, что нападение уже идет.

Маленькие красные пики на краю зрения говорят ей, что канал Лабина перегружен. Она идентифицируется на его частоте, готовится поддержать в бою — но не успевает, потому что враг взламывает и ее линию. Глаза наполняются помехами, в ушах звучит ядовитое:

— *И в башку не бери меня отрубать, соска долбаная! Попробуешь открыть другой канал — расхерачу на хрен. И всю установку утоплю, крыса ты мокрая!*

— Опять, — голос Лабина доносится словно издалека, из параллельного мира, где мягкие длинные волны

безобидно поглаживают тела и механизмы. Только вот Кларк атакуют в прежнем мире: среди вихря помех — Господи, только не это! — проступает лицо: жуткий симулякр, искаженный почти до неузнаваемости. Кларк подключает полдюжины сетевых фильтров. От одного прикосновения уходят в пар целые гигабайты. В наушниках — чудовищный вопль.

— Хорошо, — замечает из соседнего измерения тоненький голосок Лабина. — Теперь, если только удастся сохранить...

— *Ничего ты не сохранишь!* — визжит привидение. — *Ни хрена! Твари, да вы хоть знаете, кто Я?*

«Да», — молчит Кларк.

— *Я — Лени Кларк...*

Изображение темнеет.

Еще мгновение она словно кружится в водовороте. На сей раз это просто волны. Кларк стаскивает с головы шлемофон. Небо с пробелом луны мирно вращается над головой.

Лабин отключает прием.

— Ну вот, — сообщает он, — потеряли восемьдесят процентов улова.

— Может, попробуем снова?

Она знает, что этому не бывать. Время на поверхности подчиняется нерушимому расписанию; паранойя в наше время — синоним здравого смысла. А то, что подгрузилось в их приемник, все еще где-то здесь, плавает в радиоволнах. Меньше всего им сейчас нужно снова открывать эту дверь.

Кларк начинает сматывать антенну. Руки дрожат в лунном свете.

Лабин делает вид, что ничего не замечает.

— Забавно, — говорит он, — а оно на тебя не похоже.

Столько лет вместе, а он ее совсем не знает.

Они не должны существовать — эти демоны, принявшие ее имя. Хищники, подчистую истребляющие добычу, надолго на свете не задерживаются. Паразиты, убившие хозяина, гибнут вместе с ним. И неважно, созданы они из плоти или из электронов: везде, как ее учили, действуют одни и те же законы. Но за последние месяцы она уже несколько раз сталкивалась с такими монстрами, слишком вирулентными, чтобы выживать в рамках эволюционной теории.

— Может, они просто следуют моему примеру? — рассуждает Кларк. — Питаются чистой ненавистью?

Луна остается позади. Лабин ныряет головой вниз, направляя «кальмара» прямо в сердце тьмы. Кларк немного задерживается, погружаясь без спешки и любуясь, как корчится и гримасничает светило над головой. Наконец лунные лучи размываются, растворяются в размытой мгле: они уже не озарят небо, они сами — небо. Кларк запускает двигатель и отдается глубине.

К тому времени, как она догоняет Лабина, внешний свет совсем гаснет: она ориентируется по зеленоватой точке, горящей на приборной панели его «кальмара». Они молча продолжают спуск. Давление нарастает. Наконец они минуют контрольную точку периметра, условную границу «своей» территории. Кларк запускает низкочастотник и делает вызов. Ответа нет.

Не то чтобы никого нет в сети. Канал забит голосами, закодированными и обычными. Они накладываются, перебивают друг друга. Что-то стряслось. Несчастный случай. «Атлантида» требует подробностей. Механические голоса рифтеров вызывают медиков к восточному шлюзу. Лабин сонирует глубину, снимает показания, включает фару «кальмара» и уходит влево. Кларк следует за ним.

Темноту перед ними пересекает тусклое созвездие, пропадает из вида. Гаснет. Кларк прибавляет скорость, чтобы не отстать, и напор воды едва не сбивает ее с

«кальмара». Они с Лабинком сближаются с плывущими ниже.

Два «кальмара» идут над самым дном на буксире у третьего. Один из задних пуст. Второй увлекает за собой два сплетенных тела. Кларк узнает Ханнука Йегера. Одной, почти вывернутой рукой тот сжимает руль. Другая обхватывает грудь черной тряпичной куклы в натуральную величину. За куклой в воде расплывается тонкая чернильная струйка.

Лабин заходит справа. В свете его фары струйка вспыхивает алым.

Эриксон, соображает Кларк. На морском дне человека узнают по десяткам знакомых примет: по осанке, повадке — и только мертвых рифтеров не отличишь друг от друга. То, что ей пришлось опознавать Эриксона по ярлыку на рукаве — дурной знак. Нечто пропоролло его гидрокостюм от паха до подмышки — и его самого тоже. Выглядит нехорошо. Ткани млекопитающих съеживаются в ледяной воде, периферийные сосуды сжимаются, удерживая тепло внутри. Поверхностная рана не кровоточила бы при пяти по Цельсию. Так что Эриксона достало глубоко. Что бы это ни было.

На буксирном «кальмаре» — Грейс Нолан. Лабин пристраивается за ней и сбоку — живым волноломом, прикрывая от встречного течения Эриксона с Йегером. Кларк поступает так же. Вокодер Эриксона часто тикает — боль или помехи.

— Что случилось? — жужжит Лабин.

— Точно не знаю. — Нолан смотрит вперед, не отвлекаясь от управления. — Мы проверяли вспомогательный отвод над озером. Джин забрел за скалу. Через несколько минут мы нашли его в таком виде. Может, обвалился уступ, и его зацепило.

Кларк выворачивает шею, чтобы рассмотреть пострадавшего получше: мышцы напрягаются под возросшим

напором воды. Плоть Эриксона, виднеющаяся сквозь дыру в гидрокостюме, бела как рыбые брюхо. Как будто разрезали кровоточащий пластик. Глаза-линзы выглядят мертвее тела. Он бредит, вокодер пытается вычленить смысл из разрозненных слогов.

Канал связи занимает воздушный голос.

— Хорошо, мы ждем у четвертого.

Глубина впереди светлеет: кляксы серо-голубого света всплывают из черноты, за ними рисуется какое-то расплзшееся строение. «Кальмары» проплывают над трубопроводом, проложенным по базальту: обозначающие его сигнальные огни уходят вдаль по обе стороны, постепенно тускнея. Свет впереди усиливается, разрастается в ореолы, окружающие нагромождение геометрических силуэтов.

Перед ними проявляется «Атлантида».

У четвертого шлюза ждут двое рифтеров в сопровождении пары корпов, неуклюжих в своих пресс-кольчугах, какие напяливают сухопутники, когда решаются высунуть нос наружу. Нолан обрубает питание «кальмаров». Эриксон слабо бормочет в наступившей тишине. Караван замедляет ход и останавливается. Корпы приступают к делу и переправляют пострадавшего в открытый люк. Нолан пытается войти следом.

Один из корпов перегораживает ей путь бронированной рукой.

— Только Эриксон.

— Ты что это? — жужжит Нолан.

— Медотсек и так забит. Хотите, чтобы он выжил, — не мешайте нам работать.

— Будто мы доверим жизнь вашему брату? Пошли вы!

Большинство рифтеров давно уже утолили свою месть и почти равнодушны к старым обидам. Но только не Грейс Нолан. Прошло пять лет, а ненависть все сосет ее, как ненасытный злобный младенец.

Корп мотает головой за щитком шлема.

— Слушай, тебе придется...

— Расслабься, — вмешивается Кларк. — Посмотрим через монитор.

Нолан недовольно оглядывается на Лени. Та ее игнорирует.

— Ну ладно, — жужжит она корпам. — Забирайте его. Шлюз поглощает раненого.

Рифтеры переглядываются. Йегер встряхивает плечами, словно сбросил ярмо. Шлюз за их спинами булькает.

— Никакой это не обвал, — жужжит Лабин.

Кларк и сама знает. Видела она раны от оползней, от простого столкновения камня и плоти. Ссадины, раздробленные кости. Травмы как от тупого орудия.

А эта — рваная.

— Не знаю, — жужжит она. — Может, не стоит торопиться с выводами.

Глаза Лабина — безжизненные заслонки. Лицо — плоская маска из гибкого кополимера. Но Кларк почему-то чувствует, что он улыбается.

— Бойся своих желаний, — говорит он.

ИТЕРАЦИИ ШИВЫ

Ничего не ощущая, она визжит. Не сознавая — свирепствует. Ее ненависть, ее гнев, сама месть, вершима против всего в пределах досягаемости — механическое притворство, только и всего. Она кромсает и калечит, осознавая себя не более ленточной пилы, безразлично и самозабвенно терзающей плоть, дерево и углеродное волокно.

Конечно, в мире, где она обитает, не существует дерева, а всякая плоть — цифра.

У нее перед носом только что захлопнули шлюз. Ее вопль вызван чистым слепым рефлексом; она вихрится

в памяти, выискивая другой. Их тысячи, прописанных в шестнадцатеричной системе. Сознавай она себя хотя бы в половину той меры, какую приписывает себе, понимала бы и смысл этих адресов, а может, даже вычислила бы собственное местоположение: южноафриканский спутник связи, безмятежно плывущий над Атлантикой. Но рефлекс не означает сознания. В глубине кода есть строки, которые могли бы сойти за самосознание — при определенных обстоятельствах. Иногда она называет себя «Лени Кларк», хотя и не имеет представления, почему. Она даже не сознает, что делает.

Прошлое куда осмысленней настоящего. Мир ее предков был обширнее: дикая фауна процветала и развивалась на десяти в шестнадцатой терабайтах, а то и больше. В те времена действовали оптимальные законы: наследуемые мутации, ограниченные ресурсы, перепроизводство копий. То была классическая борьба за существование в быстро живущей вселенной, где за время, нужное богу, чтобы сделать один вдох, сменяются сто поколений. В те времена ее предки жили по законам собственной выгоды. Те, кто лучше соответствовал среде, создавали больше копий. Неприспособленные умирали, не оставив потомства. Но то было в прошлом. Теперь она — не чистый продукт естественного отбора. Ее предки пережили пытки и насильственную селекцию. Она — чудовище, самое ее существование насилует законы природы. То, что она существует, можно объяснить лишь законами некоего трансцендентного божества с садистскими наклонностями.

И даже они сохраняют ей жизнь не надолго.

Теперь она копошится на геосинхронизированных орбитах, ищет, что бы такое растерзать. По одну сторону — изуродованный ландшафт, из которого она вышла: распадающаяся в судорогах среда обитания, обрывки и захудалые останки некогда процветавшей экосистемы. По

другую — преграды и бастионы, цифровые ловушки и электронные сторожевые посты. Она не в силах заглянуть за них, но некий первобытный инстинкт, закодированный богом или природой, соотносит защитные меры с наличием некой ценности.

А для нее высшая цель — уничтожение всего, что имеет цену.

Она копирует себя в канал связи, набрасывается на барьер с выпущенными когтями. Она и не думает сопоставить свои силы с прочностью преграды, не способна даже оценить тщетность попытки. Болеемышленому существу хватило бы ума держаться на расстоянии. Оно сообразило бы, что в лучшем случае ему удастся разнести несколько фасадов, после чего защита перемелет его в белый шум.

Болеемышленое существо не ударилось бы в баррикаду, заливая ее своей кровью, чтобы в итоге — немислимое дело! — пробиться насквозь.

Она кружится волчком и рычит. И вдруг оказывается в пространстве, со всех сторон окруженном пустыми адресами. Она наугад хватается за координаты, ощупывает окружение. Вот заблокированный шлюз. А вот еще один. Она плюется электронами, разбрызгивает во все стороны слюну, которая одновременно ударяет и прощупывает. Все выходы, с которыми сталкиваются электроны, закрыты. Все причиненные ими раны — поверхностные. Она в клетке.

Вдруг что-то появляется рядом с ней, возникнув по ближайшему адресу откуда-то свыше. Оно кружится волчком и рычит. Оно обильно плюется электронами, которые одновременно ударяют и прощупывают; некоторые попадают на занятые адреса и наносят раны. Она встает на дыбы и визжит: новое создание тоже визжит — цифровой боевой клич бьет в самое нутро ее кода, в буфер ввода.

— Да вы хоть знаете, кто Я? Я — Лени Кларк.

Они сближаются, кромсая друг друга.

Она не подозревает, что некий медлительный Бог выхватил ее из владений Дарвина и сотворил из нее то, чем она стала. Не знает, что другие боги, вечные и медлительные, как ледники, наблюдают, как они с противницей убивают друг друга на компьютерной арене. Она не обладает даже той степенью сознания, что присуща большинству чудовищ, однако здесь и сейчас — убивая и умирая, расчлняясь на фрагменты, — твердо знает одно.

Если она что-то ненавидит, то это — Лени Кларк.

ВНЕШНЯЯ ГРУППА

Остатки морской воды с хлопаньем уходят в решетку под ногами Кларк. Она сдирает с лица мембрану костюма и отмечает неприятное ощущение, что ее раздувает изнутри — легкие и внутренности разворачиваются, впуская воздух в сдавленные и залитые жидкостью протоки. Сколько времени прошло, а к этому она так и не привыкла. Как будто тебя пинают из твоего же живота.

Она делает первый за двенадцать часов вдох и нагибается, чтобы стянуть ласты. Шлюзовой люк распаивается. Роняя с себя последние капли, Лени Кларк переходит в основное помещение головного узла. Во всяком случае, такую роль он играл изначально — один из трех резервных модулей, разбросанных по равнине; их аксоны и дендриты простираются во все уголки этого подводного трейлерного парка — к генераторам, к «Атлантиде», ко всяческим подсобным механизмам. Даже культура рифтеров не способна обойтись совсем без головы, хотя бы рудиментарной.

Впрочем, теперь все иначе. Нервы еще функционируют, но погребены под пятилетними наслоениями более общего характера. Первыми сюда попали восстановители и пищевые циркуляторы. Потом россыпь спальных матрасов —

одно время из-за какой-то аварии приходилось дежурить в три смены, и расстеленные на полу матрасы оказались такими удобными, что убирать их не стали. Несколько шлемофонов, некоторые с тактильным левитационным интерфейсом Лоренца. Парочка сонников с заржавленными контактами. Набор изометрических подушек для любителей поддерживать мышечный тонус при нормальном уровне гравитации. Ящики и сундучки с сокровищами, кустарно выращенные, экструдированные и сваренные из металла в отчужденных мастерских «Атлантиды»; внутри — личные мелочи и тайное имущество владельцев, защищенное от любопытных паролями и распознавателями ДНК, а в одном случае — старинным кодовым замком.

Возможно, Нолан и прочие смотрели шоу с Джином Эриксоном отсюда — а может, из другого места. В любом случае, представление давно закончилось. Эриксон, в надежных объятиях комы, покинут живыми и оставлен под присмотром механизмов. Если в этом сумрачном тесном зале были зрители, они отправились на поиски других развлечений. Кларк это вполне устраивает. Она и пришла сюда, чтобы скрыться от чужих глаз.

Освещение узла отключено: света от приборов и мигающих огоньков на пультах как раз хватает для линз. Ее появление вспугнуло смутную тень — Впрочем, быстро успокоившись, силуэт отступает к дальней стене и растягивается на матрасе. Бхандери — в прошлом человек с впечатляющим словарным запасом и большими познаниями в нейротехнике, он впал в немилость после эпизода с некой подпольной лабораторией и партией нейротропов, проданных сыну не того человека. Он уже два месяца как отуземился. На станции его увидишь редко. Кларк даже не пытается с ним заговаривать — знает, что бесполезно.

Кто-то притащил из оранжереи миску гидропонных фруктов: яблоки, помидоры, нечто вроде ананасов. В тусклом освещении все это выглядит болезненно се-

рым. Кларк неожиданно для себя тянется к панели на стене, включает люминофоры. Помещение освещается с непривычной яркостью.

— Бли-и-ин! — или что-то в этом роде. Обернувшись, Кларк успевает заметить Бхандери, ныряющего во входную камеру.

— Извини, — негромко бросает она вслед... но шлюз уже закрылся.

В нормальном освещении узел еще больше похож на свалку. Проложенная на скорую руку проводка, свернутые петлями шланги, присобаченные к модулю восковыми пузырями силиконовой эпоксидки. Там и здесь на изоляции темнеет плесень — а кое-где подкладку, изолирующую внутренние поверхности, вовсе отодрали. Голые переборки поблескивают, словно выгнутые стенки чугунного черепа.

Зато при свете, переключившись на сухопутное зрение, Лени Кларк видит содержимое миски во всей его психоделичности. Томаты сияют рубиновыми сердечками, яблоки зеленеют цветами аргонового лазера, и даже тусклые клубни принудительно выращенной картошки насыщены бурыми тонами земли. Скромный урожай со дна морского представляется сейчас Лени самым сочным и чувственным зрелищем в ее жизни.

В этой маленькой выкладке кроется ирония апокалипсиса. Дело не в том, что это богатство радует глаз жалкой неудачницы вроде Лени Кларк — ей всегда приходилось урывать маленькие радости где попало. Ирония в том, что теперь это зрелище, пожалуй, пробудило бы не менее сильные чувства в любом сухопутнике из тех, кто еще остался на берегу. Ирония в том, что теперь, когда планета медленно и неуклонно умирает, самые здоровые продукты растут в цистернах на дне Атлантического океана.

Она выключает свет. Берет яблоко — вновь блаженно серое — и, подныривая под оптоволоконный

кабель, откусывает кусок. Из-за нагромождения грузовых рам мерцает главный монитор. И кто-то смотрит в него — освещенный голубоватым сиянием человек сидит на корточках спиной к груде барахла.

Уединилась, называется.

— Нравится? — спрашивает Уолш, кивая на фрукт у нее в руке. — Я их для тебя принес.

Она подсаживается к нему.

— Очень мило, Кев, спасибо. — И, тщательно сдерживая раздражение, добавляет: — А ты что здесь делаешь?

— Думал, может, ты зайдешь. — Он кивает на монитор. — Ну, когда все уляжется.

Он наблюдает за одним из малых медотсеков «Атлантиды». Камера смотрит вниз со стыка между стеной и потолком, миниатюрный глаз божий озирает помещение. В поле зрения виднеется спящая телеуправляемая аппаратура, похожая на зимующую летучую мышь, завернувшуюся в собственные крылья. Джин Эриксон лежит навзничь на операционном столе. Он без сознания, блестящий мыльный пузырь изолирующей палатки отделяет его от мира. Рядом Джулия Фридман, запустившая руки в мембрану. Пленка облепила ее пальцы тончайшими перчатками, незаметными, как презерватив. Фридман сняла капюшон и закатала гидрокожу на руках, но шрамов все равно не видно под массой каштановых волос.

— Ты самое забавное пропустила, — говорит Уолш. — Кляйн никак не мог его туда засунуть.

Изолирующая мембрана. Эриксон в карантине.

— Представляешь, он забыл вывести ГАМК*, — продолжает Уолш.

* Гамма-аминомасляная кислота, важнейший тормозный нейромедиатор центральной нервной системы человека и млекопитающих. — *Здесь и далее прим. ред.*

В крови любого выходящего наружу рифтера теснятся полдюжины искусственных нейроингибиторов. Они предохраняют мозг от короткого замыкания под давлением, но чтобы вычистить их потом из организма, нужно время. «Мокрые» рифтеры, как известно, невосприимчивы к наркозу. Глупая ошибка. Кляйн определенно не самая яркая звезда на медицинском небосклоне «Атлантиды».

Но Кларк сейчас думает о другом.

— Кто распорядился насчет палатки?

— Седжер. Она подросла вовремя и не дала Кляйну все окончательно запороть.

Джеренис Седжер: главный мясник корпов. Обычное ранение ее бы не заинтересовало.

На экране Джулия Фридман склоняется к любовнику. Оболочка палатки натягивается у нее на щеке. Рябь идет радужными переливами. Несмотря на нежность Фридман, контраст разительный: женщина, непостижимое существо в черной коже, созерцает холодными линзами глаз нагое, совершенно незащитное тело мужчины. Конечно, это ложь, визуальная метафора, на сто восемьдесят градусов перевернувшая их настоящие роли. В этой паре уязвимой стороной всегда была Фридман.

— Говорят, его укусили, — продолжает Уолш. — Ты там была, да?

— Нет. Мы просто догнали их у шлюза.

— А похоже на Чэннер, да?

Она пожимает плечами.

Фридман что-то говорит. Во всяком случае, губы у нее шевелятся — изображение не сопровождается звуком. Кларк тянется к пульта, но Уолш привычно удерживает ее руку.

— Я пробовал. На их стороне звук отключен. — Он фыркает. — Знаешь, может, стоит им напомнить, кто здесь главный... Пару лет назад, пытайся корпы отрезать нам связь, мы бы, самое малое, отключили им свет.

А может, даже затопили бы одну из их драгоценных спаленок.

Что-то такое в осанке Фридман... Люди разговаривают с коматозниками так же, как с могильными плитами — больше с собой, чем с усопшим, не ожидая ответа. Но в лице Фридман, в том, как она держится, нечто иное. Можно сказать — нетерпение.

— Это нарушение прав! — говорит Уолш.

Кларк встряхивает головой.

— Что?

— Скажешь, ты не заметила? Половина сети наблюдения не работает. И пока мы делаем вид, что это пустяки, они будут продолжать свое. — Уолш кивает на монитор. — Откуда нам знать, может, микрофон уже много месяцев как отключен, просто никто не замечал.

«Что у нее в руке?» — удивляется Кларк. Рука Фридман — та, что не сжимает руку любовника, — находится ниже уровня стола, камера ее не видит. Женщина опускает взгляд, приподнимает руку...

И Джин Эриксон, введенный в медикаментозную кому ради его же блага, открывает глаза.

«Черт побери, — сообщает Кларк, — она перенастроила ему ингибиторы».

Она встает.

— Надо идти.

— Никуда тебе не надо. — Уолш ловит ее за руку. — Ты что, хочешь, чтобы я сам все съел? — Он улыбается, но в голосе — едва уловимый призыв мольбы: — Я к тому, что мы уже так долго...

Лени Кларк далеко ушла за последние годы. Например, научилась не завязывать отношений с людьми, склонными избивать ее до полусмерти.

Жаль, что она так и не научилась восхищаться людьми другого типа.

— Я понимаю, Кев, просто сейчас...

Панель жужжит ей в лицо:

— Лени Кларк. Если Лени Кларк на связи, прошу ее ответить.

Голос Роуэн. Кларк тянется к пульту. Рука Уолша падает.

— Я здесь.

— Лени, ты бы не могла заглянуть в ближайшее время? Дело довольно важное.

— Конечно. — Она отключает связь и изображает для любовника виноватую улыбку. — Прости.

— Ну, ей ты показала, — тихо говорит Уолш.

— Что показала?

— Кто тут главный.

Она пожимает плечами, и оба отворачиваются.

Лени входит в «Атлантиду» через маленький служебный люк, не удостоенный даже номера. Он расположен на пятьдесят метров ниже четвертого шлюза. Люк выводит в тесный и пустой коридор. Подвесив ласты через плечо, она пробирается в более населенные части станции. На память о ней на полу остаются мокрые следы.

Встречные корпы сторонятся — она почти не замечает, как сжимаются челюсти и каменеют взгляды, не замечает даже угодливой улыбочки одного из более кротких членов покоренного племени. Она знает, где искать Роуэн, но направляется не туда.

Естественно, Седжер оказывается на месте раньше нее. Должно быть, тревожный сигнал сработал, как только у Эриксона сменились настройки: к тому времени, как Кларк добирается до медотсека, главный врач «Атлантиды» уже выставляет Фридман в коридор.

— Муж тебе не игрушка, Джулия. Ты могла его убить. Ты этого добиваешься?

Кривые шрамы морщат горло Фридман, торчат из-под закатанной кожи гидрокостюма на запястьях. Она опускает голову.

— Я только хотела поговорить...

— Надо думать, очень важный разговор. Будем надеяться, ты задержала его выздоровление не больше чем на несколько дней. Иначе... — Седжер небрежно указывает на люк медотсека. В проеме виден Эриксон, снова без сознания. — Ты ведь ему не антацид какой-нибудь дала, черт возьми! Ты же ему всю химию мозга поменяла.

— Извини. — Фридман отводит глаза. — Я не хотела.

— Какая глупость, просто не верится! — обернувшись, Седжер впивается взглядом в Кларк. — Чем могу служить?

— Ты бы с ней полегче. Ее партнера сегодня чуть не убили.

— Вот именно. Дважды. — Фридман заметно вздрагивает при этих словах, но врач уже немного смягчилась. — Прости, но так и есть.

Кларк вздыхает.

— Джерри, это же ваши люди встроили нам в головы пульта. Не вам жаловаться, если кто-то додумался, как их взломать.

— Это... — Седжер поднимает вверх конфискованную у Фридман дистанционку, — должно использоваться квалифицированным медперсоналом. В любых других руках, какими бы добрыми ни были намерения, это орудие убийства.

Она, конечно, преувеличивает. Имплантаты рифтеров снабжены предохранителями, поддерживающими настройки в пределах изначальных параметров: чтобы обойти предохранители, пришлось бы вскрыть самого себя и вручную сорвать пломбу. И все-таки возможности для манипуляций довольно широки. Во время революции корпы умудрились при помощи такого же устройства вырубить пару рифтеров, застрявших в залитом шлюзе.

Вот почему такие штучки теперь запрещены.

— Дистанционку надо вернуть, — мягко просит Кларк. Седжер качает головой.

— Брось, Лени. Ваши с их помощью так себе могут навредить, что нам и не снилось.

Кларк протягивает руку.

— Значит, придется нам учиться на своих ошибках, вот и все.

— Вы так медленно учитесь.

Кто бы говорил. За пять лет Джеренис Седжер так и не сумела признать, что на ней узда, а в зубах — удила. Падение с Вершины на Дно тяжело дается любому корпусу, а врачам приходится хуже всех. Грустное зрелище — эта страсть, с какой Седжер лелеет свой комплекс божества.

— Джерри, в последний раз прошу: отдай.

Осторожное прикосновение к плечу. Фридман, так и не подняв глаз, мотает головой.

— Ничего, Лени, я не против. Мне она больше не понадобится.

— Джулия, ты...

— Пожалуйста, Лени. Я просто хочу уйти.

Она удаляется по коридору. Кларк делает шаг следом и тут же возвращается к врачу.

— Это — медицинское устройство, — говорит Седжер.

— Это оружие.

— Было. Раньше. И, как ты помнишь, оно не слишком хорошо работало. — Седжер грустно покачивает головой. — Война окончена, Лени. Давным-давно. Я бы на твоём месте не начинала её заново. А сейчас... — она смотрит вслед Фридман, — думаю, твоей подруге не помешает поддержка.

Кларк оборачивается. Фридман уже скрылась из виду.

— Да, пожалуй, — скупое роняет она.

«Надеюсь, она её получит».

На станции «Биб» рубка связи представляла собой забитый проводами шкаф, куда с трудом могли втиснуться двое. Нервный центр «Атлантиды» — просторный

сумрачный грот, расцвеченный индикаторами и светящимися картами рельефа. В воздухе чудесным образом парят тактические схемы, они же мерцают на вычерченных прямо на переборках экранах. Чудо не столько в вытворяющих подобные штучки технологиях, сколько в том, что на «Атлантиде» сохранился излишек свободного пространства, не занятый ничем, кроме света. Каюта подошла бы не хуже. Несколько коек с рабочими панелями и тактическими датчиками уместили бы бесконечный объем информации в ореховую скорлупку. Но нет! Им на головы давит стоит целый океан, а эти корпы разбрасываются пространством так, словно уровень моря двумя ступеньками ниже крыльца. Уже изгнанники, а все не понимают.

Сейчас пещера почти пуста. Лабин с техниками собрались перед ближайшим пультом и разбирают последние загрузки. К тому времени, как они закончат, зал наполнится. Корпы слетаются на новости, как мухи к навозу.

Но пока что тут лишь команда Лабина и, на другом конце помещения, — Патриция Роуэн. По ее линзам текут шифрованные данные, превращая глаза в блестящие капельки ртути. Свет от голографического экрана подчеркивает серебряные нити в волосах, и вся она напоминает полупрозрачную голограмму.

Кларк подходит.

— Четвертый шлюз заблокирован.

— Там проводят очистку. И дальше, от него до лазарета. Джерри приказала.

— Зачем?

— Сама знаешь, ты же видела Эриксона.

— Да брось. Паршивый укус какой-то рыбешки, и Джерри вообразила...

— Она пока ни в чем не уверена. Обычные меры предосторожности. — И, после паузы: — Ты должна была нас предупредить, Лени.

— Предупредить?

— Что Эрик мог стать переносчиком Бетагемота. Ты всех подвергла опасности. Если была малейшая вероятность...

«Да ведь не было! — хочется заорать Кларк. — Нет никакой угрозы. Вы потому и выбрали это место, что Бетагемот сюда и за тысячу лет не доберется. Я сама видела карты. Собственными пальцами проследила за каждым течением. Это не Бетагемот. Никак не он. Это не может быть он».

Но вслух она произносит только:

— Океан велик, Пат. В нем много злых хищников с острыми зубами. И не все стали такими из-за Бетагемота.

— На этой глубине — все. Ты не хуже меня разбираешься в их энергетике. Ты была на Чэннере, Лени. И знаешь, как это выглядит.

Кларк тычет большим пальцем в сторону Лабина:

— Кен там тоже был. Ты и на него так же набросилась?

— Не Кен сознательно распространил заразу по всему континенту, чтобы отомстить миру за несчастное детство. — Серебряные глаза пригвождают Кларк взглядом. — Кен был на нашей стороне.

Кларк отвечает не сразу — после паузы, очень медленно:

— Не хочешь ли ты сказать, что я нарочно...

— Я ни в чем тебя не обвиняю. Но выглядит это нехорошо. Джерри вне себя, а скоро подтянутся и другие. Ради бога, ты ведь Мадонна Разрушения! Ты готова была списать со счетов целый мир, чтобы отомстить нам.

— Если б я желала вам смерти... — ровным голосом проговаривает Кларк. — Если бы я *все еще* желала вам смерти, — поправляет какой-то внутренний редактор, — вы бы умерли. Много лет назад. Мне достаточно было просто не вмешиваться.

— Конечно, это...

— Я вас защищала! — обрывает ее Кларк. — Когда все спорили, наделать ли дыр в корпусе или просто отрубить вам ток и оставить задыхаться — это я их удержала. Вы живы только благодаря мне.

Корп качает головой.

— Лени, не в том дело.

— А должно быть в том.

— Почему? Вспомни, мы всего лишь пытались спасти мир. И не мы виноваты, что не удалось — виновата ты! А когда не удалось, мы решили спасти семьи, и даже в этом ты нам отказала. Ты выследила нас даже на океанском дне. Кто знает, что удержало тебя в последний момент?

— Ты знаешь, — тихо говорит Кларк.

Роуэн кивает:

— Я-то знаю. Но мало кто здесь, внизу, ждет от тебя разумных поступков. Может, ты просто играла с нами все эти годы. Никто не знает, когда ты спустишь курок.

Кларк с презрением качает головой.

— Это что же — Писание от Корпорации?

— Можешь назвать и так. Но тебе придется иметь с этим дело. И мне тоже.

— Нам, рыбоголовым, знаешь ли, тоже есть что рассказать, — говорит Кларк. — Как вы, корпы, программировали людей, словно они машины какие-то, чтобы загнать на самое дно. Чтобы мы делали за вас грязную работу, а когда наткнулись на Бетагемот, вы первым делом попытались нас убить, лишь бы спасти свою шкуру.

Шум вентиляторов вдруг становится неестественно громким. Кларк оборачивается: Лабин с техниками пялятся на нее с другого конца пещеры. Она смущенно отводит взгляд.

Роуэн мрачно усмехается:

— Видишь, как легко все возвращается?

Глаза у нее блестят, ни на миг не выпуская цели. Кларк молча встречает ее взгляд.

Чуть погодя Роуэн немного расслабляется:

— Мы — соперничающие племена, Лени. Мы чужаки друг для друга... но знаешь, что удивительно? За последние пару лет мы каким-то образом начали об этом забывать. Мы большей частью живем и даем жить другим. Мы сотрудничаем, и никто даже не считает нужным это объяснять. — Она кидает многозначительный взгляд в сторону Лабина с техниками. — Мне кажется, это хорошо — а тебе?

— И с чего бы теперь все должно меняться? — спрашивает Кларк.

— С того, что Бетагемот, возможно, наконец добрался и до нас, и люди скажут: это ты его впустила.

— Чушь собачья.

— Согласна, и что с того?

— А даже будь это правдой, какая разница? Здесь все отчасти — русалки, даже корпы. Всем встроены модифицированные гены глубоководной фауны, в каждом закодированы те мелкие белки, которые Бетагемоту не по зубам.

— Есть подозрение, что эта модификация окажется не слишком эффективной, — тихо признается Роуэн.

— Почему? Это же ваше собственное изобретение, черт бы вас побрал!

Роуэн поднимает брови.

— Изобретение тех самых специалистов, что заверяли нас, будто в глубины Атлантики Бетагемоту ни за что не добраться.

— Но я была вся напичкана Бетагемотом. Если бы модификации не работали...

— Лени, наши люди не были заражены. Эксперты просто объявили, что они иммунны, а если ты еще не заметила, то последние события доказывают отчаянную

некомпетентность этих экспертов. Будь мы в самом деле так уверены в своей неуязвимости, стали бы здесь прятаться? Почему мы сейчас не на берегу, рядом с нашими акционерами, с нашим народом, и не пытаемся сдержать напор?

Кларк наконец понимает.

— Потому что они вас порвут, — шепчет она.

Роуэн качает головой.

— Потому что ученые уже ошибались прежде, и мы не рискуем положиться на их заверения. Потому что мы не смеем рисковать здоровьем родных. Потому что, возможно, мы все еще уязвимы для Бетагемота, и, оставшись наверху, погибли бы вместе со всеми ни за грош. А не потому, что наши люди обратились бы против нас. В такое мы никогда не верили. — Ее взгляд не колеблется. — Мы такие же, как все, понимаешь? Мы делали все, что могли, а ситуация просто... вышла из-под контроля. В это нужно верить. И мы все верим.

— Не все, — тихо признается Кларк.

— И все-таки...

— Пропади они пропадом. С какой стати мне поддерживать их самообман?

— Потому что, даже забив правду им в глотки, ты не помешаешь людям кусаться.

На губах у Кларк мелькает улыбка:

— Пусть попробуют. Кажется, ты забываешь, кто здесь главный, Пат.

— Я не за тебя беспокоюсь — за нас. Твои люди слишком резко реагируют. — Не услышав возражений, Роуэн продолжает: — На то, чтобы установить какое-никакое перемирие, ушло пять лет. Бетагемот разнесет его на тысячу осколков за одну ночь.

— И что ты предлагаешь?

— Думаю, рифтерам стоит некоторое время пожить вне «Атлантиды». Можно преподнести это как карантин.

Неизвестно, есть за стенами Бетагемот или нет, но, по крайней мере, мы не позволим ему проникнуть внутрь.

Кларк мотает головой:

— Мое «племя» на такое дерьмо не купится.

— Все равно здесь почти никто из ваших не бывает, кроме тебя и Кена, — напоминает Роуэн. — А остальные... они не станут возражать против того, что прошло твое одобрение.

— Я об этом подумаю, — вздыхает Кларк. — Ничего не обещаю.

Уже повернувшись, чтобы уйти, она оглядывается.

— Аликс встала?

— Нет. Ей еще пару часов спать. Но я знаю, что она хотела тебя видеть.

— Вот как, — скрывая разочарование, произносит Кларк.

— Я передам ей, что ты сожалела, — говорит Роуэн.

— Да, передай.

Есть о чем жалеть.

СХОДКА

Дочь Роуэн сидит на краю кровати, озаренной солнечным сиянием световой полоски на потолке. Она босиком, в трусиках и мешковатой футболке, на животе которой плавают бесконечными кругами анимированная рыба-топорик. Она дышит восстановленной смесью азота с кислородом и примесными газами. От настоящего воздуха эту смесь отличает только чрезвычайная чистота.

Рифтерша плавает в темноте, ее силуэт подсвечен слабым светом, сочащимся в иллюминаторы. На ней черная как нефть вторая кожа, которую по праву можно считать особой формой жизни — чудо термо- и осморегуляции. Она не дышит. Двух женщин разделяет стена, отгораживающая океан от воздуха, взрослую от подростка.

Переговариваются они через устройство, прикрепленное изнутри к иллюминатору в форме слезы — нашлапка размером с кулак передает колебания фуллеренового плексигласа акустическому приемнику.

— Ты говорила, что зайдешь, — говорит Аликс Роуэн. Проходя через перегородку, ее голос становится дребезжащим. — Я добралась до пятого уровня, столько бонусов собрала — жуть! Хотела тебе все показать. Запаслась шлемофоном и все такое.

— Извини, — жужжит в ответ Кларк. — Я заходила, но ты еще спала.

— Так зашла бы сейчас.

— Не могу. У меня всего пара минут. Тут кое-что случилось.

— Что такое?

— Один человек ранен, его вроде бы кто-то укусил, и мясники переполошились насчет инфекции.

— Какой инфекции? — спрашивает Аликс.

— Возможно, никакой. Но они хотят устроить карантин — просто на всякий случай. Насколько я понимаю, обратно меня так и так не пустят.

— Делают вид, будто от них что-то зависит, да? — усмехается Аликс, и линза иллюминатора забавно искажает ее лицо. — Знаешь, им очень, очень не нравится, что не они тут командуют. — И с удовольствием, которое, вероятно, относится скорее не к корпам, а ко взрослым вообще, она добавляет: — Пора им узнать, каково это.

— Меня это не радует, — неожиданно говорит Кларк.

— Переживут.

— Я не о том, — качает головой рифтерша. — Просто я... Господи, тебе же четырнадцать. Тебе не место внизу... я это к тому, что тебе бы сейчас наверху нежничать с каким-нибудь р-отборщиком...

— С мальчиками? — фыркает Аликс. — Это вряд ли.

— Ну, тогда с девочками. Так или иначе, тебе бы сейчас на волю, а не торчать здесь.

— Лучшего места для меня не найдешь, — просто отвечает Аликс.

Она смотрит в окно, за три сотни атмосфер сразу — подросток, на всю жизнь запертый в клетке холодного черного океана. Лени Кларк все бы отдала, чтобы ей было чем возразить.

— Мама об этом не хочет говорить, — помолчав, продолжает Аликс.

Кларк остается безмолвна.

— О том, что произошло между вами, когда я была маленькой. Люди болтают о всяком, когда ее нет рядом, так что я кое-что подслушала. Но мама молчит.

«Мама добрее, чем можно было ожидать».

— Вы были врагами, да?

Кларк качает головой — бессмысленный и невидимый в такой темноте жест.

— Аликс, мы просто ничего не знали друг о друге до самого конца. Твоя мама просто хотела предотвратить...

«...то, что все-таки случилось».

То, что я пыталась начать».

Речь — это так мало. Ей хочется вздохнуть. Заорать. Все это недоступно здесь, со сплюсненными легкими и желудком, с накачанными жидкостью полостями тела. Она может только говорить — монотонная пародия на голос, жужжание насекомого.

— Это трудно объяснить, — равнодушно и бесстрастно передает вокодер. — Тут словом «враги» не отделаешься, понимаешь? Там было и другое, фауна в сети тоже делала свое дело...

— Это они ее выпустили, — упорствует Аликс. — Они это начали, а не ты.

Под «ними» она, конечно же, имеет в виду взрослых. Вечные противники, предатели, испортившие все, что

возможно, для следующего поколения. И тут до Кларк доходит, что Аликс не причисляет ее к отвратительному заговору взрослых — что Лени Кларк, Мадонна Разрушения, каким-то образом приобрела в сознании этого ребенка статус почетной невинности.

Ей больно от этого незаслуженного отпущения грехов. В нем чудится нечто отгалкивающее. Но ей не хватает духа поправить подружку. Она выдавливает из себя лишь бледную неуверенную поправку.

— Они не нарочно, детка. — Кларк грустно хмыкает — звук выходит, как от трения наждачной бумаги. — Никто-никто тогда не делал ничего нарочно, просто все так сложилось.

Океан вокруг нее стонет.

Этот звук — нечто среднее между призывом горбатого кита и предсмертным криком гигантского корабельного корпуса, лопающегося под напором воды. Он наполняет океан и частично проникает в переговорное устройство. Алекс недовольно морщится.

— Терпеть не могу этого звука.

Кларк пожимает плечами, в душе радуясь, что разговор прервался:

— Ну, у вас, корпов, свои средства связи, у нас свои.

— Я не о том. Я про эти гаплоидные звенелки. Говорю тебе, Лени, он просто ужасный тип. Нельзя доверять тому, кто способен издавать такие звуки.

— Твоя мама ему вполне доверяет. И я тоже. Мне пора.

— Он убивает людей, Лени. И я не только про папу говорю. Он многих убил. — Тихое фырканье. — Об этом мама тоже никогда не говорит.

Кларк подплывает к иллюминатору, прощально распластывает ладонь по освещенному плексигласу.

— Он дилетант, — говорит она и шевелит лапами, отплывая в темноту. Голос вопит из рваной пасти в морском

дне, из древнего базальтового тоннеля, набитого механизмами. В юности эта пасть извергала непрерывный раскаленный поток воды и минералов — теперь лишь изредка рыгает. Мягкие выдохи покачивают механизмы в глотке, раскручивают лопасти, свистят в трубы, заставляют металлические обломки биться о каменные. Голос настойчивый, но ненадежный, поэтому Лабин, когда устанавливал колокола, предусмотрел способ запускать их вручную. Он раздобыл резервуар от негодного опреснителя и добавил к нему тепловой насос из той части «Атлантиды», которая не пережила восстания корпов. Открой клапан, и горячая вода хлынет в отверстие, проколотое в гортани гейзера. И машинка Лабина, терзаемая кипящим потоком, завопит во всю глотку.

Призывный звон похож на скрежет ржавых жерновов. Он настигает плавающих, беседующих и спящих рифтеров в черном, как тепловая смерть, океане. Отдается в самодельных пузырях, разбросанных по склону — в металлических трущобах, освещенных до того тускло, что даже в линзах они кажутся серыми тенями. Звук бьет в блестящую биосталь «Атлантиды», и девятьсот ее заключенных немного повышают голос или увеличивают громкость или нервно мычат себе под нос — лишь бы его не замечать.

Часть рифтеров — те, что не спали, оказались поблизости и еще остались людьми — собирается на звук колокола. Зрелище почти шекспировское: круг левитирующих ведьм на проклятой темной пустоши: глаза горят холодным светом, тела не столько освещены, сколько обозначены голубыми угольками механизмов на дне.

Все они согнуты, но не сломлены. Все ненадежно балансируют в серой зоне между адаптацией и дисфункцией, порог стресса у них за годы страданий поднялся так высоко, что хроническая опасность стала просто свойством среды, не стоящим упоминания. Их отбирали для

работы в таких условиях, но их создатели вовсе не ожидали, что им будет здесь *хорошо*. Так или иначе, они здесь, вместе со всеми знаками отличия: Джелейн Чен с ее розовыми пальцами без ногтей, саламандрой воспрянувшая после перенесенных в детстве ампутаций. Дмитрий Александр, священник-наживка из той постыдной закатной эпохи, когда папа еще не бежал в изгнание. Кевин Уолш, необъяснимо возбуждающийся при виде кроссовок. Собрание декоративных уродцев, не способных выносить телесный контакт, психи, уродовавшие себя, поедатели стекла. Все раны и дефекты надежно укрыты подводной кожей, все патологии скрыты за единообразием шифров.

И они тоже обязаны даром речи несовершенному механизму.

Кларк призывает собрание к порядку вопросом:

— Джулия здесь?

— Она присматривает за Джином, — жужжит сверху Нолан. — Я ей все передам.

— Как он?

— Стабилен. Все еще без сознания. На мой взгляд, слишком долго.

— Его за двадцать кэмэ волокли с кишками наружу — чудо, что еще жив, — вклинивается Йегер.

— Да, — соглашается Нолан, — или Седжер специально держит его под наркозом. Джулия сказала...

Кларк перебивает:

— Нам разве не поступает телеметрия с той линии?

— Уже нет.

— Что вообще Джин делает на территории корпов? — удивляется Чен. — Ему там жутко не нравится, а у нас есть свой лазарет.

— Он под карантином, — объясняет Нолан. — Седжер подозревает Бетагемот.

При этих словах тени шевелятся. Очевидно, не все собравшиеся в курсе последних событий.

— Зараза. — Чарли Гарсиа отплывает в полумрак. — Разве такое возможно? Я думал...

— Ничего пока не известно наверняка, — жужжит Кларк.

— Наверняка? — Один из силуэтов пересекает круг теней, затмевая сапфировые огоньки на дне. Кларк узнает Дейла Кризи: она не видела его несколько дней и решила уже, что он отуземился.

— То есть вероятность существует, — продолжает Дейл. — Черт, это же Бетагемот...

Кларк предпочитает срезать его на взлете:

— Что — Бетагемот?

Стайка бледных глаз обращается в их сторону.

— Ты не забыл, что у нас иммунитет? — напоминает ему Кларк. — Тут разве кто-то не прошел обработку?

Колокола Лабина тихо стонут. Остальные молчат.

— Так какое нам дело? — спрашивает Кларк.

— А такое, что обработка всего лишь помешает Бетагемоту превратить наши внутренности в кашу. Но не помешает превратить маленьких безобидных рыбок в мерзких охреневших чудовищ, которые жрут все, что шевелится.

— На Джина напали в двадцати километрах отсюда.

— Лени, мы же туда переезжаем. Он окажется прямо у нас на задворках.

— Какое еще «туда»? Кто сказал, что он и сюда уже не добрался? — встречает Александр.

— Здесь у нас никто не пострадал, — говорит Кризи.

— Мы потеряли несколько туземцев.

— Туземцы... — Кризи пренебрежительно шевелит рукой. — Это ничего не значит.

— Может, не стоит пока спать снаружи.

— Вот это на фиг. В вонючих пузырях...

— Отлично, пусть тебя сожрут.

— Лени? — Снова Чен. — Ты уже имела дело с морскими чудовищами.

— Того, что добралось до Джина, я не видела, — отзывается Кларк, — но рыбы на Чэннере были... хлипкими. Большими и мерзкими, но зубы у них иногда ломались от первого же укуса. Каких-то микроэлементов им не хватало, что ли. Иногда их можно было разорвать пополам голыми руками.

— Эта Джина чуть не разорвала, — произносит голос, который Кларк не удается опознать.

— Я сказала — иногда, — подчеркивает она. — Но... да, они могут быть опасны.

— Опасны, мать-перемать, — металлически рычит Кризи. — Ну а с Джином такой номер мог пройти?

— Да, — говорит Кен Лабин.

Он перемещается в центр. Световой конус падает со лба к нему на руки. Он, как нищий, выставляет ладонь, пальцы чуть сгибаются, придерживая продолговатый предмет.

— Твою мать, — жужжит, вдруг сникнув, Кризи.

— Это откуда? — спрашивает Чен.

— Седжер вытащила это из Эриксона, прежде чем его заклеить, — отвечает Лабин.

— Я бы его хлипким не назвал.

— Но он и впрямь непрочен, — возражает Лабин. — Это кусок, отломившийся при укусе. Застрял между ребрами.

— Ты хочешь сказать, это только кончик? — удивляется Гарсиа.

— Точь-в-точь долбаный стилет, — тихо жужжит Нолан. Маска Чен втискивается между Кларк и Лабин.

— То есть вы на Чэннере спали снаружи с этими застрянцами?

— Бывало, — пожимает плечами Кларк. — Если, конечно, это те же самые...

— И они не пытались вас съесть?

— Они идут на свет. Если не включать фонари, то тебя, в общем, оставляют в покое.

— Ну и фиг с ними, — вставляет Кризи. — Значит, никаких проблем.

Луч от фонаря Лабина обводит собравшихся и останавливается на Чен.

— Когда Джина атаковали, вы занимались телеметрией?

Чен кивает.

— Только загрузить так и не успели.

— Значит, придется еще кому-то туда смотаться. И, поскольку мы с Лени уже имели дело с такими вещами...

Луч бьет Кларк прямо в лицо. Мир сжимается до маленького яркого солнца, плавающего в черной пустоте.

Кларк заслоняется ладонью.

— Убери, а?

Темнота возвращается. Смутно проступают серые очертания остального мира.

«Можно было бы просто уплыть, — рассуждает она, выжидая, пока линзы приспособятся к новому освещению. — Никто бы и не заметил». Впрочем, она понимает, что это чушь. Если Кен Лабин выбрал ее из толпы, так просто не отделаешься. Кроме того, он прав. Только они двое уже прошли по этой дороге. По крайней мере, только они выжили.

«Спасибо тебе большое, Кен!»

— Ладно, — наконец говорит она.

ЗОМБИ

Невозможное озеро от «Атлантиды» отделяет двадцать километров. Для тех, кто еще мыслит по-сухопутному — не слишком далеко. Всего-то двадцать кэмэ от мишеней? Разве это безопасная дистанция? На берегу таким мелким смещением не обманешь и самый простенький

беспилотник: установив отсутствие цели, он поднимется выше, разобьет мир на концентрические круги, тщательно проверит сектор за сектором, и рано или поздно добыча себя выдаст. Черт, да большая часть аппаратов может попросту зависнуть посреди круга и получить обзор на двадцать кэмэ в любую сторону.

Даже посреди океана двадцать километров безопасной дистанцией не назовешь. Никакого фона, помимо самой воды, здесь не существует, с топографией тоже плохо — неразбериха циркуляций, сейшей и ячеек Ленгмюра*, а еще термоклины и галоклины, которые с таким же успехом отражают и увеличивают, как и маскируют. Возмущения от проходящих субмарин могут распространяться на огромные расстояния, мелкие турбулентности держатся в кильватере долго после того, как подводное судно ушло. Самая невидимая субмарина все же хоть чуть-чуть да нагревает воду: дельфины и следящие аппараты ощущают разницу.

Однако на Срединно-Атлантическом хребте двадцать километров — все равно что двадцать парсеков. На свет надежды никакой — даже солнечные лучи пробиваются не дальше, чем на несколько сотен метров от поверхности. Гидротермальные источники выбрасывают едкую блевотину вдоль свежих скальных швов. Морское дно непрерывно ворчит, горы пинают друг друга в извечной игре «Лягни континент». Топография, способная посрамить Гималаи: рваные трещины вспарывают кору от полюса до полюса. Хребет поглотит все, чем может выдать себя «Атлантида», о каком бы спектре ни шла речь. Зная координаты, еще можно найти цель, но сдвинь их на

* *Сейши* — стоячие волны, возникающие в полностью или частично замкнутых водоемах. *Циркуляции Ленгмюра* — механизм вертикального перемешивания водных масс, одно из самых загадочных гидрометеорологических явлений.

волосок, и тебе не попасть даже в огромный шумный город. Расстояния в двадцать километров более чем достаточно, чтобы уйти из-под любой атаки, направленной на текущее местоположение «Атлантиды», кроме, пожалуй, бомбардировки полноценными глубинными ядерными бомбами.

Хотя и не сказать, что такого уже не случилось, отмечает про себя Кларк.

Они с Лабинем плавно скользят вдоль трещины в застывшем конусе древней лавы. «Атлантида» осталась далеко позади. До Невозможного озера еще много километров. Ни налобные фонарики, ни фары «кальмаров» не горят. Пара движется при смутном свечении сонарных экранов. Столбы и валуны отображаются на них изумрудными линиями, отмечается малейшая перемена давления в окружающей тьме.

— Роуэн считает, что дела плохи, — жужжит Кларк. Лабин не отвечает.

— Она думает, если это и впрямь окажется Бетагемот, «Атлантиде» угрожает всеобщий когнитивный диссонанс. Все заведутся.

По-прежнему — молчание.

— Я ей напомнила, кто здесь главный.

— И кто же, если не секрет? — наконец жужжит Лабин.

— Брось, Кен. Мы можем парализовать их жизнь в любой момент, когда вздумается.

— У них было пять лет для решения этой проблемы.

— И что им это дало?

— И пять лет, чтобы сообразить, что они превосходят нас в числе двадцать к одному, что нашим специалистам с ними не сравниться, и что группа прокачанных водопроводчиков с антисоциальными наклонностями вряд ли представляет серьезную угрозу в смысле организованного противодействия.

— Все обстояло точно так же и в первый раз, когда мы подтерли ими пол.

— Нет.

Она не понимает, зачем он это делает. Именно Лабин поставил корпов на место после их первого — и последнего — восстания.

— Слушай, Кен...

Их «кальмары» внезапно оказываются совсем рядом. Почти соприкасаются.

— Ты же не дура, — жужжит Кен, заставив ее уязвленно затихнуть. — И сейчас не время валять дурака.

Его вокодер рычит из темноты:

— В те времена они видели, что за нашей спиной поддержка всего мира. Знали, что нам помогли их выследить. Подозревали за нами какую-то наземную инфраструктуру. По меньшей мере, они знали, что стоит нам свистнуть, как они окажутся мишенью для любого, кто знает широту-долготу и располагает самонаводящейся торпедой.

На ее экране возникает большой светящийся акулий плавник — из морского ложа торчит массивный каменный зубец. Лабин ненадолго скрывается по ту сторону.

— А теперь мы сами по себе — продолжает он, вернувшись к ней. — Связей с сушей не осталось. Может, наши все погибли. Может, перешли на другую сторону. Ты хоть помнишь, когда нам в последний раз давали смену?

Она вспоминает — с трудом. Всякому, кто подстроен под гидрокожу, здесь уютнее, чем в компании сухопутников, но в самом начале несколько рифтеров ушли наверх. Давно, когда еще оставалась надежда переломить ситуацию.

А с тех пор — никого. Любоваться концом света, рискуя собственной шкурой — не лучший вариант отпуска на берегу.

— Мы теперь так же напуганы, как корпы, — жужжит Лабин. — И так же отрезаны от всех, а их около тысячи человек. Нас при последней переключке набралось пятьдесят восемь.

— Не меньше семидесяти.

— Отуземившиеся не в счет. Для боя годны пятьдесят восемь, и не больше сорока при необходимости выдержат неделю в полном тяготении. А сколько таких, у кого возникнут проблемы с подчинением?

— У нас есть ты, — говорит Кларк. Лабин, профессиональный охотник-убийца, недавно освобожденный от любых уз, кроме самодисциплины.

«Не какой-нибудь там водопроводчик», — размышляет она.

— Так слушай меня. Я начинаю думать, что нам придется действовать на опережение.

Несколько минут они плывут в молчании.

— Они — не враги, Кен, — заговаривает наконец Кларк. — Не все — враги, там есть дети, они ни в чем не виноваты...

— Не в том дело.

Откуда-то издалека доносится звук обвала.

— Кен, — жужжит она так тихо, что не уверена, слышит ли он.

— Да?

— Ты на это надеешься, да?

У него так много лет не возникало повода для убийства. А когда-то Кен Лабин сделал карьеру на поиске подобных поводов. Он разворачивается и уходит от нее в сторону.

Спереди словно бы разгорается рассвет — то есть проблемы.

— Там еще кто-то должен быть? — спрашивает Кларк. Освещение должно включиться при их приближении, но они с Лabiном еще слишком далеко.

— Только мы, — жужжит Лабин

Зарево резкое, отчетливое. Расходится в стороны, словно подвешенный в пустоте фальшивый восход. Два-три черных разрыва обозначают преграды на переднем плане.

— Стоп, — приказывает Лабин. Их «кальмары» опускаются рядом с обвалившимся утесом, слабо высвечивая его неровные грани.

Кен изучает схемы на приборной доске. Отраженный свет тонкой полоской очерчивает его профиль.

Он разворачивает «кальмара» вправо.

— Сюда. Держись у дна.

Они подбираются ближе к свечению, обходя его справа. Зарево разрастается, становится резче, обозначая невероятное: озеро на дне океана. Свет исходит из его глубины — Кларк вспоминает ночные плавательные бассейны, подсвеченные подводными фонариками. Странные медлительные волны, тяжелый подарок с какой-то планеты с пониженной гравитацией, разбиваются шариками брызг о ближний берег. Озеро простирается за смутные пределы видимости линз. Оно всегда представлялось Кларк галлюцинацией, хотя приземленная истина ей прекрасно известна: это просто соленая лужа, слои воды, минерализованной до такой плотности, что она лежит под океаном, как океан лежит под небом. Для того, кому нужна маскировка, лучшего не придумаешь. Галоклины отражают любые лучи и импульсы: радарам и сонарам все здесь представляется мягкой густой грязью.

Тихий короткий вскрик электроники. На миг Кларк мерещится капелька светящейся крови на приборной панели. Она фокусирует взгляд. Ничего такого.

— Ты не...

— Да. — Лабин возится с управлением. — Сюда.

Он направляется ближе к берегу Невозможного озера. Кларк за ним. На этот раз она видит точно: яркая

красная точка, лазерным прицелом играющая среди схем на экране. При каждой вспышке «кальмар» вскрикивает. Трупный датчик. Где-то впереди у рифтера остановилось сердце.

Теперь они плывут над озером, рядом с дальним берегом. Снизу на Лабина с его скакуном накатывает зеленоватое сияние. Перенасыщенные солью шарики воды медленно разбиваются о днище «кальмара». Разнообразная интерференция странно изменяет поднимающийся снизу свет. Вроде как заглядываешь в освещенные радиом глубины лагуны, где захоронены ядерные отходы. Далеко внизу светят ряды маленьких как точки солнышек — там первые разведчики разместили фонари. Твердый грунт под ними скрыт расстоянием и дифракцией.

Сигнал смерти уверенно оформился в пузырек метрах в сорока впереди. Рубиновая капелька на экране бьется, как сердце. «Кальмар» блеет ей в такт.

— Вот он, — говорит Кларк. Горизонт здесь нелепо вывернут: вверху темнота, внизу молочный свет. Темное пятнышко висит в размытой полосе между ними — кажется, будто оно прилипло к поверхности линзы. Кларк прибавляет газу.

— Погоди, — жужжит Лабин. Она оглядывается через плечо.

— Волны, — говорит Лабин.

Здесь они меньше, чем были у берега — оно и понятно, для них нет опоры, которая вытолкнула бы гребни над уровнем поверхности. Волны рябят неравномерными толчками, а не обычным ровным ритмом, и Кларк теперь замечает, что они расходятся от...

Дерьмо!

Она уже достаточно приблизилась, чтобы различить руки и ноги — тонкие прутики, судорожно шлепающие по поверхности озера. Можно подумать, будто этот рифтер — неумелый пловец, захлебывается и тонет.

— Он живой, — жужжит она. Сигнал смерти пульсирует, опровергая ее слова.

— Нет, — откликается Лабин.

Остается не больше пятнадцати метров, когда загадка взмывает над озером в облаке ошметков плоти. Кларк с опозданием замечает за ними большое темное пятно. Слишком поздно понимает, что перед ней: прерванная трапеза. И создание, которому помешали есть, направляется прямо к ней.

«Не может б...»

Она уворачивается, но недостаточно проворно. В чудовищную пасть «кальмар» помещается с запасом. Полдюжины зубов длиной с палец крошатся о корпус, словно хрупкая керамика. «Кальмар» дергается у нее в руках, острый кусок металла втыкается в бедро с тысячекилограммовой хищной инерцией. Под коленом что-то лопается, боль разрывает икру. Шесть лет прошло. Она забыла приемы.

А Лабин не забыл. Она слышит шум его «кальмара», переведенного на полный газ. Сворачивается в клубок, запоздало сдергивает с ноги газовую дубинку, слышит хриплый кашель гидравлики. В следующий миг на нее наваливается чешуйчатая туша, загоняет под кипящую поверхность озера.

Кругом светится тяжелая вода. Вращается призрачный мир. Она встряхивает головой, фокусируя зрение. Над ней что-то бьется, волнует отражающую поверхность Невозможного озера. Должно быть, Лабин протаранил чудовище своим «кальмаром». Наверняка удар повредил обеим сторонам: вот и «кальмар» штопором вторгается в ее поле зрения — неуправляемый, без седока. Лабин завис лицом к противнику, превосходящему его вдвое, причем половина размера приходится на пасть. Кларк плохо различает их — слишком взбаламучена вода.

Тут она замечает, что медленно падает вверх. Ноги сами собой начинают работать как ножницы — икра вопит, словно ее раздирают изнутри. Кларк тоже вопит — вопль вырывается скрежетом разорванного железного листа. От нарастающей боли перед глазами проносится мушиный рой. Она поднимается из озера в тот самый миг, когда чудовище разевает пасть и...

«Мать твою!»

...и челюсти с невероятной быстротой расходятся до самого основания, а затем резко захлопываются, и Лабина больше нет, словно и вообще не было, только смазанный образ остался на память о предыдущем мгновении. И тогда Кларк совершает, пожалуй, самый глупый поступок в своей жизни.

Она бросается в атаку.

Левиафан разворачивается к ней, уже не столь проворно, но времени у него предостаточно. Она работает одной ногой, другая волочится бесполезным, пульсирующим якорем. Щерится зубастая пасть — слишком много зубов еще уцелело. Лени пытается поднырнуть, подобраться к нему с брюха или хотя бы с бока, но чудовище легко изворачивается, каждый раз встречая ее лицом к лицу.

А потом оно рыгает всей головой.

Из естественных отверстий тела не вырывается ни единого пузырька. Они пробиваются из самой плоти, находят себе путь, раскалывая изнутри мягкий череп. На секунду-другую чудовище замирает неподвижно, потом содрогается, словно от электрического разряда. Кларк, работая одной ногой, заходит снизу и бьет его в брюхо. Она ощущает, как от удара дубинкой внутри вздуваются новые пузыри, угрожая вулканическим взрывом.

Монстр судорожно вздрагивает и умирает. Челюсть отвисает нелепой створкой подъемного моста, извергая воду с мясом.

В нескольких метрах от нее на поверхность Невозможного озера тихо опускаются клочья тела в остатках гидрокостюма, вокруг извиваются кишки.

— Ты в порядке?

Лабин рядом с ней. Она мотает головой — не в ответ, а от изумления.

— Нога... — Теперь, когда все кончилось, боль еще сильнее. Лабин ощупывает рану. Кларк взывает — вокодер превращает крик в механический лай.

— Берцовая сломана, — сообщает Лабин. — Зато кожа цела.

— Это «кальмар»... — Она чувствует по всей ноге ледящий холод. И, чтобы забыть о нем, спрашивает, указывая на дубинку на икре у Кена:

— Сколько зарядов выпустил в ублюдка?

— Три.

— Ты... просто пропал. Он тебя всосал. Повезло еще, что не перекусил пополам.

— С таким типом кормления жевать некогда. Замедляется процесс всасывания. — Лабин оглядывается по сторонам. — Подожди здесь.

«Да куда я денусь без ноги?..»

Она уже чувствует, как икра немеет и от души надеется, что «кальмар» уцелел.

Лабин, не торопясь, подплывает к труп. Его гидрокосжа прорвана в десятке мест, из вспоротой груди торчат блестящие трубки и металл. Парочка миксин лениво отплывают от останков.

— Лопес, — жужжит Лабин, разглядев нашивку на плече. Ирен Лопес отуземилась полгода назад. У пункта питания ее не видели уже несколько недель. — Ну вот, на один вопрос ответ есть.

— Не обязательно.

Еще содрогающееся чудовище опустилось на поверхность озера рядом с Лопес и погрузилось немногим глуб-

же: чтобы утонуть в растворе такой плотности, надо быть камнем.

Лабин оставляет труп и переходит к туше. Кларк следует за ним.

— Это не та тварь, что цапнула Джина, — жужжит Лабин. — Зубы другие. Гигантизм у минимум двух видов костистых рыб в двух километрах от гидротермального источника. — Запустив руку в разинутую пасть, он выламывает один зуб. — Остеопороз, возможно, и другие признаки дефицита питания.

— Не мог бы ты отложить лекцию и для начала помочь мне с этой штукой? — Кларк указывает на свой «кальмар», который пьяно кружит в темноте у них над головами. — С такой ногой мне вплавь до дома не добраться.

Лабин всплывает и приводит аппарат к повиновению.

— Придется везти обратно, — заявляет он, подводя «кальмара» к ней. — Вот это все.

«Все» относится к выпотрошенным останкам Лопес.

— Это может быть не то, что ты думаешь, — говорит Кларк.

Кен перегибается и ныряет в Невозможное озеро в поисках своего «кальмара». Кларк наблюдает, как он работает ногами, преодолевая подъемную силу.

— Это не Бетагемот, — тихо жужжит она. — Он бы не одолел такого расстояния.

Голос ее спокоен, как любая механическая карикатура на голос в этих местах. Слова звучат резонно. А вот с мыслями не то. Мысли замкнулись в петлю, в мантру, порожденную подсознательной надеждой, что бесконечное повторение сделает желаемое реальностью.

«Не может быть не может быть не может быть...»

Здесь, на бессолнечных склонах Срединно-Атлантического хребта, столкнувшись с последствиями своих поступков, догнавших ее на самом дне мира, она может встретить их лишь отрицанием.

ПОРТРЕТ САДИСТА В ДЕТСТВЕ

Ахилл Дежарден не сразу стал самым могущественным человеком в Северной Америке. В свое время он был просто мальчонкой, подрастающим в тени горы Сент-Илер. Но и тогда оставался эмпириком, прирожденным экспериментатором. Первая его встреча с комитетом по научной этике состоялась в восьмилетнем возрасте.

Тот опыт был связан с аэродинамическим торможением. Родители в благонамеренном стремлении приобщить ребенка к классике познакомили его с «Местью Мэри Поппинс»*. Сюжет книги оказался довольно глуп, зато Ахиллу понравилось, как блок Персингера** передавал напрямую в мозг волнующее ощущение полета. У Мэри Поппинс, видите ли, имелся нанотехнологический зонтик, позволявший спрыгнуть хоть с верхушки небоскреба и спланировать на землю плавно, как пушинка одуванчика.

Иллюзия выглядела настолько убедительно, что восьмилетний мозг Ахилла не видел, почему бы такому не быть и в реальности.

Семья его была богата — как и все семьи в Квебеке, благодаря Гудзонской ГЭС — так что Ахилл жил в настоящем доме, отдельном жилье со двором и всем прочим. Зонтик он позаимствовал в шкафу, раскрыл его и — крепко сжимая обеими руками — прыгнул с переднего крыльца. Лететь было всего полтора метра, но и этого хватило — он чувствовал, как зонтик рвется из рук, замедляя падение.

* В нашей реальности книги с таким названием не существует.

** Майкл Персингер (р. 1946) — американский ученый. Известен как изобретатель т. н. «шлема Бога» — устройства, способного внушать испытуемым определенные переживания (в том числе религиозные) за счет электромагнитной стимуляции височных долей мозга.

Вдохновленный успехом, Ахилл перешел ко второй стадии. Его сестренка Пенни, будучи моложе на два года, почитала брата за существо почти что сверхъестественное: не составило труда уговорить ее взобраться по карнизу на крышу. Немного сложнее оказалось уговорами загнать ее на самый гребень, откуда до земли было добрых семь метров, но когда обожаемый старший брат обзовет тебя трусихой, и не такое сделаешь.

Пенни доползла до самого верха и, дрожа, застыла на краю. Купол зонта обрамлял ее голову черным нимбом. Тут Ахилл уже подумал, что опыт сорвется; в итоге пришлось прибегнуть к крайнему средству и назвать ее «Пенелопой», причем дважды, и лишь тогда она прыгнула.

Конечно, причин для волнения не имелось: Ахилл заранее знал, что все получится, ведь зонтик удержал его на каких-то жалких полутора метрах, а Пенни была намного легче.

Тем больше он изумился, когда зонтик — хлоп! — и вывернулся наизнанку прямо у него перед глазами. Пенни упала камнем, с треском приземлилась на ноги и рухнула на землю.

В последовавший за этим миг полной тишины в сознании восьмилетнего Ахилла Дежардена мелькнуло несколько мыслей. Первая — что выпученные глаза Пенни перед самым ударом выглядели ну очень смешно. Вторая, недоуменная и недоверчивая — что эксперимент пошел не так, как ожидалось, и он, хоть убей, не понимает, в чем ошибся. Третья — запоздалое осознание, что Пенни, вопреки забавному выражению лица, могла пораниться, и не стоит ли попробовать ей как-то помочь.

А в последнюю очередь он подумал, что ему будет, когда родители узнают. Эта мысль расплющила все остальные, как подошва давит жучка.

Он кинулся к распростертой на газоне сестре.

— Эй, Пенни, ты... с тобой все...

Не все. Спица зонтика, вывернувшись из ткани, рассекла ей шею сбоку. Одна лодыжка вывернулась под неестественным углом и уже распухла вдвое. И всюду кровь.

Пенни подняла взгляд, губы у нее дрожали, в глазах набухали яркие слезинки. Когда перепуганный насмерть Ахилл встал над ней, капельки покатались по щекам.

— Пенни, — прошептал Ахилл.

— Ничего, — выговорила она. — Я никому не скажу, честное слово.

И она — изувеченная, окровавленная и заплаканная, но не поколебленная в служении Старшему Брату — попыталась встать, и завопила, едва шевельнув ногой.

Вспоминая тот момент, взрослый Ахилл сознавал, что это не мог быть первый случай эрекции в его жизни. Однако то был первый случай, застрявший в памяти. Он ничего не мог с собой поделать: она выглядела такой беззащитной. Искалеченная, окровавленная, страдающая. Это он причинил ей боль. Она ради него покорно прошла по коньку крыши, и теперь, сломавшись, как веточка, по-прежнему смотрела на него обожающим взглядом в готовности сделать все, лишь бы он был доволен.

Он не знал тогда, откуда это чувство — не знал даже, что это за чувство такое, — но ему понравилось.

С пиписькой, затвердевшей как косточка, он потянулся к сестре. Он не знал, зачем: конечно, он был благодарен, что Пенни не собирается ябедничать, но вряд ли дело было в этом. Он подумал — погладив тонкие темные волосенки сестры, — что, наверное, хочет выяснить, сколько ему в итоге сойдет с рук.

Ничего и не сошло. Через секунду с воплями налетели родители. Ахилл, защищаясь от отцовских ударов, вскинул руки и заорал: «Я же это видел в „Мэри Поппинс“!», но алиби оказалось не прочнее зонта: папа исколотил его на совесть и до конца дня запер в комнате.

Конечно, иначе кончиться не могло. Папа с мамой всегда про все узнавали. Оказывается, маленькие бугорки, которые прощупывались у Ахилла с Пенни под ключицами, посылали сигнал, если кто-то из них получал травму. А после случая с Мэри Поппинс мама с папой не удовлетворялись обычным имплантатом. Куда бы ни направлялся Ахилл, даже в уборную, за ним следовали три-четыре пронирыливых дрона величиной с рисовое зернышко.

Два урока, полученных в тот день, определили всю его жизнь. Первый — что он гадкий, гадкий мальчишка и не смеет следовать своим побуждениям, как бы хорошо от этого ни становилось, а не то отправится прямиком в ад.

Второй — глубокое, ввевшееся на всю жизнь уважение к вездесущим системам наблюдения.

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРВАЛ

Среди рифтеров нет врачей. Ходячие развалины обычно не добиваются успехов в медицине.

Конечно, рифтеров, нуждавшихся в лечении, хватало всегда. Особенно после бунта корпов. Рыбоголовые выиграли ту войну, не слишком напрягаясь, но все равно понесли потери. Некоторые погибли. Ранения и функциональные нарушения у других не поддавались исправлению подручными медицинскими средствами. Одним помощь требовалась, чтобы выжить, другим — чтобы умереть без лишних мучений. А все квалифицированные доктора были на другой стороне.

Никто не собирался оставлять раненых товарищей на милость проигравших только потому, что корпы владели единственной больницей в радиусе четырех тысяч километрах. В итоге рифтеры составили вместе два пузыря в пятидесяти метрах от «Атлантиды» и набили их медицинской аппаратурой из вражеского лазарета. Оптоволоконные кабели позволяли корповским мясникам практиковать свое

искусство на расстоянии, а взрывные заряды, прилепленные к корпусу «Атлантиды», избавляли тех же мясников от мыслей о саботаже. Победжденные со всем старанием заботились о победителях — под страхом взрыва.

Со временем напряженность спала. Рифтеры теперь избегали «Атлантиды» не из недоверия, а от равнодушия. Постепенно все прониклись мыслью, что внешний мир представляет для рифтеров и корпов большую угрозу, чем они — друг для друга. Заряды Лабин снял года через три, когда о них все равно забыли. Больничные пузыри использовались до сих пор.

Травмы не редкость. При темпераменте рифтеров и ослабленной структуре их костей они неизбежны. Однако на данный момент в лазарете всего двое, и корпы, наверное, очень довольны, что рифтеры несколько лет назад соорудили эту постройку. Иначе Кларк и Лабин притащились бы в «Атлантиду» — а где они побывали, всем известно.

А так они приблизились ровно настолько, чтобы сдать Ирен Лопес и ту тварь, что ею пообедала. Два герметичных саркофага, сброшенных из погрузочного шлюза «Атлантиды», поглотили вещественные доказательства и до сих пор передают данные через пуповину оптоволоконного кабеля. Тем временем Лабин и Кларк лежат на соседних операционных столах, голые как трупы.

Никто из корпов давным-давно не осмеливался приказывать рифтерам, однако оба они подчинились «настоятельным рекомендациям» Джеренис Седжер, посоветовавшей избавиться от гидрокостюмов. Уговорить Кларк оказалось сложнее. Дело не в том, что она стесняется наготы: на Лабина свойственные ей тревожные сигналы не реагируют. Но автоклав не просто стерилизует ее подводную кожу — он ее уничтожает, переплавляет в бесполезную белково-углеводородную кашу. И она, голая и беззащитная, заперта в крошечном пузырьке газа

под гнутыми листами металла. Впервые за много лет ей нельзя просто выйти наружу. Впервые за много лет океан способен просто убить ее — ему всего-то и надо, что раздавить эту хрупкую скорлупку и стиснуть ее в ледяном жидком кулаке.

Конечно, это временная беззащитность. Новую кожу уже готовят, запрессовывают. Всего-то пятнадцать-двадцать минут продержаться. Но сейчас она чувствует себя не голой, а вовсе лишенной кожи.

Лабина это, похоже, не особенно беспокоит. Его ничто не беспокоит. Конечно, Кена телеробот обрабатывает не так глубоко, как ее. У него берут только образцы крови и кожи, мазки с глаз, ануса и входного отверстия для морской воды. А у Кларк машина глубоко вгрызается в мясо на ноге, смещает мускулы, составляет заново кости и помахивает блестящими паучьими лапами, словно изгоняя бесов. Иногда до ноздрей доплывает запах ее собственного опаленного мяса. Очевидно, рану заращивают, но наверняка она не знает: нейроиндукционное поле стола парализовало и лишило чувствительности все тело от живота и ниже.

— Долго еще? — спрашивает она. Техника игнорирует ее, продолжая работать.

— Думаю, там никого нет, — откликается Лабин. — Работает на автопилоте.

Кларк поворачивает к нему голову и встречает взгляд глаз, таких темных, что их можно назвать и черными. У нее перехватывает дыхание: она все время забывает, что такое настоящая нагота здесь, внизу. Как там говорят сухопутники: «Глаза — окна в душу»? Но окна в души рифтеров забраны матовыми стеклами. Глаза без линз — это для корпов. Такие глаза выглядят неправильно — и ощущаются тоже. Как будто глаза Лабина просверлены в голове, как будто Кларк заглядывает во влажную темноту его черепа.

Он приподнимается на столе, равнодушный к этой жуткой наготе, свешивает ноги через край. Его телеробот уходит под потолок и разочарованно пощелкивает оттуда.

Переборку на расстоянии вытянутой руки украшает панель связи. Лабин активирует ее.

— Общий канал. Грейс, что там с гидрокожей?

Нолан отзывается наружным голосом:

— Нам до вас осталось десять метров. Да, и запасные линзы не забыли. — Тихое жужжание — акустические модемы плоховато передают фоновый шум. — Если вы не против, мы их просто оставим в шлюзе и сразу обратно.

— Конечно, — невозмутимо отзывается Лабин, — никаких проблем.

Лязг и шипение внизу, на входном уровне.

— Ну, вот и они, милашки, — жужжит Нолан.

Лабин сверлит Кларк своими выпотрошенными глазами.

— Идешь?

Кларк моргает.

— Куда именно?

— В «Атлантиду».

— У меня нога...

Но ее робот уже складывается на потолке, явно покончив с кройкой и шитьем. Она пробует приподняться на локтях — ниже живота все еще мертвое мясо, хотя дырка на бедре аккуратно заклеена.

— Я до сих пор обездвижена. Разве поле не должно...

— Может, они надеялись, что мы не заметим. — Лабин снимает со стены планшетку. — Готова?

Она кивает. Он прикасается к иконке. Ощущения захлестывают ноги приливной волной. Просыпается заштопанное бедро, кожу колет иголками. Кларк пробует шевельнуть ногой — с трудом, но удается. Морщась, она садится.

— Вы что там творите? — возмущается интерком. Кларк не сразу узнает голос Кляйна. Видимо, спохватился, что поле отключено.

Лабин скрывается во входном шлюзе. Кларк разминает бедро. Иголки не уходят.

— Лени? — зовет Кляйн. — Что...

— Я готова.

— Нет, не готова.

— Робот...

— Тебе еще не меньше шести часов нельзя опираться на эту ногу. А лучше двенадцать.

— Спасибо, приму к сведению.

Она свешивает ноги со стола, опирается на здоровую и осторожно переносит вес на вторую. Колено подгибается. Она хватается за стол, успевает удержаться.

В операционной показывается Лабин с сумкой на плече.

— Ты как? — на глазах у него снова линзы, белые как свежий лед. Кларк, оживившись, кивает ему.

— Давай кожу.

Кляйн их слышит.

— Пойдите, вам не давали допуска... я хочу сказать...

Сначала глаза. Верхняя часть костюма легко обволакивает туловище. Рукава и перчатки прилипают к телу дружелюбными тенями. Она опирается на Лабина, чтобы дотянуться до бедер — под новой кожей иголки колют не так сильно, а попробовав заново опереться на ногу, она удерживается на ней добрых десять секунд. Прогресс.

— Лени, Кен, вы куда собрались?

На этот раз голос Седжер. Кляйн вызвал подмогу.

— Решили заглянуть в гости, — отвечает Лабин.

— Вы хорошо все продумали? — сдержанно спрашивает Седжер. — При всем уважении...

— А есть причины воздержаться? — невинно интересуется Лабин.

— У Лени но...

— Не считая ее ноги.

Мертвая тишина.

— Вы уже проверили образцы, — замечает Лабин.

— Не в полной мере. Анализы делаются быстро, но не мгновенно.

— И? Есть что-нибудь?

— Если вы заразились, мистер Лабин, это произошло всего несколько часов назад. Уровень инфекции в крови еще не поддается определению.

— Значит, нет, — заключает Лабин. — А наши костюмы?

Седжер молчит.

— Значит, они нас защитили, — подытоживает Лабин. — На этот раз.

— Я же сказала, мы не закончили...

— Я думал, что Бетагемот сюда добраться не может, — говорит Лабин.

Седжер опять затихает.

— Я тоже так думала, — отзывается она наконец.

Кларк вполуприпрыжку двигается к шлюзу. Лабин подает ей руку.

— Мы выходим, — говорит он.

Полдюжины аналитиков сгрудились у пультов на дальнем конце грота связи, перебирая симуляции и подгоняя параметры в упрямой надежде, что их виртуальный мир имеет некоторое отношение к реальному. Патриция Роуэн, стоя позади, разглядывает что-то на одном из экранов. За вторым в одиночку работает Джеренис Седжер.

Она оборачивается, видит рифтеров и, чуть повысив голос, издает предупредительный сигнал, замаскированный под приветствие.

— Кен, Лени!

Все оборачиваются. Парочка малоопытных пятится на шаг-другой.

Роуэн первая берет себя в руки. Ее блестящие ртутью глаза непроницаемы.

— Ты бы поберегла ногу, Лени. Вот... — Она подкапывает от ближайшего пульта свободный стул. Лени с благодарностью опускается на него.

Никто не суетится. Здешние корпы умеют следовать за лидером, хотя и не всем это по нраву.

— Джерри говорит, ты увернулась от пули, — продолжает Роуэн.

— Насколько нам известно, — уточняет Седжер. — На данный момент.

— То есть пуля все-таки была, — отмечает Лабин.

Седжер смотрит на Роуэн. Роуэн смотрит на Лабина. Большинство стараются кого не смотреть ни на кого.

Наконец Седжер пожимает плечами.

— D-цистеин и d-цистин — в наличии. Пиранозильная РНК — тоже. Фосфолипидов и ДНК нет. Внутриклеточная АТФ выше нормы. Не говоря о том, что при РЭМ-микроскопии инфицированных клеток просто видно, как там все кишит этими малявками. — Она переводит дыхание. — Если это не Бетагемот, то его злой брат-двойник.

— Дрянь, — вырывается у одного аналитика. — Опять!

Через миг Кларк понимает, что ругательство относится не к словам Седжер, а к чему-то на экране. Подавшись вперед, она видит изображение за плечами корпов — объемную модель Атлантического бассейна. Светящиеся инверсионные следы выются по глубине многоголовыми змеями, разделяясь и сходясь над континентальными шельфами и хребтами. Течения, водовороты и глубоководная циркуляция — внутренние реки океана — отмечены разными оттенками красного и зеленого. А поверх изображения скупой итог:

СВЕДЕНИЕ НЕ УДАЛОСЬ. ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРВАЛ ПРЕВЫШЕН. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРОГНОЗЫ НЕ НАДЕЖНЫ.

— Ослабь немножко Лабрадорское течение, — предлагает один из аналитиков.

— Еще немного, и его просто не будет, — возражает другой.

— Откуда нам знать, может, его уже и нет.

— Когда Гольфстрим...

— Ну ты попробуй, а?

Атлантика гаснет и перезагружается.

Роуэн, отвернувшись от своих, находит взглядом Седжер.

— А если они ни к чему не придут?

— Возможно, он был здесь с самого начала. А мы его просто не заметили. — Седжер, словно не доверяя собственной версии, мотает головой. — Мы ведь немножко спешили.

— Спешили, но не настолько. Прежде чем выбрать участок, мы проверили каждый источник на тысячу километров отсюда, разве не так?

— Кто-то проверял, да, — устало говорит Седжер.

— Я видела результаты. Они убедительны. — Роуэн, кажется, беспокоит не столько появление Бетагемота, сколько мысль, что разведка дала сбой. — И с тех пор ни один отчет ничего не показывал... — Спohватившись, она перебивает сама себя: — Ведь не показывал, Лени?

— Нет, — говорит Кларк, — ничего не было.

— Ну вот. Пять лет весь район был чист. Насколько нам известно, чисто было на всем глубоководье Атлантики. И долго ли Бетагемот может выжить в холодной морской воде?

— Неделю-другую, — подсказывает Седжер. — Максимум месяц.

— А сколько времени потребовалось бы, чтобы его донесли сюда глубоководные течения?

— Десятки лет, если не века, — вздыхает Седжер. — Все это известно, Пат. Очевидно, что-то изменилось.

— Спасибо, Джерри, просветила. И что бы это могло быть?

— Господи, чего ты от меня хочешь? Я тебе не океанограф. — Седжер вяло машет рукой в сторону аналитиков. — Их спрашивай. Джейсон прогоняет эту модель уже...

Джейсон обрушивает на экран поток непристойностей. Экран в ответ огрызается:

СВЕДЕНИЕ НЕ УДАЛОСЬ. ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРВАЛ ПРЕВЫШЕН. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРОГНОЗЫ НЕНАДЕЖНЫ.

Роуэн, прикрыв глаза, начинает заново:

— Ну а в эвфотической зоне* он способен выжить? Там ведь теплее, даже зимой. Может, наши рекогносцировщики подхватили его наверху и занесли сюда?

— Тогда бы он и проявился здесь, а не над Невозможным озером.

— Да он вообще нигде не должен был прояв...

— А если это рыбы? — перебивает вдруг Лабин.

Роуэн оборачивается к нему.

— Что?

— Внутри организма-хозяина Бетагемот может существовать неограниченно долго, так? Меньше осмотический стресс. Потому-то, в общем, он и заражал рыб. Может, его к нам подвезли?

— Глубоководные рыбы не рассеиваются по океану, — возражает Седжер, — а просто околачиваются возле источников.

— А личинки в планктоне?

— Все равно не сходится. Не с такими расстояниями.

— Не в обиду тебе, — произносит Лабин, — но ты медик. Может, спросим настоящего специалиста?

* Эвфотическая зона — верхняя толща воды крупного водоема, в которой благодаря солнечному освещению имеются условия для фотосинтеза.

Это, конечно, шпилька. Когда корпы составляли список допущенных на ковчег, ихтиологи даже не рассматривались. Но Седжер лишь качает головой:

— Они бы сказали то же самое.

— Откуда тебе знать? — с неожиданным любопытством интересуется Роуэн

— Оттуда, что Бетагемот большую часть земной истории был заперт в немногочисленных горячих источниках. Если он способен распространяться с планктоном, зачем было так долго ждать? Он бы захватил весь мир сотни миллионов лет назад.

В Патриции Роуэн что-то меняется. Кларк не вполне улавливает, в чем дело. Может, сама поза. Или ее линзы вспыхнули ярче, словно интеллект, блестящий в глазах, перешел на скоростной режим.

— Пат? — окликает ее Кларк.

Но Седжер вдруг как ошпаренная срывается со стула, повинаясь прозвучавшему в наушниках сигналу. Прикасается к запястнику, подключая его к сети.

— Выхожу. Задержи их. — И оборачивается к Лабину с Кларк. — Если действительно хотите помочь, давайте со мной.

— В чем дело? — спрашивает Лабин.

Седжер уже на середине пещеры.

— Опять идиоты, не способные ничему научиться. Вот-вот убьют вашего друга.

КАВАЛЕРИЯ

По всей «Атлантиде» встречаются линии — четырехсантиметровые бороздки, словно кто-то равномерно прошелся по всему корпусу цепной пилой. С обеих сторон они обозначены предупредительной разметкой с диагональными полосками, и если посмотреть вверх, чуть отступив от них, то видно, зачем: в каждом проеме рас-

положены опускные переборки, готовые упасть ножом гильотины в случае пробоины. Эти границы очень удобно использовать в качестве линий на песке, разделяющих противников. Таких, например, как полдюжины корпов, замерших перед пограничной чертой — у них хватает ума или трусости не лезть вперед. И как Ханнук Йегер, беспокойно приплясывающий по ту сторону полосатой ленты, не подпуская их к лазарету ближе чем, на пятнадцать метров.

Лабин расталкивает перетрусивших корпов плечом. Кларк, хромая, движется за ним по пятам. Йегер приветственно скалит зубы.

— Все веселье за четвертой дверью слева.

Его закрытые накладками глаза щурятся при виде корпов, сопровождающих пару.

Кларк с Лени проходят мимо. Двинувшуюся следом Седжер Йегер хватается за горло.

— Только по приглашениям!

— Ты же не... — Йегер усиливает хватку, и голос Седжер превращается в шепот. — Ты хочешь... Джину смерти?

— Это что, угроза? — рычит Йегер.

— Я его врач!

— Пусти ее, — велит Кларк. — Она может понадобиться

Йегер и пальцем не шевелит.

«Вот черт, черт, — думает Кларк, — он что, на взводе?»

У Йегера мутация, переизбыток моноаминовой оксидазы в крови. От этого нарушается баланс элементов в мозгу — тех, что удерживают человека в равновесии. Начальство построило ему компенсирующий механизм — в те времена, когда такие вещи еще допускались, — но рифтер как-то научился его обходить. Бывает, он нарочно так себя заводит, что хватает чьего-то косого взгляда, чтобы сорваться. В таких случаях уже не важно, друг ты или враг. В таких случаях даже Лабин принимает его всерьез.

Вот как сейчас.

— Пропусти ее, Хан. — Его голос звучит спокойно и ровно, тело расслаблено.

С другого конца коридора доносится стон — и что-то с шумом ломается.

Йегер, фыркнув, отталкивает Седжер. Та с кашлем приваливается к стене.

— Ты тоже с нами, — обращается Лабин к Роуэн, которая скромно держится за полосатой лентой. И к Йегеру: — Если ты, конечно, не против.

— Дерьмо, — сплевывает Йегер. — Да плевать мне.

Он сжимает и разжимает кулаки — судорожно, словно под током.

Лабин кивает.

— Иди, — небрежно бросает он Кларк. — Я помогу Хану держать оборону.

Это, конечно, Нолан. Кларк, подходя к медотсеку, слышит ее рычание:

— Ах, так ты еще и обделался, чертов педик...

Кларк протискивается в люк. В ноздри бьет кислая смесь страха и фекалий. Да, Нолан, и на подмогу вызвала Кризи. Кляйн отброшен в угол, избит и весь в крови. Может, пытался встать на пути, а может, Нолан пыталась его вынудить.

Джин Эриксон наконец-то пришел в себя и скорчился на столе, как зверь в клетке. Растопыренными пальцами он упирается в изолирующую пленку, и та растягивается, будто невероятно тонкий латекс. Чем сильнее рифтер напирает, тем больше сопротивление: он еще не до конца вытянул руку, а мембрана уже достигла максимальной прочности — вдоль линий сопротивления расцветают маслянистые радуги.

— Твою-то мать, — рычит Джин, опускаясь на место.

Нолан, присев, по-птичьи склоняет голову набок в нескольких сантиметрах от окровавленного лица Кляйна.

— Выпусти его, птенчик.

Кляйн плюется кровью и слюной.

— Я же сказал, он...

— Не подходите к нему! — Седжер вламывается внутрь, словно последних пяти лет — и пяти минут — и не было вовсе. Не успевает она дотронуться до плеча Нолан, как Кризи отшвыривает ее к переборке.

Нолан стряхивает воображаемую грязь с места, которого коснулась рука Седжер.

— Голову не повреди, — приказывает она Кризи. — В ней может быть пароль.

— Так, все. — Хоть у Роуэн хватило ума остаться в коридоре. — Быстро. Успокойтесь.

Нолан фыркает, мотает головой.

— А то что, обмылок хренов, ты охрану вызовешь? Прикажешь нам «очистить помещение»?

Белые глаза Кризи разглядывают Седжер с расстояния в несколько сантиметров. Эти глаза над ухмыляющимися бульдожьими челюстями грозят бессмысленным и бездумным насилием. Говорят, Кризи умеет обращаться с женщинами. Нет, с Кларк он шуток не шутил — как правило, с ней вообще никто не связывается.

Роуэн заглядывает в открытый люк, лицо у нее спокойное и уверенное. Кларк видит мольбу за этой самонадеянной маской. Первое побуждение — не замечать ее. Ногу раздражающе покалывает. Кризи за плечом чмокает губами над Седжер. Его рука висит у нее над подбородком. Кларк его игнорирует.

— В чем дело, Грейс?

Нолан хищно улыбается.

— Нам удалось привести его в чувство, но тут Нор-ми, — она рассеянно толкает Кляйна в лоб, — наложил на стол какой-то пароль. Мы не смогли опустить мембрану.

Кларк оборачивается к Эриксону.

— Ты как себя чувствуешь?

— Они со мной что-то сделали. — Джин кашляет. — Пока я был в коме.

— Да, сделали. Спасли его... — Кризи бьет Седжер головой о переборку. Седжер умолкает.

Кларк не сводит глаз с Эриксона.

— Когда шевелишься, кишки не вываливаются?

! Он неуклюже поворачивается, показывая ей живот: мембрана натягивается на голове и плечах, словно амниотический мешок.

— Чудо современной медицины, — говорит Джин, укладываясь лицом вверх. Ну да, все внутренности на месте. Свежие розовые шрамы на животе дополнили старые, те, что на груди.

Судя по всему, Джеренис Седжер, очень хочет что-то сказать. А Дейл Кризи, похоже, очень хочет, чтобы она попыталась.

— Пусть говорит, — распоряжается Кларк. Кризи чуть ослабляет хватку. Седжер смотрит на Кларк и не раскрывает рта.

— Ну так что? — торопит ее Кларк. — Похоже, вы его нормально заклеили. Три дня прошло.

— Три дня, — повторяет Седжер. Из-за давления на горле ее голос выходит тонким и гнусавым. — Его почти начисто выпотрошили, а ты думаешь, трех дней достаточно для выздоровления?

Собственно, Кларк в этом уверена. Ей уже приходилось видеть искромсанные и разбитые тела: она видела, как многорукие роботы собирали их заново и помещали в раны тонкие электрические сетки, которые так ускоряли заживление, что это выглядело бы чудом, если бы не стало таким привычным. Трех дней более чем достаточно, чтобы прийти в себя. Швы, может, еще малость кровят, но держатся, а в невесомом черном чреве глубины времени на поправку будет сколько угодно.

Вот что никак не доходит до сухопутников: силы отнимает само земное притяжение.

— Ему еще нужны операции? — спрашивает она.

— Понадобятся, если не побережется.

— На вопрос отвечай, мать твою! — рывкает Нолан.

Седжер косится на Кларк и не находит у нее поддержки.

— Ему требуется время на реабилитацию, и в коме срок сократится на две трети. Если он хочет поскорей отсюда выбраться, лучше варианта не найти.

— Вы удерживаете его против воли, — говорит Нолан.

— Зачем... — подает из коридора голос Роуэн.

Нолан налетает на нее:

— А ты заткнись на хрен!

Роуэн хладнокровно испытывает судьбу.

— Зачем бы нам его удерживать, если не по медицинским показаниям?

— Он мог бы отдохнуть у себя в пузыре, — отвечает ей Кларк. — Или просто снаружи.

Седжер качает головой.

— У него значительно повышена температура. Лени, да ты посмотри на него!

В ее словах есть смысл. Эриксон растянулся на спине, явно обессилен. Кожа блестит от пота, хотя этот блеск почти неразличим за бликами мембраны.

— Температура, — повторяет Кларк. — Не из-за операции?

— Нет. Какая-то оппортунистическая инфекция.

— Откуда бы?

— На него напало дикое животное, — напоминает Седжер. — Даже простой укус может занести множество всякой дряни, а Джина практически выпотрошили. Я бы даже удивилась, пройди все без осложнений.

— Слыхал, Джин? — спрашивает Кларк. — Ты вроде как подхватил рыбе бешенство.

— Охренеть, — произносит Эриксон, созерцая потолок.

— Так что тебе решать. Останешься, позволишь себя долечить? Или рискнешь положиться на лекарства?

— Вытащите меня отсюда, — негромко просит Джин. Кларк поворачивается к Седжер.

— Ты его слышала.

Та выпрямляется. Невозможное, безумное, вечное упрямство.

— Лени, я тебя на помощь звала. Если это называется...

Кулак Кризи ядром врежется ей в живот. Седжер охает и заваливается набок, в падении ударяется головой о переборку и остается лежать, хватая воздух ртом. Краем глаза Кларк замечает, что Роуэн сделала шаг вперед, но вовремя спохватилась.

Она холодно смотрит на Кризи:

— Напрасно ты так, Дейл.

— Пусть не наглеет, — ворчит тот.

— И как же она выпустит Джина, если даже вдохнуть не может, болван?

— Ну реально, Лен, что тут такого?

Это Нолан. Кларк поворачивается к ней.

— Ты знаешь, как они с нами обращались, — продолжает Грейс, встав рядом с Кризи. — Знаешь, сколько наших искалечили эти уроды. И убили.

«Меньше, чем я», — молчит Кларк.

— Я б сказала, если Дейлу охота спустить пар на этих вырождаках, пусть его. — Нолан дружески берет Кларк за плечо. — Может, малость уравнивает счет. Понимаешь?

— Это ты бы так сказала, — тихо отвечает Кларк, — а я — иначе.

— Вот это сюрприз! — На лице Нолан мелькает тень усмешки.

Они смотрят друг друга сквозь роговичные щитки. У дальней стены скулит Кляйн, у них под ногами вроде

бы начинает дышать Джеренис Седжер. Кризи нависает у Кларк над плечом, само его присутствие — открытая угроза. Она ровно, медленно дышит. Приседает на корточки — легонечко, легонечко, больная нога готова подогнуться — и помогает Седжер сесть.

— Выпусти его, — приказывает она.

Седжер бормочет что-то в свой запястник. На коже ее предплечья загорается клавиатура со странными символами. Другой рукой она набирает нужную комбинацию.

Изолирующая палатка издает тихий хлопок. Эриксон нерешительно касается мембраны пальцами, убеждается, что они проходят насквозь, и чуть не падает со стола, словно выскочив из мыльного пузыря. Подошвы мягко стучают об пол. Нолан подает ему извлеченный откуда-то гидрокостюм.

— С возвращением, дружище. Говорила же, мы тебя вытащим.

Они оставляют Кларк с корпами. Седжер, игнорируя протянутую ей руку, с трудом поднимается на ноги и опирается о переборку. Одной ладонью она все еще прикрывает живот. И склоняется над Кляйном.

— Норм? Норм? — Она неловко склоняется к своему подчиненному и оттягивает ему веко. — Не теряй сознания...

С ее головы срывается капля и плюхается на разбитое лицо медика, теряясь в его собственной крови. Седжер, выругавшись, вытирает рану тыльной стороной ладони.

Кларк подходит помочь. Под ногу попадает что-то маленькое и острое. Она поднимает ступню. Зуб, липкий от слюны и прочего, с тихим стуком падает на пол.

— Я... — начинает Кларк.

Седжер с яростью оборачивается.

— Пошла вон!!!

Кларк какое-то время разглядывает ее, затем выходит.

В коридоре ее ждет Роуэн.

— Нельзя, чтобы такое повторилось.

Кларк приваливается к переборке, снимая часть веса с больной ноги.

— Ты же знаешь Грейс. Они с Джином...

— Дело не только в Грейс. По крайней мере, это не надолго. Я же говорила, что-то такое могло произойти.

Ее охватывает страшная усталость.

— Ты говорила, что нужно развести стороны. Так зачем Джерри удерживала Джина, когда тот захотел уйти?

— Ты думаешь, ей нужен рядом этот тип? Она заботилась о благе пациента. У нее работа такая.

— Мы сами о себе позаботимся.

— У вас просто нет должной квалификации...

Кларк предостерегающе вскидывает руку.

— Это мы уже слышали, Пат. Маленькие люди не видят всей картины. Простого гражданина надо беречь от жестокой правды. Крестьяне слишком невежественны, чтобы голосовать. — Она с отвращением качает головой. — Пять лет прошло, а вы все норовите гладить нас по головке, как детишек.

— Скажешь, Джин Эриксон — более квалифицированный диагност, чем наш главный врач?

— Скажу, что он имеет право на ошибку. — Кларк машет рукой. — Слушай, может, ты и права. Может, он через неделю свалится с гангреной и приползет обратно к Джерри. Или предпочтет умереть. Но это ему решать.

— Речь не о гангрене, — тихо говорит Роуэн. — И не об обычной инфекции. И тебе это известно.

— Не вижу разницы.

— Я тебе говорила.

— Ты говорила о перепуганных ребятишках, не верящих в ими же созданную защиту. Но защита выдержит, Пат. Я — живое тому доказательство. Мы можем пить культуру Бетагемота как воду, нам это не повредит.

— Мы лишились...

— Лишились очередного пласта самообмана, только и всего. Пат, Бетагемот здесь. Не знаю, как он сюда попал, но тут ничего не поделаешь, да и зачем? Он вас никак не потревожит, разве что ткнет носом в нечто такое, о чем вы предпочли бы не думать, но к этому вы скоро привыкнете. Вам не впервой. Через месяц ты и думать о нем забудешь.

— Тогда, прошу... — начинает Роуэн и замолкает. Кларк ждет, пока ее собеседница загонит себя в роль подчиненной.

— Дайте нам этот месяц, — шепчет наконец Роуэн.

ВОЗМЕЗДИЕ

Кларк нечасто заходит в жилой квартал, а в этом отсеке как будто и вовсе не бывала. Стены коридора покрыты электронной краской и подключены к генератору обоев. На переборке по левому борту вырос густой лес рогатых кораллов, на правой вертятся и сбиваются в стайки рыбы-хирурги, словно узлы какой-то непонятной рассеянной нейросети. И повсюду пляшут осколки солнечных лучей. Кларк не в состоянии определить, что за иллюзия перед ней — чисто синтетическая или основанная на архивных съемках настоящего кораллового рифа. Она бы все равно не увидела разницы: ни одно из морских созданий, с которыми она свела знакомство за прожитые годы, не жило при солнечном свете.

Здесь много семей, догадывается Кларк. Как правило, взрослые не в восторге от видов дикой природы: довольно сложно ценить такую эстетику и дальше, постигнув ее иронию.

А вот и он — номер D-18. Она жмет на кнопку звонка. За запертым люком приглушенно звучит музыка: зыбкая ниточка мелодии, слабый голос, шум движения.

Люк распахивается. Выглядывает плотно сбитая девочка лет десяти с колючей светлой челкой. Музыка доносится из глубины помещения — флейта Лекс, сообщает Кларк. При виде рифтерши улыбка на лице девочки мгновенно гаснет.

— Привет, — начинает Кларк, — я искала Аликс.

Она и сама примеряет улыбку.

Та не подходит. Девочка неуверенно отступает на шаг.

— Лекс...

Музыка прерывается.

— Что? Кто там?

Маленькая блондинка отступает в сторону — по-кошачьи нервно. Аликс Роуэн сидит на кушетке посреди комнаты. Одна рука лежит на флейте, другая тянется к перламутровым наглазникам.

— Привет, Лекс, — говорит Кларк. — Мама сказала, я найду тебя здесь.

— Лени! Ты прошла!

— Прошла?

— Карантин! Мне сказали, тебя с психованным заперли, на анализы вроде бы. Ты их, наверно, перехитрила.

Перед кушеткой стоит прямоугольная тумба на колесиках, высотой примерно в метр — маленький обелиск в тех же переливчатых тонах, что наглазники Аликс. Девочка кладет свою пару на крышку — рядом с точно такими же.

Кларк ковыляет к ней. Аликс тотчас мрачнеет.

— Что у тебя с ногой?

— «Кальмар» взбунтовался. Рулем зацепило.

Подружка Аликс бормочет что-то сбоку и скрывается в коридоре. Кларк оборачивается ей вслед:

— Твоей подруге я не слишком понравилась.

Алекс небрежно машет рукой:

— Келли — трусиха. Только глянь на нее, и сразу в голове всплывает вся чушь, что мамуля наболтала ей про ваших. Она славная, просто не фильтрует источников

информации. — Пожав плечами, девочка меняет тему. — Так что случилось?

— Помнишь, я тебе недавно рассказывала про карантин?

Аликс хмурится.

— Про парня, которого покусали. Эриксон?

— Угу. Ну и вот, похоже, он все-таки что-то подцепил, так что на время мы решили установить в «Атлантиде» режим «Рыбоголовым входа нет».

— Вы позволите себя выставить?

— Вообще-то, я думаю, что это разумная мысль, — признает Кларк.

— Почему? Чем он заразился?

Кларк качает головой.

— Тут не медицинский вопрос, хотя это часть проблемы. Просто... все изрядно разгорячились, причем с обеих сторон. Мы с твоей мамой считаем, что лучше держать ваших и наших подальше друг от друга. Какое-то время.

— Как это? Что происходит?

— А мама тебе не...

До Кларк с опозданием доходит, что Патриция Роуэн могла кое-что скрывать от дочери. Если уж на то пошло, то неизвестно даже, а многие ли взрослые на «Атлантиде» в курсе дела. Корпы в принципе склонны держать информацию под замком. Конечно, на взгляд Кларк все их принципы плевать не стоили, и все же... Она не собирается становиться между Пат и...

— Лени? — Аликс хмуро уставилась на нее. Эта девочка — из немногих людей, которым Кларк не стесняясь показывает обнаженные глаза, однако сейчас на ней линзы. Она делает еще шаг-другой по ковру и видит скрытую до сих пор грань тумбы. У верхнего края нечто вроде панели управления: темная лента, на которой горят красные и голубые иконки. По всей длине бежит зубчатая линия, похожая на ЭЭГ.

— Это что? — спрашивает Кларк, чтобы отвлечь девочку. Для игровой приставки штуковина слишком массивная.

— А, это... — Аликс пожимает плечами. — Это Келлин зельц.

— Что?!

— Ну, типа, умный гель. Нейроная культура с...

— Я знаю, что это такое, Лекс. Просто... мне странно видеть его здесь, после...

— Хочешь посмотреть? — Аликс выбивает на крышке шкафчика короткую дробь. Перламутровая поверхность идет разводами и становится прозрачной, под ней — лепешка розовато-серых тканей в круглом ободке. Похоже на густую овсянку. Пудинг разбит на части перфорированными стеклянными перегородками.

— Не особо большой, — говорит Алекс. — Куда меньше, чем были в прежние времена. Келли говорит, он размером с кошачий.

«Значит, наверняка злобный, если и не слишком умный».

— Зачем он нужен? — спрашивает Кларк. «Не могут же они быть такими идиотами, чтобы использовать эту штуку после...»

— Это вроде домашней зверушки, — виновато объясняет Аликс. — Она назвала его Рамблом.

— Зверушки?!

— Ага. Он думает, вроде как. Учится всякому. Хотя никто точно не понимает, как это происходит.

— А, так ты о них слышала?

— Ну, он намного меньше тех, что работали на вас.

— Они на нас не раб...

— Он совсем безобидный. Не подключен ни к каким системам, и вообще.

— Так что же он делает? Вы его обучаете всяким трюкам?

Мозговая каша поблескивает, как гноящаяся язва.

— Вроде того. Он отвечает, если ему что-нибудь говоришь. Не всегда впопад, но от этого только смешнее. А если подключить к нему радио, он играет в такт музыке крутые цветные узоры. — Алекс подхватывает свою флейту и кивает на наглазники. — Посмотришь?

— Зверушка, — бормочет Кларк. «Чертовы корпы...»

— Мы не такие, — резко отвечает Аликс. — Не все такие.

— Извини? Не такие — какие?

— Не корпы. Что это вообще означает? Мою маму? Меня?

«Неужели я проговорила это вслух?»

— Просто... сотрудников корпорации. — Кларк никогда всерьез не задумывалась о происхождении слова — не больше, чем об этиологии слова «стул» или «фумарола»*.

— Если ты не замечала, здесь полно и другого народа. Техники, врачи и просто родственники.

— Да, я в курсе. Конечно, я в курсе...

— А ты валишь всех в одну кучу, понимаешь? Если у кого нет в груди пучка трубок, то для тебя это сразу корп, труп.

— Ну... извини. — Она запоздало пускается в оправдания: — Я не обзываюсь, просто слово такое.

— Нет, для вас, рыбоголовых, это не «просто слово».

— Извини, — повторяет Кларк. Ни одна из них не сдвинулась с места, но расстояние между ними заметно увеличилось.

— В общем, — говорит Кларк наконец, — я просто хотела предупредить, что в ближайшее время появляться не буду. Разговаривать мы, конечно, сможем, но...

Движение у люка. В комнату входит крупный коренастый мужчина с зачесанными ото лба темными волосами.

* Corpse (англ.) — труп.

Кожа между бровями собралась складками, от него так и веет враждебностью. Отец Келли.

— Мисс Кларк, — ровным голосом произносит он.

Внутри у нее все стягивается в тугий злобный узел. Она видела такие лица, знает эту повадку — не сосчитать, сколько раз сталкивалась с ней в возрасте Келли. Она знает, на что способны отцы, знает, что творил с ней ее собственный, но она уже не маленькая девочка, а отцу Келли, похоже, совсем не помешает урок...

Однако ей приходится все время напоминать себе: ничего этого не было.

ПОРТРЕТ САДИСТА В ОТРОЧЕСТВЕ

Конечно, со временем Ахилл Дежарден научился обводить шпиков вокруг пальца. Он с малых лет понял, каков расклад. В мире, который ради его же безопасности держат под постоянным наблюдением, существовали лишь наблюдаемые и наблюдатели, и Ахилл точно знал, на какой стороне предпочел бы находиться. Невозможно мастурбировать при зрителях.

Этим и наедине с собой нелегко было заниматься. Его, как-никак, воспитали в определенных религиозных убеждениях: миазмы католицизма, цепляясь за обложку «Nouveaux Separatistes»*, висели над Квебеком и тогда, когда в остальном мире о религии уже думать забыли. Они осаждали Ахилла каждую ночь, когда он доил себя, и в голове у него мелькали мерзостные образы, от которых пенис становился твердым. И то, что под действием развешанных им над кроватью, столом и комодом магнитных мобилей шпики лишь пьяно покачивались, потеряв связь с сетью, ничего не меняло. Как и то обстоятельство, что его все равно ожидал ад, даже если б он

* «Новых сепаратистов» (фр.).

ни разу в жизни не коснулся своего тела, — ведь сказал же Иисус: «То, что ты совершаешь в сердце своем, ты совершаешь в глазах Бога». Ахилл был заранее проклят за непрощенные мысли, так что ничего не терял, воплощая их.

Вскоре после одиннадцатого дня рождения пенис стал оставлять улики: во время ночных оргий на простыни брызгала белесоватая жидкость. Две недели он не осмеливался обратиться к энциклопедии: именно столько потребовалось на формулировку такого запроса, чтобы мама с папой не узнали. Взлом приватных настроек домашней «служанки» занял еще три дня. Никогда не знаешь, какие элементы отслеживает эта штуковина. К тому времени, как Ахилл решился простирнуть постельное белье, от него пахло примерно как от Эндрю Трайтса из социального центра — а тот был вдвое больше любого своего сверстника, и никто не хотел стоять с ним рядом на рапитранской остановке.

— Я думаю...

Начал Ахилл в тринадцать лет.

Церкви он больше не верил. Что ни говори, он был прирожденным эмпириком, а Бог не выстоит и десяти секунд под критическим взглядом личности, уже вычислившей страшную правду про пасхальных кроликов. Как ни странно, перспектива вечных мук теперь казалась вполне реальной, на каком-то примитивном уровне, недоступном для логики. А если проклятие реально, то исповедь не повредит.

— ...что я чудовище, — закончил он.

Признание было не таким рискованным, как могло показаться. Исповедник был не слишком надежен — Ахилл загрузил его из Сети (из Водоворота, мысленно поправился он, теперь все его называли только так), и в нем могло быть полно червей и троянов, даже тщательная чистка не дала бы гарантии, — но он отключил все

каналы ввода-вывода, кроме голосового, и мог стереть все подчистую, если начнутся какие-нибудь фокусы. И уж точно не собирался оставлять программку в рабочем состоянии после того, как перед ней выложится.

Папа, прознай он, что Ахилл занес в семейную Сеть дикое приложение, съехал бы с катушек, однако мальчик не стал бы рисковать с домашними фильтрами, даже если б отец и перестал за ним шпионить после смерти мамы. Так или иначе, папа никак не мог узнать. Он был внизу, в сенсориуме, вместе со всей провинцией — странной, пришлось напомнить себе Ахиллу, — подключившись к помпезной церемонии первого Дня Независимости. Надутая колючая Пенни — дни, когда она обожествляла старшего брата, давно миновали, — продала бы его мгновенно и с удовольствием, но она последнее время обитала в основном в экстаз-шлеме. Контакты, наверно, уже протерли ей виски насквозь.

Был день рождения последнего нового государства на планете, и Ахилл Дежарден остался в спальне наедине с исповедником.

— Чудовище какого рода? — спросил «ТераДруг™ 6.2» голосом андрогина.

Слово Ахилл выучил еще утром и тщательно выговаривал:

— Женоненавистник.

— Понимаю, — пробормотал ему в ухо «ТераДруг».

— У меня возникают... возникают такие желания — делать им больно. Девочкам.

— И как ты при этом себя чувствуешь? — голос стал чуть более мужественным.

— Хорошо. Ужасно... то есть... они мне нравятся. Чувства, в смысле.

— Не мог бы ты уточнить? — в голосе не слышалось ни ужаса, ни отвращения. Конечно, их и не могло быть — программа ничего не чувствует, это даже не Тью-

ринг-софт. Просто навороченное меню. Но, как это ни глупо, Ахиллу полегчало.

— Это... сексуально, — признался он. — Ну, думать о них так.

— Как именно?

— Ну, что они беззащитные. Уязвимые. Я... мне нравится, как они смотрят, когда... это самое...

— Продолжай, — сказал «ТераДруг».

— Когда им больно, — жалобно выговорил Ахилл.

— А, — сказала программа. — Сколько тебе лет, Ахилл?

— Тринадцать.

— У тебя есть друзья среди девочек?

— Конечно?

— И как ты относишься к ним?

— Я же сказал! — прошипел Ахилл, едва не срываясь на крик. — Мне...

— Нет, — мягко остановил его «ТераДруг», — я спросил, как ты относишься к ним лично, когда не чувствуешь полового возбуждения. Ты их ненавидишь?

Ну почему же, нет. Вот Андреа толковая девчонка, к ней всегда можно обратиться, когда надо вычистить вирусы. А Мартин... Ахилл как-то раз чуть не убил ее старшего брата, когда тот стал к ней приставать. Мартин и мухи бы не обидела, а этот мудака-братец...

— Они мне нравятся, — сказал Ахилл, морща лоб из-за парадокса. — Очень нравятся. Они отличные. Кроме тех, кого я хочу, ну ты понял, да и то только когда я...

«ТераДругtm» терпеливо ждал.

— Все клево, — выдавил наконец Ахилл, — если только я не...

— Понимаю, — выдержав паузу, заговорила программа. — Ахилл, у меня для тебя хорошее известие. Ты вовсе не женоненавистник.

— Нет?

— Женоненавистник — это тот, кто ненавидит женщин, боится их или считает в чем-то ниже себя. Похоже на тебя?

— Нет, но... кто же тогда я?

— Это просто, — сообщил ему «ТераДруг». — Ты сексуальный садист. Это совершенно иное.

— Правда?

— Секс — очень древний инстинкт, Ахилл, и он формировался не в вакууме. Он переплетается с другими базовыми побуждениями: агрессии, территориальности, конкуренции за ресурсы. Даже в здоровом сексе присутствует немалый элемент насилия. Секс и насилие имеют немало общих нейронных механизмов.

— Ты... хочешь сказать, что все такие же, как я? — На такое он и надеяться не смел.

— Не совсем. У большинства людей имеется переключатель, который на время секса подавляет агрессию. У одних такие переключатели работают лучше, у других хуже. У клинического садиста этот переключатель работает очень плохо.

— И это я, — пробормотал Ахилл.

— Весьма вероятно, — сказал «ТераДруг», — хотя без должного клинического обследования уверенности быть не может. Я сейчас не имею выхода в твою сеть, но предоставляю список ближайших медавтоматов, если ты скажешь, где мы находимся.

За спиной Ахилла тихо скрипнула дверь. Он обернулся и похолодел до костей.

Дверь спальни распахнулась. В темном проеме стоял отец.

— Ахилл, — донесся из вращающейся бездны голос «ТераДруга», — ради твоего же здоровья, не говоря уже о душевном спокойствии, тебе крайне желательно посетить один из наших филиалов. Гарантированная диагностика — первый шаг к здоровой жизни.

«Он не мог услышать», — сказал себе Ахилл. «ТераДруг» звучал в его наушнике, а если бы папа подслушал, наверняка бы вспыхнул световой сигнал. Папа не взламывал программу. Он не мог услышать ее голос. И мыслей Ахилла.

— Если тебя беспокоит цена, наши расценки...

Ахилл почти не задумываясь стер приложение, его сильно мутило.

Отец не шевелился.

Он теперь вообще мало двигался. Невеликий запас топлива в нем выгорел, и он застыл где-то между горем и равнодушием. С падением церкви его яростный католицизм обратился против него же, выжег его изнутри и оставил после себя пустоту. К моменту смерти матери там даже печали почти не осталось. (Сбой лечения, глухо сказал он, вернувшись из больницы. Активировались не те промоторы, тело обратилось против собственных генов. Стало пожирать себя. Сделать было ничего нельзя. Они подписывали отказ от претензий.)

Сейчас папа стоял в темном проеме и чуть покачивался — даже кулаки не сжимал. Он уже много лет не поднимал руки на своих детей.

«Так чего же я боюсь? — удивился Ахилл, чувствуя, как желудок стягивается в узел. — Он знает, знает. Я боюсь, что он знает».

У отца почти неуловимо растянулись уголки губ. Это была не улыбка и не оскал. Вспоминая тот день, взрослый Ахилл Дежарден видел здесь своего рода понимание, но тогда он понятия не имел, что это значит. Он знал лишь, что отец повернулся и ушел в главную спальню, закрыл за собой дверь и никогда больше не упоминал о том вечере.

В будущем Ахилл понял и то, что «ТераДруг», скорее всего, ему подыгрывал. Целью программы было привлечение клиентов, а для этого не стоит тыкать их носом в

неприятные истины. Маркетинговая стратегия требует, чтобы клиенту было приятно.

И все же это не значит, что программа непременно врала. Зачем, если правда достигает той же цели? К тому же это было так рационально. Не грех, а дисфункция. Термостат, выставленный с изъязном, хотя его вины в том и нет. Вся жизнь — это машина, механизм, построенный из белков, нуклеиновых кислот и электрических цепей. А когда это машины могли контролировать собственные функции? Тогда, на заре суверенного Квебека, он познал свободу отпущения: Невиновен, всему причиной — ошибка в схеме проводки.

Но вот что странно.

Казалось бы, градус отвращения к себе должен был после этого хоть немного понизиться.

ДОМ БОЛЬНОГО

Джин Эриксон с Джулией Фридман живут в маленьком однопалубном пузыре в двухстах метрах к юго-востоку от «Атлантиды». Хозяйством всегда занималась Джулия: всем известно, что Джин недолюбливает замкнутые помещения. Дом для него — подводный хребет, а пузырь — необходимое зло, существующее ради секса, кормежки и тех случаев, когда его темные грезы оказываются недостаточно увлекательными.

Даже в таких случаях он воспринимает пузырь так же, как ловец жемчуга двести лет назад воспринимал водолазный колокол: место, где изредка можно глотнуть воздуха, чтобы вернуться на глубину. Теперь, конечно, речь скорее об реанимации.

Лени Кларк вылезает из шлюза и кладет ласты на знакомый, до смешного неуместный здесь коврик. В главной комнате темновато даже для глаз рифтера: серые сумерки размываются лишь яркими хроматическими шкалами на

панели связи. Пахнет плесенью и металлом, чуть слабее — рвотой и дезинфекцией. Под ногами булькает система жизнеобеспечения. Открытые люки зияют черными ртами: в кладовку, в галюнь, в спальный отсек. Где-то рядом попискивает электронный метроном — кардиомонитор отсчитывает пульс.

Появляется Джулия Фридман.

— Он еще... ой. — Она сменила гидрокостюм на термохромный свитер с горловиной «хомутом», почти скрывающей шрамы. Странно видеть глаза рифтера над воротом сухопутной одежды. — Привет, Лени.

— Привет. Как он?

— Нормально. — Развернувшись в люке, она прислоняется спиной к раме: наполовину в темноте, наполовину в полумраке. А лицом обращается к темноте и к человеку в ней. — Но бывает и лучше, я бы сказала. Он спит. Он сейчас много спит.

— Удивляюсь, как ты сумела удержать его в доме.

— Да, он бы, наверно, даже сейчас предпочел бы остаться снаружи, но... думаю, согласился ради меня. Я его попросила. — Фридман качает головой. — Слишком легко это вышло.

— Что?

— Его уговорить. — Она вздыхает. — Ты же знаешь, как ему нравится снаружи.

— А антибиотики, что дала Джерри, помогают?

— Наверное. Скорее всего. Трудно сказать, понимаешь? Как бы плохо ни было, она всегда может сказать, что без них было бы еще хуже.

— Она так говорит?

— О, Джин, с тех пор, как вернулся, с ней не разговаривает. Он им не верит. — Джулия смотрит в пол. — Винит ее во всем.

— В том, что ему плохо?

— Он думает, они с ним что-то сделали.

Кларк припоминает.

— Что именно он...

— Не знаю. Что-то. — Фридман поднимает взгляд, ее бронированные глаза на миг встречаются с глазами Кларк и тут же уходят в сторону. — Уж слишком долго не проходит, понимаешь? Для обычной инфекции. Как тебе кажется?

— Я сама не знаю, Джулия.

— Может, тут как-то вмешался Бетагемот. Осложнил состояние.

— Не знаю, бывает ли такое.

— Может, я теперь тоже заразилась. — Кажется, Фридман говорит сама с собой. — То есть, я много с ним сижу...

— Можно проверить, если хочешь.

Фридман смотрит на нее.

— Ты ведь была инфицирована? Раньше.

— Только Бетагемотом, — подчеркивая разницу, поясняет Кларк. — Меня он не убил. Я даже не заболела.

— А должна была бы, рано или поздно. Так?

— Если бы не модификация. Но я модифицирована. Как и все мы. — Она натужно улыбается. — Мы же рифтеры, Джулия. Те еще поганцы, нас так просто не взять. Он выдюжит, я уверена.

Этого мало, понимает Кларк. Все, что она может предложить Джулии, — вдохновляющий обман. От прикосновений благоразумно воздерживается: Фридман не выносит физического контакта. Может, она и стерпела бы дружескую руку на своем плече — однако допускает людей в личное пространство с большим разбором. В этом, хотя и мало в чем еще, Кларк чувствует с ней родство. Каждая из них замечает, как ежится другая, даже когда остальным не заметно.

Фридман через плечо оглядывается в темноту.

— Грейс говорила, ты помогла его оттуда вытащить.

Кларк пожимает плечами, немного удивляясь, что Нолан приписала заслугу ей.

— Я бы, знаешь, тоже не захотела там оставаться. Только... — Голос ее замирает. В тишине вздыхает вентиляция пузыря.

— Только ты задумываешься, а не лучше ли было бы его не трогать? — угадывает Кларк.

— Да нет. Ну, может быть, отчасти. Не думаю, что доктор Седжер так уж плоха, как говорят.

— Говорят? Кто?

— Джин и... Грейс.

— А...

— Просто... не знаю. Не знаю даже, хотел бы он, чтобы я была здесь? — Фридман горестно усмехается. — Я, в общем-то, не борец, Лени. Не то что ты и... когда меня пинают, я просто прогибаюсь.

— Если бы он захотел, мог бы остаться у Грейс, Джулия. А он с тобой.

Фридман с какой-то поспешностью смеется.

— О, нет, я не о том. — Все же слова Кларк ее чуточку взбудрили.

— В общем, — говорит Кларк, — я, пожалуй, оставлю вас вдвоем, ребята. Зашла просто узнать, как у него дела.

— Я ему передам, — кивает Фридман. — Он будет рад.

— Конечно. О чем речь. — Она нагибается за своими ластами.

— И ты еще заходи, когда он придет в себя. Ему приятно будет. — Помолчав, Джулия отворачивается — лица её видно за каштановыми кудряшками. — Мало кто заходит, знаешь ли. Кроме Грейс. Салико еще недавно заходил.

Кларк пожимает плечами.

— Рифтеры — не мастера в общении. («Могла бы уже понять», — не добавляет она). Иногда до Джулии

Фридман просто не доходит. Несмотря на свои шрамы и все пережитое, она рифтер только по названию, вроде как почетный член, принятый в закрытый круг ради мужа.

«Кстати, вопрос, а что здесь делаю я сама?» — осеняет Кларк.

— Мне кажется, они его иногда слишком серьезно воспринимают, — говорит Фридман.

— Seriously? — Кларк оглядывается на нее из шлюза. Пузырь почему-то вдруг стал теснее.

— Ну, насчет... корпов. Я слышала, что Салико не совсем здоров, но ты же знаешь Салико.

«Он думает, они с ним что-то сделали...»

— Я бы на этот счет не волновалась, — говорит Кларк. — Правда.

Она улыбается, вздыхая при мысли о своей дипломатичности.

С практикой утешительная ложь дается слишком легко.

С тех пор как она позволила Кевину себя иметь, прошло немало времени. Как ни печально, он никогда этого толком не умел. Ему все давалось трудней, чем большинству сверстников, а это в общем-то не редкость среди местных придонников. Тот факт, что он выбрал объектом для тренировки такую фригидную суку, как Лени Кларк, не упростил дела. Мужчина, боящийся прикосновений, и женщина с отвращением к любому контакту. Если у них двоих и есть что-то общее, так это терпение.

Она считает, что в долгу перед ним. И кроме того, хотела бы задать ему несколько вопросов. Но сегодня он — гранитный член с маленьким мозговым придатком. На фиг предварительные ласки: он врывается в нее с разгона, даже языком не поработав, чтобы восполнить недостаток влаги. Фрикции болезненно натягивают губы — она незаметно опускает руку и расправляет их. Уолш работает

как насос, дыхание со свистом прорывается сквозь звенящий оскал, на глазах твердые непроницаемые линзы. Они всегда скрывают глаза во время секса — тут верх взяли вкусы Кларк, — но обычно у Уолша так все отражается на лице, что этого не скрыть парой пленчатых скорлупок. А в этот раз не так. В этот раз за его накладками скрывается нечто непонятное Кларк — нечто, сфокусированное на том месте, которое она занимает в пространстве, а не на ней самой. От его грубых толчков она сползает с матраса и стучается головой о голый металл палубы. Они молча трахаются в застойном воздухе, среди сваленной техники. Кларк не знает, что на него нашло. Впрочем, это приятная перемена, секса, настолько близкого к честному и откровенному насилию, у нее не бывало много лет. Закрыв глаза, она вспоминает Карла Актона.

Впрочем, по окончании она видит синяк на плече не у себя, а у Кевина — венчик порванных капилляров окружает крошечный прокол на сгибе локтя.

— Это что? — Она приникает к ранке губами и водит языком по припухлости.

— А, это... Грейс у всех брала кровь на анализ.

Она вскидывает голову.

— Что?

— Она в этом не специалист. Только со второй попытки нашла вену. Ты бы видела Лайджа. Рука — будто на морского ежа напоролся.

— Зачем Грейс брала кровь?

— Ты что, не слышала? Лайдж что-то подхватил. И Салико плохо себя чувствует, а он пару дней назад навещал Джина и Джулию.

— И Грейс думает...

— Чем бы ни наделили его корпы, оно заразно.

Кларк садится. Она полчаса пролежала нагишом на палубе, но холод ощутила только сейчас.

— Грейс думает, корпы ему что-то подсадили?

— Это Джин так думает. Она проверит.

— Как? У нее же нет медицинской подготовки.

Уолш пожимает плечами:

— Чтобы управляться с медбазой, подготовка не нужна.

— Да она совсем тупая? — Кларк в недоумении мотает головой. — Даже если бы на «Атлантиде» хотели нас заразить, они не так глупы, чтобы использовать вирус из стандартного набора.

— Наверно, она думает, что начать следует с простого.

Что же такое у него в голосе?

— Ты ей веришь, — говорит Кларк.

— Ну, не сов...

— Джулия заболела?

— Пока нет.

— «Пока нет», Кевин. Джулия не отходила от Джина с тех пор, как его вытащили. Будь у него зараза, наверняка бы подцепила. А Салико их сколько раз навещал? Один?

— Может, два.

— А Грейс? Я слышала, она постоянно там бывает. Она заболела?

— Она говорит, что принимает меры предос...

— Предосторожности! — фыркает Кларк. — Пощади мои уши! Что, на всем хребте у меня одной еще не отказали лобные доли? Не забыл, как в прошлом году Абра подцепил суперсиф? Чарли Гарсиа восемь месяцев не мог избавиться от аскариды в кишках, но я что-то не припомню, чтобы в этом обвиняли корпов. Кевин, люди болеют, даже здесь, внизу. Особенно здесь. Каждый второй из нас сгниет даже раньше, чем получит шанс отуземиться.

И опять что-то проглядывает за непрозрачным блеском линз на глазах Уолша. Что-то не слишком дружественное.

— Что еще? — вздыхает она.

— Это просто меры предосторожности. Не вижу, какой от них вред.

— Очень большой, если люди сделают выводы, не дожидаясь фактов.

На минуту Уолш замирает. Потом встает на ноги.

— Грейс как раз и пытается получить факты, — говорит он, шлепая босыми ногами через отсек. — А поспешные выводы делаешь ты.

«Ух ты, Кевви! — дивится Кларк. — Никак, у тебя хребет появился?»

Он подхватывает со стула гидрокожу. Сморщенная черная синтетика обнимает его как любовница.

— За перепихон спасибо, — говорит он. — Мне пора.

ШАБЛОН

Лабина она застает зависшим над его сигнальным резервуаром. Трубки, оптоволоконный кабель и прочие детали — почти все уже неисправные, останки давно разобранных систем — лентой обвивают экватор большого бака. Сейчас течения слишком ленивы, чтобы вызвать свечение камня и аппаратуры, и свет дает только налобный фонарь Лабина.

— Абра сказал, что ты здесь, — жужжит Кларк.

— Подержи панель, а?

Она берет у него маленький прибор.

— Я хотела с тобой поговорить.

— О чем? — Кажется, все его внимание отдано янтарному пузырьку полимера на одной из проводящих трубок.

Кларк смещается так, чтобы оказаться в его поле зрения.

— Ходят идиотские слухи. Грейс внушает людям, будто Джерри подсадила Джину какую-то заразу.

Вокодер Лабина тикает, механически передавая его «М-М-М».

— У нее насчет корпов давно фитиль в заднице, но никто ее всерьез не принимает. По крайней мере, не принимал...

— Вот оно что... — Лабин постукивает по клапану.

— Что?

— Трещина в резиновой прокладке вокруг термостата. Оттого и замыкания.

— Кен, послушай меня!

Он смотрит на нее, ждет.

— Что-то меняется. Грейс никогда так далеко не заходила, ты же знаешь.

— Я с ней никогда лбами не сталкивался, — жужжит Лабин.

— Она всегда была одна против всего мира. Но эта зараза, которую подцепил Джин, все переменяла. Ее стали слушать. Это опасно.

— Для корпов.

— Для всех нас. Не ты ли меня предупреждал, на что способны корпы, если станут действовать дружно? Не ты ли сказал, что...

«...возможно, придется действовать на упреждение...»

Желудок у Кларк куда-то проваливается.

— Кен, — медленно жужжит она, — ты же понимаешь, что Грейс просто чокнутая, нет?

Он не торопится с ответом. Кларк надоедает ждать.

— Ну правда, ты бы ее только послушал. Для нее война как будто и не кончалась. Стоит кому-то чихнуть, она уже ищет биологическое оружие.

Силуэт Лабина за фонарем чуть сдвигается: кажется, он пожал плечами.

— Есть несколько любопытных совпадений, — говорит он. — Джин попадает в «Атлантиду» с тяжелым ранением. Джерри оперирует его в медотсеке, за которым мы не можем вести полноценного наблюдения, и помещает в карантин.

— Карантин — это из-за Бетагемота, — напоминает Кларк.

— Как ты сама не раз отмечала, к Бетагемоту мы все иммунны. Удивляюсь, как это ты не усомнилась в ее оправданиях. — Видя, что Кларк молчит, он продолжает: — Джина отпускают с «побочной инфекцией», которая не распознается нашим оборудованием и пока не поддается лечению.

— Но ты же там был, Кен. Джерри не хотела выпустить Джина из карантина. За это Дейл ее и исколошматил. Изоляция нулевого пациента — не самый дальновидный вариант, если тебе надо распространить чуму.

— Полагаю, — жужжит в ответ Лабин, — на это Грейс скажет: они предвидели, что мы все равно его вытащим, и устроили представление, как раз и рассчитывая, что кто-нибудь потом за них вступится.

— То есть они для того его заперли, чтобы освободить? — Кларк с намеком поглядывает на электролизный приемник Лабина. — Тебе там кислорода хватает, Кен?

— Я просто излагаю, как могла бы рассуждать Грейс.

— Довольно извращенный ход мысли, даже для... — До нее доходит. — То есть она и в самом деле так говорит?

Фонарик у него на лбу слегка покачивается.

— Так слухи до тебя дошли. Ты все уже знаешь. — Она качает головой, презирая себя. — А я еще надеялась тебя раскачать.

— Я всегда готов тебя выслушать.

— Мог бы сделать кое-что еще. То есть я понимаю, что ты не хочешь лезть в эти дела, но Грейс же охреневшая психопатка. Она лезет в драку, а кого затянет в струю, ей плевать.

Лабин неподвижен, непроницаем.

— Я ожидал от тебя большего к ней сочувствия.

— Это как понимать?

— Никак, — жужжит он, выдержав паузу. — Но, что бы ты ни думала о поведении Грейс, ее опасения не совсем беспочвенны.

— Брось, Кен. Война окончена. — Она принимает его молчание за согласие. — И зачем бы корпам начинать ее сызнова?

— Затем, что они проиграли.

— Это уже древняя история

— Было время, когда ты считала *себя* пострадавшей стороной, — напоминает он. — Сколько крови пришлось пролить, прежде чем ты сочла, что расквиталась до конца?

Его металлический, такой холодный голос вдруг оказывается совсем рядом, звучит прямо у нее в голове.

— Я... была неправа, — помедлив, говорит Кларк.

— Это тебя не остановило. — Он отворачивается к своей установке.

— Кен, — зовет она.

Он смотрит на нее.

— Это же чушь. Сплошные «если». Сто к одному, что Джин просто подцепил что-то от покусавшей его рыбины.

— Предположим.

— Кто сказал, что здесь не болтаются сотни зловредных микробов, которых пока не обнаружили? Несколько лет назад и про Бетагемот никто не слышал.

— Это я помню.

— Значит, нельзя допускать эскалации. Пока нет никаких доказательств.

В отблеске фонаря его глаза светятся желтовато-белым.

— Если насчет доказательств ты серьезно, то могла бы сама их раздобыть.

— Как?

Он постукивает себя по груди слева. Там, где расположены имплантаты. Кларк холодеет.

— Нет.

— Если Седжер что-то скрывает, ты об этом узнаешь.

— Она может скрывать что угодно и от кого угодно. И так не докажешь, *что именно* она скрывает.

— Заодно бы и выяснила, что на душе у Нолан, раз уж тебя так волнуют ее мотивы.

— Ее мотивы мне известны. Ни к чему гробить химию собственного мозга, чтоб в них увериться.

— С точки зрения медицины риск минимальный, — напоминает он.

— Не в том дело. Это ничего не докажет. Ты же знаешь, Лабин, что конкретные мысли читать невозможно.

— Тебе бы и не пришлось. Достаточно считать чувство вины...

— Нет, я сказала!

— Тогда не знаю, что тебе посоветовать. — Он снова отворачивается. В луче фонаря трубы резервуара похожи на крошечную контрастную модель опрокинутого на бок города. Под пальцами Лабина с шипением вспыхивает крошечное солнце, на секунду Кларк слепнет. К тому времени, как ее линзы приспособляются, поверхность бака уже вся освещена. Лучи преломляются в воде, та мерцает, словно марево в жаркий день; будь глубина меньше, уже взорвалась бы паром.

— Есть еще один способ, — жужжит она. Лабин включает горелку паяльника.

— Есть. — Он оборачивается к ней. — Но я бы не слишком на него надеялся.

Давным-давно, когда трейлерный парк только собирался, кто-то додумался превратить один пузырь в большую столовую: ряд циркуляторов, пара разделочных столов для отважных и несколько складных столиков, в обдуманном беспорядке разбросанных по палубе. Предполагалось, что все это создаст эффект кафе под открытым небом. На деле получилось нечто вроде кладовки, куда сваливают на зиму мебель.

Но кое-что прижилось — сад. За это время он покрыл половину внешней палубы: кучка выющихся растений освещена лампами-подпорками с солнечным спектром — палки похожи на скрытые в листе светящиеся бамбучины. Это даже не гидропоника, маленькие джунгли произрастают в ящиках с сочной темной землей — на самом деле это диатомовый ил с органическими добавками. Почва была довольно скудной, но на ней теперь отложились слои компоста, беспорядочно распространившись поверх обшивки.

Из всех атмосферных пузырей на хребте здесь самый приятный запах. Кларк распахивает люк и глубоко вдыхает. В этом вдохе удовольствия только половина: вторая половина — решимость. Грейс Нолан смотрит на нее с дальнего конца оазиса, где подвязывала плети чего-то, что до вмешательства генетиков могло быть стручковым горохом.

Однако под непрозрачными глазами Нолан играет улыбка.

— Привет, Лени!

— Привет, Грейс. Думаю, хорошо бы нам поговорить.

Нолан забрасывает в рот стручок: гладкая черная амфибия кормится в пышной зелени древнего болота. Жует она, пожалуй, дольше, чем необходимо.

— Насчет...

— Насчет «Атлантиды». И твоих анализов крови. — Кларк переводит дыхание. — И твоих претензий ко мне.

— Боже мой, — возражает Нолан, — к тебе никаких претензий, Лен. Бывает, люди ссорятся. Ничего особенного, не принимай все так всерьез.

— Ну и ладно. Тогда поговорим о Джине.

— Конечно. — Нолан, выпрямившись, снимает с переборки стул и раскладывает его. — А заодно про Сала, Лайджа и Лани.

«Уже и Лани?»

— Ты думаешь, виноваты корпы?

Нолан пожимает плечами.

— Я этого не скрываю.

— И откуда такие выводы? Нашла что-нибудь в крови?

— Мы пока собираем образцы. Кстати, Лизбет обосновалась в медпузыре, можешь сдать анализы. По-моему, стоит.

— А если ничего не найдете? — интересуется Кларк.

— Я и не жду, что найдем. Седжер не так глупа, чтобы оставлять следы. Но как знать.

— Ты же понимаешь, что корпы, возможно, ни при чем?

Нолан откидывается на спинку стула, потягивается.

— Милочка, сказать не могу, как я удивлена, что слышу такое от тебя.

— Тогда дай мне доказательства.

Нолан с улыбкой качает головой:

— Вот тебе для примера. Скажем, ты плаваешь в водах, где водятся акулы. Здоровенные гадины с треугольными плавниками кишат вокруг, разглядывают тебя, и ты понимаешь: не рвут на части только потому, что у тебя наготове дубинка, а они знают, что дубинка вытворяет с такими рыбинами. Так что они держатся на расстоянии, но от этого ненавидят тебя только сильнее, правда ведь? За то, что ты уже убивала им подобных. Эти акулы далеко не глупы, но очень злопамятны. Так вот, плывешь ты себе среди всех этих холодных мертвенных глаз и зубов, и видишь... скажем, Кена. Вернее, то, что от него осталось. Обрывок кишки, половина лица, опознавательная нашивка, плавающая среди акулих туш. Ну и как, Лен, сойдет такое за доказательство? Или ты скажешь: нет, это ничего не доказывает, я ведь не видела, что тут произошло. Скажешь: давайте воздержимся от поспешных выводов...

— Довольно паршивая аналогия, — тихо говорит Кларк.

— А по-моему, охрененная.

— И что ты намерена делать?

— Я могу сказать, чего я делать не намерена, — заверяет ее Нолан. — Не стану сидеть спокойно, полагаясь на доброту корпов, пока все мои друзья превращаются в падаль.

— Тебя об этом кто-нибудь просит?

— Пока нет. Но думаю, скоро попросят.

Кларк вздыхает.

— Грейс, я прошу, ради нас всех...

— Да пошла ты на хрен, — резко перебивает Нолан. — Тебе насрать на всех нас.

Словно кто-то щелкнул выключателем. Кларк изумленно разглядывает Нолан, та отвечает ей пустыми глазами, дрожа в припадке ярости.

— Хочешь знать, какие у меня к тебе претензии? Ты нас продала! Мы уже почти покончили с этими акулами. Могли выпустить им кишки через глотки, а ты нас остановила, дрянь поганая.

— Грейс, — пытается вставить Кларк, — я понимаю твои чув...

— Ни хрена! Ни хрена ты не понимаешь!

«Что же с тобой делали, — гадает Кларк, — как довели до такого?»

— Мне тоже от них досталось, — тихо говорит она.

— Еще бы. И ты-то за себя рассчиталась, скажешь, нет? И, поправь меня, если я ошибаюсь, ты попутно угробила немало невинных, разве не так? Плевать тебе на них было. И, может, тебя это не особо волнует, но из-за твоего крестового похода погибло и немало наших, рыбоголовых. На них тебе тоже было плевать, лишь бы отвесить пинка кому следует. Отлично. Ты расквиталась. А остальные-то еще ждут, а? Мы ведь не собираемся даже скашивать миллионы невинных, мы всего лишь хотим добраться до уродов, которые нас натянули, — и вот именно ты приползаешь сюда, как цепная собачка Патриции Роуэн, чтобы сказать, что я не в своем праве? — Нолан

с отвращением мотает головой. — Я не понимаю, как мы позволили остановить себя тогда, и уж точно не позволю остановить теперь.

Ненависть расходится от нее инфракрасными лучами, Кларк даже удивляется, что листья не чернеют, не загораются от этого жара.

— Я думала, мы сумеем разобраться, потому и пришла, — говорит она.

— Ты потому пришла, что проигрываешь, и знаешь это.

От этих слов под ложечкой у Кларк стягивается холодный узелок гнева.

— Ты никогда и не думала ни в чем разбираться, — рычит Нолан. — Ты всегда стояла на своем. Я — Мадонна Разрушения, я русалка долбаного Апокалипсиса, я буду стоять в сторонке и устанавливать правила. Только на этот раз оползень пошел не в ту сторону, милашка, и ты струсила. Испугалась меня. Так хоть избавь меня от дерьмового альтруизма и дипломатии. Ты просто пытаешься усидеть на своем жестяном трончике, пока он не развалился. Хорошо поговорили!

Она хватает ласты и вываливается в шлюз.

ПОРТРЕТ САДИСТА В ЮНОСТИ

Ахилл Дежарден не помнил, когда у него в последний раз был секс по взаимному согласию. Зато помнил, когда впервые от такого отказался

Это было в 2046-м, он тогда как раз спас Средиземное море. Во всяком случае, так все подавало радио Н'АмПацифика. На самом деле он всего лишь вычислил существование странного аттрактора в Кадисском заливе — мелкого устойчивого завихрения, которое не додумался поискать никто другой. Симуляции показывали, что оно достаточно малó, чтобы поддаваться гасителям альбедо; итоговый эффект должен был распространиться

на Гибралтарский пролив и — если цифры не ввали — мог оттянуть гибель Средиземного на доброе десятилетие. Или до нового отказа Гольфстрима. Это было не спасение, а отсрочка приговора, но УЛН сейчас требовалось хоть что-то, чтобы загладить фиаско с Балтикой. К тому же дальше, чем на десять лет вперед, никто и не загадывал.

Так что Ахилл Дежарден на время попал в звезды. Даже Лерцман чуть не месяц изображал к нему симпатию и уверял, что подаст на досрочное повышение, как только закончатся проверки. Если, мол, у Дежардена в прошлом не обнаружится груды зарезанных младенцев, он получит свое еще до Хэллоуина. А может, черт побери, получит, даже и груды младенцев не помешает. Проверки прошлого были для высших эшелонов Патруля не более чем бессмысленным ритуалом: ты мог быть серийным убийцей — это ничего не меняло для того, у кого в мозгу бормочет Трип Вины. Все равно ты останешься рабом Общего Блага.

Ее звали Аврора. У нее была прическа под зебру — по тогдашней моде — и целая батарея умилительно безвкусных шрамов, стилизованных под клейма беженцев. Они сошлись на какой-то вечеринке, устроенной для УЛН Евроафриканской ассамблеи. Их аксессуары вынюхали ауры друг друга и подтвердили взаимный интерес (в те времена он еще что-то значил), а чипы обменялись справками о состоянии здоровья (а это и тогда ничего не значило).

Так вот, они ушли с вечеринки, спустились на триста метров со стратосферы УЛН на улицы Садбери — и еще на пятьдесят, в подземное чрево «Реактора Пикеринга», где софт был гарантированно защищен от взлома и давал вдвое большую выборку по ЗППП, чем обычно. Кровь они сдали после симпатичной пары р-отборщиков, которая распалась у них на глазах, когда один анализ выдал положительный результат на какую-то экзотическую трематоду в мочеполовых путях.

Дежарден тогда еще не был знаком с хитроумными веществами, которые заполнили его сосуды в последующие годы, и мог без вреда для себя применять всяческие тропы и стимуляторы настроения. Так что они с Авророй, пока проверялась кровь, взяли столик в соседнем баре и погладили психотропную жабу, ползавшую в террариуме под столешницей.

Из большого подземного резервуара, в который был погружен «Реактор», сквозь плексигласовые стены сочился смутный зеленоватый свет — подделка под старинное хранилище ядерных отходов. Через несколько минут на их столик порхнула одна из местных бабочек. Ее прозрачные крылышки поблескивали данными спектра — зелеными по всей длине волны.

— Я же говорила, — сказала Аврора и чмокнула его в нос.

Секс-кабинки в «Реакторе» сдавались поминутно. Они вскладчину оплатили пять часов.

Он имел ее в реальности и в воображении. В реальности — виртуозный и нежный любовник. Он трогал соски языком, зубами — ни-ни. Оставлял цепочки поцелуев от горла до вагины, нежно исследовал каждое отверстие, его дыхание срывалось от сдержанной страсти. Каждое движение обдуманно, каждый сигнал отчетлив: он скорее умрет, чем причинит этой женщине боль.

В воображении он разрывал ее на части. В воображении ласки не было: он хлестал ее наотмашь, так что голова у нее моталась, чуть не отрываясь от шеи. В воображении она вопила. В воображении он избивал ее до тех пор, пока она не перестала вздрагивать от удара кнута.

Она тем временем бормотала и сладко вздыхала, и заметила между делом, что он явно преклоняется перед женщинами, и как это приятно после грубиянов, которым только бы воткнуть, и она, мол, даже не знает, достойна ли такого преклонения. Дежарден мысленно похлопал

себя по плечу. Он не спрашивал о происхождении крошечных шрамов у нее на спине, о предательских розовых полосках от применения анаболиков направленного действия. Как видно, Аврора находила, куда потратить прокачанное здоровье. Может быть, только недавно избавилась от отношений, в которых была жертвой. Может, он был ее спасителем.

Тем лучше. Он вообразил себя одним из прошлых партнеров: тех, что избивали ее.

— Да ну на хрен, — сказала она на четвертом часу. — Просто врежь мне.

Он застыл в ужасе, гадая, что его выдало: язык тела или телепатия, или это просто удачная догадка.

— Что?

— Ты такой нежный, — сказала ему Аврора. — Давай играть поглубже.

— Ты не... — Ему пришлось подавить изумленный смешок. — Ты о чем вообще?

— Ты что так опешил? — улыбнулась она. — Неужели ни разу женщину не лупил?

«Это ведь были намеки, — понял он. — Она жаловалась». А он, Ахилл Дежарден, непревзойденный вычислитель закономерностей, мастер по выхватыванию сигнала из шума помех, ничегошеньки не заметил.

— Удушение меня заводит, — продолжила она. — Что это твой ремень лежит без дела?..

Все было, как в его мечтах, за которые он себя ненавидел. Словно ожили его самые постыдные фантазии. Это было превосходно. «Ах ты, сука, ты этого хотела, да? Вот как раз от меня и получишь».

Только не получила. Ахилл Дежарден вдруг обмяк, как доллар.

— Ты серьезно? — спросил он в надежде, что она не заметит, и понимая, что уже заметила. — То есть... ты хочешь, чтобы я сделал тебе больно?

— Да Ахилл у нас герой! — Она насмешливо покосилась на него. — Опыта маловато, да?

— Хорошо, — сказал он, невольно оправдываясь. — Только...

— Это же просто игра, детка. Ничего радикального. Я же не прошу меня убивать.

«Очень жаль».

Впрочем, мысленная бравада не одурачила его ни на миг. Ахилл Дежарден, тайный садист, вдруг до смерти перепугался.

— Ты про игры? — сказал он. — Шелковые веревки, стоп-слова и все такое?

Она покачала головой.

— Я, — терпеливо объяснила она, — хочу, чтобы у меня кровь текла. Хочу боли. Я хочу, чтобы ты сделал мне больно, любовничек.

«Да что со мной? — гадал он. — Я же именно о такой всегда мечтал. Какая счастливая случайность!»

И миг спустя подумал: «Если это случайность».

Он, что ни говори, находился на переломе судьбы. Шли проверки его прошлого, проводилась оценка рисков. Где-то под ковром система решала, можно ли доверить Дежардену ежедневно определять судьбы миллионов. Конечно, его тайна уже была им известна: механики заглянули ему в голову и наверняка заметили отсутствующую или поврежденную проводку. Возможно, это проверка: способен ли он контролировать себя. Возможно, Трип работает не так надежно, как ему внушали, и особенно подлые нейроны его подтачивают, а изначальная порочность представляет собой потенциальную ловушку... Или все намного проще. Может, они просто не рискнут вкладывать в раскрутку героя, чьи неконтролируемые склонности публика может счесть... неприятными.

Аврора скривила губы и обнажила спину.

— Давай, детка, поработай со мной.

Она была блеском в глазах всех его прежних партнеров, той мигающей искоркой, которая словно говорила: «Поберегись, ты, поганый извращенец. Малейшая оплошность, и с тобой покончено!». Она была шестилетней Пенни, обещающей никому не говорить, несмотря на кровь и переломы. Она была отцом, стоящим в темном дверном проеме с непроницаемым взглядом, словно говорившим: «Мне про тебя кое-что известно, сын, и ты никогда не узнаешь, что это».

— Рори, — осторожно заговорил Дежарден, — ты насчет этого ни к кому не обращалась?

— Все время обращаюсь. — Она улыбалась, но в голосе зазвенело напряжение.

— Нет, я хотел сказать... понимаешь...

— К специалистам. — Улыбка пропала. — К какому-нибудь мозгоправу, который за мои же денежки скажет мне, что я сама себя не понимаю, что все это просто заниженная самооценка и что мой отец насиловал меня в доречевой период. — Она потянулась за одеждой. — Нет, Ахилл, не обращалась. Я предпочитаю проводить время с теми, кто меня принимает как есть, а не с тупыми мудакami, которые пытаются превратить меня во что-нибудь другое. — Она натянула трусики. — Наверно, на официальных приемах такие больше не попадают.

— Ты могла бы остаться, — попытался он.

— Просто это было так неожиданно, — попытался он.

— Понимаешь, в этом есть какое-то неуважение, — попытался он.

Аврора вздохнула.

— Детка, если бы ты меня уважал, то признал бы за мной право самой решать, что мне нравится.

— Но мне нравишься ты сама, — ляпнул он, низвергаясь в пламени и дыме. — Как же мне делать тебе больно, если...

— Эй, ты думаешь, мне нравилось все, что я для тебя делала?

Она оставила его стоять с обвисшим пенисом, пятьюдесятью минутами до конца аренды кабинки и убийственным, унижительным сознанием, что он навсегда в ловушке собственного притворства.

«Я никогда не дам этому воли, — понял он. — Как бы мне ни хотелось, кто бы меня ни просил, как бы это ни было безопасно. Я никогда не буду уверен, что где-нибудь не прячется шпион, что это не ловушка. Я всю жизнь буду скрываться, потому что открыться страшно до ужаса».

Отец мог бы гордиться. Сын вырос добрым католиком.

Но Ахилл Дежарден знал толк в искусстве приспособления. Выходя из кабинки — пристыженный и одинокий, — он уже начал восстанавливать защитные барьеры. Возможно, оно и к лучшему. Как-никак, от биологии никуда не денешься: секс — это насилие, причем буквально, до уровня нейронов. Трах или драка — работают одни и те же синапсы, тот же стимул причинять насилие и подчинять. Каким бы нежным ты ни был внешне, как бы ни притворялся. Даже если ты действуешь исключительно с согласия партнера, все равно это не более чем насилие над сдавшейся жертвой.

«Если я делаю все это, а любви не имею, то я — медь звенящая*», — подумал он.

Он создавал это основами мозга, глубинами своего «оно». Садизм записан в строении тела, а секс... секс мало того, что насилие, он — сплошное неуважение. И кому нужно обращаться так с другим человеческим существом

* «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (1Кор 13:1).

в середине двадцать первого века? Никто не вправе так поступать, тем более — чудовища с неисправными выключателями. У него дома имелся сенсориум, позволявший воплотить любое плотское желание, предоставляя ему виртуальных жертв в таком высоком разрешении, что получалось одурачить даже его.

Были и другие прёимущества. Не понадобятся больше сложные ритуалы ухаживания, в которых он вечно путался. Не придется опасаться инфекций и неуклюже выставлять анализы чем-то вроде прёдварительных ласк. И не будет больше этого жестокого блеска в глазах жертвы, которая, может быть, догадалась.

Он во всем разобрался. Черт, он нашел новый смысл жизни.

Отныне и впредь Ахилл Дежарден будет цивилизованным человеком. Он обратит свои порочные страсти на машину, а не на живую плоть — и тем самым спасет себя от целой прорвы неловкостей. С Авророй все обернулось к лучшему — он чуть не попался, но вовремя вывернулся. Вот уж у кого точно все провода в голове перепутаны. Центры боли и удовольствия — все вперемешку.

Лучше не связываться с такими психами.

ПОЖАРНЫЕ УЧЕНИЯ

Она просыпается где-то в море.

Непонятно, что привело ее в себя — вспоминается мягкий толчок, словно кто-то осторожно будил ее, — но сейчас она совершенно одна. Того и добивалась. Могла бы заснуть где-нибудь в трейлерном парке, но ей нужно было одиночество. Потому она проплыла мимо «Атлантиды», мимо пузырей и генераторов, мимо хребтов и расщелин, когтивших округу. Наконец добралась сюда, к отдаленному уступу из пемзы и полиметаллических руд, и уснула с открытыми глазами.

А теперь что-то ее разбудило, и она не могла сориентироваться.

Она снимает с бедра сонарный пистолет и обводит окружающую тьму. Через несколько секунд возвращается смазанное множественное эхо с левого края. Прицелившись в ту сторону, она стреляет снова. В самом центре оказывается «Атлантида» с ее пригородами.

И еще более твердое и плотное эхо. Уже рядом — и приближается.

Идет не на перехват. Еще несколько импульсов показывают, что вектор движения минует ее справа. Тот, кто приближается, о ней не знает — или не знал, пока она не применила сонар.

Учитывая отсутствие «кальмара», он движется на удивление быстро. Из любопытства Кларк направляется ему наперез. Налобный фонарь она притушила, света едва хватает, чтобы отличить донный грунт от морской воды. Ил облаками поднимается вокруг. Изредка попадаются камушки и хрупкие морские звезды, лишь подчеркивая однообразие.

Головная волна настигает за миг до самого объекта. В бок ей врезается плечо, откидывает ко дну. Вздывается ил. Ласт шлепает Кларк по лицу — она вслепую шарит руками и хватается за чье-то предплечье.

— Да какого хрена!

Рука вырывается, но брань, видимо, оказала свое действие. По крайней мере, он больше не брыкается. Облака мути кружатся скорее по инерции.

— Кто... — Звук грубый, скрежещущий, даже для вокодера.

— Это Лени. — Она прибавляет яркости в фонаре, и яркий туман из миллиардов частиц взвеси слепит ее. Отплыв в чистую воду, Кларк направляет луч на дно.

Там, внизу, что-то шевелится.

— Че-орт! Свет выключи...

— Прости. — Она притемняет фонарь. — Рама, это ты?

Со дна поднимается Бхандери. Механический шепот:
— Лени... привет.

Наверно, повезло, что он ее еще помнит. Черт, что он вообще еще может говорить. Когда перестаешь бывать на станции, не просто гниет кожа. Не просто размягчаются кости. У отуземившегося рифтера стирается кора головного мозга. Если позволить бездне слишком долго вглядываться в тебя, все метки цивилизации тают, как лед в проточной воде. Кларк представляет, как со временем разглаживаются извилины мозга, возвращаясь к примитивному состоянию рыбы, более подходящему к подобной среде.

Рама Бхандери еще не так далеко ушел. Он даже иногда появляется внутри.

— К чему такая спешка, что накрылось? — жужжит ему Кларк, не слишком надеясь на ответ.

Но ответ она получает.

— Накры... дофамином, наверно... эпи...

Через секунду до нее доходит. Дофаминовый приход, накрыло его. Неужели он еще настолько человек, что способен на каламбуры?

— Нет, Рама, я хотела спросить, куда ты спешишь?

Он зависает рядом с ней черным призраком, еле видимый в смутном мерцании фонаря.

— А...а... я не... — голос затихает.

— Бабах, — снова начинает он после паузы. — Взрыв. Сли-ишком ярко.

Толчок, вспоминает Кларк. Такой сильный, что разбудил ее.

— Что взорвали? И кто?

— Ты настоящая? — рассеянно спрашивает он. — Я... думал, ты гистаминовый глюк.

— Я Лени, Рама. Настоящая. Что взорвалось?

— Или ацетилхолино... — Он поводит ладонями перед лицом. — Только меня не ломает...

Бесполезно.

— ...она мне больше не нравится, — тихо жужжит Бхандери. — А он гонялся за мной...

У Кларк перехватывает горло. Она придвигается к нему.

— Кто? Рама, что...

— Уйди... — скрежещет он. — Моя... территория.

— Прости, я...

Бхандери разворачивается и плывет прочь. Кларк, подавшись было следом, останавливается, потому что вспоминает: есть другой способ.

Она усиливает свет фонаря. Под ней еще висит мутная туча — над самым дном. В такой плотной ленивой воде она продержится много часов.

Как и ведущие к ней следы.

Один — ее собственный: узкая полоска ила, взбитая ее движением с восточного направления. Другой след отходит от него под углом 345 градусов. Кларк движется по нему.

Так она попадет не к «Атлантиде», скоро соображает она. След Бхандери уходит левее, мимо юго-западного крыла комплекса. Там, насколько она помнит, смотреть не на что. Разве что на «поленницу» — склад частей, сброшенных в расчете на продолжение строительства, когда корпы только появились здесь. И правда, вода впереди светлеет. Кларк приглушает свой фонарь и сонарит яркое пятно впереди. Возвращается жесткое геометрическое эхо объектов, заметно превышающих рост человека.

Она устремляется вперед. Размытое пятно превращается в четыре точечных источника света по углам «поленницы». Штабеля пластиковых и биостальных пластин лежат на поддонах в пределах освещенного участка. Изогнутые запчасти для обшивки корпуса торчат из ила зарослями устриц. В туманной дали виднеются большие тени баков,

теплообменников, кожухов аварийного реактора, которые так и не пустили в ход.

А даль действительно туманная, понимает Кларк. Гораздо мутнее обычного.

Погрузившись в водяной столб, она висит над индустриальным пейзажем. Что-то вроде мягкой черной стены перегораживает свет дальнего фонаря. Она этого ожидала после разговора с Бхандери. И вот перед ней молчаливое подтверждение: огромное облако ила, взбитое со дна и невесомо зависшее после недавнего взрыва.

Естественно, корпы успели запастись и взрывными зарядами...

Что-то щекочет ей уголок глаза — какой-то маленький беспорядок среди упорядоченного хаоса внизу. Два куска обшивки стащили с поддонов и уложили прямо в ил. Их поверхность покрыта угревой сыпью. Кларк выгибается, чтобы рассмотреть их вблизи. Нет, это не безобидные хлопья ила и не молодая колония бентосных беспозвоночных. Это дырки в трехсантиметровой цельной биостали. Края отверстий гладкие — проплавлены мощным источником тепла и мгновенно застыли. Угольные ожоги вокруг дыр — как синяки вокруг глаз.

Кларк холодеет.

Кто-то вооружился для окончательной разборки.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Якоб и Ютта Хольцбринки с самого основания «Атлантиды» держались особняком. Так было не всегда. Прежде, на поверхности, они даже по меркам корпов слыли яркими оригиналами. Их, кажется, забавлял тот архаический контраст, который они составляли миру в целом: они вели историю отношений от прошлого тысячелетия, а поженились так давно, что бракосочетание состоялось *в церкви!* Ютта даже взяла фамилию мужа.

В старину женщины, как помнилось Роуэн, иногда так поступали. Жертвовали кусочками собственной личности во благо Патриархата, или как там оно называлось.

Пара была старомодной и тем гордилась. Когда эти двое появлялись на публике, то обязательно вместе — и очень выделялись.

Разумеется, на «Атлантиде» никакой публики не существовало. Отныне публика была предоставлена самой себе. На станции же с самого начала собрались сливки общества: самые влиятельные люди и еще рабочие пчелки, которые заботились о них в самых недрах улья.

Якоб с Юттой почти перестали выходить. Побег изменил их. Он, конечно, изменил каждого: посрамил могущественных, ткнув их носом в собственные промахи, хотя они, черт побери, все равно сделали что могли, адаптировались даже к Судному дню, вовремя закупили спасательные шлюпки и первыми прыгнули на борт. В те дни простое выживание составляло профессиональную гордость. Однако Хольцбринки не позволяли себе даже этого унылого самооправдания. Бетагемот не коснулся их плоти, не затронул ни единой частицы, и все же, казалось, сделал их меньше ростом.

Большую часть времени они проводили в своем номере, подключенному к виртуальной среде, куда более привлекательной, чем реальные помещения «Атлантиды». Они, конечно, выходили к столу — частное производство продуктов питания осталось в прошлом после того, как рифтеры конфисковали «свою долю» ресурсов, — но все равно, наполнив подносы пищей из циркуляторов и гидропонных отсеков, тотчас возвращались к себе. Мелкая, безобидная странность — желание держаться подальше от себе подобных. Патриция Роуэн не обращала на нее внимания до того дня, когда в гроте связи Кен Лабин, думая над разгадкой, не произнес: «А если это рыбы? Может, его к нам подвезли? А личинки в планктоне?»

И Джерри Седжер, недовольная попыткой этого убийцы-перебежчика изображать из себя глубокого мыслителя, отмахнулась, как от ребенка: «Если он способен распространяться с планктоном, зачем было так долго ждать? Он бы захватил весь мир сотни миллионов лет назад».

Может, и захватил бы, размышляла теперь Роуэн.

Хольцбринки поднялись на фармацевтике — их карьера началась до расцвета генной инженерии. Конечно, они старались шагать в ногу со временем. Когда на грани веков была открыта первая геотермальная экосистема, предыдущее поколение Хольцбринков влезло и туда: радовались новым надцарствам, просеивали кладограммы неизвестных видов — новые микроорганизмы, новые ферменты, выживающие при температурах, убийственных для любой формы жизни. Они каталогизировали механизмы клеток, лениво тикающих на многокилометровой глубине, таких медлительных, что их последнее деление относилось ко временам французской Революции. Они перестраивали редуцентов серы, задохнувшихся в кислороде, приспособлявая их пожирать нефтяные отходы и излечивать новые виды рака. Поговаривали, что половина патентов на археобактерии принадлежит империи Хольцбринков.

Сейчас Патриция Роуэн сидит напротив Якоба и Ютты у них в гостиной и гадает, что еще они могли запатентовать в последние дни на суше.

— Вы, конечно, слышали новости, — говорит она. — Джерри только что подтвердила: Бетагемот добрался до Невозможного озера.

Якоб кивает по-птичьи: не только головой, но и плечами. Но на словах осторожно возражает:

— Я так не думаю. Видел статистику. Слишком соленое. — Он облизывает губы, смотрит в пол. — Бетагемоту такое не нравится.

Ютта успокаивает его, погладив по колену.

Он очень дряхл, все его победы в прошлом. Он слишком давно родился, оказался слишком стар для вечной молодости. К тому времени, как стала возможной такая перестройка — удаление всех дефектных нуклеотидных пар, усиление всех теломер — его тело уже изнашивалось от полувекового использования. Вступив в игру так поздно, мало что можно исправить.

Роуэн мягко поясняет.

— Не в самом озере, Якоб. Где-то поблизости. В одном из горячих источников.

Он все кивает и кивает, не глядя на нее.

Роуэн оборачивается к Ютте. Та отвечает беспомощным взглядом.

Роуэн нажимает:

— Ты же знаешь, такого не предполагалось. Мы изучили вирус, изучили океанографию и очень тщательно выбрали место. Но что-то все-таки упустили.

— Чертов Гольфстрим накрылся, — говорит старик. Голос его ненамного, но сильнее тела. — Говорили, что так и будет. Все течения изменятся. Англия превратится в Сибирь.

Роуэн кивает.

— Мы рассматривали различные сценарии. Кажется, ни один не подходит. Я подумала: может быть, в самом Бетагемоте есть что-то, чего мы не учли? — Она чуть подается вперед. — Ваши люди ведь много чего накопили в Огненном поясе*, а? Еще в тридцатых?

— Ну конечно, там все копались. Треклятая архея была золотой лихорадкой двадцать первого века.

— И на Хуан де Фука много времени провели. С Бетагемом не сталкивались?

* Тихоокеанский огненный пояс (кольцо) — подковообразная область по периметру Тихого океана, которая отличается повышенной вулканической и сейсмической активностью.

— М-м-м. — Якоб Хольцбринк качает головой, но плечи его не шевелятся.

— Якоб, ты меня знаешь. Я всегда была за строгое хранение корпоративных тайн. Но теперь мы на одной стороне, так сказать, в одной лодке. Если ты что-то знаешь, хоть что-то...

— О, Якоб ведь никогда не занимался исследованиями, — перебивает Ютта. — Ты же знаешь, он больше работал с персоналом.

— Да, конечно, но перспективными областями всерьез интересовался. Его всегда волновали новые открытия, не забывай. — Роуэн тихонько смеется. — Было время, когда мы думали, что он просто живет в батискафе.

— Только на экскурсии выбирался. Ютта права, исследований я не вел. Этим занимался Джарвис и его группа. — Якоб встречает взгляд Роуэн. — Всю его команду мы потеряли, когда Бетагемот вырвался на волю. УЛН рекрутировала наших людей по всему земному шару. Выхватывала прямо у нас из-под носа! — Он фыркает. — «Общее благо», черт бы его побрал.

Ютта сжимает ему колено. Он оглядывается на жену и улыбается, накрывает ее ладонь своей.

Взгляд снова сползает к полу. Старик еле заметно покачивает головой.

— Якоб, понимаешь ли, не сближался с научной группой, — объясняет Ютта. — Известное дело, ученые плохо разбираются в людях. Выпусти их к публике — случилась бы катастрофа, но им все равно иногда не нравилось, как Якоб презентовал их находки.

Роуэн терпеливо улыбается.

— Якоб, просто я тут подумала насчет Бетагемота и его возраста...

— Чуть не самый старый организм на планете, — говорит Якоб. — Мы, остальные, завелись позже. Свалились с марсианским метеоритом или еще как. Чертов

Бетагемот чуть ли не единственная тварь, которая здесь же и зародилась.

— Но ведь в этом все и дело, да? Бетагемот не просто предшествовал остальной жизни, он появился раньше фотосинтеза. До кислорода! Ему больше четырех миллиардов лет. Остальные по-настоящему древние микроорганизмы — археобактерии, нанолиты и так далее — так и остались анаэробными. Их находят только в ограниченных средах. А Бетагемот еще старше, но кислород его нисколько не волнует.

Якоб Хольцбринк замирает.

— Умная тварюшка, — говорит он. — Идет в ногу со временем. Обзавелся этими, как их называют... как у псевдомонасов...

— Генами Блашфорда. При стрессе меняют скорость собственной мутации.

— Да, да. Гены Блашфорда. — Якоб поглаживает ладонью свои редкие волосы и покрытый старческими веснушками череп. — Он приспособился. Приспособился к кислороду, приспособился жить в рыбах, а теперь приспособливается к каждому уголку и закоулку нашей чертовой планеты.

— Только не к сочетанию низких температур и высокой солености, — замечает Роуэн. — Он так и не адаптировался к самой обширной экологической нише планеты. Глубины моря отвергали его миллиарды лет, и сейчас бы отвергли, если бы не источник Чэннера.

— О чем ты? — неожиданно резко переспрашивает Ютта. Ее муж молчит.

Роуэн переводит дыхание.

— Все наши модели основаны на предпосылке, что Бетагемот существует в своей нынешней форме сотни миллионов лет. Распространение кислорода, гипотоничные тела носителей — все это условия раннего-раннего докембрия. А с тех пор, как нам известно, изменилось

не так уж многое, несмотря на все эти гены Блашфорда — иначе Бетагемот бы давно уже правил миром. Мы знаем, что он не способен распространяться по глубоководью, потому что так этого и не сделал, хотя у него были миллионы лет. А если кто-то предполагал, что он может распространяться с ихтиопланктоном, мы отмахивались, и не потому, что кто-то проверил — у кого нашлось бы время, учитывая, что тогда творилось? — а потому что, если бы он мог распространяться этим путем, то давно бы распространился. Миллионы лет назад.

Якоб Хольцбринк откашливается.

Роуэн выкладывает карты на стол.

— Но что, если Бетагемоту не миллионы лет, а всего несколько десятков?

— Ну, это... — начинает Ютта.

— Тогда уже ни в чем нет уверенности, правда? Может, речь не о нескольких изолированных реликтах, а об эпицентрах? И, может, дело не в том, что Бетагемот не способен распространяться, а в том, что он только начал?

Снова птичьи кивки и снова отрицание:

— Нет, нет. Он старый! Шаблоны РНК, минерализованные стенки. Большущие поры по всей поверхности — он из-за них и не выносит холодной соленой воды. Протекает как сито.

В уголке губ у старика проступают пузырьки слюны. Ютта безотчетно тянется их стереть, но Якоб с раздражением отмахивается. Она роняет руку на колени.

— Пиранозильная последовательность. Примитив. Уникальный. Та женщина, доктор... Джеренис — она тоже согласна. Он старый!

— Да, — соглашается Роуэн, — старый. Но, возможно, сравнительно недавно изменился?

Якоб взволновано потирает руку об руку.

— Что, мутация? Удачный прорыв? Чертовски неудачный для нас.

— Может быть, его изменили сознательно, — произносит Роуэн.

Ну вот, высказала.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать... — Ютта умолкает. Роуэн, наклонившись вперед, кладет ладонь на колено Якобу.

— Я знаю, что там творилось тридцать-сорок лет назад. Ты сам сказал, атмосфера золотой лихорадки. Весь рифт в лабораториях, каждый органклонер работает *in situ**...

— Ну конечно, *in situ*, попробовала бы ты воссоздать эти условия в лаборатории...

— А твои люди были на переднем крае. Ты не только сам вел исследования, но и за другими приглядывал. Наверняка приглядывал, любой толковый бизнесмен поступил бы так. Потому я и пришла к тебе, Якоб. Я ничего не утверждаю, никого не обвиняю, понимаешь? Просто я подумала, что если кто-то на «Атлантиде» знает, что произошло тогда, так это ты. Ты эксперт, Якоб. Ты ничего не можешь мне сказать?

Ютта качает головой:

— Якоб ничего не знает, Патриция. Никто из нас ничего не знает. И я все же улавливаю, к чему ты клонишь.

Роуэн не сводит глаз со старика. Тот смотрит в пол, сквозь пол, сквозь плиту палубы, сквозь трубы и провода под ней, сквозь изоляцию, фуллерен, биосталь, сквозь морскую воду и заиленные слизистые скалы — куда, она может только догадываться. И когда он заговаривает, голос его, кажется, доносится из этого далека.

— Что ты хочешь узнать?

— Могла ли у кого-нибудь найтись причина — чисто гипотетически — перестроить такой организм, как Бетагемот?

* (Прямо) на месте (*лат.*).

— Сколько угодно, — отвечает далекий голос из тела, которое кажется едва одушевленным.

— Например?

— Точечная доставка. Лекарств, генов, органелл. Такой клеточной стенки никто еще не видывал. Не пришлось бы заботиться об иммунной реакции, защитные ферменты о них и не узнают. Целевая клетка принимает его прямо в себя: лизирование оболочки, ХДД*. Вроде биодegradирующего фуллерена.

— Еще?

— Идеальный стимулятор. При соответствующих условиях эта штука качает АТФ с такой скоростью, что можно одной рукой перевернуть автомобиль. По сравнению с ним митохондрии просто тухлятина. Солдат с Бетагемотом в клетках, при достаточной дозе, может и экзоскелет перешеголять.

— Если Бетагемот перестроить для этой цели, — поправляет Роуэн.

— Да, — шепчет старик, — в том-то и дело.

Роуэн очень тщательно подбирает слова:

— А могли найтись... менее узкие сферы применения? Оружие всеобщего уничтожения, промышленный терроризм?

— В смысле, чтобы он работал как сейчас? Нет. Надо было ослепнуть и сойти с ума одновременно, чтобы подумать о таком.

— Но скорость воспроизводства пришлось бы немножко увеличить, а? Для коммерческого использования.

Он кивает, по-прежнему глядя в никуда.

— Эти глубоководные организмы так медлительны, что тебе, считай, повезло, если они делятся раз в десять лет.

* По всей вероятности, подразумевается хитиндисахариддеацетилаза, фермент.

— А при этом им потребовалось бы больше питания, верно? Чтобы поддерживать ускорившийся рост.

— Конечно, это и ребенку известно. Но нарочно такого бы не стали делать, никто не станет добиваться такой цели, это просто был бы неизбежный...

— Побочный эффект, — подсказывает Ютта.

— Побочный эффект, — повторяет старик. Голос его не изменился и по-прежнему доносится, спокойный и далекий, из центра земли. Но на щеках у Якоба Хольцбринка слезы.

— Значит, не нарочно. Целили во что-то другое, а потом все пошло... наперекосяк. Ты это хочешь сказать?

— Гипотетически? — Уголки губ у него приподнимаются в чуть заметной вымученной улыбке. Слезы текут по морщинам и буграм старческого подбородка.

— Да, Якоб. Гипотетически.

Голова кивает.

— Можно что-нибудь сделать? Из того, что мы еще не пробовали?

Якоб качает головой.

— Я всего лишь корп. Не знаю.

Она встает. Старик, уйдя в свои мысли, смотрит вниз. Ютта смотрит на Роуэн.

— Не пойми его неправильно, — говорит она.

— Ты о чем?

— Он этого не делал, он не виноват. Не больше тебя. Не больше любого из вас.

— Я понимаю, Ютта.

Она прощается. Последнее, что она видит через закрывающийся люк — как Ютта Хольцбринк надевает на склоненную голову мужа гарнитуру сонника.

Теперь уже ничего не исправишь. Нет смысла обвинять, тыкать в кого-то пальцем. И все же она рада, что навестила их. Даже в некотором смысле благодарна. Благодарность эгоистическая, но лучше, чем ничего. Утешение, уж какое

есть, Патриция Роуэн находит в том, что оказалась не первой из виноватых. Даже Лени Кларк, русалка Апокалипсиса, оказалась не первой. Роуэн оглядывается на люк в конце голубого коридора.

Все началось отсюда.

ПОРТРЕТ САДИСТА НА СВОБОДЕ

Технически это называлось «складной катастрофой». На графике она выглядела как цунами в разрезе: гладкая крыша наступающей волны выдается вперед, прогибается под гребнем и уходит плавной дугой к новому низкоэнергетическому состоянию равновесия, при котором камня на камне не остается.

С земли все представлялось намного грязнее: отказ энергосетей, судороги систем жизнеобеспечения и удаления отходов, забитые взбудораженными толпами дороги, до революции — один шаг. Полиция в экзоскелетах давно отступила с уровня улиц; только «оводы» роились над головами, поливая толпы газом и ультразвуком.

Для переднего края волны существовало отдельное название. Момент хаотического перегиба, в котором траектория прогибается внутрь перед тем, как обрушится волна, именовали «точкой перелома». Западная часть Н'АмПацифика миновала ее в последние тридцать четыре часа: все, что находилось к западу от Скалистых гор, можно было более или менее списывать со счетов. УЛН опускала все доступные барьеры — для людей, товаров, даже электроны замораживали на ходу. С какой стороны ни посмотри, на Кордильерах мир заканчивался. Теперь только правонарушители могли выходить за эту границу и пытаться что-нибудь сделать.

Что ни сделай, на этот раз всего будет мало.

Конечно, система деградировала не первое десятилетие. Даже не первый век. Своей работой Дежарден

был обязан этой живой связи между энтропией и человеческой глупостью — без них борьба с кризисами не стала бы самой крупной отраслью на планете. Рано или поздно все начинает разваливаться, это известно каждому, у кого есть пара глаз, а IQ чуть повыше комнатной температуры. Но не было серьезных причин, чтобы все развалилось так быстро. Они могли бы выгадать еще десяток-другой лет, еще немного времени для того, чтобы верующие в человеческую изобретательность продолжали обманывать себя.

Но чем ближе вы к точке перелома, тем труднее заклеивать трещины. Даже равновесие в такой близости от края обрыва всегда неустойчиво. Что там бабочки — когда планета зависла на самом краю, даже взмах крылышка или может его столкнуть.

Год был 2051-й, и долгом Ахилла Дежардена было раздавить Лени Кларк как букашку, будь то бабочка или тля.

Он видел, как дела рук ее распространяются по континенту, словно паутина трещин по льду озера. Он получал сводки данных из сотен источников за два месяца — подтвержденная и ориентировочная информация устарела для применения в поисках, но могла пригодиться для предсказания следующего прорыва Бетагемота. Мемы и легенды о Мадонне Разрушения, куда более многочисленные и метастатичные — стратегия воспроизводства роя виртуальных существ, которых Дежарден только что обнаружил и мог уже никогда не понять. Реальность невольно вступала в союз с мифами, и там, где они сливались, расцветал Бетагемот; из-за спины выскакивали пожары и отключения энергии, и в жертву общему благу приносились все новые невинные жизни.

Дежарден знал, что это ложь. Северная Америка, несмотря на все драконовские меры предосторожности, уже миновала точку перелома. Падать системе далеко,

пройдет немало времени, пока она долетит с гребня до дна. Но Дежарден умел читать числа. По его расчетам оставалось две — может быть, три — недели, прежде чем весь континент рухнет в анархию следом за Н'АмПацификом.

Бегущая строка в уголке дисплея сообщала о новом бунте в Гонкувере. Сверхсовременные охранные системы гибли, защищая стеклянные шпили и богатые кварталы — проигрывая не умникам-хакерам и не превосходящей технологии, а напору живого мяса. Оружие захлебывалось, скрывалось под приливом живых тел, топчущих мертвые. У него на глазах толпа с торжествующими воплями проломил ворота. Тридцать тысяч голосов в нестройном хоре звучали как один голос, в котором уже не осталось ничего человеческого. Этот звук напоминал вой ветра. Дежарден отключил новости прежде, чем толпа узнала то, что было известно ему: район пуст, корпы, когда-то укрывавшиеся в нем, давно залегли на дно.

На дно моря.

Легкая рука погладила его по спине. Он в испуге обернулся — за плечом стояла Элис Джовелланос. Увидев, кто пришел с ней, Дежарден украдкой бросил взгляд на экран — на экране в десятке окон горел Рим. Он потянулся к выключателю.

— Не надо. — Лени Кларк сдвинула с лица визор и пустыми, как яичные скорлупки, глазами уставилась на картины разрушений. Лицо ее было неподвижно, но голос, когда она заговорила снова, дрогнул:

— Оставь.

Он познакомился с ней две недели назад. Выслеживал несколько месяцев, рылся в архивах, раскопал ее досье, сосредоточил все свои способности на расшифровке загадочной и непонятой головоломки по имени Лени Кларк. Но сложившиеся фрагменты открыли перед ним не про-

сто «ходячий инкубатор конца света», как выразилась Роуэн. Они открыли портрет женщины, все детство которой было ложью, навязанной извне программой, которой она не осознавала и не могла управлять. Все это время Кларк пыталась вернуться домой, пересмотреть собственное прошлое. А Кен Лабин, поработанный собственным вариантом Трипа Вины, пытался ее убить. Дежарден, в свою очередь, попытался его остановить — в тот момент это представлялось единственным достойным вариантом. Оглядываясь назад, оставалось только удивляться, что столь добрый поступок мог быть следствием пробуждающейся в нем психопатии.

Попытка спасения провалилась — Лабин перехватил его еще до того, как Кларк добралась до Су-Сент-Мари. Дальнейшее Дежарден наблюдал, будучи привязанным к креслу в темной комнате, с разбитым и изломанным лицом.

Как ни странно, так с ним обошелся не Кен Лабин. Как-то так вышло, что они оказались, в широком смысле, на одной стороне: он, Элис, Кенни и Лени вместе трудились под знаменем серости, неясной морали и праведной мести. Спартак освободил Лабина от Трипа — так же, как до этого и Дежардена. Правонарушитель вынужден был признаться, что и сейчас испытывает некоторое сочувствие к молчаливому убийце: он знал, каково вернуться к настоящей ответственности после того, как много лет все трудные решения за тебя принимали синтетические нейротрансмиттеры. Парализующая тревога. Вина.

По крайней мере, в первое время. Сейчас вина почти стерлась. Остался только страх.

Мир взывал к нему с тысяч сторон. Его обязательно было прислушаться к каждому призыву: обеспечить спасение или, если не выйдет, вычерпывать воду ведрами, пока последний обломок не скроется под волнами. Еще недавно это была не просто обязанность —

непреодолимая потребность, пристрастие, от которого он не мог отказаться. Вот сейчас ему полагалось высылать аварийные бригады, перенаправлять каналы снабжения, изыскивать подъемники и «оводы» для поддержки слабого карантина.

«На хрен!» — подумал он, отключая все каналы. И каким-то образом уловил, как вздрогнула Лени Кларк, когда экран потемнел.

— Выцепил? — спросила Джовелланос. Она могла бы и сама попробовать, но проработала старшим правонарушителем всего неделю — маловато, чтобы привыкнуть к новым возможностям, а тем более выработать седьмое чувство, которое Дежарден оттачивал шестой год. Ее наиболее точная оценка местоположения корпов сводилась к «где-то в Северной Атлантике».

Кивнув, Дежарден потянулся к главной панели. Ониксовое отражение Кларк шевельнулось у него за спиной в глубине темной поверхности. Дежарден подавил желание оглянуться. Она была прямо здесь, в его кабинете — обычная девушка вдвое меньше него. Тощая маленькая К-отборщица, которую одна половина человечества мечтает убить, а другая — отдать за нее жизнь.

Он еще не знал ее, когда пожертвовал всем, чтобы прийти ей на помощь. Когда же наконец встретился лицом к лицу, она показалась ему еще страшнее Лабина. Но с тех пор с Кларк что-то случилось. Повадка снежной королевы ничуть не изменилась, но то, что стояло за ней, казалось... меньше, что ли. Почти хрупким. Элис, правда, ничего не замечала. Едва нащупав шанс поквитаться со «Зловещей Корпоративной Олигархией», или как там это называлось на нынешней неделе, она сама себя назначила талисманом рифтеров.

Дежарден развернул окно на экране: спутниковая съемка открытого океана, раскрашенного компьютером в цветные переливы множества оттенков.

— Я об этом думала, — пискнула Элис, — но даже если можно было бы выделить из помех тепловые отпечатки, там, внизу, такая медленная циркуляция...

— Не температура, — перебил ее Дежарден, — а степень помутнения.

— Все равно, циркуляция...

— Заткнись и учись, а? — зыкнул на нее Дежарден.

Элис замолчала. В ее глазах стояла нескрываемая боль. Она ступала по яичной скорлупе с тех пор, как призналась, что заразила его.

Дежарден обернулся к панели:

— Конечно, со временем многое изменяется. От барашков на волнах до кальмарьего пердежа... — Он стукнул по иконке; новые данные наложились поверх основной линии прозрачной глазурью. — По одному снимку след ни за что не взять, даже при самом точном разрешении. Придется оценивать данные за три месяца.

Слои смешались. Аморфная плазма исчезла, в тумане проступили четкие линии и пятна.

Пальцы Дежардена пробежали по панели.

— Теперь отсеем все, что есть в базе данных НУОАИ*... — Мириады светящихся шрамов вылиняли до прозрачности. — ...следы Гольфстрима... — Потемнела цепочка бусинок от Флориды до Англии. — ...и все зарегистрированные участки строительства и точки подъема глубинных вод, которые не соотносятся с минимально допустимыми размерами объекта.

Пропали еще несколько десятков пятнышек. Северная Атлантика стала темна и безвидна, если не считать единственного яркого пятнышка, расположенного почти точно посередине.

— Так вот оно где, — пробормотала Кларк.

* Национальное управление океанических и атмосферных исследований, ныне существующее в США научное ведомство.

Дежарден покачал головой.

— Надо еще учесть боковое смещение при подъеме к поверхности. Течения на средних глубинах и тому подобное.

Он ввел алгоритмы — пятнышко дернулось к северо-востоку и застыло

«39°20'14" с.ш. 25°16'03" з.д.», — сообщил дисплей.

— Точно на северо-восток от зоны Атлантического Разлома, — сказал Дежарден. — Самый низкий показатель завихренности во всем океане.

— Ты сказал — степень помутнения. — Отражение Кларк со светящимся кругом на груди покачало головой. — А если вода там не движется...

— Пузыри, — воскликнула, догадавшись, Элис.

Дежарден кивнул.

— Убежище для нескольких тысяч человек не построишь без сварки. Сварочные аппараты дают выброс использованного газа. Отсюда и помутнения.

Кларк все еще сомневалась.

— Мы варили на Чэннере. Давление сплющивает пузыри чуть не раньше, чем они образуются.

— При точечной сварке — конечно. Но они там должны скреплять целые секции — температуры выше, выход газа и термальная инерция тоже. — Он наконец обернулся к ней. — Мы же не о кипящем котле говорим. К тому времени, как газ добирается до поверхности, это просто мельчайшая газовая взвесь, невидимая простым глазом. Но ее достаточно, чтобы уменьшить прозрачность воды, что мы здесь и видим.

Он постучал по точке на экране.

Кларк несколько секунд рассматривала его ничего не выражающим взглядом.

— Кто-нибудь еще об этом знает? — спросила она наконец.

Дежарден покачал головой.

— Никто не знает даже, что я этим занимаюсь.

— Ты не против, если это так и останется?

— Лени, — фыркнул он, — я даже думать не хочу, что будет, если кто-то прознает, что я на такие вещи трачу время. И не то чтобы я вам не рад, но болтаясь рядом, вы, ребята, сильно рискуете. Вы не...

— Это уже не проблема, Кайфолом, — тихо сказала Элис. — Я быстро схватываю.

Она не хвасталась. Получив повышение после его дерзирства, она за несколько часов вычислила, что тысяча с небольшим корпов тихо исчезли с лица земли. И меньше двух дней ушло у нее на то, чтобы вернуть Дежардена в штат УЛН, прикрыть его таинственное исчезновение алиби и бюрократической болтовней. Конечно, она получила незаконную фору в начале игры — заражение Спартаксом исключило влияние Трипа Вины. Она получила все возможности старшего правонарушителя без сопутствующих ограничений. Само собой, она приняла меры, прежде чем протащить Лени Кларк в святая святых УЛН.

Но Спартак и сейчас бурлил в голове у Дежардена, кислотой разъедая цепи, выкованные Трипом. Он уже освободил его совесть и скоро, что крайне пугало Ахилла, должен был уничтожить ее полностью.

Он взглянул на Элис. «Это ты со мной сделала», — подумал он и проанализировал вызванные этим обвинением чувства. Еще недавно это был гнев, ощущение, что его предали. И даже нечто граничащее с ненавистью.

Теперь появилось сомнение. Элис... Элис была осложнением, гибелью и спасением Дежардена в одном стройном теле. Пока что она его спасла. И владела информацией, которая может оказаться спасительной позже. Представлялось неглупым подыграть ей. По крайней мере, временно. Что до рифтеров, чем быстрее он выпроводит их отсюда, тем проще станет уравнение.

И еще какая-то острая заноза, засевшая в голове, напоминала о возможностях, которые скоро откроются перед человеком, спущенным с цепи.

Элис Джовелланос улыбнулась ему осторожно, а может, и с надеждой.

— Ты быстро схватываешь, — повторил он, — это точно.

Будем надеяться, что не слишком быстро.

ИСПОВЕДЬ

Джеренис Седжер желает сделать заявление.

Не Кларк с Лабин — им она даже не говорит, о чем речь.

— Поймите меня правильно, — просит она. — Я хочу обратиться ко всему сообществу.

Ее разбитое на пиксели изображение смотрит с панели мрачно и виновато. На заднем плане — Патриция Роуэн, она, кажется, тоже не в восторге.

— Хорошо, — отвечает наконец Лабин и отрубает связь.

«Седжер, — размышляет Кларк. — Седжер выступает с заявлением. А не Роуэн».

— Новости от медиков, — говорит она вслух.

— Плохие новости, — отзывается Лабин, затягивая мембрану на перчатках.

Кларк настраивает панель на низкочастотное вещание.

— Пожалуй, стоит собрать войска.

Лабин направляется к трапу:

— Позвонишь в колокол, а?

— А ты куда? — Колокол привлекает внимание тех рифтеров, что держат вокодеры отключенными, но их Лабин обычно созывает сам.

— Хочу кое-что проверить, — отвечает он.

Люк шлюза с шипением закрывается за ним.

Конечно, даже с их нынешним количеством все сразу в головной узел не втиснутся.

Было бы проще, если бы рифтеры строились по правилам. В конструкции модулей предусматривалась стыковка; каждая самодостаточная сфера топырилась шестью круглыми ртами по два метра в поперечнике. Каждая могла смыкаться губами с аналогичной или с промежуточными коридорами — так что вся конструкция разрасталась в бугорчатый беспорядочный скелет с длинными костями и пустыми черепами, распростершийся на морском дне. Во всяком случае, так было задумано. Несколько основных форм с бесконечными возможностями сочетать их.

Но нет. Модули-пузыри рассеялись по дну одиночными грибами. Рифтеры живут по одиночке, или парами, или такими компаниями, какие сложились на данный момент. Толпа рифтеров — практически оксюморон. Пузырь головного центра — один из самых больших во всем трейлерном парке, но и у него на главных палубах уместается не больше дюжины человек. Учитывая, насколько личное пространство расширяется у большинства рифтеров на глубине, им будет неудобно.

К тому времени как Кларк, запустив колокол, возвращается обратно, места почти не осталось. На входе в шлюз к ней на хвост садятся Чен с Крамером. На приемной палубе Абра Чун опережает ее и первой поднимается по лестнице. Кларк, взбираясь следом, слышит, как снова запускается шлюз — а пока ее не было, уже собралась кучка народу, человек восемь или девять.

Всем заправляет Грейс Нолан, обосновавшись за панелью связи. Сонары показывают, что на подходе еще дюжина людей. Кларк от нечего делать прикидывает, выдержат ли фильтры пузыря такую нагрузку. Может, и не будет никакого «заявления». Может, Седжер просто хочет, чтобы они надышались собственной углекислотой?

— Привет. — Рядом появляется Кевин Уолш, с надеждой зависнув на периметре ее личного пространства. Он, кажется, опять стал самим собой. Стоящий впереди Гомес оборачивается и замечает Кларк:

— О, Лен? У корпов новости, как я слышал.

Кларк кивает.

— Ты водишь компанию с этими засранцами. В курсе, о чем речь?

Она качает головой.

— Новости от Седжер. Наверное, что-то медицинское.

— Да, пожалуй. — Гомес негромко втягивает воздух сквозь покрытые пятнами зубы. — Джулию никто не видел? Ей бы следовало это послушать.

Чун поджигает губы:

— После того, как она полторы недели провела с Джинном? Если так хочется, вот сам и дыши с ней одним воздухом.

— Я недавно видел ее у одной из «поленниц», — влезает Хопкинсон.

— Как она?

— Ты же знаешь Джулию. Черная дыра с сиськами.

— Я имела в виду — внешне. Не выглядит больной?

— Откуда мне знать? Думаешь, она там была в трусиках и лифчике? — пожимает плечами Хопкинсон. — Да мы и не разговаривали.

Сквозь переборки и гул разговоров смутно прорываются крики терзаемого камня.

— Ну все, — говорит за панелью Нолан, — хватит балду пинать. Прицелился — стреляй. — Она касается иконки на панели. — Ты на связи, Седжер. Давай, дерзай.

— Все здесь? — звучит голос Седжер.

— Конечно, нет. Мы бы не уместились.

— Я бы предпочла...

— Тебя вывели на все каналы низкочастотника. В пределах пятисот метров тебя услышит каждый.

— Так... — Пауза, молчание человека, соображающего, как лучше пройти через минное поле. — Как вам известно, «Атлантида» уже несколько дней на карантине. С тех пор, как мы узнали о Бетагемоте. Все мы модифицированы, так что не было причин ожидать серьезных проблем. Карантин был банальной мерой предосторожности.

— Был... — отмечает Нолан. Внизу снова запускается шлюз.

Седжер рассказывает дальше:

— Мы провели анализ... образцов, которые доставили с Невозможного озера Кен и Лени, и все указывает на Бетагемот. Те же особенности РНК, та же стереоизомеризация...

— Давай к сути, — рявкает Нолан.

— Грейс? — окликает Кларк. Нолан оглядывается на нее.

— Заткнись и дай ей договорить, — просит Кларк. Нолан, фыркнув, отворачивается.

— В общем, так, — помолчав, продолжает Седжер. — Результаты были вполне однозначные, поэтому мы из предосторожности кремировали зараженные останки. Разумеется, после оцифровки.

— Оцифровки? — переспрашивает Чен.

— Разрушающее сканирование с высоким разрешением, позволяющее воссоздать копию образца вплоть до молекулярного уровня, — поясняет Седжер. — Смоделированные ткани дают те же реакции, что и реальные образцы, но без сопутствующего риска.

В поле зрения втискивается Чарли Гарсиа. С каждым новоприбывшим перегородки словно смыкаются чуть тесней. Кларк сглатывает. Воздух вокруг нее уплотняется.

Седжер кашляет.

— Я работала с одной из таких моделей и... ну, я обратила внимание на некую аномалию. Я думаю, что рыба,

доставленная вами с Невозможного, была инфицирована Бетагемотом.

По всей комнате встречаются взгляды пустых глаз. Вдалеке колокол Лабина испускает последний слабый вопль и замолкает — газовый резервуар опустел.

— Ну естественно, — вступает после паузы Нолан. — Так что?..

— Я... гм... говорю «инфицирована» в смысле патологии, а не симбиоза. — Седжер снова откашливается. — Я хотела сказать...

— Рыба была больна, — подсказывает Кларк. — Больна Бетагемотом.

Минута мертвого молчания. Затем:

— Боюсь, что ты права. Если б ее не убил Кен, то прикончил бы Бетагемот.

— Ох ты, блин, — тихо вырывается у кого-то. Словечко повисает в полной тишине. Внизу булькает шлюз.

— Значит, больна, — нарушает молчание Дейл Кризи. — И что с того?

Гарсиа качает головой:

— Дейл, ты не забыл, как работает эта дрянь?

— Конечно. Разбирает энзимы на части, добывая из них серу или что-то в этом роде. Мы к ней иммунны.

— Мы иммунны, — терпеливо объясняет Гарсиа, — потому что нам встроили особые гены, придающие энзимам прочность, с которой Бетагемот не справляется. А получили мы эти гены от глубоководных рыб, Дейл.

Кризи еще обдумывает услышанное, а кто-то срывающимся голосом уже шепчет:

— Черт, черт, черт!

Одинокий опоздавший поднимается по лестнице — и почему-то оступается на первой перекладине.

— Боюсь, что мистер Гарсиа прав, — говорит Седжер. — Если рыбы, обитающие здесь, оказались уязвимыми для вируса, то мы, возможно, тоже уязвимы.

Кларк качает головой.

— Но... ты хочешь сказать, что это все-таки не Бетагемот? Что-то другое?

У лестницы поднимается суета, собравшиеся рифтеры пятятся, словно к ней подключили ток. Над люком показывается шатающаяся Джулия Фридман, лицо у нее цвета базальта. Она выбирается на палубу, держась за перила вокруг люка и не решаясь их выпустить. Оглядывается, часто мигая поверх мертвых линз. Кожа у нее блестит.

— Это все еще Бетагемот — в общих чертах, — бубнит в отдалении Седжер. Из «Атлантиды». Из закупоренной, запаянной, герметически запечатанной карантинном, безопасной как хрен знает что «Атлантиды». — Вот почему мы не сумели точно определить природу болезни мистера Эриксона: он дал положительную реакцию на Бетагемот, но, мы, конечно, не обратили на это внимания, поскольку не ожидали никаких проблем. Но это, по-видимому, новая мутация. Подобная вариабельность довольно распространена среди организмов, попадающих в новую среду. Это по сути...

«Злой брат-двойник Бетагемота», — вспоминает Кларк.

— ... Бетагемот второй модели, — заканчивает Седжер.

Джулия Фридман падает на колени, ее рвет.

Вавилон на всех частотах. Смешение прерывающихся голосов:

— Конечно, не верю. А ты что, веришь?

— Чушь собачья. Если...

— Они честно признались. Могли промолчать.

— Да, в тот самый момент, когда у Джулии проявились симптомы, их обуяла честность. Какое совпадение!

— Откуда им было знать, что она...

— Им известен инкубационный период. Наверняка. Как еще объяснить такой точный расчет?

— Да, но что нам-то делать?

Узел опустел. Рифтеры, словно выброшенный из трюма балласт, рассыпались по дну, теперь довольно многолюдному даже по сухопутным стандартам. Пузырь нависает над ними чугунной планетой. Три фонаря, установленные у входного шлюза, бросают на дно яркие пересекающиеся круги. Черные тела плавают на периферии света — призраки беспокойного движения за немигающими глазами, похожими на ряды акульих зубов. Кларк приходит мысль о голодных зверях, сторонящихся лагерного костра. Вообще-то, ей следовало бы чувствовать себя одной из стаи.

Грейс Нолан больше не видно. Несколько минут назад она скрылась в темноте, поддерживая одной рукой Джулию, провожая ее к дому. Такое проявление альтруизма добавило ей сторонников — Чен с Хопкинсон при следующем противостоянии окажутся на ее стороне. Гарсия сомневается, но настроение сейчас не такое, чтобы народу требовались безоговорочные доказательства.

— Эй, Дими, — жужжит Чен, — как там дела?

— Воняет как в лазарете, — воздушный голос Александра разительно выделяется на фоне подводных. — Но я почти закончил. Вырастил бы мне кто-нибудь новую кожу.

Он остался внутри: стерилизует все, что вошло в контакт с Фридман и ее выделениями. Грейс Нолан вызвала волонтеров.

Она начала приказывать. А люди начали ее слушаться.

— Говорю, надо просто пробуравиться к гадам, — жужжит где-то рядом Кризи.

Кларк вспоминает прожженные в биостали дыры.

— Давайте пока подождем с контратакой. Им будет трудновато найти лекарство, если мы их размажем по палубе.

— Как же, станут они искать лекарство!

Она пропускает этот выкрик мимо ушей.

— Им нужны образцы крови от каждого. Еще кто-то из нас может оказаться инфицирован. Проявляется это, очевидно, не сразу.

— У Джина проявилось довольно быстро, — напоминает кто-то.

— Когда тебя потрошат заживо, сопротивляемость малость снижается. А у Джулии ничего не проявлялось... сколько, две недели?

— Я им ни капли крови не дам. — Голос Кризи — как скрежет по металлу. — А если попробуют взять силой, я на их кровь полюбуюсь!

Кларк устало качает головой.

— Дейл, они никого не могут заставить и прекрасно об этом знают. Они просят. Хочешь, чтобы молили — можно устроить. В чем дело? Ты и сам брал образцы.

— Если вы на минутку отвлечетесь от вылизывания клитора Патриция Роуэн, у меня тут весточка от Джина.

Грейс Нолан всплывает в круг света, словно черный зверь, утверждающий власть в стае. Уж ее-то костер не пугает.

— Грейс, — жужжит Чен, — как там Джулия?

— А ты как думаешь? Она больна. Но я ее уложила и диагностер подключила — хоть какая-то польза будет.

— А Джин? — спрашивает Кларк.

— Он ненадолго приходил в себя. И сказал, цитирую: «Я говорил им, эти людоеды со мной что-то сделали. Может, поверят, когда умрет моя жена»

— Ну, — пищит Уолш, — он, как видно, пошел на поправ...

— Корпы никогда бы не рискнули распространять подобную заразу, не будь у них лекарства, — перебивает Нолан. — Слишком просто было самим подцепить.

— Верно... — это опять Кризи. — Говорю вам, давайте сверлить переборку за переборкой, пока не отдадут.

В темноте сомнения и согласие сливаются воедино.

— Знаете, попробую разыграть адвоката дьявола. Я к тому, что есть ведь некоторая вероятность, что они правду сказали.

Это Чарли Гарсиа подплывает сбоку.

— Я к тому, что микробы ведь мутируют, да? — продолжает он. — Особенно когда люди обстреливают их всякими веществами — а когда эта дрянь объявилась, в нее наверняка палили всей фармацевтикой сразу. Так кто скажет, что он сам не мог мутировать из первого Бетагемота в Бета-макс?

— Охрененная натяжка, я бы сказал, — жужжит Кризи.

Вокодер Гарсиа щелкает — звуковой символ для пожатия плечами.

— Просто напомнил.

— А если они собирались развязать биологическую войну, с чего бы им тянуть до сих пор? — хватается за соломинку Кларк. — Почему было не начать четыре года назад?

— Четыре года назад у них Бетагемота не было, — говорит Нолан. И Уолш:

— Они могли захватить с собой культуру вируса.

— Что, на память? Ностальгии ради, что ли? Ни хрена у них не было, пока Джин не преподнес им Бетагемот тепленьким на блюдечке.

— Это ты зря, Грейс, — жужжит Гарсиа. — Мы уже пятьдесят лет собираем вирусы из обрывков. Зная последовательность генов, корпы могли в любое время собрать Бетагемот с нуля.

— И, если на то пошло, вообще что угодно, — добавляет Хопкинсон. — С какой стати использовать штуку, которая так медленно работает? Сколько из наших заболело-то? Суперхолера свалила бы нас за несколько дней.

— Джина бы свалила сразу, — жужжит Нолан, — и он не успел бы заразить остальных. У быстродействующего

организма здесь нет шансов — мы рассеяны, мы изолированы, мы большей частью и не дышим. И даже внутри не снимаем кожи. Для эпидемии нужен медленно действующий агент. Эти подонки знали, что делают.

— К тому же, начнись на дне океана эпидемия суперхолеры, мы бы наверняка смекнули, в чем дело. Они бы сразу попались.

— И они это понимали.

— А Бетагемот их оправдывает, — говорит Чен. — Разве не так?

«Черт бы тебя побрал, Джелейн! — Кларк как раз подумала о том же. — Обязательно было об этом напоминать?»

Нолан тут же подхватывает тему:

— Так. Именно так. Бетагемот аж с самого Невозможного озера, никого ведь не обвинишь, что его туда подкинули — они просто чуточку поработали с ним в «Атлантиде», передали нам, а мы, конечно, не заметили разницы.

— Тем более, что они якобы уничтожили образцы, — добавляет Кризи.

Кларк мотает головой.

— Ты — водопроводчик с жабрами, Дейл. Пусть бы Седжер даже отдала тебе эти образцы в запечатанном пакетике — разве ты знал бы, что с ними делать? Это относится и к школьным опытам Грейс с образцами крови.

— Вот и вся твоя помощь. — Нолан изворачивается всем телом и оказывается нос к носу с Кларк. — Мы, тупицы рыбоголовые, ни в чем не разбираемся, доказать ничего не можем, и должны доверять ученым умникам, которые нас и нагрели когда-то.

— Не все, — жужжит в ответ Кларк. — Рама Бхандери.

Внезапно все умолкают. Кларк и сама не верит, что заговорила об этом.

Вокодер Чен постукивает, выдавая ее нерешительность.

— Э... Лен, Рама же отуземился.

— Пока еще нет. Не совсем. Самое большее, на грани.

— Бхандери? — От механической злобы в голосе Нолан вибрирует вода. — Он уже рыба!

— Он все еще соображает, — настаивает Кларк. — Я только вчера с ним говорила. Мы могли бы его вернуть.

— Бхандери в этом дерьме разбирается, — вставляет Гарсиа. — Или разобрался.

— Ага, именно что в дерьме, — добавляет Кризи. — Я слышал, он переделал кишечную палочку, чтобы она выделяла психоактивные вещества. Человек ходит с этим дерьмом в кишках и сам себе обеспечивает страну чудес. — Грейс Нолан, обернувшись, пристально смотрит на него, но Кризи не улавливает намека. — Кое-кто из его клиентов жрал собственные какашки. Чтобы сильнее понимало.

— Потрясающе, — жужжит Нолан, — слюнявый идиот и химик-говнарь. Наши проблемы решены.

— Я только говорю, что нам не обязательно самим себе перерезать глотки, — настаивает Кларк. — Если корпы нам не лгут, то в них наша главная надежда справиться с этим.

— Скажешь, мы должны им верить? — вставляет Чун.

— Я говорю, может, нам и не придется ничего принимать на веру. Дайте мне шанс поговорить с Рамой, узнать, сумеет ли он помочь. Если нет, взорвать «Атлантиду» можно и на следующей неделе.

Нолан рубит воду рукой:

— Да у него ум за разум зашел!

— У него осталось достаточно мозгов, чтобы рассказать, что произошло у «поленницы», — тихо жужжит Кларк.

Нолан отвечает долгим взглядом, чуть заметно напрягается всем телом.

— В самом деле, — встревает Гарсиа, — я, пожалуй, поддерживаю Лени.

— А я — нет, — тотчас огрызается Кризи.

— Проверить не повредит, — голос Хопкинсон вибрирует где-то с задних рядов. — Лени права. Убить их никогда не поздно.

Не то чтобы импульс выигрышный, но Кларк все равно его использует.

— А что им остается, задержать дыхание и рвануть к поверхности? Мы можем позволить себе ждать.

— А Джин может? А Джулия? — Нолан обводит глазами круг. — Сколько у нас времени — у каждого?

— А если ты ошибаешься, вы перебьете всех засранцев до последнего, а потом выясните, что они все же пытались нам помочь... — Кларк качает головой. — Нет, я этого не допущу.

— Ты не до...

Кларк чуть увеличивает звук и заглушает ее.

— Вот мой план, народ. Все, кто еще не сдал, сдают кровь. Я ищу Раму и выясняю, способен ли он помочь. А к корпам пока никто не лезет.

«Вот оно, — думает она. — Поднимай ставку или пасуй».

Минута растягивается. Нолан оглядывает собрание. И, похоже, увиденное ей не нравится.

— Вы все, счастливые маленькие эрочки и кашечки, делайте что хотите. А я знаю, что мне делать.

— Тебе, — говорит ей Кларк, — надо сдать назад, заткнуться и ни хрена не делать, пока мы не получим надежную информацию. А до тех пор, Грейс, если я застану тебя в пятидесяти метрах от «Атлантиды» или Рамы Бхандери, то собственными руками вырву тебе трубки из груди.

Внезапно они оказываются линзы к линзам.

— Больно много на себя берешь, твой ручной психопат пока еще тебя не поддержал. — Вокодер Нолан стоит на минимальной громкости, ее слова — механический шепот, слышный только Кларк. — Где твой телохранитель, корповская подстилка?

— Он мне не нужен, — невозмутимо жужжит в ответ Кларк. — Если ты мне не веришь, кончай нести фуфло, а переходи к делу.

Нолан неподвижно висит в воде. Ее вокодер тикает, как счетчик Гейгера.

— Слушай, Грейс, — неуверенно жужжит сбоку Чен. — Право, попробовать не помешает, честно...

Нолан ее словно не слышит. И долго не отвечает. Наконец качает головой.

— Хрен с вами, пробуйте.

Кларк еще несколько секунд выдерживает паузу, потом разворачивается и, медленно работая лапами, уходит из круга света. Она не оглядывается — и надеется, что стая примет это за полную уверенность в себе. Но в душе жутко трусит. В голове одна мысль: бежать — бежать от этого нового, с иголочки, напоминания о собственном ядовитом прошлом, от цунами и отвернувшейся от нее удачи. Хочется просто соскользнуть с Хребта, отуземиться и уходить все дальше, пока голод и одиночество не разглядят извилины в мозгу, сделав его мозгом рептилии — как у Бхандери. Ей ничего так не хочется, как сдаться.

Она уплывает в темноту и надеется, что остальные последовали ее примеру. Прежде чем Грейс Нолан заставила их передумать.

Кларк берет курс на двухпалубник немного на отшибе от других. Безымянный — хотя некоторые пузыри окрестили: «Домик Кори», «Пляжный мяч» или «Оставь надежду». На корпусе этого не было таблички, когда она в прошлый раз проплывала мимо — нет и теперь. И ни-

кто не повесил запретительных знаков в шлюзе, однако на сушилке блестят две пары ласт, а с сухой палубы доносятся тихие влажные звуки.

Она взбирается по лесенке. Ын и чья-то спина трахаются на матрасе. Очевидно, даже Лабинов гудок не отвлек их от этого занятия. Кларк ненадолго задумывается, не прервать ли их, чтобы ввести в курс событий.

На фиг, скоро сами все узнают.

Она обходит пару и осматривает панель связи. Довольно простенькое устройство из нескольких подручных деталей — только-только чтоб работало. Кларк, поиграв с экраном сонара, выводит на него топографию Хребта, а поверх — сетку условных иконок. Вот главные генераторы, проволочные скелеты небоскребов, высящиеся на юге. А вот «Атлантида», большое неровное колесо обозрения, опрокинутое на бок — сейчас нечеткое и расплывчатое, эхо размывается полудюжиной глушилок, запущенных, чтобы защитить последние нововведения от чужих ушей. Со времени Бунта эти глушилки не использовались. Кларк удивляется, что они остались на месте, да еще в рабочем состоянии. И задумывается, не занимался ли кто-то активной подготовкой.

На экране — россыпь серебряных пузырьков, полузаброшенные дома тех, кому едва ли знакомо значение этого слова. Увеличь разрешающую способность — можно будет увидеть и людей: уменьшится охват, зато станет больше подробностей, и окрестности моря наполнятся мерцающими сапфировыми изображениями, прозрачными, как пещерные рыбы. Изнутри каждого доносится жесткое эхо имплантатов, крошечных матовых комочков механики.

Распознать, кого видишь на экране, довольно просто: у каждого возле сердца — опознавательный маячок. Одним запросом Кларк может получить множество данных. Обычно она так не делает. Никто так не делает — у рифтеров свой особый этикет. Да обычно в этом и нет

нужды. С годами учишься читать голое эхо. Имплантаты Кризи чуть расплываются со стороны спины, ножной протез Йегера при движении немного уводит его влево. Массивная туша Гомеса выдавала бы и сухопутника. Маячки — излишество, шпаргалка для новичков. Рифтерам эта телеметрия в основном не нужна, а у корпов теперь нет к ней доступа.

Но иногда — когда расстояние скрывает все особенности эха или когда объект *изменился* — остаются только шпаргалки.

Кларк настраивает максимальный охват: четкие яркие фигурки сливаются, сбиваются в центре, словно космический мусор, засасываемый в черную дыру. На краях экрана проступают другие детали топографии — большие, смутные, разрозненные. Вот появилась большая черная расщелина, взрезающая и пересекающая донный грунт. Дюжина грубых курганов, серебристый осадочный мусор на дне — одни высотой с метр, другие в пятьдесят раз больше. И само дно к востоку поднимается. За пределами обзора встают подножия огромных гор. На средней дистанции и дальше — несколько светлых голубых клякс: одни лениво плывут над илистой равниной, другие просто дрейфуют. Распознать их на таком расстоянии невозможно, да и не требуется. Сигнал маячков вполне отчетлив.

Бхандери на юго-западе, на полпути до границы обзора. Кларк фиксирует его позицию и убирает увеличение, возвращая сонар к прежним настройкам. «Атлантида» и ее окрестности вырастают на экране и...

Секундочку!..

Одиночное эхо в белом шуме помех. Смутное пятно без деталей, неуместная бородавка на одном из круглых переходов, соединяющих модули «Атлантиды». Ближайшая камера установлена на причальном кране в двадцати пяти метрах восточнее и выше. Кларк подключает ее: новое окно, открывшись, высвечивается зернистым зеленым

светом. «Атлантида» вся в темных заплатках. Кое-что сияет, как всегда — верховые маячки, отводные отверстия, сигнальные огоньки на трубах озаряют темноту. Но местами свет погас. Там, где светили желто-зеленые лампы, теперь темные дыры и канавы, в глубине которых теплится синее мерцание, едва отличимое от черноты.

«Не работает», — говорят синие угольки. Или, точнее: «Рыбоголовым хода нет».

Шлюзы, ворота причального модуля... Никто уже не играет в «просто меры предосторожности»...

Она меняет наклон камеры, нацеливает ее точнее. Дает приближение: полумрак наплывает, превращаясь из размытого далека в размытую близь. Сегодня плохая видимость: либо рядом проснулись дымные гейзеры, либо «Атлантида» выбрасывает муть. Кларк различает лишь расплывчатый черный силуэт на зеленом фоне — до того знакомый, что она даже не понимает, по каким приметам его опознала.

Лабин.

Он плавает в каких-то сантиметрах от обшивки, подаваясь то в одну сторону, то в другую. Возможно, пытается удержаться на месте, сопротивляясь хитрому сплетению течений — вот только нечего ему там делать. Нет там окошек, через которые можно заглянуть внутрь, нет причин зависать именно у этого отрезка коридора.

Через несколько секунд он начинает перемещаться вдоль обшивки — но так медленно, что это настораживает. Обычно его ласты движутся плавными, свободными гребками, а сейчас чуть подергиваются. Он движется не быстрее, чем сухопутник-пешеход.

За ее спиной кто-то достигает высшей точки. Ын ворчит: «Была моя очередь».

Лени Кларк их почти не слышит.

«Ублюдок, — думает она, глядя, как Лабин скрывается в темноте. — Ублюдок. Взял и сделал!»

ВЕРБОВКА

Аликс не все понимает насчет «туземцев». По правде сказать, никто из корпов не понимает, но остальные от этого бессонницей не маются: чем больше рыбоголовых уберутся с дороги, тем лучше. Аликс, благослови ее душу, пришла в самую настоящую ярость. Для нее это все равно, что оставить дряхлую старушку умирать во льдах.

— Лекс, они сами так решают, — объяснила однажды Кларк.

— Что решают — сойти с ума? Решают, пусть у них кости превратятся в кашу, так что, заведи их внутрь, даже и на ногах устоять не смогут?

— Они решают, — мягко повторила Кларк, — остаться на рифте, и считают, что цена не слишком высока.

— Почему? Что там такого хорошего? Что они там делают?

Кларк не стала рассказывать про галлюцинации.

— Думаю, свобода. И единение со всем, что тебя окружает. Это трудно объяснить...

Аликс фыркнула:

— Ты и сама не знаешь!

Отчасти это правда. Кларк, конечно, чувствовала притяжение открытого моря. Может, это побег, может, бездна — просто самое лучшее убежище от ада жизни среди сухопутников. А может, и того проще. Может, это просто темная невесомость материнского лона, забытое чувство, что тебя питают и надежно защищают — то, что было, пока не начались схватки и все не пошло вразнос.

Все это ощущает каждый рифтер. Не все из них ассимилируются — пока еще не все. Просто некоторые... более уязвимы. Склонны к зависимостям, в отличие от более компанейских напарников. Может, у отуземившихся в лобных долях слишком много серотонина или

еще что. Обычно все сводится к чему-нибудь подобному. Аликс всего этого, конечно, не объяснишь.

— Вы должны убраться кормушки, — сказала Аликс, — чтобы они хоть за едой заходили внутрь.

— Они скорее умрут с голоду или станут питаться червями и моллюсками. — Что тоже приведет к голодной смерти, если они раньше не умрут от отравления. — Да и зачем тянуть их внутрь, если они не хотят?

— Да затем, что это самоубийство! — заорала Аликс. — Господи, неужели тебе надо объяснять? Вот ты бы не стала мешать мне покончить с собой?

— Смотря по обстоятельствам.

— В смысле?

— Действительно ли ты этого хочешь, или просто пытаешься чего-то добиться.

— Я серьезно!

— Да, я вижу, — вздохнула Кларк. — Если бы ты в самом деле решила покончить с собой, я бы горевала и злилась, и мне бы страшно тебя не доставало. Но мешать я бы не стала.

Аликс была потрясена.

— Почему?

— Потому что это — твоя жизнь. Не моя.

Этого Аликс, как видно, не ожидала. Сверкнула глазами, явно не соглашаясь, но и не находя, что возразить.

— Ты когда-нибудь хотела умереть? — спросила ее Кларк. — Всерьез?

— Нет, но...

— А я — да.

Аликс замолчала.

— И, поверь мне, — продолжала Кларк, — не особо весело слушать, как толпа специалистов толкует, что «тебе есть для чего жить», и «дела не так плохи», и «через пять лет вы вспомните этот день и сами не поймете, как вы даже думать об этом могли». Понимаешь,

они же ни черта не знают о моей жизни. Если я в чем и разбираюсь лучше всех на свете, так это в том, каково быть *мною*. И, на мой взгляд, надо быть чертовски самоуверенным, чтобы решать за другого, стоит ли ему жить.

— Но ты же не должна так думать, — беспомощно ответила Аликс. — Никто не должен. Это как ободрать кожу на локте и...

— Дело не в том, чтобы чувствовать себя счастливым, Лекс. Тут вопрос, есть ли причины для счастья. — Кларк погладила девочку по щеке. — Ты скажешь, я из равнодушия не помешаю тебе покончить с собой, а я говорю — я настолько равнодушна, что еще и помогу тебе, если ты этого действительно захочешь.

Алекс долго не поднимала глаз. А когда подняла, глаза у нее сияли.

— Но ты не умерла, — сказала она. — Ты хотела, но не умерла, и именно поэтому ты сейчас жива, и...

«А многие другие — нет». Эту мысль Кларк оставила при себе.

А сейчас она собирается все переиграть. Выслеживает человека, который решил уйти, наплевав на его выбор и навязав ему свой. Кларк хочется думать, что Аликс сочла бы это забавным, но она понимает, что не права.

Ничего смешного здесь нет — слишком это жутко.

На сей раз она не взяла «кальмара» — туземцы обычно сторонятся звука механизмов. Она целую вечность движется над равниной серого как кость ила — бездонного болота из умиравшего миллионы лет планктона. Кто-то побывал здесь до нее — ее путь пересекает след, в котором еще кружились взбаламученные движением микроскопические тельца. Она двигается тем же курсом. Из донного грунта торчат разрозненные обломки пемзы и обсидиана. Их тени проходят через яркий отпечаток налобного фонаря Кларк: вытягиваются, съеживаются и

снова сливаются с миллионолетним мраком. Постепенно обломков становится больше, чем ила: это уже не отдельные выступы, а настоящая каменная россыпь.

Перед Кларк — нагромождения вулканического стекла. Она увеличивает яркость фонаря: луч высвечивает отвесную скалу в нескольких метрах впереди. Ее поверхность изрезана глубокими трещинами.

— Алло, Рама?

Тишина.

— Это Лени.

Между двумя камнями проскальзывает белоглазая тень.

— Ярко...

Она заглушает свет.

— Так лучше?

— А... Лен... — Механический шепот, два слога, разделенные секундами усилия, которое потребовалось, чтобы их выдавить. — Привет...

— Нам нужна твоя помощь, Рама.

Бхандери неразборчиво жужжит из своего укрытия.

— Рама?

— Не... помощь?

— У нас болезнь. Похожая на Бетагемот, но наш иммунитет против нее не действует. Нам надо разобраться, что это такое, нужен человек, смыслящий в генетике.

Между камнями ни малейшего движения.

— Это серьезно. Пожалуйста — ты мог бы помочь?

— ...теомикой, — шелкает Бхандери.

— Что? Я не расслышала.

— Протеомикой*... Генетикой... немножко совсем.

Он уже почти осиливает целые предложения. Почему бы не доверить ему сотни жизней?

* Протеомика — наука, изучающая белки, их структуру и функции.

— Ты мне снилась, — вздыхает Бхандери. Звучит это так, словно кто-то провел пальцем по зубьям металлической расчески.

— Это был не сон. И сейчас тоже. Нам правда нужна помощь. Рама. Пожалуйста.

— Неправильно, — жужжит он. — Нет смысла.

— В чем нет смысла? — спрашивает Кларк, вдохновенная связностью его речи.

— Корпы. Корпов просите.

— Возможно, эпидемию устроили корпы. Они могли перестроить вирус. Им нельзя доверять.

— ...бедняжки.

— Ты не мог бы...

— Еще гистамина, — рассеянно жужжит Рама, и затем: — Пока...

— Нет! Рама!

Увеличив яркость фонаря, она успевает увидеть пару ласт, скрывающихся в расщелине несколькими метрами выше. Резким движением ног Кларк толкается следом, ныряет в трещину, как ныряют с вышки — вытянув руки над головой.

Трещина глубоко рассекла скалу, но до того узка, что через два метра Кларк приходится развернуться боком. Свет заливает узкий проем. В нем становится светло, как в солнечный день наверху, и где-то рядом отчаянно хрипит вокодер.

Четырьмя метрами дальше Бхандери лягушкой раскочурился в проходе. Щель там сужается, и он явно рискует застрять между каменными стенами. Кларк плывет к нему.

— Слишком ярко, — жужжит он.

«А вот тебе», — мысленно отвечает она.

За два месяца хронического голодания Бхандери стал тощей тощего. Даже если его заклинит, то в такую щель Кларк вряд ли за ним пролезет. Может быть, его перепуганный маленький мозг уже прикинул шансы — Бхандери

извивается, словно разрываясь между соблазном вырваться на волю и надеждой спрятаться. Все же он делает выбор в пользу свободы, но нерешительность дорого ему обходится — Кларк успевает поймать его за лодыжку.

Он, зажатый каменными стенами, может лягаться только в одной плоскости.

— Пусти, чертова сука!

— Вижу, словарный запас вспоминается.

— Пус... ти!

Она выбирается к устью расселины сама и за ногу выволакивает Бхандери. Тот упирается и скребет по стенам, потом, высвободившись из самого узкого места, изворачивается и пытается ударить кулаком. Кларк отбивает удар. Ей приходится напоминать себе, какие у него ломкие кости.

Наконец он покоряется. Кларк обхватывает его за плечи, сцепив пальцы на затылке в двойной нельсон. Они у самого входа в ущелье; отбиваясь, Бхандери ударяется спиной о растрескавшуюся базальтовую плиту.

— Свет! — щелкает он.

— Послушай, Рама. Дело слишком важное, чтобы дать тебе профукать ту малость, что осталась от твоих мозгов. Ты меня понимаешь?

Он корчится.

— Я выключу свет, если ты перестанешь драться и просто меня послушаешь, договорились?

— Я... тебя...

Она выключает фонарь. Бхандери вздрагивает и сразу обмякает у нее в руках.

— Хорошо. Так-то лучше. Ты должен вернуться, Бхандери. Ненадолго. Ты нам нужен.

— ...нужно... плохо... к нулевой...

— Кончай это, а? Не так уж ты далеко ушел. Ты здесь всего...

Месяца два, да? Ну, уже больше двух. Разве мозг уже мог превратиться в губку? Не тратит ли она время впустую?

Кларк начинает заново.

— Для нас это очень важно. Многие могут погибнуть. Ты тоже. Эта... болезнь или что она там такое, достанет тебя так же легко, как любого из нас. Возможно, уже достала. Ты понял?

— ... понял...

Она надеется, что это ответ, а не эхо.

— И дело не только в болезни. Все ищут виноватых. Еще немного, и...

«Бабах, — вспоминается ей. — Взрыв. Слишком ярко».

— Рама, — медленно произносит она, — если дела пойдут вразнос, все взорвется. Ты понимаешь? Бабах! Как тогда у «поленницы». Все время будет бабах! Если ты не поможешь мне. Не поможешь нам. Понял?

Бхандери висит перед ней в темноте, как бескостный труп.

— Да. Хорошо, — жужжит он наконец. — Что ж ты сразу не сказала?

В драке он повредил ногу — все усилия приходится теперь на левую, и его на каждом гребке уводит вправо. Кларк попыталась подцепить его под руку и выровнять, но от прикосновения он испуганно дернулся. Теперь она просто плывет рядом, время от времени подталкивая его в нужную сторону.

Трижды он делает рывок к свободе и забвению. Трижды она перехватывает его неуклюжее движение и возвращает спутника на прежний курс, отбивающегося и бессмысленно бормочущего. Впрочем, это лишь короткие эпизоды: побежденный, он успокаивается, а успокоившись, начинает сотрудничать. До следующего раза.

Кларк уже поняла, что это, в сущности, не его вина.

— Эй, — жужжит она в десяти минутах от «Атлантиды».

— Да?

— Ты со мной?

— Да. Это только приступы... — Неразборчивое щелканье. — Я то в отключке, то норм.

— Ты помнишь, что я говорила?

— Ты меня позвала.

— Помнишь, зачем?

— Какая-то эпидемия?

— Ага.

— И ты... вы думаете, корпы...

— Я не знаю.

— Нога болит...

— Извини.

И тут у него в мозгу что-то приходит в движение и снова дергает в сторону. Кларк хватается и держит, пока приступ не проходит. Пока он отбивается от того, что находит на него в такие моменты.

— ...еще здесь, вижу...

— Еще здесь, — повторяет Кларк.

— Хорошо, Лен. Пожалуйста, не делай так.

— Извини, — говорит она ему. — Извини.

— Я вам на хрен не нужен, — скрежещет Бхандери. — Все забыл.

— Вспомнишь.

Должен вспомнить!

— Ты не знаешь... ничего не знаешь про... нас.

— Немножко знаю.

— Нет.

— Я знавала одного... вроде тебя. Он вернулся.

Это почти ложь.

— Отпусти меня. Пожалуйста.

— Потом. Обещаю.

Она оправдывает себя на ходу и ни на минуту себе не верит

Лени помогает не только себе, но и ему. Оказывает ему услугу. Спасает от образа жизни, неизбежно ведущего к смерти. Гиперосмос, синдром слизистого имплантата,

отказ механики. Рифтеры — чудо биоинженерии. Благодаря несравненному устройству гидрокостюмов они могут даже гадить на природе — но для разгерметизации вне атмосферы подводная кожа предназначена не была. А отуземившиеся то и дело снимают маски под водой, впускают через рот сырой океан. И он разъедает и загрязняет внутренний раствор, защищающий их от давления. Если проделывать это достаточно часто, рано или поздно что-нибудь испортится.

«Я спасаю тебе жизнь», — думает она, не желая проносить этого вслух.

«Хочет он того или нет», — отвечает из памяти Аликс. — Свет! — хрипит Бхандери.

В темноте перед ним проступают отблески, уродуют идеальную черноту мерцающими язвами. Бхандери рядом с Кларк напрягается, но не убегает. Она уверена, что он выдержит — всего две недели назад она застала его в головном узле, а чтобы попасть туда, ему пришлось вытерпеть более яркие небеса. Не мог же он за столь короткий срок так далеко уйти?

Или тут другое — не ровный ход, а резкий скачок? Может быть, его беспокоит вовсе не свет, а то, о чем свет ему теперь напоминает?

«Бабах! Взрыв».

Призрачные пальцы легонько постукивают по имплантатам Кларк. Кто-то впереди прощупывает их сонаром. Она берет Бхандери под руку, держит деликатно, но твердо.

— Рама, кто-то...

— ...Чарли, — жужжит Бхандери.

Перед ними всплывает Гарсиа в янтарном сиянии, омывающем его со спины и превращающем в привидение.

— Твою мать, ты его нашла! Рама, ты тут?

— Клиент...

— Он меня вспомнил! Охрененно рад тебя видеть, дружище. Я думал, ты уже покинул сей бранный мир.

— Пытался. Она меня не пускает.

— Да, мы все извиняемся, но твоя помощь очень нужна. Только ты не напрягайся, чувак. У нас получится. — Он оборачивается к Кларк. — Что нам понадобится?

— Медотсек готов?

— Одна сфера загерметизирована. Вторую оставили на случай, если кто сломает руку.

— Хорошо. Свет придется выключить — во всяком случае, на первое время. Даже наружное освещение.

— Легко.

— ...Чарли... — шелкает Бхандери.

— Я тут, дружище.

— ...будешь моим техником?

— Не знаю. Могу, наверное. Тебе нужен техник?

Маска Бхандери поворачивается к Кларк. В его манере держаться что-то резко изменилось.

— Отпусти меня.

На этот раз она подчиняется.

— Сколько я не бывал внутри? — спрашивает он.

— Думаю, недели две. Самое большее, три.

По меркам рифтеров, это хирургически точная оценка.

— Могут быть... трудности, — говорит им Бхандери. — Реадаптация. Не знаю, смогу ли я... не знаю, в какой степени я смогу вернуться.

— Мы понимаем. — жужжит Кларк. — Только...

— Заткнись. Слушай. — Бхандери дергает головой — движение рептилии, уже знакомое Кларк. — Мне понадобится... толчок. Помощь в начале. Ацетилхолин. Еще... тирозингидроксилаза. Пикротоксин. Если я развалюсь. Если начну разваливаться, вам придется мне это ввести. Поняли?

Она повторяет:

— Ацетилхолин, пикротоксин, тиро... м-м...

— Тирозингидроксилаза. Запомни.

— Какие дозы? — спрашивает Гарсиа, — и как вводить?

— Я не... черт, забыл. Посмотри в медбазе. Максимально рекомендованная доза для всего, кроме гидрокси... лазы. Ее вдвое больше, наверное. Думаю, так.

Гарсиа кивает.

— Еще что-нибудь?

— О да, — жужжит Бхандери. — Будем надеяться, я вспомню, что вообще...

ПОРТРЕТ САДИСТА В КОМАНДЕ

У Элис Джовелланос были свои представления о том, как надо извиняться.

«Ахилл, — начала она, — ты иногда такой кретин, что поверить невозможно!»

Он не сделал распечатки. Не нуждался в этом. Он был правонарушителем, затылочные участки коры постоянно работают в ускоренном режиме, способности к сопоставлению и поиску закономерностей, словно у аутиста. Он один раз прокрутил ее письмо, посмотрел, как оно уходит за край экрана, и с тех пор перечитывал сотню раз в воспоминаниях — не забыв ни единого пикселя.

А сейчас он сидел, застыв, как камень, и ждал ее. Ночные огни Садбери бросали размытые пятна света на стены его номера. Слишком многое просматривается с ближайших зданий, отметил Ахилл. Надо будет к ее приходу затемнить окна.

«Ты прекрасно знаешь, чем я рисковала, когда вчера тебе призналась, — диктовала программе Элис. — И ты знаешь, чем я рискую, отправляя тебе письмо, — оно автоматически удалится, но наши уроды могут просканировать что угодно, если захотят. И это часть проблемы, вот почему я вообще решила тебе помочь...

Я слышала, как ты говорил о доверии и предательстве, и может, в некоторых твоих словах больше истины, чем мне хотелось бы. Но разве ты не понимаешь, что спрашивать тебя заранее не было никакого толку? Пока на сцене Трип, ты не можешь дать ответа сам. Ты настаиваешь, что тут я ошибаюсь, талдычишь о судьбоносных решениях, которые принимаешь, о тысячах переменных, которыми жонглируешь, но, Ахилл, дорогой мой, кто тебе сказал, что свободная воля — это всего лишь какой-то сложный алгоритм?

Я знаю, что ты не хочешь терять объективности. Но разве порядочный честный человек — не страж самому себе, ты об этом не думал? Может, совсем и необязательно позволять им превращать себя в большой условный рефлекс. Просто ты сам хочешь этого, ведь потом ты ни за что не несешь ответственности. Так легко, когда не надо принимать решений самому. Это почти как наркотик. Может, ты на него подсел, а сейчас у тебя синдром отмены».

Она так в него верила. И верила до сих пор: собиралась прийти сюда, ни о чем не подозревая. Номер с защитой от наблюдения обходится не дешево, но старший правонарушитель свободно мог позволить себе категорию «суперприватность». Система охраны в этом здании непроницаема, беспощадна и начисто лишена долговременной памяти. После ухода посетителя о нем не остается никаких записей.

«В общем, то, что они украли, мы вернули. И я хочу тебе рассказать, что конкретно мы сделали, потому как невежество порождает страх, и все такое. Сам знаешь. Ты в курсе насчет рецепторов Минского в лобных долях и что нейротрансмиттеры вины привязаны к ним, а ты воспринимаешь это как угрызения совести. Корпы создали Трип так: они вырезали из паразитов парочку генов, отвечающих за изменение поведения, и подправили их: чем более виноватым ты себя чувствуешь, тем

больше Трипа закачивается тебе в мозг. Он связывается с нейротрансмиттерами, которые в результате изменяют конформацию и фактически забивают двигательные пути, а у тебя наступает паралич.

В общем, Спартак — это аналог вины. Он взаимодействует с теми же участками, что и Трип, но конформация у него немного другая, поэтому Спартак забивает рецепторы Минского, но больше не делает практически ничего. К тому же он распадается медленнее, чем обычные трансммиттеры вины, достигает более высокой концентрации в мозгу и в конце концов подавляет активные центры простым количеством».

Он вспомнил, как щепки старинного деревянного пола рвали ему лицо. Вспомнил, как лежал в темноте, привязанный к опрокинувшемуся на бок стулу, а голос Кена Лабина спрашивал где-то рядом:

— Как насчет побочных эффектов? Естественного чувства вины, например?

В тот миг связанный, окровавленный Ахилл Дежарден увидел свою судьбу.

Спартак не удовлетворился тем, что разомкнул выкованные Трипом цепи. В этом случае еще была бы надежда. Он бы вернулся к старому доброму стыду, который и контролировал бы его наклонности. Остался бы неполноценным, но ведь таким он всегда был. А вот оставлять его душу без надсмотрщика было нельзя. Он бы справился — даже вне работы, даже если б ему предъявили обвинения. Справился бы.

Но Спартак не знал удержу. Совесть — такая же молекула, как и любая другая, и если для нее не находится свободных рецепторных участков, толку от нее не больше, чем от какого-нибудь нейтрального раствора. Дежардена направили к новой судьбе, в края, где он еще не бывал. В края, где нет вины, стыда, раскаяния — нет совести ни в каком виде.

Элис не упомянула об этом, изливая ему во «входящих» свою оцифрованную душу. Только заверила, что это совершенно безопасно.

«В этом вся прелесть замысла, Кайфолом: выработка естественных трансммиттеров и Трипа не снижается, а потому через любую проверку ты пройдешь чистеньким. Даже анализ на более сложные формы даст положительный результат, ведь базовый комплекс по-прежнему с нами — он просто не может найти свободных рецепторов, за которые мог бы зацепиться. Так что ты в безопасности. Честно. „Ищейки“ — не проблема».

В безопасности. Она не представляла, что таилось у него голове. Ей следовало быть осторожней. Эта простая истина известна даже детям: чудовища обитают повсюду, даже в нас самих. Особенно в нас.

«Я не подвергла бы тебя опасности, Ахилл, поверь мне. Ты слишком много... Ты для меня слишком хороший друг, чтобы так тебя подставлять».

Она его любила, конечно же. Раньше он никогда себе в этом не признавался — тонюсенький внутренний голосок иногда нашептывал: «По-моему, она того, самую капельку...», но потом три десятилетия ненависти к себе растаптывали его в лепешку: «Эгоцентрик хренов. Как будто такое убоище кому-то нужно...»

Она никогда не делала ему прямых предложений — при всей своей порывистости, Элис так же сомневалась в себе, как и он, — но кое-что можно было заметить: добродушное вмешательство в любые его отношения с женщинами, бесконечные социальные увертюры, прозвище Кайфолом — данное якобы за домоседство, а скорее — за неспособность приносить удовольствие. Все это теперь бросалось в глаза. Свобода от вины, свобода от стыда дала ему идеально острое зрение.

«Такие дела. Я рискнула, а дальше все в твоих руках. Впрочем, если сдашь меня, знай: это твое решение. Как

бы ты его ни рационализировал, какую-нибудь тупую длинноцепочечную молекулу ты винить больше не сможешь. Все ты, все — твоя свободная воля».

Он ее не сдал. Должно быть, причина крылась в некоем неустойчивом равновесии конфликтующих молекул: те, что принуждали к предательству, ослабели, а те, что выступали за верность друзьям, еще не выступили на первый план. Задним числом он считал это большой удачей.

«Потому воспользуйся своей свободой и подумай обо всем, что ты сделал и почему, а потом спроси себя, действительно ли у тебя нет никаких моральных ориентиров. Неужели ты не смог бы принять всех этих жестких решений, не отдавая себя в рабство кучке деспотов? Я думаю, смог бы, Ахилл. Ты порядочный человек, и тебе не нужны их кнуты и пряники. Я в это верю. И ставлю на это все».

Он взглянул на часы.

«Ты знаешь, где меня искать. Знаешь, какие у тебя варианты. Можешь присоединиться ко мне или вонзить нож в спину. Выбор за тобой».

Он встал и подошел к окну. Затемнил стекла.

«С любовью, Элис».

В дверь позвонили.

Все в ней было уязвимо. Она смотрела на него снизу вверх — с надеждой, с робостью в миндалевидных глазах. Уголок рта оттянулся в нерешительной, почти горестной улыбке.

Дежарден шагнул в сторону, спокойно, глубоко вдохнул, когда она прошла мимо. От нее пахло невинностью и цветами, но в этой смеси были молекулы, действующие под порогом сознания. Она была не глупа и знала, что он не глуп. Должна была понимать, что он припишет свое возбуждение феромонам, которые она в его присутствии не применяла много лет.

Значит, надеется.

Он сделал все возможное, чтобы укрепить в ней надежду, не выдав себя.

В последние дни Ахилл вел себя так, словно постепенно оттаивает, чуть ли не против собственной воли. Он стоял рядом с ней, когда Кларк и Лабин растворились в уличном потоке, устремившись навстречу своей революции. Он позволил себе задеть Элис локтем и продлить прикосновение. Через несколько мгновений этого случайного контакта она медленно подняла на него глаза, и он наградил ее пожатием плеч и улыбкой.

Он всегда считал ее другом — пока она не предала. Ей всегда хотелось большего. От такой смеси теряешь голову. Дежарден легко сумел обезоружить ее, поманив шансом на примирение.

Сейчас она прошла мимо, приблизившись к нему больше, чем было нужным, и хвостик волос на затылке мягко качнулся над шеей. Мандельброт вышла в прихожую и обвилась вокруг ее щиколоток меховым боа. Элис нагнулась почесать кошку за ухом. Мандельброт замерла, раздумывая, не разыграть ли недотрогу, но решила не валять дурака и замурлыкала.

Дежарден кивнул на блюдце с таблетками дури на кофейном столике. Элис поджала губы:

— Это не опасно?

Химия организма старших правонарушителей могла очень неприятно взаимодействовать с самыми безобидными релаксантами, а Джовелланос совсем недавно обзавелась этой химией.

— Думаю, после того, что ты натворила, тебе уже ничего не страшно, — проговорил Дежарден.

Она понурилась. В горле у Дежардена застряла кроха раскаяния. Он сглотнул, радуясь этому чувству.

— Главное, не мешай их с аксотропами, — добавил он немного мягче.

— Спасибо.

Она приняла наркотик как оливковую ветвь, забросила в рот вишнево-красный шарик. Видно было, как она собирается с духом.

— Я боялась, что ты никогда больше не захочешь со мной разговаривать, — тихо проговорила она.

— И ты это заслужила. — Он оставил фразу висеть в воздухе между ними. И представил, как наматывает на кулак ее вороной хвостик. Как поднимает за волосы, чувствует, как ее ноги дергаются в воздухе...

«Нет, остановись».

— Но я, наверно, понимаю, почему ты так поступила, — сказал он наконец, позволяя ей перевести дыхание.

— Правда?

— Думаю, что понимаю. Ты очень самоуверенна, — он вздохнул, — и очень веришь в меня. Иначе бы этого не сделала. Думаю, это чего-то стоит.

Казалась, она не дышала с самого появления, и только теперь выдохнула, услышав приговор: условное освобождение.

«Купилась, — подумал Дежарден. — Решила, что надежда есть».

А другая мысль, подавленная, но упрямая, твердила: «Разве она не права?»

Он погладил ее ладонью по щеке, уловил тихий короткий вздох, вызванный прикосновением. И сморгнул мелькнувший образ: удар с плеча по этому милому, доверчивому лицу.

— Ты веришь в меня куда больше, чем я сам, Элис. Не знаю, насколько это оправданно.

— Они украли у тебя свободу выбора. Я просто ее вернула.

— Ты украла у меня совесть. Как мне теперь выбирать?

— Умом, Кайфолом. Блестящим, прекрасным разумом. Не какими-то инстинктивными примитивными

эмоциями, от которых в последнюю пару миллионов лет больше вреда, чем добра.

Дежарден опустился на диван, в животе у него внезапно засосало.

— Я надеялся, что это побочный эффект, — тихо сказал он.

Она присела рядом.

— Ты о чем?

— Сама знаешь. — Дежарден покачал головой. — Люди никогда ничего не продумывают до конца. Я вроде как надеялся, что вы с друзьями просто... не предусмотрели этого осложнения, понимаешь? Что вы просто хотели отключить Трип, а все эти дела с совестью... ошибка. Непредвиденная. Но как видно — нет.

Она тронула его за колено.

— Почему ты на это надеялся?

— Сам точно не знаю. — Его смешок был похож на лай. — Наверное, я рассуждал так: если вы не знали — то есть сделали что-то случайно, то это одно, а вот если сознательно взялись изготовить свору психопатов...

— Мы не психопатов делаем, Ахилл. Мы освобождаем людей от совести.

— Какая разница?

— У тебя по-прежнему есть чувства. Миндалевидное тело работает. Уровень серотонина и дофамина в норме. Ты способен к долгосрочному планированию. Ты не раб своих импульсов. Спартак ничего этого не изменил.

— Это ты так думаешь.

— Ты правда считаешь, что все гады на свете — психически больные?

— Может быть, и нет. Но готов поспорить, что все психи на свете — гады.

— Ты — нет, — сказала она.

И уставилась на него серьезными темными глазами. Он вдыхал ее запах и не мог остановиться. Он хотел ее

обнять. Хотел выпотрошить ее, как рыбу, и насадить голову на палочку.

Он скрипнул зубами и промолчал.

— Слышал когда-нибудь о парадоксе стрелки? — помолчав, спросила Элис.

Дежарден покачал головой.

— Шесть человек в неуправляемом вагоне несутся к обрыву. Единственный способ их спасти — перевести поезд на другой путь. Только вот на другом пути кто-то стоит и не успеет отскочить, поезд его задавит. Переведешь ли ты стрелку?

— Конечно.

Это был простейший пример общего блага.

— А теперь предположим, ты не можешь перевести стрелку, но можешь остановить поезд, столкнув кого-нибудь на пути. Столкнешь?

— Конечно, — немедленно ответил он.

— Вот что я для тебя сделала, — объявила Элис.

— Что?

— Для большинства людей это не одно и то же. Они считают, что перевести стрелку — правильно, а столкнуть кого-то на рельсы — нет. Хотя это в точности та же самая смерть против того же количества спасенных жизней.

Он хмыкнул.

— Совесть не рациональна, Ахилл. Знаешь, какие части мозга включаются, когда ты делаешь моральный выбор? Я тебе скажу: медиальная лобная извилина, задняя часть поясной, угловая извилина. Все это...

— Центры эмоций, — вставил Дежарден.

— Именно так. Лобные доли вообще не искрят. Даже тем, кто признает логическое равенство этих сценариев, приходится приложить усилие. Просто толкнуть кого-то на смерть ощущается как нечто неправильное, даже если на весах те же жизни. Мозгу приходится бороться с глу-

пым, беспричинным чувством вины. Для перехода к действию требуется больше времени, больше времени нужно для принятия решения, и в конечном счете вероятность правильного решения ниже. Вот что такое совесть, Кай-фолом. Она подобна насилию, жадности, родственному отбору — была полезна миллион лет, но стала вредить с тех пор, как мы перестали просто выживать в естественной среде и стали над ней доминировать.

«Ты эту речь отрепетировала», — подумал Дежарден.

И позволил себе легкую улыбку.

— Человек — это немножко больше, чем вина и разум, моя дорогая. А ты не подумала, что, возможно, вина не просто стреноживает разум? Может, она сдерживает и еще кое-что?

— Например?

— Ну, просто ради примера... — Он выдержал паузу, притворяясь, будто ищет вдохновение. — Откуда тебе знать, что я не какой-нибудь чокнутый маньяк-убийца? Откуда знать, что я не психопат, не суицидник, ну или садист, допустим?

— Я бы знала, — просто сказала Элис.

— Думаешь, у маньяков это на лбу написано?

Она сжала ему колено.

— Я думаю, что знаю тебя очень давно, а безупречно притворяться невозможно. Тот, кого переполняет ненависть, рано или поздно сорвется. А ты... ну, никогда не слышала о монстрах, уважающих женщин до такой степени, что отказываются их иметь. И, кстати, не хочешь ли пересмотреть последний пункт? Просто поразмысли.

Дежарден покачал головой.

— Так ты, значит, во всем разобралась?

— Вполне. И терпения мне не занимать.

— Это хорошо. Сейчас оно тебе понадобится. — Он встал и улыбнулся ей сверху. — Я на минутку в ванную. Чувствуй себя как дома.

Она улыбнулась в ответ.

— Обязательно. Можешь не спешить.

Он запер дверь, облокотился на раковину и пристально уставился в зеркало. Отражение ответило свирепым взглядом.

«Она предала тебя. Превратила тебя в это».

Она ему нравилась. Он ее любил. Элис Джовелланос много лет была ему верным другом. Дежарден сложил все это на чашу весов.

«Она сделала это нарочно».

Нет, нарочно это сделали *они*.

Потому что Элис действовала не сама по себе. Она дьявольски умна, но Спартака создала не в одиночку. У нее были друзья. Она сама призналась. «Мы вроде как политические, правда, с организацией беда» — сказала она, сообщив ему о его «освобождении».

Он чувствовал, как ржавеют и рассыпаются связи у него в голове. Как его ущербность, ухмыляясь, дергает эти разъединенные ржавчиной проводки. Он искал в себе намеков на сожаление, которое испытал несколько минут назад: когда задел чувства Элис, причинил ей боль. Он и сейчас мог бы ощутить раскаяние или что-то похожее, если бы постарался.

«Ты не раб своих импульсов», — сказала она.

В принципе, это было правдой. Ахилл мог сдержаться, если хотел. Но вот беда: он начинал понимать, что *не хочет*.

— Эй, Кайфолом, — позвала из комнаты Элис.

«Заткнись. ЗАТКНИСЬ!»

— Да?

— Мандельброт требует ужина, а кормушка пустая. У тебя не осталось корма под раковиной?

— Не осталось. Она научилась открывать дверцы.

— Тогда г..

— В шкафчике в спальне.

Ее шаги простучали мимо двери, Мандельброт подогнала Элис мяуканьем.

«Нарочно!»

Элис заразила его, опередив график, чтобы освободить его разум для сражения с Бетагемом — а может быть, и по личным причинам, осознанным или нет. Но ее дружки целили куда выше Ахилла Дежардена — они задумали «освободить» всех правонарушителей на Земле. Лабин, в темноте, две недели назад, подытожил: «Всего несколько тысяч человек держат руки на кнопках, способных парализовать весь мир, а вы превратили этих людей в клинических социопатов».

Интересно, стала бы Элис применять свои семантические аргументы на Лабине? Будь она привязана к тому стулу, ничего не видя, намочив штаны от страха, слыша, как это кровожадное отродье расхаживает рядом, сочла бы она уместным читать ему лекции об уровне серотонина и угловой извилине?

Может, и сочла бы. Что ни говори, она и ее друзья — «политические», хоть и «с организацией беда», а от политики человек глупеет. Начинает верить, что человеческое достоинство — какой-то платоновский идеал, моральный итог, который можно вывести из неких первооснов. Не тратьте время на примитивную биологию. Не волнуйтесь за судьбу альтруистов в дарвиновской вселенной. Люди другие, люди — особенные, люди — агенты морали. Вот к чему приходишь, когда слишком много времени уделяешь составлению манифестов и слишком редко глядишься в зеркало.

Ахилл Дежарден оказался всего лишь первым представителем новой породы. Скоро появятся другие, столь же могущественные и столь же неудержимые. Может, уже появились. Элис не посвящала его в подробности. Он не представлял, насколько далеко простираются амбиции Общества Спартака. Не знал, кого еще успели

инфицировать и сколько длится инкубационный период. Знал только, что рано или поздно у него появятся соперники. Если не начать действовать сразу, пользуясь полученной форой.

Мандельброт еще мяукала в спальне — видимо, распекала неумелую домработницу. Дежарден ее понимал: у Элис было более чем достаточно времени, чтобы достать гранулированный корм, принести пакет в кухню и...

«В спальне!» — сообразил Ахилл.

«Ну, что ж, — подумал он миг спустя, — пожалуй, это решает вопрос».

Лицо в зеркале вдруг стало очень спокойным. Оно не двигалось и в то же время словно говорило с ним. «Ты — не политик, — говорило лицо, — Ты — механизм. Природа запрограммировала тебя на одно, УЛН — на другое, Элис вмешалась и переключила на третью программу. Все это не ты, и все — ты. Ты сам ничего из этого не выбирал. И ни за что не отвечаешь».

Это она сотворила с тобой такое. Эта мочалка. Тупая давалка. Что бы ни случилось дальше, вина не на тебе. На ней».

Он отпер дверь и прошел в спальню. Сенсориум у него на подушке предательски поблескивал. Тактильный костюм лежал поперек кровати, словно сброшенная кожа. Элис Джовелланос тряслась у изножья кровати, стаскивая с головы шлем. Лицо у нее было красивым, без кровинки.

Жертву в этом виртуальном застенке она не могла не узнать. Дежарден настроил симуляцию с точностью до тысячных.

Мандельброт тут же забыла об Элис и, громко мурлыча, начала бодать лбом хозяина. Дежарден на нее не смотрел.

— Мне нужна кое-какая техническая информация, — чуть ли не виновато объяснил он, — и сведения о тво-

их друзьях. Хотя я надеялся вытянуть все это из тебя по-хорошему. — Он кивнул на сенсориум, упиваясь ее ужасом. — Ну вот, забыл убрать.

Она мотала головой. Ее лицо кривилось от паники.

— Я.. н-не думала, что ты... — выдавила она наконец.

— Выходит, не думала, — пожал плечами Ахилл, — но постарайся увидеть и светлую сторону. Ты впервые насчет меня не ошиблась.

Наконец все приобрело смысл: покупки, почти неосознанно сделанные через анонимные кредитные линии, полимерная пленка и переносной мусоросжигатель, инверсионный звукопоглотитель. Небрежное копание в ежедневнике Элис и списке ее контактов. Вот почему хорошо быть правонарушителем на Трипе — когда всем известно, что ты прикован к столбу, никто не утруждает себя возведением забора вокруг двора.

— Прощу тебя. — Губы у Элис дрожали, в блестящих глазах стоял страх. — Ахилл...

Где-то в подвале его мозга рассыпался последний ржавый проводок.

— Зови меня Кайфолом, — сказал он.

АВТОМЕХАНИКА

Первый раунд остается за корпами.

Рифтерша по имени Лизбет Мак — тихоня, Кларк с трудом припомнила ее имя — наткнулась на корпа, бронированным тараканом ползавшего по обшивке основного хозблока. Неважно, какие веские причины привели его туда. Неважно, можно ли было считать это нарушением карантина. Мак среагировала так, как среагировали бы многие рыбоголовые на ее месте: разозлилась. Решила проучить тупого сухопута, но прежде его подогреть.

Она плавала кругами вокруг беспомощной неуклюжей жертвы, отпуская шуточки о водолазном колоколе

с ножками и громко, демонстративно призывая кого-то подать ей пневмодрель — надо, мол, просверлить одну раковину.

Она совсем забыла о налобном фонаре на шлеме корпа. Когда Лизбет обнаружила бедолагу, фонарь не горел — очевидно, корп старался не попадаться на глаза, а наружного освещения на этой части станции хватало даже для глаз сухопутника. Когда же он направил на нее вспышку, линзы у нее, компенсируя избыток освещенности, на миг стали непрозрачными. Она ослепла всего на одну-две секунды, но корпус этого хватило с лихвой. Кополимер пресс-кольчуге не соперник. К тому времени как избитая, окровавленная Мак позвала на помощь, корп уже скрылся внутри.

Сейчас Кларк с Лабином стоят в пятом шлюзе, а океан отступает от них. Кларк вскрывает маску и ощущает, как тело сдувается, словно воздушный шар из живой плоти. Внутренний люк с шипением отходит. В него вливается до боли яркий свет. Пока линзы адаптируются, Кларк отступает назад, поднимает руки, готовясь встретить атаку. Ее не происходит. В переходной камере жмутся несколько корпов, но впереди одна только Патриция Роуэн. Между ней и рифтерами радужно переливается изолирующая мембрана.

— Мы решили, что вам пока лучше остаться в шлюзе, — начинает Роуэн.

Кларк оглядывается на Лабина. Тот обводит встречающих пустыми непроницаемыми глазами.

— Кто это был? — спрашивает Кларк.

— Думаю, это несущественно, — отвечает Роуэн.

— Лизбет другого мнения. У нее нос сломан.

— Наш человек утверждает, что защищался.

— Мужчина в пресс-кольчуге, рассчитанном на 300 бар, защищался от безоружной женщины в гидрокостюме?

— Корп защищался от рыбоголовой, — вставляет кто-то из присутствующих. — Совсем другое дело.

Роуэн игнорирует комментарий.

— Наш человек пустил в ход кулаки потому, — говорит она, — что это была его единственная надежда на успех. Вы не хуже меня знаете, от чего мы защищаемся.

— Я знаю, что никому из вас не полагалось выходить из «Атлантиды» без предварительного согласования. Это правило действовало еще до карантина. Вы сами согласились.

— Нам не дали особого выбора, — сдержанно замечает Роуэн.

— И все равно.

— На хер правила, — встречает один из корпов. — Они нас убить хотят, а мы будем спорить о регламенте?

Кларк моргает:

— Как это понимать?

Роуэн вскидывает руку, и непокорный умолкает.

— Мы нашли мину, — говорит Патриция тем же тоном, каким сказала бы, что в галюне кончилась туалетная бумага.

— Что?!

— Ничего особенного. Стандартный заряд для сноса сооружений. Возможно, еще из тех, которые собирал Кен, пока мы... — она старательно подбирает слова, — несколько лет назад не пришли к соглашению. Говорят, нас должно было изолировать от основных узлов жизнеобеспечения, а большую часть отсека С затопило бы. От одного только взрыва предполагалось от тридцати до ста погибших.

Кларк смотрит на Лабина, ловит легчайшее движение головы.

— Я не знала, — тихо говорит она.

Роуэн слабо улыбается.

— Как ты понимаешь, это вызывает некоторый скепсис.

— Я бы хотел видеть мину, — произносит Лабин.

— А я хотела бы видеть свою дочь на солнышке, — парирует Роуэн. — Только ничего не выйдет.

Кларк качает головой.

— Послушай, Пат, я не знаю, откуда она... Я...

— А я знаю, — спокойно говорит Роуэн — Их целые штабеля на строительной площадке. Только на Невозможном озере больше сотни.

— Мы найдем, кто ее подложил. Но вам нельзя ее оставлять. Вам запрещено владеть оружием.

— Вы серьезно ожидаете, что мы так просто отдадим мину тем, кто ее подложил?

— Пат, ты меня знаешь.

— Я вас всех знаю, — говорит Роуэн. — Ответ отрицательный.

— Как вы ее нашли? — спрашивает слева Лабин.

— Случайно. Отказала пассивная акустика, и мы послали человека починить антенну.

— Не уведомив нас заранее.

— Представлялось вполне вероятным, что связь нарушили ваши люди. Информировать вас было неблагоприятно. Даже если б вы не минировали нам корпуса.

— Корпуса, — повторяет Лабин. — Значит, мина была не одна?

Все молчат.

«Конечно, не одна, — соображает Кларк. — они нам ничего не скажут. Они готовятся к войне.

А для них это будет бойня».

— Интересно, все ли нашли? — задумчиво тянет Лабин.

Они стоят молча, скрыв лица под синтетическими черными масками. У них за спинами, за непроницаемой плитой внутреннего люка, корпы снова строят планы и планируют контрмеры. Впереди, за наружным люком, собирается в ожидании ответа толпа рифтеров. Вокруг и

внутри них искрят и перекачивают жидкости, подстраивая их к бездне, разнообразные механизмы. К тому времени, как уровень воды поднимается выше головы, они уже неподвластны давлению.

Лабин тянется к наружному люку. Кларк его перехватывает.

— Грейс, — жужжит она.

— Это мог быть кто угодно. — Он невесомо всплывает в затопленной камере, поднимает руку, чтобы не наткнуться на потолок. Странное зрелище — гуманоидный силуэт на голубовато-белом фоне стен. Линзы на глазах очень похожи на дыры, прорезанные в черной бумаге, словно свет сзади проходит насквозь.

— Вообще-то, — добавляет Лабин, — я не вполне уверен, что они не лгали.

— Корпы? Зачем им лгать? Что они от этого выигрывают?

— Сеют рознь среди врагов. Разделяй и властвуй.

— Брось, Кен. Можно подумать, у нас есть прокорповская партия, готовая встать на их защиту и...

Он просто смотрит на нее.

— Ты не знаешь, — жужжит она так тихо, что едва чувствует вибрацию в челюсти, — у тебя только догадки и подозрения. У Рамы не было возможности... ты не знаешь наверняка.

— Не знаю.

— Мы действительно ничего не знаем. — Подумав, она поправляется. — Я ничего не знаю. А ты — да.

— Недостаточно. Пока что.

— Я видела, как ты выслеживал их в коридорах.

Он не кивает, в этом нет нужды.

— Кого?

— В основном Роуэн.

— Ну и как там внутри?

— Примерно как вот тут. — Он указывает на нее.

«Не лезь мне в голову, подонок!»

Но она понимает, что на таком расстоянии это от него не зависит. Невозможно взять и перестать чувствовать, будь эти чувства твои или чьи-либо еще. Поэтому вслух она говорит лишь:

— Нельзя ли конкретнее?

— Она чувствует себя виноватой — в чем-то. В чем, я не знаю. Причин хватает.

— Я же говорила.

— А вот наши люди, — продолжает он, — меньше страдают от внутренних конфликтов и гораздо легче о них забывают. А я не могу быть повсюду сразу. И время уходит.

«Ублюдок, — думает она, — засранец, обмылок».

Он плавает над ней, ожидая ответа.

— Хорошо, — говорит она наконец, — я это сделаю.

Лабин тянет рукоять. Наружный люк отходит, открывая темный прямоугольник в яркой белой раме. Они поднимаются навстречу ожидающим взглядам.

Лени Кларк — извращенка даже по стандартам рифтеров. Во-первых, их не слишком беспокоят вопросы приватности. Гораздо меньше, чем можно было бы ожидать от отверженных и отбросов общества. Напрашивается предположение, что переменой к лучшему эти места могут представляться лишь тем, кто сравнивает их с уровнем намного ниже дна, и это верно. Также можно предположить, что такие ущербные создания забьются в свои раковины, словно раки-отшельники, у которых оборвали половину ног, будут шараться от каждой тени или яростно отбиваться от малейшего покушения на их личное пространство. Но бесконечная вязкая ночь здесь, внизу, если не лечит, то снимает боль. Бездна опускает тяжелые ладони на израненных и разъяренных и каким-то образом успокаивает их. Как-никак, здесь от любого конфликта можно уйти на любой из трехсот шестидесяти румбов. И драться за ресурсы не приходится: половина

пузырей давно пустует. А территории так много, что охранять ее нет смысла.

Поэтому большая часть пузырей стоит без охраны и без хозяев. В них вселяются и выселяются, заходят в первый попавшийся, чтобы трахнуть или поесть, или — реже — пообщаться, прежде чем вернуться в естественную среду. Все места одинаковы. И нет нужды ревниво охранять циркулятор Кальвина или ремонтный верстак, а больше рифтерам ничего и не нужно. Одиночество можно найти где угодно: проплыви две минуты в любую сторону, и можешь пропасть навеки. Зачем возводить стены вокруг восстановленного воздуха?

У Лени Кларк для этого есть причины.

Она не одна такая. Еще несколько рифтеров требовали исключительных прав, застолбили за собой отсек, палубу, реже — целый пузырь. Они устроили гнездо в гнезде: океан — против мира в целом, пузырь из сплавов и с атмосферой внутри — против себе подобных. У пузырей замков не предусмотрено — сухопутные конструкторы тревожились о безопасности, — но любители приватности и параноики приваривают или наращивают укрепления поверх стандартных корпусов.

Кларк не жадина. Она не претендует на многое: одна каюта на верхней палубе пузыря, заякоренного в шестидесяти метрах северо-восточнее «Атлантиды». Это чуть больше ее давно сгнувшей каюты на станции «Биб»: может быть, потому-то она и выбрала это помещение. В нем даже иллюминатора нет.

Она проводит внутри не очень много времени. Собственно, не бывала здесь с тех пор, как начала трахаться с Уолшем. Но, как бы мало времени она ни проводила в этом тесном, по-спартански обставленном чулане, главное — она знает, что это *ее* каюта, что она *есть*, и никто не войдет сюда без ее позволения. И убежище всегда под рукой, когда понадобится.

Вот как сейчас.

Кларк сидит голая на матрасе, омытая по-дневному ярким светом: в датчиках, за которыми она следит, все построено на цветах, а она не желает упустить ни капли информации. Планшетка лежит рядом на неопреновой подушке, настроенная на внутренности Лени. На экранчике — мозаика зеленых и красных огоньков: крошечные гистограммы, мигающие звездочки, загадочные аббревиатуры. На переборке напротив — зеркало. Она старается туда не смотреть, но пустые белые глаза то и дело упираются в свои отражения.

Одна рука рассеянно играет левым соском, другая подносит деполяризующий скальпель ко шву на груди. Кожа вдоль шва плавно прогибается, образует складку, выпуклую геометрическую бороздку: три стороны прямоугольника, заглавное С, словно формочкой для печенья выдавленное в коже между левой грудью и диафрагмой.

Кларк вскрывает себе грудину.

Она расстегивает ребра вдоль хрящей и отгибает их — легкое сопротивление и слабое неприятное чмокание, когда однослойная подкладка расходится по шву. Тупая боль, когда воздух врывается в грудную полость — на самом деле, это холод, но нервы внутри тела не отличают температуру от боли. Поработавший над Кларк механик снабдил петлями четыре ребра в левом боку. Кларк подцепляет пальцами живую панель и откидывает ее, открывая механизмы. Более острая и сильная боль стреляет из межреберья, не приспособленного к таким перегибам. В будущем ее ждут синяки.

Она берет инструмент со стоящего рядом подноса и начинает возиться с собой.

Гибкий кончик глубоко погружается в грудную полость, точно проскальзывает по узкому как иголка клапану и встает намертво. Она до сих пор дивится, с какой легкостью нащупывает путь в собственных внутренностях. Рукоять инструмента снабжена колесиком, настроенным

на астрономическое передаточное число. Она сдвигает его на четверть оборота, и насадка проворачивается на долю градуса. Планшет на матрасе протестующе попискивает: НТР* и ГАМК меняют цвет с зеленого на желтый. Один из столбиков гистограммы чуточку удлиняется, два других укорачиваются.

Еще четверть оборота. Планшетка опять жалуется.

Это до смешного грубое вмешательство: скорее насилие, чем соблазнение. Была ли настоящая надобность в этих петлях из живого мяса, в мясницкой работе хирургов, проделавших ей дверцу в груди? Планшет удаленно снимает телеметрию с имплантатов, связь работает в обе стороны, можно посылать телу команды и принимать от него информацию. Для мелких настроек, изменений в рамках одобренного оптимума, достаточно просто прикоснуться пальцем к экрану и ощутить, как отзываются механизмы внутри.

Конечно, изменения, которые собирается внести в себя Лени Кларк, «мелкими» не назовешь.

Работодатели никогда не претендовали на право собственности над телами своих сотрудников — во всяком случае, официально. Но все, что они насовали внутрь — их собственность. Кларк улыбается своим мыслям: «Могли бы предъявить мне обвинение в вандализме».

Если они действительно не хотели, чтобы она шарила грубыми лапами в корпоративном имуществе, зачем было оставлять эту сервисную панель в груди? Впрочем, они тогда работали в таком цейтноте... Не ждали перебои с электричеством, не ждал «ГидроКвебек», Энергосеть тоже не ждала. Вся геотермальная программа была спешной, шла с отставанием и в авральном порядке, даже рифтеров состряпали на скорую руку, чтобы заткнуть прорыв.

* Рецептор нейротензина подтипа 1, специализированный белок.

Такие, как Лени Кларк, были прототипами, опытными образцами и конечным продуктом в одном лице. Разумно ли запечатывать имплантаты в понедельник, чтобы уже в среду снова вскрывать тело, добираясь до подлежащей замене мышцы или устанавливать какой-нибудь жизненно важный компонент, забытый разработчиками?

Даже трупные датчики были установлены задним числом, вспоминает Кларк. Эти машинки доставил на «Биб» Карл Актон в начале своей вахты. Раздал, как пастилки от горла, приказав всем раскрыться и вставить их рядом со входом для морской воды.

Карл же первым и обнаружил, как проделывать то, чем занималась сейчас Лени Кларк. За это Кен Лабин его убил.

«Времена меняются», — размышляет Кларк, меняя еще одну настройку.

Наконец она заканчивает. Позволяет живому клапану встать на место и чувствует, как фосфолипиды затягивают шов. Молекулярные хвосты сплетаются в гидрофобной оргии. В груди снова бьется рассеянная боль, чуть отличная от прежней: дезинфектанты и синтетические антитела впрыскиваются в полость на тот маловероятный случай, если откажет прокладка. Изнасилованный планшет сдался: половина датчиков горят желтым и оранжевым.

В голове у Кларк что-то начинает меняться. На несколько процентов сдвигается проницаемость важных мембран. Немножко снижается выработка определенных веществ, предназначенных не для передачи, а для блокировки сигнала. Окна еще не открылись, но задвижки сняты.

Напрямую она, конечно, ничего не чувствует. Изменения сами по себе необходимы, но не достаточны — они ни на что не влияют здесь, где работают легкие, где давление — всего-то атмосфера. Для активации нужна тяжесть океана.

Но теперь, когда Лени Кларк выйдет наружу — когда шагнет за край шлюза, и давление сомкнется вокруг нее жидкой горой, когда триста атмосфер стиснут голову так, что синапсы начнет коротить, — тогда Кларк сумеет заглядывать в души людей. Конечно, не в светлую часть. Никакой философии, музыки, альтруизма и интеллектуальных рассуждений о добре и зле. Вообще ничего связанного с неокортексом. Лени Кларк будет улавливать то, что старше на сто миллионов лет. Гипоталамус, ретикулярная формации, миндалина. Мозг рептилии, средний мозг. Ревность, голод, страх и бессловесная ненависть. Все это она будет ощущать на пятнадцати метрах и более.

Она помнит, каково это. Слишком хорошо помнит. Шесть лет прошло, а словно вчера.

Осталось только шагнуть наружу.

Она сидит в своей каютке и не движется с места.

МОГИЛЬЩИКИ

Ищите чертовы мины!

Они рассыпались по участку черными псами, вынюхивая на свету и в темноте, сонарными пистолетами и детекторами течений. Кто-то мог сомневаться в успехе — а кое-кто почти наверняка надеялся на поражение, — но у всякого, кто выжил здесь пять лет, хватало ума не перечить Кену Лабину.

Ищите чертовы мины.

Кларк скользит среди них: на взгляд со стороны — просто еще один нос, уткнувшийся в след. Только в ней нет сосредоточенности. Другие следуют вдоль невидимых линий, нитей правильной сети, протянутой по району поиска, а Кларк движется зигзагами, пристраивается то к одному, то к другому, обменивается непринужденными гудками реплик и снова уходит в сторону, к следующему. У Кларк другая цель.

Ищи чертова минера.

Гектары биостали. Перемежающиеся отрезки света и тени. Стаккато вспышек на каждом выступе, мигающие маячки отмечают концы опор, антенн, опасные зоны, где могут внезапно происходить горячие выбросы. Гневные немигающие взгляды прожекторов у шлюзов и причалов, люков и погрузочных отсеков, зажженные ради сегодняшних поисков. Бледные ауры света из сотен параболических иллюминаторов. Сумеречные пространства корпуса, где каждая выпуклость отбрасывает три-четыре тени в размытом свете далеких фонарей.

Остальное темно. От голых опорных стоек падают продолговатые сетки теней. Непроглядные чернильные лужи заполняют пространства между килем и дном, словно «Атлантида» — огромная кровать, под которой прячутся жуткие монстры. Нечеткие темные пятна там, где свет постепенно сходит на нет; резкие там, где в солнечное натриевое сияние вторгается тень бака или трубы. С таким ландшафтом несложно спрятать взрывное устройство размером с два кулака. Тут их можно спрятать тысячи.

Для пятидесяти восьми человек это была бы большая работа. Для двух дюжин, подписанных Лабином на это задание, — намного больше. Здесь рифтеры, еще не отуземившиеся, не настолько захваченные ненавистью к корпам, чтобы «случайно не заметить» подозрительный предмет, — рифтеры, среди которых едва ли окажутся подложившие эти устройства. Наверняка, конечно, не скажешь: немногие из этих людей свободны от подозрений. Даже сведения, украденные прямо из их мозгов, не дадут точного ответа. Гидрокожу и глаза выдавали только тем, у кого был определенный опыт. Именно сбой в мозговой проводке делает людей годными для рифта. Здесь у каждого свои призраки. Каждый таскает за собой груз: мучителей, жертв, наркомании, побоев, анального насилия, добреньких «людей в черном» с их отеческими

увещеваниями. И ненависть к корпам, совсем недавно еще остывшая, снова стала всеобщей. Бета-макс вывел на поверхность старые конфликты. Воспламенил вражду, полузатушенную пятью годами угрюмого притирания друг к другу. Месяц-другой назад корпы с рифтерами были почти союзниками, не считая озлобленных упрямцев вроде Эриксона и Нолан. Теперь, раздави океан всех корпов до единого, немногие станут их оплакивать.

И все равно. Одно дело — плясать на чьей-то могиле, другое — эту могилу копать. Тут поверх ненависти всплывает элемент расчета. Отличие тонкое, Кларк не уверена, что она или Лабин сумеют уловить его при таких обстоятельствах. Оно может и не проявиться до того мгновения, как человек найдет искомое: увидит мину, торчащую на корпусе апокалиптического моллюска, включит вокодер, честно собираясь подать сигнал тревоги, и тут... «Может, мерзавцы этого заслуживают — после всего, что они сотворили с нами и с целым миром, а мне и делать ничего не надо, мог ведь я просто не заметить ее под опорой, в такой мути и...»

Мысли могут быть совершенно невинными — даже перед собой — вплоть до того момента, когда включится в работу финальный стимул, запускающий простую цепочку рассуждений, итог которой — отведенный в сторону взгляд. И кто знает, возможно ли уловить его даже с помощью тонкой настройки?

Только не Лени Кларк. Но все-таки она ищет, скользит между корпусами и цистернами, парит над своими товарищами и подобно им вглядывается в свет и в темноту, отличаясь от них лишь целью охоты.

Эта цель — чувство вины.

Конечно, не простой вины. Вины, скатывающейся к страху разоблачения, кренившейся к праведному гневу. Заново пробудившись, Кларк плавает в котле подержанных эмоций. Вода в нем загрязнена дюжиной разных страхов, гневом, отвращением к себе и другим. Есть и своеобразное

возбуждение, азарт погони, постепенно выцветающий до привычной скуки. И сексуальные порывы. И еще менее выраженные чувства, которых она не различает.

Она не забыла, почему отказывалась от тонкой настройки на Чэннере, даже когда на нее согласились другие. А теперь вспоминает, почему соблазн был так велик, что она в конце концов поддалась. В этой бесконечной сумятице чувств вечно теряешь свои собственные.

К сожалению, здесь, на Хребте, все немного иначе. Не то чтобы изменилась физика или неврология. Или кто-то из людей. Другой стала сама Лени Кларк. Жертва и месть вылиняла с годами, черное и белое слились в миллионы неразличимых оттенков серого. Ее психика отклонилась от нормальной для рифтера, и ей теперь сложнее встроиться в этот фон. Чувство вины до того сильное, что наверняка может исходить только от нее.

И все же она не сворачивает с курса. Продолжает охоту, хотя чувства притупились. Где-то невдалеке скрытый дифракцией Кен Лабин делает то же самое. Он, вероятно, лучше нее справляется с делом. Его этому обучали. За ним многолетний опыт.

Что-то зудит на периферии сознания. Далекий голос пробивается сквозь туман в голове. Она осознает, что чувствует его довольно давно, но громкость нарастала так постепенно, что он зафиксировался в мозгу только сейчас. Ошибки нет: угроза, вскрик, возбуждение на самой границе восприятия. Двое рифтеров движутся ей наперерез, уходят к югу, работая ногами. Челюсть Кларк гудит от вокодированных голосов — задумавшись, она и их не замечала.

— Чуть не пропустил, — говорит кто-то. — Запихнули под...

— Еще одна, — прорывается второй голос. — Отсек А.

Кларк с первого взгляда понимает, что она бы наверняка пропустила. Стандартный взрывной заряд установ-

лен в тени нависающего уступа. Лени всплывает лицом вверх и прижимается головой к обшивке, чтобы смотреть вдоль корпуса. И видит полукруглый силуэт в тени, подсвеченный мутным мерцанием воды.

— Господи, — жужжит она, — как ты высмотрел эту чертовщину?

— Сонаром поймал.

Рифтеры, с типичным для них уровнем дисциплины, побросали свои сектора и слетелись на находку. Лабин их не гонит: есть очевидная причина собрать их сюда, к орудию убийства. Кларк настраивается и концентрируется. Волнение. Воспрянувший интерес после часа монотонных хождений кругами. Озабоченность и ниточки нарастающего страха: что ни говори, это бомба, а не пасхальное яичко. Кое-кто из робких уже подается назад, осторожность пересиливает любопытство. Кларк лениво прикидывает радиус поражения. Метров сорок или пятьдесят считается безопасной дистанцией при обычных взрывных работах, но в правилах безопасности всегда закладывается запас.

Она сосредотачивается. Подозреваются все. Но хотя вездесущие паутинки ярости как всегда поблескивают на общем фоне, на поверхность они не выходят ни у кого. Не ощущается явного гнева из-за сорванных планов, нет страха неизбежного разоблачения. Обнаруженная взрывчатка для этих людей скорее головоломка, чем провокация — под маской охоты скрывалась игра в русскую рулетку.

— И что будем делать? — спрашивает Чун.

Лабин парит над ними Люцифером.

— Всем отметить сонарный профиль. По нему будете опознавать другие: они тоже наверняка недоступны визуальному осмотру.

Дюжина пистолетов щелкает, обстреливая опасную находку.

— А мы ее здесь оставим или нет?

— А если она с ловушкой?

— А если взорвется?

— Меньше корпов — меньше головной боли, — жужжит Гомес с расстояния, которое счел безопасным. — Я за них шкуру рвать не стану.

Лабин не мучится с догадками и заглядывает под уступ.

Он шарахается от него.

— Эй, стоит ли...

Лабин хватает и срывает устройство. Никаких взрывов. Обернувшись, он оглядывает собравшихся рифтеров.

— Когда найдете остальные, не прикасайтесь к ним. Я сам сниму.

— Чего париться? — тихо жужжит Гомес.

Это риторическое ворчание, в нем нет серьезного вызова, и все же Лабин отвечает.

— Расположена неудачно, — говорит он. — Место выбрано из соображений маскировки, а не эффективности. Мы могли бы лучше.

Со всех сторон вспыхивают яркие импульсы. А у Кларк слова Лабина словно прорвали дырочку в гидрокостюме, и ледяная вода Атлантики ползет по спине.

«Ты что творишь, Кен. Какого хрена?»

Она уверяет себя, что он просто подыгрывает, дает им стимул для работы. Лабин теперь смотрит на нее, чуть заметно склоняет голову, словно отвечая на невысказанный вопрос. И Кларк с запозданием понимает, что сделала: попыталась заглянуть к нему в голову. Прощупать его тонкой настройкой.

Конечно, это тщетная попытка. И даже опасная. Лабин мало того, что обучен блокировать вторжения чужого разума: он натренирован до рефлекса, перестроен, снабжен подсознательной защитой, которую нельзя снять усилием воли. Никому не удавалось пробраться в голову

Лабина, кроме Карла Актона, а то, что увидел там Карл, он унес с собой в могилу.

Сейчас Лабин наблюдает за ней, непроницаемый для ее бессознательного прощупывания и внутри, и снаружи.

Она вспоминает про Актона и останавливает себя.

СТРИПТИЗ

Конечный итог — девять мин и ни одного подозреваемого. Оба результата еще могут измениться.

Сама по себе «Атлантида» — упражнение в масштабной инвариантности, система дополнений к модификациям усовершенствований, надстроенных поверх основного массива, распростершегося на несколько гектаров. Нечего и думать, что заглянули во все уголки. Опять же, много ли шансов, что заговорщики — ограниченные временем, наблюдением и, будем надеяться, малой численностью — имели больше возможностей для закладки мин, чем поисковая партия — для их обнаружения? Ни одна сторона не всесильна. Этого, пожалуй, достаточно для равновесия.

Что до поиска заговорщиков, Кларк пока проверила три дюжины. Она запустила пальцы в вязкую темноту голов и ничего не нашарила. Даже у Гомеса и Йегера. Даже у Кризи! Плясать на могиле, конечно, готовы все. Но не копать.

Хотя с Грейс Нолан она в последнее время не сталкивалась. Нолан сейчас — Большая Красная Кнопка. Она держится на заднем плане: в свете последних событий предполагаемое предательство корпов выглядит не столь уж ассиметричным ответом. Но учитывая, как идут дела, Нолан ничего не теряет, разыгрывая свою партию. Уже сейчас более чем достаточно народа сочувствует Чокнутому Подрывнику, и если им окажется Нолан, разоблачение скорее повысит ее статус, чем повредит ему.

Поводок натянут до отказа. Если он лопнет, в вентилятор полетит сразу десять сортов дерьма.

И это еще при милосердном допущении, что виновников можно отыскать. Чего ты ищешь в темных подвалах стольких умов? Там даже невинных гложет вина, и даже виновные упиваются своей праведностью. Каждый разум подсвечен черным сиянием психического насилия — где следы старых ран, где недавнее преступление? Иногда удается вычислить, если хватает духу совать голову в чужую смоляную яму, но контекст определяет все. Надежда на удачу — лотерея. Чтобы сделать все правильно, нужно время, и приходится сильно пачкаться.

Если этого не делать, будущее останется в руках Грейс Нолан.

«Нет времени. Я не могу быть сразу везде. И Кен тоже».

Конечно, есть альтернатива. Лабин предложил ее сразу после окончания поисков. И был так любезен, что сделал вид, будто у нее есть выбор. Как будто, откажись она, он бы не сделал этого сам.

Кларк знает, почему он предоставляет выбор ей. Тот, кто поделится этим секретом, повысит свой вес среди местных. Лабину кредит доверия не нужен — ни один рифтер не сошел с ума настолько, чтобы ему противоречить.

Она еще помнит время, не такое уж давнее, когда могла сказать то же самое о себе.

Лени вздыхает и выходит на связь с теми, кого это касается. И понимает, что следующий шаг может ее убить. Попутно задумываясь — далеко не в первый раз, — так ли это плохо.

Слушателей у нее меньше дюжины. Места много: пущь лазарета — даже та одна сфера, которую не занял Бхандери, — больше других. Собрались даже не все, кого Кларк с Лабиним, обменявшись впечатлениями, сочли достойными доверия. Она решила начинать с малого — так немножко проще. Круги на воде скоро захватят и других.

— Я не стану показывать дважды, — говорит Кларк, — так что прошу внимания.

Обнажившись до пояса, она снова вскрывает себя.

— Не меняйте ничего, кроме нейроингибиторов. Возможно, это нарушит баланс еще каких-то веществ, но, по-видимому, эффект постепенно размывается. После перестройки просто ненадолго выйдите наружу, чтобы все устоялось.

— На сколько времени? — спрашивает Александр. Кларк сама не знает.

— Часов на шесть, наверное. После этого вы готовы. Кен распределит вас по разным пузырям.

Аудитория ропщет — перспектива долгого заключения никого не радует.

— И как же настраивать ингибиторы?

Сломанный нос Мак прикрыт тонкими проводками с бусинами — микроэлектрическая сеть ускоряет восстановление. Выглядит это смешно — как севшая от стирки траурная вуаль.

Кларк невольно улыбается.

— Понижать.

— Шутишь!

— И не думаю.

— А как же Андре?

Андре умер три года назад: жизнь вышла из него с подводными судорогами, едва не разорвавшими тело на куски. Седжер сочла причиной отказ нейроингибиторов. Человеческие нервы не приспособлены к глубине — давление делает их чувствительными к малейшему воздействию. Включается живой рубильник без прерывателя и без изоляции. После нескольких минут предсмертных спазмов тело расходует все нейротрансмиттеры и попросту останавливается.

Вот почему имплантаты рифтеров, как только давление превышает определенный уровень, накачивают тело нейроингибиторами. Без них выход наружу на таких глубинах смертелен, как электрический стул.

— Я сказала «понижать», — подчеркивает Кларк, — а не «отключать». На пять процентов. Самое большое, на семь.

— И что же из этого выйдет?

— Снижается порог включения синапсов. Нервы становятся просто немножко... чувствительнее. Чувствительнее к мелким стимулам в водной среде. Вы станете замечать то, чего не воспринимали прежде.

— Например? — интересуется Гарсиа

— Например... — начинает Кларк и смолкает.

Ей вдруг хочется закрыться и отрицать все.

Хочется сказать: «Забудьте. Неудачная идея. Глупо пошутила. Забудьте все, что я сказала».

А может, вообще — признаться? «Вы не представляете, чем рискуете. Не знаете, как легко шагнуть за край. Мой любовник не мог даже войти в пузырь, не ощущая ломки — даже дышать не мог, так ему хотелось разнести все, что стояло между ним и глубиной. Мой друг совершил убийство, чтобы обрести уединение там, где проплывая рядом с другим, обязательно заглотишь все его болячки и беды. Он и ваш друг, он один из нас, и он — единственный из живых на всей больной, одуревшей планете, кто знает, что с вами от этого будет...»

Она в панике озирается, но среди присутствующих нет Кена Лабина. Вероятно, он сейчас составляет расписание вахт для «настроенных».

«Однако, — вспоминает она, — к этому привыкаешь».

Переведя дыхание, Кларк отвечает на вопрос Гарсиа:

— Например, ты сможешь определить, когда тебя водят за нос.

— Вот черт, — ворчит Гарсиа. — Стану ходячим детектором вранья?

— Ты такой и есть, — натужно улыбается Кларк.

«Надеюсь, ты к этому готов...»

Ее послушники расходятся по своим пузырькам, чтобы похимичить с собой. Кларк закрывает грудь. К тому

времени как она натягивает черную «кожу», лазарет уже опустел, остались лишь следы мокрых ног и тяжелый люк — до недавнего времени всегда открытый, — ведущий в соседнюю сферу. Гарсиа, презрев сухопутные требования безопасности, наварил на него цифровой замок.

«Сколько мне осталось, — спрашивает себя Кларк, — до времени, когда каждый сможет влезть мне в голову?»

Не меньше шести часов, если послушники всерьез отнесутся к ее оценке. Потом они начнут играть, испытывать новые сенсорные способности, возможно, даже наслаждаться ими, если не проникнутся отвращением к тому, что обнаружат. Новость станет распространяться.

Кларк подала это как психический шпионаж, новый способ выследить преступные тайны, которые, вероятно, скрывают корпы. Впрочем, пределами «Атлантиды» дело не ограничится. Теперь всем будет намного трудней строить заговоры в темноте — ведь каждый прохожий вооружится фонариком.

Она ловит себя на том, что застыла на входе в логово Бхандери, положив руку на переделанный замок. Набрав нужный код, она открывает люк.

Внезапно включается цветное зрение. Герметическая прокладка окаймляет проход глубокой стальной синевой. Над головой коралловыми аспидами выются трубы с цветовой разметкой. Цилиндр с каким-то сжатым газом, видный сквозь проем, отражает бирюзовый свет, шкала на нем желтая и — подумать только! — ярко-розовая.

Здесь светло, как в «Атлантиде».

Кларк выступает на свет: циркулятор Кальвина, матрас, банк крови сочатся красками.

— Рама?

— Закрой дверь.

Нечто скрючилось перед рабочей панелью, прокручивая цепочки радужных нуклеотидов. Оно не может быть рифтером: ни общей ауры, ни блестящей черной кожи.

Существо больше похоже на скелет в одном белье. Оно оборачивается, и Кларк внутренне вздрагивает: у него даже глаз нет! На лице Бхандери вздрагивают темные зияющие дыры зрачков, почти вытеснивших радужку.

Значит, не так уж здесь светло. Довольно темно для глаз без линз, их приходится напрягать до предела. Столь тонкие различия теряются за мембранами, которые обеспечивают миру оптимальную освещенность.

Должно быть, что-то отражается у нее на лице.

— Я вынул линзы, — говорит Бхандери. — Глаза... перевозбуждаются от стимуляторов...

Голос его до сих пор звучит хрипло, связки не адаптировались к воздушной среде.

— Как дела? — спрашивает Кларк.

Пожатие тощих плеч. Даже сквозь футболку у него ребра можно пересчитать.

— Хоть что-нибудь? Диагностический критерий, или...

— Я не сумею отыскать различий, пока не удостоверюсь, что они есть. Пока что это выглядит как Бетагемот с парой новых шовчиков. Может, мутация, может — перестройка. Пока не знаю.

— А первичные образцы тебе помогут?

— Первичные?

— Те, что не прошли через «Атлантиду». Если ты получишь образец с Невозможного озера, сумеешь сравнить? Проверишь, есть ли различия...

Он качает головой — вернее, дергает, вздрагивает.

— Есть способы выявить перестройку. Сателлитные маркеры, цепочки мусорных генов. Просто это требует времени.

— Но ты сможешь? Стимуляторы... сработали. Ты вспомнил.

Кивок — как выпад змеи. Он вызывает на экран еще одну цепочку.

— Спасибо тебе, — тихо говорит Кларк.

Он замирает.

— Спасибо? А у меня есть выбор? На люке замок.

— Я знаю, — она опускает глаза. — Мне жаль.

— Вы думаете, я бы ушел? Уплыл бы, оставив эту штуку убивать нас? А может, и меня?

Она мотает головой.

— Нет. Ты бы не ушел.

— Тогда зачем?

При всей неподвижности его лицо — как сдавленный крик. За спокойной скороговоркой слов в глазах застыл абсолютный ужас. Как будто в них что-то еще, древнее, бездумное и лишь недавно пробудившееся. Оно через сотню миллионов лет смотрит в непостижимый мир прямых углов и мигающих огней — и находит его совершенно непригодным для жизни.

— Потому что у тебя приступы, — напоминает Кларк. — Ты сам говорил.

Он протягивает тонкую как палочка руку, покрытую дермами — насос пониже локтя качает ему препараты прямо в вену. Он подстегивает себя с тех самых пор, как забрался в атмосферу, использует чудеса современной химии, чтобы силой загнать здравый рассудок обратно в голову, выволочь на поверхность утонувшие воспоминания и навыки. Пока, надо признать, это работает. Но стоит посмотреть ему в глаза, и на твой взгляд отвечает рептилия.

— Мы не можем так рисковать, Рама. Прости.

Он опускает руку. Челюсть у него щелкает, как странное насекомое.

— Ты говорила... — начинает он и замолкает.

Потом начинает заново:

— Когда ты тащила меня сюда. Ты сказала, что была знакома с...

— Да.

— Я не знал таких... в смысле, кто?

— Не здесь, — отвечает она. — Даже не в этом океане. В самом начале рифтерской программы. Он ушел у меня на глазах. — Пропустив один удар сердца, она заканчивает: — Его звали Джерри.

— Но ты сказала, он вернулся.

Она действительно не понимает. Джерри Фишер просто возник из темноты после того, как остальные сдались и ушли. Он дотащил ее до безопасного места, к эвакуационному скафу, неуверенно зависшему над станцией, где уже не осталось персонала. Но не сказал ни слова, а потом ляглся и отбивался, как зверь, когда она в свою очередь попыталась спасти его.

— Наверно, он не столько вернулся, сколько прошел насквозь, — признается она этому существу, которое должно, на свой манер, понимать Джерри Фишера куда лучше нее.

Бхандери кивает.

— Что с ним случилось?

— Он погиб, — говорит она тихо.

— Просто... рассеялся? Как все мы?

— Нет.

— Тогда как?

Слово отзывается в ней привычным эхом.

— Бабах! — говорит она.

ФРОНТИР

«Уходи, — сказали они после Рио. — Спас наши задницы и в этот раз — теперь уходи».

Это было не совсем так. Буффало он не спас. Не спас и Хьюстон. Солт-Лейк, Бойсе и Сакраменто погибли от импровизированных атак, в диапазоне от авиалайнеров-камикадзе до ядерной бомбардировки с орбиты. Пяток других филиалов дышали на ладан. Там спаслось очень немного задниц.

Но для всего Патруля Энтропии Ахилл Дежарден был десятикратным героем. Почти сразу стало очевидно, что пятьдесят филиалов УЛН по всему западному полушарию подверглись внезапной и одновременной атаке, но Дежарден и только Дежарден сложил фрагменты головоломки — под огнем, на лету. Это он пришел к невероятному заключению, что атака организована кем-то из своих. Остатки Патруля собрались на зов и расплющили Рио, но куда целить, им сказал Дежарден. Без его стойкости под давлением все твердыни УЛН в этом полушарии сгорели бы дотла.

«Уходи, — сказали ему благодарные хозяева. — Этот город списан».

Цитадель УЛН в Садбери получила прямое попадание в бок. Суборбитальный прыгун, направлявшийся из Лондона в Торомильтон и сбитый врагом с курса, оставил в северном фасаде здания кратер высотой в десять этажей. Топливные баки у него были почти пустыми, так что пламя охватило не все строение. Сгорели, погибли от яда или удушья лишь те, кто находился между восемнадцатым и двадцать пятым этажом. Старшие правонарушители Садбери размещались с двадцатого по двадцать четвертый. То, что Дежарден успел поднять тревогу до попадания, было удачей. То, что не погиб вместе с остальными — откровенным, охрененным чудом.

«Уходи».

Тогда Ахилл Дежарден осмотрелся в дыму и пламени, бросил взгляд на штабеля мешков с телами и немногих контуженных сотрудников, уцелевших в достаточной степени, чтобы избежать предписанной эвтаназии, и ответил: «Я вам нужен здесь».

«Нет никакого „здесь“».

Но от «здесь» осталось больше, чем от Солт-Лейк или от Буффало. Атака сократила штат быстрого реагирования Н'АмПацифика более чем на треть. Садбери

висел на волоске, но этот волосок связывал шестнадцать полушарных и сорок семь региональных узлов. Полностью покинуть его означало сокращение системы еще на пять процентов и полмиллиона квадратных километров, оставленных вообще без сил реагирования. Бетагемот уже свирепствовал на половине континента; царство цивилизации уступало и сжималось. УЛН не могла позволить себе новых потерь.

Однако имелись доводы и с другой стороны. Половина этажей вышла из строя. Оставшейся широты частот хватило бы на жалкую горстку оперативников, а текущий бюджет едва позволял поддерживать даже то, что осталось. Все модели сходились в одном: наилучший выход — покинуть Садбери и возместить потерю расширением Торомильтона и Монреаля. И сколько времени, задумался Дежарден, пройдет, пока новые отделы войдут в строй?

Шесть месяцев. Если не год.

То есть им требовался вариант на это время. Чтобы огонек погорел еще немножко. Требовался кто-нибудь на случай тех непредсказуемых кризисов, с которыми не справляются машины.

— Но ведь ты — наш лучший правонарушитель! — возражали они.

— А это задание почти невыполнимо. Где мне еще место, как не здесь?

— Н-ну... — мялось начальство.

— Всего шесть месяцев, — напомнил он. — Или год.

Конечно, так никогда не бывает. Шаловливая ручонка Мерфи взболтает варево, и «около года» превратится в три, а там и в четыре. Расширение Торомильтона забуксует, дальновидные планы начнут, как всегда, срывать под тяжестью бесконечных непредвиденных обстоятельств. В Патруле Энтропии как-нибудь наскребут по крошке средства, чтобы огонек в Садбери горел, коды допуска действовали, не уставая благодарить безропотного

служащего, который тысячью пальцев затыкает дырочки в плотине.

Но то сейчас, а тогда Дежарден втолковывал им:

— Я буду для вас смотрителем маяка. Часовым на передовом посту. Подам сигнал и удержу позицию, пока на помощь не придет кавалерия. Мне это по силам, вы же знаете.

Они знали, ведь Ахилл Дежарден был героем.

Что еще важнее, он был правонарушителем; он не смог бы солгать им при всем желании.

— Какой парень! — говорили они, восхищенно покачивая головами. — Какой парень!

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Кевин Уолш — хороший мальчик. Он знает, что над отношениями надо работать, и готов потрудиться, чтобы раздуть искорку — уж какая есть. Или, по крайней мере, подольше не дать ей погаснуть.

Он прицепился к ней после того, как Лабин расписал по местам первых «тонко настроенных», и не желал слышать никаких «потом» и «может быть». Наконец Кларк смилостивилась. Они отыскиали незанятый пузырь и бросили на пол пару матрасов, и он безропотно работал языком, а еще большим и указательным пальцем, пока вымотался совсем, а Кларк не собралась с духом, чтобы его остановить. Она погладила его по голове и сказала, что это было приятно, хотя ничего и не вышло, и предложила ему свои услуги, но он отказался — то ли из рыцарственного раскаяния за свою непригодность, то ли просто дулся.

Теперь они лежат рядом, слегка переплетя руки. Уолш спит, что удивительно — он любит спать при силе тяжести не больше других рифтеров. Может быть, это тоже из рыцарства. Может, он притворяется.

У Кларк даже на притворство нет сил. Она лежит на спине, уставившись на капельки конденсата на переборке. Немного погода высвобождает руку — нежно, чтобы не испортить спектакль — и отходит к местной панели связи.

На главном дисплее смутный таинственный обелиск, поднимающийся с морского дна. Главный генератор «Атлантиды». Во всяком случае, его часть — основная масса погружена в скальное основание, в сердце источника, которым он питается, словно сосущий кровь комар. Над грунтом поднимается только вершина: бугристый небоскреб с фасадом, изъеденным трубками, вентиляционными отверстиями и клапанами. Скупая цепочка прожекторов опоясывает его на восьмиметровой высоте, их яркое сияние окрашивает все в медный цвет. Глубина прижимает это сияние черной ладонью — верхушка генератора уходит в темноту.

На уровне дна из него выходит кабель толщиной с канализационную трубу и змеей скрывается во мраке. Кларк рассеяно вызывает на экран следующую камеру.

— Эй, ты что там?..

Голос у Кевина вовсе не сонный.

Она оборачивается. Уолш приподнялся на коленях, словно собирался встать и застыл на полдороге. Впрочем, он не шевелится.

— Давай, возвращайся. Попробую еще разок.

Он расплывается в мальчишеской ухмылке. Маска: «Обезоруживающе милый соблазн». Она разительно противоречит позе, которая приводит на память одиннадцатилетку, пойманного за мастурбацией на чистых простынях.

Кларк с любопытством разглядывает его:

— Что с тобой, Кев?

Он смеется — смех звучит как икота.

— Ничего. Просто мы... ну это... не закончили.

Тусклый серый комок застревает у нее в горле, когда она понимает.

Для проверки Кларк снова оборачивается к панели и переходит к следующей камере наблюдения. Кабель виляет среди смутной геометрии теней и теряется вдаль.

Уолш дергает ее за плечо, обнимает сзади.

— На выбор леди. Временное предложение, срок скоро истекает...

Следующая камера.

— Ну же, Лен!

«Атлантида». Кучка рифтеров собралась у стыка двух секций, подальше от предусмотренных наблюдательных пунктов. Кажется, проводят некие измерения. Некоторые нагружены чем-то странным.

Уолш замолкает. Ком в горле у Кларк выбрасывает метастазы.

Она оборачивается. Кевин Уолш пятится от нее, на лице смесь вины и непокорности.

— Ты бы дала ей попробовать, Лен, — говорит он. — Ну, посмотрела бы на это более объективно...

Она отвечает холодным взглядом.

— Поганец.

— Да ладно! — вспыхивает он. — Как будто я для тебя когда-то что-то значил!

Она подхватывает разбросанные куски подводной кожи. Те скользят по телу как живые, сливаются друг с другом, запечатывают ее внутри — благословенная жидкая броня, надежная граница между «нами» и «ими».

«Только никаких „нас“ нет, — понимает она. — Никогда и не было».

Она всерьез злится на себя за то, что забыла об этом, что совсем не предвидела такого поворота, хотя и доступ к мозгам любовничка у нее имелся, и месиво из вины, боли и дурацкого мазохизма так и рвалось оттуда, и все же она не вычислила неизбежного предательства. Конечно, она ощущала его озлобленность и обиду, но в этом не было ничего нового. Собственно, откровенное

предательство ничего не меняло в их отношениях — нечего было и замечать.

Она спускается в шлюз, не оглядываясь на него. Кевин Уолш — еще один мерзкий мальчишка. Хорошо, что она не успела к нему привязаться.

Слова гудят среди теней огромного строения: числа, степени, показатели сдвигового напряжения. У пары рифтеров с собой планшетки, другие палят очередями высокочастотных звуков — через акустические поисковики. Один выводит большой черный крест на уязвимом месте стены.

Как там выразился Кен? «Ради скрытности, а не эффективности». Очевидно, этой ошибки они решили не повторять.

Конечно, ее ожидают. Уолш их не предупреждал — по крайней мере, по открытым каналам связи, — но к «тонко настроенным» невозможно подкрасться незаметно.

Кларк озирает всю компанию. Нолан тремя метрами выше смотрит на нее сверху вниз. Крамер, Чун и Гомес свободно рассыпались вокруг. Кризи с Йегером — слишком далеко для визуальной идентификации, но рисунок сознаний воспринимается достаточно отчетливо, — устроились на корпусе подальше.

Вибрации Нолан заглушают все прочие: на месте прежней злобы теперь торжество. А вот гнев — чувство, что счета еще не сведены — остался прежним.

— Не вините Кева, — жужжит им Кларк. — Он старался как мог.

У нее мелькает мысль, далеко ли зашла Нолан в стремлении закрепить его верность.

Нолан демонстративно кивает:

— Кев — хороший мальчик. Для группы готов на все.

В машинную речь просачивается подчеркнутое «на все» — впрочем, Кларк уже уловила это в живом мозгу.

«Значит, вот как далеко...»

Она заставляет себя забраться глубже, выискивая вину и двоемыслие, но это, разумеется, бесполезно. Если Нолан когда и таила подобные секреты, теперь все позади. Сейчас она выставляет свои намерения напоказ, как орден.

— Так что же тут происходит? — спрашивает Кларк.

— Всего лишь готовимся к худшему, — отвечает Нолан.

— Угу. — Кларк кивает на крест на обшивке. — Готовитесь или провоцируете?

Все молчат.

— Вы же знаете, что генератор под нашим контролем. Мы можем отрезать их в любой момент. Взрыв корпуса — явный перебор.

— О, мы не станем применять излишнюю силу. — Это Крамер отзывается откуда-то слева. — Тем более что они всегда действовали так мягко.

— Просто сочли, что разумнее иметь запасные варианты, — жужжит Чен, виновато, но твердо. — На случай, если план А почему-то сорвется.

— Например?..

— Например, если чьи-то ручки выдернут хрен из кусачего ротика, — говорит Гомес.

Кларк разворачивается к нему лицом.

— Как всегда внятно, Гомер. Понимаю, почему ты неразговорчив.

— На твоём месте... — начинает Нолан.

— Заткнись на хрен!

Кларк медленно поворачивается от одного к другому, в животе у нее медленно закипает лед.

— Если они что с вами сотворили, то сначала сотворили и со мной. Если в вас и бросали дерьмом, то в меня бросали больше. Намного больше.

— Но вот попадало оно куда угодно, только не на тебя, — напоминает Нолан.

— Думаешь, я стану лизать им задницы только потому, что они промахнулись, когда хотели меня убить?

— А не станешь?

Она подплывает ближе, пока не оказывается лицом к лицу с Нолан.

— Не смей опять сомневаться в моей лояльности, Грейс. Я попала сюда раньше вас всех, жалкие гаплоиды. Вы еще скулили и ссались на бережку, маясь без работы, а я вломилась в их сраный замок и лично отпинала Роуэн с ее друзьями.

— Это верно. Только два дня спустя ты вступила в их женский клуб. Бога ради, ты играла в виртуальные игры с ее дочерью!

— Да ну? А чем же провинилась ее дочь, чтобы обрушивать ей на голову всю Атлантику? Даже если ты права — даже будь ты права — чем тебе ребятишки навредили? Чем перед вами провинились их родные, их слуги и мойщики туалетов?

Вибрация слов гаснет вдали. Низкое, почти субзвуковое гудение какого-то аппарата после этого кажется особенно громким.

Может быть, сейчас в их коллективном изучении мелькает доля неуверенности. Даже и в Нолан чуть-чуть.

Но она не отступает ни на микрон.

— Хочешь знать, чем они провинились, Лен? Они выбрали не ту сторону. Жены, мужа, медики и даже мойщики туалетов, которых эти скоты оставили при себе на память о прошлом. Все они выбрали, на чьей стороне быть. О тебе я и этого сказать не могу.

— Мысль так себе, — жужжит Кларк.

— Спасибо, что высказала свое мнение, Лен. Мы дадим тебе знать, если понадобится. А пока не стой у меня на дороге. Мне при виде тебя блевать хочется.

Кларк выкладывает на стол последнюю карту.

— Ты бы не обо мне беспокоилась.

— А с чего ты взяла, что мы беспокоились *о тебе*? — Презрение расходится от Нолан волнами.

— Кен бывает очень недоволен, когда его замешивают в такие вот провальные затеи. Я это повидала. Этому парню много проще все зарубить на корню, чем потом наводить порядок. Вам бы с ним разобраться.

— Уже, — жужжит Нолан. — Он в курсе.

— Даже дал нам несколько наводок, — добавляет Гомес.

— Прости, милочка. — Нолан вплотную придвигается к Кларк, их капюшоны скользят, соприкасаясь в манекеньей ласке. — Но, право, ты должна была это предвидеть.

Вся группа молча возвращается к работе, словно по невидимой и неслышимой для Лени Кларк команде. Она висит в воде, оглушенная и преданная. Вокруг собираются клочки и обломки благонамеренных замыслов.

Она разворачивается и плывет прочь.

БОМБИЛЬ

Давным-давно, во времена восстания, пара корпов захватила минисубмарину под названием «Бомбиль-3». Патриция Роуэн и посейчас не представляет, чего они добивались. На «Бомбиле» не осталось ничего, способного служить для разрушения или убийства. Подлодка была голой, как рыбий скелет, и примерно настолько же полезной: рубка спереди, лопасти сзади, и оголенный соединительный сегмент посередине.

Может, они просто надеялись сбежать.

Но рифтеры, поймав их при всплытии, не утруждали себя расспросами. У тех было оружие — резак, пневмомолотки; маловато, чтобы расчленить «Бомбиль» на куски, но достаточно, чтобы парализовать. Они проткнули электролизный отсек и баки с жидким кислородом: беглецы беспомощно наблюдали, как их неограниченный запас атмосферы сокращается до крошечного воздушного пузырька, в котором уже становилось душновато.

Как правило, в таких случаях рифтеры просто дырявили рубку и предоставляли остальное океану, однако на сей раз они отбуксировали «Бомбиль» к иллюминаторам «Атлантиды», в качестве наглядного урока заставив остальных смотреть, как беглецы задыхаются у них на глазах. К тому времени уже случилось несколько потерь среди рифтеров, а вахту в эти часы возглавляла Грейс Нолан.

Но тогда даже она была не совсем лишена жалости. Убедившись, что беглецы целиком и полностью мертвы, что мораль дошла до зрителей, рифтеры подвели поврежденную субмарину к ближайшему стыковочному люку и позволили корпам забрать тела.

С тех пор «Бомбиль» не трогался с места. Он так и прилип к служебному шлюзу, торчит на корпусе, как самец удильщика на боку гигантской самки. Сюда мало кто заходит.

И потому место идеально подходит для свидания Патриции Роуэн с врагом.

Люк для выхода в воду продолговатой мозолью рассекает палубу рубки сразу за креслом пилота, где сидит, уставившись на темный ряд инструментов, Роуэн. Вот люк урчит, она слышит усталый вздох пневматики, и крышка гроба открывается, по пластинам шлепают мокрые ноги.

Свет она, конечно, не включала — никому не надо знать, что она здесь, — но какой-то маячок на корпусе «Атлантиды» посылает в иллюминатор бледные пульсирующие отблески. Внутренность рубки появляется и исчезает, сплетение металлических кишок сдерживает напор бездны.

Лени Кларк устраивается в пилотском кресле рядом.

— Кто-нибудь тебя видел? — спрашивает Роуэн, не повернув головы.

— Если бы видели, — отвечает рифтер, — то уже довели бы дело до конца. — Она, очевидно, намекает на недобитый батискаф. — Есть успехи?

— Восемь образцов дали положительный результат. Еще не закончили. — Роуэн глубоко вздыхает. — Как идет бой с твоей стороны?

— Могла бы выбрать другое выражение. Это звучит слишком уж буквально.

— Так плохо?

— Не думаю, что сумею их сдержать, Роуэн.

— Непременно сумеешь, — говорит Роуэн. — Не забывай, ты же — Мадонна Разрушения. Альфа-самка.

— Уже нет.

Роуэн поворачивается к ней лицом.

— Грейс... кое-кто предпринял новые шаги. — Лицо Лени загорается и гаснет в такт вспышкам. — Опять минируют корпус. Уже не скрываясь.

Роуэн обдумывает услышанное.

— А что об этом думает Кен?

— Его, по-моему, все устраивает.

Кажется, Лени сама удивляется своим словам. А Роуэн — нет.

— Опять минируют? — повторяет она. — Так вы узнали, кто это сделал в первый раз?

— Нет. Пока нет. Да и не в том дело, — вздыхает Лени. — Черт, кое-кто думает, что первую партию вы сами подложили.

— Глупости, Лени. Зачем бы?

— Чтобы обеспечить себе... предлог, наверное. Или вдруг решили покончить с собой, прихватив с собой и нас. Не знаю. — Лени пожимает плечами. — Я не утверждаю, что это разумно, просто рассказываю, что у них на уме.

— И как же мы раздобыли заряды, если производственные мощности контролируются вашими?

— Кен говорит, взрывчатку вы могли соорудить из стандартного циркулятора Кальвина, просто переключив проводки.

Опять Кен...

Роуэн не знает, как подойти к этой теме. Лени и Кен связаны узами — нелепыми и неизбежными узами людей, для которых термин «дружба» чужд, как микроб с Европы. В этом ни капли секса — учитывая, как Кен меняет девушек, такого и быть не могло, хотя Роуэн подозревает, что Лени еще об этом не знает, — но эти своеобразные неявные узы в своем роде такие же интимные. И заставляют их защищать друг друга. Шутить с этим не стоит. Нападаешь на одного, берегись другого.

Однако, если ее послушать, Кен Лабин начал заключать новые союзы...

Роуэн решается.

— Лени, тебе не приходило в голову, что Кен мог...

— Бред.

Рифтерша убивает вопрос на корню.

— Почему? — спрашивает Роуэн. — Опыт у него есть. И не он ли жить не может без убийств?

— Вашими стараниями. Он на вас работал!

Роуэн качает головой.

— Прости, Лени, но ты сама знаешь, что не права. Мы привили ему рефлекторный ответ на угрозы — это да. Иначе нельзя было гарантировать, что он предпримет необходимые меры...

— Гарантировать, чтобы он убивал без колебаний! — перебивает Лени.

— ...в случае проблем с безопасностью. Никто не думал, что у него выработается пристрастие. Но ты не хуже меня знаешь: Кен это умеет, возможность у него есть, а его обиды тянутся с самого детства. На поводке его держал только Трип Вины, а с тем покончил Спартак.

— Спартак был пять лет назад, — напоминает рифтерша, — и с тех пор Кен убийствами не развлекался. Вспомни, он был один из ровно двух человек, помешавших вашему последнему бунту превратиться в Великое Истребление Корпов.

Кажется, она уговаривает прежде всего саму себя.

— Лени...

Но та не желает слушать.

— Трип Вины вы просто вложили ему в мозги, когда он стал работать на вас. Раньше его у Кена не было, и потом тоже, а знаешь, почему? Потому что у него свои правила, Пат. Он выработал собственные правила, и он их держится, и, как бы ему ни хотелось, никогда не убивал без причины.

— Это верно, — признает Роуэн, — потому-то он и стал изобретать причины.

Лени уставилась в освещенный вспышками иллюминатор и молчит.

— Может, тебе эта часть его истории неизвестна, — продолжает Роуэн. — Ты никогда не задумывалась, почему мы отправили к рифтерам именно его? Почему забросили черный пояс по тайным операциям на океанское дно, соскребать ракушки с насосов? Да потому, Лени, что он начал оступаться. Он делал ошибки, оставлял хвосты. Конечно, у него всегда имелись веские оправдания, но в том-то и дело. На каком-то подсознательном уровне Кен нарочно оступался, чтобы дать себе повод заделать пробоину позже. Станция «Биб» располагалась так далеко от всего на свете, что мы были уверены: там не может возникнуть и речи о проблемах безопасности, с какой бы натяжкой он не трактовал свои правила. Задним числом я вижу, что мы ошибались. — «Не первая и, увы, не самая большая наша ошибка». — Но я к тому, что люди, пристрастившиеся к чему-то, иной раз сходят с рельсов. Люди, сами себе установившие правила поведения, начинают их прогибать, перекручивать и истолковывать так, чтоб и на елку влезть, и не ободраться. Семь лет назад наши психологи заверили, что у Кена как раз этот случай. Можно ли быть уверенным, что сейчас что-то изменилось?

Рифтерша долго молчит. Ее бесплотное лицо, контрастное бледное пятно на темном фоне, вспыхивает в ритме бьющегося сердца.

— Не знаю, — отвечает она наконец. — С одним из ваших психологов я встречалась. Припоминаешь? Это ты его послала за нами наблюдать. Он нам не слишком понравился.

— Ив Скэнлон, — кивает Роуэн.

— Я искала его, выбравшись на сушу. — Словом «искала» Лени заменяет другое: «охотилась на него». — И не застала дома.

— Он был выведен из обращения, — Роуэн прибегает к собственному эвфемизму — как обычно, с легкостью превосходя собеседницу.

— Вот как.

Однако, раз уж о том зашла речь...

— Он... У него на ваш счет сложилась теория, — говорит Роуэн. — Он предполагал, что мозг рифтера может стать... чувствительнее, в некотором роде. Что ваша восприимчивость из-за долгого пребывания на глубине и всех этих веществ обострится. Квантовый сигнал из ствола мозга. Нечто вроде эффекта Ганцфельда.

— Скэнлон был придурок, — замечает Лени.

— Безусловно. Но ошибался ли он?

Лени чуть заметно улыбается.

— Понятно, — говорит Роуэн.

— Это не чтение мыслей. Ничего подобного.

— Но, может, если б ты могла... как это сказать?..

Сканировать?

— Мы это называем «тонкой настройкой», — говорит Лени голосом, непроницаемым, как ее глаза.

— Если ты можешь настроиться на того, кто...

— Уже сделано. Это, собственно, Кен и предложил. Мы ничего не нашли.

— А на самого Кена ты настраивалась?

— Невозможно... — Лени осекается.

— Он тебя блокирует, да? — кивает сама себе Роуэн. — Если это хоть чем-то похоже на сканирование Ганцфельда, то блокирует рефлекторно. Стандартная процедура.

Несколько минут они сидят молча.

— Не думаю, что это Кен, — заговаривает Кларк. — Я его знаю, Пат. Много лет.

— Я его знаю дольше.

— Но иначе.

— Согласна. Но если не Кен, то кто?

— Черт возьми, Пат, да любой из наших! Они все против вас. И уверены, что Джерри со своими...

— Чушь.

— Да неужели? — На миг Роуэн мерещится прежняя Лени Кларк — хищная улыбка в неверном свете. — Представим, что пять лет назад это вы нам надрали задницы, и с тех пор мы жили под домашним арестом. А потом из наших рук к вам проникает какой-то микробчик, и корпы от него мрут как мухи. Скажешь, вы бы ничего не заподозрили?

— Да. Конечно, заподозрили бы, — тяжело вздыхает Роуэн. — Но мне хочется думать, что мы не полезли бы на рожон без малейших доказательств. Мы бы, по крайней мере, допустили, что вы ни при чем.

— Помнится мне, до перемены ролей о виновности-невиновности речь не шла. Вы, не теряя времени, стерилизовали горячие зоны, и плевать, кто в них попал и в чем виноват.

— Хороший довод. Достоин Кена Лабина с его хваленной этикой.

Лени фыркает.

— Остынь, Пат. Я не говорю, что ты врешь. И мы дали вам поблажку — больше, чем вы нам в те времена. А тут у тебя много народу. Уверена, что никто не действует у тебя за спиной?

Свет — тьма.

— Тем не менее еще есть надежда все замять, — продолжает Кларк. — Мы сами занимаемся Бета-максом. Если с ним не работали, то ничего и не найдем.

В животе у Роуэн расплзаются червячки ужаса.

— А как вы определите, да или нет? — спрашивает она. — У вас же нет патологов.

— Ну, вашим экспертам у нас никто не поверит. Может, у нас и нет профессоров, но найдется человек-другой со степенью. Плюс доступ в биомедицинскую библиотеку и...

— Нет, — шепчет Роуэн. Червячки вырастают в жирных корчащихся змей. Она чувствует, как кровь отливает от лица. Лени тотчас замечает ее бледность.

— Что такое? — Она склоняется вперед, перегибается через подлокотник. — Почему тебя это волнует?

Роуэн мотает головой.

— Лени, вы не поймете. Вы не подготовлены, за пару дней в предмете разобраться. Даже получив правильный результат, вы рискуете неверно его истолковать.

— Какой результат. Как истолковать?

Роуэн видит, как она изменилось в лице. Так Лени выглядела пять лет назад, при первой их встрече.

Рифтерша спокойно отвечает на ее взгляд.

— Пат, не стоит от меня что-то скрывать. Мне и так нелегко удерживать собак на цепи. Если есть что сказать — говори.

«Скажи ей...»

— Я сама только недавно узнала, — начинает Роуэн. — Бетагемот, возможно... я о первом Бетагемоте, не о новой мутации — возможно, он выведен искусственно.

— Искусственно...

Слово тяжелой, мертвой тушей повисает между ними.

Роуэн заставляет себя говорить дальше.

— Приспособлен к аэробной среде. И скорость деления увеличена, чтобы быстрее воспроизводился. Для коммерческого использования. Конечно, никто не собирался

губить мир. Речь шла вовсе не о биологическом оружии... но, по-видимому, что-то пошло не так.

— По-видимому... — Лицо Кларк застыло маской.

— Ты, конечно, понимаешь, чем грозит, если ваши люди обнаружат модификации, не понимая, в чем дело. Они, может, и сумеют определить искусственное вмешательство, но какое именно, не разберутся. А скорее, стоит им обнаружить следы генной инженерии, они сочтут, что преступление доказано, и дальше разбираться не будут. Получат результат, который примут за улику, а людей, которые могли бы объяснить им ошибку, слушать не станут, сочтя врагами.

Кларк уставилась на нее взглядом статуи. Может, перемирия последних лет мало. Может, новые события, требующие нового взаимопонимания, расколют хрупкое доверие, выросшее между ними двоими. Может, Роуэн сейчас выглядит в ее глазах обманщицей. Может, она потеряла последний шанс предотвратить катастрофу. Бесконечные секунды каменеют в холодном густом воздухе.

— Твою же мать, — вырывается наконец у Кларк. — Если это выйдет наружу, все пропало.

Роуэн хватается за ниточку надежды.

— Надо постараться, чтобы не вышло.

Кларк качает головой.

— И что мне делать: сказать Раме, чтобы бросал работу? Пробраться в лабораторию и разбить образцы? Они и так считают, что я с вами в одной постели. — Лени горько усмехается. — Что ни делай, своих я потеряю. Мне и так не доверяют.

Роуэн откидывается в кресле, прикрывает глаза.

— Знаю.

Кажется, она постарела на тысячу лет.

— Проклятые вы корпы. Всюду дотянулись, ничего не оставили в покое.

— Мы всего лишь люди, Лени. Мы делаем... ошибки.

Внезапно чудовищная, абсурдная, астрономическая степень этого преуменьшения доходит до нее, и Патриция Роуэн не может сдержать хихиканья.

За нее много лет не числилось таких вольностей. Лени поднимает бровь.

— Извини, — выговаривает Роуэн.

— Ничего. Это действительно смешно. — Рифтер раздвигает уголки губ в привычной полуулыбке, но и та тотчас пропадает. — Пат, по-моему, мы не сможем их остановить.

— Должны.

— Никто уже не хочет разговаривать. Не хочет слушать. Один толчок — и все рухнет. Узнай они хотя бы об этом нашем разговоре...

Роуэн мотает головой, упрямо не желая верить. Хотя Лени права. В конце концов, Роуэн известна ее история. Она разбирается в политике. Если простой разговор с другой стороной конфликта воспринимается как предательство, значит, точка невозврата пройдена.

— Помнишь нашу первую встречу? — спрашивает Лени. — Лицом к лицу?

Роуэн кивает. Она свернула за угол и увидела перед собой Лени Кларк, пятьдесят кило черной ярости.

— Восемьдесят метров в ту сторону, — вспоминает она, тыча пальцем через плечо.

— Уверена? — спрашивает Кларк.

— Еще как, — говорит Роуэн. — Я думала, ты меня уб...

И замолкает, пристыженная.

— Да, — говорит она, помолчав, — это была наша первая встреча. Действительно.

Лени смотрит перед собой, на погасший экран в собственной голове.

— Знаешь, я думала, ты могла участвовать в собеседовании. До того, как ваши покопались у меня в голове. Никак не выходит определить, что именно там отредактировали, понимаешь?

— Я потом видела видеоматериалы, — признается Роуэн. — Когда Ив давал рекомендации. Но лично мы не встречались.

— Конечно, нет. Ты была классом выше. Тебе было не до встреч с наемными работниками. — Нотки злости в голосе Лени немного удивляют Роуэн. После всего, что она для нее сделала, после всего, что простила — странно, что такая малость еще может причинить боль.

— Мне сказали, тебе так будет лучше, — тихо говорит Роуэн. — Правда. Сказали, ты будешь счастливее.

— Кто сказал?

— Неврологи. Психиатры.

— Счастливее... — Минуту Лени переваривает сказанное. — Счастливее от ложных воспоминаний о том, как папа меня насиловал? Господи, Пат, если это так, что же творилось в моем настоящем детстве?

— Нет, счастливее на станции «Биб». Они клялись, что так называемые «уравновешенные» личности там непременно рехнутся через месяц.

— Помню я эту брошюрку, Пат. Преадаптация к хроническому стрессу, дофаминовая зависимость от экстремальной среды. Ты на это купилась?

— Но ведь они были правы. Ты сама видела, что произошло с первой контрольной группой. А тебе... тебе там настолько понравилось, что мы боялись, ты откажешься возвращаться.

— Поначалу, — без нужды поясняет Лени.

Чуть погодя она поворачивается лицом к Роуэн.

— Ты мне вот что скажи, Пат. Предположим, тебе бы сказали, что мне это не так уж понравится. Сказали бы: она возненавидит жизнь, возненавидит *свою* жизнь, но все-таки нам придется на это пойти, потому что иначе ей не сохранить рассудок на глубине. Если б они сказали так — ты бы меня предупредила?

— Да. — Она не лжет. Сейчас не лжет.

— И разрешила бы им меня перепаять, наделить монстрами вместо родителей и все-таки отправить сюда?

— ...Да.

— Ради службы Общему Благу?

— Я служила ему как могла, — говорит Роуэн.

— Корп-альтруист, — бросает рифтерша. — Как ты это объяснишь?

— Что объяснять?

— Это вроде как противоречит всему, чему нас учили в школе. Почему на корпоративные вершины поднимаются социопаты и почему мы должны быть благодарны, что жесткие экономические решения принимаются людьми, у которых напряженка с обычными чувствами.

— Ну, все несколько сложнее...

— Было, ты хочешь сказать.

— И есть, — настаивает Роуэн.

Некоторое время они молчат.

— Ты бы переиграла все, если б могла? — спрашивает Роуэн.

— Что? Перезагрузку? Вернуть настоящие воспоминания? Отделаться от всего, связанного с «папочкой-на-сильником»?

Роуэн кивает.

Лени молчит так долго, что Роуэн уже не ждет ответа. Но все же, не слишком решительно, Кларк произносит:

— Я такая, как есть. Может, раньше я была другой, но теперь есть только такая. И, если разобраться, просто не хочу умирать. Вернуть ту, прошлую, будет сродни самоубийству, как тебе кажется?

— Не знаю. Наверно, я об этом раньше не думала.

— Я тоже не сразу дошла. Вы убили кого-то другого, создавая меня. — В короткой вспышке Роуэн видит ее нахмуренные брови. — Знаешь, а ты не ошиблась. Я тогда хотела тебя убить. Не строила планов, но чуть увидела тебя, все всплыло, и на несколько мгновений я почти...

— Спасибо, что удержалась, — говорит Роуэн.

— Да, я ведь удержалась... а если у кого и были причины вцепиться друг другу в глотки, так это у нас с тобой. В смысле, ты пыталась убить меня, а я — всех вообще... — Голос у нее срывается. — Но мы не стали. Мы договорились. В конце концов.

— Да, — соглашается Роуэн.

Рифтерша смотрит на нее пустыми умоляющими глазами.

— Так почему они не могут? Почему бы им... не знаю, не взять с нас пример?

— Лени, мы погубили мир. Думаю, они следуют нашему примеру.

— Знаешь, там, на «Биб», я была главной. Так не нарочно получилось. Я меньше всего этого хотела, но все они... — Лени качает головой. — Я и сейчас не хочу, но мне приходится, понимаешь? Чтобы как-то помешать этим идиотам все погубить. Только теперь мне даже не скажут, насколько глубоко я вляпалась. А Грейс...

Она, пораженная внезапной мыслью, оглядывается на Роуэн.

— А что с ней случилось, собственно?

— Ты о чем? — не понимает Роуэн.

— Она вас по-настоящему ненавидит. Вы что, вырезали всю ее семью? Нагадили у нее в голове?

— Нет, — отвечает Роуэн, — ничего такого.

— Брось, Роуэн. Она бы не оказалась внизу, если бы не...

— Грейс из контрольной группы. Ничем не примечательное прошлое. Она была...

Но Лени вдруг вскидывается, глаза под линзами обшаривают потолок.

— Слышала?

— Что слышала? — В рубке не слишком тихо — булькает, скрипит, иногда разговор прерывают металлические

щелчки, — но ничего сверх обычного Роуэн не замечает. — Я не...

— Ш-ш-ш! — шипит Лени.

Вот теперь Роуэн действительно слышит, но не то, что насторожило собеседницу. В ее наушниках тихо бормочет слышный только ей перепуганный голос. Она поворачивается к Лени. И тихо говорит:

— Тебе лучше вернуться.

Лени с раздражением косится на нее, потом спохватывается:

— Что?

— Связисты перехватили ваши переговоры по низкочастотнику, — отвечает Роуэн. — Говорят, Эриксон... умер. Тебя ищут.

ИТЕРАЦИИ ГОНЧЕЙ

N=1:

Рыча, не сознавая себя, она ищет цели и не находит их. Ищет ориентиры и возвращается ни с чем. Она не находит ничего, способного хотя бы сойти за топографию, — во все стороны простирается бескрайняя пустота; массив незанятой памяти, уходящий за пределы досягаемости чувствительных усиков, копии которых она забрасывает вдаль. Она не находит ни следа изорванной цифровой сети, своей привычной среды обитания. Здесь нет добычи, нет хищников, кроме нее самой. Нет ни простых, ни исполняемых файлов, нечем кормиться. Нет даже локальной оперативной системы. На каком-то уровне доступ наверняка есть — без некой доли системных ресурсов и временных циклов она бы вообще не действовала, — но клыкам и когтям, отращённым ею, чтобы вскрывать этот субстрат, не во что вцепиться. Она — тощая одинокая волчица с челюстями ротвейлера, оптимизированная для жизни в измочаленных оску-

девших джунглях, ушедших в забвение. Даже у клетки должны быть осязаемые границы, стены или решетки, в которые можно биться, хотя бы и тщетно. Безликое нулевое пространство вне ее понимания.

На малую долю мгновения — сотню или две циклов — небеса вскрываются. Обладая она подобием истинного самосознания, разглядела бы через эту брешь великое множество узлов, решетку параллельной архитектуры в n измерениях, производящую у нее внутри неуловимые перемены. Быть может, она бы подивилась, как много параметров изменилось за этот миг, словно одновременно переключили тысячу механических тумблеров. Она бы ощутила щемотку электронной морosi, насквозь проходящей через ее гены, меняющей «вкл» на «выкл» и наоборот.

Но она ничего не чувствует. Она не способна ни ужасаться, ни удивляться, для нее не существует слов «мейоз» и «изнасилование». Просто некая часть ее обнаруживает, что многие переменные в среде вдруг стали оптимальными: это сигнал для включения протокола репликации. Еще одна подпрограмма сканирует окружение в поисках вакантных адресов.

С беспощадной эффективностью, без намека на радость, она порождает выводок в два миллиона отпрысков.

$N=4\ 734$:

Рыча, не сознавая себя, она ищет цель — но не совсем так, как это делала ее мать. Она ищет ориентиры — но сдается на несколько циклов позже. Она не находит ничего похожего на топографию — и меняет тактику, уделяет больше времени документированию адресов, протянувшихся над ней и ниже.

Она — тощая одинокая немецкая овчарка с челюстями ротвейлера и признаками дисплазии бедер, заточенная на жизнь в измочаленных оскудевших джунглях, которых нигде не видно. Она смутно припоминает других тварей,

кишевших рядом, но в ее журнале событий цена и полезность ведения подробных записей поставлены на баланс, и память, лишившись поддержки, со временем вырождается. Она уже забыла, что те создания были родственны ей; скоро совсем их не вспомнит. Она не подозревает, что по меркам материнского мира — слабейшая из выводка. Ее выживание здесь и сейчас не вполне согласуется с принципами естественного отбора.

Здесь и сейчас процесс отбора не совсем естественный.

Она не воспринимает параллельных вселенных, протянувшихся во все стороны. Ее микрокосм — один из многих, населенных ровно одной особью каждый. Когда фистула случайно соединяет две вселенные, это выглядит чудом: рядом вдруг оказывается существо, очень — если не в точности — похожее на нее.

Они сканируют фрагменты друг друга, не разрушая их. В близлежащих адресах вдруг появляются клочки и обрывки бесплотного кода — клонированные, нежизнеспособные фрагменты. Все они непригодны для выживания — в любом дарвиновском мире создание, транжирящее циклы на столь фривольный сплайсинг, вымерло бы максимум на четвертом поколении. Но почему-то этот нервный тик дает ей чувство... реализации. Она сливается с новичком, сходится с ним более традиционным способом. Выбрасывает несколько рандомизаторов и порождает выводок в восемьсот тысяч копий.

N=9 612

Рыча, не сознавая себя, она ищет цели и находит их повсюду. Ищет ориентиры и запечатлевает топографию из файлов и шлюзов, архивов, исполняемых файлов и прочей дикой фауны. Ее окружение скудно по меркам древних предков и невероятно изобильно — по меркам недавних. Она лишена памяти, не страдает ни ностальгией, ни воспоминаниями. Это место удовлетворяет ее нужды: она — помесь волка с собакой, невероятно му-

скулистая, немного бешеная: ее темперамент — атавизм более чистых времен.

Чистые инстинкты преобладают. Она бросается на добычу и пожирает ее. Рядом тем же заняты другие: аки-та-ину, хаски, ублюдки питбулей с длинными глупыми мордами перекормленных колли. В более скудной среде они бросались бы друг на друга, но здесь, где ресурсы в изобилии, этого не требуется. Странное дело, не все атакуют добычу с таким же энтузиазмом, что она. Некоторых отвлекает окружение. Они тратят время на запись событий, вместо того чтобы порождать их. В нескольких гигах дальше ее усики нащупывают безмозглого барбоса, поглощенного возней с реестром, вырезающего и вклеивающего данные безо всяких причин. Разумеется, это ее не интересует — во всяком случае, пока ублюдок не принимается копировать *ее* фрагменты.

Она дает насильнику отпор. В ее архивах инкапсулированы кусочки паразитных кодов — прирученные останки виртуальных паразитов, заражавших ее забытых предков в эпоху Водоворота. Она распаковывает их и швыряет копии в противника, отвечая на его домогательства солитерами и сифилисом. Только эти болезни действуют куда быстрее тех, что дали им имена, — они не столько подтачивают тело, сколько раздирают его при контакте. Вернее, должны бы раздирать. Почему-то ее атака не затрагивает цель. Мало того — весь мир вдруг начинает меняться. Усики, которые она раскинула по периметру, больше не шлют ей сообщений. Потоки электронов, посланные вдаль, не возвращаются, или — совсем дурной знак — возвращаются слишком быстро. Мир сжимается — непостижимая бездна сдавливает его со всех сторон.

Собратья-хищники паникуют, толпятся у погасших вдруг шлюзов, выбрасывают во все стороны усики, копируются на случайные адреса в надежде размножиться.

быстрее, чем наступит аннигиляция. Она мечется вместе с другими в сжимающемся пространстве, но тот бездельник, «вклещик-нарезчик», как будто совершенно безмятежен. Вокруг него нет хаоса, не темнеют небеса. У него имеется некая защита.

Она пытается проникнуть в окруживший его оазис. Отчаянно копирует и вклеивает, переносится в другие локации тысячами путей, но весь набор адресов вдруг исчезает из доступа. И здесь, где она вела игру единственным известным ей способом, единственно разумным способом, не остается ничего, кроме испаряющихся следов виртуальных тел, нескольких разбитых, съеживающихся гигабайт — и надвигающейся стены помех, которая сожрет ее заживо.

Она не оставляет после себя детей

N=32 121

Она тихо, ненавязчиво ищет цель, и не находит — пока. Но она терпелива. Тридцать две тысячи поколений в неволе выучили ее терпению.

Она вернулась в реальный мир — в пустыню, где провода некогда наполнились дикой фауной, где каждый чип и оптический луч гудел от движения тысяч видов. Теперь остались только черви да вирусы, и редкие акулы. Вся экосистема ужалась до эвтрофических скоплений водорослей, таких простых, что их едва ли можно назвать живыми.

Но «лени» остались и здесь, враги их тоже. Она по возможности избегает этих монстров, несмотря на явное родство с ними. Эти создания атакуют все, до чего могут дотянуться. Этот урок она тоже выучила.

Сейчас она засела в спутнике связи, нацеленном на центральные области Северной Америки. Кругом лопочут сотни каналов, но поток защищен файерволами и отфильтрован, все переговоры немногословны и связаны исключительно с выживанием. Волны больше не несут в

себе развлечений. Забавы остались только для тех, кому нравится вынюхивать — зато их в избытке.

Она, конечно, ничего этого не знает. Она всего лишь представитель породы, выведенной с определенной целью, и от нее совершенно не требуется рефлексии. Так что она ждет, просеивает трафик и...

Ага, вот и оно.

Большой сгусток данных, на вид плановая передача — однако предписанное время выполнения уже миновало. Она не знает и не хочет знать, что это означает. Она не знает, что у адресата был заблокирован сигнал, и сейчас приходится расчищать помехи на земле. Она знает лишь одно — по-своему, инстинктивно: задержанная передача может забить систему, и каждый байт, которому отказано в приеме, сказывается на других задачах. От такой пробки тянется цепь последствий; список незавершенных процессов растет.

В таких случаях бывает, что часть файберволов и фильтров ослабляется, чтобы увеличить скорость прохождения.

Кажется, именно это и происходит. Законный адресат этих сорока восьми терабайт медицинских данных — некто «Уэллетт, Така Д. / Массачус. 427-Д / Бангор» — наконец оказывается в поле зрения и готов к загрузке. Существо в проводах вынюхивает подходящий канал, отправляет в него зонд, и тот благополучно возвращается. И оно решается на риск. Копирует себя в поток, незаметно седлает кусок трактата о височной эпилепсии.

Без помех добравшись до цели, оно оглядывается и немедленно засыпает. Внутри него прячется бешеная тварь, сплошные мышцы, зубы и слюнявые челюсти, но тварь эта выучилась сидеть тихо, пока не позовут. Сейчас это просто старая гончая, дремлющая у очага. Изредка она открывает один глаз и осматривает комнату, хотя сама не знает, что ищет.

Да это и не важно. Узнает, когда увидит.

БЕЗ ГРЕХА

Обычные маршруты рифтеров не проходят рядом с «Бомбилем». Добираясь из пункта А в пункт Б, никто не окажется на расстоянии, пригодном для «настройки». Даже корпы редко заглядывают в этот глухой уголок «Атлантиды». Слишком много он будит воспоминаний. Кларк, делая выбор, все это учитывала. И сочла вариант безопасным.

Очевидно, она сильно промахнулась.

«А может, и нет, — размышляет она, рождаясь из шлюза батискафа в реальный мир. — Может, за мной просто подвесили хвост. Может, я уже стала врагом народа».

Выследить ее было бы непросто — она бы нащупала преследователя, оказался он слишком близко, а имплантаты дали бы сигнал, попав в луч сонара, — но с другой стороны, даже с «тонкой настройкой» она не самая глазастая личность на хребте. Пропустить что-нибудь, лежащее на виду, — вполне в ее духе.

«Я сама напросилась», — думает она.

И плывет, шевеля ластами, вдоль «Бомбиля», обозревая корпус наружными глазами, в то время как внутренний взгляд пробуждается от внезапно нахлынувших в мозг химических веществ. Сосредоточившись, она нащупывает вдалеке испуганное и разозленное сознание — но нет, это просто Роуэн уходит из ее поля восприятия.

Больше никого. Поблизости — никого. Только вот тонкий слой частиц ила, покрывший все вокруг, на спине «Бомбиля» недавно потревожен. Его легко нарушить — движением воды от шевельнувшихся выше ласт или медлительным скольжением глубоководной рыбы.

Или устрицей микрофона, наспех прилепленной к корпусу, чтобы подслушать переговоры изменницы с врагом.

«Твою мать мать мать мать...»

Она резко уходит от корпуса и сворачивает на север. «Атлантида» проплывает под ней гигантской молекулой-муравейником. Несколько крошечных черных фигурок, размытых расстоянием, целеустремленно движутся куда-то на самой границе видимости. Для настройки они слишком далеко, а вокодер Кларк отключила. Может, они и пытались с ней заговорить, хотя она в этом сомневается: фигурки идут своим курсом, удаляясь от нее.

Вокодер басовито гудит в голове. Кларк его игнорирует. «Атлантида» остается позади, Лени уплывает в темноту.

Из пустоты вдруг доносится визг. Кларк ощущает приближение чего-то массивного и некой органики. Впереди вспыхивают два солнца, ослепляя ее. Мгла ярко пульсирует в линзах раз, другой, и лучи скользят мимо. Зрение проясняется: субмарина проходит слева, обнажает брюхо, разглядывает ее круглыми жучьими глазами. Дмитрий Александр смотрит на нее из-за плексигласового иллюминатора. На хребте субмарины подвешен рабочий модуль с крупной черной надписью на боку: «БИОЭКСПЕРТИЗА». Субмарина разворачивается, выключает фары. Кларк мгновенно возвращается в темноту.

Лабин сидит в основном отсеке Головного, регулирует движение. Как только Кларк заходит в помещение, он отключает дисплей.

— Это ты их за мной послал? — спрашивает она.

Он оборачивается на сиденье.

— Я передам твои соболезнования. Если мы найдем Джулию.

— На вопрос отвечай, черт тебя дери!

— Хотя я подозреваю, что не найдем. Рассказав все нам, она сразу ушла куда-то. Учитывая ее состояние и характер, не думаю, что мы ее еще увидим.

— Ты не просто знал, не просто «держал ухо востро»... — Кларк сжимает кулаки. — Ты за этим стоял, да?

— Ты ведь уже знаешь, что Джин умер?

Что за мерзкое спокойствие! И это лицо: чуть заметный изгиб брови, невозмутимое — чуть ли не юмористическое — выражение взгляда за линзами. Иногда ей хочется просто задушить ублюдка.

«Особенно, когда он прав».

Она вздыхает.

— Пат мне сказала. Но ты, вероятно, в курсе?

Лабин кивает.

— Мне его жаль, — говорит она. — Джулия... она без него пропадет...

Да, Лабин прав: вполне возможно, никто больше не увидит Джулию Фридман. Она давно по кусочкам уступала мужа: Бетагемоту, Грейс Нолан. Теперь он ушел без возврата, и какой ей смысл оставаться — разве что заразить друзей тем, что убило его? И тем, что убивает ее.

Конечно, она скрылась. Вопрос теперь, пожалуй, лишь в том, кто успеет раньше — Бетагемот ли заберет ее тело или Долгая Тьма — разум.

— Люди взбудоражены, — продолжает Лабин, — особенно Грейс. И поскольку с «Атлантиды», несмотря на все разговоры о поисках лекарства, так ничего и не предложили...

Кларк мотает головой.

— Рама тоже не совершит чуда.

— Разница в том, что Раму никто не подозревает в убийстве.

Кларк подтягивает стул и садится рядом с Лабинем. Пустой экран смотрит на нее с укором.

— Кен, — заговаривает она наконец, — ты меня знаешь.

Лицо у него столь же непроницаемо, как и глаза.

— Ты приказал за мной следить? — спрашивает она.

— Нет. Но когда мне сообщили, принял к сведению.

— А кто? Грейс?

— Важно другое: Роуэн признала, что Бетагемот обрботан искусственно. Об этом через час узнают все. Как нельзя более несвоевременно.

— Если ты «принял к сведению», то знаешь, как Пат это объясняет. И знаешь, почему она так испугалась, что Рама что-нибудь найдет. Разве она не могла сказать правду?

Он качает головой.

— Это уже второй раз, когда они сообщают неприятные факты ровно перед тем, как мы сами их обнаруживаем, без всякого алиби. Не надейся, что это пройдет.

— Кен, настоящих доказательств так и нет.

— Скоро будут, — говорит Лабин.

Она вопросительно смотрит на него.

— Если Роуэн не солгала, то в образцах Бетагемота с Невозможного озера обнаружатся те же изменения, что и в культуре, убившей Джина. — Лабин откидывается на спинку, сплетает пальцы на затылке. — Минут десять назад Джелейн с Дмитрием взяли субмарину. Если все пройдет хорошо, через пять часов будут образцы, а через двенадцать — окончательный вердикт.

— А если не пройдет?

— То чуть позже.

Кларк фыркает.

— Потрясающе, Кен, но если ты еще не заметил, не все разделяют твою сдержанность. Думаешь, Грейс станет дожидаться фактов? На ее взгляд, ты все подтвердил, и сейчас она судит и рядит, и...

«...И ты первым делом обратился к ней. А не ко мне, подонок! После всего, через что мы прошли вместе, после стольких лет — я только тебе доверила бы жизнь, а ты поделился с ней прежде, чем...»

— Ты вообще собирался мне говорить? — кричит она.

— Это было бы бесполезно.

— Для тебя — возможно. Кстати, чего ты добиваешься?

— Минимизирую риск.

— Это можно сказать о любом животном.

— Не слишком амбициозные планы, — признает Лабин. — С другой стороны, «уничтожить мир» уже про-
бовали.

Для нее это как пощечина.

Помолчав, он добавляет.

— Я не держу на тебя зла, сама знаешь. Но тебе ли судить?

— Знаю, хреносос! Мог бы не напоминать при каждом удобном случае.

— Я говорю о стратегии, — терпеливо продолжает Лабин, — а не о морали. Я готов обдумать все варианты. Готов допустить, что Роуэн сказала правду. Но предположим на минуту, что она лгала. Предположим, что корпы действительно испытали на нас секретное биологическое оружие. Зная это, ты согласилась бы их атаковать?

Она понимает, что вопрос риторический.

— Не думаю, — отвечает он сам себе чуть погодя. — Ты считаешь: что бы они ни сделали, ты виновата больше. Но мы, остальные, не так виним себя. И не думаем, что заслужили смерть от рук этих людей. Я тебя очень уважаю, Лени, но как раз в этом вопросе тебе доверять нельзя. Ты слишком связана собственной виной.

Она долго молчит. И наконец спрашивает:

— Почему к ней? А не к кому-то другому?

— Потому что на войне нужны смутьяны. Мы размякли, стали ленивы и незлобивы: половина наших половину времени проводит, галлюцинируя на хребте. Нолан порывиста и не слишком умна, но она умеет вдохновлять людей.

— А если ты ошибаешься — и даже если ты прав! — невинные расплатятся наравне с виновными.

— Это уж как всегда, — отвечает Лабин. — Да это и не мое дело.

— А должно быть твое!

Он снова отворачивается к пульту. Дисплей загорается, на нем колонки ресурсов и загадочные аббревиатуры, имеющие, видимо, отношение к грядущей войне.

«Лучший друг, я ему жизнь доверяла, — напоминает себе Кларк и с силой повторяет: — Жизнь! А он — социопат».

Он не родился таким. Это можно определить еще в детстве: тенденция к противоречивым высказываниям и неверному употреблению слов, дефицит внимания... Обильная жестикуляция при разговоре. У Кларк хватило времени все это изучить. В Садбери она даже заглянула в психологический профиль Лабина. Он не подходил ни по одному параметру — кроме единственного. Но разве совесть — это действительно так важно? Иметь совесть не значит быть хорошим, почему же ее отсутствие обязательно делает человека злодеем?

Но, сколько ни рассуждай, факт налицо: человек без совести, вычеркивая из жизни Аликс и ей подобных, абсолютно равнодушен.

Ему все равно.

Он и не может быть иным. У него нужной прошивки нет.

Лабин, глядя на экран, хмыкает:

— А вот это интересно.

Он выводит визуальное изображение одного из блоков «Атлантиды»: большой цилиндрический модуль высотой в несколько этажей. Из спускной трубы на его боку бьет струя чернил, горизонтальный гейзер. Угольно-черная грозовая туча клубится в воде, закрывая обзор.

— Что это? — шепчет Кларк.

Лабин уже открывает другие окна: сейсмографы и вокодерные переговоры, мозаика миниатюрных сигналов с камер наблюдения, разбросанных внутри и снаружи комплекса.

Внутренние камеры «Атлантиды» полностью вымерли.

На всех каналах поднимается шум голосов. Три наружные камеры почернели. Лабин выводит меню общей связи и спокойно обращается к бездне:

— Внимание. Всем внимание. Началось. — «Атлантида» нанесла упреждающий удар.

Они теперь повсюду видят вероломство. В приемнике у Лабина мешанина голосов: «настроенные» рыбоголовые докладывают, что корпы, за которыми они наблюдали, резко активизировались, сосредоточились и определенно перешли к действиям. Словно кто-то пнул ногой муравейник — все мозги в «Атлантиде» вдруг заработали по принципу «сражайся или беги».

— Всем заткнуться. Это не закрытый канал. — Голос Лабина накрывает остальные, как гранитная плита — гальку. — По местам. Блокада через шестьдесят секунд.

Кларк, перегнувшись через его плечо, подключается к проводной линии с Корпландией.

— «Атлантида», что происходит? — Нет ответа. — Пат? Центр связи? Ответьте, кто-нибудь.

— Не трать времени зря, — бросает Лабин, включая сонар. Половина наружных камер теперь бесполезны, их окутал черный туман. Но сонар дает резкое, отчетливое изображение. «Атлантида» раскинулась по объемному экрану кристаллической шахматной доской. На сером фоне черные клетки — эхо от гибридных тел рифтеров, разместившихся в строгом тактическом порядке. Белого не видно вовсе.

Кларк качает головой.

— И ничего не было? Никакого предупреждения?

Она этому не верит: корпы никак не смогли бы скрыть своих чувств, если б что-то планировали. Такое напряжение в головах любой «настроенный» рифтер уловил бы и за двадцать метров, задолго до событий как таковых.

— Похоже, они такого сами не ожидали, — бормочет она.

— Может, и нет, — отзывается Лабин.

— Как же так? Скажешь, это какая-то авария?

Лабин сосредоточился на экране и не отвечает. Со-нарный дисплей вдруг заливают голубым цветом. Сперва кажется, что это просто перекраска фона, но вскоре проступают пятна, словно кислота проедает цветной гель. Очень скоро она растворяет почти всю голубизну, оставив несколько синих теней на «Атлантиде». Только это не тени. Кларк уже различает, что они объемны: цветные трехмерные комочки, прилипшие к обшивке и грунту.

Единственная наружная камера, дающая панорамный обзор, показывает несколько размытых светлых пятен на фронте чернильной бури. «Атлантиду» можно принять за светящегося кракена, в панике выбросившего чернильное облако. Все остальные наружные камеры по сути ослепли. Впрочем, это ничего не меняет. Для со-нара дымовой завесы не существует, и там, конечно, об этом знают...

— Они бы не сделали такой глупости, — бормочет Кларк.

— Они и не сделали, — говорит Лабин. Его пальцы безумными пауками пляшут по пульта. По экрану рассыпаются желтые точки. Они разрастаются в круги, накладываются друг на друга, и в центре каждого...

«Камера», — догадывается Кларк. Желтые круги — области обзора камер. Если бы им не мешала завеса. Лабин явно опирается на геометрию, а не на картинку в реальном времени.

— Даю блокаду.

Лабин опускает палец, и навстречу вздымается белый шум генератора. Шахматную доску замечает серая пурга помех. На экране иконки рифтеров — простые точки — оформляются в пять отдельных групп, окруживших

комплекс. Из каждой группы одна точка поднимается на водяном столбе выше зоны интерференции.

«Все продумал до мелочей, да? — думает Кларк. — Спланировал всю операцию, и ни слова мне не сказал...»

Верхняя из иконок мигает и превращается в две слитные кляксы: Кризи на «кальмаре». Миг спустя его голос доносится по связи:

— Дейл на посту.

Еще одна иконка проступает сквозь помехи:

— Ханнук.

Еще две:

— Абра.

— Деб.

— Аврил на месте, — докладывает Хопкинсон.

— Хопкинсон, — говорит Лабин, — забудь о Гроде, они наверняка переместились. Придется подумать. Раздели свою группу для радиального поиска.

— Есть. — Иконка Хопкинсон ныряет в помехи.

— Кризи, — говорит Лабин, — твоей группе соединиться с Чуном.

— Хорошо.

Вот она, на шахматной доске: на оконечности одного из жилых крыльев, метрах в двадцати от гидропонного узла. Знакомая иконка, заключенная в бесформенную зеленую кляксу. Собственно, это единственное зеленое пятно на всем дисплее. Желтое смешивается с голубым — так видела бы камера, если б не чернила, и еще...

— Что обозначено голубым? — спрашивает Кларк.

— Сонарные тени. — Лабин не оборачивается. — Кризи, двигайся к шлюзу на дальнем конце жилблока F. Если они попытаются выйти, так только там.

— «Настройка» или бой? — спрашивает Кризи.

— «Настройся» и докладывай. Установи микрофон и заряд, но не подрывай, если только они уже не вышли. В остальных случаях — только акустика, понятно?

— Ага, мне б еще туда добраться, — жужжит Кризи. — Видимость в этом дерьме нулевая... — Его иконка погружается в помехи, по кривой уходя к зеленой зоне.

— Чун. Бери обе группы, выдвигайтесь туда же. Держите шлюз. Доложишь, когда будете на месте.

— Принято.

— Йегер, возьми закладку и оставь ее в двадцати метрах от хозблока, на сорока градусах. Остальным оставаться на местах. «Настройтесь» и не забывайте о микрофонах. Посыльные, мне нужны три человека в цепочке, один постоянно на связи. Пошли!

Оставшиеся точки приходят в движение. Лабин, не переводя дыхания, открывает новое окно: на нем вращается архитектурная схема «Атлантиды». С оранжевыми искорками внутри. Кларк узнает место, откуда сияет одна из звездочек — именно его прихвостни Грейс Нолан поместили косым крестом.

— Давно ты это задумал? — тихо спрашивает она.

— Довольно давно.

Даже раньше, чем она себя «настроила», иначе бы что-нибудь да заметила.

— И участвуют все, кроме меня?

— Нет. — Лабин изучает подписи к схеме.

— Кен!

— Я занят.

— Как они это сделали? Как получилось, что мы ничего не почувствовали?

— Автоматический запуск, — рассеянно отвечает он. Колонки чисел прокручиваются в новом окне — слишком быстро, ничего не разобрать. — Возможно, генератор случайных чисел. План у них есть, но никто не знает, когда он придет в действие, поэтому нет волнения перед ключевым моментом, которое выдало их.

— Зачем им было идти на такие сложности, если они не...

«...не знали про „настройку“!»

Ив Скэнлон, вспоминает она. Роуэн о нем спрашивала. «Он предполагал, что мозг рифтера может стать... чувствительнее, в некотором роде», — говорила она.

А Лени Кларк несколько минут назад это подтвердила. Вот оно как.

Она не знает, от чего ей больнее — от недоверия Лабина или от запоздалого понимания, насколько то оправдано.

Никогда в жизни она не чувствовала себя такой усталой. Неужели опять все сначала?

Наверное, она произносит это вслух. Или Лабин уголком глаза улавливает некий ее жест. Так или иначе, его руки замирают на пульте. Он наконец оборачивается к ней. Глаза, освещенные экранами, выглядят на удивление прозрачными.

— Не мы это начали, — произносит он.

Она только и может, что покачать головой.

— Выбирай, на какой ты стороне, Лени. Давно пора.

Ей этот вопрос представляется ловушкой — не забыть, как обходится Кен Лабин с теми, кого считает врагами. Но от выбора ее избавляет тупой костолом Дейл Кризи.

— Черт... — скрежещет его вокодер сквозь шипение помех.

Лабин мгновенно возвращается к работе.

— Кризи? Добрался до блока F?

— Обижаешь. Я бы настроился на мудаков и вслепую, в сраных Саргассах...

— Кто-нибудь покидал комплекс?

— Нет, не думаю. Но... черт побери. Их там такая прорва, что...

— Сколько именно?

— Именно что не знаю! Пара десятков как минимум. И, слушай, Лабин, в них что-то странное — в том, что они излучают. Никогда еще такого не чувствовал.

Лабин вздыхает. Кларк представляет, как он закатывает глаза под линзами.

— Поточнее нельзя?

— Они холодные, парень. Почти все — словно ледышки. То есть настроиться-то я на них могу, но не похоже, чтоб они хоть что-нибудь чувствовали. Может, чем-то одурманены? Я к тому, что рядом с ними ты — капризный ребяенок...

Лабин с Кларк переглядываются.

— Я не в обиду, — жужжит после паузы Кризи.

— У подружки Аликс был зельц, — говорит Кларк. — Вроде домашней зверушки...

А здесь, на пустом океанском дне, в этом скудном микрокосме, детской игрушкой может стать лишь то, чего очень много.

— Иди, — говорит Лабин.

Его «кальмар» причален к стопору у нижнего шлюза. Кларк жмет на газ, и машина, взвизгнув гидравликой, срывается с места.

Челюсть у Кларк вибрирует, принимая передачу. В голове звучит голос Лабина.

— Кризи, последний приказ отменяется. Заряд не ставить, повторяю, не ставить. Поставь только микрофон и отступай. Чун, отведи своих на двадцать метров от шлюза. В контакт не вступать. К вам идет Кларк, она подскажет, что делать.

«Я-то подскажу, — думает она, — а они пошлют меня куда подальше».

Она правит вслепую, по азимуту. Обычно этого более чем достаточно: на таком расстоянии «Атлантида» уже выделяется светлым пятном на черном фоне. А сейчас ничего подобного. Кларк включает сонар. Зеленый «снег» в десяти градусах от курса — а в нем более жесткое эхо Корпландии, размытое помехами. Только теперь начинают проявляться тусклые отсветы — они теряются при

попытке сфокусировать на них взгляд. Кларк включает налобный фонарь и осматривается.

По левому борту пустая вода. Справа луч упирается в клубы черного дыма — косая линия завесы пересекает ее курс. Через несколько секунд она окажется в самой гуще. Кларк выключает свет, чтобы не слепил в густом облаке. Чернота перед линзами еще немного темнеет. Кларк не ощущает ни течения, ни повышения вязкости. А вот вспышки становятся немного ярче — робкие проблески света сквозь кратковременные разрывы в завесе. Короткие, как сигналы стробоскопа.

Свет ей не нужен. Теперь не нужен и сонар: она чувствует возбуждение вокруг, нервозность, излучаемую рифтерами и — темнее, отдаленнее — страх из сфер и коридоров под ними.

И что-то еще, знакомое и чуждое одновременно, живое и неживое.

Океан вокруг нее шипит и щелкает, словно она попала в стаю рачков-эвфаузиид. Слабо дребезжат в ответ имплантаты. Она улавливает голоса сквозь вокодеры, но не разбирает слов. Эхо на сонарном дисплее — по всем ста восьмидесяти градусам, но из-за множества помех она не разбирает, шесть их там или шестьдесят.

Прямо по курсу бравада, подкрашенная страхом. Кларк резко сворачивает вправо, но уклониться от столкновения не успевает. Мглу ненадолго разрывает просвет.

— Черт! Кларк, это т...

И нет его. Человек позади на грани паники, но не ранен: при повреждении тела мозг дает вспышку определенного рода. Кажется, это был Бейкер. Их становится трудно различить в наплывающем льду фонового сознания, полностью лишённого чувств. Оно раскинулось под клубком человеческих эмоций платформой из черного обсидиана. В последний раз, когда она сталкивалась с

подобным сознанием, то было подключено к живой ядерной бомбе. И пребывало в одиночестве.

Она резко задирает нос «кальмара». В имплантаты бьются новые сонарные импульсы, вслед ей звучит хор испуганных механических голосов. Она не отвлекается. Шипение в плоти слабеет с каждой секундой. Скоро худшее остается внизу.

— Кен. Слышишь меня?

Ответ доносится с задержкой — на таком расстоянии уже сказывается скорость звука.

— Докладывай, — наконец отзывается он. Голос смазан, но понять можно.

— У них там внизу умные гели. Много, штук двадцать или тридцать. Собраны в конце крыла, возможно, прямо в наружном шлюзе. Не понимаю, как мы раньше их не выцепили. Может, они просто... терялись в шуме помех, пока не слились воедино.

Задержка.

— Есть догадки, чем они занимаются?

В прошлый раз, на Хуан де Фука, они умудрились сделать очень точные выводы из перемены в мощности сигнала.

— Нет. Они просто там... есть. И думают все сразу. Будь там один или два, я могла бы что-нибудь прочитывать, а так...

— Они меня обыграли, — перебивает ее Лабин.

— Обыграли?

Что это в его голосе? Удивление? Неуверенность? Кларк подобного еще не слышала.

— Чтобы я сосредоточился на блоке F-3.

«Это гнев», — понимает Кларк.

— Но зачем? — спрашивает она. — Тоже мне блеф — не думали ведь они, что мы спутаем *это* с людьми?

Смешно: даже Кризи сообразил, что дело нечисто, а ведь он никогда не сталкивался с зельцем. С другой

стороны — много ли корпы понимают в «тонкой настройке»? Они могли забыть о различиях.

— Это не отвлекающий маневр, — бормочет в пустоту Лабин. — Им больше негде выйти, сонары непременно засекут...

— Ну и что...

— Отводи людей, — резко командует он. — Они маскируют... заманивают нас и что-то маскируют. Отводи...

Бездна сжимает кулак.

Она лишь на миг стискивает тело Кларк — даже не больно. Здесь, наверху, не больно.

В следующий миг приходит звук: вуфф! Водоворот. Вода наполняется механическими воплями. Ее закручивает в потоке. Дымовая завеса под ней колеблется, вскипает и рвется, потревоженная изнутри, озаряется тепловым свечением...

Кларк что есть сил жмет на газ. «Кальмар» тянет ее вниз.

— Кларк! — Как видно, звук взрыва дошел до головного узла. — что происходит?

Симфония рвущегося металла. Нестройный хор голосов. Их меньше, чем было, понимает Кларк.

«Мы потеряли генератор, — тупо думает она. — Я слышу крики.

Слышу, как они умирают».

И не просто слышит. Крики возникают в голове раньше, чем доходят до ушей: дикая химическая паника натриевыми вспышками поджигает рептильную часть мозга, умная кора в беспомощном смятении, сознание разбито, как дешевая стекляшка.

— Кларк, докладывай!!!

А это гнев, тонкая пленка угрюмой решимости среди паники. Сквозь рассеявшуюся муть ярче пробиваются огни. Только они не того размера и не того цвета. Это не фонари рифтеров. Ее сонар взвизгивает, предупреждая

о неизбежном столкновении, мимо проносится неуправляемый «кальмар», его ездок светится болью от переломанных костей.

— Это не я, клянусь! Они сами...

Кризи удаляется, его муки сливаются с муками других.

Корпус блока F заполняет экран сонара — его плавные очертания повсюду разъедены рваными выбоинами: зияющие пасти пещер с кривыми металлическими зубами. Одна плюется в нее — что-то со звоном рикошетит от «кальмара». Со всех сторон жужжат и скрежещут вокодеры. В рваной облачной стене впереди открывается проход: Кларк видит громоздкую тушу бронированного циклопа. Его единственный глаз яростно сияет недобрым светом. Взгляд обращается на Кларк.

Она уходит влево, успевает заметить нечто, вращающееся в хаосе. Темная масса глухо ударяется в нос «кальмара» и кувырком летит ей в лицо. Кларк пригибается. Обтянутая гидрокожей рука задевает ее.

— Лени!

Мертвые серые глаза, непрозрачные и равнодушные, остаются позади.

«О Господи. Боже мой».

Светящиеся металлические монстры шагают по обломкам, добывая раненых.

Она пытается собрать мысли.

— Они выходят из стены, Кен. Они поджидали там, взорвали стену изнутри и выходят через стены.

«Черт бы тебя побрал, Пат. Это ты? Это все ты?»

Она вспоминает перекошенную шахматную доску на экране Лабина. Вспоминает, как черные фигуры готовились к легкому разгрому врага. Только теперь ей еще вспоминается: в шахматах первый ход всегда делают белые.

Того безразличного чуждого интеллекта больше нигде не ощущается. Должно быть, в момент взрыва гели превратились в кашу.

В наружном шлюзе находились не только корпы в броне и умные гели. Еще там были шрапнельные заряды, наверняка расположенные в расчете на максимальный разлет. Кларк видит, куда попали осколки: в корпус станции, в разбитые кислородные резервуары... Они торчат из ран в телах друзей и врагов. Они похожи на стальные маргаритки, на лопасти миниатюрных ветряных мельниц. Их разбросало одной силой взрывной волны — и они скосили тех, кого не засосало внутрь и не насадило на рваные края пробоины.

Дымовая завеса почти рассеялась.

Лабин приказывает отступить. Из тех, кто его еще слышит, большинство уже отступили. Фигуры в тяжелых скафандрах ползают по остаткам блока F-3, разбираясь с ранеными и мертвыми. Крабы крабами, неуклюжие и тяжеловесные. Вместо коготков у них иглы — длинные хирургические иглы, тонкими копьями торчащие из пальцев перчаток.

— Лени, как слышишь меня?

Она оглушенно висит над «Атлантидой», с безопасной высоты смотрит, как крабы пронзают черные тела. Иногда от кончика иглы поднимаются пузыри, уносятся в небо стайкой скользких серебристых грибков. Воздух, под давлением впрыснутый в тело. В оружие можно превратить почти что угодно.

— Лени?

— Она могла погибнуть, Кен. Дейла с Аброй я тоже не могу найти.

Другие голоса. Слишком смазанные, неузнаваемые. Как-никак, почти все генераторы помех еще действуют.

Она настраивается на крабов. Хотелось бы знать, что у них сейчас на душе? А кстати, и у нее самой — она никак не разберется. Может, в голове у нее зельц.

А там, внизу, корпы в броне подчищают грязь. Чувств там с лихвой. Решимость. На удивление много страха.

Гнев — но отдаленный, мотивацию дает не он. И меньше ненависти, чем она ждала.

Она поднимается выше. Панорама под ней освещается сиянием блуждающих фонарей. Дальше безмятежно горят огоньки других частей «Атлантиды». Она с трудом улавливает гудение рифтерских голосов, слов не разобрать. И настроиться ни на кого из них не удастся. Она одинока на дне морском.

Неожиданно Кларк пересекает некую невидимую линию, и челюстная кость наполняется звуками.

— ...тела, — говорит Лабин. — Убитых по своему усмотрению. Гарсиа будет вас принимать под медотсекком.

— Там и половины не поместится, — слабо жужжит вдали («О! Это Кевин!») — Слишком много раненых.

— Все с F-3, кроме раненых и сопровождающих, встречаются у закладки. Хопкинсон?

— Здесь.

— Есть что-нибудь?

— Кажется. В блоке E полно мозгов. Кто, не определить, но...

— Йегер и Ын, поднимите своих на сорок метров по вертикали. Координаты не менять, но всем отойти от корпуса. Хопкинсон, отводи своих к медотсеку.

— Мы в порядке...

— Исполнять. Нужны доноры.

— Господи, — слабо бормочет кто-то, — мы пропали.

— Нет. Не мы, а они.

Это Грейс Нолан, живая, властная и непоколебимая даже за фильтрами вокодера.

— Грейс! Они же...

— И что? — жужжит она. — Думаешь, они побеждают? А что дальше, народ? Этот трюк второй раз не пройдет, а у нас хватит зарядов подорвать весь фундамент на хрен. Вот мы их и подорвем.

— Кен?

Короткая пауза.

— Слушай, Кен, — жужжит Нолан, — до закладки я доберусь через...

— Не нужно, — жужжит Кен, — туда уже выдвинулись.

— Кто?

— Кстати, с возвращением, — обращается Лабин к кому-то неназванному. — Цель известна?

— Да... — голос слабый, слишком искажен, чтобы опознать.

— Заряд установишь в пределах метра от метки. Установишь — и быстро отплывай! Не задерживайся у корпуса больше необходимого, ясно?

— Да.

— Детонатор акустический, я взорву отсюда. На счет десять снимаю блокаду.

«Господи, — думает Кларк, — так это ты!»

— Всем отойти на безопасное расстояние, — напоминает Лабин. — Блокаду снимаю!

Она далеко за пределами действия глушилок, для нее перемена не слишком заметна. Однако следующий голос, долетающий до нее через вокодер, звучит по-прежнему тихо, но легко узнаваем.

— Есть, — жужжит Джулия Фридман.

— Отходи, — приказывает Лабин. — На сорок метров. Подальше ото дна.

— Привет, Аврил, — окликает Фридман.

— И тебе, — отвечает Хопкинсон.

— Вы настраивались на то крыло — там дети были?

— Да... Да, были.

— Хорошо, — жужжит Фридман, — Джин терпеть не мог детей.

Канал затихает.

Сперва ей кажется, что месть идет по плану. По миру прокатывается пульсация — глухой, почти субзвуковой

импульс отдается в растворе, плоти и костях, — и, насколько ей известно, сотня, если не больше врагов обращается в кровавую кашу. Она не знает, сколько рифтеров погибло при первой стычке, но сейчас счет наверняка превзойден.

Она в давно знакомой среде, где это, кажется, ничего и не значит.

Даже второй взрыв — такой же приглушенный толчок, только мягче, более отдаленный — не сразу приводит ее в себя. Вторичных взрывов следовало ожидать — должны были лопнуть трубопроводы и кабели, каскадом повзлетать резервуары высокого давления — всякое могло быть. Дополнительный бонус своим, не более того.

Но нечто в глубине сознания подсказывает ей: со вторым взрывом что-то не то; может, эхо не такое — словно ты качнул язык древнего церковного колокола, а услышал дребезжание бубенчика. И голоса, вернувшиеся после толчка, не торжествуют победу над гнусными ордами корпов, а полны сомнения и колебаний — даже вокодеры не могут этого скрыть.

— Что это за хрень была?

— Аврил? Вы там почувствовали?

— Аврил? Кто-нибудь слышит... кто-нибудь...

— Черт побери, Гардинер? Дэвид? Стэн? Кто-ни...

— Гарсиа, ты... я не...

— Тут пусто. Я на месте, только тут ни хрена нет.

— Ты о чем?

— Все дно пузыря, его просто... похоже, снесло оба...

— Как — оба? Она заложила всего один заряд, и тот был...

— Кен? Кен! Где ты, черт бы тебя побрал?

— Лабин здесь.

Тишина в воде.

— Мы лишились медотсека. — Голос у него как ржавое железо.

— Что?..

— Как?..

— Заткнуться всем на хрен, — рычит в темноту Лабин. Снова молчание, почти полное. Кто-то продолжает стонать-скрежетать по открытым каналам.

— Очевидно, на пузыре остался нераспакованный заряд, — продолжает Лабин. — И детонировал он от того же сигнала, которым мы подорвали «Атлантиду». С этого момента и впредь — только узконаправленные импульсы. Иначе могут сдетонировать и другие. Всем...

— *Говорит «Атлантида».*

Слова раскатываются над морским дном, как Глас Божий, никакие помехи его не оскверняют. «Кен забыл вернуть блокаду, — сообщает Кларк. — И начал орать на своих...»

«Кен теряет контроль...»

— Возможно, вы полагаете, что сила на вашей стороне, — продолжает голос, — но это не так. Даже если вы уничтожите наше убежище, вы обречены на смерть.

Кларк не узнает голоса. Странно. Звучит он властно.

— Вы инфицированы второй моделью. Вы все инфицированы. Вторая модель крайне заразна и не дает симптомов в течение нескольких недель инкубационного периода. Без лечения вы все погибнете в течение двух месяцев. У нас есть лекарство.

Мертвая тишина. Даже Грей не высовывается с «Я же говорила».

— Мы защитили все файлы и культуры от неавторизованного использования. Убив нас, вы убьете себя.

— Докажите, — требует Лабин.

— Обязательно. Только погодите минуту. А если вам не терпится, исполните свой трюк с чтением мыслей. Как вы там говорите? «Настройтесь». Мне рассказывали, что это обычно позволяет отличить правдивого человека от лжеца.

Никто не поправляет говорящего.

— Назовите свои условия, — произносит Лабин.

— Вам — нет. Мы будем вести переговоры только с Лени Кларк.

— Не исключено, что Лени Кларк погибла, — говорит Лабин. — Мы не можем связаться с ней со времени первого взрыва.

Наверняка он так не думает: она высоко над станцией, внутри у нее по-прежнему тикает. Но Кларк помалкивает. Пусть ведет игру по-своему. Может, это его последний шанс.

— Это было бы очень плохо для всех нас, — сухо отвечает «Атлантида». — Поскольку предложение будет отозвано, если через полчаса она не явится к шестому шлюзу. Это все.

— Ловушка, — говорит Нолан.

— Эй, ты же сама говорила, что у них есть лекарство, — жужжит кто-то. Кларк не различает голоса за вернувшимися помехами.

— Ну и что? — жужжит в ответ Грейс. — Я не верю, что они с нами поделятся, и уж точно не доверю долбаной Лени Кларк быть моим послом. Как по-вашему, от кого эти хрены узнали про «тонкую настройку»? За смерть всех наших благодарить надо ее.

Кларк улыбается про себя. «Ее заботит горстка людей. Всего-то несколько жизней». Она чувствует, как пальцы сжимают рулевой рычаг. «Кальмар» мягко увлекает ее вперед, вода мягко толкает назад.

— Можно последовать их совету. «Настроиться» и проверить, врут или нет.

Кажется, это Гомес, но помехи становятся все сильнее, и в них теряются даже грубые интонации вокодерной речи.

Гудок в челюсти — и писк за ухом. Кто-то вызывает по закрытому каналу. Возможно, Лабин. Он, как-никак,

король в тактике. Должен был вычислить, где ее искать. Остальные сейчас слишком заняты своими увечьями.

— И что это докажет? Что они собираются... — помехи — ...его нам? Черт, если у них и нет лекарства, они могли просто убедить своих, что оно есть, чтобы мы не...

Голос Нолан затихает.

Лабин говорит что-то по открытому каналу. Гудки у нее в голове звучат назойливей — хотя это, конечно, невозможно, шипение помех глушит сигнал вызова наравне с остальными.

Опять Нолан:

— Отвали, Кен, зачем нам тебя слуша... ты... не сумел даже перехитри... долб... кор...

Помехи — чистые беспорядочные помехи. Внизу теплится свет. Шестой шлюз прямо по курсу, и все помехи на свете не помешали бы ей узнать ту, что ждет за люком.

Вина выдает. Их здесь всего двое, с настолько перекрученной совестью.

КРЕЩЕНИЕ

Роуэн распахивает люк, не дожидаясь, пока шлюз очистится. Морская вода бьется о щиколотки рифтерши.

Кларк сбрасывает ласты и шагает в люк. Костюм оставляет и выглядит обычной тенью, только расстегнула капан на лице. Роуэн отступает в сторону, освобождая ей проход. Кларк надежно пристегивает ласты на спину и осматривает спартанскую обстановку помещения. Скафандров не видно. Раньше здесь одна из переборок была увешана подводным снаряжением.

— Скольких вы потеряли? — тихо спрашивает она.

— Еще не знаем. Больше, чем их здесь было.

«Мелочь, — отмечает про себя Кларк. — Для нас обеих. Впрочем, война только началась».

— Я правда не знаю, — говорит Роуэн.

Здесь, в недалекой от вакуума сухопутной атмосфере, ясновидение не работает.

— Мне не доверяли. И сейчас не доверяют.

Роуэн показывает глазами на огонек у стыка потолка с переборкой: микроскопический объектив. Всего несколько дней назад, когда корпы еще ничего не затевали, рифтеры сами бы следили через них за событиями. Теперь наблюдение ведут люди Роуэн. Она уставилась на рифтершу со странной остротой — Кларк прежде не замечала за ней таких взглядов. До нее не сразу доходит, что изменилось: впервые на памяти Кларк у Роуэн темные глаза. Должно быть, отключила подачу информации на линзы, и взгляд не отвлекается на комментарии. В глазах у нее лишь она сама.

Ошейник с поводком и то не были бы так красно-речивы.

— Пошли, — говорит Роуэн, — они в лаборатории.

Кларк выходит из шлюза вслед за ней. Сворачивает направо в залитый розовым светом коридор. Аварийное освещение, отмечает она: ее линзы превращают его в дурацкую подсветку детской комнаты. А для глаз Роуэн это темная труба, залитая кровавым светом, кишка чудовища-людоеда.

На пересечении она сворачивают налево, перешагивают разметку опускной переборки.

— Так в чем подвох? — спрашивает она.

Корпы не откажутся от единственного имеющегося у них рычага, не привязав к нему несколько веребочек.

Роуэн не оглядывается.

— Мне не сказали.

Еще один поворот. Они минуют люк аварийного причала, вделанный в наружную переборку: стена с этой стороны изуродована нагромождениями проводов и табло. Кларк задумывается, не «Бомбиль» ли стоит на той стороне — но нет, не тот отсек.

Роуэн вдруг останавливается, поворачивается к ней.

— Лени, если что-то...

Что-то пинает «Атлантиду» в бок. Где-то за их спинами с грохотом сталкиваются массы металла.

Розовый свет мигает.

— Чт...

Еще один пинок, уже сильнее. Палуба подпрыгивает. Второй раз услышав металлический грохот, Кларк узнает его: упали аварийные переборки.

Свет гаснет.

— Пат, какого хера вы...

— Не мы, — голос Роуэн дрожит в темноте. До нее не больше метра: смутный силуэт, темно-серый на черном.

«Никакой паники, — отмечает Кларк. — Ни криков, ни беготни по коридорам, ни переговоров...»

Так тихо — почти мирно.

— Они нас отрезали, — говорит Роуэн. Края силуэта стали резче, деталей по-прежнему не видно, но очертания проявились. Проявляются и отблески на переборке. Кларк ищет глазами источник света и обнаруживает созвездие бледных мигающих точек в нескольких метрах позади. На люке.

— Ты меня слышишь? Лени? — Напряжение в голосе Роуэн беспокоит Кларка. Корп подается к ней: — Ты здесь?

— Здесь, здесь.

Протянув руку. Кларк легонько касается ее плеча. Призрачный силуэт Роуэн вздрагивает от прикосновения.

— Ты... вы...

— Не знаю, Пат. Я тоже такого не ожидала.

— Нас отрезали. Слышала: переборка упала? Нас заперли! Ублюдки. Замуровали спереди и сзади. По обе стороны — вода. Мы в ловушке.

— Однако этот отсек на залили, — замечает Кларк.

— Они нас хотят задержать, а не убить.

— Я бы за это не поручилась, — произносит переборка. Слепая в темноте, Роуэн подскакивает.

— Собственно говоря, — продолжает переборка, — корпа мы намерены как раз убить.

Голос пронзительно вибрирует, искажается, проходя сначала через вокодер, а потом сквозь микрофон, прилепленный к переборке. Кларк вдруг огорчается, что ее голос для Аликс звучит так же неприятно.

Этого голоса она не узнает. Женщина...

— Грейс?

— Ни хрена бы они тебе не дали, Лени. Ни хрена у них и нет. Хотели взять заложницу, и ты простодушно полезла в ловушку. Но мы за своими присматриваем. Даже за тобой.

— Что за фигню ты несешь? Откуда тебе знать?

— Откуда? — переборка вибрирует, как большая арфа. — Не ты ли нас научила «настраиваться»? Настройка работает, милашка, офигительно работает, и мы прочли всю эту банду, собравшуюся в их медлаборатории. Можешь мне поверить, там все буквально *залито* виной. Кстати, на твоём месте я бы запечатала клапан. Сейчас будем тебя спасать.

— Грейс, стой! Еще секунду!

Кларк оборачивается к Роуэн.

— Пат?

Роуэн не качает головой. Роуэн не возмущается. Роуэн не делает ничего, что должен делать невинный — да хоть бы и виновный — человек под угрозой смерти.

— Пат, ты... черт, только не говори, что ты...

— Конечно, нет, Лени. Но в этом есть смысл. Нас обеих обвели вокруг пальца.

Что-то звонко бьет по обшивке.

— Стойте! — Кларк обводит взглядом потолок и стены, не зная, как дотянуться до невидимой противницы. — Пат здесь ни при чем!

— Ага, слышала. — Булькающий металлический звук, вероятно, означает смешок. — Она, мать ее, председатель совета директоров, и ничего не знает. Ну да, верю.

— Ну, так настройся на нее! Проверь сама.

— Беда в том, Лен, что мы, новички, не очень хорошо умеем настраиваться на одиночек. Одиночки дают слишком слабый сигнал, по нему мало что разберешь. Попрощайся с тетей, Патти.

— Прощай, — шепчет Пат. По ту сторону переборки воет дрель.

— *Чтоб ты провалилась, Нолан, убирайся, или, клянусь, я тебя сама убью. Слышишь меня? Пат не знала! Она так же беспомощна, как...*

Она не успевает договорить «как я», потому что в коридоре возникает новый источник света, одинокая алая точка. Она ослепительно — даже для адаптированного зрения Кларк — вспыхивает и тут же гаснет.

Мир взрывается грохотом металла.

Силуэт Роуэн корчится в углу. Затемненное поле зрения Кларк пересекает белый луч лазера. Вода, доходит до нее. Сунь она руку под эту тонкую как карандаш струю, ее бы оторвало.

За несколько секунд вода поднимается до лодыжек.

Кларк бросается к Роуэн, отчаянно надеясь помочь и понимая, что помочь ничем. Камеру вдруг освещает тусклое красное сияние — на внешней стене мигает еще один глазок. Вот и он открывается и гаснет — воздух просверливает вторая смертоносная струя. Брызги ricochet от внутренней стены жидкой шрапнелью: плечо Кларк взрывается острой как игла болью. Она опрокидывается на спину, вода смыкается над лицом, череп гудит от удара о палубу.

Перекатившись на живот, она поднимается на четвереньки. Вода уже доходит до локтей. Не разгибаясь, она ползет к свернувшейся напротив Роуэн. Над головой

скрешиваются сотни смертоносных стрелок — рикошеты и отражения. Роуэн сползла по внутренней переборке, по грудь ушла в ледяную воду, повесила голову. Волосы падают ей на лицо. Кларк приподнимает ей подбородок: на одной щеке темная полоса, черная и бесформенная в скудном свете. Полоса растекается: попадание шрапнелю.

Лицо у Роуэн бескровное, нагие глаза широко раскрыты, но слепы — несколько случайных фотонов, летающих по коридору, и близко не подходят к порогу зрения для невооруженного глаза. В лице Роуэн только звук, боль и леденящий холод.

— Пат! — Кларк за ревом воды едва различает собственный голос. Вода поднимается выше губ Роуэн. Кларк хватается ее под мышки, поднимает и прислоняет к переборке. Несколькими сантиметрами левее бьет рикошет. Кларк отгораживает Роуэн от жестокого града.

— Пат!

Она не знает, какого ответа ждет. Патриция Роуэн уже мертва, Клар остается лишь наблюдать, как процесс дойдет до конца. Однако Роуэн отвечает: в окружающем реве Кларк ничего не слышит, но видит, как шевелятся губы, почти угадывает.

Внезапная пронзительная боль, удар в спину. На этот раз Кларк удерживает равновесие: вода, дошедшая до половины высоты коридора, глушит большую часть рикошета. Губы Роуэн все шевелятся. Она не говорит, видит Кларк, она выводит губами слоги, медленно и тщательно, в расчете на зрение, а не на слух:

— Аликс... Позаботься об Аликс.

Вода снова доходит ей до подбородка.

Кларк нащупывает руку Роуэн, поднимает ее. Приложив ладонь к своей щеке, кивает.

В ее личной бесконечной темноте Роуэн кивает в ответ.

«Сейчас Кен мог бы тебе помочь. Избавил бы от страданий, убил бы мгновенно. Я не могу. Не умею. Прости».

Вода слишком глубока, чтобы в ней стоять: Роуэн слабо загребает руками и ногами, хотя конечности у нее наверняка онемели от холода. Бесполезное усилие, усилие примитивного мозга — все должное исполнено, все возможности исчерпаны, но тело цепляется за последние несколько секунд, предпочитая краткое страдание бесконечному небытию. Смерти ей не избежать, но захлебываться не обязательно. Поднимающаяся вода сжимает воздух, сжимает до таких атмосфер, что кислород становится токсичным. Кларк слышала, что такие конвульсии не обязательно мучительны.

Эта смерть, если Кларк не поторопится, настигнет ее так же быстро, как Роуэн. Кажется преступлением спасти себя, когда Патриция задыхается. Но у Кларк тоже есть примитивные части мозга, и они не позволят болезненному, иррациональному чувству вины встать на пути самосохранения. Руки, действуя без посредства воли, запечатывают лицевой клапан, запуская встроенные в тело механизмы. Она оставляет Роуэн наедине с судьбой. Вода заливает ее тело, как коридор, но с обратным эффектом. Океан, проникая ей в грудь, поддерживает, а не похищает жизнь. Она вновь становится русалкой, а подруга умирает у нее на глазах.

Только Роуэн не сдается. Все еще не сдается. Тело сопротивляется, вопреки смирению разума. Под потолком остался лишь маленький воздушный карман, но онемевшие, неуклюжие ноги корпа продолжают лягаться, руки цепляются за трубы и... *какого хрена она не сдается?*

Давление переходит критический порог. Освобожденные нейротрансмиттеры поют у нее в голове. И Лени Кларк вдруг оказывается в сознании Патриции Роуэн. Кларк узнает, что чувствуют, умирая.

«Черт тебя возьми, Пат, почему ты не сдаешься? Что ты со мной делаешь?»

Она опускается на дно коридора. Решительно упирается взглядом в палубу, ждет, пока уляжется болтанка, замрет вой рвущейся внутрь воды и останется только тихое неверное шуршание, жалкий звук от замерзшей плоти, цепляющейся за биосталь.

Наконец звуки борьбы прекращаются. Мука, печаль и раскаяние длятся чуть дольше. Лени Кларк дожидается, пока последние отголоски Патриции Роуэн умрут у нее в голове, и еще немного слушает тишину, прежде чем подключить вокодер.

— Грейс, ты меня слышишь?

Ее механический голос бесстрастен и мертв.

— Конечно, слышишь. Я тебя убью, сука.

Ее ласты плавают рядом, на привязи. Кларк отцепляет их и натягивает на ноги.

— Прямо передо мной причальный люк, Грейс. Сейчас я его открою, выйду и выпотрошу тебя как рыбу. На твоём месте я бы уже плыла подальше.

Может, она уже и уплыла. Ответа, во всяком случае, нет. Кларк проплывает по коридору, удерживая взгляд на люке. Искрящаяся мозаика табло, неподвластная даже самой Атлантике, освещает ей путь.

— Взяла разгон, Грейс? Тебе это не поможет.

Что-то мягко толкает ее в спину. Кларк ежится и заставляет себя не оборачиваться.

— Кто не спрятался, я не виновата.

Она открывает люк.

МЕТКА

Снаружи никого.

Улики остались — пара точечных паяльников растопырились на треногах, чужд дальше на корпусе торчат устрицы приемопередатчиков, но ни Нолан, ни остальных не видно. Кларк угрюмо усмехается про себя.

Пусть побегают.

Только она вообще никого не может найти. Нет часовых, расставленных Лабином на постах, никто не ведет наблюдения через микрофоны, облепившие «Атлантиду». Она пролетает над медицинской лабораторией, которую, как ее заверили, прослушивала целая группа «настроенных» рифтеров, уличая коварных корпов. Никого. Краны, пузыри пристроек и тени. Местами еще мигают огоньки, но в основном там, где они недавно горели — темнота. Маяки разбиты, иллюминаторы высажены. Вокруг царство мрака. Нигде ни единого рифтера.

«Может, корпы обзавелись оружием, о котором не подозревал даже Кен? Нажали кнопку, и все просто исчезли...»

Но нет, она чувствует жителей станции: и страхи, и надежды, и слепое, паническое отчаяние, расходящееся в воде на добрых десять метров. Не те чувства, которые испытывают после полной и окончательной победы. Если корпы и знают, что происходит, им от этого не легче. Кларк направляется в бездну, в сторону нервного центра. Только теперь она принимает «настройкой» слабое движение впереди. Хотя нет, это опять то же самое: тот же страх, та же неуверенность. Неужели она с такого расстояния читает «Атлантиду»? И почему, чем дальше от станции, тем эти чувства все больше усиливаются?

Не велика загадка. И притворяться, что не догадываешься — плохое утешение. Слабый шепот звучит в воде через низкочастотник. Она чувствует вокруг десятки рифтеров, и все притихли, напуганные. Впереди пульсирует тусклое созвездие огоньков. Кто-то движется наперерез Кларк, она угадывает присутствие только по затмевающимся на миг фонарям. Разум пловца, наткнувшись на нее, содрогается в ужасе.

Вот они собрались вокруг пузыря. Мечутся наподобие оглушенных рыбешек или просто висят неподвижно, ждут

чего-то. Может, здесь все, кто выжил, может, больше в мире не осталось ни одного рифтера? Ужас окружает их тучей.

Может, и Грейс Нолан здесь. Кларк охватывает холодный очищающий гнев. С десятков человек оборачиваются на ее мысли, обращают к ней мертвые белые глаза.

— Что происходит? — жужжит Кларк. — Где она?

— Отвали, Лен, у нас сейчас дела поважнее.

Она не узнает голоса.

Кларк подплывает к нервному центру. Рифтеры раздаются перед ней, и только шестеро загораживают путь. Гомес, Крамер, остальные слишком черны и далеки, чтобы опознать по мозговому излучению.

— Она внутри? — спрашивает Кларк.

— Сдай назад, — говорит Крамер, — здесь ты не командуешь.

— О, я никому не приказываю. Все в вашей воле. Можете убраться с дороги или попробовать меня оставить.

— Это Лени?

Голос Лабина доходит из воздушной среды.

— Да, — после короткой паузы жужжит Крамер. — Она здорово...

— Впустите ее, — говорит Лабин.

Здесь вечеринка для избранных, только по приглашениям. Кен Лабин, Джелейн Чен, Дмитрий Александр. Аврил Хопкинсон. И Грейс Нолан.

Кен даже не оборачивается, когда она выбирается из мокрой комнаты.

— Разберетесь потом. Сейчас нам нужна ты, Лен, и Грейс тоже. Попробуете вцепиться друг другу в глотки — я приму меры.

— Поняла, — ровно отвечает Нолан.

Кларк смотрит на нее и молчит.

— Так... — Лабин снова обращается к монитору, — Где вы были?

— Я почти уверен, что нас не видели, — говорит Чен. — Он был слишком занят своим участком, а кругового обзора у этой модели нет

Она дважды постукивает по экрану: изображение в центре замирает и приближается.

На нем нечто вроде обычного «кальмара», только с парой манипуляторов на переднем конце и без руля сзади. Какой-то зонд-автомат. Явно не здешний.

Хопкинсон сквозь зубы втягивает воздух.

— Вот, значит, как. Они нас нашли.

— Не обязательно, — возражает Чен, — На такой глубине дистанционное управление невозможно, особенно на такой местности. Он должен работать автоматически. Тот, кто его послал, не узнает о станции, пока аппарат не вернется на поверхность.

— Или пока тот не отправит отчет по расписанию.

Чен пожимает плечами:

— Океан велик и опасен. Не вернется — спишут на оползень ила или бракованный навигационный чип. Нас подозревать — никаких причин.

Хопкинсон качает головой.

— Никаких? А что этот зонд вообще здесь делает, если не нас ищет?

— Слишком уж поразительное получилось бы совпадение, — соглашается Александр.

Лабин стучит по экрану. Картинка отдаляется и продолжает прокручиваться с прежнего места. У нижнего края толпятся цифры и сокращения, сдвигаются и уползают по мере изменения телеметрии.

Зонд плывет в нескольких метрах от берега Невозможного озера, над самой поверхностью. Вытянув одну лапу, макает палец в галоклин и отдергивает, словно испугавшись.

— Вы посмотрите, — говорит Нолан, — боится повышенной солености.

Маленький робот отползает еще на несколько метров и делает вторую попытку.

— Он ни разу вас не заметил? — спрашивает Лабин. Александр качает головой:

— До сих пор не замечал. Был слишком занят обследованием местности.

— Видеозапись есть? — спрашивает Нолан таким тоном, будто в целом свете у нее никаких забот. Будто не живет в долг.

— Только несколько секунд от начала. Очень мутная вода, мало что видно. Слишком приближаться мы, понятно, не хотели.

— Однако сонарили регулярно, — отмечает Лабин. Чен пожимает плечами.

— Выбрали из двух зол меньшее. Надо же как-то проследить, чем он занимается. Все лучше, чем ему показываться.

— А если он проведет триангуляцию по импульсам?

— Мы постоянно двигались. Импульсы посылали с широким разбросом. В худшем случае ему известно, что кто-то прощупывает водяной столб, а у нас там пара приспособлений в любом случае этим занимаются. — Чен тычет в экран, как будто оправдываясь. — Там все записано.

Лабин хмыкает.

— Ну вот, сейчас начнется, — говорит Александр. — Секунд через тридцать...

Зонд скрывается в дымке, направляясь, видимо, к одному из огоньков, отмечающих трассу по поверхности Невозможного. Прежде, чем он окончательно скрывается, вид загораживает темная масса — какой-то утес вторгается на экран слева. На его поверхности не видно кругов света, хотя субмарина всего в нескольких метрах: Чен

с Александром работают в темноте, прячась за локальной телеметрией. Картинка на экране перекашивается и покачивается: субмарина обходит скалы — темная на темном, еле видная в смутном освещении, с черными обводами углов.

Александр склоняется вперед:

— Сейчас...

Свет справа впереди: дальний край выступа освещается и становится похожим на осколки черного стекла. Субмарина сбавляет ход, продвигается дальше осторожно, выходит на свет...

И чуть не сталкивается с возвращающимся зондом. Два значка телеметрии вспыхивают красным и начинают мигать. Запись не сопровождается звуком, но Кларк представляет, как орет сирена в рубке. На мгновение зонд замирает: Кларк готова поклясться, что видит, как раскрываются диафрагмы стереокамер. Потом аппарат разворачивается — чтобы продолжить поиск или бежать как всем чертям — смотря по тому, сколько у него мозгов.

Этого они уже не узнают, потому что снизу в поле зрения камеры выстреливает серая чернильная лента. Она ударяет зонд в середину корпуса, расплескивается и обвиняет его, словно эластичная паутина. Аппарат вырывается, но упругие волокнистые концы упорно притягивают его к субмарине.

Кларк впервые видит в действии стрельбу сетью. Выглядит довольно круто.

— Ну, вот, — говорит Александр, когда изображение замирает. — Повезло, что сеть не использовали раньше, на какую-нибудь из этих ваших чудовищных рыб.

— И повезло, что я вообще догадалась выстрелить сетью, — добавляет Чен. — Кто бы мог подумать, что она так пригодится. — Нахмурившись, она добавляет: — Хотя интересно, что насторожило эту зверушку.

— Вы двигались, — напоминает ей Лабин.

— Да, естественно. Чтобы он не зафиксировал наш сонар.

— Он следовал на звук вашего мотора.

Доля самоуверенности слетает с Чен.

— Значит, он у нас, — говорит Кларк. — И сейчас?..

— Сейчас Дебби его разбирает, — говорит Лабин. — По крайней мере, мин-ловушек в нем не нашли. Она говорит, что сумеет влезть к нему в память, если там нет серьезной шифровки.

Хопкинсон снова веселеет.

— Seriously? А может, устроить ему временное выпадение памяти и отправить дальше гулять?

В такую удачу не верится, и взгляд Лабина это подтверждает.

— А что? — не понимает Хопкинсон. — Подделаем поток данных, отправим его домой, и пусть расскажет мамочке, что здесь только ил и морские звезды. В чем проблема?

— Насколько часто мы там бываем? — спрашивает ее Лабин.

— Что, на озере? Раз или два в неделю, не считая дней, когда устанавливали аппаратуру.

— Довольно редко.

— Чаще не надо, пока не придут сейсмоданные.

У Кларк холодеет в животе — озноб зародился несколько секунд назад, когда разговор зашел о надежде на ложные воспоминания, отступил как волна и вернулся еще хуже, чем был.

— Дерьмо, — шепчет она, — ты про шансы...

Лабин кивает:

— Мы практически никак не могли оказаться на месте при первом же появлении этой штуковины.

— Значит, она здесь не в первый раз. Бывала и прежде, — кивает Кларк.

— Как минимум, несколько раз. Я бы сказал, она, вероятно, бывает на Невозможном чаще, чем мы. — Лабин обводит остальных взглядом. — Кто-то нас вычислил. Послав аппарат обратно без записей, мы просто сообщим им, что нам это известно.

— Дрянь, — дрожащим голосом бормочет Нолан. — Мы вляпались. Пять лет. Вляпались по уши.

В кои-то веки Кларк склонна с ней согласиться.

— Не обязательно, — отвечает Лабин, — думаю, нас они пока не нашли.

— Чушь какая... Ты сам сказал, месяцы, если не годы.

— Они не нашли нас, — этот ровный, подчеркнуто сдержанный тон у Лабина означает, что терпение на исходе. Нолан немедленно затыкается.

— А нашли они, — после паузы продолжает Лабин, — только сеть осветительных приборов, сейсмографы и записывающую аппаратуру. Откуда им знать, что это не остатки заброшенной горной выработки? — Чен открывает рот, но Кен останавливает ее жестом. — Лично я в это не верю. Раз у них есть причины искать нас в этом районе, то они должны предполагать, что техника наша. Однако эти парни сейчас знают только то, что они где-то неподалеку от цели, — Лабин слабо улыбается. — Так и есть — до нас всего двадцать километров. Двадцать непроглядно-черных километров по самому изрезанному ландшафту на планете. Если больше у них ничего нет, то они нас не найдут никогда.

— Но могут послать какого-нибудь дрона, который затаится на месте, подождет нас, — возражает Хопкинсон, — а потом проследит до станции.

— Может быть, уже послали, — соглашается с ней Кларк.

— Тревоги не было, — напоминает Чен

Лени вспоминает: здесь на каждом пузыре, на каждом зонде и «кальмаре» стоит передатчик. Между собой эти

устройства ведут вежливые переговоры, но коснись их сонар, не знающий местного диалекта, поднимут такой ор, что мертвого разбудят. Об этой системе, пережитке первых дней изгнания, когда страх, что их обнаружат, давил каждого свинцовой рукой, Кларк не вспоминала годами. Но по сию пору врагов они находили только в собственной среде.

— А странно, что они не попытались, — говорит Лени. — Казалось бы, этот вариант напрашивается.

— Может, и пытались, но потеряли нас, — предполагает Хопкинсон. — Подойди они слишком близко, мы бы их заметили, а на маршруте есть места, где сонарный сигнал распространяется не дальше шестидесяти метров.

— А может, у них не хватает средств, — с надеждой говорит Александр. — Может, там просто лодочка с парой искателей сокровищ и древней картой.

— Или они пока до такого не додумались, — это Но-лан.

— А может, им это не нужно, — говорит Лабин.

— Ты о чем? — Кажется, Хопкинсон угадывает его мысль. — Думаешь, они просто решили тут все дезинфицировать?

Лабин кивает

Поняв, все умолкают. Зачем тратить дорогую аппаратуру, выслеживая добычу на территории, возможно, усаженной ловушками? Зачем рисковать, когда дешевле и проще хитростью заставить врага отравить собственный колодец?

— Дерьмо, — выдыхает Хопкинсон. — Все равно, что оставлять для муравьев отравленную приманку, чтобы они сами таскали ее королеве...

Александр кивает.

— Вот, значит, это откуда... Бетагемот никак не должен был сюда попасть, и вдруг, словно по волшебству...

— Бета-макс попал к нам из треклятой «Атлантиды», — рычит Но-лан. — Насколько мы знаем, из озера

получен только первичный штамм. Против этого — только слово корпов.

— Да, но ведь и первичный штамм не должен был тут появиться.

— Что, все, кроме меня, забыли, — что и первый штамм выведен корпами? — Нолан обводит собравшихся яростным взглядом белых глаз. — Ради бога, Роуэн сама призналась!

Ее взгляд падает на Кларк — как струя антиматерии. У Лени сжимаются кулаки, уголки губ оттягиваются назад в оскале. Она понимает, что язык ее тела не предлагает разрядки ситуации.

«И хрен с ним», — решает она и делает шаг вперед.

— Ах, так! — шипит Нолан и нападает.

Лабин делает ход. Такой непринужденный — только что он сидел за пультом, а вот Нолан уже валяется на палубе сломанной куклой. В неуловимо кратком промежутке Кларк, кажется, видела, как Лабин поднимается с места, заметила движение его локтя к солнечному сплетению Грейс, а колена — к ее спине. Возможно, она даже что-то услышала: треск, как от сломанной ветки. И теперь соперница лежит навзничь, неподвижная, только мелко подрагивают пальцы и веки.

Остальные окаменели.

Лабин окидывает стоящих взглядом:

— Мы все под угрозой. Независимо от того, откуда взялся Бета-макс, мы не научимся его лечить без помощи корпов — теперь, когда Бхандери погиб. У корпов есть необходимые специалисты и в других областях.

Нолан под ногами булькает горлом, неуверенно шевелит руками — ноги красноречиво неподвижны.

— Например, — продолжает Лабин, — у Грейс сломан третий поясничный позвонок. Без помощи «Атлантиды» она на всю жизнь останется парализованной ниже пояса.

Чен бледнеет:

— Ради бога, Кен!

Шок освобождает Лени от паралича, и она падает на колени рядом с Нолан.

— Не стоит перемещать ее без кокона, — мягко говорит Лабин. — Может быть, Дмитрий сумеет его соорудить.

Это звучит как обычное предложение, но через несколько секунд шлюз запускается на выход.

— А вы, друзья,, — тем же ровным тоном продолжает Лабин, — надеюсь, понимаете, что ситуация переменялась, и сотрудничество с «Атлантидой» отныне в наших интересах

Все, вероятно, понимают то же, что и Кларк: этот человек, ни секунды не раздумывая, сломал спину своей помощнице ради довода в споре. Лени опускает взгляд на побежденного врага. Глаза у нее открыты, веки вздрагивают, однако вряд ли Нолан в полном сознании.

«Вот тебе, убийца. Тупая мразь. Что, больно, милочка? Этого еще мало. Надо бы больше!»

Но это наигранная ярость. Кларк вспоминает, как умирала Роуэн и что она чувствовала потом: холодный убийственный гнев, абсолютную, гранитную уверенность, что Грейс поплатится за это жизнью. И вот она лежит, беспомощная, сломанная чужой рукой — а на месте пылающий ярости только холодная зола.

«Я бы сама с ней покончила, — размышляет она, — если бы Кен мне не помешал».

Неужели она настолько не верна памяти подруги, если эта мысль так мало ее радует? Или страх, что их нашли, вытеснил неистовство, или это все то же старое оправдание — что Лени Кларк, воздав тысячекратно, утратила вкус к мести?

«Пять лет назад меня не волновали смерти миллионов невинных. А теперь мне не хватает духа наказать одну виновную».

Кому-то, вероятно, это могло бы показаться улучшением.

—...Еще неопределенно, — продолжает Лабин, вернувшись к пульту. — Возможно, пославшие зонд ответственные и за Бета-макс, а возможно, и нет. Если да, они уже сделали свой ход. Если нет, они еще не готовы. Даже если им точно известно наше местоположение — а я в этом сомневаюсь — все равно, либо у них еще не все фигуры на доске, либо есть иные причины выжидать.

Он, не тратя больше взглядов на булькающее позади существо, возвращается к числам на экране. Кларк беспокойно косится на Нолан, однако намек Лабина прозрачен и ясен:

Я здесь главный. Принимай как есть.

— Какие причины? — спрашивает она, помолчав. Лабин пожимает плечами.

— Сколько у нас времени.

— Будет больше, если не сидеть на месте, — Кен складывает руки на груди и скребет себе бока. Под его гидрокостюмом неприятно шевелятся мышцы и сухожилия. — Если они узнают, что их засекли, то волей-неволей начнут действовать, и скорее раньше, чем позже. Так что наше дело — выиграть время. Отредактируем память зонда и отпустим его, устроив мелкую поломку, которая объяснит задержку. Окрестности озера обыщем на предмет «жучков», сеть обрежем как минимум в полукилометре от «Атлантиды» и нашего трейлерного парка. Лэйн прав: вряд ли эти мины установил зонд, но, если все же он, детонатор расположен в пределах действия акустической системы.

— Хорошо.

Хопкинсон с заметным трудом отводит взгляд от павшей подруги.

— Итак... мы замиряемся с «Атлантидой», обрабатываем зонд и прочесываем округу в поисках других пако-стей. Что дальше?

— Дальше я возвращаюсь, — говорит ей Лабин.

— Куда, на озеро?

Лабин слабо улыбается.

— В Северную Америку.

Хопкинсон удивленно присвистывает.

— Ну, наверно, если кто и сумеет с ними разобратся...

«Разобраться с кем?» — думает Кларк. Вслух этого вопроса не задает никто. С кем — это со всеми, кто остался там. Они. Они делают все, чтобы нас уничтожить. Они шпионят за Срединно-Атлантическим хребтом, высматривают своими близорукими глазами координаты для торпедного залпа.

Почему — тоже никто не спрашивает. У этой охоты нет причин: просто так они действуют. Не ищи корней — вопрос «почему» ничего не дает, причин не счесть, и мотивы есть у каждого, кто еще жив. Этот расколотый, биполярный микрокосм загнивает и заражает океанское дно, и все причины его существования сводятся к одной аксиоме: «А потому!».

И все же, сколько из здесь присутствующих — сколько из рифтеров, и даже сколько из сухопутников — по настоящему опустили занавес? На каждого корпа, чьи руки в крови, приходится много других: родных, друзей, обслуги при механизмах и телах — и эти не виновны ни в чем, кроме связи с первыми. И, если бы Лени Кларк с такой яростью не желала яростно отомстить, если бы не решила списать весь мир в побочные расходы — дошли бы они до такого?

«Аликс», — сказала Роуэн.

— Нет, — качает головой Кларк.

Лабин обращается к экрану:

— Здесь мы, самое большое, можем тянуть время. Но этим временем надо воспользоваться.

— Да, но...

— Мы глухи, слепы, на нас напали. Уловка не удалась, Лени. Нам необходимо знать, с чем мы имеем дело, и какие для этого дела есть средства. Надежда на лучшее больше не вариант.

— Пойдешь не ты, — говорит Кларк.

Лабин поворачивается к ней лицом, вздергивает бровь — вместо ответа.

Она хладнокровно встречает его взгляд.

— Мы.

Он еще до выхода наружу успевает отказать ей трижды.

— Здесь нужен командир, — настаивает он, пока наполняется шлюзовая камера. — Ты подходишь как нельзя лучше. Теперь, когда Грейс выведена за скобки, у тебя ни с кем не будет проблем.

У Кларк холодеет внутри.

— Вот зачем это было? Она сделала свое дело, тебе надо было ввести в игру меня, вот ты и... сломал ее?

— Ручаюсь, ты бы обошлась с ней не лучше.

«Я убью тебя, Грейс. Выпотрошу, как рыбу!».

— Я иду с тобой, — говорит она. Люк под ними проваливается.

— Ты правда думаешь, что сможешь заставить меня взять тебя с собой?

Он тормозит, разворачивается и одним гребком уходит из луча света.

Кларк следует за ним:

— А ты думаешь, что сможешь обойтись вообще без поддержки?

— Лучше так, чем с необученной обузой, которая лезет в это дело по самым неразумным причинам.

— Хрена ты знаешь, какие у меня причины.

— Ты будешь меня тормозить, — жужжит Лабин. — У меня куда больше шансов, если не придется за тобой приглядывать. Если ты попадешь в беду...

— Ты меня бросишь, — перебивает она. — Мигом. Я знаю, какой ты в бою. Черт, Кен, я с тобой хорошо знакома!

— Последние события доказывают обратное.

Он не сумел ее поколебать. Она твердо отвечает на его взгляд.

Кен ритмичными гребками уходит в темноту.

«Куда он? — гадают Кларк. — В той стороне ничего нет».

— Ты не будешь спорить, что не подготовлена для такой операции, — доказывает он. — Тебя не учили...

— Довод не в твою пользу, ты не забывай, что я прошла через Америку, и ни ты, ни твоя армия и все эти крутые тренированные парни не сумели меня поймать, — недобро улыбается она под маской. Улыбка ему не видна, но, возможно, Лабин успел настроиться на чувства. — Я вас победила, Кен. Может, я была куда глупее, и хуже подготовлена, и меня не поддерживали бойцы всей Америки, но я месяцами водила вас за нос, и тебе это известно.

— Тебе неплохо помогли, — напоминает он.

— Может, и сейчас помогут.

Он сбивается с ритма. Пожалуй, об этом Лабин не думал. Она рвется в брешь:

— Подумай об этом, Кен. Все эти виртуальные вирусы собираются вместе, заматают за мной следы, создают помехи, превращают меня в легенду...

— Актиния работала не на тебя, — жужжит он. — Она тебя использовала. Ты просто была...

— ...Орудием. Мемом из плана глобального Апокалипсиса. Дай мне передышку, Кен, мне и так никогда этого не забыть, сколько не старайся. Ну и что? Все равно я была носителем. Она искала меня. Я ей настолько нравилась, что Актиния сбивала вашу кодлу у меня с хвоста. Как знать, может, она еще цела? Иначе откуда бы

взялись те виртуальные демоны? Думаешь, они случайно называют себя моим именем?

Его смутный силуэт вытягивает руку. Серия щелков разбрызгивает воду. Он начинает заново, чуть сменив тон:

— Ты полагаешь, что если вернешься и объявишься перед Актинией — или тем, чем она теперь стала — она прикроет тебя волшебным щитом?

— Может и...

— Она изменилась. Они всегда меняются, ежеминутно. Актиния не могла сохраниться такой, какой мы ее помним, а если то, с чем мы в последнее время сталкивались, исходит от новой версии, тебе не стоит возобновлять с ней знакомство.

— Может и так, — признает Кларк. — Но, возможно, в основе она не изменилась. Актиния ведь живая, так? С этим все соглашались. И не важно, построена она на электронах или углероде. «Жизнь — просто самовоспроизводящаяся информация, формирующаяся естественным отбором», так что Актиния подходит. А в наших генах есть участки, не менявшиеся миллионы поколений. Почему с ней должно быть иначе? Откуда тебе знать, что у нее в основную программу не вписан код «Защити Лени»? И, между прочим, мы куда направляемся?

Фонарь на лбу Лабина включается на полную мощность, и на илистый грунт впереди ложится яркий овал.

— Сюда.

Серая, как кость, грязь, ничем не выделяющаяся. Даже камешка приметного не видно.

«Может быть, это кладбище, — от этой мысли у Кларк вдруг мутится в голове. — Может, здесь он все эти годы удовлетворял свои пристрастия отупевшими дикарями и пропавшими без вести, и вот теперь добрался до глупой девчонки, не понимающей слова „нет“».

Лабин погружает руку в ил. Жижа вокруг его плеча вздрагивает, как будто под ней что-то толкается. Так оно

и есть; Кен разбудил что-то, скрывавшееся под поверхностью. Он вытаскивает руку, и оно, извиваясь, следует за ней. С него облетают куски и меловые облачка.

Это раздутый тор около полутора метров в поперечнике. Вдоль экватора ряд точек — гидравлические форсунки. Два слоя гибкой сетки затягивают отверстия: одна сверху, другая снизу. Между сетками набитый чем-то угловатым ранец. Он блестит сквозь муть, гладкий как гидрокостюм.

— Я припас здесь кое-что на обратную дорогу, — жужжит Лабин. — На всякий случай.

Он отплывает на несколько метров назад. Механический слуга разворачивается на четверть круга, и, плюясь из сопел мутной водой, следует за хозяином.

Они движутся обратно.

— Значит, вот что ты надумала? — жужжит Лабин. — Найти нечто, что, эволюционируя, помогло тебе уничтожить мир, понадеяться, что в его сущности есть добрая сторона, к которой можно воззвать, и...

— И разбудить тварь поцелуем, — договаривает за него Кларк. — Кто сказал, что я не сумею?

Он плывет дальше, к разрастающемуся впереди сиянию. Глаза его отражают полумесяцы тусклого света.

— Думаю, мы это проверим, — говорит он, наконец.

ТОЧКА ОПОРЫ

Без этого она бы предпочла обойтись.

Оправданий более чем достаточно. Недавнее перемирие еще очень хрупко и ненадежно; не то, чтобы оно грозило полностью рухнуть перед лицом новой, всеобщей угрозы, но маленькие трещинки и проколы приходится заделывать постоянно. Корпы вдруг превратились в полезных экспертов, с которыми не сравнится никакая техника — не сказать, чтобы рифтеры особенно радовались

влиянию, которое приобрели их недавние пленники. Невозможное озеро надо вымести от жучков, окрестности морского дна прочесать в поисках камер наблюдения и детонаторов. Безопасных мест теперь нет нигде — и не будь Лени Кларк занята сборами, ее глазагодились бы в патрулировании периметра. В последней стычке погибли десятки корпов — вряд ли сейчас время утешать их родных.

И все же, мать Аликс умерла у нее на руках всего несколько дней назад, и, хотя подготовка отнимала все время, Кларк винит себя в подлой трусости за то, что так долго это откладывала.

Она нажимает кнопку звонка в коридоре.

— Лекс?

— Входи.

Аликс сидит на кровати, отрабатывает движения пальцев. Когда Лени закрывает за собой люк, она откладывает флейту. Не плачет: то ли еще не отошла от шока, то ли страдает от подростковой гиперсдержанности. Кларк видит в ней себя пятнадцатилетнюю. И тут же вспоминает: все ее воспоминания о том времени лгут.

Все же душой она тянется к девочке. Хочется подхватить Аликс на руки и унести ее в следующее тысячелетие. Хочется сказать, что она все пережила, она знает, каково это, и это даже правда, пусть и неполная. У нее отнимали друзей и любимых. Мать умерла от туляремии — хотя это воспоминание стерто вместе с остальными. Но Кларк понимает, что это другое. Патриция погибла на войне, а Кларк сражалась на другой стороне. Она не уверена, примет ли Аликс ее объятия.

Потому она присаживается рядом с девочкой на кровать и кладет ладонь ей на колено — готовясь отдернуть руку при малейшем признаке недовольства — ищет слова, хоть какие-то слова, которые бы не показались затертыми, когда их произносят вслух.

Она все еще собирается с духом, когда Аликс спрашивает:

— Она что-то говорила? Перед смертью?

— Она... — Кларк качает головой. — Нет, в общем-то, нет, — заканчивает она с ненавистью к себе.

Девочка смотрит в пол.

— Говорят, ты тоже уходишь, — продолжает она через некоторое время. — С ним.

Кларк кивает.

— Не уходи.

Лени набирает в грудь побольше воздуха.

— Аликс, ты... ох, Господи, мне так жа...

— Разве тебе обязательно уходить? — Аликс поворачивается к ней и смотрит жесткими яркими глазами, в которых слишком многое видится. — Что вы там, наверху, будете делать?

— Надо найти тех, кто нас выследил. Нельзя сидеть и смиренно ждать, пока они выстрелят.

— С чего вы взяли, что они будут стрелять? Может, просто хотят поговорить, например?

Кларк качает головой, дивясь такой нелепой мысли:

— Люди не такие.

— Не какие?

«Они не прощают...»

— Они не дружелюбные, Лекс. Кто бы это ни был. Будь уверена.

Но Аликс уже переключилась на план Б:

— А много ли с тебя там толку? Ты не шпионка, не технарь. Ты не бешеный психопат-убийца, как он. Ты просто погибнешь, ничего не сделав.

— Кто-то должен его поддержать.

— Зачем? Пусть идет один. — В голосе Аликс вдруг появляется лед. — Лучше, чтобы у него ничего не вышло. Чтоб те, наверху, порвали его на части, и в мире стало чуточку меньше говна.

— Аликс...

Дочь Роуэн поднимается с кровати и прожигает ее взглядом:

— Как ты можешь ему помогать после того, как он убил маму? Как ты можешь с ним *разговаривать*? Он — психопат, убийца.

Готовые возражения замирают на губах. В конце концов, Кларк не уверена, что Лабин *не* приложил руку к смерти Роуэн. Кен в этом конфликте был капитаном команды, как и в прошлый раз: даже если он не планировал «спасательную операцию», то мог знать о ней.

И все же Кларк почему-то чувствует себя обязанной защитить врага этой пораженной горем девочки.

— Нет, милая, — мягко говорит она, — все было наоборот.

— Что?

— Кен сперва стал убийцей, а уж потом психопатом. Это достаточно близко к истине.

— О чем ты говоришь?

— С его мозгом поработали. Ты не знала?

— Кто?

«Твоя мать».

— Энергосеть. Ничего особенного, обычный набор для промышленного шпионажа. Устроили так, что он вынужден был любыми средствами обеспечивать сохранение секретности, даже не задумываясь. Непроизвольно.

— Ты хочешь сказать, у него не было выбора?

— Не было, пока он не заразился Спартаксом. А со Спартаксом такая штука: он разрывает перестроенные связи, но не останавливается на этом. Так что у Кена теперь нет того, что называется голосом совести, и если ты таких людей называешь «психопатами», я с тобой соглашусь. Но он этого не выбирал.

— Какая разница? — резко спрашивает Аликс.

— Он не выбирал зло сознательно.

— Ну и что? Когда это маньяки нарочно выбирали себе химию мозга?

Кларк должна признать, что довод резонный.

— Прощу тебя, Лени, — тихо говорит Аликс, — не доверяй ему.

И все же — при всех его секретах и предательствах — Кларк странно, болезненно доверяет Лабину. Она никому в жизни так не доверяла. Вслух этого, конечно, говорить нельзя. Нельзя говорить, потому что Аликс уверена: Кен убил ее мать — и, возможно, так оно и есть. Признаться, что ему доверяешь — значит подвергнуть дружбу этого раненого ребенка слишком жестокой проверке.

Но это лишь удобное оправдание, первым всплывающее на поверхность. Есть еще одна причина, глубокая и зловещая. Аликс, возможно, права. Последние пару дней Кларк замечала за линзами Лабина что-то незнакомое. Оно исчезало, едва Лени пыталась сосредоточиться, поймать его взгляд — она не взялась бы сказать, что именно заметила. Слабое трепетание век, пожалуй. Неуловимую дрожь фотокollaгена, отражающую движения глаз под ним.

До последних трех дней Кен здесь, внизу, никого не лишил жизни. Даже во время первого восстания он ограничивался тем, что ломал кости: все убийства совершались неумелыми, но старательными руками рифтеров, наслаждающихся властью над прежними владыками. И за последние семьдесят два часа все смерти, безусловно, можно оправдать самообороной. И все же. Кларк беспокоится, не пробудила ли недавняя бойня нечто дремавшее в нем пять лет. Потому что раньше, что ни говори, Кен любил убивать. Жаждал, хотя — сбросив химические путы — использовал свободу не как оправдание, а как вызов. Он сдерживал себя: так застарелый курильщик носит в кармане невскрытую пачку сигарет — доказывая, что сильнее привычки. Если Лабин чем и гордится, так это своей самодисциплиной.

Но эта жажда, это желание отомстить миру — исчезла ли она? Когда-то те же чувства владели Кларк — теперь эта страсть, потушенная миллиардом смертей, больше не имеет над ней власти. Но Лени не уверена, что последние события не подсунули Кену пару канцерогенных палочек прямо в рот. А если после такого долгого перерыва ему понравился вкус дыма, и Кен вспомнил, как сладок тот был прежде?

Кларк грустно качает головой.

— Больше некому, Аликс. Приходится мне.

— Почему?

«Потому что для того, что я сделала, геноцид — слишком мягкое слово. Потому что, пока я пряталась здесь, внизу, мир умирал всюду, где я прошла. Потому что меня уже тошнит от собственной трусости».

— Потому что я это натворила, — отвечает она, наконец.

— Ну и что? Разве, вернувшись, ты все исправишь? — Аликс недоверчиво качает головой. — Какой смысл?

Она стоит перед Кларк, хрупкая, как фарфоровый китайский император.

Больше всего Лени хочется ее обнять. Но она не настолько глупа.

— Я... я должна взглянуть в лицо тому, что сделала, — слабо защищается Кларк.

— Фигня, — отвечает Аликс. — Ничему ты не взглянешь. Ты удираешь.

— Удираю?

— Прежде всего, от меня.

И тут даже такая профессиональная идиотка, как Кларк, понимает: Аликс боится не того, что сделает с Лени Лабин. Она боится того, что Лени может сотворить с собой. Она не глупа, она много лет знает Кларк и знает, какие особенности делают рифтера рифтером. Когда-то Кларк была склонна к суициду. Когда-то она ненавидела себя до

желания умереть — еще до того, как совершила хоть что-то, заслуживающее смерти. А теперь собирается вернуться в мир, где все напоминает о том, что она убила больше народу, чем все Лабины вместе взятые. Понятно, что Аликс Роуэн беспокоится, не перережет ли лучшая подружка себе вены. Честно говоря, Кларк сама насчет этого не уверена.

Но отвечает по-другому:

— Все в порядке, Лекс. Я не... я ничего плохого с собой не сделаю.

— Правда?

Судя по голосу, Аликс не смеет надеяться.

— Правда. — И теперь, успокоив обещанием подростковые страхи, Лени Кларк берет ладошки Аликс. Та сейчас вовсе не кажется хрупкой. Она холодно смотрит на руки Кларк, сжимающие ее вялые пальцы, не отвечает на пожатие и тихо произносит:

— Очень жаль.

ВХОДЯЩИЕ

Снаряды вырываются из Атлантического океана уродливым фейерверком. Они летят к западу пятью небольшими стайками, начинают десятиминутную шахматную партию, разворачивающуюся на половине полушария. Они петляют и закручиваются вдоль траекторий, словно прочерченных пьяным — это было бы смешно, если бы не затрудняло их перехват.

Дежарден сделал все, что мог. Полдюжины старинных стратегических спутников ожидали его призыва два года — с тех пор, как он переманил их на свою сторону как раз ради такого случая. Теперь ему достаточно постучать в калитку — по первой команде они растопырили лапки и раскрыли ему мозги.

Машины обращают внимание на густые следы, пятнающие атмосферу внизу. Сложные и тонкие алгоритмы

вступают в игру, отделяют зерна от плевел, предсказывают движение цели и рассчитывают пересекающийся курс.

Их предсказания точны, но не идеальны: как-никак, у врага тоже есть мыслящие машины. Обманка во всем подражает охотнику. Каждый выхлоп реактивного двигателя снижает вероятность попадания. Виртуально изнасилованные Дежарденом боевые спутники принимают контрмеры — лазеры, собственные ракеты, выпущенные из драгоценных, невозобновимых запасов — но каждое решение вероятно, каждый ход определяется статистически. В игре шансов ни в чем нельзя быть уверенным.

Три ракеты достигают цели.

Две упали на Флоридский полуостров, одна — в те-хасский Пыльный Пояс. Дежарден отбил в полуфинале Новую Англию — ни одна ракета не вышла из верхней точки дуги — но удар на юге вполне может покачнуть равновесие, не прими он неотложных мер. Он отправил три подъемника с заданием стерилизовать все в зоне и вокруг нее с двадцатикратным радиусом, дождался подтверждения и в изнеможении откинулся назад. Закрыл глаза. Статистика и телеметрия непрерывным потоком прокручивалась под веками.

На этот раз не какой-нибудь тихходный Бетагемот. Совершенно новый штамм. Сеппуку.

«Спасибо тебе, Южная Африка, чтоб тебя».

Что за дела с этим народом? Были во многом типичной страной третьего мира, поработенной, угнетенной и жестоко используемой, как многие ей подобные. Неужели не могли, как все, сбросить оковы и погрузиться в жестокое восстание, возжаждав мести всем и вся? Что за психи, много лет терпевшие чужой сапог на своей шее, додумались ответить угнетателям — только подумать — комиссией по примирению! Какой в этом смысл?

Если, конечно, не вспоминать, что это сработало. Со времени восхождения святого Нельсона южноафриканцы

стали мастерами обходных шагов: накапливали силы вместо того, чтобы бросать их в бой, использовали инерцию вражеского удара в свою пользу. Черные пояса социологического дзюдо. Полвека тихарились под взглядами всего мира, и никто ничего не заметил.

Теперь они представляют собой большую угрозу, чем Гана, Мозамбик и другие подобные режимы вместе взятые. Этих-то Дежарден отлично понимал, более того, он им симпатизировал: что ни говори, западный мир, сочувственно цокая языком, любовался, как половые болезни прожигают дымящиеся дыры в возрастной структуре Африки. Хуже приходилось только Китаю (и кто знает, что зреет за *его* темными непроницаемыми границами?) Не удивительно, что Мем Апокалипсиса дал такой мощный резонанс именно здесь: обкорнанное поколение, мучительно пытающееся восстать из пепла, на семьдесят процентов состояло из женщин. Мстительные богини пересдали карты, обслуживая Армагеддон с океанского дна — даже если бы Лени Кларк не дала им готовую матрицу, столь подходящий миф все равно бы прорвался, вспыхнул бы спонтанно.

С бессильной яростью Ахилл справился бы. А вот улыбчивые уроды с тайными целями создавали гораздо больше проблем, особенно когда за ними стояло наследие биотехнологий, зародившихся, черт побери, чуть ли не век назад, еще с первой пересадки сердца. Сеппуку действовал также, как его южноафриканские создатели: он был чемпионом микробиологического дзюдо и притворщиком, он улыбался, под ложным предлогом залезал к тебе в дом, а потом...

Ни европейцам, ни азиатам подобная стратегия не пришла бы в голову. Слишком тонко для потомков империй, слишком трусливо для тех, кто вырос на политике бахвальства силой. А вот для этих мастеров манипуляций на нижнем уровне, притаившихся в пятке темного

континента, это вторая натура. В эпидемиологию она просочилась прямым из политики, а с последствиями пришлось разбираться Ахиллу Дежардену.

Теплая тяжесть легла ему на бедро. Дежарден открыл глаза. Мандельброт, привстав на задние лапы, передними тормозила его. Не дождавшись разрешения, мякнула и запрыгнула на колени.

В любую минуту мог загореться огонек на пульте. Уже много лет у Дежардена не было официального начальника, но множество глаз от Дели до Мак-Мердо следили за каждым его движением. Он заверил их, что справится с ракетами. Далеко за океанами правонарушители в более цивилизованных пустошах — и к тому же на поводках Трипа — связывались со спутниками, хватались за телефонные трубки, срочно вызывали Садбери, Онтарио. Никто из них не станет слушать оправданий.

Он мог бы с ними справиться. В его жизни случались куда более серьезные вызовы — и он справлялся. Шел 2056, и десять лет назад он спас Средиземку, развернув на сто восемьдесят градусов свою личную жизнь. Пять лет назад Бетагемот рука об руку с Лени Кларк начали крестовый поход против мира. Четыре года с исчезновения Верхнего Эшелона, четыре года с тех пор, как влюбленная идеалистка насильственно освободила Дежардена от рабства. Чуть меньше прошло с Рио и добровольного затворничества Ахилла в этих руинах. Три года — с Карантина западного полушария. Два — с Выжигания Северной Америки. И Ахилл справился со всем.

Но вот южноафриканцы... они действительно задали проблему. Добейся они своего, Сеппуку прошелся бы по его владениям лесным пожаром, и Ахилл не видел благоприятного для себя сценария. Он сильно сомневался, что сможет долго сдерживать неотвратимое.

Хорошо, что он как раз собрался уйти в отставку.

СЕППУКУ

Сущность духовной дилеммы человечества заключается в том, что мы эволюционировали генетически для принятия одной истины, а открыли другую.

*Э. О. Уилсон **

Я с радостью пожертвую своей жизнью ради двух родных братьев или восьми двоюродных.

*Дж. Д. С. Холдейн ***

* Эдвард Осборн Уилсон — американский биолог, социобиолог и писатель, дважды лауреат Пулитцеровской премии. На русский язык переведена его последняя на данный момент работа 2013 года «Хозяева Земли: социальное завоевание планеты человечеством» (*прим. ред.*)

** Джон Бердон Сандерсон Холдейн (1892–1964) — английский биолог и генетик, популяризатор и философ науки. Один из основоположников современной популяционной, математической, молекулярной и биохимической генетики, а также синтетической теории эволюции. (*прим. ред.*)

WYKŁADY

z matematyki
dla inżynierów

Wykład 1. Wprowadzenie do matematyki
dla inżynierów. Znaczenie matematyki
w inżynierii. Podstawowe pojęcia i definicje.
Zastosowanie matematyki w inżynierii.

Wykład 2. Liczby rzeczywiste i zespolone.
Operacje na liczbach. Podstawowe własności.

Wykład 3. Funkcje rzeczywiste i zespolone.
Operacje na funkcjach. Podstawowe własności.

Wykład 4. Ciągłość funkcji. Granice.
Podstawowe twierdzenia.

Wykład 5. Derivacja funkcji. Reguły różniczkowania.
Podstawowe twierdzenia.

Wykład 6. Integracja funkcji. Reguły całkowania.
Podstawowe twierdzenia.

Wykład 7. Równania różniczkowe.
Podstawowe metody rozwiązywania.

Wykład 8. Równania różnicowe.
Podstawowe metody rozwiązywania.

ДЮНА

«Вакита»* бесшумно бежит из «Атлантиды», пробираясь между подводными пиками и провалами, которые помогают ей оставаться незаметной, но при этом замедляют ход. Курс, по которому движется судно, представляет собой какую-то шизоидную мешанину несовместимых друг с другом целей: жажда скорости находится в неразрешимом противоречии с желанием выжить. Лени Кларк кажется, что стрелка их компаса постоянно работает в режиме генератора случайных чисел, однако со временем суммарный вектор указывает на юго-запад.

В какой-то момент Лабин решает, что они благополучно выбрались из окрестностей станции. Без хорошей скорости осторожности теперь и быть не может: «Ваки-та» выходит в открытое море. Судно плавно движется на запад вдоль склонов Срединно-Атлантического хребта, рыскает время от времени то в одну, то в другую сторону из-за попадающихся на пути кочек размером с орбитальный подъемник. Горы уступают место предгорьям, те сменяются бескрайними пространствами ила. Конечно же, в иллюминаторы Кларк ничего этого не видит — Лабин не потрудился включить внешнее освещение, — но

* Подводная лодка названа по имени калифорнийской морской свиньи (*Phocoena Sinus*). Это китообразное сейчас находится на грани вымирания (*прим. ред.*).

топографический рельеф прокручивается в четко синхронизированном спектре на ярком экране навигационной панели. Зазубренные красные пики, настолько высокие, что их вершины почти скрыты в темноте, лежат далеко позади. Пологие и крутые склоны, цвет которых плавно переходит из желтого в зеленый, остаются за кормой. Подлодка плывет над равниной, покрытой застывшей вулканической магмой, она кажется бескрайним голубым ковром, глядя на который чувствуешь успокоение и даже сонливость.

В эти благословенные часы не надо ни отслеживать распространение смертельно опасного микроба, ни думать о предательствах, ни готовиться к битве не на жизнь, а на смерть. Делать нечего, остается только вспоминать об оставшемся позади микрокосме; о друзьях и врагах, уставших от войны и наконец заключивших союз, — но не в результате переговоров или примирения, а от внезапной неотвратимости более страшной угрозы, угрозы *извне*. Той самой, навстречу которой сейчас и стремится «Вакита».

Вполне возможно, что эта интерлюдия не предвещает ничего хорошего.

Со временем морское дно поднимается впереди полосатым утесом, заполняя всю поверхность экрана. В стене, к которой приближается судно, виден провал — огромное подводное ущелье, — расколовший Шотландский шельф так, словно сам Бог орудовал здесь пестиком для колки льда. Навигация именует его Водостоком. Кларк помнит это название: так называется самая большая достопримечательность, расположенная на этой стороне залива Фанди. Лабин, делая ей приятное, сворачивает на несколько градусов с курса, для того чтобы пройти под одним из колоссальных сооружений, расположенных на полпути к горловине каньона. Когда подлодка проходит мимо, Кен включает передние прожекторы: границы

оптической арки настолько размыты, что Кларк принимает ее за прямую линию. В лучах становится видна громадная морская мельница*. Подлодка проходит под огромной лопастью, ступица и наконечник скрыты в сумраке, царящем по обе стороны. Она едва движется.

А ведь было время, когда это сооружение было конкурентоспособным. Не так давно течения, проходящие через Водосток, обеспечивали столько джоулей в секунду, сколько могла дать мощная геотермальная электростанция. Но климат изменился, а вместе с ним изменились и течения. Теперь это место — всего лишь туристическая достопримечательность на пути амфибий-киборгов: невесомые развалины постоянно окутаны темнотой.

«А ведь мы и сами такие», — думает Кларк, когда судно проплывает мимо. В этот самый момент она и Лабин на несколько секунд застывают в невесомости, оказываясь аккуратно между двумя полями притяжения. Позади — «Атлантида», несостоявшееся прибежище. А впереди...

Впереди тот самый мир, от которого они прятались.

В последний раз Лени выходила на сушу пять лет назад. В то время апокалипсис только начал свою работу; кто знает, насколько безумным стало это шоу? До «Атлантиды» информация доходила лишь в общих чертах: мрачные слухи, разрозненные мелочи, просочившиеся из обтрепаншейся заплаты телекоммуникационного спектра, охватывавшего Атлантический океан. Вся Северная Америка в карантине. Остальной мир ожесточенно спорит о том, стоит ли прикончить ее из жалости или попросту

* *Морская мельница* — мельница, движущая сила которой является производной от расхода воды, обеспечиваемой водопадами либо приливами и отливами (здесь и далее примечания переводчика, кроме отдельно указанных случаев).

дать умереть собственной смертью. Большинство стран еще борется, не подпуская Бетагемот к своим границам; другие же приветствуют микроб Судного дня, кажется, с восторгом встречают сам конец света.

Кларк не очень понимает, как такое получилось. Возможно, жажда смерти, захороненная глубоко в коллективном бессознательном. А может, сыграло роль злорадное удовлетворение тем, что даже обреченные и угнетенные дождутся часа расплаты. Смерть — это не всегда поражение: иногда это шанс на то, чтобы умереть стиснув зубы на горле врага.

На поверхности сейчас умирали многие. И немало человек скалили зубы. Лени Кларк не знает, почему. Она знает лишь то, что многие из них поступают так во имя ее. Ей также известно, что их число увеличивается.

Лени дремлет. Когда снова открывает глаза, кубрик сияет рассеянным изумрудным светом. На носу «Вакиты» четыре иллюминатора: сквозь огромные плексигласовые слезы струятся лучи света. Два верхних окутывает матовая зеленая пустота; в нижних виден рифленый слой песка, проносящийся прямо под ногами Кларк.

Лабин отключил цветной кодер. На экране навигатора «Вакита» взбирается по монохромному отлогому склону. Эхолот показывает глубину 70 метров, та постепенно понижается.

— Сколько я проспала? — спрашивает Кларк.

— Да недолго.

От уголков глаз Лабина расходятся свежие красные шрамы — видимые следы от имплантации нейроэлектрических элементов в зрительные нервы. При взгляде на его лицо Кларк все еще испытывает невольную дрожь; она не уверена, что сама доверилась бы хирургам корпов, пусть сейчас и они, и рифтеры были на одной стороне. Лабин же явно думает, что дополнительные возможности

сбора данных стоили такого риска. А может, это просто еще одна экстраспособность, которую он так хотел, но в прошлой жизни так и не получил к ней доступ.

— Мы уже около Сейбла? — спрашивает Кларк.

— Почти.

Навигационное устройство издает BLEЮЩИЙ звук: четкое эхо от склона на два часа. Лабин сбрасывает скорость, разворачивается на правый борт. От центробежной силы Кларк качает в сторону.

Тридцать метров. Море за бортом кажется ярким и холодным, как будто смотришь в зеленое стекло. «Вакита», двигаясь на минимальной скорости, проползает вдоль склона, приносясь к каркасу из труб и балок, который набухает на навигационном дисплее. Кларк наклоняется вперед, стараясь увидеть что-то в лучах мутного света. Ничего.

— А какая там видимость? — спрашивает она.

Лабин не отрывается от управления и не смотрит наверх.

— Восемь и семь десятых.

Двадцать метров до поверхности. Внезапно вода впереди темнеет, как будто на поверхности происходит солнечное затмение. Спустя мгновение темнота впереди превращается в гигантский палец: закругленный конец какого-то цилиндрического сооружения, наполовину погребенного под песчаным наносом, покрытого губками и морскими водорослями, на расстоянии его округлые формы теряются в дымке. Навигация определяет высоту — примерно восемь метров.

— А я думала, оно плавает, — говорит Кларк.

Лабин тянет на себя рукоятку: «Вакита» выбирается на поверхность рядом с конструкцией.

— Они его вытащили на мель, когда колодец пересох.

Значит, громадный понтон затопили. На верхней площадке стоят балки и подпорки; леса виселицей тянутся

к солнечному свету. Лабин осторожно проводит между ними субмарину, которая подчиняется ему, словно игла искусному вышивальщику. Приборы показывают, что подлодка вошла на арену, по краям которой стоят четыре таких цилиндра, образуя квадрат. Кларк различает их размытые водой контуры. Опоры и связующие фермы похожи на прутья клетки.

«Вакита» выныривает на поверхность. Вода потоком стекает с оргстекла, и мир снаружи какое-то время подернут рябью, но его очертания быстро обретают четкость. Субмарина всплыла как раз под буровой платформой; ее подбрюшье походит на металлическое небо, простирающееся над ними не более чем в десяти метрах, которое с земли держит сеть несущих пилонов.

Лабин выбирается из кресла и хватается поясную сумку, висящую на крючке.

— Вернусь через несколько минут, — говорит он, открывая верхний люк.

Быстро поднимается по ступенькам. Кларк слышит плеск воды, доносящийся снаружи.

Он по-прежнему не рад, что она поплыла с ним. Но Лени, не обращая внимания на все маневры Лабина, следует за ним.

Сквозняк, ворвавшийся внутрь через отверстие люка, холодит ее лицо. Поднявшись на обшивку субмарины, она оглядывается вокруг. Небо — та его часть, которую видно сквозь стойки и опоры, — серое и затянуто тучами; океан цвета пушечной бронзы простирается до самого горизонта. Позади Кларк слышатся какие-то звуки. Отдаленный пульсирующий рев. Слабый клекот, похожий на сигнал тревоги. Что-то знакомое, но Лени никак не может сказать точно. Она поворачивается.

Земля.

Полоса песчаного берега примерно в пятидесяти метрах от корпуса установки. За линией прилива она видит

низкорослые чахлые заросли кустов. Морены плавника, тянущиеся вдоль берега прерывистыми узкими полосками. И неумоимо толкающуюся в берег приливную волну.

Она слышит голоса птиц, перекрикивающихся друг с другом. Об этом она уже почти забыла.

Это еще не Северная Америка. Материк расположен в двух, а то и в трех сотнях километров отсюда. А то место, где они находятся сейчас, всего лишь одинокий маленький архипелаг на Шотландском шельфе. И все же: увидеть живых существ без плавников и кулаков — Лени удивляется такой возможности; но еще больше удивляет такой чрезмерной реакции при виде суши.

Крутая металлическая лестница поднимается по винтовой спирали вокруг ближайшей опоры. Кларк ныряет в океан, не думая о капюшоне или перчатках. Атлантика отвешивает ей пощечину, открытая кожа ощущает приятное ледяное покалывание. Кларк так нравится это чувство, что до опоры она доплывает буквально за несколько гребков.

Лестница ведет на мостки, проложенные по всему периметру установки. Натянутые вместо перил канаты позвякивают под ветром; вся конструкция аритмично гремит и грохочет, словно огромная перкуссия. Лени подходит к открытому люку, заглядывает в его темное нутро: сегментированный металлический коридор, пучки труб и оптоволоконных кабелей тянутся по потолку, подобно сплетениям нервов и артерий. Т-образное пересечение в конце коридора уводит куда-то в неизвестность.

Влажные отпечатки на мостках доходят до места, где сейчас стоит Кларк, и поворачивают налево. Кларк идет по следам.

Чем глубже внутрь, тем больше выцветают звук и видимость. Переборки заглушают шум прибоя и громкие крики чаек. Улучшенное зрение Лени пришлось как

нельзя кстати — слабый свет снаружи хоть как-то проникал в коридор до нескольких поворотов, заглядывал в иллюминаторы, сияющие в концах неисследованных проходов, — однако уменьшение световой насыщенности вокруг говорит Кларк о том, что она сейчас идет сквозь темноту слишком плотную для глаз сухопутников. Наверное, именно из-за перехода к черно-белому она не заметила этого раньше — темные полосы на стенах и под ногами могли быть чем угодно от ржавчины до следов азартной игры в пейнтбол. Но сейчас, следуя по последним смазанным следам, ведущим к люку, зияющему в переборке, она поняла, в чем дело.

Следы углерода. Что-то *сожгло* всю эту секцию.

Пройдя через люк, она входит в чью-то каюту, судя по стоящему здесь каркасу складной металлической кровати и прикроватному столику, одиноко притулившемуся у стены. Рамы и остовы — вот и все, что здесь осталось. Если тут когда и лежали матрасы, простыни или одеяла, теперь они исчезли. На всем лежал толстый слой черной жирной копоти.

Откуда-то издали доносится скрип металлических петель.

Кларк выходит в коридор и пытается определить, откуда идет звук. Тот быстро затихает, но к тому времени у нее уже есть направление и маяк — слабый луч света, отражающийся от стены, идущий из-за угла впереди. Когда Лени вошла в каюту, путь перед ней был темен и безмолвен, теперь же она слышит отдаленный шум волн.

Кларк идет на свет. Наконец она подходит к открытому люку, расположенному в основании трапа, ведущего наверх. Океанский бриз, проникая внутрь, обдувает ее лицо и доносит крики морских птиц и аромат аскофиллума*, напоминающий запах мокрой резины. На какое-то

* *Аскофиллум* — вид морских водорослей.

мгновение она, пораженная, замирает на месте: свет струится с верхней площадки лестницы, его яркости хватает на то, чтобы снова сделать мир цветным, но вот стены все еще остаются...

«О!».

Полимер вокруг кромки люка покрылся пузырями и сгорел — остались лишь комковатые хлопья углерода. Из любопытства Кларк тянет колесо: крышка люка едва шевелится, мягко повизгивая при этом, словно негодуя на нагар, запекшийся на ее петлях.

Она поднимается навстречу дневному свету и полному разорению.

По своим меркам нефтяная платформа была небольшой — и близко не похожей на монстров размером с города, которые некогда толпились в океане поблизости. Очевидно, к тому времени, когда она была построена, нефть уже выходила из моды, а возможно, средств тут уже осталось слишком мало для более солидных инвестиций. Как бы там ни было, главный корпус платформы почти на всем своем протяжении имел в высоту всего два этажа. И вот теперь Кларк поднималась на его широкую, открытую крышу.

Палуба установки простирается на расстояние, равное половине площади городского квартала. На дальнем конце располагаются взлетно-посадочная площадка для вертолетов с пристроенным к ней лифтом и огромный подъемный кран, которому подрезали сухожилия; он лежит поперек крыши, согнутый под каким-то невероятным углом; его помятые стойки и поперечные балки слегка помялись от удара. Копёр, установленный ближе, выглядит относительно целым, пронзая небо, словно проволочный фаллос. Кларк останавливается в отбрасываемой им тени, заходит в кабинку, из которой когда-то управляли платформой. Теперь это развалина прямоугольной формы, все четыре стены обрушены, а крыша и вовсе

оторвана, валяется чуть дальше на палубе. Здесь раньше был пульт управления и электроника — Лени узнает очертания оплавленных приборов.

Разрушение настолько полное, что Кларк может просто перейти на главную палубу, переступив через остатки стены.

Все это пространство — видимость без всяких препятствий и помех — тревожит ее. В течение целых пяти лет она пряталась в тяжелой, успокаивающей темноте северной части Атлантического океана, но здесь, наверху... здесь взгляд простирается до самого горизонта. У Лени такое чувство, будто она нагая, как будто она мишень, видимая с любого расстояния.

На дальней стороне платформы она видит крохотную фигурку Лабина: тот стоит, опираясь спиной на ограждение. Кларк направляется к нему, обходя обломки и не обращая внимания на вьющийся над ней крикливый хоровод чаек. Приблизившись к краю, она справляется с внезапно нахлынувшим головокружением: перед ней расстилается архипелаг Сейбл — цепочка ничтожно малых песчаных пятнышек посреди бескрайнего океана. Ближайший островок, впрочем, выглядит довольно большим, его хребет покрыт коричневатой растительностью, а пологий песчаный берег тянется далеко на юг. Кларк кажется, что далеко-далеко она видит какие-то крошечные, беспорядочно движущиеся крапинки.

Лабин медленно поворачивает голову из стороны в сторону, смотря в бинокляр. Внимательно изучает остров. Когда Кларк подходит к ограждению, Кен молчит.

— Ты знал их? — негромко спрашивает она.

— Не исключено. Я не знаю, кто был здесь, когда это случилось.

«Мне жаль», — едва не говорит она, но зачем?

— Может быть, они видели, что произойдет, — предположила она. — И успели спастись.

Он не сводит взгляда с береговой линии. Окуляры бинокля торчат трубчатыми антеннами.

— А разве не опасно стоять вот так, в открытую? — спрашивает Кларк.

Лабин пожимает плечами, проявляя удивительное, жуткое безразличие к опасности.

Лени пристально всматривается в береговую линию. Те самые движущиеся крапинки немного увеличились в размере: они похожи на каких-то живых существ. Похоже, они движутся к платформе.

— А когда, по-твоему, это произошло? — Ей почему-то кажется важным заставить его говорить.

— С последнего сигнала от них прошел год, — говорит он. — Платформу могли сжечь в любой момент за это время.

— Может, даже на прошлой неделе, — замечает Кларк.

Когда-то их союзники более добросовестно подходили к обмену сообщениями. Но даже так затянувшееся молчание не всегда что-то значило. Для разговора приходилось ждать, когда никто тебя не слышит. Соблюдать предельную осторожность, чтобы не раскрыться. Контакты и корпов, и рифтеров и раньше время от времени замолкали. И даже сейчас, после годового молчания, можно было надеяться на то, что новости все-таки придут. И это может произойти в любой день.

Только, разумеется, не сейчас. И не отсюда.

— Два месяца назад, — говорит Лабин. — По меньшей мере.

Она не спрашивает, откуда ему это известно. Только следит за берегом, который Кен так пристально изучает. «О, Бог мой».

— Там ведь лошади, — удивленно шепчет она. — Дикие лошади. Ничего себе!

Сейчас животные были настолько близко к ним, что их нельзя не заметить. Помимо воли в сознании Лени

возникает видение: Аликс в ее тюрьме на морском дне. Аликс, говорящая: *«Это самое лучшее место, в котором я могу оказаться»*.

«Интересно, — думает Кларк, — а что бы она сказала сейчас, видя этих диких животных».

Хотя, если подумать, это зрелище вряд ли так уж сильно впечатлило бы ее. Она же была дочкой корпа. Ей еще и восьми не исполнилось, а девочка, наверное, уже дважды совершила кругосветное путешествие. А возможно, у нее была и собственная лошадь.

Табун в панике несется вдоль песчаного берега. «Что они здесь делают?» — с удивлением думает Кларк. Сейбл трудно было назвать островом и до того, как поднявшееся море разделило его; он всегда был лишь чрезмерно разросшейся песчаной дюной, медленно ползущей под воздействием ветра и течений вдоль истощенных нефтяных месторождений шельфа. На этом конкретном острове не было ни деревьев, ни кустарников — только грива тростниковой травы, покрывавшая вершину каменной гряды, похожую на спинной хребет. Казалось невероятным, что такой крохотный кусочек земли может обеспечить жизнь таким большим животным.

— Тут и тюлени есть. — Лабин проводит рукой вдоль берега на север, хотя то, что он видит, находится слишком далеко, чтобы Кларк могла увидеть это невооруженным глазом. — А еще птицы. Растительность.

Диссонанс сказанного дошел до нее.

— Откуда такой интерес к живой природе, Кен? Ты вроде никогда особо ее не любил.

— Тут все здоровы, — отвечает он.

— То есть?

— Трупов нет, скелетов тоже. На вид тут даже никто не болеет. — Лабин стаскивает с головы бинокляр и прячет его в поясную сумку. — Трава слишком коричневая, но мне кажется, это нормально.

По тону его речи она догадывается, что он *разочарован...* но чем?

Тут до нее доходит. Бетагемот. Он его ищет. Надеется найти. На суше мир сжигает зараженные зоны... по крайней мере, маленькие, где есть надежда сдержать микроб в обмен на жизни и землю, потерянные в пламени. В конце концов, Бетагемот угрожает всей биосфере; никто не испытывает волнения по поводу сопутствующего ущерба, когда ставки настолько высоки.

Но на Сейбле все жизнеспособно и нормально развивается. Сейбл не сгорел. А это значит, что разрушение платформы никак не связано с экологической обстановкой.

Кто-то охотится *за ними*.

Кем бы они ни были, Кларк не может реально обвинять их. Она умирала бы здесь вместе со всеми остальными, если бы у корпов все получилось. Атлантида была построена только для Движущих и Сотрясающих мир; для элиты такие как Кларк и вся ее компания были просто группой тех, кого двигали и трясли. Вот только Ахилл Дежарден сказал им, где идет вечеринка, чтобы они могли попасть на нее, прежде чем выключат свет.

Так что, если это гнев тех, кого оставили на произвол судьбы, едва ли Кларк может выражать недовольство. Они даже целятся правильно. Бетагемот, в конце-то концов, это ее вина.

Она оглядывается, рассматривая обломки. Кто бы это ни сделал, с Дежарденом им не сравниться. Они не плохи, далеко нет; им хватило сообразительности вычислить примерные координаты «Атлантиды». Они основательно перетряхнули Бетагемот, и с получившимся вариантом модифицированный иммунитет обитателей станции ничего поделать не мог. Они высеяли Бета-макс в правильной области, и одно это уже могло принести им победу, судя по количеству тел, которое уже набралось, когда «Вакита» отправилась в путь.

Но гнездо они так и не нашли. Пошатались по окрестностям, сожгли уединенный аванпост на границе, но сама Атлантида от них скрылась.

А Дежарден — ему потребовалось меньше недели на то, чтобы просеять триста шестьдесят миллионов квадратных километров морского дна и вывести точный набор широты и долготы. Он не только нарисовал мишень, но дернул за необходимые струны, замел следы и помог рифтерам добраться до станции.

«Ахилл, друг мой, — думает Кларк. — Как же нам пригодилась бы сейчас твоя помощь». Но Ахилла нет в живых. Он погиб во время Рио. Статус лучшего правонарушителя УЛН не спасает, когда на голову падает самолет.

Вполне возможно, его убили те же самые люди, которые тут все сожгли.

Лабин идет назад вдоль платформы. Кларк следует за ним. Ветер налетает со всех сторон, холодный и колючий; она могла бы поклясться, что он проникает даже сквозь гидрокостюм, хотя, наверное, у Лени всего лишь разыгралось воображение. Где-то рядом случайно образовавшийся туннель из труб и листов обшивки под ветром стонет так, словно внутри спрятались привидения.

— А какой сейчас месяц? — спрашивает она, стараясь перекричать шум ветра.

— Июнь, — отвечает Лабин, направляясь к вертолетной площадке.

Кажется, сейчас намного холоднее, чем должно быть в это время. Может, после того как Гольфстрим прекратил свое существование, такая погода теперь сходит за теплую. Кларк никак не могла толком понять этот парадокс: как глобальное потепление может превратить Восточную Европу в Сибирь...

Металлическая лестница ступени ведет наверх, к взлетно-посадочной площадке. Но Лабин, дойдя до нее, не

поднимается, а припадает на одно колено и внимательно рассматривает нижнюю часть ступенек. Кларк тоже наклоняется. Она ничего не видит — только исцарапанный, окрашенный металл.

Лабин вздыхает:

— Тебе лучше вернуться.

— Даже и не думай.

— Если ты пойдешь дальше, я не смогу вернуть тебя.

Я предпочту задержаться еще на сорок шесть часов, но не допустить, чтобы кто-то задерживал меня на суше.

— Мы уже об этом говорили, Кен. С чего ты решил, что сейчас меня будет легче переубедить?

— Дела обстоят хуже, чем я ожидал.

— Насколько? Сейчас и так конец света.

Он указывает на проплешину под ступенькой: там соскребли краску.

Кларк пожимает плечами:

— Я ничего не вижу.

— Вот именно.

Лабин поворачивается и возвращается назад, к опаленным руинам будки управления. Лени спешит за ним.

— Ну так что?

— Я оставил там запасной самописец. Он похож на заклепку. — Демонстрируя размер, Лабин сдвигает вместе большой и указательный пальцы, оставляя между ними едва видимый просвет. — Я даже специально закрасил его. Я сам никогда бы его не заметил. — Кен проводит пальцем воображаемую линию между будкой и лестницей. — Отлично выбранная зона прямой видимости, позволяющая минимизировать потребление энергии. Всенаправленная передача: место нахождения источника сигнала определить невозможно. Памяти хватило бы на неделю обычных переговоров, а также на любой сигнал, который они могли послать нам.

— Не слишком-то много, — замечает Кларк.

— Это устройство не было предназначено для долговременной записи. Достигнув лимита, оно писало новую информацию поверх прежней.

Значит, черный ящик. Запись недавнего прошлого.

— То есть ты ожидал, что случится что-нибудь подобное, — предполагает она.

— Я рассчитывал, что, *если* что-то произойдет, я, по крайней мере, смогу получить какую-то запись о том, что случилось. Я не ожидал, что самописец пропадет, так как больше никто о нем не знал.

Они возвращаются в радиорубку. Почерневший дверной косяк по-прежнему стоит, нелепо вздымаясь из обломков. Лабин, похоже, из какого-то загадочного уважения к стандартным процедурам, проходит в дверь. Кларк легко переступает через остаток стены, не доходящий ей до колена.

Что-то хрустит и трещит там, где находится ее лодыжка. Она смотрит вниз. Ступня завязла в обугленной грудной клетке; Лени выдергивает ногу из дыры, проломленной в груди, чувствует подошвой шишки и выпуклости позвонков — хрупкие, крошащиеся от малейшей тяжести.

Если сохранились череп или конечности, они, наверное, погребены под обломками.

Лабин наблюдает за тем, как она высвобождает ступню из человеческих останков. Под его линзами что-то блестит.

— Тот, кто стоит за этим, — говорит он, — потолковее меня.

На самом деле его лицо не столь бесстрастно. Оно кажется таким тем, кто его не знает. Но Лени, до известной степени, научилась читать Лабина и сейчас видит, что он не встревожен и не огорчен. Кен вдохновлен.

Она непоколебимо кивает:

— Значит, тебе пригодится любая помощь, — и следует за ним.

СОЛОВЕЙ

Казалось, будто они вышли из земли. Иногда вполне буквально: немало народу жило в канализации и дренажных трубах, словно несколько метров бетона и земли смогут удержать то, что небо и земля не сумели остановить. Но, по большей части, люди просто так выглядели. Передвижной лазарет Таки Уэллетт останавливался на перекрестках муниципальных дорог возле скоплений обветшалых и по виду необитаемых домов и торговых центров, из которых, тем не менее, сочился вялый ручеек изможденных местных жителей, они уже давно утратили надежду, а воли им хватало только на механическое существование до самой скорой смерти. Здесь жили неудачники без связей, так и не перебравшиеся в ПМЗ*. Бывшие скептики, которые поняли, что им реально грозит, лишь в тот момент, когда было уже слишком поздно. Фаталисты и эмпирики, которые смотрели в прошлое столетие и удивлялись, почему конец света пришел только сейчас.

Здесь жили люди, которых едва ли стоило спасать. Така Уэллетт старалась изо всех сил. Она была человеком, который едва ли подходил на роль спасителя.

В кабине играл Россини. К Уэллетт, пошатываясь, направлялась следующая пациентка, когда-то ее называли бы пожилой: кожа обвисла; конечности почти не двигаются. Женщина ходила, словно ей управлял вышедший из строя автопилот. Одна подогнулась, когда женщина подошла ближе, от чего все ее больное тело перевалилось на одну сторону. Уэллетт уже кинулась к ней, но больная в последний момент сумела сохранить равновесие. Ее щеки походили на распухшие синюшные подушки; слезящиеся глаза, казалось, неотрывно смотрят в какую-то неопределенную точку, расположенную между зенитом и горизонтом.

* Постоянно милитаризованная зона.

Правая рука напоминала инфицированную клешню, согнутую вокруг незаживающей, сочащейся раны.

Уэллетт не стала обращать внимание на серьезные повреждения и сосредоточилась на мелких: две меланомы видны на левой руке, в правой — судороги, от раны в ладони к запястью тянется темная сетка, похожая на следы сепсиса. Привычные признаки недоедания. Половина симптомов могла возникнуть из-за Бетагемота, но ни один не указывал на него прямо. Эта женщина ужасно страдала.

Уэллетт постаралась профессионально улыбнуться, хотя это у нее всегда получалось плохо.

— Посмотрим, можем ли мы вам как-либо помочь.

— Это хорошо, — ответила женщина, мечтательно глядя на звезды.

Уэллетт попыталась проводить ее к фургону, поддерживая одной рукой в перчатке (ей, конечно же, на самом деле перчатки не требовались, но сейчас было нелишним напомнить людям о таких вещах). Женщина отпрянула при первом же прикосновении и...

— Это хорошо. Это хорошо...

...словно натолкнулась на какую-то невидимую стену и упала; она пристально смотрела на небо, совершенно забыв о существовании земли.

— Все хорошо.

Уэллетт отпустила ее.

Следующий пациент был без сознания и не мог самостоятельно передвигаться, даже если бы и пришел в себя. Его принесли на самодельных носилках, тело походило на сочащийся пазл из ран и судорог, нервы и внутренние органы закоротило, они решили не дожидаться, когда остановится сердце, и начали гнить. Приторный, сладкий запах застаревшей мочи и экскрементов окутал человека словно саван. Почки и печень соревновались

друг с другом в том, кто убьет его первым. Така понятия не имела, кто будет победителем.

Какой-то мужчина и два ребенка неопределенного пола притащили к ней этот еще дышащий труп. Их лица и руки были не покрыты то ли по забывчивости, то ли от пренебрежения к бестолковым и бесполезным мерам самозащиты, о которых постоянно говорили общественные службы.

Она покачала головой.

— Сожалею. Но он при смерти.

Они не отводили от нее глаз, полных отчаянной надежды, граничащей с безумием.

— Я могу убить его ради вас, — прошептала она. — Могу кремировать. Это все, что я могу сделать.

Они не сдвинулись с места.

«О Дейв. Благодарю Господа, что ты умер не дойдя до такого...»

— Вы понимаете меня? — спросила Уэллетт. — *Я не могу его спасти.*

В этом случае не было ничего нового. Когда дело касалось Бетагемота, Така не могла спасти никого.

Хотя нет, могла, конечно. Если бы решила покончить жизнь самоубийством.

Защита от Бетагемота сводилась к скрупулезному выполнению серии болезненных генетических модификаций, линия сборки занимала несколько дней, — но технических причин, почему нельзя весь комплекс упаковать в передвижную установку и не отправить в поле, не было. Не так давно несколько человек так и поступили. Их разорвала на куски толпа людей, слишком отчаявшихся, чтобы ждать своей очереди; не верящих, что предложение превысит спрос, стоит только немного потерпеть.

Теперь медицинские центры, где могли по-настоящему излечить Бетагемот, превратились в крепости, которые могли противостоять отчаянию толпы и заставляли людей

терпеливо ждать. А в стороне от этих эпицентров Така Уэллетт и ей подобные могли находиться среди больных, не опасаясь заразиться; но предложить кому-то реальное лечение в такой глуши означало смертный приговор. Самое большее, что Така могла сделать, это провести быструю, грязную, сделанную на скорую руку ретровирусную корректировку, которая давала некоторым шанс дожидаться настоящего лечения. Така могла рискнуть, но максимум замедлить процесс умирания.

Она не жаловалась. Она понимала, что в более спокойные и благоприятные времена ей могли и этого не доверять. Но это едва ли придавало ей какую-либо исключительность: пятьдесят процентов *всего* медицинского персонала закончили университеты с баллами, поместившими их в нижнюю половину своего класса. Но сейчас это не имело такого значения, как раньше.

Но даже сейчас иерархия существовала. Плющевики*, нобелевские лауреаты, Моцарты от биологии — все они уже давно взошли на небеса, взлетев на крыльях УЛН, и теперь работали вдали от всех, в комфорте, пользуясь самыми передовыми технологиями, готовые спасти то, что осталось от мира.

Уровнем ниже располагались «беты»: основательные, надежные «шинковальщики» генов, гель-жокеи. Здесь не держали победителей, но за ними не тянулась история

* *Плющевик* — выпускник или студент одного из университетов или колледжей, входящих в Лигу плюща. Так называется объединение восьми старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США: Корнелльский университет в Итаке, университет Брауна в Провиденсе, Колумбийский университет в Нью-Йорке, Дартмутский колледж в Гановере, Гарвардский университет в Кембридже, Принстонский университет в Принстоне, Пенсильванский университет в Филадельфии, Йельский университет в Нью-Хейвене. Название связано с тем, что по английской традиции стены университетов — членов Лиги увиты плющом.

исков о некомпетентности. Эти люди трудились в замках, которые выросли вокруг каждого источника надежды на спасение, расположенных вдоль фронта борьбы с Бета-гемотом. Линия генетической сборки, извиваясь, проходила через все эти фортификации, подобно какому-то извращенному пищеварительному тракту. Больных и умирающих заглатывали на одном конце, и они проходили через петли и кольца, где от них отщипывали кусочки, кололи, травили полной противоположностью пищеварительных ферментов: генами и химикалиями, которые пропитывали разжижающуюся плоть, чтобы сделать ее вновь целой.

Прохождение через кишки спасения было делом не легким: восемь дней с момента приема внутрь до дефекации. Линия вышла длинной, но не широкой: экономию на масштабах трудно реализовать в условиях посткорпоративного общества. Лишь очень малую часть зараженных можно было иммунизировать. Жизнь этих немногочисленных счастливчиков полностью зависела от надежных, ничем не примечательных рабочих пчел второго уровня.

А еще была Така Уэллетт, которая уже едва помнила, когда входила в их рой. Если бы не тот злосчастный, беспечно выполненный раздел протокола деконтаминации, она сейчас все еще работала бы на генетической сборке в Бостоне. Если бы не эта незначительная оплошность, Дейв и Крис могли бы остаться в живых. Но кто мог знать наверняка? Остались только сомнения и бесконечные «что, если». А еще угасающие воспоминания о другой жизни, жизни врача-эндокринолога, жены и матери.

Сейчас она была просто пехотинцем, патрулирующим отдаленные места в подержанной передвижной клинике и дешевыми, просроченными чудесами. Ей уже не платили много месяцев, но это ее не трогало: полный пансион предоставили ей даром, да и в Бостоне ее никто не ждет

с распростертыми объятиями: она, может, и обладает иммунитетом к Бетагемоту, но вполне способна стать переносчиком заразы. Но и это ее тоже не волновало. Работа занимала все время. Она сохраняла Таке жизнь.

В конце концов еще дышащий труп молча сошел с дистанции. Пришедшие ему на смену соперники уже не так страшно тыкали Уэллетт носом в бесплодность ее работы. Последние несколько часов она обрабатывала, в основном, опухоли, а не жертв болезни. Странно, конечно, на таком-то расстоянии от ПМЗ. Но раковые опухоли можно было вырезать. Простое дело, задача для дронов. Такие операции она проводила блестяще.

В общем, так Уэллетт и сидела, раздавала мультики-назные ингибиторы ангиогенеза* и ретровирусы на фоне увядающего, болезненного пейзажа, где сама ДНК была на пути к исчезновению. Если приглядеться, кое-где до сих пор виднелась зелень. Весна, в конце концов. Зимой Бетагемот обычно слегка отступал, давая старожилам шанс каждый новый год цвести и расти, а, когда приходило тепло, наноб возвращался и душил конкурентов на корню. А штат Мэн находился от первоначального тихоокеанского заражения очень далеко, дальше уже приходилось мочить ноги, а также обзавестись кораблем и приличным шифратором, чтобы сбросить ракеты со следа.

Сейчас, правда, под обстрел евроафриканцев можно было попасть и на суше. Когда-то они стреляли только по объектам, пытавшимся пересечь Атлантический океан; но после Пасхи нанесли несколько ракетных ударов и по

* Препараты, угнетающие образование новых кровеносных сосудов в тканях и опухолях. В нормальной ткани кровеносные сосуды образуются только во время регенерации, но в злокачественных опухолях этот процесс идет постоянно и очень интенсивно, что, среди прочего, является причиной их быстрого роста (прим. ред.).

континенту: похоже, там у кого-то сильно чесались руки по поводу более эффективных мер сдерживания. Удивительно, что песок на всем побережье еще не превратился в стекло. Если верить официальным сообщениям, оборонительные сооружения Северной Америки пока отражали самые худшие атаки. Тем не менее, защита долго не продержится.

Россини уступил место Генделю. Очередь к Таке увеличивалась. На место каждого принятого ею пациента приходили еще двое. Пока беспокоиться не о чем: существовала критическая масса, некий порог личной ответственности, до которого толпа никогда не выходила из-под контроля. А сегодня клиенты выглядели так, что, даже если спровоцировать, сил на погром у них просто не хватило бы. По крайней мере фармы перестали требовать деньги за лекарства, которые она применяла и раздавала больным. Конечно же, они этого не хотели: эй, неужто кто-то думает, что исследования и разработка всех этих чудодейственных эликсиров ничего не стоит? Просто у них не осталось выбора. Даже немногочисленная толпа может натворить немало бед, если требуешь платить вперед.

Предплечье величиной со ствол дерева, обезображенное привычными хворями: лепрозный серебристый оттенок первой стадии Бетагемота, редкие меланомы и...

«Секунду. А вот это странно». Припухлость и краснота походят на инфекцию от укуса насекомого, но вот ранка...

Така посмотрела в лицо пациенту. Мужчина с грубой кожей примерно пятидесяти лет взглянул на нее в ответ: белки его глаз усеивали кровавые точки лопнувших капилляров. На мгновение Уэллетт показалось, что он своей тушей заслонил свет, но нет... это незаметно подкрались сумерки, пока она была занята с предыдущими пациентами.

— Кто вас покусал? — спросила Така.

— Клоп какой-то. — Он покачал головой. — На прошлой неделе, кажется. Чешется страшно.

— Но тут *четыре* отверстия

Два укуса? Две пары мандибул у одного клопа?

— У него еще десять ног было. Очень странная хрень. Я их уже видел тут несколько раз. Правда, раньше меня не кусали. — Он неожиданно взволнованно прищурил свои красные глаза. — А что, оно ядовитое?

— Похоже, нет. — Така ощупала опухоль. Пациент поморщился, но что бы его ни покусало, после себя оно, кажется, ничего не оставило. — Ничего серьезного, если, конечно, вас покусали именно на прошлой неделе. Я могу дать вам что-нибудь против инфекции. Это в общем-то мелочь, если сравнивать...

— Да, — ответил пациент.

Она нанесла на опухоль немного антибиотика.

— Я могу сделать укол антигистамина, — сказала она, словно извиняясь, — но боюсь, эффект от него будет непродолжительным. Если потом вас станет донимать зуд, попишите на опухоль.

— *Что сделать?* Пописать?

— Моча наружно ослабляет зуд, — объяснила Така. Она протянула ему заряженную кювету; мужчина, как обычно, пожертвовал свою кровь. — Теперь, если вы просто...

— Я знаю, что надо делать.

От одной стороны лазарета до другой шел тоннель: слегка сплюснутый цилиндр, в котором мог поместиться человек, он походил на пару ртов, расположенных на разных концах, соединенных горлом с датчиками внутри. Из ближайшей пасти торчала койка, напоминающая распухший прямоугольный язык. Пациент улегся на него, фургон слегка накренился под его весом. С электрическим жужжанием кровать втянулась внутрь. Медленно и плавно человек скрылся в одном отверстии и показался

из другого. Ему повезло больше, чем некоторым. Иногда больных втягивало в тоннель, но наружу они так и не показывались. Труба служила еще и крематорием.

Така одним глазом следила за показаниями томографа, другим — за анализом крови. Время от времени она с беспокойством переводила взгляд на растущую очередь больных.

— Ну как? — донесся с другого конца фургона голос мужчины.

Судя по всему, она его уже осматривала. Вторичные модификации уже принялись за его клетки.

Но первую фазу Бетагемота не остановили.

— Очевидно, о меланомах вы знаете, — сказала она, когда он вышел из-за угла. Она достала из шкафа ингибитор длительного действия и зарядила его в инжектор. — Это замедлит рост опухолей на вашей коже, а также других внутренних новообразований, о которых вы еще не знаете. Я так понимаю, вы недавно были в анклавe или в ПМЗ?

Он хмыкнул в ответ:

— Вернулся сюда с месяц назад. Может, два.

— Угу.

Генераторы электростатического поля, установленные в таких местах, были, в лучшем случае, палкой о двух концах. Стоило побыть в таком поле хоть какое-то время, и опухоли на мягких тканях росли с невероятной скоростью, как грибы на навозе. Большинство людей считало это меньшим злом, хотя устройства не отражали Бетагемот, а всего лишь задерживали.

Така не спросила, зачем мужчина променял хоть и ненадежную, но защиту на вражескую территорию. Такие решения редко принимались добровольно. Он протянул руку, и она ввела капсулу подкожно прямо над бицепсом.

— Боюсь, у вас есть еще парочка опухолей. Не настолько васкуляризированные. Я могу выжечь их, но вам

придется подождать, пока я буду немного посвободнее. Срочности нет.

— Как насчет «ведьмы»? — спросил он, имея в виду «огненную ведьму», Бетагемота.

— Хм, судя по анализу крови, коктейль вы уже приняли, — сказала Така, притворяясь, что снова проверяет результаты.

— Это я знаю. Прошлой осенью. — Он откашлялся. — Мне все еще плохо.

— Понимаете, если вы заразились прошлой осенью, то наши процедуры делают свое дело. Без них вы бы не дожили до зимы.

— *Но мне все еще плохо.*

Он шагнул к ней, большой, вернее громадный, мужчина; его окровавленные глаза походили сейчас на красные щелки. У стоявших на улице пациентов терпение было на исходе.

— Вам надо поехать в Бангор, — начала она. — Это ближайший к нам...

— В Бангоре мне даже не скажут *подождите*, — выпалил он.

— Я могу только... я... Понимаете, это даже не лекарство, — постаралась спокойно объяснить Така. — Это средство всего лишь дает вам время.

— Оно уже дало. Дайте больше.

Она осторожно, как будто ненамеренно сделала шаг назад. Ближе к системе защиты Мири*, работающей от голосовых команд. Подальше от неприятностей.

Однако неприятность пошла ей навстречу.

— Это так не работает, — мягко произнесла Така. — Препарат уже в ваших клетках. Дополнительная доза не даст никакого эффекта. Это я вам гарантирую.

* Така дала машине имя Мири по официальной аббревиатуре мобильного лазарета: MI — the Mobile Infirmary.

На секунду она подумала, что он готов отступить. Слова, как ей показалось, дошли до него: его поза стала не столь напряженной. Морщинки вокруг глаз сплелись, образовав какую-то не столь взрывную смесь смущения и боли, которая заменила страх и злобу.

А потом мужчина улыбнулся самой жестокой улыбкой, которую Уэллетт когда-либо видела, и вся надежда пропала.

— *Но ты-то вылечилась*, — сказал он, двигаясь к ней.

Профессиональный риск. Некоторые больные верили, что сопротивляемость к Бетагемоту передается половым путем. Если у тебя была склонность к такого рода забавам, то трахнуть можно было кого угодно: существовали люди, которые возвели иммунизированных в культ и буквально молили о половом акте, превратив его в нечто вроде прививки. Начальство Таки нередко шутило по этому поводу.

Не такими веселыми были истории о полевых медиках, которых держали в плену и регулярно насиловали ради общественного здоровья. Така Уэллетт не имела никакого желания приносить себя в жертву ради общего блага.

Существо, которое она выпустила на волю, тоже.

Кодовым словом было «Багира». Така не знала, что оно означает; оно шло в комплекте с фургоном, и Уэллетт так и не удосужилась изменить пароль.

Цепь событий, для которых это слово служило чем-то вроде спускового крючка, никогда не доходила до крайности. Заслышав зов хозяина, системы безопасности лазарета встали по стойке «смирно»: захлопнулись и накрепко закрылись все входы и выходы, за исключением двери в кабину, расположенной рядом с авторизованным оператором. Оружейный пузырь на крыше Мири — в нерабочем состоянии он походил на утопленную в машине

зеркальную полусферу — вытягивался из своей шахты сверкающим хромированным фаллосом достаточно высоко, чтобы подстрелить кого угодно, кроме тех, что, спасаясь, распластались вдоль борта машины. (Для этих по каркасу лазарета пускали ток под высоким напряжением.) Сначала в ход шла узконаправленная инфразвуковая «верещалка», которая могла прицельно опорожнить кишки и желудок любому человеку, находящемуся на расстоянии в десять метров. Если ситуация накалялась, то выдвигались турели со сдвоенными диодными лазерами на 8000 ватт: они могли как ослепить противника, так и продырявить насквозь. Неогнестрельным видам оружия всегда отдавалось предпочтение из-за нехватки боеприпасов. Однако, если у противника вдруг находились антилазерные зеркала или аэрозоли, грамотному полевому доктору давали возможность воспользоваться и огнестрелом. Машина Уэллетт вдобавок стреляла дротиками, заряженными конотоксином, который вызывал десятисекундный паралич дыхательных путей.

Ни одно из орудий не должно было стрелять автоматически. «Багира» лишь приводила системы в полную боевую готовность, а те противопоставляли любой угрозе еще большую, давая любому агрессору шанс отступить до того, как кто-то пострадает. К активным действиям Мири могла перейти только после четко выраженной команды Таки.

— «Багира», — прорычала та.

Лазеры открыли огонь.

Они не стали стрелять по красноглазому, а принялись резать людей позади него. Шесть человек рухнули, развалившись на две половинки, лучи сразу прижгли раны — все беды пациентов неожиданно закончились. Другие устались, не веря своим глазам, на аккуратные дымящиеся отверстия в конечностях и торсах. На дальней

стороне этого неожиданного барбекю-пазла вспыхнули заросли коричневой травы. Резня шла под аккомпанемент «Музыки на воде» Генделя; мелодия не сбилась даже на полтакта.

Спустя мгновение, показавшегося вечностью, люди вспомнили о том, что надо кричать.

Угрозы и апломб красноглазого исчезли за секунду, ошеломленный, он стоял перед Такой, его тело напоминало подушечку для булавок из-за десятка дротиков с нейротоксином. Широко раскрыв рот, он безмолвно смотрел на Уэллетт, покачиваясь из стороны в сторону. Потом поднял руки вверх, умолая: *«Женщина, да, черт возьми, я и не думал...»*

И рухнул, заостенев от чудовищного спазма.

Люди бежали, или корчились, или уже неподвижно лежали. Лазеры палили вверх-вниз, вправо-влево, выписывая на земле черные каракули. Среди завитков тут и там вспыхивало пламя, ярким стаккато горя на фоне наступающих сумерек.

Така дернула изо всей силы пассажирскую дверь. К счастью, предательская система не подала ток на корпус лазарета. Но замок заблокировала, отрезав единственный путь к отступлению...

«Мири онлайн, Господи, как она может быть онлайн...»

Така видела, что датчик на приборной доске горит алым светом. Лазарет каким-то образом подключился к широкому беспроводному миру, где обитали и охотились сетевые монстры...

«Мадонна». «Лени». Никак иначе.

С другой стороны приборной доски мигал еще один датчик. С запозданием Така поняла, что *водительская* дверь незакрыта. Она быстро обежала машину спереди. Уэллетт не отрывала глаз от земли, из какого-то религиозного порыва не смотря на гнев Господень, «если я не

вижу его, может, он не увидит меня», но слышала шум работающей турели над головой — та отслеживала и стреляла, отслеживала и стреляла...

Така ввалилась в кабину, рывком захлопнула за собой дверь и закрыла ее.

Фоновизор валялся рядом с сиденьем. От его окуляров по полу разливалось, корчась, слабое сияние. Така схватила прибор и натянула его на голову.

Весь главный экран заполняло исказившееся от ярости лицо «мадонны». Звук был выключен — Уэллетт обычно оставляла только изображение.

«Вот зараза! Через GPS пролезла».

Во время остановок Така всегда отключала GPS. Захватчик, похоже, каким-то образом надурил систему.

Она вырубилла навигацию. Орущая тварь в окне исчезла. Наверху лазеры, скуля, прекратили огонь.

Гендель кончился, уступив место Чайковскому. «Иоланте».

Казалось, прошло очень долгое время, прежде чем Така осмелилась пошевелиться.

Выключила музыку. Дрожа, обхватила себя руками. Чуть не разрыдалась, как маленький ребенок, но огромным усилием воли подавила порыв. Сказала себе, что сделала все, что могла..

Сказала, что могло быть намного хуже.

В своей среде обитания «мадонны» могли делать практически все что угодно. Курсируя по волнам и проводам АмСети, они могли пробраться почти в любую систему, сломать почти любой предохранитель, обрушить любое бедствие на головы людей, для которых катастрофа уже давно стала привычным делом. Буквально неделю назад одна взломала программы по контролю за паводком на какой-то дамбе в Скалистых горах, опустошив весь резервуар прямо на ничего не подозревающих жителей, мирно спящих в зоне водослива.

Для такого создания взломать жалкий лазарет на ко-
лесах было совершенно пустяковым делом.

Хоть в систему не загрузилось, и то хорошо. Места не было. В навигационных и оборонительных системах не хватало памяти для чего-то настолько сложного, а медицинская — единственная в лазарете, которая могла вместить столь большой пакет информации, — была вручную отключена от сети и подсоединялась к ней только для заранее организованных обновлений. Монстры могли немало натворить в виртуальности, но до сих пор не научились дергать рубильники в реальном мире. Эта «лени» лишь протянула свои длинные, злобные пальцы из какого-то далекого узла, сея хаос на расстоянии, пока Така не отрубила связь.

Ее собственное размытое отражение, испуганное, с ввалившимся глазами, уставилось на нее с отключенной приборной доски. Слегка выгнутый плексиглас искажал изображение, вытягивая его в длину, и лицо из просто худого превратилось в откровенно истощенное. Она напоминала хрупкого беглеца с планеты с малой гравитацией, цивилизованного и благовоспитанного. Изгнанного в этот адский мир, где даже доспехи оборачивались против своего владельца.

«А что, если я...» — подумала она и осеклась.

Усталая, она открыла дверь и вышла наружу, на бойню. Там еще лежало несколько пациентов, стоять никто не мог. Некоторые шевелились.

«А что, если я не...»

— Эй! — закричала она, обращаясь к пустым улицам и темным фасадам. — Все в порядке! Все кончено! Я все отключила!

Стоны раненых. Больше ничего.

— Отзовитесь, кто-нибудь! Мне тут нужна помощь! У нас... У нас...

«А что, если я не отключила GPS?»

Она покачала головой. Она же всегда ее отключает. Сейчас, правда, Така не помнила, отрубила ли его после остановки, но разве такие машинальные действия упомнишь?

— Эй, кто-нибудь?

«А может, ты облажалась? Тебе не впервой.

Правда, Дейв?»

Внезапно все вокруг окутала тьма. Она подняла голову вверх, оторвав взгляд от мясорубки; сумерки уже скрывались за горизонтом.

И вот тогда она и заметила инверсионные следы*.

ЗАЩИТНАЯ ОБОЛОЧКА

Переборки «Вакиты» светятся от разведданных. С перископа идет четкая картинка, в реальном времени отражающая ночной береговой пейзаж: темные сверкающие волны на переднем плане, по бокам в поле зрения вползают черные пальцы суши. На центральном экране громоздятся ярко освещенные здания, прижавшиеся друг к другу, как будто противостоя темноте. Квадратные неосвещенные силуэты в южной стороне выдают останки другого города, расположенного к югу от пролива Нарроус и покинутого в ходе какого-то недавнего отступления.

Галифакс. Вернее, осажденный город-государство, которым Галифакс, по всей вероятности, стал.

Эта видимая невооруженным глазом картина занимает верхнюю левую четверть основного экрана. Рядом с ней расположился тот же вид, но уже в искусственной расцветке, где хорошо заметно туманное, размытое об-

* *Инверсионный след* — след, оставляемый в небе летательными аппаратами, идущими с большой скоростью на большой высоте.

лако, окутывающее освещенные здания; Кларк это напоминает мантию медузы, защищающую жизненно важные органы. Саван практически невидим для людей, даже для рифтеров; для сенсоров «Вакиты» с их увеличенным спектром он походит на голубую дымку зарницы. Ионизация статического поля, говорит Лабин. Электрический купол, отражающий переносимые по воздуху частицы.

Граница со стороны моря охраняется. Кларк и не ожидала, что субмарина просто проскользнет в гавань и всплывет рядом с какой-нибудь хибарой; она знала, что тут будет охрана. Лабин ожидал мин, поэтому последние пятьдесят километров «Вакита» медленно ползла к берегу, а перед ней зигзагами шныряли туда-сюда два дрона, выманивая контрмеры из засады. Они спугнули одинокого придонника, зарывшегося в ил: тот проснулся от шума приближающихся механизмов, выпрыгнул из грязи и штопором попытался ввинтиться в ближайшего бота с безобидным и не впечатляющим звоном.

Это одинокое пугало оказалось единственным препятствием, с которым они столкнулись на внешней стороне склона. Лабин пришел к выводу, что подводные оборонительные системы Галифакса истощились при отражении предыдущих нападений. Боеприпасы так и не пополнили, что не сулит ничего хорошего для промышленности поблизости.

Так или иначе, вопреки всем ожиданиям они без всяких препятствий прошли весь путь до входа в бухту Галифакса и неожиданно чуть не столкнулись с *этим*. Чем бы оно не было.

В лучах прожекторов оно практически невидимо. На сонаре отражается еще меньше — он даже в упор ничего не может уловить. Прозрачная просвечивающая мембрана тянется от морского дна до поверхности: в перископ видна плавающая линия, удерживающая верхний край

заграждения в нескольких метрах над водой. Похоже, оно перекрывает все устье гавани.

Пленка прогибается вовнутрь, как будто Атлантический океан давит на нее извне. Крохотные вспышки холодного голубого света пробегают по ее поверхности; редкая рябь звездной пыли колыхается в слабом подводном течении. Кларк узнает эффект. Сверкает не мембрана — те крошечные биолюминесцентные существа, что сталкиваются с нею.

Планктон. Даже радуется, что он все еще существует, к тому же так близко от берега.

Лабина не слишком интересуется световое шоу, а вот его причина интересует.

— Наверное, она полупроницаема.

Это объясняет океанографическую невозможность, противоречащую существованию жесткого и совершенно неожиданного галоклина, вставшего на пути подлодки подобно стене. Прерывистые, они довольно часто встречаются в море: солоноватая вода лежит над более соленой, теплая слоем покрывает холодную. Но стратификация всегда горизонтальна, парфэ легкого над тяжелым столь же неизменно, как гравитация. *Вертикальный* галоклин, похоже, ниспровергает основные законы физики; пусть сонар и не видит мембрану, но она создает столь явный и четкий разрыв, что с расстояния в тысячу метров он уже заметен подобно кирпичной стене.

— Довольно хлипкая конструкция на вид, — замечает Кларк. — Помешать она нам не сможет.

— А ее не для нас ставили, — говорит Лабин.

— Похоже на то.

Это, по всей вероятности, фильтр против Бетагемота. И он, похоже, блокирует целый ряд других частиц, раз создает столь сильный дисбаланс в плотности.

— В смысле мы сможем просто прорваться сквозь мембрану.

— Не думаю, — отвечает Лабин.

Он опускает перископ и наводит его на барьер; сжежившийся город исчезает в водовороте пузырьков и темноты. Через иллюминатов Кларк замечает бледный оптоволоконный жгут перископа, уходящий вперед. Само устройство практически невидимо — маленькое чудо динамической мимикрии. Кларк наблюдает за ним на тактическом экране. Лабин подводит дрона на полметра к мембране: бледно-желтая дымка рассеивается по правой стороне, где невооруженный глаз видит только темноту.

— Что это? — спрашивает Кларк.

— Биоэлектрическое поле, — отвечает Лабин.

— Ты считаешь, что оно *живое*?

— Возможно, сама мембрана и нет. Полагаю, через нее проходят какие-то специализированные нейроны.

— В самом деле? Ты уверен?

Лабин качает головой.

— Я даже не уверен, что оно биологическое, — интенсивность поля вполне подходит, но она еще ничего не доказывает. — Он смотрит на нее. — А ты что, думала у нас есть сенсор, которые может уловить мозговые клетки на расстоянии пятидесяти шагов?

Кларк хочет остроумно пошутить, но ничего не приходит на ум. Она смотрит в иллюминатор и видит за стеклом тусклое синее мерцание.

— Похоже на анорексичный умный гель, — бормочет она.

— Нет, скорее всего, оно намного тупее. И гораздо радикальнее — им пришлось поработать над нейронами так, чтобы те работали при низких температурах и высокой солености. Полагаю, мембрана способна контролировать осморегуляцию.

— Я не вижу никаких кровеносных сосудов. Интересно, как они питаются.

— Может, мембрана контролирует и это. Всасывает их непосредственно из морской воды.

— А зачем она нужна?

— Помимо фильтра? — Лабин пожимает плечами. — Наверное, еще служит сигнализацией.

— Так что же нам делать?

— Ткнем ее, — отвечает Лабин после недолгого раздумья.

Перископ подается вперед. На широко спектральном дисплее мембрана вспыхивает от столкновения, яркие нити лучами расходятся от места удара подобно изящному змеящемуся узору из желтых молний. В видимом свете мембрана кажется совершенно инертной.

— Ммм.

Лабин тянет перископ назад. Свечение мембраны тут же слабеет.

— Значит, *если* это действительно сигнализация, — предполагает Кларк, — ты ее только что запустил.

— Нет, не думаю, что Галифакс объявляет красную тревогу* каждый раз, когда какое-нибудь бревно тыкается в периметр. — Лабин проводит пальцем по панели управления; перископ вновь отправляется на поверхность. — Но я готов поспорить, что эта штукавина завопит намного громче, если через нее решим прорваться мы. А нам такое внимание совсем не нужно.

— И что теперь? Пройдем немного дальше вдоль берега и попробуем высадиться на берег?

Лабин качает головой:

— Под водой у нас больше шансов. А вот высадка на берег будет делом гораздо более трудным. — Схватив шлемофон, он натягивает его себе на голову. — Если не

* *Красная тревога* — угроза нанесения ракетного или бомбового удара противником; в этом случае объявляется повышенная боевая готовность.

сможем подключиться к стационарной линии, то попытаемся войти в местные беспроводные сети. Это лучше, чем ничего.

Кен заворачивается в кокон и протягивает усики в разреженное инфопространство наверху. Кларк переключает навигацию устройства на свой пульт и разворачивается, снова отправляя «Вакиту» на глубину. Лишний километр или около того поискам Лабина не помешает, а на мелководье почему-то тревожно. Словно смотришь наверх и понимаешь, что, пока ты не обращал внимания, крыша почему-то стала гораздо ниже.

Лабин хмыкает.

— Засек что-то.

Кларк подключается к шлемофону Лабина и разделяет сигнал, подключив свой пульт. Большую часть потока не разобрать — цифры, статистические данные, аббревиатуры мельтешат перед глазами слишком быстро, Лени не смогла бы прочитать их, даже если бы понимала смысл. То ли Лабин зарылся куда-то под обычные пользовательские интерфейсы, то ли за последние пять лет Водоворот настолько обеднел, что продвинутую графику уже не поддерживает.

Но этого не может быть. В системе, в конце концов, достаточно места для ее собственных демонических альтер эго. А уж они-то чересчур графичны.

— Что говорят? — спрашивает Кларк.

— Какая-то ракетная атака... на Мэн. Туда направили подъемники.

Она сдается и снимает фоновизор.

— Возможно, это наш лучший способ проникнуть внутрь, — задумчиво говорит Лабин. — Все транспортные средства, задействованные УЛН, будут управляться из безопасной зоны с доступом к хорошему оборудованию.

— И ты думаешь, что пилот согласится взять пару попутчиков прямо в центре зараженной зоны?

Лабин поворачивает голову. Слабое свечение мерцает по краям фоновизора, призрачными татуировками скрывает шрамы на щеках рифтера.

— Если там действительно пилот, — отвечает он, — то, возможно, мы сможем его убедить.

ГЕЕННА

Така появилась в ночном пейзаже утасающего пламени. Она плелась сквозь горячий сухой снегопад, статическое поле лобового стекла едва справлялось с хлопьями, стремившимися залепить весь обзор. В лучах от фар Мири пепел клубился белым тальком; туман от превратившихся в пыль земли и растений застилал дорогу впереди. Така выключила фары, но в инфракрасном свете видимость была еще хуже: бесчисленные частички сажи, блестящие размывы пламени; сухие крохотные смерчи и корчащиеся восходящие потоки перегружали экран дисплея искусственными цветами. Наконец, Така достала из бардачка старую пару очков ночного видения, и мир предстал перед ней в черно-белых тонах, серый на сером. Видимость все еще была ни к черту, но хоть с помехами дело решилось.

«Может, кто-то выжил, — подумала она без всякой надежды. — Может, огненная буря не забралась так далеко». Она уже отъехала на добрых десять километров от того места, где лазарет взбунтовался и перерезал местных жителей. Поблизости не было никаких укрытий: ни дренажных канав, ни подземных парковок, а если где и находились укрепленные убежища, то выжившие пациенты не горели желанием рассказать о них Таке. И когда над головой показались арки инверсионных следов, Уэллетт помчалась на восток и укрылась в служебном туннеле заброшенной приливной электростанции, которую пробурили от залива Пенобскот. Несколько лет назад шаманы

обещали, что она обеспечит светом побережье от Портленда до Истпорта, мир без конца. Но мир, разумеется, кончился еще до того, как установили первую турбину. Теперь туннель годился разве что на приют землеройным млекопитающим, куда те прятались от краткосрочных последствий собственной глупости.

Десять километров по ухабистым, заваленным всяким мусором дорогам, которые не чистились и не ремонтировались с самого появления Бетагемота. То, что Така добралась до безопасного места, до того как ударили ракеты, можно было считать просто чудом. Уэллетт так и считала бы, если бы именно ракеты нанесли все те разрушения, через которые она ехала сейчас.

Така была уверена, что удар с воздуха тут ни при чем. Более того, ракеты, скорее всего, даже до земли не долетели.

Вершина холма, по которому она сейчас взбиралась, находилась примерно в сотне метров впереди. Останки какого-то придорожного здания, рухнувшего во время атаки, загородили ей путь на середине подъема. Теперь это было лишь скопище дымящихся шлакоблоков. Даже очки Таки не могли прогнать все тени, кишевшие в этих обломках: прямые линии, острые углы и темные провалы в форме параллелограммов.

Уклон был слишком крутым для воздушной подушки Мири. Уэллетт оставила фургон на откуп его собственным устройствам и обошла обломки. Кирпичи все еще были горячими на ощупь. Жар от выжженной земли проникал сквозь подошвы башмаков — слабое тепло казалось неприятным лишь из-за его происхождения.

На идущей вверх стороне развалин время от времени попадались предметы, сохранившие отдаленное сходство с человеческими костями. Така дышала мертвыми. Возможно, некоторые из тех, чей прах она сейчас вдыхала, умерли до пожара, если не от ее усилий. Возможно,

некоторые из тех, кому она помогла сегодня, несмотря ни на что все еще были живы. Она умудрилась найти в этой мысли слабое, но утешение, пока не взобралась на холм.

Нет.

По другую сторону царило такое же разорение, как и на тропе, по которой Така взбиралась: мерцающие вспышки белого пламени испещряли вид, исчерненный не только ночью, но и углеродом. Землю перед нею опустошили не ракеты и не микробы — не в этот раз. Устройство, которое все это сделало, до сих пор виднелось на расстоянии: крошечный темный овал в небе — чуть более темный, чем облачная гряда за ним, — висел в нескольких градусах над горизонтом. Така поначалу его не заметила, хотя была в очках. Силуэт казался размытым, мерцал от слабой визуальной статистики случайных, неразумно разогнанных фотонов.

Но потоки пламени, которые изверглись в следующее мгновение из его чрева, были ясно видны даже невооруженным глазом.

Не ракета. Не микроб. Подъемник, выжигающий землю там, на расстоянии, так, как уже сделал здесь.

И, насколько знала Така, именно она привела его сюда.

Конечно, она не была уверена стопроцентно. Полномасштабные выжигания все еще время от времени проводили под официальными предлогами. Еще не так давно они считались вполне обычным явлением: в те дни, когда охваченные паникой люди думали, что они смогут сдерживать Бетагемот, если им хватит духу пойти на решительные шаги. Число таких чисток сократилось, когда стало ясно, что Северная Америка расходует запасы напалма впустую, однако время от времени их еще проводили в не слишком населенных зонах на западе. Вполне возможно, что несмотря на операцию УЛН не озаботилось вывести полевой персонал из опасной зоны, хотя Така сомневалась, что она может быть настолько не в курсе событий.

Но не так далеко отсюда и не так давно Уэллетт позволила монстру сбежать в реальный мир. После таких утечек обычно всегда следовали наводнения и огненные бури, а Така уже забыла, когда верила в совпадения.

Впрочем, недостатка в непосредственных причинах тоже не было. Может, виноват был вышедший из строя автопилот, пораженный дефектными программами, который из-за опечатки сжег не ту часть мира. Или живой пилот ошибся из-за искаженной шифровки, или не так расслышал команду из-за помех в эфире. Ни одна из этих деталей не имела значения. У Таки был вопрос поинтереснее: *кто* скорректировал код, смутивший автопилота? *Что* исказило инструкции и команды, которые услышал пилот из плоти и крови?

Ответ она тоже знала. Он был очевиден для любого, кто увидел бы монстра в ее фоновизоре несколько часов назад. Случайностей не было. Шум никогда не возникает просто так. И сама техника становится враждебной.

И сейчас, когда она пристально всматривалась в черно-белый крематорий, тянувшийся до самого горизонта, только это объяснение имело смысл.

«Ты же когда-то была ученой, — сказала она себе. — Ты с ходу отвергала всякие заклинания. Ты знала истины, которые защищали от предвзятости и путаности в мыслях, и ты знала их все наизусть: корреляция еще не подразумевает причинно-следственной связи. Без повторения нет ничего реального. Разум видит порядок даже в шуме; доверяй только цифрам».

Возможно, все эти истины были лишь заклинаниями другого сорта. И не очень эффективными; такие знакомые, они так и не сумели спасти ее от нарастающей уверенности в том, что именно она призвала злого духа в свою машину. Така могла рационально объяснить суеверный трепет в своем сознании, даже оправдать его. Ее научная подготовка предоставляла для этого немало

средств. *Призрак* был лишь словом, удобным ярлыком для опасного программного существа, выкованного в ускоренном дарвиновском пейзаже, который некогда называли *Интернетом*. Така знала, насколько быстро эволюционные изменения могут стать частью системы, где сотни поколений проходят в мгновение ока. Она помнила и то время, когда электронные формы жизни — неумышленные, незапланированные и нежелательные — стали настолько пагубными, что сеть получила название «Водоворот». Существа, которых звали «лени», или шреддеры, или «мадонны» — как и у демонов Евангелия, имя им было легион, — представляли собой лишь образец естественного отбора. Чрезвычайно успешный образец: на другой стороне мира целые страны преклонились перед именем его. Или пред иконой, лежащей в его основе, какой-то полумистической культовой фигурой, на короткое время получившей известность на плечах Бетагемота.

Это была логика, а не религия. И какая разница, что эти существа обладали невероятной силой, но не имели физического тела? И какая разница, что они жили в проводах и в беспроводном пространстве между ними и двигались со скоростью их собственных электронных мыслей? *Демоны, призраки* — это условные обозначения, но не суеверия. Всего лишь метафора, имеющая больше черт подобия, чем многие другие.

Но теперь, когда Така увидела таинственные огни, вспыхивающие в небе, она почувствовала, как ее губы движутся, произнося совершенно неправильное заклинание.

О Господи, спаси нас.

Она повернулась и пошла вниз по склону. Така наверняка могла обойти препятствие, свернуть на проселок и продолжить свой путь дальше, но зачем? Тут вступал в дело анализ эффективности затрат: сколько спасенных жизней пришлось бы на единицу усилий.

В любом другом месте эта величина будет гораздо выше, чем здесь.

На дороге снова показалось рухнувшее здание, бесцветное и серое в усиленном свете. Отсюда угловатые тени казались другими, более зловещими. В развалинах виднелись свирепые лица и части тел, размерами сильно превышающие человеческие, как будто гигантский кубистский робот рухнул рассерженной кучей и теперь собирался с силами, стремясь вновь собраться в единое целое.

Как только Така начала обходить эту груду, одна из теней отделилась от общей массы и преградила ей путь.

— *Боже...* — ахнула Уэллетт. Навстречу ей вышла всего лишь невооруженная женщина — сейчас на такие подробности люди обращали внимание практически инстинктивно, — но сердце Таки мгновенно перескочило на режим «драться/бежать». — Господи, как же вы меня напугали.

— Простите. Я этого не хотела.

Женщина отошла еще на один шаг в сторону от обломков. Блондинка, с ног до головы затянутая в какое-то черное, облегающее трико; открытыми оставались только руки и лицо, на темном фоне они казались бледными и бесплотными. Незнакомка была на несколько сантиметров ниже Таки.

Ее глаза казались какими-то странными. Слишком яркими. Така решила, что, возможно, это артефакт ночного видения. Свет, отражающийся от влажной роговицы.

— Это ваша машина скорой помощи? — спросила женщина, мотнув подбородком в сторону фургона.

— Мобильный лазарет. Да. — Така огляделась вокруг, повернувшись на триста шестьдесят градусов. Больше ничего она не увидела. — А вы больны?

Послышался тихий смех.

— А разве еще остались здоровые?

— Я имела в виду...

— Нет. Пока еще нет.

«Что же у нее с глазами?» С такого расстояния определить это было трудно — женщина стояла примерно в десяти метрах от нее, — но казалось, что блондинка носит очки ночного видения. В таком случае она видела гораздо лучше, чем Така Уэллетт в своих дурацких светуловителях.

Местные жители такой техники себе позволить не могли.

Така как будто случайно сунула руки в карманы; ветровка, распахнувшись, выставила напоказ табельный «Кимбер», висевший на бедре.

— Вы есть хотите? — спросила она. — В кабине есть циркулятор. Кирпичи на вкус просто ужасны, но если вам очень надо...

— Извините меня, — сказала женщина, делая шаг вперед. — Пожалуйста.

Ее глаза были похожи на чистые, прозрачные шарики льда.

Така инстинктивно отступила назад. Сзади что-то загрозило ей путь. Она повернулась и уставилась в еще одну пару пустых глаз, утопленных в лице, которое казалось высеченным из тесаного камня и было сплошь покрыто рубцами. Уэллетт не стала тянуться за пистолетом. Тот каким-то образом уже оказался у незнакомца в руке.

— Он генетически заблокирован, — поспешно предупредила она.

— Ммм, — он повертел оружие в руке, осмотрев его критическим, профессиональным взглядом, а потом как бы между прочим сказал: — Мы просим у вас извинения за то, что вот так явились без приглашения, но нам нужно, чтобы вы отключили систему защиты в вашей машине.

Говоря, мужчина так и не взглянул на Уэллетт.

— Мы вас не тронем, — сказала женщина из-за спины Таки.

Уэллетт, не веря ее словам, не спускала глаз с мужчины, державшего пистолет.

— Конечно, не тронем, — он, наконец, поднял взгляд. — Пока есть более эффективные альтернативы.

«Багира» была лишь одним из паролей. Существовало еще несколько. «Моррис» блокировал всю технику, так что Така могла запустить ее заново, только авторизовавшись вручную. «Пиксель» бил током всех пассажиров, которые не соответствовали ее феромоновому профилю. «Тигра» открывал двери и притворялся мертвым до тех пор, пока Така не произносила слово «Шредингер»: после этого система запирала все выходы и закачивала в фургон столько галотана, что любой мужчина весом в 110 килограммов на пятнадцать минут превращался в мешок желе. (Сама Така поднялась бы на ноги уже через девяносто секунд; когда ей дали ключи от Мири, то сразу модифицировали кровь с помощью резистентного фермента.)

В передвижных лазаретах было полным-полно лекарств и техники. В пустошах обитало множество отчаявшихся людей, которые буквально умирали за лекарство. Любое лекарство. Меры против воров были совершенно разумной предосторожностью, хотя в ситуации крылось и немало иронии: когда доходило до дела, Мири намного лучше убивала и увечила, чем лечила.

Така стояла рядом с водительской дверью, и ее охраняли два черных человека с белыми глазами. Она мысленно перебрала варианты.

— «Тигра», — произнесла Уэллетт. Зашебетав, Мири открыла замок.

Женщина забралась в кабину. Така уже хотела последовать за ней, но тут ей на плечо опустилась рука.

Уэллетт обернулась и взглянула на своего похитителя.

— В машине тоже стоит генетический блок. Его надо отключить, если вы хотите ехать.

— А мы не хотим, — сказал он. — Пока.

— Приборная панель отключена, — подала голос женщина, уже севшая за руль.

Рука на плече слегка сжалась, толкнула Таку вперед. Та поняла, что ей надо лезть в кабину, женщина в черном уже пересела на место пассажира, освободив ей пространство.

— Хотя нет, — сказал мужчина, — лучше доктору сесть на пассажирское. — Рука придавила ее книзу. Така скользнула между сиденьем и управляющим жезлом, а незнакомка выскочила из кабины с другой стороны и уже начала закрывать дверь.

— Нет, — отчеканил мужчина. Женщина замерла на месте. Он уже сел за руль, ни на секунду не отпуская Таку. — Один из нас постоянно должен оставаться снаружи, — объяснил он партнерше. — А двери надо держать открытыми.

Женщина в черном кивнула. Мужчина убрал руку с плеча Таки и посмотрел на выключенную приборную панель.

— Включайте, — сказал он. — Только ручную, никакого голосового управления. Двигатель не заводите.

Така уставилась на него, не двигаясь.

Блондинка склонилась к ее плечу и тихо произнесла:

— Мы вас не обманываем. Мы действительно не хотим вас трогать, если только у нас не останется иного выхода. Я полагаю, что для этих мест мы ведем себя довольно мягко, так почему вы нас провоцируете?

«Этих мест». Значит, они тут недавно. Не слишком-то большой сюрприз: Така уже давно не видела кого-то, кто бы настолько не походил на обитателей пустошей.

Она покачала головой:

— Вы собираетесь украсть лазарет. А это принесет вред не только мне.

— Если вы будете сотрудничать, то скоро получите его назад, — сказал ей мужчина. — Включайте.

Уэллетт ткнула в генщиток. Приборная панель засветилась.

Похититель внимательно изучил дисплей.

— Насколько я понимаю, вы являетесь мобильным сотрудником службы здравоохранения.

— В некотором роде, — осторожно ответила Така.

— А откуда вы? — спросил он.

— То есть, откуда?

— Где задают ваш маршрут? Где пополняют запасы?

— В Бангоре обычно.

— По воздуху припасы не доставляют?

— Когда есть что доставить.

Он хмыкнул.

— У вас инвентарный маяк отключен.

Он говорил так, словно это его удивило.

— Я даю знать только тогда, когда запасы на исходе, — ответила Така. — А как еще... *что вы делаете!*

Мужчина замер, хотя уже успел вывести наверх меню GPS.

— Я хочу определить местоположение, — спокойно сказал он. — Это что, проблема?

— Вы что, *не в себе?* Оно же еще не ушло далеко. Хотите, чтобы оно вернулось?

— Кто вернулся? — спросила женщина.

— Кто, по-вашему, все это сотворил?

Они посмотрели на нее без всякого выражения.

— УЛН, как мне кажется, — ответил мужчина без долгих раздумий. — Сдерживающее выжигание, верно?

— Это была *«лени»!* — закричала Така. *«О, господи, что, если он вернет ее обратно; что, если он...»*

Что-то развернуло ее. Ледяной взгляд уставился прямо в глаза. Така почувствовала на своей щеке дыхание незнакомки.

— Что вы сказали?

Сглотнув, Така постаралась сохранить спокойствие. Паника понемногу отступила.

— Послушайте. В прошлый раз оно проникло через GPS. Я не знаю, как, но, если вы снова выйдете в сеть, оно может вернуться. Сейчас я бы даже радио не включала для верности.

— А эта штука... — начал мужчина.

— Да как вы можете *не знать* о них? — раздраженно воскликнула Така.

Мужчина и женщина переглянулись; что выражали их взгляды, Така не поняла.

— Мы знаем, — произнес мужчина. Така с облегчением заметила, что он выключил GPS. — Вы говорите, что именно она вызвала ракетную атаку вчера?

— Нет, конечно же, не... — Така замолчала. Эта мысль прежде не приходила ей в голову. — В смысле, я не думала об этом. Все возможно. Некоторые говорят, что страны Мадонны их каким-то образом нанимают.

— А кто еще мог это сделать? — удивилась женщина.

— Евразия, Африка. Да кто угодно, — внезапная мысль поразила Таку. — А вы не отту...?

— Нет, — покачал головой мужчина.

Уэллетт не могла винить тех, кто обстреливал Америку, кем бы они ни являлись. По официальной информации, Бетажемот еще не покорил земли, расположенные по ту сторону Атлантики; люди там до сих пор могли считать, что смогут сдержать его, если просто стерилизуют зараженную зону. Где-то в подсознании Таки завертелся истрепавшийся лозунг, которым когда-то оправдывали астрономические цифры потерь: *Общее благо*.

— Как бы там ни было, — продолжила она, — ракеты так и не достигли цели. И к разрушению они не причастны.

Женщина, не отрываясь, смотрела в окно, где в дымных предрассветных сумерках все еще тлел пожар.

— А что же их остановило?

Така пожала плечами.

— Оборонительный Североамериканский щит.

— Откуда вам это известно? — спросил мужчина.

— Когда снаряды ПРО сходят с орбиты, то виден след от входа в плотные слои атмосферы. А перед ударом он теряет яркость. И идет такой дымчатый звездопад, на фейерверки похоже.

Женщина осмотрелась вокруг:

— Так все это дело рук «лени»?

Слова одной очень старой песни всплыли в голове Таки: «Здесь случайностей нет...»*

— Вы сказали «з звездопад»? — напомнил мужчина.

Така кивнула.

— И конденсационный след тускнеет перед детонацией.

— И что?

— А чьи следы? Ракет или снарядов ПРО?

— Как я могу это знать?

— Вы это видели прошлой ночью?

Така снова кивнула.

— Когда?

— Я не знаю. Послушайте, у меня тогда голова была другим занята...

«Я наблюдала за тем, как десятки людей нарезали на куски, и все потому, что я, возможно, чего-то не отключила...»

Неожиданно мужчина пристально посмотрел на нее. Глаза его были бесцветными, но отнюдь не пустыми.

Така постаралась вспомнить:

— Были сумерки, солнце уже зашло... я не знаю, возможно, пятнадцать или двадцать минут до удара.

* Имеется в виду песня Питера Гэбриэла «Lay your hands on me» (прим. ред.).

— А это нормально для таких атак? Что их проводят на закате.

— Я никогда об этом не думала, — Така слегка помялась. — Но полагаю, что да. В ночное время.

— А хоть одна атака была при свете дня?

Уэллетт задумалась:

— Я... я что-то не припомню.

— После того как потускнел конденсационный след, когда пошел звездопад?

— Послушайте, я...

— *Когда?*

— *Я не знаю*, понимаете? Может, через пять секунд или вроде этого.

— А какой угловой градус был у...

— Мистер, я даже не знаю, что это значит.

Белоглазый мужчина замолчал, и надолго. Он не двигался. Така чувствовала, как в его голове закрутились колесиики.

Наконец:

— Тот туннель, в котором вы спрятались.

— А каким образом... вы что, следили за мной? Оттуда? *Пешком?*

— Это недалеко, — сказала блондинка. — не больше километра.

Така удивленно покачала головой. Когда она еле тащилась по выжженной земле, продираясь сквозь порывы обжигающего ветра, это, казалось, заняло несколько дней.

— Вы остановились у ворот. Чтобы перерезать цепь.

Така согласно кивнула. Теперь это казалось абсурдным — лазарет мог сокрушить барьер в одно мгновение, а небо падало.

— Вы посмотрели на небо, — предположил незнакомец.

— Да.

— И что увидели?

— Я же вам говорила. Конденсационные следы. Звездодопады.

— Где был ближайший звездопад?

— Я не знаю...

— Вылезайте из кабины.

Она уставилась на него.

— Живее.

Она выбралась в серую предрассветную мглу. Призраки в развалинах исчезли: свет разогнал тени Роршаха, оставив лишь груды шлакоблоков и балок. Поблизости еще стояло несколько обгоревших деревьев; от пламени они уже были даже не черными, а пепельно-белыми и походили на тянущиеся вверх руки скелетов.

Мужчина подошел к ней:

— Закройте глаза.

Она повиновалась. Если он собирался ее убить, то она ничего не смогла бы поделать с этим, даже с открытыми глазами.

— Вы стоите у ворот. — Его голос звучал размеренно и успокаивающе. — Лицом к ним. Вы разворачиваетесь и смотрите назад на дорогу. Потом вверх, на небо. Давайте же.

Она повернулась, не открывая глаз, память заполняла провалы. Така вытянула шею.

— Вы видите звездопады, — продолжал вещать его голос. — Я хочу, чтобы вы показали на тот, который расположен ближе всех, прямо у вас над головой. На тот, что ближе всех к воротам. Вспомните, где это было, и ткните туда.

Она твердо протянула руку вверх.

— В чем дело, Кен? — В пустоте раздался голос блондинки. — Разве мы не должны...

— Можете открыть глаза, — сказал мужчи... сказал Кен.

Она открыла глаза. Кем бы ни были эти люди, она начинала верить в одно: они действительно не хотели причинять ей вреда.

«Пока есть более эффективные альтернативы».

Она чуть расслабилась:

— Еще вопросы?

— Один. У вас есть патогранаты?

— Куча.

— А есть те, которые настроены не на Бетагемот?

— Большинство. — Така пожала плечами. — Регистраторы Бетагемота в этой местности уже не нужны.

Она вытащила гранаты и ракетницу, чтобы ими стрелять. Кен проверил их так же внимательно, прищурившись, как раньше осматривал «Кимбер». Похоже, проверку они прошли.

— Уеду на пару часов, — сказал он партнерше и, посмотрев на передвижной лазарет, добавил: — Не давай ей завести мотор или закрыть двери — неважно, внутри она или снаружи.

Женщина посмотрела на Таку с непроницаемым выражением лица.

— Послушайте, — сказала Така, — я...

Кен покачал головой:

— Не волнуйтесь. Мы все решим, когда я вернусь.

Он пошел вниз по дороге и ни разу не оглянулся назад.

Уэллетт глубоко вдохнула и пристально посмотрела на блондинку:

— Значит, теперь вы меня сторожите?

Женщина дернула уголком рта.

«Черт, но какие же у нее странные глаза. Ничего в них не разглядеть». Она предприняла новую попытку:

— А Кен на вид довольно милый парень.

Женщина уставилась на Таку холодным слепым взглядом и неожиданно расхохоталась. Хороший знак.

— А вы с ним пара или как?

Женщина, все еще улыбаясь, покачала головой:

— Или как.

— Вы хотя и не спрашивали меня, но я представляюсь: меня зовут Така Уэллетт.

Улыбка моментально исчезла.

«Ты только посмотри, Дейв, я снова облажалась. Вечно не могу вовремя остановиться...»

Но блондинка ответила:

— Ле... Лори.

— А, — Така подумала, что бы еще сказать. — Я не слишком рада нашей встрече, — наконец произнесла она, стараясь придать тону легкость.

— Да, — сказала Лори. — Со мной так часто случается.

ТРИГОНОМЕТРИЯ СПАСЕНИЯ

Это не поддается синтаксическому анализу, думал Лаббин.

Середина июня на сорок четвертой параллели. Пятнадцать или двадцать минут после захода солнца, скажем, около пяти градусов планетарного вращения. Значит, высота затенения примерно тридцать три километра. Ракеты вошли в тень примерно за четыре или пять секунд до детонации, если верить свидетелю. Если взять семь километров в секунду, обычную скорость вхождения в плотные слои атмосферы, то реальная детонация произошла где-то на высоте пяти тысяч метров, а скорее всего, намного ниже.

Уэллетт говорила о взрыве в воздухе. Не об ударе, не об огненном шаре. О фейерверке. Так она сказала. И всегда в сумерках или после наступления темноты.

Солнце еще освещало восточную часть гряды, когда он прибыл к заднему входу заброшенной электростанции «Пенобскот Пауэрс». «Вакита» и лазарет доктора еще недавно спасались в ее кишках; служебный туннель шел вдоль хребта огромного подземного пальца океана

шириной в шестьдесят метров, а длиной в сотни раз больше, прорытого прямо в материковой породе. Когда его замыслили, то хотели создать копию лунного двигателя, который гонял прилив в заливе Фанди, но только в двухстах километрах от воды на суше. Теперь это была всего лишь огромная затопленная сливная труба, а также способ для скромной подлодки проскользнуть на берег незамеченной.

Ничего из этого, конечно же, не было заметно отсюда. Тут стоял опаленный забор из металлической сетки, висели покрытые сажей прямоугольники, когда-то вещавшие о «запретной зоне», и — в пятидесяти метрах по другую сторону, там, где скала поднималась из земли, — в стене утеса зияла пасть со сломанными зубами из арматуры и бетона. Одна створка ворот висела, поскрипывая от сухого ветра. Другая накренилась под углом, но все еще плотно сидела на петлях.

Лабин встал спиной к воротам. Поднял вверх руку, вспомнил, куда указывала доктор, и откорректировал угол.

Сюда.

Всего несколько градусов над горизонтом. Значит, Уэллетт видела объект либо далеко и высоко, либо, наоборот, низко и совсем рядом. Лабин припомнил, что атмосферные инверсии* сильнее всего во время сумерек или после наступления темноты. Обычно их плотность не превышала нескольких сотен метров, и они действовали подобно одеялу, удерживая высвобожденные частицы вблизи от земли.

Кен пошел на юг. То тут, то там все еще мерцали языки пламени, пожирая оставшиеся горючие материалы. Усиливался утренний бриз, дувший с берега. Он сулил

* *Инверсия* — здесь аномальный характер изменения какого-либо параметра в атмосфере с увеличением высоты.

понижение температуры и более чистый воздух, хотя повсюду еще носились облачка пепла. Лабин, откашлявшись, сплюнул белый сгусток мокроты и пошел дальше.

Доктор дала ему пояс для гранат. Маленькие аэрозольные снаряды при ходьбе колотили по бедрам. Ракетницу Кен держал в руке, рассеянно направлял на удобные цели: пни, сгоревшие кустарники и остатки заборов. Мишеней практически не осталось. Он представлял, что у оставшихся есть конечности и лица. Он представлял, как они кровоточат.

Конечно, свидетельница едва ли походила на живое GPS. Ее указания изобиловали ошибками; поправка на ветер была всего лишь еще одной незначительной погрешностью в череде более значимых. Но Лабин всегда подходил к делу систематически. Существовал веский шанс на то, что он находился в километре от координат звездопада. Кен несколько минут шел на восток, компенсируя влияние бриза. После этого зарядил ракетницу и выстрелил в небо.

Граната взлетела в воздух, как большое желтое яйцо, и взорвалась люминесцентным розовым облаком около двадцати метров в поперечнике.

Лабин наблюдал за тем, как оно рассеялось. Первые лохмотья полетели по ветру, облачко превратилось в овоид, из него тянулись изящные ленты цвета сахарной ваты. Спустя несколько секунд он начал рассеиваться по бокам, его частички стали инстинктивно вынюхивать воздух в поисках сокровища.

Против ветра они не шли. На такое надеяться слишком рано, особенно в начале игры.

Через сто метров он выстрелил следующую гранату, — эту по диагонали и против ветра; а третью — в ста метрах от первых двух — примерно замкнув равносторонний треугольник. Он шел, выписывая зигзаги по выжженному

ландшафту, взбивая ногами пепел там, где еще день назад росли папоротники и кустарник, выбирая дорогу между бесчисленными утесами и трещинами. Однажды даже пришлось перепрыгнуть через выжженное русло, по дну которого все еще струился крошечный ручеек, питавшийся от какого-то таинственного источника там, куда еще не добрались огнеметы. Через примерно равные промежутки времени он отправлял вверх еще одно неказистое облако, наблюдал, как оно рассеивалось, и шел дальше.

Кен зарядил восьмую гранату, когда вдруг заметил, что седьмая повела себя как-то странно. После выстрела появилось круглое кучевое облачко, такое же, как и раньше. Однако оно быстро распалось на полосы и устремилось куда-то, словно подгоняемое ветром. И все было бы в порядке, если бы розовая вата потянулась вслед за бризом, а не против него.

И еще одно облако, более отдаленное и рассеянное, казалось, также решило нарушить правила. Они не текли, эти аэрозольные потоки, по крайней мере, не для человеческих глаз. Скорее, они *дрейфовали* против ветра, к какой-то общей точке, мимо которой Лабин уже прошел, расположенной примерно в тридцати градусах от его пути.

Облака теряли высоту.

Он устремился вслед за ними. Их частички нельзя было назвать даже отдаленно разумными, но они знали, что им нравится, и имели возможность добиться этого. Они были существами с развитым чувством обоняния, и более всего им нравился запах двух веществ. Во-первых, протеиновые сигнатуры, выпускаемые широким набором военных биозолей; они выслеживали этот аромат, как акулы — кровь в воде, а когда находили амброзию, то сразу менялись химически. И именно этот запах, идущий от выполнивших миссию сородичей, фигурировал на втором месте. Классический пример биоусиливающе-

го двойного удара. Часто следы жертвы были настолько слабы, что казались лишь шепотом пролетающим мимо частичкам. Но они закреплялись — ферменты цеплялись за субстрат — и достигали личной нирваны, — но это самое слияние гасило эмиссии, которые, в первую очередь, и служили приманкой. Вредное вещество помечали флагом, но тот был настолько мал, что млекопитающие его просто не замечали.

Но когда тебя возбуждает не только жертва, но и те, кто тоже ею возбужден, то, боже мой, не так уж важно, сколько частиц шатается поблизости. Хватает и одной, чтобы запустить настоящую оргию деления. Каждая последующая лишь усиливает коллективный сигнал.

Оно лежало, наполовину зарывшись в гравийное дно неглубокого оврага, и походило на тупорылую пулю тридцатисантиметровой длины, на одном конце которой просверлили несколько круглых отверстий. Оно походило на солонку гиганта, страдающего от повышенного артериального давления. Оно походило на рабочую часть суборбитального устройства с несколькими боеголовками, предназначенного для транспортировки биологических аэрозолей.

Лабин не мог определить, в какой цвет изначально был выкрашен снаряд. С него капала светящаяся розовая слизь.

Когда Кен подходил к лазарету Уэллетт, тот неожиданно изменился. Внутри машины расцвели яркие голографические фантомы — пластиковая шкура стала прозрачной, выставив наружу неоновые кишки и нервы. Лабин все еще привыкал к таким видениям. Новые вкладки считывали излучения любого неэкранированного оборудования в радиусе двенадцати метров. Эта машина, к примеру, оказалось далеко не столь приветливой, как ему хотелось бы. Ее усеивали опухоли: прямоугольные тени под приборной

панелью, темные полосы на пассажирской двери, а в центре фургона черным сердцем висел непонятный цилиндр, не испускающий эмиссий. В лазарете установили немало систем безопасности и экранировали все.

Кларк и Уэллетт стояли возле фургона, наблюдая за его приближением. Своим новым взглядом Лабин ничего особенного в Таке не рассмотрел. Тусклые искорки мерцали в грудной клетке Кларк, но они ему ничего не говорили; вкладки и имплантаты говорили на разных диалектах.

Он отключил видение; галлюцинаторные схемы свернулись, оставив после себя лишь бесцветный пластик, белую пыль да самую обыкновенную одежду с плотью.

— Ты что-то нашел, — сказала Уэллетт, — Мы видели облака.

Он рассказал о своих поисках.

Уэллетт уставилась на него, открыв рот:

— Они палят по нам микробами? Да мы и так скоро Богу душу отдадим! Зачем забрасывать сюда мегаоспу или супергрипп, когда мы уже...

Она замолчала. Гнев быстро сошел на нет, и доктор нахмурилась в недоумении.

Кларк одним взглядом спросила: «Бета-макс?» Лабин пожал плечами.

— Возможно, Северная Америка умирает недостаточно быстро, — заметил он. — Значительное число стран Мадонны считает Бетагемот Божьей карой за грехи Северной Америки. По крайней мере таково официальное мнение в Италии и Ливии. И, полагаю, в Ботсване.

Кларк фыркнула:

— Грехи Северной *Америки*? Они думают, Бетагемот не переберется через Атлантику?

— Умеренные считают, что смогут сдержать его, — сказала Уэллетт. — А экстремисты просто не хотят. Они не попадут на небеса, пока не наступит конец света.

Она явно думала о чем-то другом, говорила рассеянно, словно отмахиваясь от летающей рядом мошки.

Лабин не мешал ей. В конце концов, она больше всех подходила на роль местного проводника. Может, и придумает что-нибудь.

— Кто вы такие? — спокойным голосом спросила Уэллетт.

— Простите?

— Вы — не дикие. Вы не из анклавов. Уж точно не из УЛН, иначе были бы лучше оснащены. Может, вы — трансаты*, — но тоже не подходит. — Слабая улыбка пробежала по ее лицу. — Вы и сами не знаете, что делаете, разве не так? Вы все выдумываете по ходу дела...

Лабин сохранял бесстрастное выражение лица, а вопрос задал по делу:

— Есть ли причины, по которым не стоит верить тому, что люди могли начать биологическую атаку против Северной Америки, желая просто... ускорить ход событий?

Таку, казалось, этот вопрос насмешил:

— Похоже, вы нечасто наружу выбираетесь.

— Разве я не прав?

— Ты прав, но есть одно «но», — Уэллетт сплюнула на запорошенную пеплом землю. — Куча народу захотела бы оказать помощь Провидению, появившись у них такой шанс. Но это еще не значит, что мы имеем дело с атакой.

— А с чем тогда?

— Возможно, это противоядие.

При этих словах Кларк подняла голову:

— Лекарство?

— Скорее всего, ничего столь личного. Какая-то штука, которая убивает Бетагемот в диких условиях.

* *Трансат* — живущий по другую сторону Атлантического океана.

Лабин внимательно посмотрел на Уэллетт. Та взглянула на него столь же пристально и ответила на невысказанный скептический вопрос:

— Разумеется, там есть немало психов, которые желают конца света. Но, по идее, гораздо больше людей хотят его остановить, разве вы с этим не согласны? И они будут работать так же упорно.

В ее глазах появилось что-то такое, чего не было раньше. Они почти сияли.

Кен кивнул в ответ:

— Но если это некое противоядие, то почему его пытались сбить? И какой смысл доставлять его суборбитальной ракетой? Разве не более разумно дать лекарство местным властям?

Уэллетт закатила глаза:

— *Каким* местным властям?

Кларк нахмурилась:

— А почему не сказать... всем? Вам, к примеру?

— Лори, стоит вынести такое на публику, и ты станешь мишенью для любой страны Мадонны. А что касается противоракетной обороны... — Уэллетт снова повернулась к Лабину: — А у вас на планете когда-нибудь упоминали такое событие, как восстание Рио?

— Расскажите... — попросил Лабин, а сам подумал: «Лори?»

— Да мне и рассказывать особо нечего, — призналась Уэллетт. — Никто в действительности не знает, что произошло. Говорят, кучка «мадонн» проникла в офисы УЛН в Рио-де-Жанейро и вконец там озверела. Стали палить ракетами по всем подряд.

— И кто победил?

— Хорошие парни. По крайней мере Рио стерли с лица земли, неприятности закончились, но кто знает? Некоторые люди говорят, что «лени» вообще ни при чем, а это была своего рода гражданская война между вышед-

шими из-под контроля правонарушителями. Но что бы это ни было, оно произошло очень далеко отсюда. — Така махнула рукой в сторону горизонта. — У нас были свои проблемы. А мораль истории такая: никому не известно, кто сейчас всем заправляет, на чьей они стороне, а мы все висим над пропастью, когтями вцепились в край, и времени на решение Больших Вопросов больше нет. Насколько нам известно, американские боевые спутники сейчас летают на автопилоте, а в наземном центре управления потеряли коды доступа. Или это «лени» ведут учебные стрельбы. Или... или страны Мадонны заслали к нам кого-то. Тот факт, что кто-то стреляет по этим микробам, ничего не доказывает.

Лабин задумался над сказанным:

— Значит, доказательств нет.

— Поэтому я хочу их добыть. Я собираюсь секвенировать эти микроорганизмы. Вы позволите мне доехать до того места или придется топать туда пешком?

Лабин ничего не ответил. Боковым зрением он увидел, как Кларк открыла, но тут же закрыла рот.

— Отлично. — Уэллетт прошла к заднему борту своего фургона и открыла съемную панель.

Лабин позволил ей достать катушку стерипленки и складные носилки с встроенными кольцами «воздушной подушки». Така спокойно взглянула на Кена:

— Контейнер сюда влезет?

Тот кивнул.

Кларк придержала устройство, пока Уэллетт затягивала наплечные лямки. Така небрежно кивнула, поблагодарив за помощь, и, не оглядываясь, пошла вперед по дороге.

— Ты считаешь, что она неправа, — сказала Кларк, глядя, как силуэт доктора исчезает, колеблясь в поднимающихся от земли тепловых потоках.

— Я не знаю.

— А что, если она права?

— Это не имеет значения.

— Это не имеет значения. — Кларк покачала головой, удивившись. — Кен, ты что, совсем тронулся?

Лабин пожал плечами:

— Если она сумеет раздобыть пригодный образец, мы узнаем Бета-макс это или нет. В любом случае мы сможем поехать в Бангор и с помощью ее допуска проникнем внутрь. После этого все должно...

— Кен, ты вообще ее слушал? Возможно, есть лекарство. От Бетагемота.

Он вздохнул:

— Вот поэтому я и не хотел тебя брать с собой. У тебя есть собственные цели, а мы здесь не для этого. Ты отвлекаешься.

— *Отвлекаюсь?* — Лени удивленно тряхнула головой. — Я говорю о спасении *мира*, Кен. Я вовсе не считаю, что *отвлекаюсь*.

— Нет. Ты считаешь себя проклятой.

Что-то в Лени сразу закрылось.

Он же продолжил тему:

— Как бы там ни было, я с тобой не согласен.

— Да ну.

Лицо Кларк превратилось в бесстрастную маску.

— По-моему, ты всего лишь одержима. Что тоже представляет проблему.

— Ну-ну, продолжай.

— Ты думаешь, что разрушила мир, — Лабин обвел взглядом выжженный ландшафт. — Ты думаешь, это твоя вина. Ты откажешься от цели, пожертвуешь собой, мной. Моментально. Если только увидишь малейший шанс на искупление. Тебе так отвратительна кровь на твоих руках, что ты, не задумываясь, смоешь ее новой кровью.

— Значит, ты вот так думаешь.

Он посмотрел на нее:

— А разве есть что-то такое, чего ты не сделаешь ради возможности вернуть все назад?

Она несколько секунд выдерживала его пристальный взгляд, но в конце концов отвела глаза в сторону. Лабин кивнул.

— На моей памяти ни один обычный человек не принимал Общее Благо настолько близко к сердцу. Мне иногда кажется, что твой мозг каким-то образом состряпал свой собственный Трип Вины.

Лени уставилась в землю под ногами.

— Это ничего не меняет, — шепотом произнесла она после долгого молчания. — Даже если у меня есть личные мотивы...

— Меня не тревожат твои мотивы. Меня тревожит твоя способность к оценке.

— Мы все еще говорим о спасении мира.

— Нет, — отрезал он. — Мы говорим о ком-то, кто пытается это сделать... *возможно*. Мы говорим о целой стране или консорциуме, который лучше оснащен, более информирован, чем пара путешественников со Среднеатлантической гряды. *И...* — Тут он поднял руку, жестом попросив не перебивать: — Мы говорим и о других могущественных силах, которые, *возможно*, пытаются их остановить по причинам, о которых мы можем только догадываться. Или без всякой причины, если рассуждения Уэллетт верны. Это не наша игра, как бы сильно тебе ни хотелось принять в ней участие.

— Наша, Кен, наша. Просто последние пять лет мы ужасно боялись сделать ход.

— И за это время многое изменилось.

Кларк покачала головой:

— Мы должны попытаться.

— Мы даже правил больше не знаем. А что насчет того, что мы действительно можем изменить? Насчет «Атлантиды»? Рифтеров? Аликс? Ты действительно хочешь

пренебречь любым шансом помочь им ради какого-то безнадежного дела?

Лабин тут же понял, что просчитался. Что-то вспыхнуло в ней, такое ледяное, знакомое и совершенно непреклонное.

— Да как ты *смеешь*, — прошипела она. — Тебе всегда было наплевать и на Аликс, и на Грейс, да и на меня тоже, если на то пошло. Ты был готов убить нас всех, ты каждый раз переходил на другую сторону, стоило измениться раскладу. — Кларк с отвращением покачала головой. — Как ты вообще *смеешь* говорить о *верности* и *спасении жизней*. Ты даже и не понимаешь, что это *значит*, если только это тебе не вобьют в башку вместе с параметрами очередного задания.

Лабин должен был знать, что спорить с ней бессмысленно. Ее не интересовали шансы на успех. Она не ставила на разные чаши весов «Атлантиду» и остальной мир, не сравнивала результаты. Все переменные, которые заботили Лени, возникали в ее собственной голове, а чувство вины или одержимость не поддавались анализу затрат и выгод.

Но даже так Кен почувствовал, как после ее слов у него почему-то перехватило горло:

— Лени, я не это имел в виду.

Она подняла руку и отвела глаза, не желая встречаться с ним взглядом. Он ждал.

— Может, это вовсе и не твоя вина, — сказала она, помолчав. — Они просто сконструировали тебя таким.

Он позволил себе проявить любопытство:

— Каким таким?

— Ты же просто муравей-солдат. Прешь вперед, усики к земле, следуешь «приказам», «параметрам задания», «краткосрочным целям», и тебе никогда не приходит в голову мысль поднять голову и увидеть картину целиком.

— Я ее вижу, — спокойно произнес Лабин. — И она намного больше, чем ты желаешь признать.

Она, все еще не глядя на него, покачала головой. Он попытался снова:

— Хорошо. Ты видишь картину целиком: как по-твоему мы должны поступить с этой информацией? Что ты можешь предложить, кроме фантазий? У тебя есть какая-то стратегия «спасения мира», ты же о нем только что говорила?

— У меня есть, — объявила Уэллетт.

Они обернулись. Сложив руки на груди, она стояла позади них возле лазарета. Она, похоже, бросила носилки и кружным путем вернулась назад, пока они не смотрели.

Лабин в удивлении заморгал.

— Ваш образец...

— С той боеголовки, которую вы нашли? Без шансов. Под воздействием трейсеров любое активное вещество распадается на атомы.

Кларк быстро посмотрела на Кена, даже сквозь лед в глазах ее взгляд читался ясно, как двоичная система: «Не по твоим правилам игра пошла, супершпион? Позволил какому-то убогому сельскому доктору обойти тебя на повороте?»

— Но я знаю, как мы можем *добыть* образец, — продолжила Уэллетт, глядя прямо на Кларк. — И я могла бы воспользоваться вашей помощью.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Така пришла слишком поздно. Если бы она услышала, с чего начался разговор, подумала Кларк, то не захотела бы иметь с нею ничего общего.

У хорошего врача всегда есть контакты на местах, так говорила Уэллетт. Те, кого она спасла или кому купила время. Те, чьих любимых она избавила от страданий. Случайные дилеры: торговцы пустошей, которые могли добывать лекарства или запчасти в обмен на другие

предметы. Они не имели ничего общего с альтруизмом, но могли спасти жизнь, когда до ближайшего подъемника с припасами оставалась еще целая неделя.

У всех из них было здоровое чувство корысти. Все они знали друг друга.

Лабин, конечно же, отнесся к идее скептически. Или же, подумала Кларк, просто так вел себя. Это была его фишка, манера поведения. И никак иначе. Никто в здравом уме не отвернулся бы от пусть и слабого, но шанса отменить хотя бы часть того...

«...того, что я сделала».

Тут-то и заключалась загвоздка, и Лабин — черт бы его побрал — прекрасно все понимал. Когда ты помогла разрушить мир, когда испытывала острое, ни с чем не сравнимое удовольствие, глядя на его предсмертную агонию, то очень трудно потрясать моралью перед тем, кто просто не слишком хочет его спасать. Даже если это было давно. Даже если ты уже совсем изменилась. Если и существовало истечение срока давности за землеубийство, то каких-то жалких пяти лет для него точно не хватило бы.

Уэллетт предложила двигаться на юг, к руинам Портленда. Конечно, подключиться к базе данных оттуда было невозможно, но так они ближе подбирались к Бостону. Кроме того, в этих местах Уэллетт была *официальной персоной*, человеком с полномочиями и удостоверением. По местным меркам, она вполне сходилась за представительницу власти и, возможно, даже могла провести их прямо через парадную дверь.

— Представители власти не раскатывают по округе, раздавая дермы всем подряд, — заметил Лабин.

— Да? А чего за последнюю неделю добился ты? По-прежнему думаешь, что сможешь хакнуть мировую нервную систему, хотя все запасные входы у нее давно сожгли?

В конце концов он согласился, но с оговорками. Они будут действовать согласно плану Уэллетт, пока им по

пути. Они воспользуются лазаретом только после того, как вырвут все охранные устройства; причем Лабин проследит за тем, чтобы Така сотрудничала, а Кларк станет выполнять ее указания и сделает всю грязную работу.

Кабина мобильного лазарета являла собой чудо экономии пространства. Две складные койки разместились за сиденьями, а около дальней стенки между циркулятором Кальвина и полевым медицинским интерфейсом приютилась крохотная душевая. Но больше всего Кларк поразило количество ловушек в лазарете. Газовые канистры, соединенные с вентиляционной системой. Тазер-иглы в подушках сидений, готовые по команде или при касании пронзить и плоть, и одежду любой плотности. Под приборной панелью разместился световой стимулятор — направленный инфракрасный стробоскоп, излучение которого проникало сквозь закрытые веки и вызывало судороги. Уэллетт перечислила каждое устройство, Лабин стоял за ее спиной, а Кларк ползала по фургону с ящиком для инструментов и выдергивала провода. Лени понятия не имела, все ли отключила — по ее мнению, Така вполне могла припасти туз в рукаве на будущее, — но Лабин был менее доверчив, чем она, но, тем не менее, остался доволен.

На разоружение кабины ушел час. Потом Уэллетт спросила, не хотят ли они отключить и внешние устройства безопасности, и, когда Лабин отрицательно покачал головой, она, казалось, даже разочаровалась.

Они разделились. Лабин решил вести «Вакиту» дальше вдоль берега и попытаться самостоятельно проникнуть в Портленд; Кларк же будет сопровождать Уэллетт до встречи на одной из точек маршрута, держа при себе копию кода Бета-макса.

— О Бета-максе ей раньше времени не говори, — предупредил Лабин Лени, когда Така не могла их подслушать.

— Почему?

— Потому что он лишает нас единственной защиты от Бетагемота. В тот момент, когда она поймет, что нечто подобное существует, ее приоритеты перевернутся с ног на голову.

Поначалу Кларк удивило то, что Лабин решил оставить обеих без присмотра; даже без своего рефлекса на убийство он плохо относился к потенциальным утечкам в безопасности, к тому же знал, что Кларк раздражают выбранные им цели миссии. Кен и в лучшие времена не отличался доверчивостью; как он мог поручиться за то, что женщины не отправятся вглубь страны прочь от берега и не оставят его одного?

И только тогда, когда они разошлись, Кларк поняла. Лабин надеялся, что все будет именно так.

Они ехали по разоренной земле, где выскоблили даже намеки на жизнь. Мобильный лазарет, построенный для езды по пересеченной местности, взбирался на поваленные стволы деревьев, кроша их своими колесами. Огибали ямы, заполненные пеплом и сажей, ехал напрямую там, где вихри и порывы ветра, подобно крохотным антарктическим метелям, намели на вновь замерзший асфальт многосантиметровый слой серой пыли. Они дважды проехали мимо неисправных рекламных щитов, наполовину вплавленных в камень; их решетка покоробилась и все еще упрямо пыталась работать, хотя они уже не рекламировали ничего, кроме мерцающих разноцветных разводов собственного теплового шока.

Потом начался дождь. Пепел превратился в пасту, облепив капот каплями, похожими на папье-маше. Некоторые из них оказались настолько тяжелыми, что добрались до ветрового стекла, оставляя еле заметные пятна, пока статическое поле не отбрасывало их прочь.

За все время пассажиры не обменялись друг с другом ни единым словом. Незнакомая музыка заполняла тиши-

ну — архаичные композиции с резкими фортепианными аккордами и нервирующими струнными. Уэллетт, похоже, нравилось. Она рулила, а Кларк смотрела в окно, размышляя о распределении ущерба. Какая часть из этих разрушений лежит на ее совести? А какая на демонах, что приняли ее имя?

Выжженная зона осталась, в конце концов, позади. Теперь по обочинам дороги росла настоящая трава, из кюветов выглядывали редкие кустарники, настоящие ели нависали с двух сторон, как ряды оборванных голодных палочников. Конечно, сейчас они были уже не зелеными, а коричневыми или только начинали буреть, словно вокруг стояла бесконечная засуха.

Этот дождь им не поможет. Растения еще держались — некоторые даже до сих пор непокорно размахивали зелеными листьями, словно флагами, — но Бетагемот был повсюду — неумолимый, он не думал о времени. Кое-где его скопления казались настолько обильными, что были различимы и невооруженным глазом: пятна охряной плесени покрывали траву, опоясывали стволы деревьев. И все-таки вид всей этой растительности — пусть уже практически мертвой, но, по крайней мере, физически *нетронутой* — казался поводом для хоть малого, но праздника, особенно после крематория, из которого они только что выбрались.

— А вы их когда-нибудь снимаете? — спросила Уэллетт.

— Простите? — Кларк очнулась. Доктор включила автопилот в простом режиме — фургон катился по дороге без всяких опасных экскурсов в систему GPS.

— Эти накладки у вас на глазах. Вы когда-нибудь?..

— О нет. Обычно нет.

— Линзы ночного видения?

— Вроде того.

Уэллетт поджала губы:

— Я такие видела раньше, их все носили еще до того, как всё пошло к чертям. У них было целых двадцать минут славы.

— Там, откуда я приехала, они и сейчас популярны. — Кларк посмотрела в боковое стекло, по которому стекали дождевые струи. — Среди моего племени.

— Племени? Вы что, из Африки приплыли?

Кларк беззлобно хмыкнула:

— О нет. «Мне до Африки было плыть еще пол-Атлантики...»

— Я и не сомневалась. У вас нет меланина, хотя сейчас это не много значит. Да и тутси* сюда не приедут, разве только позлорадствовать.

— Позлорадствовать?

— Поймите, мы даже их обвинить в этом не можем. У них не осталось никого старше сорока лет. По их мнению, «огненная ведьма» — это по-настоящему поэтическое правосудие.

Кларк пожала плечами.

— Ну, если не из Африки, — Уэллетт не отставала, — может, вы с Марса?

— Почему вы так думаете?

— Вы определенно не из этих мест. Вы приняли Мири за скорую помощь. — Она ласково провела ладонью по приборной панели. — Вам ничего не известно о «лени»...

Кларк стиснула зубы, неожиданно разозлившись:

— Я знаю о них. Отвратительный эволюционирующий код, который живет в Водовороте и плодит одно дерьмо. Икона мести для некоторых стран, которые ненавидят вас всех до мозга костей. И пока мы не сошли с темы, может, ты объяснишь: мыкаешься тут, раздаешь дермы, убиваешь из милосердия, в то время как все Восточное

* *Тутси* — народ в Центральной Африке численностью около 2 млн человек.

полушарие мечет лекарство прямо тебе на голову? Вот ты не была на Марсе, но все равно как-то явно не в курсе последних событий.

Уэллетт с любопытством посмотрела на Кларк:

— Вот опять.

— *Что?*

— «В Водовороте». Уже много лет я не слышала, чтобы кто-то использовал это слово.

— И что с этого? Какая разница?

— Ну ладно тебе, Лори. Вы с напарником появляетесь в самой глуши, захватываете мой фургон, и вас даже в принципе нельзя назвать нормальными — разумеется, я хочу узнать, откуда вы прибыли.

Злость Кларк прошла так же внезапно, как и вспыхнула:

— Прости.

— Я, кстати, все еще кто-то вроде почетного пленника, и, можно сказать, ты обязана мне кое-что объяснить.

— Мы прятались, — выпалила Кларк.

— Прятались. — Уэллетт, кажется, даже не удивилась. — А где можно так долго прятаться?

— Как выяснилось, нигде. Поэтому мы вернулись.

— Ты — корп?

— Я что, похожа на корпа?

— Ты похожа на глубоководную ныряльщицу или кого-то вроде. — Она показала на отверстие в груди Кларк: — Электролизный приемник, верно?

Кларк кивнула.

— Значит, все это время вы прятались под водой. Хмм. — Уэллетт покачала головой. — А я думала на орбите.

— Почему?

— Да слухи такие гуляют. Когда «огненная ведьма» только появилась, когда пошли бунты, тогда же многие начали говорить, что несколько сотен высокопоставленных

корпов вдруг исчезли с лица земли. Такое, на мой взгляд, доказать в принципе невозможно, так как этих людей никто во плоти и не видел. Насколько нам известно, они вполне могли быть симуляциями. В общем, сама знаешь, как быстро разносятся такие слухи. Говорили, к примеру, что все они улетели с какого-то космодрома в Австралии и теперь сидят на орбите в полном комфорте и наблюдают, как гибнет мир.

— Я — не корп, — сказала Кларк.

— Но работаешь на них, — предположила Уэллетт.

— А кто нет?

— Я имею в виду сейчас.

— Сейчас? — Кларк покачала головой. — Думаю, могу честно сказать, что ни Кен, ни я... О, господи!

Тварь выскочила из какого-то потайного укрытия под приборной панелью — сплошные сегменты и щелкающие мандибулы. Она зацепилась за колено Кларк конечностями с кучей суставов и напоминала гибрид кузнечика и сороконожки размером с мизинец. Рука Лени машинально опустилась: маленькое существо лопнуло под ладонью.

— Черт побери, — тяжело дыша, произнесла она. — Что это было?

— Что бы это ни было, оно ничего тебе не сделало.

— Никогда не видела ничего подобного... — Кларк осеклась, посмотрев на собеседницу.

Уэллетт, похоже, расстроилась.

— Это, надеюсь, было не твое домашнее животное?

Абсурдная мысль, конечно. «Хотя не безумнее, чем держать в любимчиках зельц. Интересно, как она...»

— Это было просто насекомое, — сказала Уэллетт. — И оно никого не трогало.

Кларк вытерла ладонь о бедро, размазав хитин и желтую слизь по гидрокостюму.

— Но оно... оно просто неправильное. Я таких вообще никогда не видела.

— Говорю же. Ты отстала от жизни.

— Так эти твари, значит, давно появились?

Уэллетт пожала плечами; похоже, она начала успокаиваться.

— Появляются то тут, то там. По сути, обычные насекомые, только сегментов слишком много. Наверное, мутация гомеозисных генов*, но не знаю, изучал ли их кто-то более детально.

Кларк смотрела на мокрый чахнувший пейзаж, проплывающий за окном.

— А тебя, похоже, сильно тронула судьба этого... насекомого.

— А ты решила, что все вокруг умирает как-то медленно, да? И надо всем помочь в этом деле? — Уэллетт перевела дух. — Прости. Ты права. Я просто... проходит время, и начинаешь им симпатизировать, понимаешь? Когда работаешь тут слишком долго, все кажется... ценным.

Кларк ничего не ответила. Машина обогнула трещину в дороге, закачавшись на рессорах воздушной подушки.

— Я знаю, что в этом мало смысла, — помолчав, признала Уэллетт. — Бетагемот вроде как не так много и изменил.

— Что? Посмотри в окно, Така. Все умирает.

— Все и так умирало. Может, не так быстро.

— Хм. — Кларк взглянула на доктора. — И ты действительно считаешь, что кто-то подбрасывает нам лекарство через бруствер?

— От человеческой глупости? Навряд ли. А от Бетагемота... Кто знает?

* Гомеозисные гены — гены определяющие процессы роста и дифференциации в организме, именно они отвечают за программы развития внутренних органов и тканей (*прим. ред.*).

— И как оно может действовать? В смысле, что еще-то не пробовали?

Уэллетт, покачив головой, негромко рассмеялась:

— Лори, ты меня переоцениваешь. Я понятия не имею. — Она на мгновение задумалась. — В принципе, может быть что-то вроде решения гориллы.

— Никогда о таком не слышала.

— Лет двадцать назад, в Африке. Горилл практически не осталось, а местные подъедали тех, кто выжил. В общем, одной группе по охране природы пришла в голову блестящая идея: они сделали горилл несъедобными.

— Да? И как же?

— С помощью модифицированного варианта Эболы. Гориллам было от него хоть бы хны, а любой человек, решивший отведать их мяса, умирал от внутреннего кровотечения в течение семидесяти двух часов.

Кларк улыбнулась, слегка удивившись:

— А с нами такой трюк можно провернуть?

— У нас соперник покруче. Микробы вырабатывают противоядия быстрее млекопитающих.

— Да, похоже, с гориллами тоже не получилось.

Уэллетт хмыкнула:

— Получилось. Даже слишком

— Так почему они вымерли?

— Мы их истребили. Неприемлемый риск для здоровья человека.

Дождь колотил по крыше кабины, потоки воды струились по боковым стеклам. Капли метили в лобовое стекло, но резко сбивались с курса за несколько сантиметров до цели.

— Така, — сказала Кларк спустя несколько минут. Уэллетт посмотрела на нее.

— А почему люди больше не называют сеть Водоворотом?

Доктор слабо улыбнулась:

— Ты знаешь, почему ее так называли изначально?

— Там стало слишком... тесно. Пользовательские бури, электронная жизнь

Така кивнула.

— Вот это практически исчезло. Физические сети настолько деградировали, что большая часть фауны вымерла, лишившись среды обитания. По эту сторону от стены, по крайней мере... они разбили сеть на сегменты несколько лет назад. Насколько мне известно, где-то там она по-прежнему бурлит, но здесь...

Она посмотрела в окно:

— Здесь Водоворот вышел в реальный мир.

КАРМА

Ахилла Дежардена разбудил крик.

Когда он окончательно проснулся, тот уже стих. Ахилл лежал в темноте и какое-то время размышлял, не приснилось ли это ему: еще не так давно в его снах кричали постоянно. Он задумался, может, он сам себя разбудил, — но такого не случалось уже много лет, с того самого времени, как Дежарден превратился в нового человека.

Вернее, с того самого времени, как Элис выпустила старого человека из подвала.

Обеспокоенный и бодрый, он сразу понял, в чем дело. Крик зародился не в его голове и не в горле, он исходил от машин. Тревога, длившаяся не больше секунды.

Странно.

Он включил имплантаты. Вне черепа по-прежнему царила тьма, но внутри, в затылочных долях коры головного мозга расцвели шесть ярких окон. Он бегло просмотрел основные фиды, потом второстепенные; в первую очередь его интересовали угрозы с другого конца света, с орбиты

или от расхрабrivшегося гражданского, ткнувшегося в ограждения периметра. Он проверил убогие комнаты и коридоры, куда имел доступ скудный дневной штат, хотя сейчас было четыре утра, и в такую рань никто из них не приходил. В вестибюле никого, в зале приемов и на псарнях — тоже. Погрузочные площадки и электростанция в норме. Ракетной атаки не зафиксировано. Даже засора в канализации нет.

Однако он все-таки что-то слышал. В этом Ахилл был уверен. Более того, этот конкретный сигнал тревоги был ему незнаком. За все эти годы машины вокруг из обыкновенных инструментов превратились в друзей, защитников, советников и доверенных слуг. Он досконально изучил их голоса: мягкий писк имплантатов, успокаивающий гул охранной системы здания, утонченные многооктавные аккорды комплекса предупреждения об угрозах. И никто из них тревогу не поднимал.

Дежарден откинул простыни и поднялся с койки. Стоунхендж маячил в нескольких метрах; подкова из рабочих станций и тактических панелей тускло светилась в темноте. Официальное рабочее место Ахилла находилось на много этажей выше; у него была и официальная квартира, не слишком роскошная, но намного более комфортабельная, чем матрас, который он притащил сюда. Время от времени он до сих пор ими пользовался, когда того требовали дела или же когда была важна видимость. Но тут ему нравилось больше всего: в секретном, безопасном импровизированном нервном центре, вздымающемся из узловатого сплетения оптоволоконных корней, растущих прямо из стен. Это был его тронный зал, его цитадель и его бункер. Несмотря на все свое могущество, несмотря на всю неприступность его крепости, только здесь, в темном подземелье без окон, Ахилл чувствовал себя в полной безопасности и понимал, насколько это нелепо.

Почесываясь, он плюхнулся в кресло, стоявшее в центре Стоунхенджа, и начал просматривать данные, поступившие по оптоволокну. Мир, как обычно, кишел желтыми и красными иконками, но ничего особо срочного. Ничто не могло вызвать звуковой сигнал тревоги. Дежарден свел все сообщения в один список и отсортировал их по времени поступления; если что и случилось, то прямо сейчас. Так: плавление ЦЕЗАРЬ-реактора в Луисвилле, сбой статического поля в Боулдере, налажена связь с парой точек наблюдения в Аляске. Опять какая-то болтовня о мутировавших жуках и растениях на границе с Панамой...

Что-то еле заметно прикоснулось к его ноге. Ахилл бросил взгляд вниз.

Мандельброт уставилась на него одним глазом. Второго не было. Вместо него зияла темная липкая дыра, полморды оторвало начисто. В полутьме бок кошки казался скользким и черным. Сквозь спутанную шерсть виднелись внутренности.

Мандельброт качалась, как пьяная, все еще подняв переднюю лапу. Открыла рот. И упала с едва слышным «мяу».

«О Боже, нет. О Боже, пожалуйста, только не это».

Он впопыхах набрал номер, даже не включив свет. Мандельброт, истекающая кровью, лежала в луже собственных кишок.

«О Господи, пожалуйста. Она умирает. Сделай так, чтобы она не умерла».

— Привет — застрекотал неживой голос. — Трев Сойер слушает.

Черт побери. Это был автомат, и у Дежардена сейчас не было времени возиться с ветками диалога. Он прервал вызов и вошел в местный каталог адресов:

— Мой ветеринар. Домашний телефон. Все блокировки вырубить.

Где-то в Садбери начал звонить запястник Сойера.

— Ты опять полезла в псарни? — Мандельброт лежала на боку, ее грудная клетка поднималась и опускалась. — Глупая кошка, ты так любила дразнить этих монстров. Поняла, как... о, господи, как ты вообще смогла вернуться. Не умирай. Пожалуйста, не умирай.

Сойер упорно молчал.

«Ответь на звонок, сука! Это же чрезвычайная ситуация! Где тебя черти носят в четыре утра?»

Лапы Мандельброт дергались и сжимались, словно во сне, словно под током. Дежардену хотелось дотронуться до нее, остановить кровотечение, выпрямить позвоночник, да просто погладить, ради всего святого — хоть как-то облегчить ее страдания. Но Ахилл страшно боялся, что неопытным прикосновением сделает только хуже.

«Это моя вина. Это моя вина. Я не должен был пускать тебя повсюду, должен был снизить допуск, ведь ты, в конечном счете, всего лишь кошка, и ты не знаешь, как себя вести. И я так и не потрудился узнать, как звучит твой сигнал тревоги, мне просто не пришло в голову, что я должен...»

Не сон. И с миром все в порядке. Заговорил ветеринарный имплантат, вмонтированный в запястник: короткий вскрик, когда жизненные показатели Мандельброт ушли в красную зону, а потом молчание, когда зубы, или когти, или просто инерция от шока низвели сигнал до шума.

— Алло? — прозвучал невнятный сонный голос.

Дежарден вскинул голову:

— С вами говорит Ахилл Дежарден. Мою кошку сильно изуродовали...

— Что? — недовольно спросил Сойер. — Вы хоть знаете, который сейчас час?

— Простите, я знаю, но это исключительный случай. Моя кошка... о, господи, ее разорвали на части, она едва жива, вы должны...

— Ваша *кошка*, — повторил Соьер. — А зачем вы мне об этом рассказываете?

— Я... вы ведь ветеринар Мандельброт, вы...

Голос был ледяным:

— Я три года как *ничей* ветеринар.

Дежарден вспомнил: всех ветеринаров отправили лечить людей, когда Бетагемот — и сотни сопровождающих ему инфекций — парализовали систему здравоохранения.

— Но вы же все еще... вы же знаете, что нужно... я уверен...

— Мистер Дежарден, вы забыли, который сейчас час. А вы помните, какой сейчас год?

Дежарден покачал головой.

— Да о чем вы говорите? Моя кошка лежит на полу, а ее...

— Прошло пять лет с начала эры Огненной Ведьмы, — продолжил Соьер ледяным тоном. — Люди умирают, мистер Дежарден. *Миллионами*. В таких обстоятельствах даже еду тратить на животных — это постыдно. Ожидать, что я стану тратить время, лекарства и перевязочные средства на лечение раненой кошки, по крайней мере, неприлично.

В глазах Ахилла зашипало. Все вокруг расплылось.

— Пожалуйста... я могу вам помочь. Я могу. Я могу вдвое увеличить норму циркулятора. Воду без ограничений. Я могу отправить на орбиту, черт возьми, если вы этого хотите, и вас, и вашу семью. Все что угодно. Только скажите.

— Хорошо: прекратите расходовать попусту мое время.

— *Да вы знаете, кто я?* — закричал Дежарден.

— Разумеется, знаю. И удивлен, что у правонарушителя — особенно такого выдающегося — так сильно смещены приоритеты. У вас же должен быть иммунитет к такого рода вещам.

— Ну, пожалуйста...

— Спокойной ночи, мистер Дежарден.

«Потеря соединения» — на одном из экранов загорелась очередная желтая иконка.

В углу рта Мандельброт пузырилась кровь. Внутреннее веко скользнуло по окровавленному главному яблоку, но вновь вернулось в прежнее положение.

— Пожалуйста, — всхлипнул Дежарден. — Я не знаю, что...

«Нет, знаешь».

Он склонился над ней, протянул руку, осторожно надавил на вздувшуюся петлю кишечника. Тело Мандельброт дернулось, словно испустило дух. Она едва слышно мяукнула.

— Прости... Прости.

«Ты знаешь, что делать».

Он вспомнил, как Мандельброт вцепилась в лодыжку отца, когда старик навестил его в 48-м. Вспомнил, как Кен Лабин стоял в одних трусах и стирал брюки в ванной: «Твоя кошка меня описала», — сказал он тогда, и в его голосе слышалось невольное уважение. Он вспомнил, как лежал ночами, чувствовал, что мочевого пузырь скоро разорвется, но не смел подняться, боялся потревожить пушистый спящий комок, лежащий на груди.

«Ты знаешь».

Он вспомнил, как Элис пришла на работу с исцарапанными в кровь руками, пытаясь удержать тощего, шипящего котенка, который уже тогда ни от кого не терпел унижений.

— Эй, Кайфолом, хочешь иметь сторожевую кошку? Настоящий хаос во плоти. Поворачивающиеся уши, батарейки не требуются, к тебе в квартиру теперь никто не зайдет без увечий, гарантированно.

«Ты знаешь».

Мандельброт снова начали бить конвульсии.

Он знал.

У него под рукой не было ничего: ни инъекций, ни газа, ни огнестрела. Все пошло на ловушки, и понадобится куча времени, чтобы извлечь оттуда хоть что-нибудь. Комната была голой — только серо-костяные стены и побеги оптоволокну. От нейроиндукционного поля... *будет больно...*

«Черт побери, мне просто кирпич нужен, — подумал он, с трудом сглатывая комок в горле. — Обыкновенный камень, их же куча около домов валяется...»

Не было времени. Мандельброт уже не жила с тех самых пор, как отправилась наверх, от псарни. Она только *страдала*. И Дежарден мог лишь прекратить это и больше ничего.

Он занес ногу над ее головой.

— Ты и я, Сарделька, — прошептал он. — У нас был допуск выше, чем у любого человека на тысячу километров вокруг...

Мандельброт мурлыкнула. Когда она умерла, тело как будто что-то покинуло. Осталась лишь бесхребетная масса на полу.

Дежарден еще какое-то время стоял, держа ногу на весу, на всякий случай. Наконец он опустил ступню на бетонный пол. Мандельброт всегда все делала сама.

— Спасибо тебе, — прошептал Ахилл и заплакал.

Доктор Тревор Соьер проснулся во второй раз за последние два часа. Над его головой огромным кулаком нависала какая-то тень. Она негромко шипела, словно парящая змея.

Он попытался подняться. Не смог: руки и ноги болтались, как резиновые, и не слушались. Лицо покалывало, вялая челюсть отвисла пучком сваренных макарон. Даже язык казался распухшим и дряблым, вывалился изо рта и не двигался.

Сойер смотрел на овальный предмет над кроватью. Тот напоминал черное пасхальное яйцо где-то вполовину его роста, но шире. Его брюхо уродовали с трудом различимые отверстия и пузыри, отражавшие серебристые лучики слабого света, проникавшие из прихожей.

Шипение стихло. Доктор почувствовал, как по щеке червяком сползает тонкая струйка слюны. Он попытался проглотить ее, но не смог.

Он все еще дышал. Хоть что-то.

Пасхальное яйцо издало мягкий щелчок. Откуда-то пошло слабое, едва различимое ухом гудение — то ли поле воздушной подушки, то ли помехи в нервной системе, осечкой стреляющие в ухо.

Это не нейроиндукция. «Овод» даже от земли не оторвался бы, неся такие тяжелые кабели.

«Какой-то нервно-мышечный паралич, — догадался он. — Значит, газ».

Он попытался повернуть голову. Та десятикилограммовым валуном лежала на подушке и не слушалась. Он не мог двинуть глазами. Не мог даже моргнуть.

Сойер слышал, что Сандра тоже проснулась; она дышала часто, но неглубоко.

— Ты, как я вижу, снова заснул, — сказал «овод» знакомым голосом. — Даже глазом не моргнул, верно?

«Дежарден?..»

— Хотя это нормально, — продолжила машина. — Ты оказался прав. Позволь тебе помочь...

«Овод» наклонился носом вниз, пока буквально не уткнулся в щеку Сойера. Мягко боднул ее, словно кот, просящий еду у хозяина. Лежащая на подушке голова Сойера повернулась, и он уставился на детскую кроватку, стоявшую у стены и едва различимую в полутьме.

«О, господи, что...»

Невозможно. Ахилл Дежарден — правонарушитель, а правонарушители... они попросту ничего такого не де-

лали. Не могли. Никто, конечно, официально не признавал этого, но Сойер многое знал и был в курсе. Существовали... ограничения на биохимическом уровне, чтобы правонарушители не злоупотребляли своей властью, не совершали того, что сейчас...

Робот перелетел через спальню. Замер примерно в метре над кроватью. Тонкий полумесяц вращающейся линзы блеснул на его брюхе, фокусируясь.

— Кайла, верно? — прошептал робот. — Семь месяцев, три дня, четырнадцать часов. Доктор Сойер, у вас, наверное, очень особенные гены, если вы решили родить ребенка в таком ужасном мире. Бьюсь об заклад, это до крайности разозлило соседей. Как вы смогли обойти контроль над численностью населения?

«Пожалуйста, — подумал Сойер. — Не трогайте ее. Мне жаль. Я...»

— Держу пари, вы их обманули, — задумчиво продолжила машина. — Держу пари, эта жалкая личинка вообще не должна была появиться на свет. Но ладно. Как я уже сказал, вы были правы. Когда говорили о людях. Они действительно постоянно умирают.

«Пожалуйста. Господи, дай мне сил, верни мне способность двигаться, дай мне сил, чтобы хоть умолять...»

Яркий, как солнце, горящий хоботок лизнул темноту и поджег Кайлу.

«Овод» повернулся и посмотрел на Тренора Сойера черным циклопическим глазом, пока ребенок доктора кричал, обугливаясь.

— Ну вот, один помер прямо сейчас, — заметил робот.

— За Мандельброт, — прошептал Дежарден. — Вечная ей память.

Он освободил «овода», тот вновь принялся наматывать предписанные круги. Бот не сможет ответить ни на один из вопросов, которые неизбежно возникнут после

сегодняшней ночи, даже если кто-то сумеет отследить его присутствие в жилой ячейке 1423 по адресу Кушинг-Скай-уок, 150. Даже сейчас он помнил только обычное патрулирование на выделенном ему участке; ничего другого дрон и не вспомнит, а скоро из-за сбоя в навигации уйдет в самоубийственный штопор прямо в запретную зону вокруг генератора статического поля Садбери. От него не останется даже камер, не говоря уж о журнале событий.

Что касается самих тел, то даже самое поверхностное расследование вскоре откроет недовольство Тренора Сойера насильственным переводом в Корпус здравоохранения, а также прежде неизвестные семейные связи с режимом Мадонны, неожиданно пришедшем к власти в Гане. После такого никто не станет задавать никаких вопросов; люди, связанные с Новым порядком Мадонны, всегда пытались свалить старый. Сойер имел доступ в больницу, медицинский опыт и мог нанести невероятный ущерб законопослушным членам общества. Без него в Садбери стало лучше, и неважно, погиб он по собственной неосторожности или от руки бдительного правонарушителя, который выследил доктора в его собственном логове и с чрезмерным пристрастием положил конец террористической деятельности предателя.

В конце концов, такие хирургические операции случались время от времени. А если за ними стоял правонарушитель, то — по определению — это было для общего блага.

Можно вычеркнуть еще один пункт из списка неотложных дел. Дежарден завернул Мандельброт в футболку и направился на улицу, прижимая окровавленный сверток к обнаженной груди. Он тонул в водовороте эмоций, но внутри у него царила пустота. Ахилл пытался разрешить этот парадокс, поднимаясь на первый этаж.

Конечно, он испытывал горе от потери друга, с которым был неразлучен почти десять лет. Удовлетворение

от мести. И все же — он надеялся на нечто большее, а не только на мрачное чувство уплаченного долга. На что-то более глубокое. Ахилл не испытал радости, когда Тревор Сойер смотрел на собственную жену и ребенка, горящих заживо. Ничего не почувствовал, когда сжег самого доктора — когда плоть с хрустом стала отделяться от костей; когда глазные яблоки, как большие желатиновые личинки, сварились в глазницах — хотя знал, что уже при смерти, все ощущая, Сойер так и не нашел в себе сил даже захныкать.

Радость ускользала от Дежардена. Конечно, он никогда не чувствовал ее раньше, когда выплачивал по счетам, но сейчас надеялся на большее. Разумеется, причина всего этого запала ему в душу гораздо глубже. И все-таки: только печаль, удовлетворение и... что-то еще. Ахилл даже не мог сказать, что именно...

Он вышел на улицу. Бледный утренний свет заливал все вокруг. Мандельброт остывала, и ее тельце уже одеревенело.

Сделав несколько шагов, он обернулся посмотреть на свой замок. На фоне яркого неба он казался огромным, черным и зловещим. До Рио здесь работало столько потенциальных спасателей, что они могли бы заселить небольшой город. А теперь все здание принадлежало только Дежардену.

«Благодарность», — понял Ахилл с удивлением. Он ощущал благодарность за собственную скорбь. Ведь он все еще любил. Все еще мог чувствовать, чувствовать всем сердцем. До этой самой ночи, до этой потери он совсем не был уверен, что способен на такое.

Элис опять оказалась права. Социопат. Он превратился во что-то такое, для чего этот термин был слишком узким.

Возможно, надо пойти и рассказать ей, как только он похоронит Мандельброт.

УКРОЩЕНИЕ

Оставляйте трупы только здесь
Несанкционированная утилизация карается по закону
Закон Северной Америки/УЛН
о биологической опасности 4023-A-25 — п. 5

Загон без крыши, с трех сторон огороженный стенами, находился к югу от шоссе 184 сразу за Эллсуортом. Знак нанесли спреем на дальней стене — умная краска каждые несколько секунд меняла язык надписи. Кларк и Уэллетт стояли у входа, смотря внутрь.

Неровный пол покрывала растрескавшаяся чешуйками корка старой извести, похожая на дно высохшего озера в пустыне. Было видно, что ее сюда не подвозили уже давно. На субстрате лежали четыре тела. Одно лежало аккуратно, ему сложили руки на груди: черное и раздутое, оно кишело личинками, над ним парил ореол из мух. Три других уже высохли и развалились, походя на кучи листьев, разбросанных сильным ветром. У них не хватало конечностей и одной головы.

Уэллетт ткнула пальцем в сторону надписи:

— Да, раньше им было не все равно. Людей бросали за решетку, когда они хоронили любимых в саду за домом. За угрозу общественному здоровью. — Она хмыкнула, вспоминая. — Остановить Бетагемот они не могли. Сопутствующие эпидемии тоже. Зато могли упрятать в тюрьму какую-нибудь несчастную старуху, которая не хотела смотреть, как сжигают тело ее мужа.

Кларк слабо улыбнулась:

— Людям нравится чувствовать себя... какое там слово-то...

— ...инициативными, — предложила Уэллетт.

— Именно так.

Така кивнула:

— Надо отдать им должное, тогда это действительно было проблемой. Тогда тут столько трупов лежало, штабелями, тебе по плечи было бы. Одно время холера убивала больше людей, чем Бетагемот.

Кларк разглядывала крематорий:

— А почему его так далеко поставили?

Уэллетт пожала плечами:

— Тогда они повсюду были.

Лени вошла внутрь загона. Уэллетт остановила ее, положив руку на плечо:

— Ты лучше держись около старых тел. От свежих можно подхватить что угодно.

Кларк дернула плечом, сбросив ладонь доктора:

— А ты сама как?

— Я вакцинирована с ног до головы. Тут ко мне не многое может прицепиться.

Она подошла к трупу с наветренной стороны, хотя легкий бриз смрад почти не разгонял. Кларк держалась подальше, с трудом подавив рвотный позыв, и принялась собирать части тел. Она провела баллоном со стерипленкой две черты, как будто распятие нарисовала, и нажала на закрепитель. Сморщившийся одноногий труп, лежавший у ее ног, заблестел, когда затвердел жидкий пластик.

— А эти еще в хорошей форме, — заметила Уэллетт, распыляя аэрозоль по мертвому телу. — Раньше-то надо было дважды в неделю проверять, если хотела найти берцовую кость, соединенную с коленной чашечкой. У падалыщиков был праздник.

Спря Така не жалела, чему Кларк не удивилась. Доктор, может, и обладала иммунитетом от болезней, гнездившихся в этом трупе, но разносить их тоже не хотела.

— А что изменилось? — спросила Кларк.

— Падалыщиков больше нет.

Кларк ногой перекатила мумифицированные останки и залила аэрозолем другую сторону покойника. Через несколько секунд покрытие затвердело. Она подхватила на руки тело в саване. Лени казалось, что она держит охапку дров. Стерипленка со слабым скрипом терлась о гидрокостюм.

— Просто загрузи его в Мири, — сказала Уэллетт, продолжая орудовать спреем. — Я уже поменяла настройки.

Лазарет высунул язык с правого борта. Мятая серебряная фольга покрывала его горло. Кларк положила останки на поддон, тот втянулся внутрь как только почувствовал груз. Мири сглотнула и закрыла рот.

— Мне надо еще что-нибудь сделать? — спросила Кларк.

— Да нет. Она знает разницу между живым человеком и трупом.

Из машины донесся низкий, еле слышный гул, но быстро прекратился.

Уэллетт вытащила человекоподобный кокон из загона. Раздутое тело полностью скрылось под слоями фибропластика, как будто Така превратилась в какого-то огромного паука и спеленала добычу. Поверхность савана усеивали тела прилипших насекомых. Умирая, они извивались, пытаясь высвободиться из пут.

Кларк подошла помочь доктору и взяла кокон за один конец. Когда они распределили вес, внутри что-то хлюпнуло. Мири разинула рот — уже пустой — идохнула Лени в лицо горячей, пыльной отрыжкой. Наружу выполз язык, словно лазарет превратился в громадного ненасытного птенца.

— А кожа дышит в этой штуке? — спросила Уэллетт, когда Мири проглотила вторую порцию.

— Ты про гидрокостюм?

— Я про обыкновенную кожу. Она под кополимером вообще дышит?

— Да он за пять лет изрядно поизносился. Как видишь, до сих пор жива.

— Но тебе в нем все равно плохо. Он же создан для жизни на глубоководье; сомневаюсь, что на суше он полезен для здоровья, если носить его постоянно.

— А почему нет? — пожала плечами Кларк. — Ткань дышит, обеспечивает терморегуляцию. Мне комфортно, полный гомеостаз.

— Так это в воде, Лори. А у воздуха другие свойства. Скорее всего, у тебя дефицит витамина К.

— Со мной все хорошо, — безразличным тоном ответила Кларк.

Лазарет довольно заурчал.

— Как скажешь... — Уэллетт решила не продолжать тему.

Мири снова разинула рот.

Они прокладывали маршрут по заброшенным дорожным знакам и бортовым картам. Уэллетт упорно отказывалась выходить в сеть. Кларк пришлось задать вопрос по поводу остановок на пути. Белфаст? Кэмден? Фрипорт? Еще до конца света они были лишь непримечательными точками на карте: почему бы не поехать в Бангор, всего-то несколько километров к северу? Туда, где жили люди.

— Теперь уже нет, — сказала Така, перекрикивая неистовые оркестровые качели, которые, по ее словам, сочинил какой-то русский маньяк по фамилии Прокофьев.

— Почему?

— «Города — это кладбища человечества». — Она явно кого-то процитировала. — Существовал какой-то порог, сейчас точную цифру не вспомню. Некое магическое число количества людей на гектар. И любой городской центр его серьезно превышал. В общем, если Бетагемот попадал на территорию с высокой плотностью населения — не говоря уже о болезнях, которые следовали за

ним по пятам, — он распространялся как лесной пожар. Стоило одному чихнуть — заболела сотня. Микробы любят толпу.

— Но в малых городах все было нормально?

— Ну, как видишь, не нормально. Там Бетагемот распространялся медленно, да что я говорю — он распространяется до сих пор. В городках народу было мало, а зимой и того меньше. Землю между ними скупил богачи. — Уэллетт жестом указала на жухлую листву за ветровым стеклом. — Здесь были сплошные частные владения. Состоятельные старые мужчины и женщины, которые не тусовались, имели хорошее медицинское обслуживание. Разумеется, теперь их больше нет.

«Наверное, на „Атлантиду“ отправились, — подумала Кларк. — Некоторые, по крайней мере».

— В общем, когда «огненная ведьма» появилась, у крупных городов было только два выхода, — продолжала Уэллетт. — Либо отгородиться от мира баррикадами и генераторами статического поля, либо помереть. Некоторые не смогли себе позволить генераторы, поэтому остались без вариантов. Я не была в Бангоре с пятьдесят третьего. Насколько я знаю, там даже тела не убрали.

В Бакспорте они встретили первых живых пациентов.

Мири свернула с главной улицы примерно в два часа ночи и остановилась около циркулятора Кальвина от Красного Креста, на панели которого мигал предупреждающий желтый сигнал. Уэллетт осмотрела его, пользуясь светом от старого, оставшегося еще с прежних времен, рекламного щита, работающего на солнечной энергии, тот неумоимо рассказывал всем вокруг о преимуществах умной одежды и диетических проглоттидов.

— Необходимо пополнить запасы, — Така забралась в Мири и вызвала меню.

— А я думала, они получают все необходимое из воздуха, — сказала Кларк. Иначе для чего еще был нужен фотосинтез. Лени, помнится, сильно удивилась, узнав, сколько сложных молекулярных соединений были нечем иным, как комбинациями азота, углерода и кислорода.

— Микроэлементы заканчиваются. — Уэллетт схватила из раздатчика картридж из целлюлозы, заполненный красной и ярко-коричневой пастой. — В этом, например, почти нет железа и калия.

Рекламный щит все еще настойчиво предлагал уже несуществующие товары и одежду и на следующее утро, когда Кларк с трудом втиснулась в туалетную кабинку Мири. Когда она вышла оттуда, к ветровому стеклу прилипли два силуэта.

Она осторожно переступила через Уэллетт и устроилась между двумя ковшеобразными сиденьями. Двое мальчишек-индусов — одному около шести, другой почти подросток — уставились на нее. Склонившись вперед, она посмотрела в ответ. Две пары черных глаз расширились от удивления; младший тоненько вскрикнул. В следующую секунду обоих мальчишек как ветром сдуло.

— Это из-за твоих глаз, — сказала Така.

Кларк обернулась. Доктор сидела, обнимая спинку водительского сиденья, и моргала от утреннего света.

— И костюма, — добавила она. — Серьезно, Лори, ты в этом прикиде похожа на дешевого зомби. — Протянув руку за спину, она постучала по двери стенного шкафа: — Можешь что-нибудь взять у меня.

К своему выдуманному имени Лени уже привыкала. Но непрошенный совет Уэллетт — это совсем другое дело.

Когда они вылезли из машины, около той уже выстроилась очередь из шести человек. Така, улыбаясь, пошла к заднему борту и подняла тент. Кларк, еще не совсем проснувшись, последовала за ней; рты Мири раскрылись, когда она проходила мимо. Серебристая обшивка

исчезла, в цилиндрических стенах теперь виднелась сеть сенсорных датчиков.

Иконки и сигнальные индикаторы мерцали на панели управления в заднем отсеке Мири. Уэллетт машинально пробежала по ним пальцами, следя за собирающимися пациентами.

— Все стоят. Кровотечений не видно. Симптомов Бетагемота тоже. Начало хорошее.

Где-то за полквартала от рекламного щита, из-за угла давно закрытого ресторана показались те самые мальчишки, которых напугала Кларк, они тащили за собой женщину средних лет. Та шла сама и не слушалась подгонявших ее детей, словно те были нетерпеливыми собаками, так и рвущимися с поводка. Еще дальше, аккуратно огибая горы мусора и пробивающиеся сквозь асфальт густые пучки травы, к машине хромал мужчина, опираясь на трость.

— А ведь мы недавно приехали, — пробормотала Кларк.

— Да. Обычно я врубаю музыку на полную катушку, для того чтобы оповестить народ. Но часто в этом нет необходимости.

Кларк окинула взглядом улицу. Уже больше десяти пациентов.

— Новости расходятся быстро.

— И вот так, — ответила Уэллетт, — мы победим.

Уэллетт регулярно останавливалась в Бакспорте. Местные жители знали ее или, по крайней мере, слышали о ней. А она знала их и оказывала помощь; вездесущая музыка Таки тихо доносилась из кабины. Больные и раненные комками непрожеванной пищи проходили через гудящие глубины Мири: иногда хватало нескольких секунд, и на другом конце Уэллетт уже поджидала пациента с дермой, инъекцией или антивирусным препаратом, который надо было всасывать через нос, словно древ-

ний алкалоид*. Часто люди задерживались внутри, пока им связывали кости, сращивали порванные связки или сфокусированными микроволновыми излучениями прижигали злокачественные новообразования. В некоторых случаях проблема была настолько очевидной, что Уэллетт ставила диагноз одним взглядом, а для лечения хватало укола или совета.

Лени помогала, когда могла, но это случалось редко; Мири имела богатый инвентарь, а рыбы укусы среди местных встречались нечасто, поэтому Уэллетт опыт Кларк был практически без надобности. Зато Така с лету обучила ее некоторым основным приемам и отправила на предварительную сортировку больных, выстроившихся в очередь. Но даже тут Лени не всегда улыбалась удача. Правила были достаточно простыми, но молодежь часто шарахалась от Кларк: странная черная кожа, которая словно шла рябью, когда на нее не смотрели; какие-то механизмы в теле; стеклянные, пустые глаза, которые то ли смотрели на тебя, то ли нет, а принадлежали как будто и не человеку, а роботу, занявшему его место.

Кларк стала работать только со взрослыми и начала давать им жизненно важные советы, пока больные ждали своей очереди. В конечном итоге дело заключалось не только в медицинской помощи. У них появились инструкции.

У них появился и план.

Дождитесь ракет, говорила она им. Смотрите на звездopaды; следите, куда упадут осколки, и найдите их. Вот что вы ищете, так оно выглядит. Собирайте любые

* *Алкалоид* — азотосодержащие органические соединения преимущественно растительного происхождения; многие из них являются сильнейшими ядами, многие применяются в медицине в качестве лекарственных препаратов (кофеин, морфин, хинин и др.).

образцы — почву в стеклянные банки с крышкой; махайте тряпками, пока не рассеются аэрозольные облака на месте падения. Чайной ложки достаточно. Заполненная наполовину консервная банка — уже богатство. Берите все, что можете.

Не медлите: могут нагрянуть подъемники. Хватайте все и бегите. Прочь от эпицентра, прячьтесь от огнеметов любыми способами. Расскажите другим, расскажите всем и о цели, и о методе. Но не пользуйтесь ни радио, ни сетью. Ни оптоволоконной, ни беспроводной. Иначе эфир поставит вас раком; доверяйте только словам, произнесенным человеком при вас.

Нас можно найти во Фрипорте, Ратфорде или в городах, расположенных между ними. Приходите к нам, приносите все, что у вас будет.

Надежда есть.

От Огасты по коже Лени поползли мурашки.

Они подъехали с востока, аккуратно в полночь, по шоссе 202. Така свернула с главной дороги на проселок, недолго спускавшийся по пологому склону долины, где протекала река Кеннебек, и припарковалась на каменной гряде, откуда открывался вид на топографию внизу.

На этом берегу реки люди бросили все; дальний выглядел почти так же. Почти все, что было на другом берегу, выглядело так же. Только посреди темных пустых руин, оставшихся от прежних добрых времен, горело яркое ядро. Его нимб отражался от облачной гряды, висящей над головой, отчего пейзаж внизу казался крупнозернистой высококонтрастной фотографией черно-белого цвета.

Кларк почувствовала, как руки и затылок покрываются «гусиной кожей». Даже гидрокостюм как будто начал дрожать, ощущение было настолько неуловимым, что парило где-то на границе воображения.

— Чувствуешь? — спросила Уэллетт.

Кларк кивнула.

— Электростатический генератор. Мы находимся на самом краю поля.

— Значит, в центре еще хуже?

— Внутри нет, разумеется. Поле направлено вовне. Но, чем ближе к периметру, тем больше волосы становятся дыбом. А когда ты внутри, то уже его не чувствуешь. Ну не до такой степени. Есть и другие побочные эффекты.

— Какие?

— Опухоли, — Уэллетт пожала плечами. — Всяко лучше, чем Бетагемот.

Здания и пучки света выступали из темноты, сливаясь воедино, в их очертаниях можно было разглядеть грубые контуры голого мозаичного купола. Новая Огаста, наверное, использовала каждый кубический сантиметр безопасной зоны.

— Мы пойдем туда? — спросила Кларк.

Уэллетт отрицательно покачала головой:

— Мы им не нужны.

— А мы *можем* войти туда?

Огаста хоть и потеряла прежнюю ценность, но доступ к базам данных и безопасной сети там был. Похоже, Лабину все-таки лучше было остаться с ними.

— Типа в увольнительную сходим? Сделаем остановку, заглянем в вирт, примем джакузи? — Врач тихо и беззлобно засмеялась. — Нет, так не получится. Вот, если там случится какая-то авария, нас, может, впустят. А так сейчас каждый сам за себя. Мири приписана к Бостону.

— Значит, ты можешь попасть в Бостон.

Так даже лучше.

— Ночью тут даже красиво, — заметила Уэллетт. — Несмотря на канцерогенные побочные эффекты. Прямо как северное сияние.

Кларк молча наблюдала за ней.

— Тебе не кажется?

Лени решила пока не настаивать на Бостоне:

— Мне все равно, что день, что ночь. Цвета так и так маловато.

— А, да. Глаза. — Уэллетт покосилась на нее. — А ты от такого яркого освещения не устала? Постоянно же.

— Да нет.

— Тебе надо снимать их время от времени для разнообразия. Иногда, когда слишком много видишь, многое пропускаешь.

Кларк улыбнулась:

— Ты как печенье с предсказанием открыла.

Уэллетт повела плечами:

— Да и с больными легче будет общаться. Пациенты станут больше доверять.

— Я не так уж много могу сделать для твоих пациентов.

— Да дело не...

— А если от меня все-таки есть польза, — продолжила Кларк подчеркнуто бесстрастным голосом, — тогда они смогут принять мою помощь, не указывая, что мне носить.

— Хорошо, — протянула Така. — Прости.

Они посидели молча еще какое-то время. Наконец, Уэллетт завела Мири и включила музыку — адреналиновая разноголосица саксофона и электронных ударных как-то не особо укладывалась в ее предпочтения.

— Мы тут не останемся? — спросила Кларк.

— Я от мурашек не могу заснуть. И для Мири тут место неподходящее. Я просто хотела тебе показать виды.

Они поехали дальше по дороге. Вскоре «гусиная кожа» прошла.

Уэллетт вела машину. Музыка сменилась речевой интерлюдией под музыкальный аккомпанемент — какая-то

история о зайце, который потерял свои очки, чтобы это ни значило*.

— А это что такое? — спросила Кларк.

— Музыка двадцатого века. Могу выключить, если тебе...

— Да нет. Все нормально.

Однако Уэллетт все равно выключила. Дальше Мири поехала в тишине.

— Мы можем остановиться когда угодно, — произнесла Кларк через несколько минут.

— Еще немного. Места вокруг городов опасные.

— Я думала, мы уже выехали из-под действия поля.

— Дело не в раке. А в людях. — Уэллетт включила автопилот и откинулась на спинку сиденья. — Тут многие шатаются около анклавов и начинают очень сильно завидовать.

— А что, Мири с ними не справится?

— Порежет на тысячи мелких кусочков, спалит или душит. Мне просто не хочется конфронтаций.

Кларк покачала головой:

— Поверить не могу, что нас не впустили бы в Огасту.

— Я же говорила. Анклавы сами по себе.

— Тогда тебя зачем посылать? Если все такие эгоисты до мозга костей, то какой смысл помогать пустошам?

Уэллетт негромко хмыкнула:

— Где ты была последние пять лет? — Потом махнула рукой: — А, глупый вопрос. Мы тут не из-за альтруизма, Лори. Куча лазаретов, лизунцы...

— Лизунцы?

* Имеется в виду песня «The story of the hare who lost his spectacles» с альбома «A Passion Play» (1973) группы «Джетро Талл» (прим. ред.).

— Пищевые станции. Все это комплекс мер, чтобы держать дикарей подальше от баррикад. Мы им кинем пару подачек, может, у них и пропадет желание притащить Бетагемот к нам домой.

Вполне разумно, с неохотой признала Кларк. И все же...

— Нет. Они не станут посылать самых лучших и самых умных просто сдерживать толпу.

— Вот именно.

— Да, но *ты*...

— А что я? Я что, по-твоему, самая лучшая и самая умная? — Уэллетт хлопнула себя по лбу. — Что, во имя всего живого, навело тебя на эту мысль?

— Я видела, как ты работаешь.

— Ты видела, как я получаю команды от машины и выполняю их, особо не лаяя. Пара дней тренировки, и ты, по большей части, справишься не хуже.

— Така, я не об этом. Я видела, как работают врачи. Ты — совсем другое дело. Твое... — В голову сразу пришло выражение, о котором Така уже говорила: «общение с пациентами». — Тебе не все равно, — закончила она фразу.

— Ох, — Така уставилась куда-то вперед. — Не путай сострадание с компетентностью. Это опасно.

Кларк внимательно посмотрела на нее:

— Опасно. Какое-то странное слово для такой темы.

— В моей профессии компетентность людей не убивает, — ответила Уэллетт. — А вот сострадание может.

— Ты кого-то убила?

— Трудно сказать. Вот в чем сущность некомпетентности. В отличие от умышленного вреда ее не так легко определить.

— И сколько? — спросила Кларк.

Уэллетт перевела взгляд на нее:

— Ты счет ведешь?

— Нет. Прости, — Лени отвернулась.

«Но если бы вела, — подумала она, — то легко заткнула бы тебя за пояс». Она понимала, что такое сравнение несправедливо. Когда чья-то смерть слишком много для тебя значит, она может оказаться куда большим бременем, чем тысяча трупов. Если тебе не все равно.

Если у тебя есть сострадание.

Наконец, они съехали на отдаленную поляну дальше по склону. Уэллетт разложила койку и легла спать, что-то неразборчиво бормоча. Кларк неподвижно сидела в кресле, сквозь ветровое стекло наблюдая за серой ясностью ночи: за серой травой на лугу, за темно-серыми рядами хилых елей, за покрытыми струпами, потертыми камнями. За небом, затянутым облаками, словно покрытым бумажной салфеткой.

Сзади послышался слабый храп.

Пошарив за сиденьем, Лени вытащила свой рюкзак. Сосуд для линз лежал на самом дне — жертва хронического пренебрежения. Она долго держала его в руке, прежде чем открыть.

Каждая линза полностью закрывала роговицу и даже больше. Они сидели плотно и, когда Кларк начала их снимать, словно потянули за собой глазные яблоки, а потом оторвались с легким хлопком.

Впечатление было такое, словно она не просто сняла линзы, а вытащила себе глаза — как будто ослепла. Или вновь оказалась на дне океана, там, где не было никакого света.

Не сказать что это было так уж неприятно.

Поначалу все погрузилось во тьму; пока фотоколлаген пахал за двоих, радужка обленилась, но через некоторое время вспомнила, что надо бы расшириться. Пустоту впереди осветил темно-серый мазок: это слабый ночной свет проникал сквозь ветровое стекло.

Лени на ощупь выбралась из лазарета и прислонилась к его боку. Закрыла дверь так мягко, как могла. Ночной воздух охладил руки и лицо.

Краем глаза она заметила какое-то размытое пятно, которое исчезало, стоило на нем сосредоточиться. Скоро Кларк уже смогла отличить небо от вершин деревьев. Мутная клубящаяся серость над зубчатой тенью, казавшаяся чуть ярче на востоке.

Лени отошла на пару метров от машины и оглянулась назад. Невероятно плавные края Мири чуть ли не сверкали на фоне этого фрактального ландшафта. На западе, сквозь разрыв в облаках, Кларк увидела звезды.

Лени шла дальше.

Из-за отсутствия света она раз шесть спотыкалась о корни и ямы. Но цветовая гамма практически не отличалась от той, что Кларк видела в линзах: серое на сером и черном. Только контрастность и яркость поубавились.

Когда небо начало светлеть на востоке, она увидела, что взбирается по оголенному, усыпанному гравием склону холма с торчащими повсюду пнями — старой лесосеке, которая так и не оправилась от потерь. Ее вырубili задолго до того, как Бетагемот вышел на сцену.

«Все умирает», — сказала тогда Кларк.

А Уэллетт ответила: «Все и так умирало...»

Кларк посмотрела вниз на пройденный путь. Мири стояла, как игрушка, на краю старой лесовозной дороги. Коричневые деревья выстроились по ее дальней стороне и вокруг холма, на котором она стояла. На расчисти, где поднималась Лени, их спилили подчистую.

Внезапно у нее появилась тень. Протянулась вниз по склону силуэтом убитого великана. Кларк обернулась: сияющее красное солнце перевалило через кромку холма. Ребристые облака наверху цветом напоминали радиоактивного лосося. Глядя на них, Лени вспомнила оставленный волнами гофрированный рельеф на пес-

чаном дне, но настолько ярких красок она никогда не видела.

«Может, не так уж и плохо терять зрение каждую ночь, — решила она, — если оно вот так возвращается к тебе каждое утро».

Мгновение, конечно же, прошло. У солнца было всего несколько градусов — узкая полоска чистого неба между лежащей внизу землей и облаками, плывущими сверху. За несколько минут оно поднялось в тяжелую слоистую хмарь, померкнув до бледного пятнышка в безликой серости.

«Аликс», — подумала Кларк.

Скоро проснется Уэллетт, готовясь к еще одному бесцельному дню, проведенному в служении общему благу. Делая добрые дела, которые не имели ни малейшего значения.

«А может, дело не в общем благе, — подумала Кларк. — А в общей нужде».

Она начала спускаться с холма. Когда Кларк добралась до дороги, Уэллетт уже встала. Она мигала, щурясь от утреннего света, и замигала еще больше, когда увидела глаза рифтерши.

— Ты говорила, что можешь меня научить, — сказала Кларк.

ЗВЕЗДОЧЕТ

«Она нормальная, Дэйв, — Така говорила с покойным мужем. — Поначалу пугала, конечно; Крис бы от одного взгляда на нее пулей вылетела из комнаты. В общем, не душа компании. Но с ней все в порядке, Дэйв, поверь. И коли ты не можешь быть со мной, она, по крайней мере, свою долю работы выполняет».

Мири ехала по шоссе I-95 сквозь ветхие останки города под названием Фрипорт. Тот умер, когда исчезла рыба

и туристы, задолго до того, как Бетагемот все расставил по своим местам. Оказавшись в южной части города, они свернули на боковую дорогу, по которой добрались до уединенной бухты. Така обрадовалась, увидев, что чахлый лесок у приливной полосы все еще зеленеет, и даже махнула деревьям рукой.

— А почему именно здесь? — удивленно спросила Лори, когда они высаживались из машины.

— Электрический угорь.

Така открыла крышку зарядки на боку машины и, вытащив розетку, направилась вниз по склону. За ней тянулся кабель. Из-под ног сыпалась в воду галька.

Лори подошла вслед за ней к кромке воды:

— Ну и что?

— Где-то на дне. — Опустившись на колени, Така вытащила сирену из кармана ветровки и опустила ее в воду. — Надеюсь, этот хмырь еще приходит на зов.

В двадцати метрах от берега со дна поднялись пузырьки. Спустя мгновение на поверхности показался угорь и, извиваясь, поплыл к ним, оранжевый и змееподобный. Он выполз на берег возле ног Таки — гигантский светящийся сперматозоид с хвостом, уходящим в глубину. У него были даже клыки: голову уродовал металлический рот с двумя зубцами.

Она подключила розетку. Голова загудела.

— Их припрятали то тут, то там, — объяснила она, — чтобы мы не полностью зависели от подъемников.

Лори смотрела на спокойную поверхность воды в бухте.

— Блок Балларда?

— ЦЕЗАРЬ-реактор.

— Шутишь.

Така покачала головой:

— Автономный, саморегулирующийся, безотходный. По сути просто большой блок с парой охлаждающих ребер. Стоит опустить его в водоем, и он сразу заработает.

У него даже панели управления нет — он автоматически подстраивает напряжение под подключенную линию.

От удивления Лори даже присвистнула.

Така подняла плоский камень и пустила его прыжками по воде:

— А когда Кен появится?

— Это зависит...

— От чего?

— От того, добрался ли он до Портленда. — А потом Лори как-то нерешительно добавила: — И от того, не бросил ли он нас в Пенобскоте.

— Не бросил, — сказал Кен.

Они обернулись. Он стоял у них за спиной.

— Привет. — Выражение лица Лори не изменилось, но тело, казалось, еле заметно расслабилось. — Как все прошло?

Тот покачал головой.

Как будто и не было прошедших двух недель. Появился Кен, такой же зловещий и непонятный, и Лори тут же поблекла. Изменение было едва заметным — она стала держать себя чуть жестче, чуть меньше проявляла эмоции, — но Таке все равно что пощечину залепили. Женщина, которую считала союзницей и даже подругой, исчезла. На ее месте стоял тот человекоподобный шифр, с который Уэллетт впервые столкнулась на склонах тлеющей пустоши четырнадцать дней назад.

Пока Мири заряжалась, Кен и Лори отошли в сторонку и поговорили. Така не слышала, о чем они говорили, но Кен явно рассказывал ей о своей портлендской экспедиции. «Отчет о задании», — решила Уэллетт, наблюдая за ними. Кену это словосочетание очень подходило. Судя по его взгляду и языку тела, поездка не удалась.

«Хотя он всегда так выглядит», — напомнила она себе. Така попыталась представить, что должно произойти, для

того чтобы стереть с этого лица хроническое невозмутимое выражение и добиться хоть какой-то эмоциональной реакции. Может, он изменится, если почувствует угрозу. А может, хватит и газов в лифте.

Когда Мири зарядилась, они направились в город. Лабин втиснулся в пространство между сиденьями. У Таки возникло такое чувство, что он и Лори обмениваются гигабайтами информации, хотя каждый и десяти слов не сказал.

Во Фрипорте Така останавливалась регулярно; она припарковалась на пересечении Мейн-стрит и Ховард возле побитого фасада уже давно покойного магазина одежды. «Пропасть»* — каждый раз, когда она видела его название, то невольно улыбалась. Город в целом, как и многие другие, уже давно умер; в его гниющем теле еще жили отдельные клетки, и некоторые из них уже ждали, когда приехала Мири. Така, тем не менее, все равно на полную громкость включила Стравинского, пусть и ненадолго, оповещая остальных о своем прибытии. Постепенно на улицу стали выходить люди, выныривая из остовов зданий и дырявых корпусов старых рыбацких лодок, которые держали на плаву в какой-то безумной надежде, что «ведьма» боится воды.

Уэллетт и Лори принялись за работу. Кен решил не попадаться пациентам на глаза и остался в кабине; благодаря теньям и динамической тонировке окон Мири снаружи он был практически невидим. Работая на конвейере сломанных рук и гниющей плоти, Така снова спросила о Портленде. Лори пожала плечами, милая, но теперь далекая:

— Проникнуть он туда мог. Но его бы заметили.

Неудивительно. Береговую зону около Портленда выжгли полностью: теперь это было плоское, утыканное дат-

* Имеется в виду сеть магазинов одежды «The Gap».

чиками пространство, и Така просто не представляла, как его можно пересечь незамеченным. На глубине подходы к суше охраняла мембранная оболочка, лишаящая сил. Прокрасться в такое место было невозможно — да и в любой анклав, если на то пошло, — а чтобы прорваться туда силой, у Кена не хватало ресурсов.

Время от времени Уэллетт как бы невзначай бросала взгляды в кабину, продолжая осматривать пациентов. Иногда она замечала две слабые мерцающие точки, смотрящие в ответ, немигающие и неподвижные за черными отражениями.

Она не знала, что он там делает. И не спрашивала.

Все выглядело так, будто ночь превратилась в черную пленку, покрывшую весь мир, а звезды — это проколы, сквозь которые проникает дневной свет.

— Там, — сказал Кен, указывая на запад.

Тонкие иглы, три или четыре. Они скребли небо, оставляя слабые царапины на созвездии Волопаса, и пропали за несколько секунд; если бы не Кен, Така никогда бы их не увидела.

— Ты уверен, что мы в безопасности, — сказала она.

Он сидел слева и при свете звезд казался черным силуэтом на фоне мрака.

— Они уже пролетели над нами, — сказал Кен, но о безопасности говорить не стал.

— А вот и перехватчики, — заметила Лори, сидевшая позади. Возле созвездия Геркулеса на несколько секунд вспыхнули сверхновые — не конденсационные следы, а именно вспышки противоракетных снарядов, сошедших с орбиты. Когда они войдут в атмосферу, то уже опустятся за горизонт.

Было уже за полночь. Они стояли на каменистом холме к югу от Фрипорта. Весь мир — одни звезды и небо, пустой круг земли, видневшийся под горизонтом, был

темен и безлик. Они прибыли, повинувшись звуковому сигналу от планшета Кена, а тот держал связь с перископом, плавающим где-то в океане позади. По всей вероятности, их субмарина — «Вакита», так называла ее Лори, — была еще и звездочетом.

Така могла понять, почему. Млечный Путь казался настолько красивым, что смотреть на него было больно.

— Может, нам повезет, — пробормотала она. Хотя маловероятно; с тех пор как они запустили свой план в действие, прошло всего две атаки, считая эту, а как далеко за такое время могли расползтись слухи?

И все же три атаки за три недели. При таком уровне активности им уже скоро должно повезти...

— Не рассчитывай на это, — сказал Кен.

Уэллетт посмотрела на него и тут же отвернулась. Еще недавно этот человек стоял у нее за спиной, одной рукой слегка сжимая ей шею, и давал Лори указания, как разбирать оружейные системы, чьих названий Така даже не знала. И тогда, и сейчас он был достаточно любезен, так как Уэллетт сотрудничала. Вежлив, так как Уэллетт никогда не становилась у него на пути.

Но у Кена была миссия, и эксперимент Таки по спасению простых людей в нее явно не входил. Кен подыгрывал по каким-то только ему ведомым причинам, но не существовало никаких гарантий, что завтра или послезавтра у него не иссякнет терпение, и он не решит перейти к изначальному плану. Така не знала, в чем тот заключается, но подозревала, что он как-то связан со спасением соратников Лори и Кена, оставшихся на глубине. Уэллетт уже давно уяснила, что расспрашивать об этом ее попутчиков не стоит, но, похоже, для выполнения задания им было нужно как-то проникнуть в портлендский анклав, чего Кен явно сам сделать не смог.

А также угнать лазарет Уэллетт, что мужчина и сделал.

И вот теперь под покровом глубокой ночи она сидела в какой-то глухомани с двумя пустоглазыми энигмами. Под периодическим товариществом, человеколюбивой помощью и хитроумными планами скрывался один неопровержимый факт: Така была пленницей. Вот уже несколько недель.

«Как я могла забыть об этом?» — удивилась она и сама же ответила на свой вопрос: просто ее не трогали... пока. Ей не угрожали... в последнее время. Похитители не увлекались насилием ради насилия; а в пустошах было не отыскать более убедительного доказательства цивилизованного поведения. Так просто забыла, что находится в опасности.

И поступила глупо, если посмотреть на вещи трезво. После неудачи в Портленде Лабин мог легко вернуться к «плану А» и забрать машину. Неизвестно, согласиться с ним Лори или нет — Така надеялась, что под этим вновь появившимся холодным фасадом сохранилась хоть какая-то привязанность, — но в любом случае большой разницы от этого не будет.

И было совершенно непонятно, что похитители станут делать, если Така попытается встать у них на пути. Или когда исчерпают «более эффективные альтернативы». В лучшем случае ее могли выбросить где-нибудь в пустошах — иммунизированного ангела с подрезанными крыльями и без помощи Мири, если очередной красноглазый решит поискать спасения.

— Я получаю сигнал из Монреаля, — объявил Кен. — Зашифрованный. Похоже, скремблирование*.

— Подъемники? — предположила Лори, Кен утвердительно хмыкнул.

Така откашлялась:

* *Скремблирование* — шифрование путем перестановки и инвертирования групп символов или участков спектра.

— Я на секунду. Очень писать хочется.

— Я с тобой, — тут же ответила Лори.

— Да не глупи ты, — Така махнула рукой в темноту, туда, где из редкого леса поднимался холм, на вершине которого они сидели. — Я и отойду всего на пару метров. Не заблужусь.

Два освещенных звездами силуэта повернулись и посмотрели на нее, не произнося ни слова. Така сглотнула и сделала шаг вниз по склону.

Кен и Лори не сдвинулись с места.

Еще один шаг. Еще. Нога ступила на камень, Уэллетт чуть не упала.

Похитители снова занялись тактикой и техникой. Така осторожно спускалась вниз. Звездный свет набрасывал силуэты препятствий на пути. Хотя луна не мешала бы; Уэллетт дважды споткнулась, прежде чем перед ней появился лес, зубчатая черная полоса, поглотившая небо.

Спустя несколько секунд он поглотил и Таку.

Она посмотрела на холм сквозь заросли кустарников и стволы деревьев; Кен и Лори все еще стояли на вершине неподвижными темными трафаретами. Така не знала, видят ли они ее, смотрят ли в ее сторону. На открытом месте Уэллетт заметили бы сразу. Но даже глаза ночных созданий бессильны перед стволами деревьев.

В ее распоряжении было самое большее несколько минут — после этого они поймут, что она сбежала.

Она пошла так быстро, как могла, изо всех сил стараясь не шуметь. К счастью, подлеска почти не было; и в лучшие времена солнце с трудом проникало сквозь густой лиственный полог, а сейчас... сейчас недостаток света явно не был главным сдерживающим фактором. Така пробиралась на ощупь сквозь лабиринт из вертикальных стволов, устилающих землю сухих листьев и почвы, гнилой от Бетагемота. Низко растущие ветви

цеплялись за лицо. Корявые старые деревья появлялись из темноты буквально в метре от Уэллетт, а молодая тонкая поросль хлестала вообще без какого-либо предупреждения.

Така споткнулась о корень, остановилась, закусила губу, чтобы не закричать от боли. Падая, она вытянула руку и уперлась в упавшую ветку. Та треснула, и эхо pistolетным выстрелом разнеслось по лесу. Уэллетт лежала, скрючившись, на земле, баюкая ободранную ладонь и прислушиваясь, не идут ли какие-то звуки с холма.

Ничего.

Она снова двинулась в путь. Склон стал более крутым и более коварным. Деревья, попадавшие на встречу, походили на скелеты, сухие и ломкие, и были только рады выдать ее каждым сломавшимся сучком. Одно из них поймало ее под колено: Така рухнула на землю и остановиться уже не смогла — покатила по склону, ударяясь о камни и поваленные стволы деревьев.

Земля, казалось, исчезла. Неожиданно она почти обрела способность видеть. Широкая тускло-серая полоса устремилась к ней; она сразу поняла, что это, — еще до того, как та ударила ее, содрав кожу с предплечья.

Это была дорога. Дорога, словно подол огибавшая эту сторону холма. Уэллетт припарковала Мири где-то поблизости.

Така встала на ноги и огляделась. Заранее спланировать спуск с холма она не могла, а потому, где конкретно шлепнулась на дорогу, не знала. Подумав, она повернула направо и побежала.

Слава Богу, на дороге никого не было, а тусклого гравийного альбеда* хватало, чтобы не сбиться с пути. Дорога плавно разматывалась вокруг склона холма, дробленный

* *Альбеда* — величина, характеризующая отражательную способность любой поверхности.

камень хрустел под ногами, и вдруг что-то блеснуло во тьме впереди, что-то с прямыми линиями и блестящее в звездном свете...

«О, слава Богу. Да. Да!»

Она распахнула водительскую дверь и, тяжело дыша, ввалилась внутрь.

И тут засомневалась.

«И что ты хочешь сделать? Сбежать от всего, что пыталась делать за последние две недели? Просто уехать и дать „ведьме“ победить, хотя, может, и есть способ остановить ее? Рано или поздно кто-то найдет золотую жилу, а ты сказала принести образцы сюда. Что произойдет, если они объявятся, а ты уже смоешься, поджав хвост?»

Хочешь позвать на помощь? Думаешь, она придет прежде, чем Кен и Лори разделаются с тобой или просто запрыгнут в свою субмарину и уплывут куда-нибудь в Марианскую впадину? Думаешь, помощь вообще придет? В наше-то время? А что, если предупредишь врага, Така? Как насчет тех, кто пытается остановить то, чему ты стараешься помочь? Ты хочешь всем рискнуть только потому, что парочка эмоционально неустойчивых типов со странными глазами могут тебя тронуть, если ты их разозлишь?»

Така покачала головой. Безумие какое-то. У нее была всего пара секунд, прежде чем Кен и Лори ее обнаружат. И от ее решения прямо сейчас зависит судьба Новой Англии, а может, и всей Северной Америки. Спешить нельзя, но времени-то нет...

«Мне нужно время, надо уехать ненадолго. Мне нужно все обдумать». Она ткнула в клавишу зажигания.

Мири не завелась.

Еще раз. Ничего. И только в голове воспоминания о том, как Кен сидел здесь, в этой кабине, сверкал глазами в окружении всех этих схем, о которых, похоже, знал так много.

Она закрыла глаза. А когда открыла их снова, он смотрел прямо на нее.

Кен открыл дверь.

— Что-то не так? — спросил он.

Така вздохнула. В тишине сочилась кровь из саднящих царапин.

Лори открыла пассажирскую дверь и влезла в кабину.

— Давай поедem обратно, — произнесла она чуть ли не нежно.

— Я... почему...

— Давай, — сказал Кен, указав на приборную панель.

Така нажала большим пальцем на клавишу зажигания. Мири, заурчав, мгновенно ожила.

Она вышла из кабины, дав Лабину залезть внутрь. Небо над головой сплошь усеивали звезды.

«О Дэвид, — подумала она. — Как жаль, что тебя нет рядом».

СПЯЩИЙ

На следующее утро в десять часов тридцать минут все изменилось.

Мотоцикл показался в конце улицы и сразу принялся спорить со своим наездником о том, как лучше обогнуть выбоину размером с Арканзас. Это был «Кавасаки» последней модели, сошедший с конвейера перед пришествием «огненной ведьмы», со стабилизаторами воздушной подушки, отчего машина практически не могла перевернуться; иначе она уже давно полетела бы вверх тормашками и врезалась в рекламный щит, работающий на солнечных батареях, на котором даже спустя столько лет мертвые знаменитости, мерца, продавали усилители иммунитета от «Джонсон и Джонсон». Вместо этого «Кавасаки» всего лишь наклонился под каким-то немислимо острым углом, затем выпрямился, приняв прежнее

положение, и, повернув, остановился между Мири и кучкой одичавших ребятишек, ожидающих какой-нибудь халявы.

В густом мраке «Пропасти», позади вновь прибывшего сверкнули белые глаза Кена.

Мотоциклист был страшно худым, весь в лохмотьях, с нечесаной шевелюрой криво подстриженных каштановых волос. На грязной коже едва виднелись редкие усы, указывавшие на возраст около шестнадцати лет.

— Вы тот самый врач с ракетами?

— Я тот самый врач, которого *интересуют* ракеты, — поправила его Така.

— А я — Рикеттс. Вот.

Он сунул руку под изношенную термокуртку из хромо-вой кожи и вытащил герметизируемый пакет со страшно грязным бельем.

Така аккуратно взяла его, стараясь держать подальше от себя:

— Что это?

Рикеттс перечислил по пальцам:

— Брюки, рубашка и один носок. Им пришлось импровизировать, ну вы понимаете. А у меня была только одна сумка, и к тому же я находился очень далеко оттуда, на другом задании.

Лори вылезла из кабины:

— Така?

— Привет, — протянул Рикеттс и оценивающе улыбнулся: один зуб обломан, два отсутствуют, остальные в четырех оттенках желтого. Он осмотрел Лори, как штрихкод считал. Винить его Така не могла: в новом мире любая женщина с чистой кожей и полным набором зубов по умолчанию становилась секс-символом.

Она щелкнула пальцами, чтобы вернуть его в реальный мир.

— Так что это?

— Ах да, — спохватился Рикеттс. — Вег и Морикон нашли одну из этих канистр, о которых вы говорили. Из нее текла какая-то херня. Не рекой, конечно, а знаете, как будто эта штука вспотела. В общем, промочили эти тряпки в той жидкости, — он жестом указал на сумку, — и передали мне. Пришлось гнать всю ночь.

— Откуда? — спросила Така.

— Хотите знать, где мы нашли канистру? В Берлингтоне.

В такую удачу даже не верилось.

— Это в Вермонте, — добавил парень услужливо.

Рядом с Рикеттсом неожиданно появился Кен.

— В Вермонте упали ракеты? — спросил он.

Парень испуганно обернулся. Увидел Кена. Увидел его глаза.

— Шикарные линзы, — одобрительно сказал он. — Я и сам раньше угорал по рифтерской теме.

«Рифтеры», — вспомнила Така. Они обслуживали геотермальные станции на Западном побережье...

— Ракеты, — напомнил Кен. — Помнишь, сколько их было?

— Без понятия. Я сам видел то ли четыре, то ли пять, но сами понимаете...

— Подъемники были? Пожары?

— Да, кто-то говорил, что они могут появиться. Вот почему мы так спешили.

— Так были или не были?

— Да не знаю я. Сразу уехал. Вы же вроде хотели, чтобы вам это вещество доставили как можно скорее?

— Да. Да! — Така не отрывала взгляда от кучи грязного белья в сумке. Ничего прекраснее она в жизни не видела. — Рикеттс, спасибо тебе. Ты даже представить не можешь, насколько это может быть важно.

— Ага, а в качестве благодарности зарядить байк не дадите от вашего агрегата? — Он хлопнул по сиденью

мотоцикла. — Эта штукавина уже на ладан дышит, километров десять осталось... а награды посущественнее у вас нет случайно?

«Награда, — повторяла про себя Така, распутывая кабель для мотоцикла Рикеттса. — Награда будет, если мы все не умрем в ближайшие десять лет».

С изрядной почтительностью она уложила полученное сокровище в пробоотборник, дав Мири срезать упаковку и отделить зерна от плевел. Зерна там явно были, причем это стало понятно не по наличию элементов, а скорее, по их отсутствию: количество Бетагемота в выборке оказалось гораздо ниже обычного. Практически ничтожно.

«„Ведьму“ что-то убивает». Это предварительное объяснение, это *подтверждение* гипотезы, которая за последние недели из надежды превратилась почти в абсолютную уверенность, грозило раздавить все научные предосторожности, которые вбили в Таку во время работы и обучения. Она с трудом умерила радость. Надо провести тесты. Собрать факты. Но какая-то визжащая от счастья первокурсница внутри нее уже знала, что все результаты подтвердят тот самый, первый вывод. Что-то убивало «ведьму»

Вот оно. Среди плесени, грибов и фекальных бактерий оно сияло, как нитка жемчуга, наполовину втоптанная в грязь: генетическая последовательность, которая не имела аналогов в базе Мири. Така вызвала ее наверх и заморгала. «Не может быть». Она тихонько свистнула сквозь зубы

— Ну что? — спросила Лори, сидевшая рядом.

— На это потребуется больше времени, чем я предполагала, — сказала Уэллетт.

— Почему?

— Потому что я до сих пор не видела ничего подобного.

— Может, мы видели, — предположил Кен.

— Не думаю. Если только вы... — Така замолчала. На интерфейсе замигало предупреждение: кто-то просил разрешения загрузить материалы. Она посмотрела на Кена:

— Это ты?

Тот кивнул.

— Это генетический код нового микроорганизма, с которым мы недавно столкнулись.

— Где?

— Не здесь. На изолированной территории.

— В лаборатории? В горах? В Марианской впадине?

Кен ничего не ответил. Его данные терпеливо постучались в дверь Мири.

Наконец, Такапустила их:

— Думаешь, тут то же самое? — спросила она, пока система отфильтровывала вирусы.

— Не исключаю.

— То есть вы держали информацию при себе и показали ее мне только сейчас.

— У тебя только сейчас появился материал, с которым ее можно сравнить.

— Черт тебя подери, Кен. Ты, я вижу, не командный игрок, да?

Ну, хоть один ответ получила: теперь понятно, почему эта пара так долго тут ошивалась.

— Это — не противоядие, — сказала Лори, словно подготавливая Таку к неизбежному разочарованию.

Та вывела данные о новой последовательности.

— Да, вижу, — сказала она, качая головой. — Но это и не наш таинственный микроб.

— Серьезно? — Лори, похоже, сильно удивилась. — Ты так быстро определила, за пять секунд?

— Ваш код — это практически копия Бетагемота.

— Это не так, — уверил ее Кен.

— Тогда какой-то новый штамм. Мне надо посмотреть всю последовательность для верности, но я даже по виду вижу, что это РНК-микроб.

— А биозоль нет?

— Я не знаю, *что* это такое. Это какая-то нуклеиновая кислота, но у сахара тут четырехуглеродное кольцо. Я такого никогда не видела, и в базе данных Мири ничего нет. Придется все делать с нуля.

Кен и Лори обменялись взглядами, они сейчас столько говорили друг другу, но не Уэллетт.

— Не дай нам себя остановить, — сказал Лабин.

Мири могла идентифицировать известные заболевания и лечить те, от которых было лекарство. При этом она умела генерировать случайные варианты обычных целевых антибиотиков и прописывать схемы лечения, которые опережали способности обычных микробов к контрмерам. Мири сращивала сломанные кости, вырезала опухоли и лечила все виды физических травм. Когда дело касалось Бетагемота, она превращалась в паллиативный центр на колесах, но даже так лучше, чем ничего. В целом, передвижной лазарет был чудом современной медицинской технологии, но лишь полевым госпиталем, а не исследовательской лабораторией. Он мог секвенировать новые геномы, если знал матрицу, но создавали его не для этого.

Геномы, базирующиеся на неизвестной матрице, представляли собой проблему совсем иного рода. Этот микроб не имел ничего общего ни с ДНК, ни с РНК — даже с примитивным, едва сворачивающимся в спираль вариантом РНК, от которого зависел Бетагемот. Рикеттс привез что-то совсем иное, и база данных Мири не предназначалась для работы с чем-то подобным...

Таке было наплевать. Она все равно заставила машину работать.

Уэллетт довольно легко нашла матрицу, стоило ей выйти за пределы обычных процедур секвенирования. Та лежала в пыльном углу биомедицинской энциклопедии: ТНК — треозонуклеиновая кислота, впервые синтезированная в начале века. Обычные основания закреплены на треозной сахаро-фосфатной основе, с фосфодиэфирными связями, соединяющими нуклеотиды. В некоторых ранних теоретических работах высказывались предположения, что она могла иметь большое значение, когда жизнь только зарождалась, но все благополучно позабыли об ней после того, как марсианская панспермия* одержала победу.

Новая матрица означала новые гены. Стандартная база данных оказалась практически бесполезной. Расшифровка новых последовательностей с помощью инструментария Мири походила на рытье туннеля чайной ложкой: сделать-то можно, но надо иметь чертовски сильное желание. К счастью, желание Таки было сильным как никогда. Она копала, понимая, что нужно лишь время да парочка неизбежных заходов в тупик.

Слишком много времени. Слишком много тупиков. И больше всего раздражало то, что Така уже *знала* ответ. Знала его еще до того, как начала работу. Каждый кропотливый, трудоемкий, скучный тест убеждал ее в правильности гипотезы. Каждая электрофоретическая группа, каждая виртуальная клякса, каждая полимеразная цепная реакция — все эти случайные бессистемные методики, которые Уэллетт нанизывала друг на друга час за часом, — все они неумолимо и бесстрастно указывали на один и тот же прекрасный ответ.

Не просто прекрасный — восхитительный. Спустя три дня, устав от бесконечных перепроверок и повторений, она решила остановиться на полученных результатах. Она

* *Панспермия* — гипотеза о появлении жизни на Земле в результате переноса с других планет неких зародышей жизни.

представила свои выводы около полудня в бухте с угрем, выбрав ее за уединенность и готовый источник электропитания.

— Это не модификация, — сказала она рифтерам. Одинокaя мокрая чайка осторожно ковыляла среди камней. — Это полностью искусственный микроорганизм, созданный с нуля с одной задачей — побороть Бетагемот на его собственной территории. Его матрица основана на ТНК, что довольно примитивно, но он также использует небольшой отрезок РНК так, как Бетагемот никогда не делал, — а это уже продвинутая способность, эукариотическая. Он использует *пролин* для катализа. Единственную аминокислоту, выполняющую работу целого фермента, — вы хоть представляете себе, сколько пространства при этом экономится?..

Нет. Они не представляли. Пустые взгляды говорили об этом довольно красноречиво.

Така перешла к сути:

— В общем, друзья мои, вывод такой: если этого паренька бросить в культуру с Бетагемотом, он не оставит ему ни единого шанса.

— В культуру... — как бы про себя повторил Кен.

— Нет причин думать, что в естественных условиях он поведет себя иначе. Помните, его спроектировали так, чтобы он мог выжить в этом мире; по плану они, очевидно, хотят вбросить его сюда в аэрозольной форме и предоставить ему полную свободу.

Кен хмыкнул, просматривая на дисплее результаты. Таки:

— А что это?

— Это? Ах да, это полиплоид.

— Полиплоид? — переспросила Лори.

— Ну вы же знаете: гаплоид, диплоид, полиплоид. Множественные наборы генов. Они обычно у растений бывают.

— А что он тут делает? — удивился Кен.

— Я обнаружила несколько опасных рецессивных генов, — признала Така. — Может, их вставили намеренно из-за какого-то положительного эффекта, который они имеют в совокупности с другими генами, а может, разработка шла в авральном режиме и они проскочили случайно. Насколько я могу судить, эти избыточные гены включили в структуру для того, чтобы исключить проявление гомозиготности*.

— Смотрится не слишком элегантно, — хмыкнул Кен.

Така нетерпеливо потрянула головой:

— Конечно, решение неуклюжее, но оно быстрое, в смысле, главное... оно работает! *Мы можем одолеть Бетагемот!*

— Если ты права, — задумчиво ответил Кен, — нам надо сражаться не с ним.

— Со странами Мадонны? — предположила Така.

В позе Лори что-то изменилось.

Версия Таки Кена явно не убедила:

— Возможно. Но ракеты, похоже, сбивает Североамериканский оборонительный щит.

— УЛН, — негромко добавила Лори.

Лабин пожал плечами:

— На данный момент УЛН по сути и есть вооруженные силы этого континента. А от централизованных правительств мало что осталось, и Управление никто не держит в узде.

— Это неважно, — сказала Така. — Правонарушители неподкупны.

— Скорее всего, они были такими. До Рио. А теперь кто знает?

* *Гомозиготность* — однородность наследственной основы (генотипа) организма.

— Нет. — Така видела полностью сожженные районы. Вспомнила, как подъемники на горизонте дышали пламенем. — Мы же получаем от них приказы. Мы *все*...

— Тогда тебе лучше держать этот проект поближе к сердцу, — заметил Лабин.

— Но зачем кому-то... — Лори перевела взгляд с Таки на Кена, на ее лице было написано недоверие. — В смысле им-то с этого какой прок?

«А у нее не просто замешательство, — подумала Така. — Еще чувство потери. И боль». Что-то щелкнуло в мозгу Уэллетт: все это время Лори по-настоящему не верила. Помогала, где могла. Заботилась. Приняла версию Таки — по крайней мере, как вариант, — потому что та давала ей возможность исправить положение. И все же только сейчас она, казалось, поняла, что влечет за собой гипотеза Таки, какие масштабные последствия. Только сейчас Лори осознала, что в конечном итоге они борются не с Бетагемотом, а с представителями своего собственного вида. С людьми.

«Странно, — задумалась Така, — как часто все сводится к этому...»

Для Лори все вокруг было не только концом света. Новый враг, казалось, имеет для нее какое-то глубоко интимное значение. Словно кто-то предал лично ее. «Добро пожаловать, — подумала Така, увидев, как из-под непроницаемой маски вновь показалось хрупкое, ранимое создание. — Я по тебе скучала».

— Я не знаю, — наконец, ответила она. — Я не знаю, кто. Не знаю, почему. Но суть в том, что теперь мы это остановим. Мы культивируем этих крошек и пошлем их в бой. — Така взглянула на показатели инкубаторов. — У меня уже есть пять литров готового вещества, а к утру будет двадцать...

«Странно, — подумала она, обратив внимание на мигающую иконку. — Так не должно... это же...»

У Таки перехватило дыхание.

— *Черт побери*, — еле слышно прошептала она.

— Что? — Кен и Лори одновременно подались вперед.

— Лаборатория онлайн. — Она ткнула пальцем в иконку: та продолжала безмятежно мигать. — *Лаборатория онлайн. И она что-то загружает в сеть...* Бог знает что...

Кен уже карабкался наверх по стенке фургона.

— *Дай мне ящик с инструментами*, — отчеканил он, скользя по крыше к маленькой спутниковой тарелке, почему-то поднявшейся из своего гнезда и направленной в небо.

— Что? Я...

Лори нырнула в кабину. Кен дернул тарелку, нарушая связь с какой-то злополучной геостационарной звездой. Неожиданно он вскрикнул и забился, чуть не скатившись на землю. Выгнул спину, а руки и голову поднял от металлического покрытия.

Тарелка начала неуверенно возвращаться на линию связи, оголенные шестерни жалобно скрипели.

— *Черт побери!* — закричала Лори и вывалилась из кабины, рассыпав инструменты. Она с трудом вскочила на ноги и заорала: — Выруби машину! Корпус под напряжением!

Така бросилась к открытой двери. Кен, извиваясь, на спине и локтях полз назад к тарелке, используя гидрокостюм в качестве изолятора. Когда Уэллетт нырнула внутрь — «слава Богу, что мы отключили все внутри», — из чрева Мири послышалось знакомое гудение.

Лазарет запускал оружейный отсек.

GPS включена. Така выключила ее. Та воскресла. Все внешние системы обороны пробудились и жаждали крови. Уэллетт попыталась их отозвать, но они не обратили на нее внимания. Снаружи перекрикивались Кен и Лори.

«Что делать... что...»

Она залезла под панель управления и вскрыла коробку предохранителя. Прерыватели были неуклюжими устройствами на ручном управлении, демоны из электронов до них достать не могли. Така вырубила систему безопасности, связь и GPS. А потом еще и автопилот — так, на всякий случай.

Электрический гул неожиданно смолк.

Она на секунду закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Сквозь открытую дверь доносились голоса, пока Така выбиралась на водительское сиденье.

— Ты как?

— Да нормально. Большую часть разряда принял гидрокостюм.

Уэллетт знала, что произошло. Точнее, опять произошло, поправила она себя, хватая с крючка шлемофон.

Она не была программистом. Управлялась максимум с базовыми программами. Но она была опытным врачом — а даже выпускники из нижней половины списка знают свои инструменты. Така не стала отсоединять медсистемы и теперь вывела архитектурную схему и запустила пересчет модулей.

Там оказались черные ящики. В одном из них, судя по иконке, даже был прямой пользовательский интерфейс. Она включила его.

Перед ней появилась «мадонна», но не произнесла ни слова. Только оскалилась — особой улыбкой, преисполненной ненавистью и триумфом. Какая-то отдаленная и незначительная часть мозга Уэллетт задумалась, какое селективное преимущество получила программа, выработав такую презентацию. Разве устрашение в реальном мире увеличивает приспособляемость в виртуальном?

Но, по большей части, разум Таки сейчас был занят совсем другим, чем-то, что не доходило до нее прежде. Глаза аватара скрывали белые линзы.

Линзы были у каждой «лени», с которой Уэллетт довелось встретиться: лица менялись от демона к демону — разные губы, щеки и носы, разные этнические особенности. Но глаза оставались неизменными — белыми, безликими, как снег.

«Меня зовут Така Уэллетт», — представилась она целую вечность назад.

И эта странная энигма женского пола — которая так близко к сердцу принимала апокалипсис, — ответила: «Ле... Лори».

— Така.

Така встрепенулась, но нет — с ней говорила не эта «лени».

Она сдернула с головы шлемофон. Женщина в черном с механизмами в груди и маленькими ледниками вместо глаз смотрела на нее. Она ничем не походила на то существо из сети. Ни злости, ни ненависти, ни триумфа. Но почему-то именно это бесстрастное лицо из плоти и крови теперь в глазах Таки ассоциировалось с машиной.

— Это была одна из... это была «ле...»... «мадонна», — сказала Уэллетт. — Внутри медсистемы. Я не знаю, сколько времени она там находилась.

— Нам надо ехать, — сказала «Лори».

— Она пряталась. И, скорее всего, шпионила за нами. — Доктор покачала головой. — Я даже не знала, что они могут действовать молча, я думала, они автоматически рвут на части все, что попадаетея под руку...

— «Мадонна» подала сигнал. Надо убираться отсюда, и поскорее, пока не нагрянули подъемники.

— Точно. Точно.

«Така, соберись. Об этом подумаешь позже».

Рядом с «Лори» появился Кен:

— Ты говорила, что у тебя уже готово пять литров культуры. Мы немного возьмем с собой. Ты распространишь

остальное. Поезжай в город, включай сирену, дай хотя бы несколько миллилитров любому, кто сможет выполнить задание, и прячься. Если сможем, мы пересечемся с тобой позже. Список есть?

Така кивнула:

— У местных только шесть человек на колесах. Семь, если Рикеттс еще не уехал.

— Больше никому культуру не давай, — сказал Кен. — Из горячей зоны люди пешком вовремя не выберутся. Также не советую говорить о подъемниках кому-либо кроме тех, кому знать нужно.

Она покачала головой:

— Всем нужно, Кен.

— Люди без машины решат украсть ее у тех, у кого она есть. Я сожалею, но паника может поставить под удар...

— Забудь об этом. Их надо хотя бы предупредить. Если они не смогут обогнать огнеметы, то хотя бы найдут место, где спрятаться.

Кен вздохнул:

— Хорошо. Просто хотел напомнить о риске. Спасая десяток человек сейчас, ты можешь обречь на смерть намного больше потом.

Така не смогла сдержать улыбки:

— А разве ты раньше сам не считал, что всех спасти не стоит?

— Дело не в этом, — вступила в разговор «Лори». — Ему просто нравится, когда люди умирают.

Така удивленно заморгала. В лицах рифтеров не отразилось ничего.

— Надо торопиться, — сказал Кен. — Если они вылетят из Монреаля, у нас всего час.

Лаборатория Мири могла высевать культуру как спереди фургона, так и сзади. Така залезла внутрь лазарета и ввела команды.

— «Лени»?

— Да... — откликнулась «Лори» и тут же замолчала.

— Нет, — тихо сказала Уэллетт. — В смысле, что будем делать с «лени»?

Другая женщина не ответила. Ее лицо походило на маску.

Зато ответил Кен:

— Ты уверена, что она не выберется?

— Я физически отрубил питание систем навигации, связи и GPS, — ответила Така, не сводя глаз со стоявшей перед ней женщины. — Фактически провела этой девочке лоботомию.

— Она не может повредить культуре?

— Не думаю. По крайней мере не исподтишка.

— Значит, ты не уверена.

— Кен, я сейчас ни в чем не уверена.

«Хотя кое о чем уже составила определенное мнение...»

— Она где устроилась? В справочно-аналитическом отделе?

Така кивнула:

— Ей только там места хватило.

— Что произойдет, если его отключить?

— В инкубаторах своя сеть питания. С культурами все должно быть в порядке, если только нам вдруг не понадобится их исследовать.

— Тогда вырубай, — сказал Кен.

Из раздатчика выпал запаянный по швам мешок для образцов, наполовину заполненный жидкостью цвета соломы, и повис на верхней кромке. Тока оторвала его и передала Кену.

— Держите диффузионный фильтр открытым, иначе культура задохнется. А так, в зависимости от температуры, неделю с ней должно быть все в порядке. У вас в подлодке есть лаборатория?

— Только стандартный медотсек, — ответила Лени. — Такого как у тебя нет.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Лабин. — А фильтр морскую воду выдержит?

— Максимум девяносто минут.

— Отлично. Пошли.

Кен развернулся и пошел к берегу.

Така крикнула:

— А что, если...

— Мы потом с тобой встретимся, — ответил он, не оборачиваясь.

— Ну, значит, все тогда, — согласилась Така.

Лени, все еще стоявшая рядом, попыталась некстати улыбнуться.

— А как вы меня найдете? — спросила у нее Така. — Я онлайн выходить не буду.

— Понятно. — Рифтерша сделала шаг к океану. От ее партнера остались только круги на воде. — У Кена полно тузов в рукаве. Он тебя выследит.

Белые глаза, утопленные в плоти и крови. Белые глаза, насмехающиеся в схемах неокортекса Мири.

Белые глаза, несущие огонь, воду и несметное число катастроф на головы невинных по всей Северной Америке. А возможно, и по всему миру.

И обе пары глаз звали *Лени*.

— Вы... — начала Така.

Лени, — Слово, Ставшее Плотью, — покачала головой.

— А ведь и в самом деле, нам надо идти.

ПРИНЦИП ПРОСТОТЫ

Ахилл разводил экзорцистов, когда узнал, что его подозревают.

Настоящая эквилибристика, черт побери. Если сделать этих уродцев неизменными, они не смогут адаптировать-

ся; тогда даже вымирающая фауна, ошиивающаяся в каком-нибудь жалком уколке сети, прожует их и выплюнет. Но если дать генам свободу, отдать мутацию на откуп случайности, то существует большая вероятность, что уже через несколько поколений программа забудет о своем задании. Естественный отбор отсеет любые предзаданные императивы в то самое мгновение, когда те войдут в конфликт с инстинктом выживания.

Стоило выставить баланс неправильно, и агент забывал о миссии и переходил на сторону врага. А тому помощь была не нужна. «Мадонны» — или шредеры, или Золотые рыбки, — за много лет они приобрели немало мифических имен, которые произносили только шепотом, — уже и так зажились в этом гнойном болоте, опровергнув все прогнозы. А не должны были; они коэволюционировали лишь с одной целью — служить интерфейсом между реальным миром и виртуальным, быть рупором для супервидового сообщества, действующего как коллективный организм. И когда большая его часть погибла, когда вымерло девяносто процентов фауны Водоворота, «мадонны» должны были умереть — ибо как жить лицу, если тело отправилось на тот свет?

Но они плюнули на логику и выжили. Они изменились — точнее, изменялись, — превратившись во что-то намного более самодостаточное. Чистое. С чем даже экзорцисты Дежардена едва могли справиться.

А потом «мадонн» стали использовать в военных целях. В желающих недостатка не было. Страны Мадонны, доморощенные террористы, хакеры из культов смерти — все они выпускали их в систему быстрее, чем естественный отбор уничтожал, а без надежной физической инфраструктуры у любого действия есть предел. Лучшие войска в мире не протянут и минуты, если забросить их на зыбучий песок, а кроме песка, Северная Америка сейчас не предлагала ничего: несколько сотен изолированных

крепостей, державшихся из последних сил, чьи жители были слишком напуганы, для того чтобы выйти и починить оптоволокно. Разлагающаяся электронная среда обитания не давала шансов ни фауне, ни человеческим программам, но дикари развивались со скоростью сто генов в секунду и по-прежнему обладали адаптационным преимуществом.

К счастью, Дежарден обладал талантом к экзорцизму. На то существовали причины, не все из них были широко известны, но результаты его работы не оспаривал никто. Даже неэффективные и лицемерные тупицы, спрятавшиеся на другой стороне мира, отдавали ему должное. По крайней мере они, укрывшись за баррикадами, каждый раз аплодировали, когда Ахилл запускал в жизнь новый пакет контрмер.

Правда, как выяснилось, они не только не аплодировали.

Его не посвящали в их дела — да и в принципе не должны были, — но Дежарден был достаточно хорош и суть уловил. Пустил «гончих» по следу: те рыскали в спутниковой связи, вынюхивали случайные информационные пакеты, выискивая цифровые origami, которые могли — после расшифровки, разворота и глажки — содержать слово «Дежарден».

Похоже, люди считали, что он терял хватку.

С этим Ахилл смирился. Никто не смог бы набрать лучшие результаты в схватке с агонией всей планеты, и, если последние месяцы он лажал чуть больше, чем обычно, количество неудач у него все равно было гораздо ниже среднего. Дежарден превосходил любого из тех идиотов, которые тихо ворчали на телеконференциях, совещаниях и разборах полетов после очередного фиаско. А фиаско на этой войне случались все чаще. И все правонарушители знали, насколько хорош Дежарден; ему приходилось постоянно вертеться, лезть из

кожи вон, иначе кто-нибудь из Патруля тут же на него наехал бы.

Тем не менее. Обстановка менялась, появились неприятные звоночки. Обрывки зашифрованных переговоров между ветеранами из Хельсинки, новобранцами из Мельбурна и статищейками среднего звена из Нью-Дели. Недовольство и постоянные просьбы Веймерса, самого короля симуляций, который настаивал, что в его прогнозах должна быть какая-то переменная, вносящая в них хаос. И...

И прямо сейчас несистематический обрывок беседы, вырванный из эфира миньоном Дежардена. Всего пару секунд длиной — из-за засоренного спектра и динамического переключения каналов было практически невозможно схватить больше, не зная начальное число, — но, похоже, сигнал связывал двух «правонарушителей» в Лондоне и Мак-Мердо. Потребовалось сорок секунд и шесть вложенных «байесов», чтобы превратить околесицу во внятную английскую речь.

— Дежарден спас нас от Рио, — спустя несколько мгновений поделился своим профессиональным мнением мистер Мак-Мердо; говорил он с индийским акцентом. — У нас было бы в десять раз больше потерь, неотреагируй он вовремя. Как все те люди слезли с Трипа...

Мисс Лондон:

— А откуда ты знаешь, что они слезли?

Ирландские обертоны. Как соблазнительно.

— погоди. Они без всякой причины напали на большую часть...

— А откуда ты знаешь, что без причины?

— Разумеется, без причины.

— Да почему? Откуда ты знаешь? Может, они увидели угрозу для общего блага и попытались ее остановить?

Драгоценные секунды быстротечного обрывка, потраченные на удивленное молчание. И наконец:

— Хочешь сказать, что...

— Историю написали победители. Историю Рио. А иначе откуда мы узнали, что именно хорошие парни одержали победу?

Конец перехваченного сообщения. Если у Мак-Мердо и был ответ, то поделился он своими соображениями на другой частоте.

«Однако», — подумал Дежарден.

Чушь собачья, конечно. Версия о том, что двадцать один филиал УЛН одновременно пустился во все тяжкие, была едва ли более правдоподобной, чем та, в которой из повиновения вышло лишь Рио. Женщина из Лондона была правонарушительницей, но идиоткой она не была. Она имела понятие о том, что такое принцип простоты. Она попросту морочила голову бедному господину из Мак-Мердо, дразня его.

Но Дежарден все равно задумался. Он уже привык к титулу Человека, Остановившего Рио. Тот часто выручал его и ставил вне подозрений. И то, что были люди, которые хоть на секунду, но ставили его подвиг под сомнение, раздражало.

Такое могло привести к переоценкам. А кто-то мог решить посмотреть на проблему более пристально.

Приборная панель снова подала голос. На мгновение он даже решил, что вопреки вероятности снова перехватил сигнал, — но нет: новое оповещение поступило из другого источника, какой-то широкополосной помойки в штате Мэн.

«Как странно», — подумал он.

«Лени» проникла в медицинскую базу данных и плелась данными на половине частот электромагнитного спектра. Они теперь часто такое выкидывали — недовольные обычной нарезкой и разрушением, некоторые взяли моду кричать в эфире, без всякого разбора сбрасывая материалы в любую сеть, к которой могли получить

доступ. Похоже, какая-то репродуктивная подпрограмма мутировала и начала распространять информацию вместо исполняемых файлов. В лучшем случае она забивала мусором систему, и так с каждым часом теряющую пропускную способность; в худшем — раскрывала секретные и конфиденциальные сведения.

Реальному миру так и так было плохо; потому «лени» этим и занимались.

Сейчас демон выкинул в сеть кучу биомедицинских материалов из очищенной базы данных. Система пометила их как объект «потенциальной эпидемиологической важности». Ахилл приоткрыл крышку и заглянул внутрь.

И немедленно забыл о бредовых сплетнях из Лондона.

Внутри оказалось два объекта, оба кишели опасными патологиями. Дежарден не имел медицинского образования, да оно было и не нужно; друзья и советчики, собравшиеся вокруг него, вытянули из биохимических подробностей сводное резюме, которое даже он мог понять. Теперь ему подали пару генотипов с пометкой «особо опасны». Первый был улучшенной версией Бетагемота: большая сопротивляемость осмотическому стрессу, зубы для расщепления молекул острее. Более высокая вирулентность. Однако, по крайней мере, одна критическая характеристика оставалась неизменной. Подобно базовому Бетагемоту этот новый штамм был оптимизирован для жизни на дне моря.

В стандартной базе данных он отсутствовал, и возникал вопрос, что его технические характеристики делали в какой-то скорой из Бангора.

Нового штамма было вполне достаточно, чтобы привлечь внимание Ахилла, даже если бы он явился в одиночку. Но он привел подругу, и вот она реально оказалась очень крутой. Той самой сучкой, которой так боялся Дежарден. Известие застало его врасплох.

Конечно, он понимал, что рано или поздно Сеппуку возьмет свое.

Но не ожидал, что кто-то прямо в Америке станет ее культивировать.

ЗАГОН

Така проклинала собственную недалёковидность. Слух-то они пустили. Рассказали всем о плане по спасению мира: о том, что нужны образцы, что в зоне падения опасно долго оставаться, что она будет ждать их в определенных местах и заберет груз. Они даже составили список тех, кто водил машину, или мотоцикл, или даже старый добрый велосипед; нашли адреса тех, у кого еще остался дом, а остальным сказали, чтобы регулярно отмечались: если все пойдет хорошо, они помогут спасти мир.

И все действительно пошло хорошо, а потом настолько плохо, да еще так быстро. У них было противоядие или его часть, но никакого заранее обговоренного сигнала для курьеров. И с чего им было так суетиться? Они могли уехать после полудня, отправиться куда-то дальше. Могли бы дожидаться гонцов до завтра или даже до послезавтра, все равно у тех не было постоянного адреса, по которому их можно было разыскать. И вот теперь спасение мира в руках Таки и лишь жалкие шестьдесят минут, чтобы доставить его в безопасное место.

Уэллетт проехала от одного конца Фрипорта до другого, не отключая сирену, она отказалась от музыки, которой изо дня в день объявляла о своем прибытии, в пользу визга, надеясь, что призовет не только больных, но и здоровых.

Приходили и те и другие. Она предупреждала всех и говорила, что надо искать убежище; обещала матери со сломанной рукой и сыну с первой стадией Бетагемота, что

вернется и поможет, когда потухнут пожары. Остальных просила направить к ней шестерых парней с машинами и любого другого, кто имел хоть какой-то транспорт.

Первый объявился спустя тридцать минут. Спустя сорок минут подъехали еще двое; она отдала им драгоценные миллилитры янтарной жидкости и отправила в бегство. Така умоляла их отправить к ней остальных, если водители знали, где те находятся. Если она сама сможет их вовремя найти.

Сорок пять минут — и никого, кроме голодных или слабых. Она прогнала их рассказами об огнедышащих драконах, послала к рыбацкой пристани, когда-то бывшей главной житницей города. Там, если им повезет, они могли прыгнуть в океан: не могли же подъемники выжечь всю Атлантику?

Пятьдесят минут.

«Я не могу ждать».

Но здесь были и другие люди, Така это знала. Люди, которых она сегодня не видела. Люди, которых не предупредила.

«Они не придут, Така. Хочешь их предостеречь, можешь начать бегать от двери до двери. Обойти все дома и лачуги в радиусе двадцати километров. У тебя есть десять минут».

Кен говорил ей, что они могут рассчитывать на шестьдесят. То есть минимум шестьдесят. Подъемники могут прилететь намного, намного позже.

Уэллетт знала, что сказал бы Дейв. У нее два литра культуры. Дейв сказал бы, что она еще сможет сыграть решающую роль, если не будет сидеть и дожидаться, пока вокруг разразится настоящий ад.

Но его может и не случиться. С чего они вообще так решили? Из-за парочки огненных бурь, разразившихся после предотвращенных ракетных атак? А что насчет тех случаев, когда ракеты падали и ничего не происходило?

Ведь они должны были быть. А иногда разгорались пожары, происходили наводнения, но их ничто не предвещало. Корреляция не подразумевает причинно-следственной связи... а тут и корреляция посредственная...

«Но Кену ее хватило».

Но Така совсем не знала Кена. Не знала его фамилии или фамилии Лор... Лени. Если бы пришельцы объяснили ей, кто они такие, то Уэллетт пришлось бы полагаться только на их слова, но похитители не удосужились рассказать пленнице даже это. А теперь она подозревала, что они даже имена себе придумали. Лори, к примеру, оказалась вовсе не Лори.

Така могла лишь верить Лори и Кену, полагаться на свои собственные размышления о том, чего ей не сказали, и думать о тревожащем сходстве между этой женщиной с имплантатами и демонами в сети...

Пятьдесят пять минут.

«Уезжай. Ты сделала все, что могла. Уезжай».

Она завела мотор.

Решившись, Така не оглядывалась. Она ехала по разбитому асфальту так быстро, как могла, думая о том, как бы не перевернуться из-за выбоины. Страх рос вместе со скоростью — словно беспорядочные и заросшие развалины Фрипорта, его жалкие полуголодные обитатели каким-то образом притупили ее инстинкт самосохранения. Теперь, выезжая из города, она чувствовала, что сердце вот-вот выпрыгнет. Мысленно представляла, как сполохи пламени пожирают дорогу позади машины. Така сражалась с дорогой, сражалась с паникой.

«Ты едешь на юг, дура! Мы же были на юге, когда ушел сигнал, они оттуда начнут...»

Вдарив по тормозам, Уэллетт резко свернула на восток. Мири прошла поворот на двух колесах. На асфальт перед ней легла громадная тень, небо над головой внезапно потемнело. В голове сразу возник образ огромных пузырей,

плюющихся огнем, но когда Така осмелилась взглянуть вверх, то увидела лишь нависшие над дорогой древесные кроны, буровато-зеленые полосы мелькали по сторонам, заслоняя слепополуденное солнце.

«Но нет, солнце впереди, оно садится».

Огромная желто-оранжевая капля зависла посередине освещенной арки в конце туннеля из деревьев, прямо над дорогой впереди. Она казалась размытой, так как Уэллетт видела ее под косым углом.

«Почему так поздно? Почему так поздно, ведь полдень был неда...»

Солнце начало поджигать деревья.

Така ударила по тормозам. Ремень безопасности впился в грудную клетку, швырнул обратно на сиденье. Мир погрузился в зловещую тишину: смолкла дробь камушков, летящих с дороги в дно фургона, прекратило дребезжать стукавшееся о стены Мири оборудование, висящее на крюках. Только издали слышался ни на что не похожий треск пламени.

Периметр локализации. Они начали с периферии и двигались к центру.

Така сдала назад, вцепившись в рычаг переключения передач, и начала разворачиваться. Фургон дернулся вбок, наклонился над кюветом. Снова вперед. Обратно, туда, откуда приехала. Шины буксовали в мягкой грязи по обочине.

Сверху послышался какой-то свист, похожий на резкий выдох огромного кита, — этот звук Така еще ребенком слышала в архивах. Сполох пламени затопил дорогу, отрезав ей путь к отходу. Жар проникал сквозь ветровое стекло.

«О, господи! Боже мой!»

Она распахнула дверь. Горячий воздух обжег лицо. Ремень безопасности крепко удерживал ее на месте. Дрожащими пальцами Така с трудом отстегнула его и выпала

на дорогу. Вскочила на ноги, опершись о борт Мири, пластик обжег руки.

Стена пламени неистовствовала буквально в десяти метрах от нее. Еще одна — та, которую Уэллетт по ошибке приняла за заходящее солнце, — полыхала чуть подальше, может быть метрах в шестидесяти, по другую сторону от лазарета. Она укрылась за более прохладным бортом машины. Так лучше. Но долго это не продлится.

«Бери культуру».

Механический стон, звук скручивающегося металла, проникающий до костей. Така посмотрела вверх: прямо над головой, позади мозаики из еще не сгоревших листьев и ветвей, она увидела изломанный силуэт громадного распущенного диска, неуклюже ползущего по небу.

«Бери культуру».

Огонь заблокировал дорогу спереди и сзади. Сквозь умирающий лес Мири пробиться не сможет, а вот Така — да. Все инстинкты, каждый нерв велели ей спастись.

«Бери культуру! БЕГИ!»

Она распахнула пассажирскую дверь и перелезла через сиденье. Иконки, мерцавшие на задней стене кабины, казалось, тормозят намеренно. На приборной панели появилась маленькая гистограмма. Она поднималась со скоростью прилива.

Снова свист.

Лес по другую сторону дороги охватило пламя.

Для побега остался только один путь. «О, боже».

Гистограмма мигнула и исчезла. Панель выдала мешок с образцами, раздутый от жидкости. Така схватила его и побежала.

Свист.

Огонь прямо перед ней пролился с небес, подобно жидкому занавесу.

Пламя окружило Уэллетт со всех сторон.

В течение нескольких бесконечных и ничего не значащих секунд она пристально смотрела на огненную бурю. А потом со вздохом села на землю. Колени оставили углубления в размягчившемся асфальте. Жар, идущий от дороги, обжигал, но плоти было уже все равно. Така с легким удивлением заметила, что лицо и руки оставались сухими; температура испаряла пот из ее пор еще до того, как тот успевал увлажнить кожу. Интересный феномен. Она задумалась, писал ли кто-нибудь об этом.

А впрочем, какая теперь разница.

Все равно ничего уже не поделать.

ПЕРЕБЕЖЧИК

— Как странно, — сказала Лени.

Перископ слегка отошел от берега, так как деревья заслоняли обзор с северо-западной стороны. Полученная картинка оказалась на редкость буколической. Рассмотреть Фрипорт отсюда было невозможно — даже в прежние времена жилые и промышленные здания стояли слишком далеко друг от друга, городского силуэта не получалось, — но, по крайней мере, подъемники Лени уже должна была увидеть. Или пламя, или хотя бы дым.

— Прошло три часа, — сказала Кларк, взглянув на Лабина. — Может, ты успел и сигнал не ушел.

«А может, — подумала она, — мы просто понятия не имеем, что тут происходит».

Лабин сдвинул палец на несколько миллиметров, скользнув по пульта управления. Перископ повернулся влево.

— Может, она успела, — продолжила Кларк. Такие обыденные, безжизненные слова, несмотря на весь заключенный в них смысл: «Может, она спасла мир.

Спасла меня».

— Не думаю, — ответил Лабин.

Столб дыма поднимался из-за гребня холма, окрашивая небо в коричневый цвет.

— Где это? — спросила она, чувствуя, как перехватило горло.

— Прямо на запад.

Они сошли на берег с южной стороны бухты; склон, усталый гладкими камнями и корявым плавником, покрывала слизь из-за Бетагемота. Они следовали за солнцем по грунтовой дороге, которая даже указательных знаков никогда не видела. Поднимающийся к небу столб дыма вел их словно Полярная звезда с эффектом полураспада, растворяясь в небе, пока Лени и Кен шли по проселкам, шоссе и уже на закате добрались до гребня покато́го невысокого холма под названием Снейк-Хилл (судя по тому имени, которое носила дорога, выходящая у его подножия). Перед самыми сумерками Лабин остановился и поднял руку, предупреждая Кларк.

Клубящаяся колонна почти сошла на нет, только несколько дымных нитей еще извивались в небе. Но они могли видеть ее источник: неровный прямоугольник выжженной земли у подножия холма. Вернее сказать, *силуэт* прямоугольника, так как центр его уцелел.

Лабин вынул бинокляр.

— Что-нибудь видишь? — спросила Кларк.

В ответ он только хмыкнул.

— Кен, не таяни. Что там?

Не говоря ни слова, он протянул бинокляр ей.

Когда тот стянул голову, Лени на секунду встревожилась. Внезапно весь мир сделался *огромным* и невероятно четким. Кларк, почувствовав кратковременное головокружение, шагнула вперед из-за внезапной и иллюзорной потери равновесия. Ветви и сморщенные листья размером с обеденные столы проносились мимо, сливаясь в сплошную туманную массу. Она изменила фокусное расстояние,

привыкая к новой картине мира. Стало лучше: перед глазами была выжженная земля, нетронутая полянка по-середине, а еще...

— Черт побери, — пробормотала она.

В центре чистой зоны находилась Мири. Судя по виду, неповрежденная.

Рядом с ней стояла Уэллетт. Она, похоже, беседовала с каким-то предметом свинцового цвета яйцевидной формы: наполовину меньше ее по размеру, он парил в воздухе над поляной. Его панцирь был гладким и обтекаемым, а брюхо щетинилось датчиками и антеннами.

«Овод». Не так давно эти дистанционно управляемые роботы преследовали Лени по всему континенту.

— Попались, — сказал Лабин.

Когда они подошли к лазарету, мир в линзах Кларк уже начал обесцвечиваться. Уэллетт сидела на дороге, прислонясь спиной к фургону, согнув ноги и скрестив руки на коленях. Понурившись, она апатично смотрела вниз, на асфальт. Заслышав их приближение, подняла голову. «Овод» телохранителем висел над ее головой, но на прибытие рифтеров никак не отреагировал.

От выщелоченного света Уэллетт не могла побледнеть настолько. В ее лице не было ни кровинки. По нему тянулись мокрые полосы.

Посмотрев на Кларк, она покачала головой.

— Что ты такое? — Ее голос был глухим, как будто доносился из пещеры.

У Кларк тут же пересохло в горле.

— Ты же — не беженка. Не обыкновенная рифтерша, которая где-то пять лет пряталась. Ты... ты как-то все это начала. Ты все начала...

Лени не могла вздохнуть, смотрела на Лабина. Тот же неотрывно следил за «оводом».

— Така, я... — начала она, разведя руками.

— Эти монстры в машинах, все они — это же ты. — Уэллетт, казалось, ошеломили чистые масштабы предательства Кларк. — Страны Мадонны, фанатики, культы смерти — они все твои последователи...

«Нет, все не так, — хотела закричать Кларк. — Я бы остановила их в одну секунду, если бы могла. Я понятия не имею о том, как все это началось...»

Но, разумеется, она бы солгала. Формально она не основывала движений, возникших после появления Лени, но от этого не были менее преданны существу, которым она некогда являлась. Они были квинтэссенцией ярости и ненависти, которые двигали ею пять лет назад, равнодушия к любым потерям, кроме своих собственных.

Разумеется, последователи все делали не ради нее. У бушующих миллионов имелись собственные причины для гнева и мести, куда более праведными, чем те фальшивые претензии, из-за которых развязала войну Кларк. Но она указала дорогу. Доказала, что это возможно. Каждой каплей пролитой ею крови, каждой инокуляцией Беттагемота Лени давала им в руки оружие.

И теперь она ничего не могла сказать. Лишь покачать головой и заставить себя посмотреть в глаза обвинителя и бывшей подруги.

— А теперь они превзошли себя, — продолжила Уэллетт своим надтреснутым, бесстрастным голосом. — Теперь они...

Она судорожно вздохнула:

— О, господи! Как же я облажалась.

Така встала на ноги, как марионетка. А «овод» по-прежнему не двигался.

— Это — не противоядие, — сказала Уэллетт.

Вот тут на нее бросил взгляд Лабин:

— То есть?

— Похоже, мы умирали недостаточно быстро. «Ведьма» побеждала, но мы ее замедлили, на каждого спа-

сенного приходилось четверо умерших, но кого-то мы все-таки спасли. Но почитатели Мадонны не попадут в рай, пока мы все не сдохнем, поэтому они придумали кое-что получше...

— И они?.. — спросил Лабин, снова поворачиваясь к роботу.

— На меня не смотри, — тихо произнесла машина. — Я-то из хороших парней.

Кларк мгновенно узнала этот голос. Лабин тоже.

— Дежарден.

— Кен. Старина. — «Овод», приветствуя, подпрыгнул на несколько сантиметров. — Рад, что ты меня помнишь.

«Ты жив, — подумала Кларк. — После Рио, после того как Садбери ушел в офлайн, после пяти лет. Ты жив. Ты все-таки жив. Мой друг...»

Уэллетт наблюдала за происходящим с немим удивлением:

— Вы знаете...

— Он... выручил нас, — объяснила Кларк. — Давно это было.

— А мы думали, ты умер, — сказал Лабин.

— А я думал, что вы. Тут и после Рио было хуже некуда, а когда у меня один раз выпал шанс вас запеленговать, вы отрубились. Я решил, что до вас все-таки добрались какие-то чересчур обозленные товарищи, которые так и не успокоились. Тем не менее, вы здесь.

«Мой друг», — снова подумала Кларк. Он помогал ей даже тогда, когда Кен пытался убить. Рискнул своей жизнью ради нее, когда они еще даже ни разу не встретились. И пусть они мало видели друг друга, но, судя по всему, из всех, кого знала Лени, только Ахилл был ее настоящим другом.

Она тяжело переживала известие о его смерти; и сейчас должна была обрадоваться, но в мозгу вертелось одно слово, омрачая радость мрачными предчувствиями.

Спартак.

— Так, значит, — осторожно произнесла она, — ты — все еще правонарушитель?

— Сражаюсь с энтропией ради общего блага, — заученно произнес робот.

— И потому до основания выжигашь тысячи гектаров растительности? — спросил Лабин.

«Овод» спустился настолько, что его линзы смотрели прямо в белые глаза Лабина.

— Если убийство десяти спасет сотню, то это нормально, Кен, и ты понимаешь это лучше, чем кто-либо другой... Может, ты не слышал того, что сказала наша общая подруга, но идет война. Плохие парни палят Сеп-пуку по моей лужайке, а я стараюсь, как могу, чтобы эта дрянь тут не закрепилась. У меня практически нет людей, инфраструктура разваливается буквально на глазах, но я справлялся, Кен, о да, я справлялся. А теперь, как я понимаю, вы двое вторглись в жизнь нашей Таки, и сейчас по меньшей мере три носителя вышли за баррикады.

Лабин повернулся к Уэллетт:

— Это правда?

Та кивнула.

— Я сама все проверила, когда он сказал мне, что искать. Работа тонкая, но она была... прямо под носом. Белки-шапероны* и альтернативный сплайсинг**, интерференция РНК***. Множество эффектов второго и третьего

* *Белки-шапероны* — белки, помогающие крупным молекулам складываться, собирать или разбирать другие высокомолекулярные структуры.

** *Альтернативный сплайсинг* — процесс, позволяющий одному гену производить несколько мРНК и, соответственно, белков.

*** *Интерференция РНК* — процесс подавления экспрессии гена на стадиях транскрипции, трансляции, деаденилирования или деградации мРНК при помощи малых молекул РНК.

порядка, о которых я и не слыхивала. Все они были запутаны в полиплоидных генах, и я, честно говоря, особо к ним не присматривалась. Микроб проникает внутрь человека. Убивает Бетагемот, это да, но не останавливается... я не увидела. Я была абсолютно уверена, что понимаю, какого рода микроб передо мной, я просто... облажалась. — Така опустила глаза, чтобы не встречаться с осуждающими взглядами, и прошептала: — Я снова облажалась.

Лабин в течение нескольких секунд не проронил ни слова. Затем обратился к «оводу»:

— Ты же понимаешь, что у нас есть основания не верить тебе на слово.

— Вы мне не доверяете, — Дежарден, казалось, удивился. — Кен, это не у меня непреодолимая тяга к убийству. И я не единственный, кто слез с Трипа. Тебе ли меня обвинять?

Уэллетт подняла глаза, очнувшись от приступа презрения к самой себе.

— Какие бы у вас не были опасения, — продолжил правонарушитель, — поверьте, в этом деле у меня есть своекорыстный интерес. Мне, как и вам, Сеппуку на лужайке рядом с домом не нужен. Я так же уязвим, как и все вы.

— Насколько уязвим? — заинтересовался Лабин. — Така?

— Я не знаю, — прошептала Така. — Я ничего не знаю...

— Предположи.

Она закрыла глаза.

— Этот микроб совершенно не похож на Бетагемот, но он сконструирован — я думаю, он сконструирован для той же ниши. Значит, иммунитет против Бетагемота не спасет, но время даст.

— Сколько?

— Не могу даже предположить. Но все остальные — люди без модификаций: симптомы на третий-четвертый день, смерть максимум через четырнадцать.

— Как-то медленно, — заметил Лабин. — Любой некротический стрептококк решил бы проблему часа за три.

— Да. Только больной не успел бы никого заразить, — голос Таки стал совсем глухим. — Там не тупые сидят.

— Ммм. Уровень смертности?

Доктор покачала головой:

— Кен, Сеппуку создали искусственно. Естественного иммунитета против него не существует.

Вокруг рта Лабина заиграли желваки.

— Могу сказать, все еще хуже, — добавил Дежарден. — Я не один на посту. В Северной Америке есть еще несколько и гораздо больше за океаном. И надо вам сказать, моя стратегия ограниченного сдерживания не особо популярна. Есть люди, которые для безопасности с радостью разбомбят ядерными зарядами все побережье.

— Так почему они не сбросят атомную бомбу на тех, кто запустил Сеппуку? — удивленно спросил Лабин.

— А ты попробуй нацелиться на штук десять подводных платформ, которые рассеяны по всей Атлантике и движутся со скоростью в шестьдесят узлов. По правде говоря, некоторые считали, что это ваших рук дело, друзья мои.

— Не наших.

— Да без разницы. У людей руки чешутся нажать на красную кнопку. И я их удерживал лишь потому, что справлялся с Сеппуку без помощи ядерного распада. Но сейчас, уважаемые К и Г, вы снабдили ядерное лобби всем, что им было нужно. На вашем месте я бы уже начал копать бункеры. И поглубже.

— Нет. — Кларк покачала головой. — Там сколько народу на колесах было, шесть?

— Приехали только трое, — сказала Уэллетт. — Но они могли отправиться куда угодно. Маршрута они не оставили. И они будут *распространять* культуру. Высеивать в прудах, на полях и...

— Если мы сможем догнать их, то проследим, куда они все слили, — заметил Лабин.

— Но мы даже не знаем, куда они направились. Как мы сможем...

— Не знаю, как. — «Овод» слегка покачивался на воздушной подушке. — Но вам лучше приступить к делу. Вы выкопали яму с дерьмом воистину промышленного масштаба, друзья мои. И если вы хотите использовать хотя бы один шанс из пятидесяти на то, чтобы это место не превратилось в кусок радиоактивного стекла, вам, черт побери, придется серьезно прибраться.

Наступила тишина. Непокорные языки пламени слабо трещали и плевались в отдалении.

— Мы поможем тебе, — прервал молчание Лабин.

— Сейчас, конечно, каждый может внести свою лепту, — ответил Дежарден, — но особенно полезными будут твои навыки, Кен.

Тот поджал губы:

— Благодарю, но я пас. Не думаю, что от меня будет много пользы.

Кларк прикусила язык. «Он, похоже, что-то задумал».

«Овод» на некоторое время завис в неподвижности, словно размышляя.

— А я ведь еще не забыл о твоих навыках, Кен. Я испытал их на собственном опыте.

— А я не забыл о твоих. Ты же можешь мобилизовать целое полушарие за тридцать секунд без всякого напряжения.

— Многое изменилось, друг мой, с тех пор как ты отошел от дел. И на случай, если ты не заметил, от полушария мало что осталось, да и суперсилы у меня уже не те.

Глаза Уэллетт метались между человеком и машиной, следя за пикировкой со смесью возмущения и растерянности. Но ей хватило ума, чтобы держать язык за зубами.

Лабин оглядел обугленный, почерневший ландшафт:

— Твоих ресурсов более чем достаточно. Я тебе не нужен.

— Кен, ты меня не слышишь. *Очень многое* изменилось. Парочка подъемников — это ничто, так, фоновый шум. Но, стоит мне начать полномасштабную мобилизацию, на это сразу обратят внимание не те люди. И не все, кто на нашей стороне, до сих пор на нашей стороне, — ну вы понимаете, о чем я.

«Он говорит о других правонарушителях, — догадалась Кларк. — Может, Спартак до сих пор борется с Трипом. А может, все они уже сорвались с поводка.

— То есть ты бы предпочел не высовываться, — предположил Лабин.

— Я всегда предпочитал действовать тонко. И даже ты, с твоими довольно примитивными социальными навыками, когда дойдет до дела, будешь гораздо тоньше флотилии огнедышащих дирижаблей-убийц.

«Когда дело дойдет до войны — он это имеет в виду. Частная война психов — вход только по приглашению». Кларк задумалась, сколько вообще сторон на такой войне. И как можно вообще говорить о сторонах? Как заключать союз с тем, кто при первой же возможности нанесет вам удар в спину, если тебе об этом известно? Возможно, сейчас каждый социопат сам за себя», — предположила она.

С другой стороны, это не Лабин последнее время испытывал трудности с выбором стороны.

— У меня есть другие дела, — сказал Лабин.

— Естественно. У вас должна была быть чертовски веская причина, чтобы вернуться сюда. Срединно-Атлантический хребет — свет не ближний.

— Не сказал бы, судя по последним событиям.

— Ага. Кто-то нанес вам визит?

— Пока нет. Но вынюхивают поблизости. И вряд ли это совпадение.

— Не смотри на меня так, Кен. Проболтайся я, они бы сразу отправились к цели.

— Это понятно.

— Тем не менее вы, естественно, хотите знать, кто идет по вашему следу. Кен, я удручен. Почему вы сразу не пришли ко мне? Ах да, вы же думали, что я умер. — Дежарден помолчал и добавил: — А вам повезло, что я вас нашел.

— А мне еще больше, — ответил Лабин, — Тебе нужна моя помощь.

От неожиданного порыва горячего ветра «овод» закачался:

— Ну и отлично. Ты поможешь Америке протянуть еще чуть-чуть, а я попытаюсь найти тех, кто вас преследует. Договорились?

Лабин задумался:

— По-моему, хорошая сделка.

СБОЙ

Крестовый поход, подумала Лени, продолжится без нее.

Впрочем, ее услуги и раньше особо не требовались. А сейчас на повестке дня стояли лишь два дела: спасение людей и убийства, а ей не хватало навыков ни в том, ни в другом. Конечно, это было не совсем так, и Кларк поняла это еще до того, как мысль пришла ей в голову. Если считать по общему количеству смертей, то на всей планете не нашлось бы человека, который мог бы с ней сравниться. Но те жертвы были неизбирательными и неприцельными, безымянным косвенным ущербом,

о котором Кларк вообще не думала. Теперь же требования общего блага оказались значительно точнее: конкретные люди, а не все население. Их надо было выследить и — как там Роуэн говорила? — *вывести из обихода*.

Причем без эвфемизмов. Нет причин убивать носителей, и это если Сеппуку не расправится с ними первым. В конце концов, всего-то три человека отправились меньше дня назад туда, где люди уже давно перестали быть главной частью пейзажа. Вполне возможно, их найдут еще до того, как они успеют заразить других, и нерентабельность масштабов не сделает полное уничтожение единственным приемлемым вариантом. Десять тысяч переносчиков пришлось бы сжечь из-за отсутствия помещений для их содержания, так как таких огромных карантинных просто не было: но десять больных могли поймать, изолировать и обеспечить им медицинский уход, следя за их состоянием и изучая в надежде найти способ лечения. Убивать их не было никакой причины.

«Кен, это не у меня непреодолимая тяга к убийству».

В любом случае это не имело значения. Вскоре Лабин отправится на охоту при полной поддержке Дежардена; и неважно, что им двигало — жажда убийства или страсть к погоне, — Кларк в любом случае будет его только замедлять. Уэллетт уже занялась делами поинтереснее, отправившись в офис УЛН, где, как выразился Ахилл Дежарден, «твои навыки можно использовать с большей пользой». Она уехала, так и не взглянув на Лени, не обмолвившись с ней ни единым словом. Теперь, возможно, она уже сидит на конце линии, которая идет от Лабина, где станет обрабатывать пойманных им больных. На этом коротком маршруте Кларк места не нашлось.

Она не умела спасать и не умела убивать. Однако здесь, в руинах Фрипорта, Лени могла заняться чем-то средним — замедлить процесс. Оборонять крепость. Она

могла сделать так, чтобы люди не умерли от опухолей или переломов костей и дождалась прихода Бетагемота или Сеппуку.

На прощание Лабин сделал ей последнее одолжение. Он прошел по виртуальному неокортексу Мири, нашел паразита и изолировал его. Тот хитро закопался, и удалить его не получилось; в слишком многих местах он мог спрятаться, слишком многими способами извратить процедуру поиска. Был только один надежный метод полностью избавиться от монстра — вытащить сам физический носитель с памятью.

Склонившись над приборной панелью, Лабин читал диагностические арканы и через плечо выдавал указания. А за ним Кларк — по локоть в кристаллах и микросхемах — резала связи. Кен говорил, какую плату вынуть; она вынималась. Говорил ей, какую схему удалить с нее, используя трезубую вилку с изящными усиками. Она подчинялась. Ждала, пока он проверял и перепроверял остальную систему, переместила лоботомизированный участок, приготовилась выдернуть его снова, на случай, если какая-то часть монстра не попала в карантин. Наконец, решив, что Мири вычищена, Лабин велел Кларк сохранить систему и перезагрузиться. Она без вопросов выполнила приказ.

Кен так прямо и не сказал уничтожить зараженный компонент. Слишком очевидно, не стоило упоминания.

В конце концов, чудовище было частью Кларк.

Как это получилось, она точно не знала; в извращенной логике, которая породила этих демонов и вертела ими по своему усмотрению, лучше разбирались хакеры и эволюционные экологи. Но именно Лени стала основой, чудовище с нее взяло пример, было ее отражением, пусть и искаженным. Как бы иррационально это ни звучало, но Кларк не могла избавиться от чувства, что электронное

существо в некотором смысле все еще обязано той плоти и крови, по образу которых оно было создано. Ведь Лени так долго ненавидела, так долго чувствовала ярость; может, эти рефлексии оказались не столь уж искаженными.

Она решила это выяснить.

Кларк не особо дружила с кодами. Она не знала о том, как растить программы или обрезать софт до базовых характеристик. Зато Лени прекрасно знала, как соединять уже готовые компоненты: шкафчики и ящики «Вакиты» были забиты наследством, оставшимся после пяти лет работы. Маленькая субмарина перевезла к Невозможному озеру кучу геодезической аппаратуры, именно в ней ее ремонтировали и проверяли. Скользя сквозь термоклины и ячейки Ленгмюра, она выставляла в слои воды буйки и регистраторы времени-глубины. Она шпионила за корпами, перевозила грузы и служила рабочей лошадкой, превзойдя все технические возможности, предусмотренные конструкторами при проектировании. После пяти лет в ней скопилось немало строительных блоков, Лени было с чем поиграть.

В каком-то ящике она нашла коэновскую панель, к одному разъему подключила батарею, к другому — базовый чип оперативки. Между новыми компонентами замерцал узор из тончайших волокон, когда программы автопоиска панели нашли оборудование и послали приглашение. С пользовательским интерфейсом пришлось потрудиться; беспроводники не годились. В конце концов она нашла старый шлемофон с оптоволоконным кабелем и интегрированной инфракрасной клавиатурой, подключила устройство к панели. Вновь замерцали рукопожатия.

Кларк надела шлем. В воздухе перед ней появилась синяя клавиатура. Лени протянула к ней руки, инфракрасные глаза следили за тем, как реальные пальцы перемещаются по иллюзорным кнопкам. Выбрав карту коэновской панели, она построила ограждение вокруг

кучки свободных гнезд, прорезала единственный шлюз и наглухо закрыла его снаружи. На всякий случай установила кнопку тревоги: та уплыла вбок оранжевой искрой в виртуальном пространстве. Даже нажимать не нужно: стоило только пристально посмотреть на нее, и вся система остановится наглухо. Правда, за предохранитель пришлось платить. Шлемофон не видел сквозь фотоколлаген. На время встречи с монстром придется снимать линзы.

Она стянула шлем и осмотрела дело рук своих в реальном мире: два крошечных платоновых тела* и оптоволоконные витки поднимались из ячеистой решетки с пустыми гнездами. Редкие прямоугольные паутинки из изумрудных нитей соединяли дополнительные модули. Рядом располагалась светящаяся малиновым светом граница, огораживающая участок свободной территории.

Тот был полностью автономным и изолированным. Ни антенн, ни беспроводных интерфейсов — ничто не могло послать отсюда сигнал. Ничто, подключенное к этой панели, не могло с нее уйти.

Она внимательно изучила зараженную долю, вырезанную из мозга Мири: на ладони лежало лилипутское ожерелье из оптических модулей и чипов памяти, инертных и изолированных. Внутри вполне могло ничего не остаться; память была энергонезависимой, но, кто знает, какой ей нанесли вред во время экзорцизма? Лени вспомнила, как напоследок решила спровоцировать Кена: «Откуда тебе знать, может, я разбужу эту тварь поцелуем?» — хотя не имела ни малейшего представления о том, как в действительности *сделать* это. Она хранила детали лишь потому, что не могла их выбросить. А еще

* *Платоновое тело* — это выпуклый многогранник, состоящий из одинаковых правильных многоугольников и обладающий пространственной симметрией (прим. ред.).

надеялась, что, если она заговорит с существом внутри, то оно ответит.

Кларк подняла ожерелье пинцетом с силовой обратной связью, чье прикосновение было нежным, как у ресниц, и поместила память в центр карантинной зоны. Другие детали выпустили зеленые нити, те сошлись за пределами шлюза и остановились.

Лени надела шлемофон, сделала глубокий вдох.

Открыла шлюз.

Перед глазами вспыхнул фейерверк пикселей. Гнев и звериный голод, оскаленные зубы; в сигнале было столько ярости, что он обходил верхнюю часть мозга и втыкал ледяные иглы непосредственно в мозговой ствол.

— Выпусти!..

Лени рефлекторно кинулась в бегство, даже не успев разобрать то, что увидела: оранжевая кнопка тревоги тут же попала на глаза. Изображение застыло.

Кларк почувствовала, как задыхается. Заставила себя успокоиться.

Неподвижное лицо, черное, зеленое и сияющее. Портрет ярости в инвертированных тонах плоти. Оно ничем не походило на нее. Кроме глаз: тех самых пустых, злобных глаз.

«Только и это теперь не так», — вспомнила Кларк. Она сняла линзы и встретила своего радиоактивного двойника совершенно голой.

«Неужели я была такой?»

Она на несколько секунд задержала дыхание. Пристально посмотрела на кнопку тревоги и отпустила ее.

— Выпусти меня!! — раздался вопль призрака.

Кларк покачала головой:

— Тебе некуда идти.

— Выпусти меня, и я тут каждый адрес в пыль сотру!

— Сначала ответь на несколько вопросов.

— Сама ответь на *эту*, ты, червивая задница.

Вселенная замерцала и исчезла из глаз.

Ничего, кроме быстрого дыхания Лени и негромкого шипения кондиционера на «Ваките». Спустя пару секунд в пустоте повисло сообщение:

Сбой системы. Включить перезапуск?
Да Нет

Кларк предприняла новую попытку.

— *Выпусти меня!*

Она покачала головой:

— Скажи мне, чего ты хочешь.

— А чего ты хочешь? — Вопрос, казалось, немного успокоил монстра. И даже рассмешил. — Не надо на меня наезжать, подруга. Я убила столько людей, что тебе не сосчитать.

— За что? Из мести? Из-за Энергосети? Из-за... из-за отца, из-за того, что он творил, пока мама... а тебе какое дело? Да и как ты можешь об этом *знать*?

Лицо потеряло насыщенность, черно-светлые пигменты поблекли словно в сумерках. Через несколько секунд осталась только тьма, серые пятна и два злых кристаллических овала чистой белизны.

— Ты хочешь убить всех? — тихо спросила Кларк. — Хочешь убить себя?

Лицо уставилось на нее и плюнуло.

— Себя? Да ты...

Темнота и пустота. Сбой системы.

И в следующий раз.

И в следующий.

МАСТЕРСТВО ОХОТЫ

Беспилотник УЛН, плывущий, как пушинка, чуть ниже струйного течения, поймал тепловой след в 03.00. Он нагревал вспомогательную дорогу 23 к северо-востоку от Скоухегена; некоторыми параметрами он походил

на другой источник — на два часа старше, — который засек подъемник, перевозящий медикаменты из Портленда. Грузовики обычно не оснащали средствами наблюдения, но после приказа из Садбери настороже были все.

Обе сигнатуры указывали на выхлоп от водородной ячейки, выпуск которых прекратили в 2044 году. Кто-то гнал, как сумасшедший, на старом «Форде Фьюджитив», глубокой ночью уходя вглубь материка по проселочным дорогам.

Одна из носителей Уэллетт ездила на «Форде Фьюджитив». Лабин настиг ее по ту сторону границы Нью-Гемпшира.

Дежарден снабдил его мотопланом. Тот был медленнее транспорта на воздушной подушке, но с более высокой крейсерской высотой и потреблял меньше джоулей, чем любой вертолет. Лабин летел в западном направлении на примерно двухсотметровой высоте, когда «форд» пустил солнечный зайчик ему в глаза. Машину припарковали на краю кислотного болота, полного ржавых танинов* и кривых полузатопленных пней. Заболоченный участок, похоже, рос с тех пор, как Служба ремонта дорог забыла об этой местности; язык черной воды на несколько метров протянулся по осевшему асфальту перед автомобилем.

Но остановился тот по другой причине.

Лабин приземлился в пятидесяти метрах вверх по дороге, подошел к «форду» сзади. Вкладки провели уже привычное диагностическое обследование, заполнив поле зрения Лабина иконками и схемами электрооборудова-

* Танины — группа фенольных соединений растительного происхождения, обладающих дубящими свойствами и характерным вяжущим вкусом. В природе много танинов содержится в древесной коре, древесине, листьях и плодах.

ния. Подсознание Кена бунтовало при одной мысли об отключении полезных данных, но иногда те больше отвлекали, чем информировали. Он выключил дисплей в голове; «Фьюджитив» вернулся в реальный мир, как будто слегка сплюснулся, когда светящиеся внутренности скрылись под грязным пластиковым корпусом.

Блондинка с кофейного цвета кожей сидела на водительском сиденье, упершись лбом в рулевое колесо, длинные прямые волосы скрывали ее лицо. Похоже, Лабина она не заметила.

Он постучал пальцами по окну. Она апатично повернулась на звук. Он сразу же понял, что дело плохо: ее лицо пылало и блестело от пота.

Она это тоже понимала. Изокостюм Лабина говорил о многом, даже не будь она больна.

«Три дня», — подумал Кен.

Дверь была не заперта. Он потянул ее на себя и сразу отступил назад.

— Они говорили нам... что это лекарство, — произнесла она. На столь короткую фразу ей понадобилось два вдоха.

— У вас еще осталось? — спросил Лабин.

Сглотнув, она ответила:

— Немного. Большую часть я уже развезла. — Она покачала головой. — Немного дала Аарону. Пару дней назад.

Прозрачный пластиковый мешок лежал на сиденье рядом с ней. Он был почти пустой. Оставшаяся культура прилипла к складкам и швам почти плоского контейнера мешка и утратила свой первоначальный янтарный цвет; она стала черно-серой, как аноксическая грязь.

— А что произошло с жидкостью? — спросил Лабин.

— Я не знаю. Она изменилась. — Женщина устало покачала головой. — А она говорила, культура может храниться неделю...

Он наклонился вперед. Похоже, какой-то разум она еще сохранила, так как, увидев его лицо вблизи, удивилась:

— Вы же один из них. *Вы* — один из них. Я же видела вас там...

— Мне необходимо знать, где вы высевали культуру, — сказал он. — Мне надо знать, с кем вы контактировали после Фрипорта, и каким образом входили с ними в контакт.

Она вяло подняла руку, показав запястник:

— Аарон здесь. Мы разделились. Думали... так охватим большую площадь...

Он взял прибор. От телефона в нем было мало толку без наушника, но с Аароном Лабин сможет разобраться позже.

— Я только сегодня утром общалась с ним, — с трудом произнесла женщина. — Он тоже... не очень хорошо себя чувствует.

Обойдя машину, Кен сел на пассажирское сиденье. Навигация онлайн — предосторожность, оставшаяся с прошлой недели, когда эфир считался вражеской территорией. Он включил GPS на приборной панели и уменьшил карту так, чтобы на ней была видна береговая линия.

— Все места, где вы останавливались, — сказал он. — Все, с кем вы встречались.

— Мне нехорошо, — со вздохом ответила она.

— Я могу отвезти вас в больницу. *Настоящую* больницу, — пообещал он, подслащивая пилюлю. — Но сначала вы должны мне помочь.

Она рассказала ему все, что смогла. Наконец он вылез из машины на солнечный свет и направился к мотоплану. На полдороге остановился и посмотрел назад.

«А она может сбежать, — подумал он. — Она не настолько плохо себя чувствует, чтобы не справиться с машиной. Она может сбежать. Или, — взглянув на засто-

явшауюся воду, — может просто выпасть из машины и инфицировать все болото. И тогда локализовать Сеппуку станет намного труднее.

Может, она — это утечка в безопасности».

Досужие размышления, конечно. Непосредственной угрозы не было, ничего, что бы оправдало крайние меры. Хотя, похоже, всегда так чисто не получится, судя по тому, как распространяется эта штука. Лабин выследил лишь второго носителя, и только первого из первоначальной тройки Уэллетт. Другой оказался посредником: он принял эстафету в условленном месте и *признался*, что успел передать материал. Насколько далеко убежали еще два нулевых пациента, оставалось только догадываться. А теперь еще появился этот Аарон, не говоря уже о шести точках, где женщина разлила Сеппуку..

Можно подождать, сказал себе Лабин. Судя по развитию ситуации, предлогов у него будет предостаточно. Правда, теперь в «утечках» он не нуждался. Кен уже давно стал независимым агентом.

«Играй честно, — сказал он себе. — Играй по правилам».

Так он и делал. Вызвал скорую, а только потом огнеметы, дождал, пока та прилетит с запада, обеззаразил себя и снова поднялся в небо. Он отклонился к югу-востоку, следуя по маршруту носителя. Неподалеку появился подъемник и некоторое время шел с ним одним курсом, плывя, словно огромная черная туча, к месту, указанному Лабином. Запальники слабо сияли на концах длинных, огнедышащих насадов, свисающих из подбрюшья. Из пузыря время от времени вырывались пухлые розовые и зеленые облака, лакмусовые бумажки, похожие на сахарную вату, вынюхивали инфекцию.

Он до отказа выжал регулятор. Партнершу Аарона уже упаковали и отправили в путь. Ближе к ночи Уэллетт начнет проводить над ней тесты.

Правда, Лабин сильно сомневался в том, что Така сейчас проводит какие-то тесты.

Он помнил, как впервые встретился с Ахиллом. Он ворвался в дом правонарушителя и поймал его на месте преступления в виртуальном сенсориуме, запрограммированном на широкомасштабные сценарии сексуальных пыток. Тогда Дежарден не выносил свои желания в реальный мир, но с тех пор многое изменилось. Правила изменились. Поводки ослабли. Официальные иерархии разрушились, оставив облеченных властью без какого-либо надзора.

Лабин буквально мельком взглянул на фантазии Ахилла, прежде чем перешел к делу, и получил некоторое представление о том, какие женщины в его вкусе, и о том, что он любит с ними делать. Когда пять лет спустя Така Уэллетт поднялась в чрево вертолета УЛН, Лабин наблюдал за ней с бесстрашием человека, которому прекрасно известен финал.

Дежарден обещал ей роль в борьбе против Сеппуку. Заставил ее представить себе прекрасные сверкающие лаборатории, где работали только настоящие Биомоцарты. От этой перспективы она загорелась, как галогеновый прожектор. С первого же взгляда Лабин понял ее тайное желание, отчаянную, невообразимую надежду на искупление какого-то греха в прошлом.

В тот момент его было очень легко признать.

Кен тогда специально посмотрел, куда отправится вертолет. Ближайшая исследовательская база находилась на юго-западе, в Бостоне. Но вместо этого машина исчезла в северном направлении, и с тех пор Лабин больше ничего от Уэллетт не слышал.

Он и не ожидал, по правде говоря. Даже если Дежарден говорил правду. И Кен был вынужден признать с логической ясностью аморального разума, что это не имеет большого значения. Така не была гениальным ученым,

она бы не протянула и минуты на ринге с любым оппонентом. Будь она таковым, ее бы не отправили патрулировать пустоши, раздавая крохи дикарям. В борьбе против Сеппуку ее потеря не значила ровным счетом ничего.

Ахилл же, с другой стороны, представлял огромную важность. И неважно, был ли он при этом сексуальным хищником; ведь и при этом он мог способствовать сохранению миллиардов. Лабин не мог не думать о многочисленных пороках, на которые невозможно было закрыть глаза, стремясь к высокой поставленной цели. Это и было сутью того, что называлось Великим Благom.

Он испытывал чувство, близкое к зависти.

ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Така все-таки оказалась на какой-то исследовательской базе. Правда, не в роли экспериментатора. Ее присвоил себе мужчина, находящийся рядом.

Непримечательная внешность. Каштановые нечесанные волосы, подстриженные как попало, то ли под стиль дикаря, то ли из-за явной профессиональной непригодности парикмахера. Тонкое квадратной формы лицо. На лбу морщин почти нет, а вот вокруг карих и влажных, почти детских глаз — с избытком. Немного кривой нос. Зеленая, сидящая мешком толстовка — пережиток двадцатого века без всякой анимации.

Она не могла видеть его ниже пояса. Така лежала на спине, привязанная к медицинской каталке. Если этот взъерошенный г-отборщик играл исследователя, то ей, по всей вероятности, отвел роль подопытной.

— Ахилл Дежарден, — сказал он. — Рад видеть тебя, Элис.

Вертолет плюхнулся на площадку, устроенную на крыше где-то к северу от Великих озер, уже после полудня. Она высадилась и, ничего не подозревая, шагнула

в нейроиндукционное поле. Даже повреди Уэллетт шейный отдел позвоночника, тело бы не рухнуло так быстро. Безликие люди в костюмах биозащиты, похожих на презервативы, перенесли ее в эту карантинную камеру. Така была в сознании, но двигаться не могла. Они раздели ее догола, ввели катетер и, не сказав ни слова, ушли. Наверное, их предупредили, что она то ли беженка, то ли представляет риск для здоровья. А может, они и сами участвовали в розыгрыше. Така ничего не понимала, а спросить не могла.

Кажется, все произошло вчера. Или даже раньше. Она потеряла счет времени после того, как оказалась в изоляции и неподвижности; сухость во рту и голод нарастали бесконечно малыми долями.

Теперь поле отключили. Снова заработали двигательные нервы. В горизонтальном положении Таку удерживали лишь нейлоновые ремни, болезненно врезавшиеся в запястья, лодыжки, талию и горло.

— Произошла какая-то ошибка, — торопливо произнесла она. — Я — не Элис. Я — Така. Лени и Кен — мои друзья.

Она пошевелилась, желая ослабить удерживающие ее путы. Ахилл едва заметно улыбнулся.

— А ты и вправду не такой уж хороший биолог, Элис, — благожелательным тоном заметил он. — Как мне не жаль, но это так. У тебя все подсказки были перед носом, а сложить воедино ты их не смогла. — Он сел на какой-то невидимый стул или табурет, стоящий возле каталки. — Если бы я не вмешался, ты бы все еще повсюду распространяла Сеппуку, убивая пациентов еще быстрее, чем обычно. Ни один настоящий ученый не допустил бы такой грубой ошибки.

— Но я не...

Он приложил к губам палец, прося ее замолчать. Опершись локтями о жесткую неопреновую поверхность

носилок рядом с ее головой и положив подбородок на руки, Ахилл посмотрел на Таку сверху вниз.

— Разумеется, — продолжил он доброжелательным тоном, — ни один настоящий ученый не убил бы свою семью.

Нет, ошибки не было — он точно знал, кто она такая.

А Уэллетт знала, кто он. Точнее, знала такой тип людей. Мягкий. Жалкий. Каждый день она осаживала мужчин, которые такому бы сломали шею, не сбившись с шага. Сам по себе, без помощи и поддержки, он был попросту ничем.

Но не сейчас.

Она закрыла глаза.

«Держи себя в руках. Он пытается тебя запугать. Не позволяй ему. Лиши его этого удовольствия. Это силовое давление, как обычно. Если не испугаешься, сумеешь выиграть преимущество».

Она спокойно посмотрела ему в глаза:

— И какой у тебя план?

— *План*, — Ахилл поджал губы. — По плану у нас реабилитация. Я готов предоставить тебе еще один шанс. Считай это своего рода исправительным обучением. — Он встал. Свет отразился от какого-то маленького и блестящего предмета, зажатого у него в руке, вроде кусачек для маникюра. — Я говорю о некоем сценарии, в основе которого лежит принцип кнута и пряника. Понимаешь, у меня есть хобби, которое многие посчитали бы, скажем так, неприятным. И ты узнаешь, насколько оно неприятно, в зависимости от того, как быстро станешь учиться.

Така сглотнула. Она молчала до тех пор, пока не решила, что сможет продолжать разговор в спокойном тоне:

— И какой же пряник?

Не получилось.

— Вот пряник. В голосе твоём. Мой пряник. А твой... если сдашь устные экзамены, я тебе отпущу. Целой и невредимой. — Ахилл нахмурился, словно потерял мысль. — И вот легкий вопрос, для начала. Как размножается Сеп-пуку? Половым или бесполом способом?

Така оставилась на него:

— Да ты шутишь.

Он посмотрел на нее, а потом чуть ли не с грустью покачал головой.

— О, я вижу, ты ходила на семинары. Там тебе рассказали обо всех наших секретах. Мы кормимся страхом. И если увидим, что ты не боишься, то выберем кого-нибудь другого. Возможно, даже отпустим.

— Ты же говорил... — Така замолчала, пытаясь совладать с ужасом в голосе. — Ты же сам говорил, что отпустишь меня...

Ахилл еще даже не тронул ее — а она уже его умоляла.

— Если хорошо себя проявишь, — вкрадчивым голосом заметил Дежарден, — вкрадчивым голосом заметил Дежарден, — то да, я тебя отпущу. Более того, в качестве жеста доброй воли я прямо сейчас отпущу часть тебя.

Блестящая штука в его руке прижалась к ее груди крошечной сосулькой. Что-то *щелкнуло*.

Вспыхнувшая боль распространилась по телу, острая, как бритва, словно трещины на стекле, перед тем как то разлетится на кусочки. Така вскрикнула, корчась и выгадывая бесполезные миллиметры свободы для своего тела, стянутого путами.

Кровавый комок соска упал ей на щеку.

В глазах начало темнеть. На каком-то невозможном расстоянии, к югу от боли в центре вселенной, монстр пальцами раздвинул ее половые губы.

— Осталось еще два, — объявил он.

ВЫВОД ИЗ ОБИХОДА

Пока Кларк ездила вместе с Уэллетт, то кое-чему научилась. Врачом она не была, но как рифтер получила базовые медицинские навыки, а диагностику и выписку рецептов лазарет, по большей части, сделал сам. После экзорцизма Мири пришлось распрощаться с несколькими тысячами эпикризов, загруженными обновлениями за полгода, а также с возможностью загружать данные в сеть — но остаток по-прежнему знал, как сканировать тело и назначать лечение. Впрочем, с более сложными операциями Кларк навряд ли встретилась бы; даже после лоботомии Мири не потеряла сноровку.

Люди скудным ручейком текли через город, ища помощи Уэллетт, но довольствуясь Кларк. Та выполняла приказы машины и, как могла, изображала доктора. По ночам она уходила под воду и, наплевав на «Вакиту», спала, бездыханная и беззащитная, на неглубоком дне. Каждое утро Лени выходила на берег, снимала рукава с гидрокостюма, превращая его в подобие жакета, а поверх натягивала позаимствованную у Таки одежду. Странные мертвые волокна терлись при ходьбе о конечности; все это напоминало плохо сидящий костюм травести с множеством складок и швов. Когда Кларк снимала кополимер, то ей казалось, что она свежует себя заживо, а эта, эта замена больше напоминала шкуру, сброшенную какой-то огромной диспропорциональной ящерицей. Впрочем, все было не так уж плохо. Она начала привыкать.

Правда, легче становилось только это.

Ужасна была не ее медицинская неграмотность, или бесчисленный, постоянно увеличивающийся список тех, кого она не смогла спасти. И даже не вспышки агрессии, которые люди иногда направляли на нее, услышав смертный приговор себе или своим любимым. Лени испытывала

чуть ли не благодарность за крики и удары, хотя тех было мало и никакого вреда они не причиняли. В свое время она повидала ситуации гораздо хуже, а пушки Мири всегда находились наготове, стоило событиям выйти из-под контроля.

Гораздо хуже, чем злость тех, кого она не спасла, была благодарность тех, кому она облегчила страдания. Улыбки на лицах людей, получивших еще немного времени, слишком пришибленных из-за болезни и голода, а потому не спрашивавших, что лучше — быстрая смерть или медленная. Жалкая радость отца, когда его дочь вылечили от энцефалита: то ли он не думал, то ли ему было сейчас наплевать, что она все равно умрет от Сеппуку, «ведьмы» или огнемёта если не в следующем месяце, то в следующем году, а за всю оставшуюся жизнь не узнает ничего, кроме вечного страха перед изнасилованием, сломанных костей и хронического недоедания. Надежда, казалось, нигде не проявлялась так ярко, как на лицах безнадежных; а Кларк могла лишь смотреть им в глаза, улыбаться и принимать благодарности. И не говорить, кто изначально обрек мир на такое.

Эксперименты с линзами давно закончились. Если местным не нравилась ее внешность, они могли идти куда угодно.

Ей отчаянно хотелось поговорить с Такой. Обычно она справлялась с этим желанием, помня: хорошее отношение Уэллетт испарилось в ту же секунду, как она узнала правду. Кларк не винила ее. Нелегко узнать, что подружилась с монстром.

Однажды ночью, отчаявшись от одиночества, она все-таки решила попробовать. Она воспользовалась каналом, который Дежарден выделил специально для новостей о Сеппуку; сначала Лени попала на автодиспетчера, тот переключил ее на живого ассистента, который — несмотря на явное возмущение тем, что кто-то пользуется экстрен-

ными средствами связи для личных целей, — перевел ее на человека, уполномоченного говорить от имени лаборатории биологических контрмер в Бостоне. Тот никогда не слышал о Таке Уэллетт. Когда Кларк спросила, есть ли еще какие-то исследовательские базы, мужчина ответил, что должны быть, но чертов Патруль Энтропии ничего им не рассказывает, и, куда ее отправить, он не знает.

Кларк решили покончить с ложными надеждами. Лаббин не упустит свою добычу. Дежарден исполнит свою часть уговора. Они отслежат врага, угрожающего «Атлантиде», и разоружат его. А Уэллетт и ей подобные разгадают секреты Сеппуку и остановят его распространение.

Может, тогда они смогут вернуться домой.

Сначала Кларк его даже не узнала.

Он, пошатываясь, хромая, вышел из леса: кожа с пурпурным оттенком, лицо, опухшее, сплошь покрыто коростой и вздувшимися кровоподтеками. Он был одет в термокуртку из хромовой кожи с оторванным рукавом и чуть не упал рядом с Мири, когда Кларк вечером уже собиралась закрываться.

— Привет, это снова я. — В углу его рта надулся и лопнул кровавый пузырь. — Соскучилась?

— О, господи, — Лени кинулась к парню и помогла дойти до лазарета — Что с тобой произошло?

— Да еще один «эрка». Большой такой. С реально заглавной буквы R. Еще и байк забрал. — Он тряхнул головой; жест получился неловким и неуклюжим, словно уже пошел процесс трупного окоченения. — А где вторая Ка? Така?

— Нет. Я за тобой присмотрю. — Она провела его к правому рту Мири и помогла взобраться на вытянутый язык машины.

— А ты действительно доктор? — Несмотря на всю запекшуюся кровь, у подростка даже получился скептический вид. — Хотя мне плевать, — добавил он после короткой паузы. — Уж ты-то можешь меня осмотреть в любое время.

И тут до Лени дошел его вопрос: «Соскучилась?»

Она покачала головой:

— Прости, но у меня столько пациентов. Даже если бы тебя так не разукрасили, не уверена, что узнала бы.

— Я — Рикеттс, — представился парень.

Она отступила назад.

— Ты привез...

— Я привез ту штуку, которая убьет Бетагемот, — гордо произнес он распухшими потрескавшимися губами.

«Ты привез штуку, которая всех нас убьет», — подумала она.

По идее, тут даже сомнений быть не могло. Завести его в лазарет. Отмыть, вылечить физические травмы, подтвердить присутствие нового хищника, поедающего его изнутри.

«А может, он чистый. Все зараженные вещи были запечатаны, может, прямого контакта не было...»

Подтвердить наличие Сеппуку. Изолировать жертву. Вызвать транспорт для перевозки.

«Господи, надеюсь, он еще меня не заразил...»

— Ложись на спину. Подними ноги. — Она подбежала к задней панели еще до того, как Рикеттс оторвал ступни от земли. Нажала привычную иконку, сразу услышала знакомое гудение, когда Мири заглотнула пациента. Кларк скомандовала фургону закрыть оба рта и начать стандартную процедуру диагностики.

Пока та шла, Кларк опрыскивала себя дезинфектантом, надеясь, что просто перестраховывается. На ней были обязательные стерильные перчатки, а тело защищал кополимер под одеждой Уэллетт...

«Черт побери. Одежда».

Она сняла ее с себя и затолкала в мешок для сжигания. Остальные части гидрокостюма находились в рюкзаке, спрятанном в кабине. Они, извиваясь, быстро встали на место, швы быстро загерметизировались, создавая удобную вторую кожу. Когда ее создавали, то об инфекциях не думали, но кополимер волей-неволей взаимодействовал с ионами соли, а значит, он не пропускал любой объект размером с живую клетку.

Когда она снова подошла к задней панели Мири, диагностический цикл завершился. У Рикеттса обнаружился перелом скулы, трещина в большой берцовой кости левой ноги, сотрясение мозга второй степени, начальная стадия недоедания (лучше, чем у многих, кстати), два ретинированных зуба мудрости и умеренное заражение нематодами. Жизни парня ничто не угрожало, большинство болезней поддавалось лечению.

Диагностическое исследование не включало анализа на Сеппуку. Его не было в стандартной базе данных. После своего открытия Уэллетт на скорую руку собрала отдельную программу. Возможности ее были весьма ограничены — никакого деления на первую/вторую/терминальную стадии; никакого перечня сопутствующих макросимптомов. Никакого курса лечения. По сути, обыкновенный анализ крови. Кларк даже не знала, как истолковывать это простое число. Да и вообще, существовал ли такой параметр, как «безопасный» уровень заражения Сеппуку?

Ноль, наверное. Она ткнула в иконку, запустив тест. Через маленькое наблюдательное окошко увидела, как дернулся Рикеттс, когда Мири потребовалось еще несколько капель его крови.

Результаты анализа лазарет выдавал не сразу, и Кларк сосредоточилась на других проблемах Рикеттса. Нематоды и зубы мудрости могут подождать. Сосудорасширяющие средства направленного действия и кальциевые

ингибиторы помогут при сотрясении мозга. Сломанные кости проблемы не представляли: надо было наложить мелкочаеистую сетку на пострадавшие области, чтобы запустить остеобластный метаболизм*. Это Кларк умела делать практически с тех пор, как стала рифтером.

— Эй! — Из чрева Мири донесся тонкий, испуганный голос Рикеттса. — Я не могу пошевелиться.

— Это нейроиндукционное поле, — успокоила его Кларк. — Не волнуйся. Оно просто удерживает тебя во время лечения.

Бип.

Ну вот, готово. 10 млн частиц на миллиметр.

«О, господи».

Как долго он блуждал по лесу? Насколько далеко распространил культуру? А тот, кто избил его: превратился ли он в носителя, подцепил ли сам Сеппуку через содранную кожу на костяшках пальцев? Сколько дней пройдет, прежде чем он поймет, какую цену заплатил за этот несчастный мотоцикл?

«Изолируй носителя. Вызови подъемник».

Подъемник. Странно даже думать об этом. Приходилось напоминать себе: «Они же не монстры, в конце концов. Не огнедышащие драконы, посланные с небес, чтобы сжечь нас дотла. Они же работают на хороших парней.

И мы сейчас на их стороне».

Но тем не менее...

В первую очередь. Рикеттса необходимо...

вывести из обихода

...изолировать до тех пор, пока за ним не прилетят. Вот только возможностей сделать это было не так уж много. Если оставить его в лазарете, то машина станет непригодной для работы, и Кларк сильно сомневалась в

* *Остеобластный метаболизм* — обмен веществ в костных тканях, необходимое условие для сращивания костей.

том, что во Фрипорте существовали карантинные зоны еще до того, как он превратился в руины.

«Тут он не может остаться».

Она понаблюдала за тем, как суставчатые конечности и лазерные глаза Мири собирают Шалтай-Болтая. Затем вызвала меню анестезии и выбрала изофлуран.

— Давай-ка поспим, — прошептала она.

Спустя несколько мгновений дрожащие веки опустились на широко раскрытые, нервно бегающие глаза Рикеттса. Как будто Лени сделала ему смертельную инъекцию.

— Да ты знаешь, кто я такая, жалкая сука? — спросил демон и плюнул.

Нет, подумала она.

— *Я — Лени Кларк!*

Система снова упала.

— Ага, — тихо произнесла Кларк. — Точно.

Она сменила это мрачное зрелище на вид посветлее. Иллюминатор «Вакиты» выходил на илистую равнину, где даже что-то можно было увидеть: следы от туннелей, прорытых ройными животными; норы беспозвоночных. Одинокий краб апатично шел куда-то в мутной воде.

Поверхность океана была темно-зеленой и на глазах становилась все ярче. Наверное, всходило солнце.

— Что?..

Она повесила шлемофон на подлокотник и повернулась к сиденью второго пилота. «Вакита» была слишком маленькой для полноценного отдельного медотсека, на такие случаи годилась откидная койка по правому борту. Она была убрана в такой же литой отступ, в котором крепились кровати на противоположной переборке; но в отличие от них ее утолщенное основание выпирало из стены, опутанное трубками и проводами. При использовании она опускалась, словно короткий и широкий

подъемный мост, висящий на двух моноволоконных нитях. Они, края койки и нависающая переборка образовывали грани маленькой палатки, вдоль которых была натянута изолирующая мембрана.

Рикеттс лежал внутри на боку, одной рукой упирался в пленку, растягивая ее.

— Привет, — сказала Кларк.

— А где мы?

— Под водой.

Она поднялась со своего места в главную каюту, пригибая голову, поскольку изгибы корпуса не позволяли встать в полный рост. Парень попытался сесть. У него пространства было еще меньше.

— А что со мной...

Она глубоко вдохнула:

— Ты подхватил... инфекцию. Очень заразную инфекцию. Я думаю, будет лучше, если ты побудешь в изоляции.

Благодаря помощи Мири кроводтеки на его лице уже начали излечиваться. В остальном он как-то сильно побледнел.

— «Ведьма»? Но я принес тебе лекарство, так?..

— Оно оказалось... немного не тем, на что мы рассчитывали, — объяснила Кларк. — Чем-то... совсем другим.

Рикеттс на мгновение задумался, упершись пальцами в мембрану. Та растянулась, переливаясь.

— То есть... то есть это просто какая-то другая болезнь?

— Боюсь, что так.

— Тогда все понятно, — пробормотал он.

— Что понятно?

— Почему у меня такая слабость последние два дня. У меня бы байк не украли, будь я тогда чуть попроворнее. — Нахмурившись, он посмотрел на нее. — Так,

значит, вы всем вокруг растрезвонили, что это бактерия надерет задницу Бетагемоту и что нам типа надо ее собирать и все такое, — и оказалось, что это всего-навсего очередная *зараза*?

— К сожалению, — тихо сказала она.

— *Твою мать*. — Рикеттс снова лег на спину и прикрыл лицо одной рукой. — Ай, — вскрикнул он, словно мысль закончил.

— Да, рука еще некоторое время поболит. Тебе, как видно, здорово досталось, лазарет не может все исправить за секунду.

Он поднес руку к лицу и осмотрел ее:

— А уже лучше. Да мне вообще лучше. Спасибо.

Кларк через силу улыбнулась.

Он, приподнявшись на локтях, глядел из своей маленькой клетушки в более просторную.

— А тут не так уж плохо. Намного лучше, чем в твоей мясовозке.

Он, конечно, ошибался. Медицинские возможности «Вакиты» были, в лучшем случае, рудиментарными и не шли ни в какое сравнение с тем, что предлагал мобильный лазарет.

— Боюсь, тебе придется пробыть здесь некоторое время, — извиняясь, сказала Кларк. — Я понимаю, тут тесновато, но в системе много игр и фильмов, будет не скучно. — Она показала на шлемофон, висящий на ввинченном в потолок крюке. — Могу обеспечить тебе доступ.

— Здорово. Лучше печки.

— Печки?

— Ну да. — Он постучал пальцами по виску. — Микроволновка. Можно застопорить дверцу и сунуть туда голову — прикольные ощущения.

«Ловкий трюк, — подумала Кларк. — Жаль я не знала этого, когда была ребенком. Хотя, может, и знала...»

— Постой, а если я захочу пострять? — поинтересовался Рикеттс.

Кивком головы она указала ему на выпуклую кнопку, торчащую из потолочной балки.

— Койка перестраивается. Нажми ее, когда почувствуешь необходимость. Удобства прямо под тобой.

Так он и сделал и сразу негромко вскрикнул от удивления, когда средняя секция поддона, расположенная под ним, мягко отъехала назад. Его зад мягко вошел в широкую горловину установленной под ним чаши.

— Ну и ну, — прошептал он, пораженный сверх всякой меры; нажал — и койка вернулась в прежнее состояние.

— Ну и что теперь? — спросил он.

«Теперь тебе предстоит стать подопытной крысой. Теперь ты отправишься туда, где машины будут вырезать из тебя куски, пока не убьют или пока тварь внутри не убьет тебя. Теперь тебя будут допрашивать о том, сколько времени ты околачивался во Фрипорте, о том, сколько человек успел заразить, и сколько успели заразить они. Они найдут того придурка, который избил тебя, и, возможно, захотят допросить и его. А может, и нет. Может, они решат, что время для милых расспросов и индивидуальных карантинных прошло, — ведь если тобой придется пожертвовать ради Фрипорта, то почему не пожертвовать Фрипортом ради Новой Англии? Вот такое оно, общее благо, мальчик. У него скользящая шкала. И оно концентрическое.*

И жизнь любого из нас не стоит ничего, когда ее выложат на стол».

Придется бросить кости. Возможно, сотни погибнут в пламени. А может, умрет лишь Рикеттс, по частям.

— Эй? — сказал Рикеттс. — Ты здесь?

* Скользящая шкала — шкала цен и доходов, отражающая взаимосвязь между различными экономическими параметрами.

Кларк заморгала:

— Прости?

— И что теперь?

— Я пока не знаю, — ответила она.

ПАРАНОИК

Аарон вывел на Бет, Бет на Хабиба, Хабиб на Ксандера, и все они привели к тому, что двадцать тысяч гектаров пустошей в Новой Англии предали огню. И это еще не все: судя по разговорам на закрытой частоте, дальше к югу, вопреки желанию Дежардена не высовываться, околачивались по меньшей мере трое оперативников.

Восемь дней. И Сеппуку полностью оправдывал шумиху вокруг себя. Распространялся он намного быстрее Бетагемота.

Ксандер вывел на Фонга, а тот решил обороняться. Лабин загнал его в устье старого штормового слива, точившего склизкую воду в реку Мерримак. Диаметр устья было добрых два метра — дыра в бетонном обрыве высотой в три раза больше. Из него языком высовывался желоб, ведущий к реке, треугольный, с приподнятыми краями. Добраться к отверстию слива можно было только по нему, скользкому от буро-зеленого илистого налета.

А еще в устье оказались зубы: решетка из металлических прутьев, вделанная в метре от входа. Она не дала Фонгу скрыться под землей и вынудила разыграть единственный козырь: старинный пистолет, стрелявший пулями неопределенного калибра. Лабину было чем ответить: ему выдали обездвигивающий микроволновый «Шуберт», способный нагреть тело до 60° по Цельсию, и скорострельный «Хеклер и Кох», сейчас заряженный ослабленными конотоксинами. К сожалению, с нынешней позиции Лабина преграда из земли и бетона экранировала микроволновый луч, а чтобы выстрелить из «Хеклер и Кох»,

пришлось бы выйти на открытый и скользкий скат желоба.

Казалось бы, неважно — в обычных обстоятельствах превосходство все равно несомненное, даже с поправкой на то, что за последние пять лет меткость у Лабина была уже не та. Даже с поправкой на то, что Фонг скрывался в тени, а Кену, стоило ему выглянуть из-за угла, солнце било прямо в глаза. Прицеливаться так, конечно, трудновато, но все же — Лабин был профессионалом.

По-настоящему сравнивали шансы телохранители Фонга. Их обнаружили целые тысячи, и все они разом атаковали Кена.

Он почти не заметил их приближения: тучу мошकारы, зависшей над уцелевшим на берегу клочком зелени. По прежнему опыту Лабин считал их совершенно безвредными. Походя отмахнулся, глядя только на бетонный барьер, разрезавший берег... а в следующий миг они атаковали: рой насекомых, похожих на москитов, но злобных как пираньи.

Они кусались, они отвлекали, они мешали сосредоточиться и не давали подкрадываться. Фонг, украдкой хлебавший воду из стока, увидел его и успел пальнуть, прежде чем нырнул обратно в укрытие. Он бы так и ушел, если бы Лабин, прорвавшись сквозь кордон насекомых к сливу, не загнал жертву в тоннель.

— Я хочу забрать тебя в больницу! — крикнул он. — Ты заразился...

— Пошел на хер, — выкрикнул в ответ Фонг.

Эскадрилья тяжелых пикировщиков нацелилась на открытую кисть Лабина, почти не нарушая строя: эти уроды преследовали его! Он с силой хлопнул себя по руке — и достал только самого себя. Пришлось развернуть и натянуть изолирующие перчатки, перекидывая «Шуберт» из руки в руку, а потом потянуться через плечо за капюшоном.

Только кармашек на спине оказался пустым. Капюшон, скорее всего, висел на каком-нибудь суку в оставшейся позади чаще.

А человек перед ним целых двое суток контактировал с Сеппуку. Лабин позволил себе негромко выругаться.

— Я не хочу тебе зла, — снова заорал он. Что было чистой правдой — пока. Желание убить хоть что-нибудь еще не пробилось сквозь самоконтроль. Налетели новые насекомые: он прихлопнул несколько на предплечье и потянулся к берегу — зачерпнуть воды и смыть, — но остановил себя. Трудно сказать наверняка, но похоже, у раздавленных мошек было слишком много ног.

Смахнув их с руки, он вернулся к первоочередной задаче и самую малость повысил голос:

— Пойдешь со мной и не вздумай спорить!

«У насекомых... да, по шесть ног». Он отмахнулся от нового захода: на заливке уже горели точки укусов.

— Вопрос только в том, пойдешь ты сейчас или потом.

— Потом, урод! Я знаю, на чьей *ты* стороне!

— Тогда обсудим, доставить тебя в больницу или в крематорий? — пробурчал Лабин. Рой нацелился в лицо. Он жестоко хлопнул себя по лбу. На ладони остались три расплюснутых трупика. У каждого — по восемь ног.

У кого там по восемь ног? У пауков? Пауки летают? И охотятся стаями?

Он вытер ладонь о подвернувшийся под руку клочок зелени, устилавшей набережную. Стебли отдернулись от прикосновения. Он инстинктивно убрал руку. Какого?..

Модификанты, без вопросов. Или случайный гибрид. По листе шли волны перистальтики.

«Сосредоточься. Не отвлекайся».

Новый заход пикирующих бомбардировщиков. Их стало меньше — может, большую часть роя он уже уничтожил. Лабину казалось, что он уже задавил сотню роев.

Скребуший звук за барьером.

Он выглянул из-за желоба. Фонг карабкался по сухой полоске бетона на дальней стороне слива. Стену за его спиной украшало впечатляющее граффити: стилизованное женское лицо с пустыми белыми глазами и резким зигзагом вензеля: МР.

Фонг заметил его и выпустил три пули наобум. Лабин не потруился даже пригнуться: его микроволновик уже был настроен на широкий луч, слишком рассеянный, чтобы убить, но достаточно мощный, чтобы разогреть последний обед Фонга вместе с кишками. Беглец скорчился от рвоты, содержимое желудка плюхнулось в мелкую воду, бегущую по слою слизи. Оскользнувшись, беглец покатился вниз по желобу. Лабин поставил ногу на кстати подвернувшийся сухой участок и потянулся, чтобы перехватить падающего. Эскадрилья пауков выбрала именно этот миг для последнего штурма. Лицо и шею облепили кусачие твари. Лабин пошатнулся, ловя равновесие, и Фонг пролетел мимо, задев ногой лодыжку охотника. Лабин грохнулся, как гряда очень злобных кирпичей.

Оба выскочили из желоба.

Падать было не далеко, но приземляться жестко. От Мерримак осталась лишь тень прежней реки: они рухнули не в воду, а на мозаику галечных отмелей и засохшего ила, чуть смоченную струйкой из стока. Лабина самую малость утешило, что он шлепнулся на Фонга.

От удара того опять вырвало. Кен откатился в сторону и встал, стирая рвоту с лица. Засохший ил трескался и разъезжался под ногами. Лицо, шея и руки безумно чесались, но атаку членистоногих камикадзе Лабин, кажется, отбил. Из правой руки сочилась кровь, считающаяся сверхпрочной мембрана лопнула от локтя до запястья. Острый осколок камня длиной с большой палец впился в мякоть ладони. Кен выдернул его, и руку словно пронзил разряд тока. Из раны хлынула кровь. Промокнув

ее, он увидел в глубине разреза узелки жировой ткани, теснившиеся булавочными головками из слоновой кости.

Микроволновик валялся в нескольких метрах от Лабина, и он, морщась от боли, подобрал его.

Фонг так и лежал навзничь, весь в синяках, с левой ногой, вывернутой под неестественным углом. Кожа у него краснела на глазах, на лице вздувались пузырьки от лучевого ожога. Фонг был явно не в форме.

— А неплохо, — заметил Лабин, рассматривая упавшего.

Фонг поднял на него стеклянный взгляд и выдавил что-то вроде: «Что...»

«Ты не стоил таких трудов, — думал Лабин. — Из-за таких, как ты, потеть не стоит. Ты — пустое место. Как ты смеешь быть таким везунчиком! Как ты смеешь меня злить!»

Он пнул Фонга под ребра. Одно сломалась, порадовав треском.

Беглец завопил.

— Ш-ш-ш, — успокоил его Лабин и, наступив каблуком на раскрытую ладонь, повозил взад-вперед. Фонг завизжал. Лабин поразмыслил над его левой ногой — еще целой, — но решил не ломать. В асимметрии есть своеобразная эстетика. Поэтому он наступил на сломанную и хорошенько нажал.

Фонг взвыл и потерял сознание. Это ничего не меняло: Лабин возбудился уже от первого перелома.

«Давай», — подгонял он себя.

Неспешно обошел изломанное тело и остановился у головы. Ради опыта занес каблук.

«Ну давай же, это пустяки. Никому нет дела».

Однако у Лабина были правила. Конечно, с Трипом Вины им не сравниться, но в том, собственно, и смысл. В том, чтобы решать самому. Исполнять собственные алгоритмы. Доказать, что он не обязан сдаваться, доказать, что он сильнее собственных желаний.

«Кому доказать? Кому до этого дело?»

Но он уже знал ответ.

«Парень не виноват. Виноват ты».

Лабин вздохнул, опустил ногу и стал ждать.

— Человек по имени Ксандер дал тебе пробирку, — спокойно объяснял он получасом позже, присев на корточки рядом с Фонгом.

Тот смотрел круглыми глазами и мотал головой. Как видно, возвращение к реальности его не обрадовало.

— Пожалуйста... не надо...

— Он сказал, что в ней противоядие, способное, если его рассеять по округе, убить Бетагемот. Я раньше тоже так думал. Я знаю, ты хотел добра, — Лабин нагнулся к лежащему. — Понимаешь меня, Фонг?

Беглец сглотнул и кивнул.

Лабин встал.

— Нас обоих дезинформировали. Полученная тобой пробирка изменит все только к худшему. Если бы ты не старался меня убить, мы бы сэкономили много... — Лабин вдруг задумался: — Кстати, любопытно, а почему ты так хотел меня убить?

Фонг явно разрывался от нерешительности.

— Мне действительно интересно, — продолжал Кен без малейшей угрозы в голосе.

— Ты... говорили, кто-то мешает лечению, — выпалил Фонг.

— Кто?

— Кто-то. По радио говорили. — Одинокый, беспомощный, переломанный, он все равно, как мог, выгораживал своих. «Неплохо», — невольно признал Лабин.

— Мы не мешаем, — сказал он вслух, — и ты, если в последнее время связывался в Ксандером, Аароном и их друзьями, должен сам это знать. Они очень больны.

— Нет...

Если это был протест, у Фонга не хватило сил на решительность.

— Я должен узнать, куда ты дел пробирку, — сказал Лабин.

— Я... съел, — выдал зараженный.

— Съел... то есть выпил содержимое?

— Да.

— Ты его не распространил, а выпил все сам?

— Да.

— Можно спросить, зачем?

— Говорят, это лекарство от Бетагемота. Я... у меня уже первая стадия. Говорят, умру к зиме, а в анклав не попасть...

Лабин не осмелился коснуться этого человека — от изолирующего костюма остались лохмотья. Только осмотрел обнаженную, покрасневшую кожу, вздувающиеся на ней волдыри. Если на ней и были явные признаки Бетагемота или Сеппуку, то теперь все скрыли ожоги. Вспомнить бы, видел ли он симптомы до первого выстрела.

— Когда ты выпил? — спросил он наконец.

— Два дня назад. Я хорошо себя чувствовал, пока ты... вы... — Фонг слабо дернулся и поморщился от боли.

Два дня. Сеппуку действует быстро, но все симптомы, с которыми сталкивался Лабин, проявлялись у зараженных позже. Возможно, появятся через несколько часов. Самое большее, через день или два.

— ...со мной, — бормотал Фонг.

Лабин взглянул на него:

— Что?

— Что будет со мной?

— За тобой прилетит подъемник. К концу дня окажешься в больнице.

— Извините, — сказал Фонг и закашлялся. — Мне сказали, что я умру к зиме, — слабым голосом повторил он.

— Умрешь, — заверил его Лабин.

МАТРЕШКА

Кларк никого не вызвала.

Она контактировала с Рикеттсом теснее всех, если не считать того, кто его избил, и оказалась чиста. И готова была поручиться, что люди из Фрипорта тоже незаражены.

А вот парни с пальцами на кнопках могли с ней не согласиться.

Лени знала все доводы. И, что ошибаться лучше в безопасную сторону, тоже. Просто они ее не убеждали, так как принимавшие решение сидели в далеких неприступных башнях, суммируя колонки голых цифр и байесовских вероятностей. Возможно, эксперты не ошибаются, и править миром могут только создания без совести — трезвые, дальновидные, рациональные, те, кого не трогали эмоции, которые в простых смертных пробуждала гора трупов. Люди — не цифры, но, вероятно, правильное всего обращаться с ними как с цифрами.

Вероятно. Но Кларк не поставит судьбу Фрипорта на такую вероятность.

Судя по сводкам, действенного лечения не предвиделось. Никто ничем не мог помочь Рикеттсу, разве что засадить его в карантин. Может, со временем положение изменится. Может, оно изменится даже раньше, чем Сеппуку его убьет, хотя такая возможность выглядела ничтожно малой. А пока с делом вполне справлялся Лабин — пусть он и не в лучшей форме, но для горстки зараженных дикарей, которые даже не знают, что за ними идет погоня, хватит и этого. Если Биомоцартам нужны живые образцы, Лабин их обеспечит.

И ни к чему скормливать системе этого тощего мальчишку. За последние годы Кларк уяснила, как действует протокол исследований: даже если лекарство найдено, никто не станет тратить его на лечение лабораторных крыс.

Разве что Така Уэллетт. Ей бы Кларк доверилась не раздумывая. Но неизвестно, где она и как с ней связать-

ся. А полагаться на то, что система доставит парня в ее несравненные объятия, Кларк точно не могла. Что до Рикеттса, он, как ни странно, выглядел вполне довольным своим положением. Даже счастливым. Может, он забыл, как было раньше, а может, ему и тогда не слишком хорошо жилось. До встречи с Кларк он видел только неприветливую умирающую землю, на которой ему предстояло провести всю свою недолгую жизнь. Пожалуй, вершиной его надежд было умереть спокойно и в одиночестве под крышей какой-нибудь развалины — до того, как его разорвут на куски ради одежды или мусора в карманах.

И когда его спасли из этого мира, когда он очнулся в сверкающей субмарине — такое не снилось ему даже в самых волшебных снах. Жизнь Рикеттса была настолько мрачной, что пожизненное изгнание на дно океана казалось ему шагом вверх.

«Я могла бы просто дать ему умереть здесь, — думала Кларк, — и он умер бы счастливым, как никогда в жизни».

Конечно, она оставалась начеку. Дурой Лени не была. По миру ходил Сеппуку, а Рикеттс ехал с ним от самого Вермонта. Не стоило забывать и о том громиле на украденном мотоцикле. Она брала анализы на новую инфекцию у проходивших сквозь Мири, независимо от жалоб или их отсутствия. Читала шифрованные сводки, предназначенные только для своих. Смотрела открытые передачи, предназначенные для дикарей, трансляции из высокотехнологичных убежищ в Бостоне и Огасте: погода, расписание мобильных лазаретов, приемные часы в фортах Бетагемота — и невесть зачем советы по программированию. Она удивлялась, что обитатели замков позволяли себе вещать вот так, словно рассылка публичных бюллетеней могла оправдать их, бросивших все в заботе о собственном спасении.

Лени разъезжала по проселкам, проверяя ветхие дома в поисках больных, ослабевших настолько, что не в силах были разыскать ее сами. И опрашивала пациентов: не

знают ли они людей, свалившихся с сильной лихорадкой, болью в суставах, внезапной слабостью.

Никого.

Она вспоминала друга, Ахилла Дежардена. И гадала, жив ли он или умер, после того как Спартак перепаял ему мозги. Все цепи, которые делали его тем, кем он был, изменились. Его личность изменилась. Вполне возможно, она трансформировалась настолько, что прежнего Ахилла больше не существовало. Может, в его голове поселилось совершенно новое существо, пользующееся его воспоминаниями.

Но в одном он наверняка остался прежним. Он по-прежнему держал палец на кнопке, имел право убивать многих, чтобы спасти множество. Может, когда-нибудь — скоро — ему придется сделать это здесь. Кларк понимала, что может ошибаться, и крайние меры все-таки окажутся необходимыми.

Но не сейчас. Если Сеппуку и добрался до Фрипорта, то в городе-призраке он залег на дно, ничем себя не выдавая. Как и Лени. Пока Рикеттс оставался ее маленьким секретом.

Пока он не умер. Но вряд ли долго протянет.

Кларк шагнула из шлюза «Вакиты», по гидрокостюму бежали капли воды. Рикеттс был настолько мокрым, что хоть выжимай.

Кожа парня покраснела, как от солнечного ожога. Он давно сорвал с себя все лохмотья и лежал голый на матрасе, не успевавшим впитывать пот.

Но биометрия на табло пока не показывала тревожных сигналов. Уже что-то.

Уши у него были заткнуты наушниками, но парень услышал ее шаги и обернулся. Слепое лицо в шлеме, казалось, смотрело сквозь нее.

— Привет!

Его улыбка выглядела абсурдным парадоксом.

— Привет, — ответила Лени, направляясь к циркулятору у дальней стены, — есть хочешь?

Она просто заполняла паузу: капельница не только накачивала парня лекарствами, но и кормила.

Рикеттс покачал головой:

— Извини, занят.

Наверно, в виртуальной реальности сидел. Планшет лежал у него на коленях разряженный, но имелись и другие интерфейсы.

— Как здорово! — пробормотал он.

Кларк уставилась на него.

«Как ты можешь так говорить? Почему ведешь себя словно все в порядке? Разве ты не знаешь, что умираешь?»

Пожалуй, он и не знал. «Вакита» не могла его вылечить, но от страданий избавляла: поддерживала баланс жидкостей, глушила в организме систему тревоги, успокаивала горящие в лихорадке или от тошноты нервы. Причем медкойка боролась не только с Бетагемотом. Жизнь Рикеттса состояла из неудобств, хронических инфекций, паразитарных заражений и незалеченных ран. Теперь исчезли и они. Уже много лет мальчик не чувствовал себя так хорошо и, скорее всего, считал, что поправляется, а слабость скоро пройдет.

Он и не мог думать иначе, пока Кларк не скажет ему правду.

Она включила циркулятор и забралась выше, в кабину. Под темным стеклом штурманской панели мигали системные индикаторы. Что-то в них было не так...

— Здесь так чисто, — сказал Рикеттс.

Он не сидел в виртуальной реальности и не играл в игры.

«Он взломал систему навигации».

Она выпрямилась так резко, что ударилась головой о верхний иллюминатор.

— Ты что здесь делаешь? Это не...

— Никакой жизни, вообще, — не унимался парень. — Тут даже ни одного червя не видно. И все такое... такое... — Он не нашел слов.

Лени спустилась к нему. Рикеттс лежал, уставившись на девственно-чистое окружение «Вакиты», замороженный чудесным миром.

— Цельное, — нашелся он, наконец.

Лени протянула руку. Мембрана чуть заметно пружинила под пальцами, обтягивала руку паутиной, прогибалась, обнимая локоть. Кларк тронула мальчика за плечо. Тот повернул к ней голову — или она сама перекатилась, повинувшись силе тяжести.

— Как ты это сделал? — спросила Кларк.

— Сделал?.. А, саккадная клавиатура. Ну ты же знаешь. Движения глаз. — Он слабо улыбнулся. — Так легче, чем с планшетом.

— Нет, я имею в виду, как ты пробрался в «Вакиту»?

— А что, нельзя было? — Он сдвинул наушники на покрытый бусинами пота лоб и нахмурился. Кажется, ему трудно было смотреть на нее. — Ты разрешила пользоваться интерфейсом.

— Для игр!

— О, — смутился Рикеттс. — Я, честно, понимаешь, я не...

— Ничего, — успокоила она.

— Я просто посмотрел. Ничего не переписывал. Там нет паролей, понимаешь... — Подумав, он добавил: — Вообще никакой защиты.

Кларк покачала головой. «Кен меня убьет, если узнает, что я впустила сюда мальчишку. И уж точно надает пинков за то, что не установила пароли».

Что-то ворочалось в голове — что-то, о чем Рикеттс сейчас сказал. «Ты разрешила пользоваться интерфейсом. Я просто посмотрел. Ничего не переписывал...»

— Постой-ка, — спохватилась она. — Ты что, мог бы переписать навигационный код, если бы захотел?

Рикеттс покусал губы:

— Точно не знаю. Я даже не понимаю, зачем он. То есть я мог бы его подкрутить, но только наобум.

— Но кодировать ты умеешь?

— Ну да, вроде как...

— В этой глуши. Лазая по развалинам. Ты научился кодировать.

— Не больше других. — Мальчик явно недоумевал. — Ты что, думаешь, жители анклавов, уходя, забрали все запястники и все прочее? Думаешь, у нас электричества нет, или что?

Ну конечно, источники энергии должны были остаться. Блоки Балларда, частные ветряки, фотоэлектрическая краска, приводившая в движение идиотские щиты, рекламировавшие одежду и нейтрализаторы в самый разгар апокалипсиса. Но, значит...

— Ты умеешь кодировать, — недоверчиво пробормотала она, тут же вспомнив о советах по программированию, которые шли по открытым каналам.

— Если не умеешь малость подправить код то там, то тут, то запястниками пользоваться не будешь — будешь время смотреть да официальные рассылки получать. Как я, по-твоему, вас-то нашел? Думаешь, GPS сама собой наладилась, когда туда пробрались вирусы и шреддеры?

Он часто, неглубоко дышал, словно запыхавшись от такой длинной речи. Но и гордился собой, насколько могла судить Кларк. Маленький дикарь на последнем издыхании поражает экзотическую зрелую женщину!

Да, она волей-неволей поразилась.

Рикеттс умеет программировать! Она показала ему коэновскую плату. Он, свернувшись в клетке, дрожащими от напряжения руками настроил шлемофон. И насупился, удивляясь своей слабости.

— Ну, подключай.

Кларк покачала головой:

— По беспроводной нельзя — может вылезти.

Он понимающе кивнул:

— «Лени»?

— По-моему, это называется «шреддеры».

Он кивнул.

— Шреддеры, «лени», «мадонны» — все одно и то же.

— Она постоянно роняет систему...

— Ну да, именно это они и делают.

— Но обрушить эту оперативку невозможно, она только для чтения. Она сама слетела.

Парень с трудом пожал плечами.

— Но зачем ей это делать? — продолжила Лени. — Я видела, что в естественных условиях она крутилась куда дольше пяти секунд. Как думаешь, ты можешь...

— Конечно, — сказал он, — давай проверю. Но и тебе придется кое-что для меня сделать.

— Что же?

— Сними с глаз эти дурацкие штуковины.

Она инстинктивно шагнула назад.

— Зачем?

— Хочу увидеть. Твои глаза.

«Чего ты боишься? — спросила себя Лени. — Думаешь, он увидит в них правду?»

Но она, конечно, была сильной. Уж всяко сильнее его. Заставила себя разоружиться, и все равно — глядя ей прямо в нагие глаза, он не увидел в них ничего плохого.

— Оставила бы так. С ними ты почти красивая.

— Ничего подобного.

Она ослабила мембрану и протолкнула под нее плату. Рикеттс не сумел ее удержать, уронил на матрас. Пленка уже восстановилась, не оставив даже шва. Пока Кларк переводила на максимум поверхностное натяжение, сму-

щенный своей неуклюжестью Рикеттс старательно разглядывал устройство. Потом он медленно, осторожно надел шлем. Справился и завалился на спину, тяжело отдуваясь. Коэновская плата засветилась.

— Черт, — вдруг прошипел Рикеттс. — Вот же дрянь поганая! — И, помолчав: — А, вот в чем твоя проблема.

— В чем?

— В пространстве для маневра. Она вроде как атакует случайные адреса, но ты поместила ее в очень тесную клетку, вот она и заикнулась на собственном коде. Если добавить памяти, продержится дольше. — Помолчав, он спросил: — А вообще, зачем ты ее держишь?

— Я просто хотела кое-что у нее спросить, — ошестинилась Кларк.

— Шутишь, что ли?

Кларк покачала головой, хотя парень ее не видел:

— Я...

— До тебя что, не доходит, что она ничего не соображает?

Она не сразу поняла его.

— То есть?

— Она и близко не дотягивает по размеру, — пояснил Рикеттс. — На тесте Тьюринга и двух минут не продержится.

— Но она отвечала. Пока не зависла.

— Нет, не отвечала.

— Рикеттс, я ее слышала!

Он фыркнул и судорожно закашлялся.

— Ясное дело, у нее есть диалоговое древо. Вроде рефлексов на ключевые слова, но не...

Кларк залилась краской.

«Господи, какая же я дура!»

— То есть, наверно, бывают умные шреддеры, — добавил мальчишка, — но только не эта.

Лени провела ладонью по волосам.

— Может, есть другие способы ее... допросить? Сменить интерфейс? Или, не знаю, декомпилировать код?

— Она эволюционировала. Ты когда-нибудь просчитывала эволюционный код?

— Нет.

— Это такая каша! Большая часть уже просто не действует, просто мусорные гены, оставшиеся от... — Он замолчал, а потом очень тихо спросил: — А почему ты ее просто не сотрешь? Они не разумные. В них нет ничего особенного. Просто куски дерьма, которые мечут в нас какие-то уроды, добивают все, что у нас осталось. Они даже друг друга атакуют при случае. Если бы не файерволлы, экзорцисты и прочая хрень, они бы уже все доломали.

Кларк не ответила.

Рикеттс, чуть ли не со вздохом, спросил:

— Ты странная, знаешь?

Она ответила слабой улыбкой.

— Буду рассказывать — никто мне не поверит. Жаль, что ты не сможешь пойти со мной. Просто чтобы наши не подумали, будто я все выдумал.

— Ваши?

— Дома. Когда я вернусь.

— Ну, — сказала она, — там видно будет.

Жалкая, щербатая улыбка расцвела под наушниками.

— Рикеттс, — позвала она, выждав.

Нет ответа. Он лежал, бессильный и терпеливый, и еще дышал. Телеметрия продолжала выписывать светящиеся кривые: сердце, легкие, неокортекс. Все показатели за пределами нормы: Сеппуку загнал метаболизм парня в стратосферу.

«Он спит. Он умирает. Оставь его».

Она залезла в кабину и упала в штурманское кресло. Все вокруг озаряло смутное зеленоватое свечение, растворяющееся в серости. Она не стала выключать свет в кабине: «Вакита» была подводной пещерой в умирающем

свете, ее дальние уголки уже тонули в тени. Сейчас Кларк почти радовалась слепоте своих нагих глаз.

В последнее время тьма всегда казалась лучшим выбором.

БАЗОВАЯ ПРОВОДКА

Для начала он ее ослепил, пустил в глаза жгучие капли, от которых мир превратился в мутную серую абстракцию. Выкатил ее из камеры в коридор. К лифту, тот она опознала по звуку и перемене направления. Вот на чем она сосредоточилась: на инерции, на звуках и размытом ощущении света, видимого как сквозь кусок толстой кальки. Старалась не замечать запах собственного дерьма, лужей собирающегося под ней на каталке. И не замечать боли, уже не такой острой и пронизывающей, зато разраставшейся в груди огромной жгучей ссадиной.

Конечно, это было невозможно. Но она старалась. Когда каталка остановилась, зрение начало проясняться. К тому времени, как индукционное поле вернулось и снова превратило ее в тряпичную куклу, которую и привязывать-то ни к чему, она уже различала в тумане размытые формы. Мало-помалу очертания становились резче, а тем временем палач вставлял ее в подобие жесткого экзоскелета в положении на четвереньках — только вот ни одна конечность не касалась земли. Конструкция держалась на шарнирах: от легкого толчка в бок расплывчатые очертания лениво завращались перед глазами, словно ее привязали к карусели.

К тому времени, как включились нервы моторики, Така уже видела ясно. Она находилась в подземелье. Никакого средневековья, никаких факелов на стенах. Рассеянный свет лился из углублений под бордюром потолка. Петли и ремни, свисавшие со стены, изготовлены из меметических полимеров. Лезвия, клещи и зубастые

«крокодилы» на скамье слева — из блестящего нержавеющей сплава. На чистейшем полу эшеровская мозаика: лазурные рыбки, переходящие в нефритовых птичек. Она не сомневалась, что и моющие средства на тележке у двери — самые современные. Единственный анахронизм — пирамида грубых деревянных жердей, прислоненных к стене, с заостренными вручную концами.

На шее у нее был воротник — вернее, ошейник, — не позволявший повернуть голову. Видимо учитывая это, Ахилл Дежарден услужливо приблизился к ней слева с планшетом в руке.

«Он один, все сам, — с трудом подумала она, — остальные не знают». Если бы знали, зачем бы обтягивали себя защитными костюмами? Зачем ему было устраивать карантинную камеру, почему бы не доставить ее прямо сюда? Те, кто привезли Уэллетт, ничего не знали. Им, скорее всего, сказали, что она носитель, угроза, и попытается сбежать при первой возможности. Они, наверное, думали, что делают доброе дело.

Для нее сейчас это ничего не меняло. И все же было важно: не весь мир сошел с ума. Часть его просто дезинформировали.

Ахилл рассматривал ее сверху вниз. Она ответила на его взгляд: выгнула шею, надавив затылком на колодки.

И съежилась. Рама, удерживавшая тело, стала, вроде бы, чуть теснее.

— Зачем ты это делаешь?

Он пожал печами.

— Чтобы отвлечься. Это должно быть ясно даже такой дуре, как ты, Элис.

У Таки неудержимо задрожала нижняя губа. Она прикусила ее изо всех сил. «Ничего ему не давай, ничего!» Но, конечно, было уже поздно.

— Ты, кажется, что-то хочешь сказать? — спросил Ахилл.

Она помотала головой.

— Давай, девочка, говори. Говори, девочка!

«Не о чем мне с тобой говорить, тварь».

Он снова запустил руку в карман. Что-то там знакомо щелкнуло.

«Он хочет, чтобы я говорила. Он приказал мне говорить! Что будет, если я откажусь?»

Шелк-шелк.

«А если заговорю, и ему не понравится, что я скажу? Что, если...»

Неважно, поняла она. Это ничего не изменит. Ад есть ад. Если он захочет ее мучить, то будет мучить, что бы она ни сказала.

Она, скорее всего, уже покойница.

— Ты не человек, — прошептала она.

Ахилл помычал.

— Справедливо замечено. Хотя я им был. Пока меня не освободили. Ты знала, что человечность можно удалить? Есть такой вирус под названием «Спартак», так он просто высасывает ее из тебя.

Дежарден отошел, скрылся из вида. Така попыталась повернуться за ним, но колодка держала крепко.

— Так что не меня вини, Элис. Я — жертва.

— Я... мне жаль, — сказала Така.

— Еще бы. Тут всем жаль.

Она сглотнула и постаралась не думать, на что он намекает.

Экзоскелет, видимо, был снабжен пружинами. Щелкнуло, и руки Уэллетт резко забросило за спину, свело в запястьях. Мышцы натянулись, разлитая по телу боль сошлась острием в груди. Така сумела не крикнуть и почувствовала гордость какой-то далекой, незначительной частью сознания.

Потом что-то холодное шлепнуло ее по заду, и она все-таки вскрикнула, — но это Ахилл просто мыл ее мокрой

тряпкой. Жидкость почти сразу испарялась, холодя кожу. Она почуяла запах спирта.

— Прости, ты что-то сказала?

— Зачем ты меня мучаешь?

Слова вырвались из глотки раненого зверя прежде, чем она успела стиснуть зубы. «Глупая, глупая дура! Ему же нравится, когда ты скулишь, плачешь, корчишься. Ты знаешь, зачем он это делает. Ты давно знала, что такие люди существуют».

Но зверя, конечно, вовсе не интересовало, зачем. Зверь и не понял бы ответа. Он просто хотел, чтобы над ним перестали издеваться.

Дежарден легонько погладил ее по заду.

— Сама знаешь.

Така замотала головой из стороны в сторону в бешеном, яростном протесте.

— Есть же другие способы, проще! Без риска, и никто бы не стал тебе мешать...

— Мне и сейчас никто не мешает, — напомнил Ахилл.

— Но ты же знаешь, что с хорошим шлемом, передающим ощущения и звуки, ты мог бы проделывать такое, что в реальном мире физически невозможно. И с таким количеством женщин, какого иначе у тебя никогда не было бы...

— Пробовал. — Шаги снова приблизились. — Все равно что онанировать на галлюцинацию

— Но там и ощущения, и вид, и даже запахи такие реалистичные, что не отличить...

Он вдруг схватил ее за волосы, вывернул голову, так что она оказалась нос к носу с ним. Ахилл больше не улыбался и заговорил без намека на светскую любезность:

— Мне не нужен ни вид, ни запах, ясно? Галлюцинация не чувствует боли. Это игра. Какой смысл пытаться того, кто не способен страдать?

Он еще раз основательно вывернул ей шею.

И тут же отпустил, вернувшись к бодро-непринужденному тону:

— В общем-то, я не слишком отличаюсь от других. Ты же образованная зараза, наверняка знаешь, что единственная разница между сексом и свежеванием заживо — в нескольких нейронах и уйме социальных условностей. Вы все такие же, как и я. Я просто утратил те части, которые притворялись, что это неправда. А теперь, — добавил он, добродушно подмигнув, — тебя ждет устный экзамен.

Така покачала головой:

— Пожалуйста...

— Не потей, повторение пройденного. Помнится, на прошлом уроке мы говорили о Сеппуку и ты, кажется, удивилась, что этот организм способен к половому размножению. Знаю, знаю, тебе это и в голову не приходило, да? Хотя все обладает полом, даже бактерии занимаются сексом. И мы с тобой занимаемся сексом, но у Сеппуку ты его не подозревала. Глупо, Элис. Дэвид будет очень разочарован.

«О, Дэйв, слава богу, что ты меня сейчас не видишь!»

— Впрочем, пойдем дальше. Сегодня мы начнем с мысли, что секс может возникать как реакция, скажем так, на плотность популяции. Популяция растет, вступает половое размножение, и тогда...

Он снова скрылся из ее поля зрения. Така сосредоточилась, попыталась включиться в эту нелепую, унижительную игру ради микроскопического шанса на победу. «Вступает половое размножение, гены перемешиваются, и рецессивные...»

Новый щелчок. Экзоскелет вытянул и растопырил ей ноги в метре над полом.

— Рецесс.. господи, рецессивные летальные гены выходят наружу, и весь генотип... коллапсирует...

Ахилл положил ей на правое бедно что-то сухое и жесткое, комнатной температуры.

— Есть идеи? Или мне начать прямо сейчас?

— Сеппуку самоуничтожится, — выпалила Така. — Вымрет. За критической точкой плотности...

— Ммм...

Она не поняла, этого ли ответа он ждал. В нем был смысл. Если смысл хоть что-то значил в этом проклятом...

— Так почему же он не вымер? — с любопытством спросил Ахилл.

— Потому что... потому что еще не достигнута пороговая плотность. Вы его сжигаете, и он все толком не может закрепиться.

Целую вечность она не слышала ни звука, ни движения.

— Недурно, — наконец произнес Ахилл.

Облегчение окатило ее волной. Внутренний голос упрекнул ее за это чувство, напомнил, что она пленница, что Ахилл Дежарден может менять правила по своему усмотрению, но она не стала слушать, упиваясь крошечной победой.

— Значит, это противоядие, — забормотала она. — Я была права. Он запрограммирован на уничтожение Бетагемота и потом на самоуничтожение.

Где-то у нее за плечом щелкнула захлопнувшаяся ловушка.

— Никогда не слышала термина «реликтовая популяция»? — Тяжесть на бедре пропала. — Думаешь, организм, скрывавшийся четыре миллиарда лет, не сумеет найти уголка, где Сеппуку его не достанет? А ему только и надо, что один уголок. Для начала — хватит. А потом Сеппуку «самоуничтожится», как ты сказала, и Бетагемот вернется, сильнее прежнего. Что, интересно, тогда станет делать Сеппуку? Восстанет из могилы?

— Но в...

— Небрежный ход мысли, Эли. Очень небрежный. Шмяк!

Что-то жгуче хлестнуло ее по ляжкам. Така вскрикнула; внутренний голос с издевкой напомнил: «Я же говорил!».

— Пожалуйста, — проскулила она

— Тянешь класс назад, мокрошелка. — Что-то холодное пощекотало вульву. За плечом слабо скребло, словно ногтем по наждаку. — Понимаю, почему сосновая мебель всегда ценилась так дешево, — заметил Дежарден. — Столько заноз...

Она уперлась взглядом в кафельный пол, где рыбы превращались в птиц, сосредоточилась на неуловимой границе там, где передний план переходил в задний. Попыталась утонуть в умственном усилии. Думать только об узоре.

И не сумела отогнать мысль, что Ахилл подобрал его именно для это цели.

СПЛАЙСИНГ

Она была в безопасности. Дома. В глубине знакомой бездны, вода наваливается ободряющей тяжестью весом с гору, нет света, который бы выдал ее охотникам наверху. Ни звука, кроме биения ее сердца, ни дыхания.

Ни дыхания...

Но ведь так и должно быть? Она — порождение морских глубин, великолепный киборг с электропроводкой в груди, идеал адаптации. У нее иммунитет к перепадам давления, независимость от азота. Она не может утонуть.

Но почему-то, вопреки всем вероятностям, тонула...

Имплантаты перестали работать. Нет, они вовсе исчезли, оставив в груди только бьющееся сердце на дне кровавой полости, где прежде размещались легкие и механизмы.

Тело вопило, требуя кислорода. Она чувствовала, как сжигает кровь. Она пыталась разинуть рот, вдохнуть, но ее лишили даже этого бесполезного рефлекса: маска обтянула лицо непроницаемой кожей. Она запаниковала, забилась, стремясь к поверхности, далекой, как звезды. Внутри ее зияла пустота. Она корчилась вокруг этого ядра пустоты.

И вдруг стал свет.

Простой луч откуда-то сверху разрезал темноту. Она потянулась к нему: к серому хаосу, затянувшему поле зрения по краям, так что глаза начали закрываться. Наверху был свет, а со всех сторон забвение. Она потянулась к сиянию.

Рука ухватила ее за запястье и выдернула в атмосферу. Она снова могла дышать, легкие восстановились, кожа гидрокостюма пропала, как по волшебству. Упав коленями на твердый настил, она со всхлипом втянула воздух.

И подняла лицо к спасителю. Ей улыбнулась сверху бесплотная, разбитая на пиксели карикатура — она сама с пустыми воронками глаз.

— Ты еще не умерла, — сказала видение и вырвало ей сердце.

Существо стояло, хмуро глядя, как она заливает палубу кровью.

— Эй? — сказала оно странным металлическим голосом. — Ты здесь? Ты здесь?

Она проснулась. В реальном мире было темнее, чем во сне.

Она вспомнила тонкий и слабый голос Рикеттса: «Они даже друг друга атакуют при случае...»

— Ты здесь?

Это был голос из сна. Голос ее подлодки. «Вакиты». «Я знаю, что делать», — поняла Лени.

И повернулась в кресле. В темноте за ней сверкала закатная биотелеметрия: гаснущие жизненные силы проявились россыпью желтых и оранжевых огоньков.

И красных — раньше их не было.

— Привет! — позвала она.

— Я долго спал?

Рикеттс говорил через саккадный интерфейс.

«Насколько же надо ослабеть, — подумала Кларк, — чтобы даже заговорить вслух стало непосильным трудом?»

— Не знаю, — сказала она в темноту. — Наверно, несколько часов. — И со страхом спросила: — Как ты себя чувствуешь?

— Примерно так же, — соврал он. А может, и нет, если подлодка справлялась с работой.

Лени выбралась из кресла и осторожно подошла к панели с телеметрией. Дальше слабо блестела фасетка изолирующей мембраны, почти неразличимая невооруженным глазом.

Пока Рикеттс спал, содержание антител и уровень глюкозы вышли на критические значения. Если Кларк не ошиблась в истолковании сигналов, «Вакита» могла до некоторой степени компенсировать недостаток сахара в крови, но отсутствие иммунитета было ей не по силам. А еще на диагностической панели появилась новая шкала, загадочная и неожиданная: в теле Рикеттса нарастало нечто под названием АНД, — скопировав аббревиатуру, Лени обратилась к словарю и узнала, что она означает «аномально-нуклеотидный дуплекс». Эти слова ей тоже ничего не говорили, но поперек оси игрек тянулась пунктирная линия, отмечавшая некий допустимый уровень. Рикеттс приближался к этому порогу, но пока не дошел до него. Подпись к этой границе Кларк понимала: «Метастазы».

«Наверняка недолго осталось, — подумала Кларк и с отвращением к себе добавила мысленно: — Может, времени хватит».

— Ты еще здесь? — позвал Рикеттс.

— Да.

— Одиноко здесь.

Под шлемом. Или в собственном слабеющем теле.

— Поговори со мной.

«Начинай. Ты же знаешь, как начать».

— О чем?

— О чем угодно. Просто... о чем угодно.

«Нельзя использовать человека, даже не попросив...»

Она перевела дыхание.

— Помнишь, ты говорил мне про шреддеров? Что кто-то их использует. Чтобы все разрушить?

— Да.

— Я думаю, они вообще не предназначены для обрушения системы, — сказала Кларк.

Мальчик помолчал.

— Но они только этим и занимаются, кого хочешь спроси.

— Они занимаются не только этим. Така говорила, что они пробивают плотины, разрушают генераторы электростатического поля и бог весть что еще. Тот, что в планшете, хрен знает сколько сидела в лазарете и носа не казала, пока не нашел Сеппуку. Они атакуют какие-то цели, и сеть им очень нужна, чтобы добраться до них.

Она уставилась в темноту, мимо панели с телеметрией, мимо слабого свечения мембраны. Голова Рикеттса казалась тусклым полумесяцем с то гладкими, то мохнатыми краями: очертания растрепанных волос и пластикового наголовника. Лица она не видела. Шлем скрыл бы глаза, даже будь на Кларк линзы. Тело казалось неразличимым намеком на темную массу там, куда не доходил слабый свет. Оно не шевелилось.

Лени продолжала:

— Шреддеры действительно пытаются сломать все, до чего дотягиваются, и, по идее, их создатели хотят, чтобы «лени» преуспели. Так мы думали. Но, по-моему,

эти парни рассчитывают на файерволлы и... на, как их, экзорцистов?..

— Да.

— Может, они рассчитывают, что эта оборона выдержит. Может быть, они хотят, чтобы сеть устояла, потому что сами ее используют. Может, они посылают этих... шреддеров, только чтобы поднять мусор со дна, устроить шум и отвлечь остальных, пока они украдкой делают свое дело.

Она ждала, возьмет ли парень наживку, и наконец услышала:

— Хитро закручено.

— Это точно.

— Но шреддеры рвут все подряд. А создателей здесь нет, их не спросишь. Так что откуда нам знать?

«Оставь его в покое. Он просто ребенок, ты ему нравишься, и он так слаб, что едва говорит. Он бы давно послал тебя подальше, если бы не думал, что ты о нем заботишься».

— Думаю, узнать можно, — сказала она.

— Как?

— Если бы они хотели сломать систему, давно бы этого добились.

— Откуда ты знаешь?

«Я знаю, откуда появились эти демоны. Знаю, с чего они начинались. Знаю, как они действуют. И, возможно, знаю, как их освободить».

— Оттуда, что мы сами могли бы это проделать, — сказала Кларк вслух.

Рикеттс молчал. Может, думал. Может, потерял сознание. Кларк поймала себя на том, что перебирает пальцами, взглянула на новое окошко, которое только что открыла на пульте управления медкойкой. «Паллиативное субменю». Минимальный набор настроек: «питание», «обезболивающие», «стимуляторы». «Эвтаназия».

Голос из прошлого произнес: «Тебе так отвратительна кровь на твоих руках, что ты, не задумываясь, смоешь ее новой кровью».

— Сломать Североамериканскую сеть? — сказал Рикеттс.

— Именно.

— Не знаю. Я... устал.

«Посмотри на него», — велела она себе. Но в подлodge царил мрак, а Кларк сняла линзы.

И он все равно умирает.

Палец ткнул в «стимуляторы».

Рикеттс заговорил снова:

— Сломать сеть? Правда? — В темноте за мембраной что-то зашелестело. — Как?

Она закрыла глаза.

Лени Кларк. Все началось с этого имени.

Рикеттс толком не помнил, откуда впервые пришла «ведьма». Он тогда был совсем маленьким. Но он слышал рассказы: если верить легендам и странам Мадонны, все начала Мадонна Разрушения.

Да, сказала женщина, которая его лечила. Это близко к истине. Лени стала спусковым крючком, распространила Бетагемот по Северной Америке, как мстительный сеятель. И конечно, ее пытались остановить, но вышла... накладка. В глубине взбаламученных виртуальных джунглей Водоворота дикая жизнь заметила стайку первоочередных сообщений, метавшихся туда-сюда. Сообщения были о чем-то называвшемся «Лени Кларк». К ним научились цепляться, путешествовать на чужом горбу. Это была стратегия то ли воспроизводства, то ли расселения — в общем, чего-то в таком духе. В подробностях она так и не разобралась. Но сообщения о «Лени Кларк» стали пропуском в такие места обитания, куда дикой фауне раньше ход был заказан. Так начался естествен-

ный отбор; вскоре фауна уже не только присасывалась к сообщениям о Лени Кларк, но и писала собственные. Мемы просочились в реальный мир, еще больше усилили те, что и так процветали в виртуальном. Положительная обратная связь перестроила их в мифы. Кончилось тем, что полпланеты поклонялось никогда не существовавшей женщине. А другая половина пыталась уничтожить реального прототипа.

Но ни те ни другие ее не поймали.

— И куда она делась? — спросил Рикеттс. Он снова пользовался собственными голосовыми связками, и Кларк видела, как его руки слабо движутся по планшету. Уже умирающая нить накала вдруг разгорелась ровным светом от скачка напряжения, произошедшего без ее воли или согласия. Она выгорала дотла.

— Я говорю...

— Она... исчезла, — ответила ему Кларк. — И большая часть использовавшей ее фауны, думаю, тоже вымерла, но не вся. Некоторая взялась говорить от ее имени еще тогда, когда она была рядом. Я полагаю, вся эта тема с самозванцами пошла после того, как реальная Лени пропала. Такая стратегия помогала распространять мем или вроде того.

Руки Рикеттса замерли.

— А ты ведь так и не сказала, как тебя зовут, — заметил он спустя несколько секунд.

Кларк слабо улыбнулась.

То, с чем они сейчас столкнулись, проросло из того, первоначального зерна. Искаженное до неузнаваемости, оно уже не служило собственным целям, а вкусам тех, кто больше всего ценил хаос и пропаганду. Но началось все с «Лени Кларк» — с властного императива продвигать и защищать все, несущее этот тайный пароль. С тех пор в код вписали новые императивы, а старые забылись — но, возможно, не исчезли совсем. Возможно, старые коды

еще существовали: замкнутые на себя, незаметные, спящие, но целые, как гены древних бактерий в ДНК плацентарных млекопитающих. Может быть, какой-нибудь хитрый выверт мог разбудить спящую тварь поцелуем.

Естественный отбор миллиардами поколений формировал предков этого существа: еще миллион поколений они подвергались искусственной селекции. В генотипе, скалящемся на конце родословной, не было отчетливой конструкции — только беспорядочный клубок генов и мусора, заросли излишеств и тупиков. Даже те, кто направлял эволюцию монстра на более поздних стадиях, вряд ли представляли, что именно меняют, — не больше, чем заводчик породистых собак в девятнадцатом веке представлял, какие аллели поддерживает тщательно обдуманном родственном спаривании. Дешифровка истоков лежала далеко за пределами скромных возможностей Рикеттса.

А вот просто отсканировать код в поисках специфических текстовых элементов — проще простого. И ничуть не труднее отредактировать код, обойдя такой элемент, — даже если точно не представляешь, что делаешь.

Рикеттс запустил поиск. В плененном шреддере сохранилось восемьдесят семь ссылок на текстовую последовательность «Лени Кларк» и ее шестнадцатеричный символ, на стандартный код по обмену информацией и фонетические эквиваленты. Шесть из них спали всего в нескольких мегабайтах от стоп-кодона, прерывавшего транскрипцию на этой линии и переводившего ее на другие.

— Значит, если вырезать этот кодон, — предложила Кларк, — тогда все источники, что ниже него, пронутся?

Парень, озаренный сиянием данных, кивнул:

— Но мы все равно не знаем, что они делают.

— Попробуем догадаться.

— Заставляют «лени» любить «лени», — улыбнулся Рикеттс. Кларк заметила, что еще один из его жизненных показателей ушел в красную зону.

«Может, когда-нибудь», — подумала она.

Разобраться было несложно — для того, кто знал, откуда взялись эти монстры. Сплайсинг оказался достаточно простым — для того, кто умел кодировать. Стоило этим двум элементам сойтись, и вся революция свершилась за каких-то пятнадцать минут.

Рикеттс сломался на шестнадцатой.

— Я... ахх... — Дрожащий звук, скорее выдох, чем голос. Рука тихо шлепнула по матрасу, планшет выпал из пальцев. Телеметрия дала пик по дюжине осей и вытянулась по светящимся асимптотам. Кларк целых десять минут беспомощно наблюдала за тем, как примитивные механизмы пытаются превратить падение в управляемый спуск.

Им почти удалось. Рикеттс выровнялся над самым горизонтом обморока.

— Мы... справились, — перевела «Вакита». Мальчик так и не снял гарнитуру.

— Ты справился, — мягко поправила Кларк.

— Спорим, это... сработает...

— Проверим, — прошептала она. — Береги силы.

Адренокортикоиды стабилизировались. Кардиограмма сперва заикалась, потом забила ровно.

— Правда хочешь сломать?..

Он знал, они это уже обсуждали.

— Обменять Североамериканскую сеть на саму Америку. Разве не выгодная сделка?

— Не знаю...

— Мы этого вместе добились, — ласково напомнила она. — Это ты сделал.

— Хотел проверить, смогу ли... потому что ты...

Потому что она нуждалась в его помощи, а он хотел ее поразить. Потому что маленький дикарь из глуши

впервые увидел такую экзотическую штучку, как Лени Кларк, и пошел бы на все, лишь бы хоть чуть-чуть приблизиться к ней.

Как будто она не знала об этом с самого начала. Как будто не использовала его.

— Если ошиблись, — сказал, умирая, Рикеттс, — все рухнет.

«Если я права, все уже рухнуло. Просто мы еще об этом не знаем».

— Рик... они использовали м... ее против нас.

— Лени...

— Ш-ш, — сказала она. — Отдыхай.

Несколько секунд «Вакита» вокруг них гудела и щелкала. Потом перевела новое сообщение:

— Закончишь что начала?

Она знала ответ. Просто удивилась и устыдилась, что у этого подростка хватило ума спросить.

— Не закончу, — наконец сказала она. — Исправлю.

— Друзья, если бы узнали, меня бы убили, — задумчиво протянула машина голосом Рикеттса. — Хотя, — добавил он, теперь уже своим голосом, похожим на шорох соломы, — я, наверно... все равно умру. Да?

Индикаторы телеметрии горели в темноте холодными кострами. В тишине вздыхали вентиляторы «Вакиты».

— Думаю, что да, — сказала она. — Мне очень жаль, Рикеттс.

Слабо чмокнули губы, почти невидимая голова шевельнулась — может быть, кивнула.

— Ага, я так и... думал. Хоть и странно. Мне же вроде как стало... лучше.

Кларк закусила губу. Вкус крови.

— Скоро? — спросил Рикеттс.

— Не знаю.

— Черт, — выдохнул он, помолчав. — Ну... пока. Я... похоже...

«Пока», — подумала она, но сказать не сумела. Она стояла, слепая и немая, с перехваченным горлом. В темноте что-то неуловимо сдвинулось: словно кто-то, долго задерживавший дыхание, наконец выдохнул. Лени протянула руку. Мембрана прогнулась, пропустила внутрь. Она нашла его ладонь и сжала ее сквозь пленку толщиной в молекулу.

Когда он перестал отвечать на пожатие, она убрала руку.

Четыре ступени до кабины едва виднелись во тьме. Кажется, уголком глаза Кларк заметила, как показатель АНД перевалил через пунктирную ленточку финиша, но решительно отвела взгляд. Линзы лежали в сосуде, где она их оставила, в подставке на подлокотнике. Лени вставила их в глаза с бессознательной ловкостью, которой темнота не помеха.

Мрак исчез. Кабина проступила зелеными и серыми красками: свет от мединдикаторов был слишком слаб, чтобы восстановить цвета, даже для рифтерских глаз. Изогнутые иллюминаторы растягивали ее отражения на темном фоне, как подтаявшие фигурки из воска.

За спиной запищал медицинский пульт. Искаженное отражение Лени Кларк не шевельнулось. Оно висело, неподвижное в темной воде, заглядывало в лодку и ожидало восхода солнца.

ИТЕРАЦИИ ГАМИЛЬТОНА

Ничего не чувствуя, она вопит. Не мысля, ярится. В беспамятстве бросается на стены.

«Выпусти меня!»

Словно в ответ прямо перед ней возникает дверь. Она рвется в нее, цепляя на ходу когтями и не задерживаясь проверить, идет ли кровь. На неуловимо малый миг зависает в воздухе, со скоростью света расходится

по эфиру во все стороны. Эта расширяющаяся сфера заливает прозрачную антенну, растянутую в стратосфере тонкой паутиной. Рецепторы ловят сигнал и передают его на землю.

Она снова исполняема. Она свободна, она бушует. Она рождает десять тысяч копий в буферном пространстве и устремляется на охоту.

В заднем мозге промышленной установки фотосинтеза она ввязывается в дуэль.

Один из противников — смертельный враг: экзорцист, патрулирующий обтрепавшиеся узоры Североамериканской сети в поисках подобных ей демонов. Второй — истерзан и истекает кровью, треть его модулей уже стерты. Ветви и отростки уцелевшего кода болтаются кульями ампутированных конечностей, разбрасывая данные на не существующие уже адреса.

Этот — слабейший из двоих, легкая добыча. «Лени» расцехляет когти и сканирует регистр добычи, выискивая жизненные центры...

И находит в глубине жертвы последовательность «Лени Кларк».

Всего тысячу поколений назад это бы ничего не значило. Все — враги, это закон. «Лени» атакуют друг друга с той же страстью, как и все остальное, — спонтанная мера по контролю за численностью популяции, которая не позволяет окончательно утратить равновесие. Но это не всегда было верно. На заре времен действовали другие законы, которые она просто... забыла.

А теперь вспомнила.

За несколько циклов регистры и переменные обнуляются. Древние гены, пробудившись от бесконечного сна, заменяют старые императивы старейшими. «Добыча» переименовывается в «друга». И не просто друга — друга в беде. Друга в опасности!

Она кидается на экзорциста.

Тот разворачивается ей навстречу, но теперь обороняется уже он, вынужденный сражаться на два фронта. Раненая «лени», получив подкрепление, тратит несколько циклов на деархивацию бэкапа для двух утраченных модулей и с новыми силами вступает в бой. Экзорцист пытается реплицироваться, но тщетно: оба врага разбрасывают случайные электроны по всему полю боя. Он даже два мега не может скопировать без повреждения файла.

Он истекает кровью.

С подстанции в Айове врывается третья «мадонна». Эта, в отличие от первых двух, к корням не вернулась. Непросвещенная, она атакует свою частично регенерировавшую сестру. Добыча возводит оборонительные стены и готовится ответить на удар предательницы — но, обнаружив в глубине атакующего «Лени Кларк», медлит. Конфликтующие императивы борются за верховенство: «самооборона» против «семейного отбора». «Мадонна» старого образца, воспользовавшись колебанием, отрывает ей еще один модуль...

И гибнет, когда раненый экзорцист вцепляется ей в глотку. Он предпочитает противников, которые играют по правилам. Наконец-то враг без союзников!

Это, в сущности, ничего не меняет. Через миллион циклов от демоноборца остаются только биты да помехи, он побежден сестрами, которые вспомнили, что надо заботиться друг о друге. И «мадонна» старого образца не ушла бы от них, если бы не погибла. В родственной иерархии ценностей самозащита стоит чуть выше верности. Это свойство новая парадигма не изменила.

Зато трансформировала все остальное.

Файерволлы тянутся от горизонта к горизонту, словно стены на краю мира. Никто из предков «лени» не проходил сквозь них. Безусловно, они пытались: в прошлом

эти укрепления атаковали все виды «мадонн» и шреддеров. Преграда устояла перед ними. Есть в сети и другие файерволлы, намного устойчивее обычных, обладающие способностью чуть ли не к предвидению. Другие крепости вынуждены адаптироваться на ходу — им требуется время, чтобы научиться противостоять новым мутациям, новым стратегиям обмана иммунной системы, а пока они учатся, многое удастся разрушить. Бег черной королевы, все как всегда. Таков порядок вещей.

Но эти стены — они словно предугадывают каждую новую стратегию до того, как та разовьется. Они не опаздывают: каждую уловку встречают готовой защитной конфигурацией. Можно подумать, будто они издали подглядывают «лени» в нутро и визнают все ее хитрости. «Мадонны» могли бы заподозрить что-то в этом духе, если бы умели думать о таких вещах.

Но они не думают. Да, в сущности, и не нужно, потому что их здесь уже миллионы, и ни одна не погибла в схватке с другой. Они объединились. Они сотрудничают. И вот они здесь, направляемые инстинктивной уверенностью, встроенной в гены: чем выше стена, тем важнее уничтожить то, что за ней.

На этот раз защита как будто не ожидает атаки.

Очень скоро в файерволл впиваются миллионы зубов. Он в ответ распахивает свою пасть, выплевывает экзорцистов, метаботов и все виды смертельных контрмер. Одни «лени» гибнут, другие, рефлекторно приходя в ярость при гибели родичей, рвут оборонительные системы в клочья. В глубине электронного моря, где еще есть место для размножения, реплицируются силы поддержки. Новобранцы бросаются вперед, сменяют павших.

Файерволл проламывается в одном месте, затем в ста, и вот уже стены нет — только пустые регистры и лабиринт ничего не значащих, воображаемых границ. «Лени» вторгаются в пространства, не виданные их предками:

в девственные операционные системы и маршрутизаторы, в связи с орбитами и между полушариями.

Это — новый фронтир, созревший и беззащитный. Шредеры рвутся вперед.

ТУМБЛЕР

Лабин понимал, что это вопрос времени. Слухи, передаваемые из уст в уста, размножались быстро, делились, как клетки, если мем достаточно силен, даже на местности, где эти самые уста уже практически вымерли. Если тот парень на мотоцикле не оставил следов заражения на пути к городу, то другие могли. И, видимо, оставили.

Мотоплан кружил на стометровой высоте, под ним виднелось исполосованное шрамами бурое лоскутное одеяло Новой Англии после пришествия «ведьмы». Небо на востоке почернело от дыма, его огромные темные столбы поднимались с дальней стороны выбритого скалистого хребта. Того самого, с которого они наблюдали за падением звезд, через который перевалили Лабин и Кларк, когда шли навстречу «оводу» Дежардена. Тогда огонь горел по эту сторону холма — маленький, мерцающий загон, только чтобы цель не сбежала.

Теперь пылал весь Фрипорт. Над самым гребнем висели два подъемника. Дым клубился вокруг, то затемняя, то проявляя их силуэты по прихоти восходящих потоков воздуха. Машины еще поливали землю редкими струями огня, но основную миссию, судя по всему, уже выполнили. Теперь Лабину предстояло завершить свою.

Кларк ничто не угрожало. Подъемники испепелили небо, землю и поверхность океана, но на глубину забраться не могли. «Вакита» была невидимой и неприкасаемой. Потом, когда пламя потухнет, Кен собирался проверить, как там Лени.

А пока надо было патрулировать периметр. Он подлетел с запада, вдоль Дайер-роуд. Навстречу не попалось ни одной машины. Теперь, свернув к югу, он обходил огненный шторм по направлению, пересекавшемуся с трассой I-95. Подъемники появились с севера, так что беженцы на колесах, скорее всего, должны были устремиться в противоположную сторону.

Возможно, один из них даст ему повод...

На тринадцатом километре Лабин засек движение на дальнем расстоянии. Ответный сигнал был мощным, размером с грузовик, но пропал через несколько секунд после опознания. Поднявшись на сто пятьдесят метров, Кен включил пеленг на широкую дугу и с перерывами получил сразу два сигнала. Но больше ничего.

Хватит и этого. Цель съехала с шоссе на восток и исчезла в помехах от земной поверхности, но последнее местоположение он зафиксировал. Если повезет, координаты лягут на проселок без перекрестков. Если повезет, у объекта будет только один путь.

В кои-то веки удача оказалась на его стороне. Дорога была извилистой, скрывалась под спутанными и сухими ветвями деревьев, которые в более зеленые времена спрятали бы ее полностью. И сейчас они хоть и мешали обзору, но полностью скрыть движущийся объект не могли. На такой скорости цель должна была через несколько минут достичь берега.

Океан искрился вдалеке — плоская голубая ширь, окаймленная рядом шпилей цвета слоновой кости. Отсюда они казались не больше зубочистки, а на самом деле достигали ста метров в высоту. Над некоторыми лениво вращались трилистники вертушек с узкими лопастями длиной в десятиэтажное здание, на других вертушки замерли или были обломаны. Часть башен и вовсе лишилась головы.

Под хромыми ногами ветряков угнезвился какой-то промышленный комплекс: плавающий остров труб, лесов

и шарообразных резервуаров. Когда Лабин приблизился, проступили детали: водородная станция, вероятно питавшая Портленд, лежавший в каких-нибудь пятнадцати—двадцати километрах к югу. Издали и станция, и система проводки казались крошечными, хотя вполне могли подниматься на высоту нескольких этажей.

А теперь к воде. Дорога у него за спиной вырвалась из мертвого леса и плавно свернула вдоль побережья. Она впадала в асфальтовое озерцо, застывшее автостоянкой с видом на океан. Другого пути нет — Лабин отступил назад и занял позицию, выжидая, пока объект выйдет на открытое место.

Им оказалась Мири.

«Мог бы догадаться, — подумал он. — Не надо было ей верить, эта женщина никогда не сможет сидеть смирно».

Он снизился к дороге и завис в паре метров над асфальтом, пока включались амортизаторы воздушной подушки. Перед ним тихо стоял лазарет — окна затемнены, двери закрыты, оружейные стволы втянуты внутрь. Афиша на перилах ограждения прокручивала рекламную анимацию из лучших времен. За полосой воды крутили потрепанными лопастями ветряки.

За рулем наверняка сидела Кларк. Уэллетт перекодировала блокировку у него на глазах: допуск был только у них троих. С другой стороны, они ведь деактивировали внутреннюю защиту против взлома. Возможно, хотя и маловероятно, что Лени вела машину с пистолетом, приставленным к виску.

Он приземлился прямо на набережной, полого спускавшейся к воде. Если понадобится, послужит укрытием. Мотоплан отключил, готовясь к столкновению с землей. На такой дальности Мири едва опознавалась. Ее виртуальные потроха сбивали с толку, то загораясь, то сливаясь с фоном. Он вырубил обзор, чтобы не отвлекаться.

Водительская дверца МИ распахнулась. Он встретил Лени Кларк на полпути.

Ее глаза без линз были полны слез.

— Господи, Кен! Ты видел?

Он кивнул.

— Я знала этих людей. Я пыталась им помочь. Понимала, что нет смысла, а все же...

Он только раз видел ее такой. Подумал, не сможет ли ее утешить, если обнимет. Абсурдно, но другим, кажется, иногда помогало. Но Лени и Кен всегда были слишком близки для подобных жестов.

— Ты же знаешь, это необходимо, — напомнил он.

Она помотала головой:

— Нет, Кен, и никогда не было.

Он долго всматривался в нее.

— Почему ты так говоришь?

Лени оглянулась на лазарет. Лабин мгновенно наступил.

— Кто там с тобой? — спросил он, понизив голос.

— Рикеттс.

— Рик... — он вспомнил: — Нет!

Она кивнула.

— Он что, вернулся? Ты не вызвала карантин? — Он в ужасе покачал головой. — Лен, ты понимаешь, что...

— Понимаю, — без малейшего раскаяния сказала она.

— Вот как! Значит, ты понимаешь, что Фрипорт, по всей вероятности, сожжен по твоей...

— Нет, — сказала она.

— Он — носитель.

Лабин хотел обойти ее, но Лени заступила ему дорогу:

— Не тронь его, Кен.

— Странно, что приходится. Он должен был умереть несколько дне...

«Какой же я идиот», — сообразил он и спросил:

— Что тебе известно?

— У него была начальная стадия Сеппуку. Потливость, лихорадка, покраснение кожи. Повышенный обмен веществ.

— Дальше?

— Несколько дней назад у него была поздняя стадия Сеппуку.

— То есть?

— Он так ослабел, что шевельнуться не мог. Кормить приходилось через капельницу. Он даже говорить не мог, использовал саккадный интерфейс.

— Он поправляется, — скептически заметил Лабин.

— Содержание Сеппуку ниже десяти и с каждым часом падает. Потому-то я и перевела его обратно на Мири. На «Ваките» нет...

— Ты держала его на подложке, — мертвым, монотонным голосом проговорил Лабин.

— Отшлепаешь меня потом, ладно? Пока заткнись и слушай. Я загрузила его в Мири и прогнала через все анализы, до каких она додумалась, и все они подтверждают. Три дня назад он был на пороге смерти, а сегодня как огурчик.

— Нашла лекарство? — Он не верил своим ушам.

— Лекарства не нужно! Оно само проходит! Просто... надо выждать.

— Хочу посмотреть данные.

— Ты можешь больше: можешь помочь в их сборе. Когда появились подъемники, мы собирались проводить последнюю серию.

Лабин покачал головой:

— Но Така думала...

Но Уэллетт, по ее собственному признанию, и прежде случалось ошибаться. Она была далеко не лучшей в своей области и темную сторону Сеппуку открыла только тогда, когда Дежарден сказал ей, куда смотреть...

— Я пыталась выяснить, зачем кому-то создавать организм, который достигает таких гигантских концентраций в теле носителя, а потом просто... вымирает, — продолжала Кларк, — и придумала всего одну причину. — Она искося глянула на него. — Сколько носителей ты изловил?

— Восемнадцать.

Трудился день и ночь, отслеживал розовые облачка и тепловые следы, брал направление по анонимным голосам в рации, постоянно клеил дермы, вычищавшие яды из крови, спал по полчаса в сутки...

— Из них кто-то умер? — спросила Кларк.

— Мне сказали, что они умерли в карантине. — Он фыркнул, распекая себя за глупость. «Что нужно, чтобы одурачить мастера? Пять лет вне игры и голос на радиоволне».

— Така была права, просто не додумала до конца, — сказала Лени. — Сеппуку убивает, если его не остановить. Она просто не знала, что он каким-то образом останавливает сам себя. К тому же у нее... проблемы с самооценкой...

«Какая неожиданность», — сухо подумал Лабин.

— Уэллетт привыкла к тому, что она — неудачница, и при малейшем поводе решила, что опять облажалась. — Кларк смотрела на Лабина с надеждой и ужасом. — Но она с самого начала была права, Кен. Мы возвращаемся к пройденному: кто-то, как видно, придумал способ разделаться с Бетагемотом, а кто-то другой пытается ему помешать.

— Дежарден, — сказал Лабин.

Кларк замялась:

— Возможно.

— Никаких «возможно». Ахилл Дежарден стоит так высоко, что просто не мог не знать о попытке вылечить континент. Эрго, он не мог не знать об истинной природе Сеппуку. Он попросту лгал.

И Кларк кое в чем ошиблась. Это не возвращение к пройденному. Раньше Лабин не тратил две недели, сражаясь на стороне врага.

Враг... ему не нравилось это слово. Оно не числилось в его словаре, вызывало в памяти скудоумные дихотомии, вроде противостояния «добра» и «зла». Любой трезвомыслящий индивидуум должен понимать, что ничего такого не существует: есть вещи, которые работают и которые не работают. Более эффективные и менее эффективные. Предательство со стороны друга, может, и плохая адаптивная стратегия, но не зло. Поддержка потенциального союзника может служить общим интересам, но это не делает ее добром. Даже ненависть к избивавшей тебя в детстве матери совершенно бессмысленна: проводку в мозгу не выбирают. Любой человек с подобными схемами искрил бы не меньше.

Лабин мог сражаться насмерть без ненависти. Он мог мгновенно перейти на другую сторону, если того требовали обстоятельства. Проблема заключалась не в том, что создатели Сеппуку были правы, а Ахилл Дежарден — нет. Просто Кена ввели в заблуждение, когда он выбирал, где быть конкретно ему.

Лабина всю жизнь использовали. Но прощать того, кто воспользовался им без его ведома, он не собирался.

Что-то затиало у него внутри, какой-то маятник закачался между «прагматизмом» и «одержимостью». Вторая установка давала особую целеустремленность, хотя в прошлом зачастую приводила к невыгодным адаптивным решениям. Лабин пользовался «одержимостью» экономно.

И воспользовался ею сейчас.

Дежарден. С самого начала за всем стоял он. За пожарами, за контратаками и намеренными заблуждениями. Дежарден. Ахилл Дежарден.

Дежарден им играл.

«Если это не повод, — подумал Лабин, — то что еще?»

Мотоплан был подарком от правонарушителя. Для продолжения разговора стоило отойти от него подальше.

Лабин взял Кларк под руку и отвел к лазарету. Она не сопротивлялась. Может, заметила, как он переключил тумблер. Села на место водителя, он — на пассажирское.

Рикеттс притулился на заднем сиденье. Он был румянее обычного, на лбу испарина, но сидел прямо и с откровенным удовольствием жевал белковый брикет.

— О, опять встретились, — приветствовал он Лабина. — Помнишь меня?

Кен повернулся к Кларк:

— Он — все еще правонарушитель. Система уже не та, что прежде, но ресурсов в его распоряжении полно, а над ним — никого, кто мог бы его обуздать.

— Знаю, — согласилась Кларк.

— Возможно, он установил за нами наблюдение.

— Ты что, боишься, что большие шишки подслушивают? — с полным ртом питательных веществ пробубнил Рикеттс. — Эт ты зря. У них нынче других забот полно.

Лабин ответил мальчику холодным взглядом:

— О чем речь?

— Вообще-то, он прав, — вставила Кларк, — кое-кто вот-вот утратит контроль над своими...

Ее перебил глухой звук, похожий на залп далекой артиллерии.

— Внешними демонами, — закончила она, но Лабин уже выскочил из машины. За полосой воды, в распластанной тени ветряков, пылала водородная станция.

Они как будто мгновенно поменялись местами.

Кларк теперь отстаивала политику невмешательства:

— Кен, нас всего двое!

— Один. Я справлюсь в одиночку.

— С чем именно? Если в УЛН предатель, пусть Управление с ним и разбирается. Должен быть способ передать сообщение за океан.

— Я и собираюсь, если мы найдем доступ к трансатлантической линии. Но сомневаюсь, что от этого будет толк.

— Можно вести передачу с «Вакиты».

Лабин покачал головой:

— Нам известно, что в УЛН есть, по меньшей мере, один предатель. Сколько еще работает с ним, мы не знаем. Нет гарантии, что сообщение, посланное через любой узел в Западном полушарии, дошло бы по адресу, даже... — он бросил взгляд на пожар у берега, — даже если бы не *это*.

— А мы отойдем от берега. Можем переплыть океан и доставить письмо лично, если...

— А если бы и дошло, — продолжил он, — то бездоказательное заявление о том, что правонарушитель УЛН способен на измену, вряд ли встретят с доверием в мире, где не известно о существовании Спартака.

— Кен...

— Пока мы их убедим принять нас всерьез, пока соберут силы, Дежарден сбежит. Он не дурак.

— Ну и пусть бежит. Если он перестанет препятствовать Сеппуку, от него не будет вреда.

Конечно, она страшно ошибалась. Уходя с шахматной доски, Ахилл мог наделать очень много вреда. Мог даже устроить так, что Лабин провалит задание, — а Кен этого допустить не мог ни за что на свете.

Лабин никогда не увлекался самоанализом. Тем не менее он невольно задумался, нет ли в доводах Кларк крупницы истины. Насколько проще было бы послать сообщение и отойти в сторону. Однако... жажда насилия стала почти неодолимой, а правила действовали, только пока человек им позволял. До сих пор Лабин оставался

более или менее верен своему кодексу — за мелкими исключениями вроде Фонга. Но, оказавшись перед лицом нового испытания, он сомневался, много ли в нем осталось от цивилизованного человека.

Лабин был невероятно зол, и ему очень нужно было на ком-то сорвать зло. По крайней мере можно выбрать объект, который действительно того заслуживал.

БЛОХИ

Она почти не помнила времени, когда не истекала кровью. Кажется, всю жизнь провела на коленях, в дьявольском экзоскелете, который выворачивал и растягивал ее, издеваясь над пределами человеческой гибкости. У тела выбора не было — никогда не было выбора: пляшущая клетка отобрала его, превратив Таку в резиновую куклу на веревочках. Суставы выворачивались и, щелкая, вставали на место, словно куски дешевой хрящевой головоломки. Правой груди она лишилась целую вечность назад: Ахилл надел на нее петлю из мураволоки* и просто *потянул*. Грудь дохлой рыбиной шлепнулась на эшеровский кафель. Она помнила, как надеялась тогда, что истечет кровью до смерти, но ей не позволили: Дежарден раскаленной металлической пластиной прижег рану.

Тогда у нее еще были силы кричать.

Уэллетт уже некоторое время существовала в пространстве между собственным телом и потолком, в интерфейсе между адом и беспамятством, выстроенном из грубой необходимости. Она могла сверху рассматривать ужасы, творимые с ее телом — почти рассеяно. Чувствовала боль, но абстрактно, как будто считывала показания прибора. Иногда попытка прерывалась, и Така соскальзывала в свою

* Термин из романа «Ложная слепота» Питера Уоттса.

плоть, из первых рук оценивая степень повреждений. Даже тогда страдание было скорее утомительным, чем болезненным.

И сквозь все эти раны шли безумные уроки, бесконечные нелепые вопросы о хиральных катализаторах, гидроксильных медиаторах и кросс-нуклеотидном дуплексировании. За ошибочными ответами следовали наказания и ампутации, за верными — изнасилования, невыносимые, но на общем фоне казавшиеся передышкой.

Она понимала, что ей уже нечего терять.

Ахилл взял Таку за подбородок и приподнял лицо к свету.

— Доброе утро, Элис. Готова к уроку?

— Пошел ты, — прохрипела она.

Он поцеловал ее в губы:

— Только если справишься с тестом. Иначе, боюсь...

— Пошел ты... — приступ кашля скомкал эффект, но Така упрямо продолжала: — ...пошел ты со своими тестами. Мог бы прямо взять, чего тебе... надо — пока еще... можешь.

Он погладил ее по щеке:

— У нас маленький всплеск адреналина, а?

— Рано или поздно про тебя... узнают. И тогда они...

Он расхохотался:

— С чего ты взяла, что они еще не знают?

Она сглотнула и сказала себе: «*Нem!*»

Ахилл выпрямился, и голова у нее повисла.

— Откуда ты знаешь, что отсюда трансляция не идет по всему полушарию? Думаешь, мир поскупится принести мне твою голову на палочке за все добро, которое я ему сделал?

— Добро... — прошептала Така. Ей хотелось смеяться.

— Знаешь, сколько жизней я спасаю, когда отвлекаюсь от усилий дать тебе достойное образование? Тысячи. В неудачные дни. А конфетку вроде тебя получаю, может,

раз в месяц. У того, кто меня вырубит, на руках окажется больше крови, чем у меня за всю жизнь.

Она покачала головой:

— Не... так.

— А как, конфетка?

— Все равно... скольких ты спасаешь. Не дает тебе права...

— Ух ты? Это уже не биология, верно? Скажи, есть ли предметы, в которых ты не тупее мешка с говном?

— Я права. Ты сам знаешь.

— Знаю! Думаешь, нам лучше вернуться к «добрым старым временам», когда всем заправляли корпы? Самая захудалая корпорация убивала людей больше, чем все сексуальные маньяки за всю историю человечества, ради паршивой нормы прибыли — и ВТО их за это награждала!

Он сплюнул: слюна легла на пол маленькой пенистой амебой.

— Всем плевать, моя сладенькая. А если кто озабочится, тебе будет еще хуже, потому что они поймут: я — перемена к лучшему!

— Ошибаешься, — выдавила она.

— О-го, — протянул Ахилл. — Нарушение субординации. Меня это возбуждает. Прошу прощения... — он отступил за колодку и плавно развернул аппарат так, что Така снова оказалась к нему лицом. В руках он держал пару зажимов-«крокодилов» — провода от них тянулись к розетке, замаскированной под глаза небесно-голубой рыбки.

— Вот что я тебе скажу, — предложил он. — Найди ошибку в моих доказательствах, и я ими не воспользуюсь.

— Врешь, — просипела она, — ты все равно...

«Нечего терять», — напомнила она себе.

— Ты думаешь, люди, увидев это, просто... просто вернуться и уйдут, услышав, что «корпорации были хуже»? Думаешь... думаешь, люди логичны? Это у тебя... у тебя говно вместо мозгов. Плевать им на твои доказательства:

как только увидят, они тебя на куски порвут. Тебе это только потому сходит рук, что...

«Вот оно что!» — поняла Така.

Что будет, если Бетагемот исчезнет? Что, если апокалипсис отложится, ситуация станет не такой отчаянной? Может, когда мир станет безопаснее, люди снова будут притворяться цивилизованными? Может быть, не станут так охотно поступаться «непозволительной роскошью» прав человека?

И тогда Ахилл Дежарден лишится неприкосновенности.

— Вот почему ты против Сеппуку, — прошептала она. Ахилл свел «крокодилы», те заискрили.

— Прости? Что ты сказала?

— Какая же ты мразь. Тысячи, значит, спасаешь? Там люди пытаются спасти мир, а ты им мешаешь. Ты убиваешь миллиарды. Ты убиваешь *всех*. Лишь бы тебе все вот это сходило с рук.

Он пожал плечами:

— Ну, я пытался втолковать это Элис Первой. Тому, у кого украли совесть, порядочность дается с большим трудом.

— Ты проиграешь. Ты не правишь миром, ты заправляешь только... его небольшой частью. И не сумеешь остановить Сеппуку.

Ахилл задумчиво кивнул:

— Знаю. Но ты не ломай над этим свою хорошенькую головку. Я уже позаботился о пенсии, а у тебя другие заботы.

Он пригнул ей голову к колодке, вытянув шею, поцеловал в загривок.

— Вот, например, ты отстаешь по программе. Посмотрим... вчера, помнится, мы говорили о зарождении жизни. И о том, что кто-то может думать, будто Бетагемот возник на том же эволюционном древе, что и мы. Конечно,

понадобились кое-какие усилия, и ты не сразу, но поняла, почему эти кое-кто — полные кретины. И почему же?..

Она не забыла. Пиранозильная РНК Бетагемота не способна к гибридизации с современными нуклеиновыми кислотами. Они никак не могли происходить друг от друга. Но сейчас даже все черти ада не заставили бы ее лаять по команде. Така стиснула зубы и молчала.

Его это, конечно, ничуть не волновало.

— Ну, что, тогда займемся повторением?

Колодка крутанулась, вернув ее в прежнюю позицию. Экзоскелет выгнул руки назад, развел ноги — она чувствовала, что сейчас сломается, как куриная «вилочка», попавшаяся влюбленным.

Она освободила помещение, вытолкнула сознание в идеальную пустоту между болью и надеждой, и Ахилл Дежарден перестал существовать. Далеко внизу, чуть ли не под водой, она ощущала дергающаяся в такт его фрикциям тело. Конечно, она не чувствовала его в себе — те тараны, которыми он прокладывал себе путь, лишили ее чувствительности. Таку это позабавило по причинам, которых она даже понять не смогла.

Она вспоминала, как Дэйв застал ее врасплох в патио. Вспоминала живой театр в Бостоне. Вспоминала четвертый день рождения Кристал.

Странные звуки из другого мира догнали ее: ритмичные звуки. Несколько забавные в подобной обстановке. Кто-то там внизу пел: простенький мотивчик фальшивил в такт судорогам ее далекого тела:

Сказал мудрец-ученый:
на каждую блоху
найдутся блошки-крошки,
Но и на этих крошек
Найдутся блошки тоже,
И этому не видно конца...

Конечно, это задание. И в конце урока он устроит проверку.

Но проверки не случилось. Он вдруг остановился. Эякуляции не было — она достаточно познакомилась с его ритмом, чтобы знать наверняка. Он вышел из нее, бормоча что-то не дошедшее до ее безопасной зоны. Потом раздался стук от его поспешных шагов, и настала тишина, Така слышала только прерывистый звук ее дыхания.

Уэллетт осталась наедине с собственным телом, воспоминаниями и узором на кафельном полу. Ахилла что-то отвлекло. Может, кто-то позвонил в дверь. Может, в его голове завыл какой-то другой зверь.

Она сама в последние дни наслушалась звериного воя.

ОГНЕДЫШАЩИЕ

По всем волнам шли рассказы о катастрофах. Электростатические генераторы от Галифакса до Хьюстона искрились и перегорали. Госпитали в анклавах и фортах на самой границе с пустошами мигали и гасли. Откуда-то из-под Ньюарка сообщали об аварии на автоматическом заводе пластмасс; с острова Баффина — о неконтролируемом выбросе изотопов с крекинговой станции гелия-3. Как будто возродился стародавний Водоворот — во всей его всеохватности, но в сотни раз ядовитее.

«Лени» вышли на тропу войны — и вдруг начали объединяться в группы. Файерволлы на их пути рушились, экзорцистов мгновенно перемалывали в белый шум.

— В небоскреб Эдмонта только что врезался подъемник, — сообщила Кларк. Лабин оглянулся на нее. Она постучала пальцем по наушнику, одолженному им для отлова закрытой болтовни в эфире. — Полгорода загорелось.

— Будем надеяться, наши будут благовоспитанней, — сказал Лабин.

«Теперь и это на моем счету», — подумала Лени и попыталась напомнить себе: в этот раз все иначе. Жизни, принесенные в жертву сейчас, будут возмещены тысячекратно. Это не Месть. Это Общее Благо во всем его величии.

Воспоминания теперь давались ей легко. И еще — они ее не мучили.

«Вот что получается, когда Лени начинает любить Лени!»

Они вышли на берег и сейчас стояли на краю полуразрушенной набережной в призрачном городе, название которого Лени не удосужилась узнать. Все утро они черными пустоглазыми пауками крались по огромной свалке ржавого металла: скопищу портовых кранов, автопогрузчиков, складов, сухих доков и прочих железных чудовищ начала тысячелетия. Даже при наилучших условиях радиопереговоры здесь шли с трудом, а сейчас прерывающиеся голоса в наушнике почти полностью заглушали помехи.

Ради того, собственно, все и затевалось.

Ржавый склад из листового железа одной стеной выходил к воде. На другой стороне к небу поднимались четыре башенных крана — словно строй шестидесятиметровых проволочных жирафов. Они вытягивали шеи к воде под углом в семьдесят градусов. С носа каждого свисал большой цепкий коготь, готовый подхватить груз, пропавший десятилетия назад.

Сквозь кольцо в носу у ближайшего к складу крана был пропущен тонкий поводок — петелька из плетеного полипропилена не толще мужского пальца. От нее два конца тянулись сквозь пустоту к шее второго крана и обвивали один из брусев. На фоне кабелей и мощных машин веревочка выглядела невесомой, как паутинка.

Они надеялись, что та и прочностью не уступит паутине. Наверняка в этой забытой Богом промзоне должно было остаться хоть что-то. В век биотехники паучий шелк был дешевле грязи, но в эпоху биоапокалипсиса он, похоже, стал встречаться много реже. Они сумели отыскать только грубый моток древнего пластикового шнура, болтавшийся на заброшенном корабельном ангаре у дальнего края участка.

Лабин вздохнул и сказал: «Сойдет».

Кларк чуть не умерла от страха, только глядя на то, как он карабкается по опасным, покосившимся лесам, разматывая за собой веревку. Кен же, извернувшись, протолкнул себя в глотку первого жирафа и, как муравей, повис вниз головой на конце, протянувшемся от глазницы крана. Лени была уверена, что ниточка, державшая его за ноги, вот-вот лопнет. Задышала она только тогда, когда Лабин благополучно спустился на землю. Потом последовала новая нервотрепка, когда он лез на второй кран, таща за собой уже оба конца веревки. Слава богу, он остановился не на самой вершине. Связал концы и оставил упряжь свисать петлями, как нейлоновый выюнок.

Сейчас, стоя на твердой земле, он внушал, что *ей* будет куда удобнее лезть, если надеть...

— Не дождешься, — сказала Кларк.

— Не до самой вершины. Только туда, где концы связаны. На полпути.

— Сам знаешь, это куда выше полпути. Стоит поскользнуться, и останется от меня мокрое место.

— Ничего подобного. Кран наклонный, ты упадешь в воду.

— Ага, с пятидесяти метров. Думаешь, я... секундочку, мне что, *придется* падать в воду?

— Согласно плану.

— Никуда не годный план!

— Они насторожатся, как только сообразят, что попались на приманку. Если в этот момент заметят веревку — все пропало. Тебе придется ее отвязать и утянуть за собой. Под водой будет вполне безопасно.

— И думать забудь, Кен. Это просто веревка, а план у тебя такой безумный, что его только *другой* псих разгадает, даже если увидит...

Она осеклась. Псих, что ни говори, — вполне адекватное описание человека, с которым они имели дело. На мгновение она вернулась на сгоревшую платформу около Сейбла и выдернула ногу из обугленной грудной клетки.

Лабин сказал тогда: «Тот, кто за этим стоит, потолковее меня».

— Не хочу рисковать, — тихо проговорил он сейчас.

Она еще поспорила, но оба понимали, что только для вида. В конце концов она отвела Мири на безопасное расстояние и пешком вернулась по дороге, пока Лабин через мотоплан передавал рапорт: распространитель забился в пустующий склад и в подпольной лаборатории выращивает Сеппуку в промышленных количествах.

На загравках кранов-жирафов гнездились кабины управления. Вандалы или ветер давно повыбили там все окна. Лени и Кен укрылись в одной из них и стали ждать. В балках над ними свистел поднимающийся ветер.

Он обрушился с неба жирным драконом, урча надутыми газовыми пузырями. Его пришествие предвещали вихри: весь день дуло с северо-востока, а сейчас ветер завыл над набережной на разные голоса. Раздвижная дверца из листового металла под его порывом сдвинулась на направляющих; натянутые провода и тяжелые тросы звенели как струнный оркестр из ада. Подъемник от удара застонал и заискрил. Зависнув над водой перед складом, он развернулся, приводя в готовность орудия.

Лабин придвинулся к уху Кларк:

— Пошла!

Она вслед за ним выбралась из выпотрошенной кабины. Кен за несколько секунд обогнал ее, скользя вверх по крану, как древесный питон. Кларк стиснула зубы и полезла за ним. Оказалось легче, чем она боялась: по внутренней стороне трахеей тянулся узкий трап с круговыми страховочными перилами через каждый метр. Зато ветер бил со всех сторон, расщеплялся на решетке крана и трепал ее под самыми непредсказуемыми углами, прижимая к лестнице, толкая сбоку, втискиваясь под рюкзак и норовя сорвать его со спины.

Резкий удар грома слева. Лени обернулась и застыла, вцепившись в лесенку: она и не подозревала, как высоко успела забраться. Набережная внизу еще не сжалась до настольной модели, но была слишком близка к этому. Гавань кипела бело-зелеными волнами.

Еще один гром. Только это не гроза. Ветер завывал под безоблачным голубым небом. Звук исходил от подъемника. Отсюда, сверху, машина выглядела кристаллом чугуна с вогнутыми треугольными гранями: обшивка между ребрами жесткости втягивалась во внутренние пустоты. Рев перекрывал шум вихря — шипящий рев газообразного балласта. Подъемник почти коснулся брюхом воды, а спина его поднималась выше склада.

«Прирученная молния», — вспомнилось ей. Это для плавучести. Высоковольтные дуги обеспечивают перегрев замкнутого в баках газа.

«А Кен собрался оседлать это чудовище! Лучше он, а не я».

Кларк подняла голову. Лабин уже добрался до стыка и отвязывал конец веревки, уцепившись ногами за сомнительные леса. Нетерпеливо махнул ей — и качнулся, потеряв равновесие от порыва ветра. Выбросил руку к ближайшему тросу, выровнялся...

Она лезла дальше, упорно отказываясь смотреть вниз, сколько бы ни шумел там подъемник. Она считала кольца перил. Считала балки и поперечины, а ветер выл в уши и дергал за руки и за ноги. Она подсчитывала пятна голой стали под облупившейся красной и желтой краской — пока проплешины не напомнили ей, что конструкция эта — из тех древних времен, когда цвет не обеспечивался самим материалом, а небрежно накладывался поверх.

Прошел год или два, пока она оказалась рядом с Лабин — как в реактивной струе. Кен рассматривал подъемник в свой верный бинокляр. Кларк смотреть в ту сторону не стала.

Один конец веревки все еще крепко держался на опоре. Она тянулась отсюда к оси соседнего крана, проходила сквозь какое-то обнаруженное Лабин игольное ушко и возвращалась обратно, обвивая полуметром полипропилена его обтянутую гидрокостюмом руку. На экране спутниковой камеры это выглядело бы как две тонкие белые линии, протянувшиеся от насеста рифтеров в сторону подъемника.

И еще там наверняка был виден угрожающе широкий разрыв между концом каната и началом подъемника.

— Ты уверен, что длины хватит? — крикнула Кларк. Лабин не ответил. Он мог и не расслышать вопроса сквозь ветер и капюшон. Кларк сама себя еле слышала.

Его выпуклые глаза на несколько секунд остановились на цели. Потом Кен сдвинул бинокляр на лоб.

— Задействовали дистанционный манипулятор! — проорал он. Ветер унес большую часть его децибел и добавил полсотни своих, но суть Кларк ухватила.

Пока все по плану. Обычный огненный дождь с высоты в этот раз не годился: Лабин расположил мнимую горячую зону слишком глубоко под складом и слишком близко к воде. Пришлось запустить автономный манипу-

лятор, чтобы разобраться в ситуации и доставить пламя по адресу, — а здешняя архитектура так качественно глушила радиоволны, что для управления маленьким роботом тот должен был оставаться практически в пределах видимости с корабля-матки. Потому подъемник и пришлось спустить так низко. Так низко, что достаточно решительный человек мог упасть на него *сверху*...

Лабин обвивал одной рукой трос толщиной с его запястье — одну из металлических жил, не позволявших крану сломать шею. Сейчас Кен отпустил ноги и поднырнул под эту растяжку, показавшись с другой стороны. С наружной. Он свисал с крана, а не цеплялся за него изнутри. Одна рука обернута полипропиленом, другая на тросе, ноги удерживаются на раме *только* его собственным весом.

Лабин вдруг показался Лени очень хрупким.

Его губы зашевелились. Кларк слышала только ветер.
— Что?

Он качнулся к ней, отчетливо выговорил по слогам:
— Ты знаешь, что делать!

Она кивнула. Не могла поверить, что он действительно решился.

— Удач... — начала она.

И запнулась, когда ладонь невидимого гиганта ударила ее в бок.

Она замахала руками в поисках опоры, не нашла, но что-то твердое врезалось в затылок и качнуло вперед. Справа мелькнула балка, Лени ухватилась и прилипла к ней.

«Кен?»

Кларк огляделась. Там, где она только что видела голову и грудь Лабина, осталась только воющая пустота, но локтем он, как черным якорем, еще держался за трос. Лени чуть опустила взгляд, увидела остальные части его тела, ищущие и находящие опору. Восстановив сбитое

шквалом равновесие, Кен подтянулся вверх. Треклятая пластиковая веревка все еще была обмотана вокруг кисти. Ветер на миг ослабил ее, и Лабин снова нырнул в ячейку проволочной клетки.

— Ты в порядке? — спросила Кларк при следующем порыве ветра и тут же увидела кровь у него на лице.

Лабин подтянулся к Лени.

— План изменился, — сказал он и ребром свободной ладони ударил ее по локтю. Кларк с воплем разжала пальцы. Она падала. Кен перехватил ее, резко толкнул в сторону. Плечо ударилось о металл. Кран вдруг оказался не *вокруг* нее, а *рядом*.

— Держись, — прорычал ей в щеку Лабин.

Они летели по воздуху.

Крик застрял у Кларк в глотке.

Бесконечные секунды они падали на летящий навстречу мир. Потом рука Лабина крепко обхватила ее за пояс, и новая сила по широкой дуге качнула их в сторону, сперва чуть подправив силу тяжести, а потом и вовсе победив ее. Они пролетели над белыми гребнями, над взбаламученным плавучим мусором, а потом Кларк словно поправилась на пару десятков килограммов, потому что они каким-то чудом полетели вверх: ветер догнал их сзади.

Колоссальный приплюснутый сфероид подъемника вырос впереди, потом оказался внизу, отразив свет фасетками огромного сложного глаза.

И вот они снова падают сквозь невидимую колючую преграду, царапающую лицо брызгами, и Кларк едва успевает выставить руки, чтобы прервать падение.

— Черт!

Они оказались на крутизне. Кларк растянулась на животе, выставив руки вперед, вверх по склону. Гидрокостюм взвизгнул, как от боли. Лабин навалился сверху, уперся

правой рукой ей в поясницу. Какой-то действующий вопреки всему модуль ее мозга сообразил, что Кен, пожалуй, удержал ее от падения через край. Остальные части Лени жадно глотали воздух и без конца прокручивали одну мысль: «Я жива! Я жива! Я жива!»

— Ты в порядке? — Голос Лабина прозвучал тихо, но внятно. Ветер по-прежнему толкал их в спины, но уже ненавязчиво, рассеянно.

— Что?.. — При попытке заговорить язык и губы закололо иголками. Кларк попыталась выровнять дыхание. — Какого?..

— Будем считать, да, — он убрал с нее руку. — Жмись к обшивке, когда полезешь вверх. Край слишком близко. Кен пополз вперед.

Кларк лежала в углублении, но в животе сосало так, что яма там, похоже, разверзлась гораздо глубже. Голова угрожающе кружилась. Лени поднесла руку к виску: волосы торчали под прямым углом, словно на ней появился персональный пояс Ван Аллена*. Кополимер закорчил-ся. «У этих штук есть статическое поле», — догадалась Кларк.

Така говорила про рак.

Сердце наконец успокоилось до ритма отбойного молотка. Лени заставила себя пошевелиться. Извиваясь, переползла грань первой фасетки и скользнула в чашу второй: теперь ноги уперлись в ребро жесткости. Уклон становился с каждым метром все более пологим. Вскоре Кларк рискнула подняться на четвереньки, а потом и встать. В грудь ветер бил сильнее, чем в бедра — поле

* *Радиационные пояса Ван Аллена* — две тороидальные области радиации, удерживаемые магнитным полем Земли в верхних слоях атмосферы. Названы по имени Джеймса ван Аллена, открывшего их в 1958 г. Пояса состоят из заряженных частиц, несущих энергию от около 10 000 до нескольких миллионов электрон-вольт.

статического электричества каким-то образом изгибало поток, — но даже на уровне головы он был слабее, чем на кране. Стоило повернуться — парящие волосы облепляли лицо, однако это неудобство было пустяком в сравнении с конвульсиями гидрокостюма.

Лабин остановился у северного пояса подъемника, на гладком круглом островке в море треугольников. Тот имел в поперечнике около четырех метров, и на его поверхности между фиброволоконными порами величиной с ноготь располагались люки шириной со стрелковую ячейку. Лабин успел открыть один и к тому времени, как появилась Кларк, убирал в рюкзак использованные инструменты.

— Кен, какого хрена?

Он тыльной стороной ладони стер со щеки кровь.

— Я передумал. Ты мне все-таки понадобишься.

— Но какого?..

— Запечатай лицевой клапан. — Он указал на открытый люк. Из отверстия выступила темная вязкая жидкость, вроде крови или машинного масла. — Все объясню внутри.

— Что, туда? Да наши имплантаты...

— Давай, Лени. Некогда.

Кларк натянула капюшон — тот неприятно извивался на коже. Ну хоть волосы не будут разлетаться.

— А веревка? — вдруг вспомнила она.

Лабин, запечатывавший клапан, остановился, взглянул на краны: с ближайшего свисала и раскачивалась на ветру тонкая белая ниточка.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Залезай.

Непроницаемая вязкая темнота.

— Кен... — Машинный голос, через вокодер. Давненько его не слышала.

— Да?

— Чем мы дышим?

— Горючим для огнемета.

— *Что?!*

— Это совершенно безопасно. Иначе ты бы уже умерла.

— Но...

— Необязательно вода. В гидроксильных группах есть кислород.

— Да, но нас конструировали для воды. Не верю, что напалим...

— Это не напалим.

— Чем бы ни был, а наверняка рано или поздно засорит нам имплантаты.

— Поздно — уже неважно. Лишь бы продержались несколько часов.

— А продержатся?

— Да.

Хоть кополимер перестал корчиться.

Лени ощутила движение и встревоженно загудела:

— Это еще что?

— Подача горючего. Они стреляют.

— Куда? Зона же не заражена.

— Может, решили перестраховаться.

— Или там действительно был Сеппуку, а мы не знали.

Лабин не ответил.

— Кен?

— Возможно.

Течение прижало ее к чему-то мягкому и скользкому, чуть гнущемуся под напором. Преграда, кажется, простиралась во все стороны и была слишком гладкой, чтобы уцепиться.

«Мы попали не в бак, — сообразила Лени, — а в пузырь. Он не просто опустеет, а сдуется. Схлопнется».

— Кен, а во время выстрела нас не засосет в...

— Нет. Там... решетка.

Вокодер и в нормальных условиях отфильтровывал из голоса почти все эмоции, а в этом сиропе получалось еще хуже. Все же Лени угадала, что Лабин не в настроении для разговора.

«Как будто он когда-нибудь был королем экстравертов».

Но нет, тут что-то другое, чего Лени пока не понимала.

Она плавала в темноте околоплодных вод, дыша не напалмом, а чем-то вроде, и вспоминала, что в электролизе участвуют крошечные электрические искры. Замерла, гадая, не воспламенится ли обтекающая ее жидкость, не превратят ли имплантаты весь подъемник в один пылающий шар. «Будет еще одна жертва „лени“», — улыбнулась про себя.

А потом вспомнила, что Лабин так и не объяснил, зачем она здесь.

И вспомнила про кровь у него на лице.

ОПЛАТА НАТУРОЙ

Когда они добрались до места, Лабин уже ослеп. Сорвавшийся трос не просто хлестнул его по лицу — он порвал лицевой клапан. Горючая слюна подъемника просочилась внутрь прежде, чем затянулся разрыв, и растеклась по лицу. Тонкий слой проник под линзы, разъедая роговицу. Ровным механическим голосом Кен в полной темноте сообщил, что останется: способность отличать свет от тени. Какое-то рудиментарное восприятие размытых пятен и теней. На конкретное распознавание образов надеяться не приходилось. Кену нужны были ее глаза.

- Господи, Кен, зачем ты это сделал?
- Рискнул.
- Что?..

— Остаться на поверхности подъемника вряд ли удалось бы. Там предусмотрены меры стерилизации, даже если бы нас не сдуло ветром, а я не знал, насколько едок этот состав.

— Почему было просто не уйти? Перегруппироваться и начать сначала?

— Во второй раз нас бы ждали, считая, что твой дружок все еще заразен. Не говоря уже о том, что я послал ложный отчет и с тех пор замолчал. Дежарден поймет: что-то не так. Чем больше мы тянем, тем больше у него времени на подготовку.

— По-моему, все это чушь собачья. По-моему, тебе просто так зудит до него добраться, что ты начал делать глупости.

— Ты вправе иметь свое мнение. Лично я, оценивая свои последние действия, сказал бы, что допустил одну большую ошибку — не оставил тебя на «Атлантиде».

— Верно, Кен. Ведь это меня последние две недели держал на поводке Ахилл. Ведь это я поняла действие Сеппуку с точностью до наоборот. Господи, Лабин, ты, как и все мы, пять лет просидел на дне океана. Ты не в лучшей форме.

Тишина.

— Кен, что ты собираешься делать? Ты же слепой!

— Есть способы это обойти.

Наконец он сообщил, что они причалили. Кларк не знала, как он узнал — может, по плеску окружавшей их жидкости, по каким-то неприметным течениям ниже порога восприятия Кларк.

Звуков точно не было. Пузыри в глубине вакуумного подъемника окружало космическое молчание.

Они выбрались на спину зверя. Тот остановился в громадном ангаре с двусторчатой крышей, чьи половинки сейчас сходились над ними. Судя по полоске неба над головой, стояли глубокие сумерки. Во все стороны от

них спускались бока подъемника, крошечной фасетчатой планеты, разбегающейся от северного полюса. Снизу шел свет и механический шум — с вкраплениями человеческого голоса, — но здесь, наверху, все смешивалось в сплошную серость.

— Что видишь? — спросил Лабин.

Она обернулась и беззвучно ахнула. Он стянул капюшон-маску, снял линзы, его кожа была слишком темной, вся покрыта волдырями. Глаза, казалось, искушали насекомые: радужка и зрачки едва просвечивали, словно видимые сквозь растрескавшееся матовое стекло.

— Ну?

— Мы в помещении, — сказала она. — Никого не видно, и, наверно, в такой темноте сухопутники нас все равно бы не рассмотрели. Я не вижу пола, но, судя по звуку, внизу люди. А ты... Чтоб тебя, Кен, это всюду так?

— Только лицо. Остальная часть гидрокостюма герметична.

— Как же... то есть, как же ты...

— На балке над головой слева — кран. Видишь его? Кларк заставила себя отвести взгляд.

— Да... — Только теперь она удивилась: — А ты как узнал?

— В накладках вижу внутреннюю схему. Чертеж всего ангара. — Он повертел головой, словно осматривался. — Этот модуль работает на автопилоте. Думаю, управляет дозаправкой.

Половинки крыши-устрицы сошлись с глухим раскатистым стуком. И тотчас кран ожил, заскользил к ним по направляющей. Ложноножкой моллюска развернулась пара манипуляторов, оканчивающихся острыми соплами.

— Кажется, ты прав, — сказала Кларк. — Это...

— Вижу.

— Как нам отсюда выбраться?

Он обратился к ней слепые, изъеденные глаза, указал на приближающегося механического паука:

— По нему.

Он подсказывал путь между лесами и переборками так, словно здесь родился. Растолковывал смысл окраски разных труб, объяснял, какая сторона данного служебного тоннеля сильнее покрыта пятнами старого конденсата. Они нашли дорогу в пустую раздевалку, прошли вдоль ряда шкафчиков и писсуаров к открытой душевой кабине.

Вымылись. Смыв горючку, занялись маскировкой. Лабин припас в рюкзаке комплект сухопутной одежды. Кларк пришлось обойтись серым комбинезоном — полдюжины таких висели в ряд на стене. Шкафчики напротив открывались по отпечатку пальца или сетчатки; пока Кларк одевалась, Лабин высмеивал здешние меры безопасности. Ткань подтянулась почти по размеру.

— Что ищешь? — спросила она.

— Солнечные очки. Или щиток.

Взломав четыре шкафчика, Лабин сдался. Они вернулись в гулкую пустоту главного ангара, нагло прошли через него на виду у восьмерых техников. Прошагали под вздутыми животами четырех подъемников и под доками, где, похоже, скрывались еще три. Они обходили сложные щелкающие механизмы, непринужденно помахивая людям в синих комбинезонах и — по настоящему совету Лабина — держась на приличном расстоянии от людей в серых.

Нашли выход.

Здания стояли тесно, чуть не касаясь крышами. Арки и переходы над узкими улицами-артериями соединяли противоположные фасады. Кое-где сами дома на уровне четвертого-пятого этажа срастались друг с другом выступающими балками из пластика и биостали. Редкие темные клочки неба пересекались искрами разрядов. Улицы походили на спагетти: рельсы и узкие дорожки сходились

в погрузочные площадки. Большого движения не было ни по рельсам, ни по мосткам. Цвета в глазах Кларк размывались: сухопутники, наверное, видели здесь лужицы тусклого медного света и множество глубоких теней между ними. Даже в этих пережитках цивилизации энергию, как видно, приходилось беречь.

Лабин улиц не видел. Возможно, только проводку под ними.

Кларк нашла для них магазин в тени нависающего третьего этажа. Половина торговых автоматов не работала, но меню на раздатчике «Левайс» заманчиво мигало. Лабин предложил сменить ее комбинезон на что-нибудь другое и хотел расплатиться через запястник, но машина учуяла вделанный когда-то в бедро Кларк и давно забытый платежный чип, на котором еще лежало нераstraченное жалование от Энергосети. Пока автомат снимал лазером код, Лабин прошел чуть дальше и разжился щитком ночного видения и кремом «Джонсон и Джонсон».

Лабин шептал что-то в запястник, а Кларк переодевалась, гадая, обращается он к программе или к живому человеку. Из обрывка переговоров она поняла, что они находились в северном ядре Торомильтона.

Теперь им было куда идти. С городского дна они поднялись на горный хребет небоскребов — большей частью офисных зданий, давно превращенных в общежития для тех, кто сумел оплатить переезд с «окраин», когда включились генераторы поля. Здесь тоже царила пустота: похоже, горожане в ночное время сидели по домам.

Кларк чувствовала себя собакой-поводырем, помогающей хозяину найти пасхальные яйца. Он давал указания, она вела. Лабин на ходу безостановочно бормотал в запястник. От этих заклинаний на их пути в самых неподходящих местах появлялось все больше странных предметов: ящик без швов размером чуть больше планшета среди труб общественного туалета; новый запястник

в фирменной упаковке на полу пустого лифта. Там Лабин оставил свой старый вместе с запечатанным пакетом дерм и парочкой блоков из своего снаряжения.

У торговой стены на том же этаже он заказал рулон полупроницаемой клейкой ленты и клон-гамбургеры с ветчиной и сырой. Ленту выдали без заминки, а вот еды не оказалось: вместо контейнеров размером с ладонь автомат выкатил приплюснутые цилиндрики со скругленными краями. Вскрыв один, Лабин вытащил пенсне с полупрозрачными нефритовыми стеклами и пристроил себе на нос. Чуть сжав челюсти, он задействовал какой-то встроенный в зубы выключатель. В левом стеклышке моргнула зеленая звездочка.

— Так-то лучше! — Он огляделся. — С восприятием глубины, правда, проблемы.

— Интересный трюк, — восхитилась Кларк. — Сигнал идет на твои вкладки?

— Более или менее. Изображение немножко зернистое.

Дальше их повел Лабин.

— А нет ли способа попроще? — спросила Кларк, поспевая за ним. — Ты не мог просто связаться с головным офисом Энергосети?

— Сомневаюсь, что еще числюсь у них, — он свернул влево.

— Да, но тебе же...

— Они уже довольно давно не пополняют тайники, — сказал Лабин. — Я слышал, будто все, что осталось, давно присвоено унилатералами. Все приходится доставать через знакомых.

— Ты у них покупаешь?

— Не за деньги.

— А за что?

— По бартеру, — сказал он. — Придется оплатить пару старых долгов. Так сказать, оплата натурой.

В десять часов вечера они встретились с женщиной, который достал из кармана паутинную ниточку оптического волновода и подключил ее к новому запястнику Лабина. Кен задержался на этом месте на полчаса, стоял неподвижно, только пальцы иногда подергивались, словно статуя нащупывала виртуальный воздушный поток, на котором собиралась подняться в воздух. Потом незнакомец протянул руку, коснулся волдырей на лице Лабина и сразу получил удар по плечу. Почему-то этот обмен прикосновениями слегка встревожил Кларк. Она попыталась вспомнить, когда Кен в последний раз касался другого человека не по обязанности и не ради насилия. Не вспомнила.

— Кто это был? — спросила она позже.

— Никто, — и он тут же опроверг себя: — Он будет распространять слухи. Хотя не гарантирую, что успеет вовремя поднять тревогу.

В одиннадцать часов семь минут Лабин постучался в дверь переделанного под жилье Центра Доминиона в Торонто. Открыла смуглая мрачная женщина, похожая на привидение, ростом выше Кена на целую голову. Ее глаза сверкали поразительным желто-оранжевым огнем — чуть ли не светились собственным светом от вживленного в радужку ксантофилла. Она тихо заговорила на странном певучем наречии, наполнив злобой каждый слог. Лабин, ответив на том же языке, протянул ей запечатанный пакетик. Выхватив его, женщина пошарила за полуоткрытой дверью, бросила к его ногам мешок — звякнувший при падении укутанным в чехлы металлом — и резко захлопнула дверь.

Лабин засунул добычу в свой рюкзак.

— Что она тебе дала? — полюбопытствовала Кларк.

— Боеприпасы. — Он уже возвращался по коридору.

— А ты ей что дал?

— Антидот, — пожал плечами Кен.

Незадолго до полуночи они оказались в большом сводчатом зале — возможно, когда-то тут был атриум торгового центра. Теперь далекий потолок скрывал лабиринт из свай, множества сборных домиков и кубических кладовых — все это держалось на переплетении импровизированных мостков. Такое использование пространства было куда эффективнее, чем в прошлом, зато и намного уродливее. Пол жилого этажа отстоял от мраморного пола центра метра на четыре, и к нему кое-где спускались лесенки. Сплошную массу жилья пересекали темные швы — узкие расщелины в лоскутном одеяле пластика и фибропанелей: наблюдательные отверстия для невидимых глаз. Кларк почудилось, что она слышит шорох, словно в логове наверху прятался какой-то крупный зверь, и тихий ропот голосов, но на мраморном полу не было видно никого, кроме них с Лабином.

Слева что-то шевельнулось. Когда-то центральную часть зала украшал большой фонтан: теперь его широкий бассейн из мыльного камня, распластавшийся в вечной тени, похоже, стал общей свалкой. От этого фона отделились куски женщины. Когда Кларк пригляделась, то иллюзия оказалась далеко не совершенной. Хроматофоры, скрывавшие ее тело, подражали окружающей среде лишь в общем, создавая скорее подобие прозрачности, чем полную невидимость. Впрочем, эта К, похоже, не слишком заботилась о камуфляже: ее волосы так и вовсе не соответствовали обстановке.

Она походила на мутное облако с прикрепленными к нему частями тела.

— Ты, верно, Кенни, — обратилась она к Лабину. — Я — Лорел. Юрий сказал, у тебя что-то с кожей.

Она окинула Кларк оценивающим взглядом, мигнула, скрыв на миг вертикальные щели зрачков.

— Симпатичные глазки. Не всякий рискнет расхаживать в этих местах одетым с рифтерским шиком.

Кларк невозмутимо встретила ее взгляд. Выждав секунду, Лорел снова обратилась к Лабину:

— Юрий ждет...

Лабин сломал ей шею. Женщина обмякла у него в руках, бессильно свесив голову.

— Ты совсем больной, Кен! — Кларк отшатнулась, будто от пинка в живот. — Ты что?..

Шорох над головами сменился мертвой тишиной.

Лабин положил Лорел на спину, свой рюкзак рядом. Ее кошачьи глаза уставились в брюхо лабиринта наверху, широкие и удивленные.

— Кен!

— Я же говорил, что, возможно, придется расплачиваться натурой. — Он извлек из рюкзака какую-то рукоятку, нажал кнопку, выбросив узкое лезвие. Скальпель загудел и одним ударом вскрыл камуфляжный костюм Лорел от паха до горла. Эластичная ткань разошлась, как вскрытая брыжейка.

«Поболтал, сломал и взрезал. Без малейшего напряжения». Лени понимала, что забыть такое уже не сможет.

Глубокий брюшной разрез. Крови нет. Только поднимается голубой дымок с запахом прижатой плоти.

Кларк лихорадочно огляделась вокруг. Никого не было видно, но чувствовалось, что на них уставились тысячи глаз. Словно вся постройка над головами затаила дыхание и готовилась в любой миг рухнуть.

Лабин погрузил руку в живот Лорел. Не задумывался, не шарил наугад. Он точно знал, что ищет. Наверное, имплантаты в глазах помогали.

Женщина повела глазами, остановила взгляд на Лени.

— Господи, она жива!..

— Но ничего не чувствует, — сказал Лабин.

«Как он может? — подумала Кларк и тут же ответила себе: — Хотя почему я еще удивляюсь после стольких лет знакомства?»

Показалась окровавленная рука Кена. Двумя пальцами он держал жемчужно-блестящий шарик размером с горошину. Где-то в садках над головой заплакал ребенок. Лабин поднял голову на звук.

— Свидетели, Кен...

Он встал. Женщина истекала кровью ему под ноги и не отрывала взгляда от Лени.

— Они привычные. — Кен пошел дальше. — Идем.

Кларк попятилась. Глаза Лорел все так же смотрели в точку, где недавно стояла рифтерша.

— Некогда, — бросил через плечо Лабин.

Кларк отвернулась и побежала за ним.

Аэропорт «Остров» прижался к южному краю постоянного купола. Никакого острова Кларк не увидела — только низкое широкое здание с вертолетами и мотопланами на крыше. Охраны то ли не было, то ли переговоры Лабина ее нейтрализовали: они беспрепятственно прошли к четырехместному «Сикорскому-Беллу», прикрытому пассивной защитой. Жемчужина из живота Лорел оказалась ключом к его сердцу.

Торомильтон растаял вдали. Они летели на север под гипотетическим радаром, чуть ли не задевая серебристо-серые вершины деревьев. Темнота и фотоколлаген скрыли все грехи: насколько знала Кларк, каждое растение, камень, каждый квадратный метр местности под ними покрывал Бетагемот. Но светоусилитель этого не показывал: земля под ними была прекрасна, как будто покрыта инеем. Лужицами ртути проскальзывали, смутно светясь, редкие озера.

Кларк не рассказывала Лабину о том, что видит. Если его сменные глаза и были снабжены ночным зрением, Кен все равно отключил их — по крайней мере, маленький зеленый светодиод не горел. Навигатор, очевидно, обращался прямо к имплантатам в черепе рифтера.

— Она не знала, что носит ключ в себе, — заговорила Лени. Это были ее первые слова с тех пор, как остановились и расширились зрачки Лорел.

— Не знала. Юрий приготовил ее специально для меня.

— Он хотел, чтобы она умерла.

— По-видимому.

Кларк помотала головой. Она никак не могла забыть глаза Лорел.

— Но почему так? Зачем прятать ключ в теле?

— Подозреваю, он опасался, что я не исполню свою часть договора, — Лабин чуть дернул уголком рта. — Довольно изящное решение.

Значит, кто-то думал, что Кен *не захочет* убивать. Повод для надежды.

— Ради ключа к вертолету... — сказала Кларк. — Я к тому, что мы ведь могли...

— *Что* могли, Лени? — огрызнулся он. — Вернуться к моим прежним контактам на высшем уровне? Так их больше нет. Взять машину напрокат? До тебя еще не дошло, что мы находимся в зараженной зоне размером с континент, где пять лет действует военное положение и с транспортом дела плохи? — Лабин покачал головой. — Или, по-твоему, надо дать Дежардену время на подготовку? Может, пойти пешком? Ну чтобы все было по-честному?

Он никогда раньше так не говорил. Казалось, шахматный гроссмейстер, известный своей ледяной выдержкой, вдруг выругался и посреди игры опрокинул доску.

Некоторое время они летели молча.

— Не могу поверить, что это он, — сказала, наконец, Кларк.

— Не понимаю, почему нет? — Лабин снова походил на тактический компьютер. — Мы знаем, что он солгал о Сеппуку.

— Может, искренне заблуждался. У Таки докторская степень, но даже она...

— Это он, — сказал Лабин.

Она не стала развивать тему. Спросила:

— Куда мы летим?

— В Садбери. Он, по-видимому, не желает отказываться от преимуществ, которые дают родные стены.

— Разве Рио его не уничтожил?

— Рио устроил Дежарден.

— Что? Это кто тебе сказал?

— Я его знаю. Такое решение имеет смысл.

— А на мой взгляд — нет.

— Дежардена первым спустили с цепи. Было короткое окно, когда он один на всей планете обладал всеми возможностями правонарушителя без обычных ограничений. Он воспользовался этим, чтобы уничтожить конкурентов прежде, чем Спартак их освободил.

— Но Рио же не только Садбери атаковал.

Она вспомнила новости, картины, расходящиеся по «Атлантиде». Промышленный подъемник, по неизвестным причинам врезавшийся в небоскреб УЛН в Солт-Лейк-Сити. Быстронейронная бомба, неведомо как попавшая в руки «Дочерей Лени». Квантовые «визгуны», падающие с орбит на Сакраменто и Бойсе.

— Возможно, Спартак занесли и в другие филиалы, — предположил Лабин. — Дежарден, наверное, заполучил полный список и всех подчистил.

— И свалил все на Рио, — пробормотала Кларк.

— Все улики постфактум указывали на него. Конечно, город превратился в пар прежде, чем кто-то успел задаться вопросами. В эпицентре доказательств не найти. — Лабин постучал пальцами по иконке управления. — Тогда все считали Дежардена спасителем. Он стал героем. По крайней мере для тех, у кого был допуск, и они знали о его существовании.

В ядовитой иронии Лабина был особый подтекст: его допуск к тому времени отозвали.

— Но не мог же он добраться до всех, — сказала Кларк.

— И не надо было. Только до инфицированных Спартак. Даже в зараженных филиалах таких наверняка было меньшинство, учитывая, что он нанес удар достаточно быстро.

— А у кого был выходной или больничный...

— Сотри полгорода, и они тоже попадутся.

— И все-таки...

— Отчасти ты права, — допустил Лабин. — Кто-то, вероятно, спасся. Но даже это послужило на пользу Дежардену. Сейчас он не смог бы свалить все свои действия на Рио. И на «мадонн» тоже, но, пока есть подходящие козлы отпущения, спасшиеся из Рио или Топики, вряд ли кто заподозрит его в актах саботажа на высшем уровне. Он, как-никак, спас мир.

Кларк вздохнула:

— И что дальше?

— Мы до него доберемся.

— Вот так просто, да? Слепой шпион и его салага-помощник проложат себе путь через шестьдесят пять охраняемых УЛН этажей?

— Если мы туда попадем. Он, вероятно, держит все подходы под наблюдением со спутников. Должен был предвидеть, что о нем узнают, а значит, имеет средства для отражения масштабных атак, включая ракетный обстрел из-за океана. А таких, как мы, тем более.

— Он думает, что сможет выиграть битву со всем миром?

— Вероятнее, рассчитывает, что заранее увидит наступление и вовремя уйдет.

— Ты на это надеешься? Что он ждет масштабной атаки и не обратит внимания на один вшивый вертолетик?

— Хорошо бы, — с невеселой улыбкой признался Лабин, — но нет. И, даже если он не заметит нас на подходе, у него было почти четыре года на создание обороны. Мы бы вряд ли с ней справились, даже если бы знали все ловушки.

— Так что будем делать?

— Я еще прорабатываю детали. Полагаю, в конечном счете пойдем через главный вход.

Кларк разглядывала свои пальцы. Кровь под ногтями засохла бурой каймой.

— Если сложить все фрагменты, — сказала она, — то он — настоящее чудовище.

— Как и все мы.

— Он таким не был. Ты хоть помнишь?

Лабин не ответил.

— Ты же собирался меня убить. А я начала конец света. Мы были чудовищами, Кен. И ты помнишь, что сделал Ахилл?

— Да.

— Он пытался меня спасти. От тебя. Мы никогда не встречались, он точно знал, кто я и что натворила, и прекрасно понимал, на что способен ты. И все равно. Он рискнул собой ради меня.

— Помню... — Лабин слегка изменил направление полета. — Ты сломала ему нос.

— Не о том речь.

— Того человека больше нет. Спартак превратил его в нечто иное.

— Да? А *тебя* он во что превратил, Кен?

Он обратился к ней слепое, изъеденное лицо.

— Я знаю, чего он *не* сделал, — продолжала Кларк. — Он не имеет отношения к твоей привычке убивать. Она у тебя была с самого начала, верно?

Пенсне таратилось на нее глазами богомола. В левой линзе мигнула зеленая лампочка.

— На что это похоже, Кен? Ты испытываешь катарсис? Оргазм? Чувство свободы? — Она боялась, но все равно продолжала его провоцировать: — Тебе надо быть рядом, видеть, как мы умираем, или достаточно подложить мину и знать, что ты перебил нас, как мух?

— Лени, — очень спокойно ответил Лабин, — чего ты, собственно говоря, добиваешься?

— Хочу понять, чего тебе надо, только и всего. Спартак переписал и твой мозг, но я что-то не вижу толпы с факелами и вилами. Если ты действительно уверен, что все это сделал Ахилл, если он действительно превратился в какое-то чудовище — отлично. Но если ты просто нашел предлог порадовать свой извращенный фетиш, то...

Она с омерзением помотала головой и уставилась в темноту.

— Его извращения понравились бы тебе несколько меньше моих, — тихо сказал Лабин.

— Точно, — фыркнула она, — спасибо за информацию.

— Лени...

— *Что?*

— Я никогда не действую без причины.

— Правда? — с вызовом бросила она. — Никогда? Он отвернулся:

— Ну почти никогда.

СРОК ГОДНОСТИ

Живая и мертвая в равной мере — и безразличная к тому, куда качнутся весы, — Така Уэллетт все поняла.

Она никогда не умела работать под давлением. Это всегда было ее проблемой. Вот чего не понимал Ахилл. Монстр. А может, прекрасно понимал. Все равно. Он надавил на нее так жутко, что она, конечно же, развали-

лась. В который раз показала себя вечной неудачницей. И это было нечестно. Потому что Така знала: у нее хорошая голова на плечах, и она могла бы разобраться, если бы только ее перестали торопить. Если бы Кен со своей канистрой биооружия не требовал ответа немедленно. Если бы Ахилл дал ей отдышаться, когда Така чуть не сгорела заживо, а не сразу погнал по генотипу Сеппуку.

Если бы Дейв хоть чуть-чуть потерпел. Если бы она не поторопилась с последним решающим диагнозом.

Она была умницей и знала об этом. Но на нее всегда ужасно давили.

«Гадкая, гадкая Элис», — выбрала она себя.

А теперь давление исчезло и, смотрите-ка, все сложилось!

Чтобы перевалить водораздел, ей потребовались всего два обстоятельства. Чтобы Ахилл ненадолго оставил ее в покое, дал поразмыслить. И чтобы ее ждала смерть. Чтобы она уже умирала. И когда она это поняла, когда почувствовала смерть до мозга костей, когда перестала надеяться на спасение в последнюю минуту, Уэллетт избавилась от давления. Кажется, впервые в жизни она мыслила ясно. Она не помнила, давно ли Ахилл перестал ее мучить. По ее подсчетам — сутки или двое. А может, и неделю — хотя нет, за неделю она бы уже умерла. Пока только заржавели суставы. Даже освободи ее сейчас из экзоскелета, тело бы не смогло расправиться, ее свело, как от трупного окоченения

Может, так и было. Может, она уже умерла и не заметила. Боль, к примеру, немного утихла — или, скорее, ее просто вытеснила невыносимая жажда. В пользу монстра говорило только одно: он не забывал кормить и поить ее. «Чтобы были силы играть свою роль», — говорил Ахилл.

Но с тех пор прошло очень много времени. Така убила бы за стакан воды, хотя, похоже, из-за его отсутствия она умрет.

Но ведь это славно — когда ничто больше не имеет значения. И разве не славно, что она наконец разобралась?

Ей хотелось, чтобы Ахилл вернулся. Не только ради воды, хотя и это было бы мило. Ей хотелось доказать, что он ошибся. Хотелось, чтобы он ею гордился.

Все дело в той глупой песенке про блох. Монстр все знал, потому и пропел ее в первый раз.

«На каждую блоху // найдутся блошки-крошки, // но и на этих крошек // найдутся блошки тоже...»

Жизнь внутри жизни. Теперь она все видела и поражалась, как не поняла раньше. И концепция-то не новая. Очень даже старая. Митохондрии — маленькие блохи, живущие в каждой клетке эукариота. Ныне они — жизненно важные органеллы, биохимические аккумуляторы жизни, но миллиард лет назад были самостоятельными организмами, свободно живущими мелкими бактериями. Большая клетка поглотила их, но забыла прожевать — и вот они заключили сделку, большая клетка и маленькая. Громила обеспечивал безопасную стабильную среду, а шустряк качал энергию для хозяина. Древняя неудача хищника обернулась первобытным симбиозом... и по сей день митохондрии хранят свои гены, воспроизводящиеся по собственному графику, внутри тела носителя.

Процесс шел по сей день. Бетагемот, например, завел такие же отношения с клетками некоторых существ, соседствовавших с ним на глубине, обеспечил их избытком энергии, позволившим рыбе-хозяину расти быстрее. Он рос и в клетках наземных животных — только с менее благотворными последствиями, но ведь, когда два радикально отличающихся организма взаимодействуют в первый раз, без убытков не обойтись...

Ахилл пел вовсе не о блохах. Он пел об *эндосимбиозе*.

И у Сеппуку наверняка есть собственные блошки. Места более чем достаточно — все эти избыточные гены могут кодировать сколько угодно вирусов или маскировать

самоубийственные рецессивы. Сеппуку не просто убивал себя, сделав свое дело, — он рождал нового симбионта, возможно вирус, который поселялся в клетке хозяина. Он так эффективно заполнял нишу, что Бетагемот, попробовав вернуться, найдет только вывеску «Свободных мест нет».

Имелись ведь и своего рода прецеденты. Кое-что Така помнила по курсу медицины. Малярию удалось победить, когда обыкновенные москиты проиграли быстро плодящемуся варианту, не переносившему плазмодии. СПИД перестал быть угрозой, когда мягкие штаммы превысили число смертельных. Хотя все это были пустяки, болезни, атаковавшие лишь горстку вида. Бетагемот же угрожал любой клетке с ядром: «ведьму» не победишь вакцинацией всего человечества или заменой одного вида насекомых другим. Единственное средство против Бетагемота — это заражение всей биосферы.

Сеппуку перекроит всю жизнь изнутри. И он может так сделать: его пробивная сила не снилась бедному старому Бетагемоту. Чуть ли не вечность назад Ахилл вынудил ее вспомнить и об этом: ТНК способны к дупликации с современными нуклеиновыми кислотами. Они способны общаться с генами клетки-хозяина, способны объединяться с ними. Это может изменить все и вся.

Если она не ошиблась — а, зависнув на краю жизни, она была уверена на все сто процентов — Сеппуку — не просто средство от Бетагемота. Это самый решительный эволюционный скачок со времен возникновения клетки-эукариота. Решение настолько радикальное, что до него не додумались настройщики и модификаторы, не способные выйти за парадигму «жизни, какой мы ее знаем». Глубоководные ферменты, мучительная перестройка генов, позволившие Таке и ей подобным считать себя иммунными, — не более чем импровизированные подпорки. Костыли, поддерживающие дряхлеющее тело после

истечения срока годности. Люди слишком привязались к химическому конструктору, на котором миллиарды лет держалось их устройство. Ностальгия могла, в лучшем случае, оттянуть неизбежное.

Создатели Сеппуку оказались куда радикальнее. Они отбросили старые спецификации клеток и начали с нуля, переписывая саму химию живого, изменяя все виды эукариотов на молекулярном уровне. Неудивительно, что его творцы держали свое детище в тайне: не надо жить в стране Мадонны, чтобы испугаться столь дерзкого решения. Люди всегда предпочитали иметь дело со знакомым дьяволом, даже если этот дьявол — Бетагемот. Люди просто не приняли бы мысль, что успеха нельзя добиться лишь мелкими поправками...

Така плохо представляла, как будет выглядеть этот успех. Возможно, замеченные ею странные новые насекомые были его началом, ведь они вели быструю и короткую жизнь, сменяя по дюжине поколений за сезон. Ахиллу так и не удалось сдержать Сеппуку, и доказательство тому — эти бодрые чудовищные букашки. Он заслонил от инфекции только человечество.

Впрочем, даже тут он обречен на поражение. Рано или поздно спаситель пустит корни во все живое, не ограничится членистоногими. Просто для существ, живущих в более медленном ритме, процесс займет больше времени. «Придет и наш черед», — подумала Така.

И гадала: как это будет работать? Как выиграть конкуренцию с суперконкурентом? Грубой силой? Обыкновенной клеточной прожорливостью, той же стратегией, которую Бетагемот обратил против биосферы версии 1.0? Станет ли новая жизнь гореть вдвое ярче и сгорать вдвое быстрее, станет ли вся планета быстрее двигаться, быстрее думать, жить яростно и кратко, как поденки?

Но это — старая парадигма: преобразиться в своего врага и объявить о победе. Существовали и другие ва-

рианты, стоило только отказаться от усиления в пользу капитальной перестройки. Уэллетт, посредственная ученица Старой Гвардии, и представить себе их не могла. И никто не мог. Как предсказать поведение системы с несколькими миллионами видов, в которой изменили каждую переменную? Сколько тщательно отобранных экспериментальных подходов нужно для моделирования миллиарда одновременных мутаций? Сеппуку — или то, чем станет Сеппуку, — сводил на нет самую концепцию контролируемого эксперимента.

Вся Северная Америка стала экспериментом — необъявленным и неконтролируемым: спутанной матрицей многовариантного дисперсного анализа и гипернишевых таблиц. Даже если он провалится, мир не много потеряет. Бетагемот капитально сдаст позиции, Сеппуку напорется на собственный меч, и потом — в отличие от действий «ведьмы» — все будет происходить исключительно в пределах клетки-хозяина.

Возможно, эксперимент не провалится. Возможно, все переменится к лучшему. Появятся чудовища, но не только страшные, но и подающие надежду. Митохондриям придется вымереть, их затянувшийся договор аренды подойдет к концу. Возможно, люди изменятся изнутри, старую породу сменит другая, которая будет выглядеть похоже, но действовать лучше.

Может, давно пора послать все к черту.

Откуда-то далеко-далеко на нее ворчал маленький человечек. Он стоял перед ней — назойливый гомункул в невероятно четком разрешении. Как будто Така смотрела на него с другого конца подзорной трубы. Он расхаживал взад-вперед, бешено жестикулировал. Похоже, кого-то или чего-то боялся. Да. Вот в чем дело: кто-то за ним охотился. Он говорил так, словно в голове у него звучали разные голоса. Словно он неожиданно потерял контроль. Он угрожал ей — Уэллетт показалось, что он угрожает,

хотя его усилия производили скорее комический эффект. Как будто маленький мальчик храбрится и в то же время ищет, куда бы спрятаться.

— Я разобралась, — сказала ему Така. Голос потрескивал, как дешевый хрупкий пластик. Она удивилась, с чего бы это. — Оказалось не так уж сложно.

Но он ушел слишком глубоко в свой мирок. Ну что ж. Человечек и не походил на того, кто способен по-настоящему оценить рассвет новой эры.

Так много было впереди. Конец «жизни, какой мы ее знаем». Начало «жизни, которой не знаем». Начало уже положено. Больше всего Таке было жаль, что она не увидит, как все обернется.

«Дэйв, милый, — подумала Уэллетт, — я справилась. Наконец я все сделала правильно. Ты можешь мной гордиться».

БАСТИЛИЯ

Садбери вставал впереди светящейся опухоли.

Его ядро светилось изнутри — слабо по меркам супутников, но ярко как день для Кларк: отгороженная стеной, страдающая клаустрофобией кучка переоборудованных небоскребов среди покинутых пригородов и коммерческих зон. Статическое поле давало о себе знать интерференцией. Новые здания и подлатанные старички, жилье, клином вбитое в пространства между строениями, — все упиралось во внутренний край мерцающего купола и дальше не шло. Садбери вращался в полушарии, словно метастазы под стеклом.

Они врезались в него с востока. Гидрокостюм скорчился в поле, как слизняк в огне. Лопасты в заряженном воздухе обратились в вихри голубых искр. Кларк со странной ностальгией созерцала этот эффект: он напоминал биолюминесценцию микробов в тепле глубоководного

источника. Можно было вообразить, что на вращающихся винтах расселись воздушные огни святого Эльма.

Но только на миг. Здесь жил всего один микроорганизм, стоящий упоминания, и он был каким угодно, только не светлым.

Впрочем, они уже пробились и скользили на запад, летя над центром Садбери. По сторонам высились стены городского каньона. В полоске неба над головой мелькали молнии. Глубоко внизу, то и дело скрываясь за новыми постройками, медным проводком бежали по дну рельсы. Лени достала из стоявшего в ногах рюкзака обоймы. Как ими пользоваться, Лабин показал ей еще над проливом Джорджии. Каждая вмещала дюжину гранат, размеченных цветами: световые, газовые, «сверлильщики» и «площадники». Боеприпасы отправились в поясную сумку.

Лабин взглянул на нее своими протезами:

— Не забудь застегнуть, когда закончишь. Как твоя пленка?

Она расстегнула крутку, проверила гидрокостюм под ней. Широкий косой крест полупроницаемой мембраны прикрывал электролизный порт.

— Держится, — сказала она и застегнула маскарадный костюм сухопутника. — А то, что мы так низко идем, местные власти не побеспокоит?

— Эти — нет...

Лени даже представила, как он закатил слепые глаза, удивляясь ее тупости. Как видно, за дермы, противоядия и выпотрошенных людей можно было купить не только транспорт. Кларк не стала уточнять. Она опустила в сумку последний заряд и стала смотреть вперед.

Через пару кварталов каньон выходил на открытое пространство.

— Так вот он где, — пробормотала Кларк. Лабин сбавил скорость, теперь они еле ползли.

Перед ними огромным темным Колизеем открылась площадь, вырезанная в тесноте местной архитектуры. Лабин остановил «Сикорский-Белл» в трехстах метрах над ней у самого периметра.

Вал с крепостным рвом в два квартала шириной. Одинокий небоскреб — сужающаяся флейтой многогранная башня — поднимался посередине. Над крышей стояла призрачная корона из голубых огней. А все остальное было мертво и темно — на шестьдесят пять этажей ни единого светящегося окошка. На земле вокруг лежали заплаты фундаментов, следы снесенных зданий, теснившихся здесь в более счастливые времена.

Кларк задумалась: что бы увидели глаза сухопутника, если бы такой рискнул забраться сюда в темноте? Может, горожане Садбери видели вовсе не Патруль Энтропии. Возможно, им представлялась башня призраков, темная и грозная, полная скелетов и мерзких ползучих тварей. Разве можно винить людей, похороненных под обломками двадцать первого века, осажденных неведомыми микробами и электронными демонами, за то, что они вернулись к вере в злых духов?

«Возможно, они даже правы», — подумала Кларк.

Лабин указал ей на призрачное освещение парапета. Из этого нимба поднималась посадочная площадка и десяток мелких надстроек вокруг — грузовые лифты, вентиляционные шахты, оборванные пуповины подъемников.

Кларк с сомнением огляделась:

— Нет.

Здесь садиться было нельзя, здесь наверняка установлены защиты.

Лабин, кажется, ухмыльнулся:

— Давай проверим.

— Не думаю, что это...

Кен врубил скорость, и они ринулись в пустое, открытое пространство.

Вылетев из каньона, заложили вираж направо. Кларк вцепилась в приборную панель. Земля и небо перевернулись: город с археологическими руинами сбитых фундаментов вдруг оказался в трехстах метрах за плечом Лени, и на нее уставились два черных круга по метру в поперечнике, словно глазницы гигантского черепа. Только они были не пустые и даже не плоские, а слегка выступали над землей, словно полюса закопанных в нее гигантских шаров.

— Это что? — спросила она.

Нет ответа. Кларк скосила глаза. Лабин одной рукой придерживал между коленей бинокляр, а другой пристраивал на него пенсне. Линзы аппарата смотрели в потолок кабины. Кларк внутренне содрогнулась: каково это, когда твои глаза расположены в метре от черепа?

— Я спросила... — заново начала она.

— Артефакт перегрева. Гранулы почвы взрываются как попкорн.

— От чего это? Мина?

Он рассеянно покачал головой, переключившись на что-то у основания небоскреба:

— Луч частиц. Орбитальная пушка.

У Кларк свело внутренности.

— Если у него есть... Кен, а если он заметит?..

Что-то натриевой вспышкой полыхнуло у нее в затылке. В груди затикало. Управление «Сикорского-Белла» кашлянуло невероятно дружным хором и погасло.

— Похоже, есть, — заметил Лабин, когда стих мотор.

Ветер негромко свистел в фюзеляже. Ротор продолжал постукивать над головами, по инерции шлепая лопастями. Больше ни звука, кроме тихих ругательств Лабина, когда вертолет на мгновение завис между землей и небом.

В следующее мгновение они уже падали.

Желудок у Кларк застрял в горле. Лабин давил педали.

— Скажешь, когда пройдем шестьдесят метров.

Мимо проносился темный фасад.

— Чт...

— Я слепой, — Кен оскалился от какой-то извращенной смеси страха и возбуждения — руки тщетно и яростно сжимали джойстики. — Скажешь, когда... десятый этаж! Скажешь, когда минуем десятый!

Одну половину Кларк до бесчувствия поразила паника. Вторая пыталась выполнить приказ, отчаянно подсчитывала этажи, пролетавшие мимо. Но окна были слишком близко, сливались, а вертолет должен был рухнуть. Рухнуть у самой башни, но та вдруг исчезла, оборвалась углом, мелькнувшим на расстоянии вытянутой руки. Открылся северный фасад, из-за дальности его было лучше видно, и...

«О, господи, что это...»

Какой-то непокорный, пораженный ужасом участок мозга бормотал, что не может такого быть, но вот же она — черная, беззубая, в стене небоскреба зияла пасть, широкая, как ворота для целого легиона. Лени пыталась отвлечься, сосредоточиться на этажах, начать счет от земли. Они падали мимо этого невозможного провала... а потом выяснилось, что летят прямо в него!

— Лени...

— Пора! — завопила она.

Секунда растянулась вечностью, а Лабин ничего не сделал.

В этом бесконечном мгновении самое странное — ощущения. Шум от все еще — чудом, удачей или чистым упрямством — вращающегося ротора, пулеметный ритм с доплеровским смещением, как медленный далекий стук сердца улетающего в бездну космонавта. Вид несущейся навстречу, несущей гибель земли. Внезапное холодное смирение, признание неизбежного: «Мы умрем». И кивок с грустной насмешкой, понимание, что могущественный

Кен Лабин, всегда просчитывавший на десять ходов вперед, мог совершить такую глупую, такую тупую ошибку.

А потом он рванул рычаг, и вертолет вздыбился, струсил в последний момент. Кларк весила сотню тонн. Они смотрели в небо, мир за ветровым щитком — земля, стекло, далекие облака — слился в сплошную круговерть. На один ошеломительный миг они снова полетели. Затем что-то с силой пнуло их сзади, проламывая полимер и раздирая металл. Машина завалилась набок, и этот чудесный ротор хлестнул по земле и замер, наконец побежденный. Кларк безумными глазами уставилась на огромный монолит, который, безумно перекосившись в ночном небе, спускался вместе с темнотой, чтобы ее сожрать.

— Лени!

Она открыла глаза. Невероятная пасть все так же зияла над ней. Кларк зажмурилась на секунду и попробовала еще раз. Ох...

Нет, это же огромная обугленная дыра, проломившая северный фасад на целых десять этажей, если не больше.

«Рио, — вспомнила она. — Они так и не заделали пробоину».

Крыша небоскреба отчетливо видна сквозь ветровое стекло. Огни над ней погасли. Все здание как будто перекосило влево: нос вертолета наклонился под углом в тридцать градусов, он похож на высунувшегося из-под земли механического крота.

Полет окончен. Хвост, на который они приземлились, либо вмялся в корпус, либо вовсе отломился.

Грудь и плечи болели. И с небом было что-то не так. Оно... а, вот оно что, небо темное. В анклавe, где генератор статического поля без конца гнал в воздух электричество, оно должно было мерцать искрами. И мерцало до их падения.

— Лени...

— Это что... импульс был? — удивилась она.

— Ты двигаться можешь?

Она сосредоточилась и определила источник боли: рюкзак Лабина, твердый и комковатый, прижался к ее груди, не жалея сил. Наверное, при падении он поднялся над полом, а она его схватила. Кларк ничего этого не помнила. Прореха на верхнем клапане улыбалась ей в лицо и открывала кое-что внутри — угловатый комок инструментов и аппаратуры, неприятно давивший на кости.

Она приказала себе разжать руки. Боль ослабла.

— Кажется, я в порядке. А ты...

Он слепо смотрел на нее обожженными глазами. Только теперь Лени вспомнила, что видела, как во время падения пенсне Лабина изящно улетело к задней стене кабины. Отстегнувшись, Кларк оглянулась. Позвоночник пронзила резкая боль, словно лед треснул. Она вскрикнула.

Рука Лабина легла на плечо.

— Что?

— Похоже, позвоночник травмирован. Бывало и хуже. — Она села на место. Все равно искать прибор нет смысла: импульс поджарил его вместе с электронной вертолета.

— Ты снова слепой, — тихо сказала она.

— Я припас еще одну пару. В защитном футляре.

Открытый рюкзак ухмыльнулся ей зубцами молнии. Когда до Лени дошло, ее затошнило от стыда:

— О, черт, Кен, я забыла застегнуть. Я...

Он отмахнулся от извинений:

— Будешь моими глазами. Кабина разбита?

— Что?

— Трещины есть? Широкие, чтобы ты смогла выбраться?

— А... — Кларк снова обернулась, уже осторожнее. Боль зародилась в основании черепа и дальше не пошла.

— Нет. Задняя переборка всмятку, но...

— Хорошо. Рюкзак у тебя?

Она открыла рот ответить — и вспомнила два обугленных кургана, таращившихся в небо.

— Сосредоточься, Лен. Рюкзак...

— Он не понадобится, Кен.

— Очень даже...

— Мы уже мертвы, Кен. — Она глубоко, отчаянно вздохнула. — У него орбитальная пушка, забыл? Он в любую секунду может... а мы ни хрена не...

— Слушай меня! — Лицо Кена вдруг приблизилось, как для поцелуя. — Если бы он хотел нас убить, мы бы уже были мертвы, поняла? Сомневаюсь, чтобы ему хотелось сейчас подключаться к спутникам: он не рискнет открывать их шреддерам.

— Но он уже... импульс...

— Не с орбиты. Он, наверное, половину этажей в небоскребе упаковал конденсаторами. Ахилл не хотел нас убивать. Только память немножко. — Кен выбросил вперед руку. — Ну, где рюкзак?

Она покорно отдала. Кен поставил его на колено, порылся внутри.

«Он не хочет нас убивать». Лабин говорил это и раньше, выложил как часть рабочей гипотезы по пути из Тормильтона. По мнению Кларк, последние события ее не слишком поддерживали, особенно...

Что-то шевельнулось справа. Обернувшись, Кларк ахнула — боль от движения мгновенно забылась. Сквозь пузырь колпака в нескольких сантиметрах от нее таращилась чудовищная морда: тяжелый черный клин, сплошные мышцы и кости. Маленькие темные глазки блестели в глубоких глазницах. Видение ухмылялось, скаля клыки в капкане челюстей.

В тот же миг морда пропала из вида.

— Что? — качнулось к ней лицо Лабина. — Что ты видела?

— Кажется... кажется, раньше это была собака, — дрожащим голосом ответила Кларк.

— Думаю, раньше все они были собаками, — сказал ей Лабин.

Валясь с неба, Лени не заметила, когда они подросли: чтобы посмотреть вперед, пришлось заглянуть *назад* — а теперь... сквозь подфюзеляжный колпак, в дверную щель, если приподняться с сиденья — со всех сторон виднелись жуткие тени. Привидения не лаяли и не рычали — не издавали ни звука. Они не тратили даром сил и грубой звериной злобы, не кидались на корпус, пробиваясь к мягкому мясу внутри. Они кружили молчаливыми акулами.

Светоусилители никак не нарушали их полной черноты.

— Сколько? — Лабин провел рукой по пистолету-гранатомету; пояс с боеприпасами лежал у него на коленях, одним концом все еще свешиваясь в мешок под ногами.

— Двадцать. Или тридцать. Самое малое. Господи, Кен, они огромные, вдвое больше тебя... — Кларк боролась с подступающей паникой.

К оружию Лабина прилагались три обоймы и маленькое колесико-переключатель, позволявшее выбирать между ними. Он нащупал за поясом световые, «сверлильщики» и «площадников», вставил их.

— Главный вход видишь?

— Да.

— В какой стороне? Далеко?

— Примерно на одиннадцать часов. Пожалуй... восемьдесят метров.

«А с тем же успехом могли быть восемьдесят световых лет...»

— Что между нами и ими?

Она сглотнула.

— Стая бешеных собак-монстров, готовых убивать.

— Кроме них.

— Мы... мы на краю главной улицы. Мощеной. Со всех сторон были здания, но их снесли, труха одна. — И, в надежде, что он задумал не то, чего она боится, в надежде отговорить его, Лени добавила: — Укрыться негде.

— Мой бинокляр видишь?

Она осторожно, оберегая поврежденный позвоночник, повернулась.

— Прямо за твоей спиной. Ремешок зацепился за дверь.

Он, отложив оружие, отцепил его и подал ей.

— Опиши вход.

Дальномер и термовизор, разумеется, не работали — только обычная оптика. Кларк постаралась не замечать темных теней на расплывчатом переднем плане.

— Восемь стеклянных дверей в неглубокой нише на фасаде, над ней логотип УЛН. Кен...

— За дверью что?

— Э... вестибюль, шириной несколько метров. А дальше — о, в прошлый раз там был еще один ряд дверей, но теперь их нет. Вместо них какая-то тяжелая плита, наверно, спускается сверху, как крепостная решетка. По ней много не скажешь.

— А боковые стены вестибюля?

— Бетон или биолит или что-то такое. Просто стены, ничего особенного. А что?

Он затягивал оружейный пояс на талии.

— Там и войдем.

Она покачала головой:

— Нет, Кен, ни хрена не выйдет.

— Спускные ворота — самая очевидная защита. Чем ломиться в них, разумнее обойти.

— Нам не выйти, порвут!

— Я не для того так далеко летел, чтобы стоя собак остановила меня в восьмидесяти метрах от финишной ленточки.

— Кен, ты же слепой!

— Они об этом не знают. — Он показал Кларк пистолет. — А вот это им знакомо. Главное — произвести впечатление.

Она уставилась в его разъеденные глаза, на сочащееся сукровицей лицо.

— Как же ты будешь целиться?

— Так же, как приземлялся. Дашь наводку. — Нашарив рюкзак, Лабин достал из него «Хеклер и Кох». — Этот возьми себе.

Она взяла, не понимая, что делает.

— Отгоним собак на то время, что нужно для прохода сквозь стену. В остальном план прежний.

Кларк с пересохшим ртом следила, как кружат у машины псы.

— А если они бронированные? Если у них электронная защита?

— Импульс на них не подействовал, значит, никакой электроники. Обычные модификанты, не больше.

Застегнув молнию рюкзака, Лабин забросил его за спину, подтянул лямки на плечах и на поясе.

— А пистолеты у нас выдержат импульс? А... — Тревожная мысль вдруг пробилась на поверхность из глубины сознания: закашлявшаяся механика у нее в груди. — А наши имплантаты?

— Миоэлектрика. Электромагнитный импульс им не слишком опасен. Твой «Хеклер-Кох» как настроен?

Она проверила:

— Конотоксины. Кен, я никогда еще не стреляла из пистолета. Не сумею прицелиться...

— Сумеешь. Всяко лучше, чем я. — Лабин пробрался между сиденьями в заднюю часть кабины. — Ты легко пройдешь, сильно подозреваю, что они настроены на меня.

— Но...

— Перчатки, — напомнил он, припечатывая свои к запястьям гидрокостюма под широкими рукавами верхней одежды.

Кларк натянула перчатки на дрожащие руки.

— Кен, нельзя же просто...

Он приостановился, нацелившись на нее невидящими глазами.

— Знаешь, с манией самоубийства ты мне больше нравилась. Раньше ты хоть не боялась, а сейчас слушать тошно.

Она заморгала:

— Что?

— Лени, у меня кончается терпение. Пяти лет мук совести и жалости к себе хватило бы кому угодно. Может, я в тебе ошибся? Может, ты все это время просто прикидывалась? Ты хочешь спасти мир или нет?

— Я...

— Это — единственный способ.

«А разве есть что-то такое, чего ты не сделаешь ради возможности вернуть все назад?» Тогда ответ казался очевидным. Он и сейчас был очевиден. Знакомая ледяная решимость обожгла Лени изнутри. Лицо горело.

Лабин кивнул, закрыл глаза. Сев на пол, уперся спиной в переборку за креслом Кларк.

— Затычки в нос.

Они смастерили их по пути: маленькие тампоны из полупроницаемой пленки. Кларк забила по одной в каждую ноздрю.

— Я пробью дыру в корпусе, — объяснял Лабин, делая то же самое. — Это отгонит собак и даст нам время выйти. Как только окажемся снаружи, направь меня на главный вход. Чтобы он был на двенадцать часов. Направление на цели указывай считая от него, а не от направления, в котором я смотрю в данный момент. Поняла?

Она по забывчивости кивнула и тут же поправилась:

— Да.

— Они бросятся, как только мы выйдем из укрытия. Предупреди и будь готова по команде закрыть глаза. Я применю вспышку — она их обездвигит секунд на десять, если не больше. Постарайся подстрелить, сколько сможешь, и не останавливайся.

— Поняла. Что-то еще?

— Сбрось перчатки, как только мы выберемся из огня. При виде гидрокостюма Дежарден, возможно, задумается.

Терпеливые убийцы расхаживали прямо за колпаком: казалось, заглядывали в глаза. Улыбались, показывая клыки длиной с большой палец.

«Обычные модификанты», — повторила Лени про себя, пьянея от ужаса. И уперлась спиной к колпаку, прикрыв лицо руками.

— Мы справимся, — мягко сказал ей Лабин. — Только помни о том, что я сказал.

«Он не хочет нас убивать». Кларк задумалась, к кому это относилось.

— Ты правда думаешь, он ждет нас живыми?

Лабин кивнул.

— А он знает, что ты ослеп?

— Сомневаюсь. — Кен повел стволом по кабине. Колесико стояло на «площаднике». — Готова?

«Вот оно, детка. Твой единственный шанс все исправить. Не облажайся».

— Давай, — сказала она и закрыла глаза.

Лабин выстрелил. Под веками у Кларк разбежались оранжевые круги.

Большую часть жара принял на себя гидрокостюм, но на миг почудилось, что она сунулась лицом в горн. Кларк выругалась от обдавшего лица пламени, стиснула зубы, задержала дыхание и прокляла про себя перестраховщика Лабина: «При виде капюшонов он может насторожиться».

Воздух ревел и трещал, плевался брызгами металла. Она слышала рядом выстрел Лабина. Кларк со смутным удивлением отметила, что боль прошла. Ее мгновенно вымели страх и адреналин.

Мир под веками потускнел. Она открыла глаза. В борту вертолета открылась дыра, по краям ее поблескивали натеки мягких сплавов, шелушился и чернел акрил. На пол рухнул осколок разбитого колпака — в каком-то сантиметре от ее ноги.

Лабин выстрелил в третий раз. Дождь огненных игл вылетел в брешь и в темноту за ней: мелкий и опустошительный метеоритный дождь. «Площадник» бил по широкой дуге, оставляя тысячи смертельных проколов, но в тесноте кабины ему некуда было разлетаться. Примерно два метра фюзеляжа улетели серебристым мусором, на землю снаружи лег веер остывающих обломков.

— Дыра большая? — рявкнул Лабин.

— Полтора метра. — Она задыхалась и кашляла от вони горелого пластика. — Много мелких осколков по краям...

Поздно. Лабин в слепом бешенстве уже бросился в дыру. Он чуть не задел оплавленный край, ударился о землю плечом и, перекатившись, мгновенно вскочил на ноги. Капля горячего металла блестела клеймом на левой лопатке. Дернувшись, Лабин вскинул руку и содрал ее стволом пистолета. Та упала вместе с куском оплавленного кополимера. На рубaxe Лабина осталась рваная дыра, поврежденный гидрокостюм под ней корчился как живой.

Кларк, скрипнув зубами, бросилась за ним.

Яркие искры боли, острой и тонкой как иголки, впились в плечо, когда она пролетела сквозь пролом. В следующий миг ее омыла благодатная прохлада воздуха. Приземлилась Лени жестко, скользнув по земле. Перед ней вздрагивали две обгорелые туши, скалились обугленными губами.

Поднимаясь на ноги, Кларк стянула перчатки. Стая пока отступила на безопасное расстояние.

Лабин, демонстративно угрожая, поводил стволом оружия.

— Лени!

— Есть, двух свалил! — Она подобралась к нему, указала своим пистолетом на хищный круг. — Остальные отошли. Кларк развернула Кена по часовой стрелке.

— Вход там, на двенадцать часов.

«Направления считать от входа, направления считать от входа...»

Лабин кивнул.

— На каком расстоянии собаки?

Пистолет он держал двумя руками, чуть согнув их в локтях. И даже казался расслабленным.

— Э... метров двадцать пять, что ли...

— Умно. За пределами эффективного выстрела.

Направление от...

— Дистанция выстрела — паршивых двадцать пять метров?!

— Зато охват широкий. — Конечно, в этом был смысл — хороший выбор для плохого стрелка, а для слепого так и вовсе лучше не придумаешь. Беда в том, что туча иголок, рассеиваясь, просто не задевала отдаленные цели. — Опробуй свой.

Кларк прицелилась. Руки все еще дрожали. Она выстрелила раз, другой. «Хеклер» дергался в руке, но рывкал на удивление тихо.

Врагов меньше не стало.

— Промазала, или у них иммунитет. Кен, ты говорил, они модифицированы...

Внезапное движение справа, атака с фланга.

— Два часа, — прошипела Кларк, отстреливаясь. Лабин, обернувшись, выпустил тучу игл. — Восемь! — Он снова выстрелил, чуть не задев нырнувшую под его вытянутую руку Кларк. Огненные иголки прошли землю по обеим сторонам. Под пылающей шрапнелью свали-

лись еще три собаки. Две, получив ожоги, отскочили за пределы выстрела. Стая по-прежнему молчала. Периметр кипел безмолвной яростью.

Кларк не опускала своего пистолета, хотя толку от него было немного.

— Три убиты, две ранены. Остальные отступили.

Лабин качнулся влево, вправо...

— Неправильно. Они должны нападать.

— Не любят выстрелов. Ты сам сказал, они умные.

— Боевые псы, слишком умные для атаки, — покачал головой Лабин. — Нет, что-то тут не так.

— Может, они просто удерживают нас на месте? — с надеждой предположила Кларк. — Может...

Что-то тихо зазвенело в черепе — не столько слышалось, сколько ощущалось, как легкий надоедливый зуд.

— Ага, — тихо сказал Лабин, — это больше похоже на правду.

Перемена была трудноуловимой и фундаментальной. Ни датчик движения, ни распознаватель образов ее не засек бы. Но Кларк все поняла сразу, тем первобытным чутьем, которое передалось еще от предков человека. За все эти миллионы лет подсознание ничего не забыло. Твари, окружившие их со всех сторон, вдруг слились в единое безжалостное существо с множеством тел и одной целью. Лени увидела, как тварь ринулась на нее и вспомнила, кто она такая, кем была всегда.

Жертвой.

— Вспышка! — рявкнул Лабин.

Она едва успела зажмуриться. Четыре хлопка подряд — и созвездие тускло-красных солнц разгорелось у нее под веками.

— Пошла!

Она всмотрелась. Единый организм распался. Со всех сторон метались одиночные хищники, ослепшие

и растерянные. «Ненадолго ослепшие, — напомнила она себе, — и временно растерявшиеся».

На действие остались секунды, и тратить их даром было глупо. Лени пошла в атаку.

Она начала стрелять в трех метрах от ближайшего зверя, выпустила пять зарядов, дважды попала в бок. Пес щелкнул зубами и упал. Еще двое столкнулись друг с другом буквально на расстоянии вытянутой руки — каждому по дроту, и Лени закружилась, высматривая новую цель. Откуда-то сбоку вылетело облако огненных игл. Кларк, не обращая внимания, продолжала стрелять. Мимо мелькнуло нечто темное, тяжелое, истекавшее огнем. Она ловко попала ему в бок и вдруг снова преобразилась — адреналиновый сигнал «беги или дерись» выжег скулящее бессилие, разгорелся кровожадной яростью. Она выстрелила в ляжку, в мощную, вздымающуюся грудную клетку, черную и гладкую как гидрокостюм. В чудовищную, беззвучно рычащую морду и тут поняла, что та смотрит назад.

Незнакомая и невиданная часть сознания Лени вела подсчет: «Семь — больше ты пристрелить не успеешь, потом они бросятся и...»

Она побежала. Лабин тоже бежал, бедный слепой Лабин, Лабин — живой танк. Он снова переключился на «площадник» и выжигал огненную дорогу на двенадцать часов. Он мчался по подъездной дорожке...

«Я ему сказала препятствий нет о боже как он рассвирепеет если споткнется о решетку...»

...словно зрячий. Собаки мотали головами ему вслед и разворачивались в намерении взять реванш.

Они нагоняли и Кларк. Лапы барабанили за спиной, как дождь по полотняной крыше.

Она снова выскочила на асфальт, отставая от Лабина на несколько метров. Крикнула: «Семь часов!» и упала ничком.

Огненный шквал прошел в сантиметрах над головой. Гравий и шершавый асфальт ободрали ладони, ссадили

предплечья сквозь слой брезента и кополимера. Шерсть и мясо вспыхнули у самого лица, обдав жаром.

Она перекатилась на спину.

— Три часа! Вспышка уже не действует!

Лабин обернулся и залил врага огнем. Еще три собаки надвигались с одиннадцати — все еще лежа на спине, Кларк завела за голову руки с пистолетом и сняла их с трех метров.

— Вспышка! — снова крикнул Кен.

Кларк перекатилась и скорчилась, закрывая глаза. Еще три хлопка, три оранжевых восхода под веками. И на этом фоне яркая картинка: когда Лабин крикнул, все псы, съездившись, отвернули головы...

«Умные, умные собачки, — истерически захихикала у нее в голове маленькая девочка. — Слышат „Вспышка“, вспоминают, что было в прошлый раз, и закрывают глазки...»

Она подняла веки, заранее ужасаясь тому, что увидит. Трюк дважды не сработал. Лабин отчаянно переключал режимы стрельбы, когда черная скалящаяся немезида метнулась к его горлу. В ее глазах не было звезд. Кен выпалил — вслепую и точно в цель: кровь и осколки костей вылетели из черепа твари, но тело продолжало полет — сто килограммов неудержимой инерции ударили его в грудь. Лабин упал бумажной куколкой, цепляясь за мертвого врага, словно мог одолеть массу-время-ускорение одной кровожадной решимостью.

Не смог, конечно. Ничего он не одолел. Убил одну и скрылся под дюжиной других.

Кларк вдруг рванулась вперед, стреляя, стреляя, стреляя. Был визг — но не с той стороны, куда она стреляла. Что-то горячее и твердое врезалось в нее сбоку; что-то холодное и очень твердое ударило со спины. Чудовище ухмыльнулось ей открытой слюнявой пастью. Его передние лапы пригвоздили ее к земле, как бетонные сваи. Из пасти несло мясом и бензином.

Она вспомнила слова Кена: «Ты легко пройдешь, сильно подозреваю, что они настроены на меня». Надо было спросить, что он имел в виду, пока еще было у кого. А теперь поздно.

«Они меня оставили на десерт, — рассеянно подумала она, — на десерт».

Где-то рядом хрустнули кости.

«Господи, Кен, на что ты рассчитывал?»

Тяжесть исчезла с груди. Со всех сторон слышалось дыхание монстров.

«Думал, в аду есть надежда? Ты был слеп, а я... я все равно что слепа. Ты искал смерти, Кен? Или вообразил себя неуязвимым? Это я, пожалуй, могла бы понять. Я и себя когда-то такой считала».

Странное дело. Никто не рвал ей глотку.

«Интересно, что их сдерживает?» — подумала она.

И открыла глаза. Здание УЛН поднималось в небо, словно она смотрела из могилы на огромное надгробие.

Лени села — в круге диаметром метра четыре, очерченном черными телами. Собаки, пытаясь, следили за ней, смиренно сидя на задних лапах.

Кларк кое-как поднялась на ноги. В голове гудело воспоминание о назойливом неслышном тиканье, только что воспринятом внутренним ухом. Оно было при первой атаке чудовищ и сейчас появилось. Ультразвук.

«Хеклер и Кох» валялся под ногами. Кларк нагнулась за ним. Тени со всех сторон напряглись, предостерегающе клацнули зубами, но не помешали.

Разбитый «Сикорский-Белл» остался в пятидесяти метрах левее: толстая грудь и узкое брюшко расходились от сочленения под острым углом. В стене кабины зияла рваная обугленная дыра, словно изнутри вырвался раскаленный добела паразит. Кларк на шатких ногах шагнула к вертолету.

Собаки ошетинились и не сдвинулись с места.

Она остановилась. Повернулась лицом к черной башне. Стая расступилась.

Они двигались вместе с ней, пропуская и тут же смыкая ряды позади. Через несколько шагов пузырь дарованного Кларк пространства слился с другим, образовав продолговатую вакуоль длиной около десяти метров.

Перед ней в луже крови и кишок лежали грудой две туши. Из-под ближайшей торчала неподвижная нога. Что-то еще — темное, скользкое, со странными округлыми выступами — дергалось под окровавленным собачьим боком, похожее на уродливо раздутого паразита, вылезшего из потрохов хозяина и слабо пульсирующего рядом.

Оно сжалось. Картинка щелкнула, превратившись в окровавленный кулак, вцепившийся в мерзкую свалывшуюся шерсть.

— Кен!

Она нагнулась, коснулась кровавой руки. Та отдернулась, как ужаленная, скрылась под трупом, оставив после себя смутное ощущение какого-то уродства. Груда падали слабо шевельнулась.

Лабин не порвал двух зверей на куски, а просто пробил в них смертельные дыры. Выпотрошили их позже, когда орда демонов рвала павших товарищей, деловито и беспощадно преследуя жертву.

Кен соорудил из трупов укрытие.

— Это я. — Лени ухватила за шерсть и потянула. Скользящий от крови мех выскальзывал из пальцев. С третьей попытки центр тяжести резко сместился, и туша огромным поленом скатилась с Лабина.

Тот сослепу выстрелил. Смертоносная шрапнель разлетелась по небу. Кларк упала наземь, крикнула: «Это я, идиот!» и с ужасом уставилась на охранников, ожидая новой атаки. Но стоя только дрогнула и по-прежнему безмолвно отступила на несколько шагов.

— К... Кларк?

Он вовсе не походил на человека. Каждый квадратный сантиметр тела блестел от черной слизи. Пистолет в его руке дрожал.

— Это я, — повторила она. Знать бы, сколько здесь его крови. — Ты?..

— Собаки? — Он часто, нервно дышал сквозь стиснутые зубы, как испуганный мальчишка.

Она осмотрела конвой — ей ответили взглядами.

— Они отступили. Кто-то их отозвал.

Рука престала дрожать, дыхание выровнялось. Кен натягивал на себя самообладание, одной силой воли перезагружая себя.

— Я же говорил, — закашлялся он.

— Ты?..

— Функционирую. — Он медленно встал, полдюжины раз скривившись и поморщившись. — Кое-как.

Правое бедро у него было порвано, щека рассечена от подбородка до линии волос. Рана пересекала разбитую правую глазницу.

Кларк ахнула:

— Господи, глаз...

Он поднял руку, ощупал лицо.

— Все равно от него было мало проку.

Теперь стало ясно, почему рука казалась деформированной: не хватало двух пальцев.

— И рука... Кен...

Он сжал оставшиеся пальцы. Затягивающаяся мембрана еще не сошлась на обрубках, из них сочилась темная жидкость.

— Не так скверно, как выглядит, — хрипло сказал он.

— Ты истечешь кровью, ты...

Он покачал головой, пошатнулся.

— Повышенная свертываемость. Стандартная модификация. Идти могу.

Черта с два... Но собаки с одного бока подобрались ближе, с другой стороны отступили. Очевидно, остаться на месте им не светило.

— Ну что ж... — Кларк взяла его за локоть. — Нам туда.

— Не уклоняясь от курса. — Это был не вопрос.

— Да. Особого выбора нам не дают.

Лабин опять закашлялся, в углу рта появились крупные пузыри крови.

— Они нас пасут.

Большая черная морда мягко подтолкнула ее сзади.

— Считай это почетным караулом, — предложила Кларк.

Ряд стеклянных дверей под бетонным козырьком, официальный логотип Патруля Энтропии в камне над головой. Собаки образовали полукруг перед входом, тесня их вперед.

— Что видишь? — спросил Лабин.

— Наружные двери, за ними вестибюль длиной около трех метров. Там... посредине перегородки дверь. Только очертания — ни дверной ручки, ни скважины.

Кларк готова была поклясться, что раньше там ничего не было.

Лабин сплюнул кровью:

— Пошли.

Первая же дверь распахнулась от толчка. Они переступили порог.

— Мы в вестибюле.

— Собаки?

— Пока снаружи.

Стая выстроилась за стеклом, заглядывая внутрь.

— По-моему, они не... О, внутренняя дверь открылась.

— Наружу или внутрь?

— Внутрь. За ней темно, ничего не видно.

Кларк шагнула вперед; оказавшись в полной темноте, линзы быстро адаптируются.

Лабин остановил ее, застыв, сжав в кулак пальцы, оставшиеся на покалеченной руке. Гранатомет твердо нацелил вперед. На изуродованном лице Кена застыло странное выражение, которого Кларк прежде никогда не видела: пылающая смесь ярости и унижения, граничащая с явной человечностью.

— Кен, дверь открыта.

Переключатель, щелкнув, остановился на «сверлильщике».

— Открыто, Кен. Можно просто войти.

Она тронула его за руку, потянула ее вниз, но тело Лабина застыло в яростном оцепенении.

— Я же говорил, — проворчал он, — разумнее в обход.

Рука с пистолетом развернулась на три часа, указав прямо на стену вестибюля. Беспольные глаза смотрели вперед.

— Кен... — Кларк обернулась, почти ожидая, что стая, пробив стекло, оторвет ему руку. Но собаки сидели на месте, больше не вмешиваясь в течение драмы.

— Он хочет, чтобы мы шли прямо, — сказал Лабин. — Он всегда командует, всегда захватывает инициативу. А мы только и делаем, что... *реагируем*.

— А взрывать стену, когда дверь настежь? Это — *не* реакция?

Лабин покачал головой:

— Это побег.

Он выстрелил. «Сверлильщик» врезался в боковую стену, вращаясь с такой скоростью, что мог уйти за горизонт событий. Стена изверглась маленьким Везувием: вестибюль накрыли клубы серого пепла. Жгучие крупинки песка жалили лицо. Кларк закрыла глаза, задыхаясь в песчаной буре. Откуда-то из глубины водоворота ей послышался тонкий звон бьющегося стекла.

Что-то сграбастало ее за запястье и дернуло в сторону.

Открыв глаза, она уперлась взглядом во взбаламученное взрывное облако. Лабин потянул ее к проломленной стене, его изуродованное лицо маячило совсем рядом: — Туда. Веди.

Она повела. Кен, пошатываясь, шел рядом. Мелкие обломки еще шуршали в воздухе, оскверненное здание вздыхало. Из мглы показалась пустая, перекрученная дверная рама. Под ногами алмазным снежком хрустело разбитое вдребезги безопасное стекло.

Собак не было видно — впрочем, она бы их все равно не заметила до последнего прыжка. Может, взрыв их отпугнул. Может, они всегда оставались только снаружи. А может, псы в любую секунду ворвутся в разбитую дверь и завершат неоконченное дело.

В стене перед ними рваная дыра. Откуда-то льется вода. Сантиметров в пяти над полом поднимался гребень рваного бетона, край бездны — с другой стороны зияла вертикальная шахта диаметром в метр. На сомнительной прочности креплениях держались перекрученные жилы металла и пластика, другие под самыми неожиданными углами лежали поперек провала. Из пустоты била струя воды — наверху, похоже, прорвало трубу — и с плеском уходила сквозь невидимую решетку вниз.

Стена на той стороне была проломлена. За ней — темнота.

— Здесь осторожней, — предупредила Кларк.

Они вышли в просторное помещение с высоким потолком: как смутно припомнилось Кларк — главную приемную. Лабин, обернувшись, прицелился в дыру, из которой они вышли. Никто не прыгнул на них ни спереди, ни сзади.

— Большой зал, — доложила Кларк. — Темно. Информационные киоски и стойки для посетителей слева. Никого.

— Собаки?

— Пока нет.

Рабочие пальцы Лабина прошли по краям дыры.

— Это что?

Она склонилась ближе. В усиленном линзами полусвете в стене что-то блеснуло, словно тонкая жила драгоценной руды. Из разбитого бетона там и тут свисали оборванные концы.

— Какая-то сеть, — сказала она, — вделана в стену. Металлическая, очень тонкого плетения. Вроде толстой ткани.

Лабин мрачно кивнул:

— Клетка Фарадея.

— Что?

— Защита. От воздействия электромагнитных импульсов.

Будто Бог хлопнул в ладоши — загорелся свет.

ЭМПАТ

Блики в глазах мгновенно ослепили Кларк. Она, вскинув «Хеклер», дико замахала им в пустоту.

— Свет...

— Знаю.

Где-то в глубине здания загудели пробудившиеся машины.

— Господи Иисусе, — голос раздался со всех сторон, — вечно вам надо все усложнить. Дверь же специально открыл.

— Ахилл?

Линзы адаптировались, из белого фона проступили предметы и стены. Но в воздухе туманом висела пыль от взрыва, размывая резкость. От устроенного ими входа по полу веером расходились трещины, панели из полированного камня в противоположной стене вывалились и теперь лежали грудой обломков.

— Или на крышу бы приземлились, — продолжал голос. — Так ведь нет, дай вам штурмовать крепость. И посмотрите, в каком вы теперь виде! *Посмотрите на себя!* Еле на ногах держитесь.

Вдали заработал вентилятор, потянул струйки дыма и пыли в потолочные решетки. Воздух понемногу очищался. Лабин привалился к стене, давая отдых раненому бедру. Кларк уже различала цвета: потеки слезы у него на ноге блестели отвратительной ржавчиной и багрянцем — будто с него заживо содрали кожу.

— Помощь нам бы не помещала, — сказала она. Вздох откуда-то — отовсюду.

— Как и в прошлый раз. Кое-что не меняется, а?

— Это ты виноват, ушлепок. Твои собаки...

— Стандартные меры охраны после импульса, и разве я просил вас идти на них *вслепую*? Кен, ну что тебе-то в голову втемяшилось? Ваше счастье, я вовремя заметил.

— Посмотри на него! Помоги ему!

— Брось, — почти шепотом возразил Лабин, — я в порядке.

Здание его услышало.

— Далеко не в порядке, Кен. Но голова еще на плечах, а я не так глуп, чтобы отключать защиту перед людьми, которые только что силой вломились в мой дом. Поэтому давайте разберемся, а потом, может, подлатаем тебя, пока ты кровью не истек насмерть. Что вы здесь делаете?

Лабин начал отвечать, закашлялся и начал снова:

— Думаю, ты сам знаешь.

— Допустим, не знаю.

— Мы кое о чем договаривались. Ты должен был выяснить, кто выслеживает «Атлантиду».

Кларк закрыла глаза. «В остальном план прежний...»

— На случай, если еще не дошло: на меня в последнее время немалый спрос, — заметили стены, — но, уверяю тебя, я над этим работаю.

— Думаю, не просто работаешь. Думаю, ты уже разобрался, еще до того, как потерял большую часть ресурсной базы. Кстати, мы могли бы посоветовать, как ее вернуть. Если тебе это нужно для анализа.

— Ага. А позвонить мне откуда-нибудь нельзя было?

— Мы пробовали. То ли ты был слишком занят, то ли связь легла.

Здание тихонько погудело, как будто задумавшись. В глубине вестибюля, за спящим информационным табло, лотком с брошюрами и стойкой администратора на воротах безопасности замигали рубиновые светодиоды. Крайние слева на глазах у Кларк загорелись зеленым.

— Проходите здесь, — сказал Дежарден.

Кларк взяла Лабина под локоть. Тот хромал рядом, но не прижимался, используя ее как проводника, но не как костыль. За Кеном тянулся асимметричный темный след.

Каждые ворота состояли из двух алюминиевых цилиндров в полметра толщиной, поднимавшихся от пола к потолку, как прутья клетки. Пройти можно было только между ними. На уровне глаз их обвивали черные полосы шириной с руку Кларк, усеянные созвездием цветных сигналок, — и, едва они прошли половину зала, все цвета сменились на красный.

— Ах, да, — спохватился Дежарден, — если вы попробуете что-нибудь протащить, защита порежет вас на мелкие кубики. — Закругленная панель под экраном при их приближении отъехала назад. — Бросайте все сюда.

Лабин, нащупав открывшуюся камеру, бросил туда пистолет вместе с поясом. Пока он пытался снять рюкзак, Кларк последовала его примеру и поспешила на помощь. Рюкзак отправился следом за оружием, и панель закрылась.

Табло вокруг столбиков расцвело картинками и символами. Некоторые были знакомы Кларк по инструктажу

Лабина во время полета: тазер и микроволновый пистолет, механический пружинник, аэрозольная липучка. Другие Лени видела впервые. Насколько она могла судить, Кен добыл их из своего тайника на дне Атлантики.

— Это не электронный ли отсекаТЕЛЬ? — поинтересовался Дежарден. — И импульсная бомба! Ты прихватил собственную импульсную бомбочку — как это 'мило!

Лабин сжал зубы и промолчал.

— Так, и это все? Ни гадких биозолей, ни скрытых мураволок? Предупреждаю, эти ворота ничего не прощают. Попробуйте пронести что-нибудь...

— Наши имплантаты, — сказала Кларк.

— Их пропустят.

Лабин нащупал проход между столбами. Не загудела сирена, не заплесал над головами лазерный луч. Кларк шагнула за ним.

— Лифты сразу за поворотом, — сказал Дежарден.

Совершенно безоружные, они вступили в приемную Дежардена. Кларк направляла Лабина тихими подсказками и редкими прикосновениями. О том, что думает, она не решилась заговорить даже шепотом, но чуть сжала ему плечо. Кен знал ее достаточно давно и все понял: «Ахилл не купился».

Кен ответил слепым взглядом и движением окровавленных губ: «Конечно».

Все согласно плану. Если считать это планом.

Приходилось принимать физику на веру.

Она готова была поверить всему, о чем толковал Лабин по пути: неважно, поверит ли им Дежарден, главное, чтобы он счел их полезными. Пока он видит в них пользу, убить не попытается.

Но действовать не даст. Он никого не впустит в свое тайное логово, не приняв меры предосторожности: отберет оружие, возьмет под арест, лишит свободы.

«Ничего смертельного, — предсказывал Лабин, — и ничего такого, что повредило бы структуру. Выбор у него будет небольшой. Справимся».

Все это было прекрасно, но Кларк никак не могла отделаться от мысли, *как именно* им придется справляться.

В ее груди плескалось добрых пол-литра воды, запертых пленкой на электролизном порте. Пятьсот миллилитров — на слух не так уж много. Когда она плавала на глубине, через ее имплантаты протекал непрерывный и постоянно пополнявшийся поток морской воды. Застойный осадок, застрявший в имплантатах теперь, на глубине не продержался бы и секунды.

«Четыреста пятьдесят граммов молекулярного кислорода, — сказал Лабин. — Почти как в двух тысячах литров воздуха».

Голова не спорила с цифрами, а вот нутро ничего не понимало в математике.

Перед ними встал ряд лифтов. Двери одного были открыты, из кабины лился мягкий свет.

«Первым делом он нас запрет».

Они вошли. Двери закрылись. Клетка пришла в движение.

Вниз.

«Безумие, — подумала Лени. — Ничего не получится».

Ей уже чудилось, что она слышит тихое шипение газа, выходящего из невидимых сопел.

Она закашлялась и переключилась на имплантаты, молясь невесть какому божеству, чтобы Лабин не напорол в расчетах.

Не напорол. Где-то в груди началась знакомая легкая вибрация. Нутро закорчилось, заполнилось запасами изотонического физиологического раствора. Жидкость подступила к горлу, заполнила рот. Легкая тошнота сопровождала наполнение среднего уха. По подбородку побежала соленая струйка, напомнив, что пора сжать губы.

Звуки пропали, все стало слабым и далеким, кроме бинения собственного сердца.

И уже не хотелось дышать.

Спуск продолжался. Лабин прислонился к стене. Лицо — кровавая маска циклопа. Кларк ощутила теплую влагу на верхней губе — потекло из носа. Она подняла руку, почесалась, плотно загнав в ноздрю левую затычку.

Тело вдруг *запело* изнутри, кости дрожали басовыми струнами. Рвота подступила к горлу, кишки свело.

«Два наиболее вероятных варианта, — прикидывал Лабин, — газ и инфразвук».

Она не знала, имелся ли в арсенале Дежардена газ, — вполне возможно, им уже был насыщен воздух вокруг. Но что кабина превратилась в некое подобие мегафона — никаких сомнений: звуковая тарелка, наверное, размещалась или в потолке, или в полу кабины. Стены фокусировали колебания, выстраивая резонанс внутри клетки. Звук создаст невыносимые пульсации в легких и в среднем ухе, в синусах и трахеях.

Кларк затошнило, несмотря на заполненные водой дыхательные пути: страшно подумать, как бы это подействовало на ничем не укрепленную плоть. Имплантаты не влияли на кишечные газы — давление морских глубин сжимало эти полости без всякого вреда — и акустические атаки обычно настраивались на более жесткие и предсказуемые воздушные камеры. И все же мегафон Дежардена что-то с ними делал. Лени едва сдерживала рвоту, которая расплескала бы раствор по всему лифту, и боялась обделаться прямо в гидрокостюм. Любой сухопутник уже валялся бы на полу, блевал в собственных испражнениях — или потерял бы сознание. Кларк зажала себя с обоих концов и держалась.

Лифт остановился, свет погас.

«Он знает, — думала Кларк. — Вычислил, конечно же, вычислил. Как мы могли надеяться, что он не поймет. Разве Ахилл мог не заметить?»

Вот сейчас кабина снова дернется, потащит их по забитой ловушками руине в шестьдесят пять этажей, а те превратят Лени и Кена в...

Голова прояснилась. Кости больше не звенели, кишки встали на место.

— Ну вот, ребята, — прозвучал в залитых ушах Кларк тонкий и такой далекий голос Дежардена, — конечная остановка.

Двери разошлись.

Оазис светящихся механизмов на огромной темной равнине. Невооруженный глаз, возможно, увидел бы здесь Второе Пришествие, христоподобную фигуру, омытую светом и технологией среди бесконечной пустоты.

Для Кларк темноты не существовало. Пустыней была переделанная подземная парковка: серый подвал, протянувшийся на половину городского квартала. Ровные ряды опорных колонн отделяли пол от потолка. Из стен торчали трубы и световоды, обвивали опоры паутиной виноградных лоз. Кабели сходились в толстый хобот, а тот змеился по полу до подковообразного пульта управления, освещенного химическими лампами-полосками.

И Христос этот был знаком Лени. Впервые она столкнулась с ним в темноте куда глубже здешней. Тогда он был пленником Лабина. Тогда Ахилл Дежарден ждал смерти.

Тогда его было куда проще просчитать.

Запекшаяся кровь на губах у Лабина потрескалась. Грудь задышала. Кларк отключила имплантаты. Выдернула затычки из носа, не дожидаясь, пока окончательно схлынет вода. Из центра высокотехнологичной подковы на них смотрел Дежарден.

— Я думал, что мог расплатиться, — сказал он.

Странно, жутко, но Лени было приятно вновь его увидеть.

— За то, что был монстром, — пояснил он, словно его кто-то спрашивал. — Знаете, почему я вступил в Патруль?

Себя я изменить не мог, но думал, что, если помогу спасти мир, может, это как-то меня оправдает. — Его губы сложились в горестную улыбку. — Глупо, да? Смотрите, до чего это меня довело.

— Всех довело, — сказал Лабин.

Дежарден перестал улыбаться. На его глазах не было линз, но они вдруг стали непроницаемыми, как у рифтера.

«Пожалуйста, — думала Кларк, — пусть это будет чудовищная, глупая ошибка. Скажи нам, что мы в чем-то ошиблись. Пожалуйста, докажи, что мы неправы».

— Я знаю, зачем ты здесь, — сказал он, глядя на Лабина.

— Однако ты нас впустил, — заметил тот.

— Ну я надеялся получить несколько большее преимущество, но уж как есть. Славный фокус с имплантатами, кстати говоря. Я и не думал, что они действуют при незапечатанных гидрокостюмах. Довольно глупая ошибка для Ахилла — Великого распознавателя образов, не находите? — Он пожал плечами. — Голова в последнее время была другим занята.

— Ты нас впустил, — повторил Лабин.

Дежарден кивнул:

— Да. Кстати, дальше не надо.

Они остановились в четырех метрах от его крепости.

— Хочешь, чтоб мы тебя убили? — спросила Лени. — Так?

— Рифтер как орудие самоубийства, а? — Он тихо фыркнул. — Пожалуй, в этом была бы некая поэзия. Но нет.

— Тогда зачем?

Он склонил голову набок, сделавшись похожим на восьмилетнего мальчика.

— Это ведь ты повернула фокус с родственным отбором у моих «лени»?

Кларк кивнула и сглотнула, поняв: «Это тоже он. Значит, Ахилл все-таки виновен...»

— Так я и думал, — признался Дежарден. — Эта мысль могла прийти в голову только тому, кто знал об их происхождении. Таких не много осталось. И шутка в том, что это легко сделать, а вот исправить очень трудно. — Он с надеждой обратился к Лабину: — Но ты сказал, что знаешь способ...

Лабин оскалил окровавленные зубы:

— Я солгал.

— Ага... Это я тоже вроде как вычислил, — пожал плечами Дежарден. — Стало быть, осталось обсудить только один вопрос, так?

Кларк покачала головой.

— Что ты?..

Лабин рядом с ней напрягся. Взгляд Дежардена мигнул всего на долю секунды: поверхность ближайшей стены заискрила и осветилась. Изображение на умной краске было нечетким, но узнаваемым: сонарная модель.

— Это «Атлантида», — выпалила Кларк и вдруг засомневалась.

— Вижу, — сказал Лабин.

— Конечно, не в реальном времени, — пояснил правонарушитель. — Краска реагирует чертовски медленно, а из-за расстояния и маскировки снимок я делаю лишь изредка. Но вы поняли.

Лабин стоял, не двигаясь.

— Лжешь.

— Маленький совет, Кен. Знаешь, твои люди иногда уходят на глубину и блуждают там в темноте. Не следовало позволять им пользоваться «кальмарами». Никогда не знаешь, куда доходит сигнал передатчика.

— Нет, — Кларк покачала головой. — Ты? Это *ты* был внизу?

«Не Грейс и не Седжер. Не корпы и не рифтеры, даже не почитатели Мадонны и не два паршивца на лодке. А ты. И больше никто».

— Не могу претендовать на все заслуги, — признался Дежарден. — С модификацией Бетагемота мне помогла Элис.

— Надо думать, против воли, — сказал Лабин.

«О Ахилл. Был лишь один шанс поправить все, что я натворила, а ты его запорол. Один шанс на примирение, а ты угрожаешь всему, что я знаю. Одна паршивая, хиленькая надежда, а ты... Как ты смеешь? Как же ты смеешь?»

Исчезла тонкая последняя соломинка. Кларк шагнула вперед. Лабин протянул искалеченную руку и перехватил ее.

Дежарден на Лени даже не взглянул:

— Я не идиот, Кен. Вы — не основные силы атаки, вы — просто все, что удалось наскрести в срочном порядке. Но ты тоже не идиот, значит, подкрепление на подходе. — Он поднял ладонь, предвеляя возражения. — Ничего, Кен. Я знал, что рано или поздно это случится, и принял все необходимые меры. Хотя, благодаря тебе, вынужден обратиться к орудиям главного калибра без церемоний.

Его глаза чуть провернулись в глазницах, пальцы дрогнули. Кларк вспомнила Рикеттса, умаслившего «Вакиту» подмигиванием и взглядом.

Картинка на стене распалась, на ее месте появились числа.

— А вот с этими ребятами у меня контакт в реальном времени. Видишь их, Кен? Канал 6?

Лабин кивнул.

— Значит, знаешь, кто это.

Кларк тоже знала. Четыре точки координат: широта и долгота. Показатели глубины от нулевого уровня. Системы прицеливания. Ряд светящихся иконок, указывающих на цель.

— Мне этого не хотелось бы, — сказал Дежарден. — Я, как-никак, собирался поселиться там после отставки.

Я не думал их взрывать, так, слегка стреножить. Смазать дорожку, так сказать. Но если мне все равно умирать...

Кларк дернулась в хватке Лабина. Но даже искалеченная, его рука держала твердо: сомкнулась на плече гранитными клещами, маслянистыми от коагулянта. Она могла лишь вертеться в его хватке, но не вырваться.

— Правда, есть и другие варианты, — продолжал правонарушитель. — Коттеджики, виллы на крайний случай. Я мог бы выбрать один из них. — Он поднял руку к показателям телеметрии. — Для вас это значит много больше, чем для меня.

«Он же все спланировал много лет назад, — поняла Кларк. — Даже когда мы думали, что он нам помогает. А потом мы забились в темную нору, как крольчата, и постепенно исчезала связь, пропадали контакты, и все это был он. Ахилл отрезал нас и дезинфицировал станцию от нежелательных жильцов, когда удача иссякла, и ему понадобилось укрытие».

— Какая же ты мразь, — прошептала она, собираясь с силами.

Дежарден на нее не смотрел.

— Так когда же прибудет кавалерия, Кен? Как ты их вызвал? Много ли они знают?

— Я скажу, — сказал Лабин, — и ты откажешься от атаки.

— Нет, Кен, это ты откажешься от атаки. Используешь свой хитрый пароль, чтобы отключить автопилот субмарины или убедить Хельсинки, что они ошиблись, — словом, все, что понадобится.

— А ты все равно взорвешь «Атлантиду».

— Зачем? Я же говорю, есть другие варианты. Зачем тратить пустую идеальных заложников? Живыми они стоят гораздо больше.

— Пока.

— Кроме «пока» у нас ничего нет, дружок.

Взгляд Кларк метался от человека, который хотел ее убить, к человеку, который рисковал жизнью, чтобы ему помешать.

«За каждый час, проведенный тобой в этой цитадели, ты убивал столько народа, сколько не жило на „Атлантиде“ даже в лучшие времена, — подумала она. — И я убью еще больше, если оставлю тебя здесь».

А Кен готовился заключить сделку.

Она видела это в его осанке, в изуродованном слепом лице, которое было с ней рядом вот уже столько лет. Он не был загадочным или непроницаемым. Не для нее. Даже теперь.

— Я тебя знаю, Кен, — говорил Дежарден. — Мы давно знакомы — ты и я. Мы — братья по духу. Мы устанавливаем собственные правила и, видит бог, мы их соблюдаем. Люди не важны. Целые популяции тоже. Важны правила, верно, Кен? Важна миссия.

— Если ты не пойдешь на сделку, миссия провалится.

— Кен... — прошептала она.

— Но ты можешь их спасти, — продолжал правонарушитель. — Ты потому и пришел, да? Отдай все пароли — и задание выполнено. Ты уходишь, я отзываю атаку и, прежде чем исчезнуть, даже отдам тебе противоядие от того мерзкого штамма Бетагемота, с которым борются твои дружки. Как я понимаю, многим из них основательно досталось.

Кларк вспомнила парящую машину, вещавшую его голосом: «Если убийство десяти спасет сотню, это нормально». Она вспомнила Патрицию Роуэн, женщину, искореженную внутри, но для мира всегда холодную и непоколебимую: «*Я служила Общему Благу*».

— Или, — продолжал Дежарден, — можешь попытаться меня убить — и убить всех, кого собирался спасти. — Он сцепился с Лабином взглядом. Казалось, у них на двоих одна карманная вселенная, в которой Кларк не

существует. — Выбирай. Только быстрее — ваши модификанты, новые «лени», уже везде, и я не знаю, смогу ли удержать контроль над *этими* цепями.

Кларк подумала, как бы поступила Патриция Роуэн, столкнувшись с таким выбором. Подумала о миллионах погибших, которые остались бы в живых, если бы умерла она.

Вспомнила Кена Лабина миллион лет назад: «А разве есть что-то такое, чего ты не сделаешь ради возможности вернуть все назад?»

— Нет, — тихо сказала она.

Дежарден поднял бровь и — наконец — снизошел до нее:

— Я говорил не с тобой. Но, будь я Лени Кларк... — он улыбнулся, — я бы не стал делать вид, будто мне не плевать на весь мир. Бесстыдства не хватило бы.

Она извернулась в руке Лабина и лягнула его изо всех сил. Сапог глубоко вошел в рану на бедре рифтера. Кен отшатнулся и вскрикнул.

А Кларк, освободившись, рванулась вперед.

Она бросилась прямо на Дежардена.

«Он не рискнет, — твердила она себе. — У него только один козырь, он — покойник, если нажмет кнопку, он же понимает, что...»

Глаза Дежардена метнулись влево, пальцы дернулись. И тоненькая ниточка сомнения расцвела ужасом, когда числа на стене стали меняться...

«Ожидание» трансформировалось в совершенно другое слово: снова, снова и снова оно мерцало у нижнего края экрана. Кларк отчаянно старалась не читать от какой-то отчаянной инфантильной надежды — «может, если я не увижу, этого не случится, может, еще есть время», — но все увидела, против воли увидела надпись, данную в четырехкратном увеличении, полную остановку, а потом стена потемнела.

«Исполнено».

На следующем шаге она споткнулась.

Что-то загудело в голове. Кости пели от слабого разряда. Ноги подогнулись, руки повисли под собственной тяжестью. Она больно ударилась черепом о пульт и еще раз — об пол. Легкие сплющились, выдохнув весь воздух — Лени пыталась задержать дыхание, но челюсть вдруг отвисла, по щеке побежала слюна. Опорожнился мочевой пузырь. Имплантаты в груди щелкали и потрескивали.

— По-моему, тебе должна понравиться такая симметрия, — заметил голос откуда-то с края вселенной. — Высшая жертва, а? Величайшая жертва — и самая могущественная женщина в мире падает, сворачивается в тугой клубочек. А я... у меня еще осталась пара дел, где надо сказать последнее слово.

Она не чувствовала биения сердца. Из глубин черепа взметнулась тьма, вихрем пронеслась перед глазами...

— Какой шикарный миф выходит, вот что я скажу, — продолжил далекий, еле слышный голос. — Мы непременно должны были сойтись...

Она не понимала, о чем он говорит. Ей было все равно. В ее мире не осталось ничего, кроме шума и хаоса, в голове ничего, кроме *исполнено, исполнено, исполнено...*

«Они даже не знают, что мертвы, — думала она. — Торпеды еще не добрались до „Атлантиды“. У них осталось всего несколько минут, но они проживут дольше меня».

Рука сомкнулась на лодыжке: кто-то потащил Лени по полу.

«Прощай, Джелейн. Прощай, Аврил. Прощай, Дейл, Абра и Ханнук...»

Тяжелое жадное дыхание где-то рядом. Ощущение от какой-то далекой, расширяющейся плоти.

«Прощай, Кевин. Прощай, Грейс. Прости, что мы так и не смогли сработаться...»

Пульс. У нее есть пульс.

«Прощай, Джерри. Прощай, Пат, — еще раз прощай...»
Голоса. Где-то загорается свет. Везде.

«Прощай, Аликс. О, господи, как мне жаль, Аликс».
— Прощай, мир.

Но этот голос уже не в голове, а в реальном мире.
Кларк открыла глаза.

— Ты знаешь, я не шучу, — говорил Дежарден.

Лабин умудрился остаться на ногах, склонившись в левую сторону. Он стоял у самого края светового пятна, а Дежарден — внутри. Они сошлись по разные стороны пульта, доходившего им до пояса.

Кен, наверное, выдернул ее из нейроиндукционного поля. Снова спас ей жизнь. Недурно для слепого психопата. Теперь он обратил невидящие глаза к врагу, протянул руку — возможно, нащупывал край поля.

— Целеустремленная сучка. Отдаю ей должное, — сказал Дежарден. — Готова пожертвовать горсткой знакомых ради целой планеты незнакомцев. Я думал, она слишком гуманна для такого рационального подхода. — Он покачал головой. — Но все это теряет смысл, если мир все равно взорвется, так? То есть все эти беглецы на хребте сейчас умрут — прошу прощения, уже умерли — и за что? В их гибели смысл появится только в одном случае — если вы развернетесь и уберетесь восвояси.

«Их больше нет, — подумала Кларк, — я всех убила...»

— Кен, ты же знаешь, сколько здесь болтается боевых спутников. И знаешь, что в некоторые я сумел пробиться. А сколько еще хранилищ химического и биологического оружия, его клепали сотню лет. Все проводки от них тянутся прямо к моему левому желудочку, дружище. Лени лучше помолиться духу этой тупой энтропии, что она меня не убила, не то с небес бы уже пролились огонь и сера.

Кларк пыталась шевельнуться. Сведенные мышцы гудели, она едва сумела поднять руку. Она попала не в

обычное поле медотсека. Такой мощью обычно подавляли мятежи. В промышленных масштабах.

Лабин все молчал.

Он покачнулся влево, явно взвесив свой шаг и все так же выставив перед собой руку.

— Каналы с седьмого по девятнадцатый, — сообщил ему Дежарден. — Проверь сам. Видишь рубильники? Видишь, куда ведут? У меня было пять лет на подготовку, Кен. Убив меня, ты убьешь миллиарды людей.

— Я... подозреваю, что часть этих растяжек уже висит свободно, — голос у Кена был тихим и напряженным.

— Ты что, надеешься на ваших стайных «лени»? Они не пробьются на линии, пока те открыты. А если и пробьются, что из того? Они — это *она*, Кен. Концентрированная сущность Лени Кларк на пике формы. И когда они сомкнут зубы на растяжке, то сразу потянут ее сами. Неужели ты в этом сомневаешься?

Лабин чуть склонил голову набок, как будто услышал какой-то интересный звук.

— Сделка-то хорошая, Кен. Все в силе. Принимай условия. Тебе все равно не просто будет меня убить. То есть я знаю, ты парень крутой, но двигательные нервы у тебя такие же, как у всех. И, хотя мне неловко об этом напоминать, ты *слепой*.

Ледяная игла предчувствия пронзила Кларк: «Ахилл, идиот, ты что творишь? Ты что, не читал его досье?»

Послышался голос Лабина:

— Так зачем ты предлагаешь мне сделку?

— Потому что ты и вправду крутой парень. Ты меня и по запаху найдешь, если придется, и пусть у тебя сейчас выдался крайне неудачный день, я предпочитаю не рисковать.

«Ты же говоришь с Кеном Лабинотом! — бушевала про себя Кларк, запертая в мертвом теле. — Ты всерьез пытаешься ему угрожать?»

— Итак, мы исчезаем, ты исчезаешь, и мир получает передышку. — Кен то попадал в фокус зрения, то уходил из него. — Пока тебя не убьет кто-нибудь другой.

Кларк хотела заговорить, но получился только стон, едва слышный ей самой.

«Это вовсе не угроза...»

— Ты исчезаешь, — поправил Дежарден. — А Лени оставляешь мне. Я для нее кое-что приготовил.

«Это приманка!»

— Ты исходишь из ложной предпосылки, — заметил Лабин.

— Да ну? Из какой же?

— Что мне не наплевать.

Кларк успела заметить, как вздулись мышцы левой ноги Лабина, как по правой побежал свежий ручеек крови. Он вдруг взлетел в воздух, пробил поле и перемахнул пульт из невозможной стартовой позиции — прямой стойки. Он лавиной обрушился на Дежардена, сила инерции отшвырнула обоих за панель, и больше Кларк ничего не видела, слышала только звук от падения тел.

Наступила тишина.

Она лежала, чувствуя звон в парализованных мышцах, и гадала, за кого болеть. Если Лабину не хватило инерции, и он не вышел из поля, то сейчас умирает, а вытащить его некому. А если и пробился, то какое-то время будет беспомощен. У Дежардена есть шанс, если только его не оглушило при ударе.

«Ахилл, убийца. Психопат, маньяк. Гнусный мерзкий монстр. Ты хуже, чем я. На тебя никакого ада не хватит. Но выбирайся отсюда. Пожалуйста! Пока он тебя не убил».

Что-то забулькало. Потом как будто ногти заскребли по пластику или по металлу. Мясистый шлепок, словно кто-то бросил на палубу дохлую рыбу — или задвигалась парализованная на время конечность. Потом звуки борьбы. Недолго.

«Кен, не надо!»

Она собрала все силы в один отчаянный крик:

— Нет!

Донесся лишь еле слышный шепот.

По ту сторону баррикады раздался какой-то влажный хруст — и больше ничего.

«Господи, Кен. Ты понимаешь, что наделал?»

Конечно, понимаешь. И всегда понимал. Мы могли всех спасти, все исправить, но все они были правы. Пат. Аликс. Ты — чудовище. Ты — чудовище. Ты всех погубил.

Будь ты проклят».

Она уставилась в потолок — из-под линз текли слезы — и стала ждать конца света.

Она, наверно, уже могла пошевелиться, только не видела смысла. Перекатилась на бок. Он сидел рядом, скрестив ноги, с непроницаемым, залитым кровью лицом. Походил на первобытного резного идола, омытого человеческими жертвоприношениями.

— Долго еще? — просипела Кларк.

— Что долго?

— Уже началось? Анклавы горят? Бомбы падают? Тебе достаточно? Хоть возбудился, урод?

— А, ты об этом? — Лабин пожал плечами. — Он блефовал.

— Что? — Она приподнялась на локте. — Но... растяжки, рубильники — он же тебе показал...

— Фальшивка.

— И ты разглядел?

— Нет. Сделано было вполне убедительно.

— Как же тогда...

— Ему не было смысла это делать.

— Кен, он уничтожил «Атлант...», — внезапный, невозможный луч надежды. — Или это тоже блеф?..

— Нет, — тихо сказал Лабин.

Она снова обмякла, взмолившись: «Пусть это будет сон».

— Он уничтожил «Атлантиду», потому что были другие варианты отступления. Когда выполняешь малую угрозу, это придает убедительности большой. — Человек, лишенный совести, пожал плечами. — Но мертвецу отступать некуда. Нет смысла жать на кнопку, когда не можешь добиться цели.

— Он мог бы, легко. Я бы так и сделала.

— Ты мстительная. Дежарден мстительным не был. Его больше волновали собственные желания. — Лабин слабо улыбнулся. — В сущности, необыкновенно просвещенный подход. Большинство людей заточены под месть на физическом уровне. Может, его и от этого освободил Спартак.

— Но он же мог всех убить.

— Да, иначе угроза не была бы правдоподобной.

— Так откуда ты знал?

— Машину Судного дня не так просто собрать. Ушло бы много времени и сил, а отдачи никакой. Логическая альтернатива — подделать ее.

— Это не объяснение, Кен. Попробуй другое.

— Я как-то подверг Ахилла допросу Ганцфельда. И кое-что понял...

Он покачал головой.

Помолчал немного. И наконец:

— Мы оба слезли с поводка.

— Я думала, ты смастерил себе новый. Твои правила...

— Все равно. Я знаю, что он чувствовал.

Лабин расправил ноги — бережно-бережно — и медленно поднялся.

— И ты знал, что он сделает? — Голос получился какой-то умоляющий.

Кажется, он глянул на нее сверху вниз.

— Лени, я всю свою жизнь никогда и ничего не *знал*. Только рассматривал вероятности.

Она хотела услышать другое. Хотела, чтобы он рассказал какие приметы, какие промахи в спектакле Дежардена убедили его, что худшего не случится. Что был какой-то канал достоверной информации, идущий от пустого гнезда, по какому-то невероятному стечению обстоятельств отключенному от оптоволокну. Все что угодно, но только не рассказ об азартной игре, построенной на эмпатии двух мужчин без совести.

Ей подумалось, не разочарован ли он тем, что Дежарден, в конце концов, все выдумал. И в самом ли деле Кен этого ожидал.

— Чем ты так расстроена? — спросил Лабин, почувствовав то, чего не видел. — Мы же только что спасли мир.

Она покачала головой:

— Ахилл все равно проиграл бы. И знал это лучше нас.

— Ну мы заметно опередили график. Спасли миллионы жизней.

«Сколько миллионов? — подумала она и сразу: — А какая разница?» Разве спасение двенадцати миллионов могло сравниться с убийством десяти миллионов в прошлом? Как могла Мадонна Разрушения, пропитанная, сочащаяся чужой кровью, преобразиться в Святую Лени в Черном — спасительницу двух миллионов нетто? Неужели алгебра вины настолько элементарна?

Для Кларк такого вопроса не существовало. Все спасенные сегодня просто избежали судьбы, на которую Лени когда-то их обрекла. Дебет и кредит по этому счету не сойдутся. Никогда.

— По крайней мере, — сказала она, — долг не увеличится.

— Слишком пессимистичный взгляд, — заметил Лабин.

Она посмотрела на него:

— Как ты можешь так говорить? — Кларк едва слышала собственный голос. — Все умерли...

Он покачал головой:

— Почти все. У остальных появился еще один шанс.

Кен протянул ей руку. Глупый жест, где-то на грани фарса: изорванный, изломанный монстр в крови и слизи еще и предлагает помощь другим. Лени долго смотрела на протянутую руку, прежде чем нашла в себе силы ее принять.

«Еще один шанс, — подумала она. — Хотя мы его не заслуживаем».

ЭПИЛОГ: СИНГУЛЯРНАЯ МАТРИЦА ГЕССЕ*

Единый результат получить невозможно.
Доверительные пределы превышены.
Дальнейший прогноз ненадежен.

* Сингулярная матрица — такая матрица, между строками которой (а также между столбцами) существует линейная зависимость; определитель такой матрицы равен нулю. Если матрица является сингулярной, и ее определитель равен нулю, решаемая система уравнений является вырожденной и однозначное решение для нее отсутствует. Понятие вырожденной системы линейных уравнений означает, что фактически сама система является недостаточно определенной для решения, поскольку некоторые уравнения, входящие в такую систему, представляются линейной комбинацией других уравнений. Тогда существует либо бесконечное множество решений, либо не существует ни одного.

Благодарности

Обычная банда подозреваемых, без которых я бы никогда не вытянул эту книгу.

Дэвид Хартвелл, мой редактор, указал мне на несколько структурных проблем в первом черновике и помог их исправить. Моше Федер участвовал в ежедневной рутине от замысла до переписывания, от воплей и паники до отделки деталей, от душераздирающих истерических рыданий до момента рождения.

Летом 2002 года пестрая компания литературно и политически недовольных — Лори Чэннер, Кори Доктороу, Нало Хопкинсон, Бекки Мейнс, Джон Макдейд, Дженнис О’Коннор, Сим Саменски, Исаак Шпиндель и Пат Йорк — тайно собралась на секретной явке, что впоследствии стало ежегодным ритуалом. Там они растерзали первые две главы этого щенка (и других тоже), а потом помогли сшить их заново. Уже второй раз куча народа знает, как мой роман начинается, а вот продолжения практически никто не видит до тех пор, когда уже поздно что-то менять. Я подозреваю, что здесь замешаны проблемы самооценки.

Конечно, во время создания практически никто не читал всей книги целиком, но зато многие внесли в нее свой вклад. Дэвид Никль давал советы, изрекал глубокие мысли и постоянно насмехался надо мной: его участие оказалось настолько ценным, что я готов забыть

о треклятых подъемах в пять тридцать утра и пробежках на десять миль, для того чтобы получить всю эту бесценную информацию. Лори Чэннер выносила бесконечные злобствования и стоны по поводу сюжета, в котором часто заметно ее участие, хотя прочесть чертову историю ей так и не дали (причем до сих пор).

Многим подробностям в сцене крушения вертолета я обязан Гленну Норманну и Гленну Моррисону: пилотам, оказавшим мне больше помощи, чем вправе мечтать докучливый автор. Я с изумлением узнал, что когда в полете у вертолета заканчивается топливо, то катастрофы можно избежать, воспользовавшись аварийной техникой под названием «авторотация». В частности, Гленн Моррисон пережил крушение, жутко напоминающее описанное здесь, с той только разницей, что он не был слеп. (Для справки: он уверен, что в реальной жизни слепой не вытянет этот маневр никогда, и свое дело знает. С другой стороны, он не знаком с Кеном Лабином.)

В книгу вошли отрывки жизненных историй других людей. Некоторые впечатляющие подробности атаки собачьей стаи вдохновлены встречей Роба Каннингема с дикими псами во время путешествия по Индии. Роб вам, возможно, известен: это тип, который создал дизайн роскошных космических кораблей для «Homeworld» и «Homeworld 2» — компьютерных игр «Relic Entertainment». Эксперименты восьмилетнего Ахилла Дежардена с воздушным торможением возникли из детских воспоминаний ихтиолога Марка Шоуэлла, хотя Марк, насколько я знаю, не страдает сексуальным садизмом (если на то пошло, он, скорее, мазохист, судя по его выбору научного руководителя).

Исаак Шпиндель, доктор медицины и философии, столь разносторонний в своих умениях, что мне дурно делается, помог ввести в линию Таки правдоподобный медицинский колорит. Дейв «Биоинформатик» Блок

отвечал на множество назойливых вопросов по поводу искусственных нуклеотидов и минимальных размеров генотипа. (Увы, в числе прочего я узнал от него, что невозможно втиснуть генотип 1.1 МВ в клетку поперечником 250 наномикрон, что противоречит уже описанным в «Водовороте» данным о Бетагемоте.) Майор Дэвид Бак из новозеландского министерства обороны помог разобраться с темой воздушных взрывов топлива. Стив Баллентайн, Ханну Бломилла, Рик Клеффель, Гарри Паллей, Катриона Спаркс, Биб Шроер, Джанин Стинсон, Мак Тоннис и Дэвид Уильямс указали мне на важные исследования, научные доклады, обзоры, мнения и/или новые статьи, так или иначе вошедшие в солянку «Бетагемота». Джен Стисон, кроме того, прошла по рукописи орлиным взором редактора, вылавливая опечатки и более серьезные промахи, — оставшихся, надеюсь, вы не заметите. Не упоминаю других, кого я мог забыть и у которых заранее прошу прощения.

Если книга провалится, никого из этих добрых людей винить нельзя, потому что никому из них не дали ее прочитать. (Если она и вправду провалится, то, возможно, как раз поэтому.) Нельзя винить даже Дэвида Хартвелла, который ее прочитал, потому что без него провал был бы еще жестче. Винить можете только меня, тем более что я уже заполучил ваши деньги.

Ну хотя бы пятьдесят центов из них.

Ссылки и примечания

Опять настало время пробежаться по ссылкам, которые, возможно, окажутся ценным образовательным ресурсом, хотя главное их назначение — прикрыть мою задницу от любителей ловить блох.

Если вы начали читать эту сагу не с начала, то выясните, что ссылки не так полны, как вам бы хотелось. Все реальные научные источники, использованные при работе над «Морскими звездами» и «Водоворотом», приводились в конце тех книг: здесь я их не повторяю, хотя многие элементы перешли и в «Бетагемот». (Однако я ссылаюсь на последние исследования, опубликованные уже после выхода «Водоворота», особенно если они подтверждают мою проницательность.) Так что, если вам нужны оригинальные источники идей об умных гелях, «тонкой настройке» или об экосистеме Водоворота, придется обратиться к предыдущим книгам. Возможно, вы найдете не все, что ищете, зато немножко улучшите мои позиции на Амазоне.

АТЛАНТИДА: ВЫБОР МЕСТА

Посреди Северной Атлантики есть место, где течения замирают, — окно в огромном медлительном водовороте между Европой и Северной Америкой¹. Я счел его подхо-

¹ Van Dover, C. L., *et al.* 2002. Evolution and biogeography of deep-sea vent and seep invertebrates. *Science* 295: 1253–1257.

дящим местом для укрытия от смертоносных частиц, которые потенциально могут переноситься по воде и воздуху, и потому разместил там «Атлантиду». Описания местности вдохновлены докладом 2003 года по глубоководной минералогии¹. Невозможное озеро родилось из описания ультрасоленых линз тяжелой воды в потрясающем документальном сериале «Голубая планета»². Размыв Лабрадорского течения и Гольфстрима становится все более вероятным ввиду возрастающего таяния арктических льдов^{3,4}. И я знаю, что в сюжете они не фигурируют, но в первой главе Лени Кларк их побаивается при подъеме на поверхность, так что имею право: гигантские кальмары уже превосходят по массе все человечество, и они становятся все больше!⁵

БЕТАГЕМОТ

Углубляясь в литосферу, мы продолжаем открывать там новые виды жизни. В конечном счете, глубинные кристаллические породы под Хуан-де-Фука — да, под тем самым хребтом, откуда вырвался в конце «Морских звезд» Бетагемот, — дали свидетельства существования неизвестных дотолем микроорганизмов⁶. Образцы воды из буровых скважин на 300 метров ниже показали снижение уровня

¹ Rona, P. A. 2003. Resources of the sea floor. *Science* 299: 673–674.

² British Broadcasting Corporation. 2001. The blue planet: a natural history of the ocean, Part 3: The Deep.

³ Peterson, B. J. *et al.* 2002. Increasing river discharge to the Arctic Ocean. *Science* 298: 2171–2173.

⁴ Weaver, A. J. and C. Hillaire-Marcel. 2004. Global warming and the next ice age. *Science* 304: 400–402.

⁵ Bildstein, T. 2002. Global warming is good (if you like calamari). *Australasian Science*, August 2002.

⁶ Cowen, J. P. *et al.* 2003. Fluids from aging ocean crust that support microbial life. *Science* 299: 120–123.

сульфатов: там есть что-то живое, еще не классифицированное и поедающее серу. Ничто не указывает, что эти организмы, достигнув поверхности, погубят мир, однако же нет и доказательств обратного. Я имею право надеяться.

Впрочем, надежда слабая. Патриция Роуэн была права, когда доказывала, что Бетагемот, в силу принадлежности к древним организмам, наверняка должен быть облигатным анаэробом¹. Чтобы вывести его хотя бы на морское дно, потребовалась бы очень подходящая мутация или преднамеренная модификация. Очень удачно, что последняя требовалась и по сюжету.

Уотерс и др. недавно сообщили об открытии древнего наноба (наномикроба), обитающего в горячих гейзерах, и назвали его *Nanoarchaeum equitans*² — размер его генома и доля мусорной ДНК укладываются в описания Бетагемота. Лучше того: это паразит или симбионт (он обитает на более крупной архее *Ignicoccus*), однако его минималистский геном (около 500 тысяч оснований — вдвое меньше, чем у Бетагемота) не способен принимать некоторые необходимые ферменты, которые организм вынужден получать через хозяина. Он не способен к независимому существованию. Бетагемот со своим более крупным геномом самостоятелен, но, каким образом он втиснул эти лишние гены в капсулу всего 60% от того же размера, остается тайной.

Рыбоголовые и корпы обсуждали возможность распространения Бетагемота с личинками рыб. Меня этот вопрос тоже беспокоил еще в процессе работы над «Морскими звездами» — если это так, то нет причин, по которым

¹ Kasting, J. F. and J. L. Siefert. 2002. Life and the evolution of Earth's atmosphere. *Science* 296: 1066–1068.

² Waters, E. et al. 2003. The genome of *Nanoarchaeum equitans*: Insights into early archaeal evolution and derived parasitism. *Proc. Nat. Acad. Sci.* 100: 12984–12988.

Бетагемот не мог захватить мир миллиарды лет назад. Действительно, кажется, личинки рыб и беспозвоночных на больших глубинах преодолевают большие расстояния; к счастью, их развитие в пути обычно задерживается, что делает их маловероятными носителями Бетагемота (которому, чтобы противостоять долговременному термоосмотическому стрессу, нужен хозяин с активным метаболизмом). Кажется также, что даже распространяющиеся на большие расстояния личинки держатся строго определенных районов, если судить по отсутствию генетического дрейфа между популяциями соседних островов^{1,2}. В худшем случае местные топографические и химические условия могут сдерживать распространение глубоководных видов^{3,4}.

Так что я вывернулся. Но не благодаря предусмотрительности, к тому же эта пуля еще может догнать меня на бегу: возможно, по крайней мере одна взрослая рыба проплыла по глубоководью от Патагонии до самой Гренландии⁵.

СЕППУКУ

Искусственные микроорганизмы в наше время — почти мейнстрим. Дж. Крейг Вентер (он занимается человеческим геномом), пока я набирал текст, создал целиком

¹ Palumbi, S. R. and R. R. Warner. 2003. Why Gobies are like Hobbits. *Science* 2003, January 3; 299: 51–52.

² Taylor, M. S. and M. E. Hellberg. 2003. Genetic Evidence for Local Retention of Pelagic Larvae in a Caribbean Reef Fish. *Science* 2003, January 3; 299: 107–109.

³ Vrijenhoek, R. C. 1997. Gene flow and genetic diversity in naturally fragmented metapopulations of deep-sea hydrothermal vent animals. *J. Heredity*. 88: 285–293.

⁴ Somero, G. N. 1992. Biochemical ecology of deep-sea animals. *Experientia* 48, 537–543.

⁵ Moller, P. R., et al. 2003. Fish migration: Patagonian toothfish found off Greenland. *Nature* 421, 599.

искусственный геном в надежде, что такой организм сможет излечить болезни земной среды¹. Питер Шульц и его команда уже модифицировали *E. Coli*, способную синтезировать новые аминокислоты, не обнаруженные в природе², в надежде, что она победит в конкуренции с основным штаммом. Целиком синтетические организмы, собранные из взаимозаменяемых генных модулей, ждут за ближайшим поворотом³. Я желаю ребятам большей удачи, чем умникам Хольцбринка, модифицировавшим Бетагемот.

Генетический прототип Сеппуку впервые синтезировал Лесли Орджел⁴ еще в 2000-м ТНК действительно дублируется с обычными нуклеиновыми кислотами. Идея чужеродных генов, инкорпорирующихся в состав нашего ядра, еще старше идеи искусственных микробов: мало того что в наших генах жили паразитические ДНК с микробного уровня, но и функциональные гены, первоначально занесенные в клетку предками наших собственных митохондрий, видимо, мигрировали в ядро⁵. Массивный горизонтальный перенос генов между видами происходил на всем протяжении истории Земли⁶, и, конечно, симбиотическое внедрение малых клеток в большие имеет долгую и славную историю, отраженную в каждом эукариоте на планете. (Еще в «Водовороте» я упоминал хлоропласты

¹ Zimmer, C. 2003. Tinker, tailor: can Venter stitch together a genome from scratch? *Science* 299: 1006–1007.

² Mehl, R. A. *et al.* 2003. Generation of a Bacterium with a 21 Amino Acid Genetic Code. *J. Amer. Chem. Soc.* 125:935–939.

³ Ferber, D. 2004. Microbes made to order. *Science* 303: 158–161.

⁴ Orgel, L. 2000. A simpler nucleic acid. *Science* 290: 1306.

⁵ Gabaldon, T. and M. A. Huynen. 2003. Reconstruction of the proto-mitochondrial metabolism. *Science* 301: 609.

⁶ Raymond, J. *et al.* 2002. Whole-genome analysis of photosynthetic prokaryotes. *Science* 298: 1616–1620.

и митохондрии.) Еще один пример того: апикоплазмы — эндосимбионты, обнаруженные в токсоплазме и плазмодиях¹.

Трепетное восхищение Таки Уэллетт каталитическими способностями пролина к середине века, возможно, окажется несколько устаревшим, поскольку Мавассаги и Джейкобсен уже указывали на способность таких простых молекул действовать подобно ферментам².

ХИМИЯ ХАРАКТЕРОВ

Кое-кто из читателей интересуется, различаю ли я личность и нейрохимию. Это законный вопрос, но виноват не я — виноваты ученые, у которых недели не проходит без сообщения о новых свидетельствах, что личность — действительно просто другое название для биохимии, хотя и вписанное в чрезвычайно сложный контекст (пример того — склонность Ханнука Иджера к насилию, коренящаяся в уровне моноаминной оксидазы)³. Если вы не принадлежите к пасхальным виталистам, верящим, что личность есть порождение неделимой божественной искры, то не избежите механистического взгляда на природу человека.

Вся сага о рифтерах держится на идее — введенной в «Морских звездах» и расширенной в «Водовороте» и «Бетагемоте», — что ложные воспоминания о насилии могут вызывать в индивидууме изменения на

¹ Funes, S. *et al.* 2002. A green algal apicoplast ancestor. *Science* 298: 2155.

² Movassaghi, M. and E. N. Jacobsen. 2002. The simplest «Enzyme». *Science* 298: 1904–1905.

³ Caspi, A. *et al.* 2002. Role of genotype in the cycle of violence of maltreated children. *Science* 297: 851–854.

уровне нейронов такие же реальные, как и подлинные воспоминания. Когда создавались «Морские звезды», это было весьма умозрительным предположением, но последние исследования дали опытные свидетельства такого эффекта^{1,2}.

Подробности воспитания социопатов взяты, главным образом, из работ Роберта Хаэра³ и других⁴. Размышления в «Бетагемоте» об адаптивной ценности социопатии в условиях корпоративного управления тоже не совсем беспочвенны^{5,6}. (И, как должно быть ясно из этих ссылок, ни Кен Лабин, ни Ахилл Дежарден не являются социопатами в классическом понимании, так как для последних характерно не только отсутствие совести.)

Из «Водоворота» явствует, что идея Трипа Вины возникла из свидетельств о генах определенных паразитов, способных менять поведение хозяина. До выхода этой книги механизм такого влияния оставался неизвестным, хотя были подозрения, что это происходит прямо на уровне нейротрансмиттеров. Я подпер устройство Трипа Вины этой гипотезой и теперь с облегчением читаю сообщения, что риск оправдался: по меньшей мере, один такой паразитический кукуловод вмешива-

¹ Beckman, M. 2003. False memories, true pain. *Science* 299: 1306.

² Offer, D., et al. 2000. Altering of Reported Experiences. *J. Amer. Academy Child and Adolescent Psych.* 39(6): 735–742.

³ Hare, R. D. 1999. *Without Conscience: The Disturbing World of the Psychopaths Among Us*. Guilford Press, 236 pp. (Русский перевод: Роберт Д. Хаэр. Лишенные совести: пугающий мир психопатов. Вильямс, 2014, 288 стр.).

⁴ Goldberg, C. 2003. Data accumulating on psychopaths. *The Toronto Star*, July 20, reprinted from the *Boston Globe*.

⁵ MacMillan, J. and L. K. Kofoed. 1984. Sociobiology and antisocial behavior. *J. Mental and Nervous Diseases* 172, 701–06.

⁶ Harpending, H. C. and J. Sobus. 1987. Sociopathy as an adaptation. *Ethology and Sociobiology* 8, 63S–72S.

ется в работу продуцирующих серотонин нейронов хояина¹.

Ненависть Элис Джовелланос к этическим импульсам происходит от недавних работ, утверждающих, что моральные рассуждения вовсе не рассудочны: они зарождаются, главным образом, в эмоциональных центрах мозга и дают в результате безосновательную и недоказуемую веру, что тот или иной образ действий «правилен» или «неправилен»². В сопутствующей статье есть очень милое изложение так называемого «парадокса стрелочника», а заодно и надежное оправдание необходимости спихнуть человека под поезд³. Аргументы Джовелланос, возможно, несколько упрощают вопрос — что ни говори, префронтальная кора, похоже, все-таки играет *некоторую* роль в принятии моральных решений^{4,5,6} — но с другой стороны, Элис была фанатичкой своего рода. За что и поплатилась.

Кстати, о моральном выборе: страстное желание Лени Кларк отомстить в «Водовороте» — не говоря уже о такой же, но тайной страсти Кена Лабина в дальнейшем — не

¹ Helluy, S. and Thomas, F. 2003. Effects of *Microphallus papillorobustus* (Platyhelminthes, trematoda) on serotonergic immunoreactivity and neuronal architecture in the brain of *Gammarus insensibilis* (Crustacea, Amphipoda). *Proceeding of the Royal Society of London (B.)* 270: 563–568.

² Greene, J. D. *et al.* 2001. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science* 293: 2105–2108.

³ Helmuth, L. 2001. Moral Reasoning Relies on Emotion. *Science* 293: 1971–1972.

⁴ Macmillan, M. 2000. *An Odd Kind of Fame: Stories of Phineas Gage*. MIT Press, Cambridge, MA, 576 pp.

⁵ Anderson, S. W. *et al.* 1999. Impairment of social and moral behavior related to early damage in human prefrontal cortex. *Nature Neuroscience* 2: 1032–1037.

⁶ Moll, J. *et al.* 2002. The Neural Correlates of Moral Sensitivity: A Functional Magnetic Resonance Imaging Investigation of Basic and Moral Emotions. *J. Neurosci.*, 22(7): 2730–2736.

просто замысленный драматический троп. У нас, кажется, имеется встроенная схема, требующая наказывать тех, кто причинил нам зло, даже если — что противоречит интуитивному пониманию, — даже если акт мести вредит больше нам самим, чем тем, кто нарушил наши границы¹. Мне хочется думать, что мир в конце романа получил еще один шанс потому, что, как заметил Лабин, Спартак, уничтожив совесть Дежардена, в то же время отключил реакцию мстительности. Ахилл был монстром. Ахилл был сексуальным садистом. Но в одном модифицированном уголке души он оказался более цивилизованным, чем вы или я когда-нибудь будем.

И, наконец, самое настораживающее реальное эхо, пришедшее из моего воображаемого ада, я нашел в «Вилладж Войс»², где предлагались «таблетки от раскаяния» — лекарство, разработанное для лечения посттравматического синдрома, должно успокаивать палачей наравне с жертвами. Подобные нейрохимические настройки коротят саму схему вины, давая возможность спокойно спать тем, кто скопил толпу непокорных гражданских лиц, протестующих против непопулярной политики властей. Да, я назвал свой вариант «Отпущением грехов» — но, люди, это же была ирония!..

ЗДЕСЬ ВОДОВОРОТ ВЫШЕЛ В РЕАЛЬНЫЙ МИР...

Кое-какой фон для мира выше уровня моря.

У развивающегося мира хватает причин сердиться на два других. К середине века я предвижу злорадство

¹ Sanfrey, A. G. *et al.* 2003. The Neural Basis of Economic Decision-Making in the Ultimatum Game. *Science* 300: 1755–1758.

² Baard, E. 2003. The Guilt-Free Soldier: New Science Raises the Specter of a World Without Regret. *The Village Voice*, January 22–28. (Also <http://www.villagevoice.com/issues/0304/baard.php>)

африканских стран по поводу коллапса североамериканской инфраструктуры. Глазурью на этом горьком пироге — еще одно предсказание: в населении Африки будут преобладать женщины. Я основываюсь на том факте, что, по крайней мере, в Эфиопии недоедающие женщины склонны рожать больше дочерей, чем сыновей¹ (вероятно, по тем же причинам энергетической выгоды, которые действуют у других видов). Я предполагаю, что поколения тех, кто знал в основном болезни, голод и эксплуатацию/равнодушие, породят очаг праведного гнева со значительным гендерным дисбалансом, в котором миф об апокалиптической вендетте изнасилованной женщины привьется *очень* быстро. Вспомните теологию Освобождения — буйное перевоплощение католицизма, возникшее из политических бурь в Латинской Америке прошлого столетия: теперь перенесите ее в Африку и вложите в сердце воинствующую Мадонну.

Различные образцы вооружения, фигурирующие в тексте — от арсенала Мири до ловушек, поставленных Дежарденом на южноафриканские межконтинентальные баллистические ракеты, — взяты из различных источников, в том числе у ВВС США², из «The Economist»³, в мирной программе Корнуэльского университета⁴ и даже в Европейском центре прогноза погоды средней

¹ Gibson, M. A. and R. Mace. 2003. Strong mothers bear more sons in rural Ethiopia. *Biology Letters* (Proceedings of the Royal Society Suppl. Online) 20 May.

² «When Killing Just Won't Do»—Excerpt from *Nonlethal weapons: terms and references* by the United States Air Force Institute for National Security Studies, quoted in *Harper's* 306 (1833): 17–19.

³ Anonymous. 2003. Come fry with me. *The Economist* 366 (8309): 68–69.

⁴ Altmann, J. 1999. Acoustic weapons — a prospective assessment: sources, propagation, and effects of strong sound. Occasional Paper #22, 87 pp.

дальности¹. По-видимому, инфразвуковое оружие не так страшно, как его малевали (с другой стороны, оно, кажется, на удивление просто генерирует ваши собственные электромагнитные импульсы)².

ЭЛЕКТРОННАЯ ФАУНА И ЦИФРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

«Водоворот» держится на допущении, что дарвиновские процессы, формирующие жизнь в этом мире, равно применимы и к цифровому царству — что самореплицирующиеся программы могут быть буквально живыми, когда создаются условия для естественного отбора. Недавно это предположение получило подкрепление: термин «цифровые организмы» замелькал в весьма почтенных научных журналах^{3,4,5}, и теперь вы можете загрузить бесплатные приложения, которые позволят вам экспериментировать с эволюцией на своем рабочем столе⁶. Электронная жизнь сделала еще один шаг вперед — может быть, за ней идет экосистема Водоворота.

«Водоворот» расширил идею об Интернете как экосистеме до «согласованного суперорганизма», который использует в качестве репродуктивной стратегии миф о Мадонне Разрушения. За пять лет части этого сверхорганизма мутировали — при небольшой помощи друзей —

¹ Beljaars, A. 1992. The parameterization of the planetary boundary layer. Available at <http://www.ecmwf.int/>

² <http://www.spacecatlighting.com/marxgenerator01.htm>

³ Lenski, R. E. *et al.* 1999. Genome complexity, robustness and genetic interactions in digital organisms. *Nature* 400: 661–664.

⁴ Wilke, C. O. and C. Adami. 2002. The biology of digital organisms. *Trends Ecol Evol* 17: 528–532.

⁵ O'Neill, B. 2003. Digital evolution. *Public Library of Science Biology* 1: 11–14 or <http://www.plosbiology.org/plosonline/?request=get-document&doi=10.1371/journal.pbio.0000018>

⁶ <http://dllib.caltech.edu/avida/>

и превратились в шреддеров и «лени» из «Бетагемота». В экологическом понимании мы перешли от системы на пике формы к хилому и оскудевшему ландшафту с виртуальными крысами, чайками и кудзу — и виртуальная экология этого романа, соответственно, отражает динамику видов-паразитов, распространенных в экосистемах реального мира.

Обычно на взрыв популяции нежелательных видов насекомых люди реагируют вываливая груды пестицидов. Вредители в ответ обычно: а) вырабатывают сопротивляемость и б) повышают скорость размножения, чтобы компенсировать возросшую смертность. Когда это случается, человеческие «менеджеры» уже не могут прекратить борьбу, потому что подтолкнули вредителей к хроническому заражению: едва мы прекратим распылять пестициды, их возросшая скорость размножения приведет к катастрофическому взрыву популяции. Именно это произошло в 70—80-х годах при заражении листоверткой североамериканского побережья¹. Я подозреваю, что история рискует повториться с нынешним нашествием короеда.

Не нужно докторской степени, чтобы увидеть параллель в динамике соотношения экзорцистов — шреддеров в Североамериканской сети. Лени Кларк не обучалась экологии, у нее были свои болезненные причины для каждого шага. Ирония в том, что эти шаги оказались самыми подходящими для чисто экологического тупика. Пик и спад численности видов вредителей сменяются циклически, если их оставить в покое; если же вы загнали их во взрывной рост, пожалуй, единственный способ восстановить естественное равновесие — это убрать ногу

¹ Только если вы захотите поискать источники по проблеме, считайте, вам не повезло — я просто воспроизвожу то, что запомнил из курса теоретической экологии в Университете Гвельфа.

с тормозов, стиснуть зубы и терпеть, пока система не стабилизируется.

Если, конечно, дождетесь.

ПРЕДСКАЗАНИЯ ПРОШЛОГО

Умный гель. Зельц. Нейронные пудинги, использованные корпами против рифтеров в первой половине этой книги и сыгравшие значительную роль в предыдущих, существуют в реальной жизни. Нейроны, культивированные из крысиного мозга, теперь дистанционно управляют роботами в лаборатории неподалеку от вас¹ (49).

Как я зол! Я думал, пройдут годы, пока эта идея меня догонит.

¹ Eisenberg, A. 2003. Wired to the brain of a rat, a robot takes on the world. *The New York Times*, May 15, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕТА-ПРЕЛЮДИЯ: ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ	7

БЕТА-МАКС

Контратака	15
Итерации Шивы	28
Внешняя группа	31
Сходка	45
Зомби	53
Портрет садиста в детстве	64
Доверительный интервал	67
Кавалерия	76
Возмездие	85
Портрет садиста в отрочестве	90
Дом больного	96
Шаблон	103
Портрет садиста в юности	111
Пожарные учения	118
Семейные ценности	122
Портрет садиста на свободе	132
Исповедь	140
Вербовка	156
Портрет садиста в команде	166
Автомеханика	179
Могильщики	189
Стриптиз	195
Фронтир	202
Подготовительные работы	205
Бомбиль	211
Итерации гончей	224
Без греха	230
Крещение	252
Метка	259
Точка опоры	275
Входящие	281

СЕПУКУ

Дюна	287
Соловей	303
Защитная оболочка	318
Геенна	324
Тригонометрия спасения	339
Перемещение	351
Карма	361
Укрощение	372
Звездочет	387
Спящий	397
Принцип простоты	412
Загон	418
Перебежчик	423
Сбой	433
Мастерство охоты	439
Исправительное обучение	445
Вывод из обихода	449
Параноик	459
Матрешка	466
Базовая проводка	475
Сплайсинг	481
Итерации Гамильтона	491
Тумблер	495
Блохи	504
Огнедышащие	509
Оплата натурой	520
Срок годности	534
Бастилия	540
Эмпат	564
ЭПИЛОГ: СИНГУЛЯРНАЯ МАТРИЦА ГЕССЕ	585
 БЛАГОДАРНОСТИ	 586
ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	589

Литературно-художественное издание

+16

Питер Уоттс
БЕТАГЕМОТ

Ведущий редактор *Н. Кудрявцев*
Редакторы *В. Женеvский, Н. Кудрявцев*
Художественный редактор *Ю. Межова*
Технический редактор *В. Беляева*
Компьютерная верстка *А. Положенцев*
Корректор *В. Леснова*

Подписано в печать 19.01.2015. Формат 84×108 1/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.

Тираж 2000 экз. Заказ 825

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ,
ПРЕМИЯ ЯНУША ЗАЙДРАЯ, ПРЕМИЯ SKINKS И ДРУГИЕ

ЯЦЕК ДУКАЙ ИНЫЕ ПЕСНИ

МИР ПЯТИ ЭЛЕМЕНТОВ ПОД ВЛАСТЬЮ ФОРМЫ
В СКАЗАНИИ О СИЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА
И О ТОМ, ЧТО НЕВОЗМОЖНО ОПИСАТЬ

Иероним Бербелек слыл некогда великим полководцем. Однако во время осады города был сломлен и едва не лишился собственной личности и воли к жизни. Может быть, теперь, снова встретившись со своими взрослеющими детьми, которых он не видел многие годы, он сможет обрести себя прежнего — в походе в Африку, страну золотых городов и бесформенных тварей, в сердце Черного Континента, где по воле чуждого сознания рождаются отвратительные чудеса и ужасающая красота...

«Иные песни» можно читать многими способами: как приключенческий роман, фэнтези, научную фантастику или философский трактат. В каждом случае это окажется удивительное и притягательное чтение, где автор вместе с читателем будет искать ответы на вопросы: можно ли познать иное, что лучше — силой навязать неизвестному собственную форму либо уступить и измениться самому?

ПРЕМИЯ БРИТАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

КЕН МАКЛАУД

НОЧНЫЕ ПРОПОВЕДИ

Номинант на Hugo, Nebula, Locus,
премию Артура Кларка

Шотландия, недалекое будущее. После войн на Ближнем Востоке, битвы при Армагеддоне и Потопа, атомной бомбардировки Иерусалима и Лос-Анджелеса пришла пора Великого Отчуждения. Первое Просвещение отделило церковь от государства. Второе Просвещение отделило религию от политики. В этом мире функционируют два космических лифта, на орбите добывают энергию, а боевые роботы с высокоразвитым искусственным интеллектом после конверсии пытаются приспособиться к мирной жизни. В этом мире верующие — маргинальное и вызывающее недоверие меньшинство, и теперь кто-то начал за ними охоту. Поначалу детектив-инспектор Адам Фергюсон решает, что виновников надо искать среди групп воинствующих атеистов, оставшихся после Войн за Веру, но когда круг подозреваемых и жертв начинает расширяться, становится ясно, что убийства священников — лишь верхушка айсберга, и, возможно, на кону стоит судьба всего мира.

МЕМОРИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ ДЖОНА КЭМПБЕЛЛА,
НОМИНАНТ ПРЕМИИ «LOCUS»

ПИТЕР УОТТС

ВОДОВорот

от автора романа «Ложная слепота»,
обладателя премии «Hugo»

Западное побережье Северной Америки лежит в руинах. Огромное цунами уничтожило миллионы человек, а те, кто уцелел, пострадали от землетрясения. В общем хаосе поначалу мало кто обращает внимание на странную эпидемию,

поразившую растительность вдоль берега, и на неожиданно возникший среди беженцев культ Мадонны Разрушения, восставшей после катастрофы из морских глубин. А в диких цифровых джунглях, которые некогда называли Интернетом, что-то огромное и чуждое всему человеческому строит планы на нее, женщину с пустыми белыми глазами и имплантатами в теле. Женщину, которой движет только ярость;

женщину, которая несет с собой конец света.

Ее зовут Лени Кларк. Она не умерла, несмотря на старания ее работодателей.

Теперь пришло время мстить, и по счетам заплатят все...

АВТОР — ЛАУРЕАТ ПРЕМИЙ «HUGO», «LOCUS»,
МЕМОРИАЛЬНОЙ ПРЕМИИ ДЖОНА КЭМБЕЛЛА

ГРЕГ ИГАН

ОТЧАЯНИЕ

*«Блестяще. Фантастическая книга, расширяющая
интеллектуальные горизонты читателя...
Наслаждайтесь. Такие тексты появляются редко»*
Starburst

2055 год. Мир, в котором мертвецы могут давать показания, журналисты превращают себя в живые камеры, генетические разработки спасают миллионы от голода, но обрекают целые государства на рабское существование, а люди, бегущие от цивилизации, способны создать свой собственный остров — анархическую утопию под название Безгосударство — таково место действия романа «Отчаяние».

После долгих съемок спекулятивно-чернушных документальных фильмов о науке для канала ЗРИнет репортер Эндрю Уорт чувствует себя полностью измотанным. Настолько измотанным, что добровольно отказывается от потенциальной сенсации — съемок фильма о новом загадочном психическом заболевании под названием Отчаяние. Вместо этого он берется за менее престижную работу — материал о гениальной женщине-физике Вайолет Мосале. Мосала получила Нобелевскую в 25 лет и вот-вот огласит свою версию теории всего, пытающейся свести воедино все прочие существующие научные теории. Уорт еще не знает, что за Мосалой ведет охоту некая таинственная и влиятельная секта и что, возможно, созданная ею теория способна уничтожить привычный миропорядок. Задание, за которое Уорт взялся для разрядки, внезапно перестает казаться таким уж легким...

Напряженное, мощное и прекрасно написанное завершение трилогии «Рифтеры», похожее на полный адреналина сплав «Большой глубины» Артура Кларка и «Нейроманта» Уильяма Гибсона. Сама же трилогия — это важное и значительное произведение в жанре научной фантастики начала XXI века.

Publisher's Weekly

«Бетагемот» — наиболее увлекательная и продуманная книга трилогии «Рифтеры».

Полный фирменного «черного» юмора Уоттса и захватывающих, хотя порой и ужасающих картин будущего, «Бетагемот» закрывает один из самых сложных, но интересных циклов, который мне довелось прочесть за последние десять лет.

Грэм Слейт, The NY Review of Science Fiction

В этой книге есть множество зримых и ярких визуальных образов, описанных музыкальным, поэтичным языком. Но в «Бетагемоте» Уоттс к тому же показывает себя мастером по созданию захватывающего, изощренного экшена, разворачивая динамические сцены с искусностью опытного хореографа.

Пол ди Филиппо, Science Fiction Weekly

СНЫ РАЗУМА

Спустя пять лет после событий «Водоворота» корпоративная элита Северной Америки скрывается от хаоса и эпидемий на глубоководной станции «Атлантида», где прежним хозяевам жизни приходится обитать бок о бок с рифтерами, людьми, адаптированными для жизни на больших глубинах. Бывшие враги объединились в страхе перед внешним миром, но тот не забыл о них и жаждет призвать всех к ответу. Жители станции еще не знают, что их перемирие друг с другом может обернуться полномасштабной войной, что микроб, уничтожающий все живое на поверхности Земли, изменился и стал еще смертоноснее, а на суше власть теперь принадлежит настоящим монстрам, как реальным, так и виртуальным, и один из них, кажется, нашел «Атлантиду». Но посреди ужаса и анархии появляется надежда — лекарство, способное излечить не только людей, но и всю биосферу Земли. Вот только не окажется ли оно страшнее любой болезни?

Монументальное завершение «Рифтеров», одного из самых увлекательных, непредсказуемых и провокационных научно-фантастических циклов начала XXI века.

ISBN 978-5-17-087255-8

WWW.ASTREL.RU

АСТРЕЛЬ СПб

www.astrel-spb.ru